Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего

образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Оренбургский институт (филиал)

Студенческое научное общество

Оренбургское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

(к 95-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и 85-летию Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА))

Материалы XXXII ежегодной Всероссийской

студенческой научной конференции с международным участием

Оренбург 2026

УДК 340.1
ББК 67.0 (2)
А 43

А43 Актуальные вопросы развития государственности и правовой системы в современной России (к 95-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и 85-летию Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина): материалы XXXII ежегодной Всероссийской студенческой научной конференции с международным участием / Отв. ред. И.В. Жеребятьев - Оренбург: Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2026. – 872 с.

Сборник содержит материалы XXXII ежегодной Всероссийской студенческой научной конференции с международным участием «Актуальные вопросы развития государственности и правовой системы в современной России» (к 95-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и 85-летию Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина)

© Оренбургский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» 2026

Оглавление

Секция 1. Территория права: исторический путь России……..... 4
Секции 2а, 2б. Навстречу будущему: уроки прошлого в развитии современного государства и права……..... 63
Секция 3. Государство и право: единство традиций и инноваций…….. 123
Секция 4. Современное правоприменение в уголовном праве: проблемы, пути преодоления…….. 162
Секция 5. Уголовный процесс: практика и инновации……..... 199
Секция 6. Криминалистика в условиях развития цифровых технологий…… 247
Секция 7. Цивилистический процесс: история и современность…… 302
Секция 8. Гражданское право……. 344
Секция 9. Семейное право…….. 407
Секция 10. Предпринимательское (хозяйственное) право: прошлое, настоящее, будущее……. 439
Секция 11. Экология и природопользование: актуальные вызовы и правовые решения…… 490
Секция 12. Трудовое право и право социального обеспечения: традиции и новые горизонты…….. 572
Секция 13. Медицинское право: защита прав граждан и медицинских работников в сфере охраны здоровья и оказания медицинской помощи……. 655
Секция 14. Трансформация финансового и налогового права в условиях цифровой экономики…….. 701
Секция 15. Конституционное право России: базовые концепты и практика…… 724
Секция 16. Административное право и процесс в системе публичной власти: традиции научной школы МГЮА и современные тенденции……. 769

КАФЕДРА ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Секция № 1. «Территория права: исторический путь России»

Военные трибуналы на железнодорожном транспорте в годы Великой Отечественной войны: опыт решения проблем кадрового обеспечения

Дедушева Мария Сергеевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Настоящая работа посвящена историческому анализу деятельности военных трибуналов на железнодорожном транспорте (далее - ВТТ ж/д) в период с 1941 по 1945 годы. В статье рассматриваются ключевые аспекты работы ВТТ ж/д и кадровые проблемы в становлении советских специальных судебных органов. Делается вывод о роли ВТТ в соблюдении принципов социалистической законности и обеспечении общественного правопорядка на транспорте в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: военный транспортный трибунал, транспортный суд, железнодорожный транспорт, кадровое обеспечение военных трибуналов.

С первого дня нападения Гитлеровской Германии на Советский союз Президиумом Верховного Совета СССР 22 июня 1941 года было утверждено Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий. Транспортные суды, находившиеся на территории, объявленной на военном положении, были преобразованы в военные трибуналы. А с 15 апреля 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР «О введении военного положения на всех железных дорогах» транспортные железнодорожные суды были преобразованы в Военные трибуналы железнодорожного транспорта на всей территории СССР. По архивным данным, в начале января 1943 года их насчитывалось 76[1].

[1] Органы специальной юстиции СССР в 1930-1950-е годы: коллективная монография / А.Я.

Как и все советские специальные судебные органы, военные транспортные трибуналы не имели чётко определённой компетенции. Их деятельность опиралась на секретные приказы и инструкции, касавшиеся судопроизводства по «наиболее актуальным» для государства преступлениям. Информация по таким делам либо до сих пор засекречена, либо была уничтожена ещё в начале 1940-х годов. В условиях военного времени эти суды обладали большими полномочиями. Им предоставлялось право рассматривать дела в составе трех постоянных судей по истечении 24 часов после вручения обвинительного заключения. Приговоры военных трибуналов кассационному обжалованию не подлежали и могли быть отменены лишь в порядке надзора. Это существенно упрощало судопроизводство за счет секвестирования прав подсудимых. Функции надзорной инстанции выполняла Военно-железнодорожная коллегия Верховного Суда СССР.

В большинстве случаев Военные трибуналы рассматривали дела о преступлениях, которые были направлены против обороны, общественного порядка и государственной безопасности в районах, объявленных на военном положении и на железных дорогах. К суду военных трибуналов привлекались и гражданские лица по делам о государственных преступлениях, хищениях социалистической собственности, разбоях, грабежах, умышленных убийствах, побегах из мест заключения, сопротивлении представителям власти, уклонении от службы в армии, незаконном хранении оружия.

В 1942 году в военно-транспортные трибуналы поступило 53634 дела: к политическим относились 7,5%.; к «техническим» (нарушения правил эксплуатации, в том числе крушения и аварии) – 6,8%; к хищениям – 14,7%; к «дисциплинарным» преступлениям работников транспорта, переведенных в разряд военнослужащих – 49,31%. В то же время в военные трибуналы и линейные суды водного транспорта поступило гораздо меньше дел – 17643. Из них к политическим и воинским относились 5,1%.; к «техническим» – 5,1%; хищениям – 12,5%; «дисциплинарным» и «должностным» (к примеру, простои

Кодинцев, Д.Н. Шкаревский, В.В. Яноши. Сургут: Издательский центр СурГУ, 2016. С. 66.

судов) – 67,3%; остальные – 10%. По сравнению с 1941-м годом резко выросло число хищений (в 5 раз; с 401 до 2068) и «должностных» преступлений (с 319 до 552)[2].

Следовательно, доля политических дел (в основном секретных), рассматривавшихся ВТТ ж/д, была небольшой. В основном трибуналам приходилось заниматься фактами нарушений правил эксплуатации техники или трудовой дисциплины, предусматривавших уголовную ответственность. При этом дел о политических преступлениях ВТТ железных дорог рассматривали гораздо больше, чем, например, ВТТ водного транспорта.

Положение на фронте и в тылу становилось все тяжелее, поэтому согласно приказу Наркомата юстиции СССР № 1 от 5 июля 1942 года полномочия транспортных спецорганов были расширены: им разрешили рассматривать дела, которые до этого относились к компетенции войск Народного комиссариата внутренних дел (далее ‑ НКВД) и военных трибуналов Вооружённых сил.

По закрытым делам ВТТ применялись меры наказания, отсутствовавшие даже в Уголовном кодексе РСФСР. К примеру, на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» применяли такой вид наказания, как каторжные работы. Всего за годы войны транспортные трибуналы к этой неординарной мере приговорили более 700 человек (3 % от всех осуждённых ВТТ)[3].

В 1943 году «при значительном сокращении общего количества преступлений… на железнодорожном транспорте увеличивается удельный вес

---

[2] См.: Шкаревский Д.Н. Военные транспортные трибуналы в 1941-1943 гг. // Военно-исторический журнал. 2015. № 12. С. 28.

[3] См.: Асташкин Д. Советский Нюрнберг: как судили военных преступников в СССР / Д. Асташкин. - (Научная библиотека Родины). - Текст: непосредственный // Родина. 2015. № 12. С. 98-101.

дезертирства. В мае 1943 года оно составило 44,8% всех преступлений… В сентябре 1943 года – 60%…»[4].

Таким образом, создание ВТТ и их деятельность имели важное значение для обеспечения общественного правопорядка на транспорте в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны, однако перевод работников транспорта в положение военнообязанного, тяжелая и опасная служба в военное время были причиной того, что количество желающих уклониться от нее резко увеличилось. В итоге судьи даже вынуждены были смягчать наказания железнодорожникам за дисциплинарные преступления. В противном случае, транспорт столкнулся бы с дефицитом опытных специалистов-«добровольцев».

Военные трибуналы в короткие сроки значительно укрепили свои позиции, одновременно расширяя кадровый потенциал. В соответствии с Директивой Управления военных трибуналов от 16 января 1942 года № 096 была проведена масштабная работа по оценке личного состава. Ее целью являлось выявление военно-юридических работников, проявивших себя в боевых условиях и заслуживающих поощрения, а также включения в резерв для последующего назначения на более ответственные должности. Одновременно осуществлялось выявление сотрудников, не оправдавших оказанного доверия и подлежащих исключению из системы военных трибуналов.

Характеристики на судей включали широкий круг показателей: уровень политической подготовки и участие в общественно-политической деятельности, способность выступать с докладами и проводить беседы; профессиональную юридическую подготовку, включая навыки составления процессуальных документов (протоколов, приговоров и др.); умение организовывать и проводить судебные процессы среди военнослужащих, а также мобилизовывать аудиторию вокруг принимаемых решений. Кроме того, учитывались количественные показатели – число проведенных выступлений, участие в публикациях и иных формах агитационной работы.

---

[4] Шкаревский Д.Н. Указ. соч. С. 29.

К 1943 году обострилась проблема с кадрами и в самих спецорганах. ВТТ испытывали серьёзные кадровые проблемы, нуждаясь в квалифицированных специалистах-судьях и рядовых сотрудниках[5].

Таким образом, начатая в годы войны работа по всестороннему изучению и оценке новых сотрудников судебной системы была направлена на формирование кадрового резерва, необходимого для функционирования судебных органов в послевоенный период восстановления страны. Вместе с тем военная обстановка требовала постоянной мобилизации мужского населения. В июле 1942 года руководству военных трибуналов было предписано заменить мужчин, занимавших должности секретарей в трибуналах дивизий и бригад, женщинами. В дальнейшем практически все мужчины из числа сотрудников аппарата военных судов, способные к военной службе, были направлены на фронт.

В эти сложные для страны годы Великой Отечественной войны предпринимались все усилия, направленные на обучение сотрудников военных трибуналов и повышение их профессионального уровня. Разосланные в 1942 году в военные трибуналы брошюры содержали 27 адресов действующих юридических школ. Действовало Постановление Совнаркома от 2 октября 1940 года № 1860 об обеспечении слушателей юридических школ стипендиями в размере 200 рублей в месяц[6].

В стационарных юридических институтах устанавливался трехлетний срок обучения, исключая Всесоюзный юридический заочный институт (далее - ВЮЗИ) и вечерние отделения, где был установлен четырехлетний период обучения. Данный уровень получения юридического образования предполагал изучение 28 учебных дисциплин. В 1942 года учебный процесс осуществлялся в 7 юридических институтах и в 8 филиалах ВЮЗИ.

В институтах могли учиться граждане от 17 до 35 лет, причем в ВЮЗИ

---

[5] См.: Лузгина М.И. Кадровое обеспечение судебных органов в период Великой Отечественной войны // История: факты и символы. 2022. № 1. С. 3.

[6] См., например: Латышева Н.А. Военные трибуналы как форпост судебной системы СССР в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. 2010. № 9. С. 21.

прием осуществлялся без ограничения возраста[7]. В учебные заведения высшего звена принимались лица, имеющие законченное среднее образование: десятилетка, рабфак, техникум, училище, средняя школа для взрослых, средняя трехгодичная медицинская школа, военное училище[8]. Так, от платы за обучение освобождалась значительная часть студентов, им предоставлялся ежегодный десятидневный отпуск для сдачи текущих экзаменов, а для государственных экзаменов - 1 месяц[9].

Председателям трибуналов предписывалось обеспечивать своевременную подачу документов сотрудников для поступления в юридические вузы, а также контролировать ликвидацию академической задолженности у тех, кто уже проходил обучение. Кроме того, на них возлагалась обязанность по организации системного учёта и контроля процесса обучения вплоть до получения работниками высшего юридического образования.

Таким образом, получение образования и непрерывное профессиональное развитие рассматривались как обязательная государственная обязанность судей и сотрудников аппаратов военных трибуналов.

Судьи и сотрудники аппаратов военных трибуналов были обязаны не только обладать юридической подготовкой, но и осваивать основы военного дела.

Одновременно было налажено регулярное изучение Дисциплинарного устава Красной Армии с последующей проверкой знаний в форме зачетов, что способствовало повышению уровня военной подготовки работников трибуналов.

Деятельность трибуналов осуществлялась в сложных условиях войны,

---

[7] См.: Фёдорова А.В., Черняев В.С. Путь длиною в шестьдесят лет // История Оренбургского института Московской государственной юридической академии. Оренбург, 2001. С. 168.

[8] Постановление СНК СССР от 02.10.1940 № 1860 «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначения стипендий» // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР за 1940 г. № 16-32. — М., б. г. (437).

[9] Приказ Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР № 79 от 08.05.1942 О плане приема в вузы в 1942 году и мероприятиях по укреплению высших учебных заведений [Текст] // Каталог документов с 1831 по настоящее время — Москва: [б. и.], 1942. — 4 с.: 22 см.

они сыграли важную роль в обеспечении правопорядка и пресечении деятельности врага на стратегически важных объектах, внеся существенный вклад в Победу. И спустя десятилетия, оценка деятельности военных трибуналов заключается в признании огромного личного вклада каждого из судей и работников аппарата в приближение победной весны 1945 года.

Студенчество военной поры Чкаловского филиала ВЮЗИ: особенности поступления

Живакова Кристина Александровна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Работа составлена исключительно на основе изучения архивных материалов Оренбургского института (филиала) МГЮА. В статье анализируется приёмная кампания в Чкаловский филиал Всесоюзного Юридического Заочного Института (ВЮЗИ) в годы Великой Отечественной войны. Рассмотрены упрощённый порядок поступления, приём без документов и подтверждение личности через свидетельские показания, что позволило обеспечить подготовку юристов для послевоенного восстановления страны.

Ключевые слова: г. Чкалов, ВЮЗИ, Великая Отечественная война, эвакуация, приёмная кампания, вступительные испытания, утрата документов, свидетельские показания, заочное обучение, юридическое образование, адаптация системы высшего образования.

С началом Великой Отечественной войны западные регионы СССР оказались в зоне оккупации или под угрозой захвата. Миллионы людей были эвакуированы в тыловые города, одним из которых стал г. Чкалов (ныне г. Оренбург). Среди эвакуированных оказались государственные служащие, работники промышленности, сотрудники правоохранительных органов, а также те, кто ранее начал, но не смог завершить высшее образование.

Для многих из них поступление в Чкаловский филиал ВЮЗИ становилось не просто возможностью получить профессию, но и способом восстановить социальный статус, найти применение своим силам в новых условиях. Юридическое образование в военное время приобретало особое значение: стране требовались кадры для работы в судах, прокуратуре, следственных органах, в тыловых структурах, где вопросы законности приобретали критическую важность. Филиал стал центром притяжения для тех, кто,

оказавшись вдали от дома, стремился продолжить образование или начать его заново.

Процедура поступления начиналась с подачи личного заявления на имя директора филиала. В условиях военного времени форма заявления оставалась строгой, но сам процесс был максимально адаптирован к обстоятельствам. Заявления писались от руки, часто в условиях нехватки времени, между сменами на работе или в короткие часы затишья для тех, кто служил.

Анализ сохранившихся документов показывает, что заявления носили не формальный, а во многом личный характер. Абитуриенты указывали не только стандартные биографические данные, но и подробно излагали причины, побудившие их поступать, упоминали обстоятельства, связанные с войной: эвакуацию, потерю документов, прерывание предыдущего обучения из-за военных действий. Сами носители этих заявлений - уже исписанные с одной стороны тетрадные листы, или обрывки бумаги, где не оставалось ни одного свободного уголка - красноречиво отражали скудость военного быта и одновременно ту цену, которая давалась за каждое слово. Но даже в этих условиях сохранялась письменная фиксация волеизъявления поступающего, что подчёркивало уважение к процедуре приёма как к важному государственному акту.

Военная эпоха внесла коррективы в традиционный порядок вступительных испытаний. В полном соответствии с духом времени, когда каждый день имел значение для обороны страны, а многие абитуриенты уже имели практический опыт работы или службы, требования к вступительным экзаменам были смягчены.

В ряде случаев (наличие полного среднего, среднего специального или незаконченного высшего образования) экзамены отменялись вовсе. Решение о зачислении могло приниматься на основе предоставленных документов о предыдущем образовании и характеристик с мест работы или службы. Такая мера позволяла оперативно зачислять мотивированных кандидатов, особенно тех, кто уже имел выслугу лет или опыт административной работы. В других

случаях экзамены проводились, но их формат был упрощён: акцент делался не на академическую подготовку в полном объёме, а на общую грамотность, понимание базовых политических и правовых реалий, а также на готовность к освоению юридических дисциплин в заочной форме.

Несмотря на упрощения, для некоторых категорий поступающих вступительные экзамены сохранялись. Это касалось, прежде всего, тех, у кого отсутствовал полный комплект документов об образовании, либо чьё предыдущее обучение было признано недостаточным (неполное среднее образование) для зачисления без проверки знаний.

Экзамены принимались по основным дисциплинам, которые считались базовыми для будущего юриста: «Русский язык (грамотность письменной речи)», «Литература», «География» и «История народов СССР». Сохранившиеся экзаменационные ведомости показывают, что оценки варьировались: были как «отлично», так и «посредственно». Это свидетельствует о том, что даже в условиях войны институт стремился сохранить объективный отбор, хотя и с учётом специфики момента. Важно отметить, что экзамены проводились профессорами и доцентами, что соответствовало постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 1936 года, подчёркивавшему, что оценка знаний должна осуществляться только квалифицированными преподавателями.

Одной из самых сложных проблем военного времени стала массовая утрата документов. Эвакуация, бомбёжки, переход линии фронта, спешное оставление жилья — все это приводило к тому, что абитуриенты зачастую не имели при себе ни аттестатов, ни паспортов, ни иных подтверждающих личность бумаг.

Чкаловский филиал ВЮЗИ, как и другие учебные заведения в тылу, был вынужден вырабатывать особые подходы к таким случаям. Институт шёл навстречу поступающим: заявления о приёме рассматривались даже при отсутствии полного пакета документов. В личных делах студентов того времени нередко встречаются отметки о том, что документы «не сохранились в

связи с эвакуацией» или «утрачены во время военных действий». Это было официальным признанием форс-мажорных обстоятельств, и само по себе отсутствие бумаг не становилось автоматическим препятствием для поступления.

Поскольку официальные документы часто отсутствовали, институт активно использовал практику подтверждения личности и уровня образования через свидетельские показания. Эта мера, практически не применявшаяся в мирное время, в годы войны стала важным инструментом приёма.

Свидетелями могли выступать коллеги по работе, партийные или комсомольские руководители, а также другие лица, знавшие поступающего до войны и способные подтвердить факт его учёбы, работы и добросовестность. Сохранились письменные свидетельства, где несколько человек подписывались под тем, что данный гражданин действительно окончил определённое учебное заведение или работал в указанной должности. Такие свидетельства имели почти такую же силу, как и официальные справки, поскольку подкреплялись коллективной ответственностью и доверием к словам проверенных людей.

Важным условием поступления на заочное отделение была работа в юридических организациях. Для работающих абитуриентов важным каналом подтверждения их квалификации и добросовестности служили отделы кадров предприятий и учреждений. В условиях военного времени, когда каждый специалист был на счету, мнение руководства по месту работы имело большой вес. При поступлении такие студенты предоставляли не только заявление, но и характеристику с места работы, заверенную отделом кадров. В этих документах фиксировалась не только занимаемая должность и стаж, но и отношение к труду, дисциплинированность, партийная или комсомольская принадлежность. Для института это был важный сигнал: если человек ответственно трудится на оборону или в социальной сфере, то он с высокой вероятностью будет ответственно относиться и к учёбе. В ряде случаев именно рекомендация с работы служила основанием для зачисления без дополнительных экзаменов.

Отдельную категорию поступающих составляли должностные лица -

сотрудники прокуратуры, НКВД, советских органов, которые были эвакуированы вместе со своими учреждениями. Для них процедура поступления имела свою специфику.

Филиал направлял официальные запросы в те учреждения, где ранее работал абитуриент, даже если эти учреждения сами находились в эвакуации. Запросы касались подтверждения факта работы, занимаемой должности, а также, что важно, отсутствия компрометирующих материалов. В ответ на такие запросы приходили справки, которые становились основанием для зачисления. Эта практика подчёркивает, что даже в условиях войны институт сохранял систему проверки кадров, понимая, что юридическое образование получают те, кому в будущем предстоит работать с законом, соблюдать его и обеспечивать его исполнение.

Война существенно изменила возрастной портрет студенчества. В Чкаловском филиале ВЮЗИ за партами оказались люди, которые в мирное время вряд ли стали бы однокурсниками. С одной стороны, поступала молодёжь, родившаяся в начале 1920-х годов, чьё становление пришлось на предвоенные годы. С другой стороны, значительную часть составляли люди зрелого возраста - ровесники века, которым в 1944 - 1945 годах было уже за 40 и даже за 50 лет.

Это были люди с богатым жизненным опытом: участники Гражданской войны, те, кто строил промышленность в 1930-е годы, работники тыловых предприятий, эвакуированные специалисты. Их объединяло одно - осознанное желание получить юридическое образование, часто второе или незаконченное высшее. Возрастное разнообразие создавало особую учебную атмосферу, где опыт старших сочетался с энергией молодёжи, а мотивация к учёбе была подкреплена не просто дипломом, а пониманием важности юридической работы для послевоенного восстановления.

Заочная форма обучения, которую предлагал ВЮЗИ, была идеально адаптирована к реалиям военного времени. Подавляющее большинство студентов филиала были работающими людьми. Они трудились на

промышленных предприятиях, в органах власти, в системе народного образования, на железной дороге, в правоохранительных структурах. Учёба становилась второй, а зачастую и третьей нагрузкой после работы и семейных обязанностей в непростых бытовых условиях военного времени. Студенты совмещали невозможное: дневную смену на заводе или работу в школе с вечерним чтением юридической литературы, написанием контрольных работ при керосиновых лампах, если повезло иметь керосин в наличии. Эта практика была настолько массовой, что государство законодательно поддерживало таких студентов. Постановление СНК СССР от 12 декабря 1941 года № 333, упоминаемое в документах филиала, предоставляло студентам-заочникам право на учебные отпуска без сохранения содержания. Это позволяло им выезжать на сессии, не опасаясь потерять рабочее место.

Можно утверждать, что система приёма в Чкаловский филиал ВЮЗИ в годы Великой Отечественной войны представляла собой уникальный механизм, сочетавший гибкость, гуманизм и необходимую строгость. В условиях, когда страна теряла миллионы граждан, а потребность в квалифицированных юристах возрастала, институт сумел принять в свои стены широкие слои населения - от вчерашних фронтовиков до работников тыла, от юношей и девушек до людей зрелого возраста; создать систему, позволявшую учиться без отрыва от производства, что было критически важно для экономики военного времени; обеспечить юридически корректную процедуру зачисления даже при отсутствии документов, используя свидетельские показания и запросы в учреждения; сохранить академические стандарты, несмотря на смягчение вступительных барьеров: учёба велась по утверждённым программам, экзамены принимали квалифицированные профессора и доценты. Работа приёмной системы военной поры стала примером того, как высшая школа адаптировалась к экстремальным условиям, сохраняя главное - возможность учиться, получать знания и служить своей стране в самых трудных обстоятельствах. Этот опыт во многом определил послевоенное восстановление юридического образования и кадрового потенциала страны.

Проблемы становления Чкаловского филиала Всесоюзного юридического заочного института в годы Великой Отечественной войны (1941-1945)

Зоидова Джахоноро Шухратовна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье на основе архивных документов исследуется процесс становления Чкаловского филиала ВЮЗИ в суровых условиях 1941-1945 годов. Автор выявляет комплекс проблем, связанных с дефицитом ресурсов, управленческим кризисом и кадровой нестабильностью. Подробно рассматриваются пути преодоления кризиса управления и организации работы учебного заведения. Особое внимание уделено специфике организации заочного обучения. Опыт филиала отражает общие трудности функционирования высшей школы в военное время.

Ключевые слова: Чкаловский филиал ВЮЗИ, юридическое заочное образование, Великая Отечественная война, архивные документы, подготовка юридических кадров, органы юстиции и прокуратуры, учебно-методическая работа.

Великая Отечественная война стала суровым испытанием для всей системы советского высшего образования. Эвакуация учебных заведений вглубь страны, призыв преподавателей и студентов в действующую армию, разрушение материальной базы, острейший дефицит учебной литературы, методических пособий и финансовых ресурсов, – всё это создавало чрезвычайные трудности для функционирования вузов. Вместе с тем именно в военные годы особенно остро встала задача подготовки квалифицированных кадров для государственного аппарата, в том числе работников органов юстиции и прокуратуры.

Система заочного юридического образования в СССР имела к началу войны уже значительный опыт. Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ), созданный в 1931 году, к 1941 году располагал разветвлённой сетью

филиалов в крупнейших городах страны. Однако война потребовала как реорганизации существующих, так и создания новых учебных центров в тыловых регионах.

Чкаловский (Оренбургский) филиал ВЮЗИ был организован в условиях войны и должен был обеспечить подготовку юридических кадров для обширного региона, включавшего Чкаловскую (Оренбургскую) область, часть Казахстана и Поволжья. Архивные материалы фонда Р-1937, хранящиеся в Объединенном государственном архиве Оренбургской области, позволяют реконструировать историю создания филиала, выявить комплекс проблем, с которыми столкнулось его руководство, и проследить динамику развития учебного заведения в 1941-1945 годах.

Весна 1943 года стала весьма сложным периодом в истории молодого Чкаловского филиала. Материально-техническая база Чкаловского филиала ВЮЗИ была крайне слабой. Даже в послевоенный период филиал не имел собственного здания, арендуя аудитории для сессий у местных училищ. Канцелярия совмещалась со складом книг, так как отдельное помещение для библиотеки отсутствовало[1]. Остроту дефицита материально-технических средств подчеркивает переписка 1943 года: филиал не имел даже пишущей машинки, которую по распоряжению замнаркома юстиции СССР пришлось взять из распоряжения областного управления юстиции[2].

Важная проблема в постановке образования в условиях Великой Отечественной войны, которую можно выделить – это проблема катастрофического дефицита учебной литературы. Ресурсы центрального ВЮЗИ были крайне ограничены (всего 15-20 экземпляров учебников по отдельным дисциплинам на весь московский ВУЗ), что вынуждало вводить систему коллективного пользования: учебники выдавались под ответственность старост на целые группы[3]. Решением проблемы стало формирование фонда

---

[1] Объединенный государственный архив Оренбургской области (далее - ОГАОО). Ф. Р-1937. ОП. 1. Д. 27. Л. 2.
[2] ОГАОО. Ф. Р-1937. ОП. 1. Д. 6. Л. 54.
[3] Там же. Д. 6. Л. 59.

библиотеки за счет изъятия литературы из фондов местных органов юстиции, суда и прокуратуры по специальному постановлению Совета ВЮЗИ[4].

Одной из наиболее острых проблем, детерминированных условиями военного времени, стал критический дефицит квалифицированных научно-педагогических кадров. Москва могла выделить лишь единичных специалистов (например, по уголовному праву), рекомендуя искать остальные кадры на месте. Это приводило к колоссальной нагрузке на преподавателей: так, профессор Михайлов Георгий Семенович вел одновременно четыре фундаментальные дисциплины. Даже к 1949-1950 учебному году проблема не была решена полностью – оставались вакантными должности преподавателей международного и римского права[5]. Источником кадров были практические работники, а для чтения лекций предлагалось привлечение преподавателей смежных вузов (медицинского, финансового, педагогического, аграрного и др.)[6].

Финансово-материальное положение Чкаловского филиала в 1943 году характеризовалось крайним дефицитом ресурсов. Бюджет (6000 рублей на квартал) едва покрывал зарплату нескольких совместителей, а нехватка бумаги вынуждала руководство ВЮЗИ просить ведомства (прокуратуру и юстицию) о снабжении материалами для печати пособий[7].

Серьёзной проблемой было отсутствие связи между кафедрами ВЮЗИ и преподавателями филиалов, также ситуация осложнялась нехваткой учебных программ (как в военное, так и в послевоенные годы), из-за чего преподаватели работали без утверждения методических планов[8].

Особое место в ряду организационных сложностей заочного юридического образования Чкаловского филиала ВЮЗИ в 1943 году занимала система обеспечения своевременной сдачи контрольных работ, работавшая со сбоями из-за задержек и небрежного рецензирования. Для Чкаловского филиала

[4] ОГАОО. Ф. Р-1937. ОП. 1. Д. 6. Л. 10 об.
[5] Там же. Д. 6. Л. 58.
[6] Там же. Д. 6. Л. 87.
[7] Там же. Д. 6. Л. 59.
[8] ОГАОО. Ф. Р-1937. ОП. 1. Д. 10. Л. 45.

это было важно, так как для студентов-заочников, проживавших в отдаленных местностях, такая форма контроля была иногда единственным способом организации контроля по усвоению материала. Руководство ВЮЗИ установило кратчайшие сроки (проверка за 5-6 дней), так как существовало правило: нет контрольных – нет допуска к экзаменам. Чкаловский филиал был поставлен под строгий отчетный контроль, требующий строгого учета движения каждой студенческой работы[9].

Трудности организации образования в условиях тотального дефицита отчасти отражает официальное письмо директора ВЮЗИ профессора Ф.И. Кожевникова и заместителя директора доцента В.А. Рясенцева директору Чкаловского филиала П.П. Косцову, которое начиналось с резкой критики за системное невыполнение заданий по ежемесячной отчетности. Документ носил характер чрезвычайного предупреждения: задержка отчетности квалифицировалась как нарушение дисциплины. В условиях венного времени такой ультиматум означал для руководства филиала реальную угрозу снятия с должности[10].

Однако сравнительный анализ деятельности Чкаловского филиала с другими филиалами ВЮЗИ по состоянию на июль 1943 года показывает, что административные трудности носили повсеместный характер. В то время как ряд филиалов (Новосибирский, Ашхабадский и др.) подвергались взысканиям за срыв отчетности, Чкаловский филиал под руководством П.П. Косцова к этому времени уже стабилизировал работу и вошел в число «аккуратно работающих». Это свидетельствует о том, что кризис управления весной 1943 года был успешно преодолен, а проблемы филиала не были уникальными - они отражали общие сложности организации высшего образования в условиях войны[11].

Дополнительную сложность создавала нестабильная кадровая ситуация в филиалах ВЮЗИ, которая обострялась незаконным смещением директоров.

---

[9] ОГАОО. Ф. Р-1937. ОП. 1. Д. 6. Л. 4.
[10] Там же. Д. 6. Л. 1.
[11] Там же. Д. 6. Л. 17.

Приказ Наркома юстиции СССР от февраля 1943 г. Запретил руководителям региональных управлений НКЮ менять директоров филиалов без согласования с г. Москвой (директором ВЮЗИ)[12].

Несмотря на это, образовательный процесс сохранял строгую структуру: успешно работали очные группы в г. Чкалове, проводились установочные сессии для первокурсников и государственные экзамены для выпускников. Проблема низкой явки студентов решалась путем индивидуальной переписки, вызовов и административного давления на руководителей (суды и прокуратуру) для предоставления их сотрудникам–студентам Чкаловского филиала ВЮЗИ сессионных отпусков[13].

Таким образом, анализ архивных документов фонда Р-1937 позволяет сделать вывод о том, что создание Чкаловского филиала ВЮЗИ в годы Великой Отечественной войны происходило в исключительно сложных условиях и сопровождалось целым комплексом проблем организационного, кадрового, материально-технического и учебно-методического характера. Первый годы работы филиала (1941/1942; 1942/1943 годы) характеризовался серьёзным кризисом, выразившимся в систематическом невыполнении заданий центральной дирекции, низкой успеваемости студентов и массовом отсеве. Однако благодаря энергичному руководству директора Петра Прокофьевича Косцова, самоотверженной работе преподавательского коллектива, организационным действиям и строгому контролю ВЮЗИ, а также содействию местных органов юстиции и прокуратуры, филиалу удалось за короткий срок преодолеть кризис и к 1944/1945 учебному году добиться стабильных результатов.

[12] ОГАОО. Ф. Р-1937. ОП. 1. Д. 6. Л. 44.
[13] ОГАОО. Ф. Р-1937. ОП. 1. Д. 21. Л. 147.

Преобразование российского государства в конституционных проектах декабристов

Крюков Егор Андреевич,
студент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ФГБОУ ВО РАНХиГС), Ивановский филиал, г. Иваново

Смоляк Роман Геннадьевич,
студент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ФГБОУ ВО РАНХиГС), Ивановский филиал, г. Иваново

Аннотация: В статье анализируются конституционные проекты декабристов (Н. Муравьева, П. Пестеля и С. Трубецкого) как целостная программа буржуазно-демократических преобразований в России. Рассматриваются ключевые положения проектов, включая принцип народного суверенитета, отмену крепостного права и сословного строя, провозглашение основных прав и свобод. Исследуются экономические основы предлагаемых преобразований, такие как неприкосновенность частной собственности, свобода предпринимательства и др. Показано, что предлагаемые преобразования осуществлялись в духе конституционных идей передовых западных государств того времени и были направлены на создание правовых основ для развития рыночных отношений.

Ключевые слова: декабристы, конституционные проекты, капитализм, гражданские свободы, частная собственность, крепостное право.

Конституционные проекты декабристов занимают особое место в истории российской правовой мысли. Анализ конституционных проектов лидеров Северного и Южного обществ – Н. Муравьева, П. Пестеля, а также «Манифеста» С. Трубецкого – позволяет утверждать, что их целью было установление в России буржуазно-демократического строя по образцу западных государств. Ключевым принципом буржуазной государственности является народный суверенитет. Этот принцип был заявлен в конституционных

проектах декабристов. В «Конституции» Н. Муравьева, хранившейся в бумагах И.И. Пущина, в первых же статьях провозглашалось: «Русский народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства» и «Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя»[1]. П. Пестель в «Русской Правде» также исходил из того, что «Государство состоит из народа и правительства». Хотя он был сторонником более жесткой централизации, сама идея представительного правления оценивалась им как «великая мысль». Механизм реализации народовластия декабристы видели в создании выборных учреждений снизу доверху.

Эти положения перекликаются с ключевыми документами эпохи буржуазных революций. Например, 3-я статья Декларации прав и свобод человека и гражданина гласила, что «Источник суверенитета зиждется, по существу, в нации»[2]. Декабристы, воспитанные на идеях французских просветителей, переносили эти принципы на русскую почву.

Проекты декабристов пронизаны идеей нации как политической общности, приходящей на смену подданству. Н. Муравьев вводит понятие «русский народ» как совокупность свободных граждан. При этом он предлагает федеративное устройство, что было новым словом для унитарной российской империи. Однако его федерация мыслилась как союз свободных «держав», а не как возврат к удельной раздробленности. П. Пестель, напротив, был решительным противником федерации, считая, что для России, состоящей из «разнородных частей», она гибельна. Он утверждал: «Россия есть государство единое и неразделимое», отвергая «всякую мысль о федеративном для него устройстве, яко пагубнейший вред и величайшее зло»[3]. В этом споре

---

[1] Муравьев Н.М. Конституция Н.М. Муравьева / Н.М. Муравьев [Электронный ресурс] // НПП «Гарант-Сервис» (Конституция РФ): [сайт]. Гл. I, ст. 1, 2. — URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5400/#sub_para_№_31000 (дата обращения: 13.03.2026).

[2] Конституция Франции 03.09.1791 / [Электронный ресурс] // Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова: [сайт]. Ст. 3. — URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1791.htm (дата обращения: 17.03.2026).

[3] Пестель П.И. «Русская Правда» П.И. Пестеля / П.И. Пестель [Электронный ресурс] //

отразились два подхода к строительству национального государства: через союз или через унификацию. Оба, однако, предполагали формирование единого правового пространства и гражданской идентичности.

Буржуазно-демократические преобразования немыслимы без провозглашения и гарантий основных прав личности. Декабристы включили в свои проекты широкий набор прав, во многом, следуя Декларации прав человека и гражданина и американскому Биллю о правах. Принцип равенства перед законом и отмена сословий являлись краеугольным камнем проектов декабристов. Н. Муравьев указывал: «Все Русские равны пред законом»[4]. С. Трубецкой в своем манифесте требовал: «Равенство всех сословий перед законом» и предоставления «права всякому гражданину заниматься чем он хочет» независимо от происхождения».

Важным аспектом буржуазного права является провозглашение личной свободы и неприкосновенности. Наиболее ярко это проявилось в требовании отмены крепостного права. «Крепостное состояние и рабство отменяются», – гласила конституция Н. Муравьева. П. Пестель называл обладание людьми «делом постыдным, противным человечеству» и вменял Временному правлению священнейшую и непременнейшую его обязанность - уничтожение рабства»[5]. С. Трубецкой предусматривал «уничтожение права собственности, распространяющейся на людей»[6].

Не последнее место в проектах занимали гражданские свободы. Провозглашалась свобода слова и печати, цензура подлежала уничтожению. С. Трубецкой первым пунктом ставил «Свободное тиснение, и потому уничтожение цензуры»[7]. Н. Муравьев писал: «Всякий имеет право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оные посредством печати своим

Хронос (всемирная история в интернете): [сайт]. Гл. 1, § 4. — URL: https://hrono.ru/dokum/1800dok/1825pravda.php (дата обращения: 16.03.2026).

[4] Муравьев Н.М. Указ. соч. Гл. III, ст. 10.

[5] Пестель П.И. Указ. соч. Гл. 3, § 6.

[6] Трубецкой С.П. Указ. соч. П. 5.

[7] Трубецкой С.П. Указ. соч. П. 3.

соотечественникам»[8]. П. Пестель добавлял, что «Каждый гражданин имеет право писать и печатать все то, что он хочет, с тем только, чтобы его имя было на его сочинении выставлено», устанавливая ответственность автора перед судом, но не перед цензором»[9].

Программа декабристов, как типичный буржуазно-демократический проект, был нацелен на расчистку пути для капиталистического развития. Оба составителя конституционных проектов единодушно признавали частную собственность священной и неприкосновенной. Н. Муравьев прямо указывал, что «право собственности, заключающее в себе одне вещи священно и неприкосновенно»[10]. В Русской правде есть почти идентичный пункт: «Право собственности или обладания есть право священное и неприкосновенное»[11]. Даже в своем радикальном аграрном проекте, предполагавшем разделение земли на общественную и частную, П.И. Пестель исходил из незыблемости частной собственности на «вторую половину» земель.

Уничтожение сословий автоматически снимало преграды для занятия любым видом деятельности. Н. Муравьев провозглашал право каждого заниматься «тем промыслом, который ему покажется выгоднейшим: земледелием, скотоводством, охотою... торговлею и так далее»[12]. Он прямо указывал: «Существующие ныне гильдии и цехи в купечестве, ремеслах уничтожаются»[13]. Пестель в главе о купечестве развивал идею свободы промышленности, которая состоит вправе заниматься любым делом в любом месте без дополнительных разрешений[14]. С. Трубецкой детализировал, что дворянин, купец, мещанин и крестьянин все равно имеют право торговать, приобретать собственность, заключать договоры[15].

Центральным пунктом аграрных преобразований, призванных

---

[8] Муравьев Н.М. Указ. соч. Гл. III, ст. 14.
[9] Пестель П.И. Указ. соч. Гл. 5, § 18.
[10] Муравьев Н.М. Указ. соч. Гл. III, ст. 23.
[11] Пестель П.И. Указ. соч. Гл. 5, § 7.
[12] Муравьев Н.М. Указ. соч. Гл. III, ст. 16.
[13] Там же. Ст. 15.
[14] Пестель П.И. Указ. соч. Гл. 3, § 7.
[15] Трубецкой С.П. Указ. соч. П. 7.

ликвидировать феодальные порядки и установить капиталистический строй, была отмена крепостного права. В данном вопросе, как упоминалось выше, декабристы были единодушны. Однако наделение крестьян землей решалось по-разному. Н. Муравьев оставлял помещичьи земли за владельцами, а крестьяне получали лишь усадьбу и две десятины на двор, вступая с помещиками в договорные отношения. Это классический буржуазный вариант (освобождение без земли или с малым наделом) оставлял в руках помещиков ключевые экономические рычаги, но, тем не менее, давал крестьянам новые экономические возможности. П. Пестель предлагал более сложную схему: он делил земли волости на общественный фонд (для обеспечения всех необходимых) и частные владения. Общественная земля давалась в пользование нуждающимся, что должно было сочетать принципы частной собственности и социальной защиты[16]. Оба проекта, тем не менее, означали конец полной монополии дворян на землю.

Кроме того, декабристы планировали уничтожить такие институты, как рекрутчина и военные поселения[17], а также отменить подушную подать и монополии (на соль, вино), что способствовало бы развитию свободного рынка[18].

Для утверждения буржуазного правопорядка необходима была независимая и гласная судебная система. Проекты декабристов содержали все ее основные элементы: отделение суда от администрации, состязательность, гласность, независимость и несменяемость судей, введение суда присяжных. Н. Муравьев подробно описал судебную систему, начиная с совестных судей в уездах и заканчивая Верховным судилищем. «Суд его гласно и явно при открытых дверях», – говорилось о совестном судье»[19]. Участие присяжных предлагалось как в уголовных, так и в гражданских делах. С. Трубецкой предусматривал «гласность судов» и «введение присяжных в суды уголовные и

[16] Пестель П.И. Указ. соч. Гл. 4, § 10-11.
[17] Трубецкой С.П. Указ. соч. П. 10, 12.
[18] Там же. П. 9.
[19] Муравьев Н.М. Указ. соч. Гл. Внутреннее Образование Судной Власти и степени оной (о совестных судьях).

гражданские»[20]. П. Пестель категорически запрещал создание каких-либо чрезвычайных судов и требовал: «никто не может быть судим иным порядком, как обыкновенным законным судебным»[21].

Таким образом, конституционные проекты Н. Муравьева, П. Пестеля и «Манифест» С. Трубецкого представляют собой программу преобразования буржуазно-демократического характера. Они включали в себя все ключевые элементы, характерные для передовых государственных актов того времени: отмену абсолютизма и установление народного представительства, ликвидацию сословного строя и крепостничества, провозглашение неотчуждаемых прав и свобод, гарантию частной собственности и свободы предпринимательства, а также создание современной судебной системы.

Ориентируясь на опыт революционных преобразований в Европе и Америке, декабристы создали первый в России систематический проект перехода от феодализма к капитализму. Несмотря на то, что этим проектам не суждено было воплотиться в жизнь в 1825 году, они явились стимулом развития конституционной мысли в России. Декабризм стал «исходным пунктом мощного общественно-политического течения в России»[22], а созданные ими документы доказали, что российская политическая мысль начала XIX века развивалась в общем русле мирового конституционализма.

[20] Трубецкой С.П. Указ. соч. П. 14, 15.
[21] Пестель П.И. Указ. соч. Гл. 5, § 10.
[22] Мощелков Е.Н. Указ. соч. С. 2.

Законодательство о принципах организации государственной службы в Российской империи XVIII-XIX веков: основные этапы формирования

Лактионова Виктория Викторовна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Данная работа посвящена анализу законодательных актов XVIII – XIX веков. В работе выявляются основные принципы, на которых в этот период строилась государственная служба в Российской империи. Определяются этапы формирования основ государственной службы. Особое внимание уделяется влиянию сословного принципа на доступ к должностям и чинопроизводство. Делается вывод о значимости данного периода в организации российской бюрократии.

Ключевые слова: чиновник, институт государственной службы, дворянское звание, этические нормы, Табель о рангах, сословный принцип, Российская империя.

В условиях огромной территории, слабого развития коммуникаций и пестроты социального и национального состава населения в XVIII в., государственная служба выступала главным инструментом объединения управления империей. Она была не просто местом работы, а своего рода «становым хребтом» государства, обеспечивавшим реализацию верховной воли монарха на местах.

В период правления Петра I прослеживалась острая необходимость модернизации Российского государства, которая привела к радикальным реформам практически во всех сферах жизни страны, включая государственное управление. Именно при нем стала выделяться «подлинная культура бюрократического учреждения, административной инстанции», с его убеждением, что «последовательное исполнение «правильных» законов – ключ к общему благополучию и развитию страны, универсальная панацея от всех трудностей и неудач, которые происходят из-за небрежения законами и плохого

порядка»[1]. Преобразование административного аппарата происходило с «изменением внешнего вида служащих, соответствующего правилам этикета западного образца, так называемое «преображение умов посредством штанов и кафтанов (В.О. Ключевский)»[2]. Основными направлениями преобразований стали: централизация власти – усиление личной власти императора, ограничение полномочий Боярской Думы и патриарха; административная реформа – замена устаревших приказов новыми органами управления – коллегиями, организованными по шведскому образцу и специализирующимися на конкретных областях управления (военное дело, финансы, торговля и т. п.), повышение профессионализма и ответственности чиновников; регулярная армия и флот – создание постоянной вооруженной силы, способствующей увеличению числа военных чиновников и интенсификации работы административных органов. Особое внимание уделялось и привлечению иностранных специалистов, а также отправке русских молодых людей за границу для обучения новым знаниям и технологиям.

Первая половина XVIII столетия стала ключевым этапом в формировании российской бюрократической системы. Правовая основа статуса государственного служащего уже была заложена Генеральным регламентом (1720 года) и Табелью о рангах (1722 года). Законодательство установило жесткую иерархию из 14 классов, объединивших военную, статскую и придворную службы, при этом получение чина стало неразрывно связано с занятием конкретной должности, а не с личной привилегией. Так, принцип личной выслуги закреплялся особым положением Табели о рангах, в котором говорилось, что «выходцы из высших категорий дворянства не избавляются от службы, начиная ее снизу. Дети титулованных и знатнейших дворян, а также всех выслужившихся в высокие чины имеют доступ в общество и ко двору, но лишь «для знатной их породы или их отцов знатных чинов. Сами же они не получают и должны выслужить их: Однакож Мы для того никому никакого

[1] Анисимов Е.В. Время Петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989. С. 106-110.
[2] Жолобова Г.А., Бондарева П.С. История формирования этики государственных служащих в России IX-XX вв. // Труды Оренбургского института МГЮА. 2021. № 49. С. 19.

ранга не позволяем, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут и за оные характеры не получат: Знатное дворянство по годности считать»[3].

Коренной перелом наступил 18 февраля 1762 года с изданием Петром III Манифеста «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». Их освободили от обязательной 25-летней службы и предоставили право служить по своему желанию, выходить в отставку и даже выезжать за границу. Однако влияние этого акта на статус гражданских служащих было двойственным. Во-первых, произошел отток дворянских кадров. Дворянство, особенно среднее и мелкое, массово покидало службу, предпочитая жизнь в поместьях, а так как гражданская (статская) служба всегда считалась менее престижной, чем военная, дефицит образованных дворян-чиновников стал катастрофическим. Во-вторых, демократизация низового аппарата. Чтобы заполнить образовавшиеся вакансии, правительство было вынуждено легализовать доступ на службу выходцам из таких сословий как духовенство, купечество, мещанство и даже государственных крестьян.

Как отмечал Н.П. Ерошкин, именно с 1760-х годов начинается интенсивное проникновение разночинцев в аппарат управления. Для этих людей служба становилась единственным социальным лифтом и источником существования[4].

Таким образом, статус чиновника перестал быть исключительно дворянской монополией, хотя верхушка бюрократии по-прежнему комплектовалась из знати.

Наиболее значительный этап эволюции связан с реформами Екатерины II, по мнению которой, «все отрасли государственного управления, кроме политических, должны заключаться в провинциях»[5].

7 ноября 1775 года было издано «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи». Целью реформы было укрепление власти на местах

---

[3] Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 239.

[4] См.: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России: учеб. пособие для вузов. – 5-е идз., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2008. С. 106-126.

[5] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. С. 308.

путем разукрупнения территорий и создания разветвленной сети местных учреждений. Местные учреждения Екатерины основывались на самоуправлении, но не на земском, а исключительно сословном.

1. Произошло резкое увеличение губерний, в каждой из которой были созданы: губернское правление (наместники или генерал-губернаторы, правители наместничества или губернаторы), казенная палата, приказ общественного призрения, верхний земский суд, губернский магистрат и верхняя расправа. Губерния могла быть разделена на провинции, но по общему правилу делилась прямо на уезды (от 20 до 30 тысяч душ). В уездах учреждались нижние земские суды во главе с капитан-исправниками, что потребовало привлечения тысяч новых чиновников.

2. Была введена выборность местной администрации. Часть должностей, к примеру, заседатели судов, капитан-исправники, стали выборными от местного дворянства. С одной стороны, это усилило роль дворянства на местах, с другой - привязало их к исполнению государственных функций.

Законодательство 1760–1790-х годов составляли:

- Указ 1767 года о сроках выслуги, который окончательно закрепил разрыв между должностью и чином. Право на получение очередного классного чина давала не конкретная должность, а общая выслуга лет. Чин превратился в самоценную награду, которую можно было получить, даже не занимая соответствующей должности, что привело к быстрому росту числа «штаб-офицеров» (чинов 8–5 классов), не имевших реальных мест.

- Жалованная грамота дворянству 1785 года, которая подтвердила право дворян не служить и закрепила за ними исключительные привилегии при поступлении на службу: «Подтверждаем благородным, находящимся в службе, дозволение службу продолжать и от службы просить увольнения по сделанным на то правилам»[6]. Дворянин имел право на более быстрое чинопроизводство по сравнению с разночинцами. Одновременно им было дозволено «вступать в

[6] Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства от 21 апреля 1785 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1-е. Т. XXII. № 16187, п. 14.

службы прочих европейских или союзных держав и выезжать в чужие края»[7].

О привилегиях дворян можно судить уже исходя из самого определения «дворянского названия», которое «есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное»[8].

- Указы о сроках для недворян. В 1790 году был подтвержден и уточнен порядок, по которому выходцы из податных сословий должны были служить значительно дольше для получения чина, дающего дворянство (12–15 лет против 3–4 лет для потомственных дворян). Это была сознательная политика фильтрации, направленная на защиту дворянской корпорации от массового проникновения «подьяческих детей».

К началу XIX века российское законодательство о государственной службе представляло собой хаотичное нагромождение указов, регламентов и манифестов, накопившихся со времен Соборного уложения 1649 года.

Как справедливо отмечал А.А. Рожнов, практическое применение законов в империи было затруднено из-за отсутствия до 1832 г. кодифицированного законодательства. Разрозненные акты XVIII века – «Наказ» 1728 года, «Наставление губернаторам» 1764 года и «Учреждение для управления губерниями» 1775 года – не были согласованы между собой и подчас противоречили друг другу, что делало пространство полномочий начальника губернии «размытым и открытым для интерпретаций», давая простор для произвола.

Осознание необходимости наведения порядка в законодательстве пришло к императору Николаю I в первые годы его царствования. По свидетельству исследователей, император считал, что «стройная система законов» обеспечит порядок в управлении империей.

---

[7] Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства от 21 апреля 1785 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1-е. Т. XXII. № 16187, п. 19.

[8] Там же. П. 1.

Свод законов Российской империи 1832 г. впервые собрал воедино и систематизировал все правовые нормы, регулировавшие служебные отношения, придав им стройный и непротиворечивый характер. Важно уделить внимание тому, что Свод законов ввел три основных критерия для кандидата, желающего поступить на гражданскую службу – сословная принадлежность, образование и возраст.

Центральное место в кодификации служебного права занял Том третий Свода законов, который включал «Устав о службе по определению от правительства» (в некоторых источниках – «Уставы о службе гражданской»). Положения Свода законов «подробно и всесторонне регулировали деятельность гражданских служащих по определению от правительства, начиная от их поступления на службу и заканчивая пенсионным обеспечением после выхода в отставку». Был закреплен принцип выслуги лет, согласно которому ни один высокий чин нельзя было получить без аттестата об окончании гимназии; принцип бессрочной службы, который подразумевал под собой разветвленную систему поощрений и наказаний; обязательность присяги перед поступлением на службу, а также принцип власти.

Таким образом, систематизация законодательства о государственной службе в первой половине XIX века стала фундаментальным событием в истории российского государства, которая, стала основой четкого и организованного института государственной службы.

От классовой целесообразности к академическим стандартам: эволюция правового регулирования высшего (юридического) образования в СССР (1917-1945 гг.)

Суркова Яна Николаевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург.

Аннотация: В статье выявлены особенности правового регулирования высшего образования в СССР (1917-1945 годы) с акцентом на подготовку юридических кадров. На основе анализа нормативных актов и научной литературы выделены ключевые этапы: слом дореволюционной традиции, классовая политика приема (рабфаки, социальные квоты), восстановление академических стандартов в 1930-е годы, создание специализированных юридических институтов (ВЮЗИ) и мобилизационные меры в годы Великой Отечественной войны. Делается вывод о формировании к 1945 году централизованной системы высшей школы, сочетавшей идеологический контроль с академическими стандартами.

Ключевые слова: высшее образование, юридическое образование, правовое регулирование, классовая политика, ВЮЗИ, академические стандарты, Великая Отечественная война.

Период с 1917 по 1945 год стал временем глобальной трансформации отечественной системы высшего образования. За менее чем три десятилетия советская высшая школа прошла путь от полного отрицания дореволюционных академических традиций через «левацкие» эксперименты 1920-х годов к восстановлению жестких образовательных стандартов и созданию централизованной системы подготовки специалистов, включая юридические кадры. В основе этой эволюции лежало фундаментальное противоречие между классовым подходом к отбору студентов и необходимостью обеспечения высокого уровня профессиональной подготовки. Рассмотрим основные этапы данного процесса и его нормативно-правовое оформление.

Становление советской системы высшего образования в 1917-1920-е гг. характеризовалось радикальным разрывом с дореволюционной традицией. Декрет СНК РСФСР от 2 августа 1918 года «О приеме в высшие учебные заведения РСФСР» формально провозгласил общедоступность высшей школы, отменив вступительные экзамены и требования к образовательному цензу[1]. Согласно документу, каждый гражданин независимо от гражданства и пола, достигший 16 лет, получал право поступления в любой вуз, а плата за обучение отменялась. Декрет также отменял уже проведенный на основе конкурсных экзаменов прием на 1918/19 учебный год, демонстрируя решимость полностью перестроить систему. Однако на практике эта политика привела к резкому падению академического уровня. Отмена вступительных экзаменов и образовательного ценза, призванная обеспечить социальную справедливость, обернулась тем, что значительная часть абитуриентов, не имевшая базовой подготовки, оказывалась неспособна осваивать университетские программы.

В связи с этим потребовалось введение механизмов классового отбора, которые были закреплены в Постановлении СНК «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства»[2]. Этот документ установил, что при превышении числа желающих над количеством вакансий преимущество получают выходцы из пролетариата и беднейшего крестьянства, которым также предоставлялись стипендии. Таким образом, заложен дуализм, ставший характерной чертой первого послереволюционного десятилетия.

Разрешение противоречия между декларируемой доступностью и реальной неподготовленностью абитуриентов из рабочих и крестьян осуществлялось через создание рабочих факультетов (рабфаков) и внедрение системы классовых квот. Рабфаки стали основным институтом, обеспечивавшим реализацию принципа классового отбора без полного отказа

[1] Декрет СНК РСФСР от 02.08.1918 «О приеме в высшие учебные заведения РСФСР» // СУ РСФСР. 1918. № 57. Ст. 626.

[2] Постановление СНК РСФСР от 02.08.1918 «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства» // СУ РСФСР. 1918. № 57. Ст. 627.

от академических требований: эти подготовительные отделения при вузах позволяли выходцам из социальных низов получить необходимую общеобразовательную подготовку для дальнейшего обучения. Правовой статус студента в этот период характеризовался глубоким дуализмом. С одной стороны, представители пролетариата получали широкие социальные гарантии – стипендии, общежития, преимущества при поступлении. С другой стороны, система регулярно проводила чистки «социально чуждых» элементов, лишая права на обучение выходцев из дворянских, купеческих и интеллигентских семей[3].

В годы НЭПа к этим противоречиям добавилась дифференцированная плата за обучение: более высокая для «нетрудовых элементов» и льготная – для пролетариата. Таким образом, классовое регулирование пронизывало все аспекты организации высшего образования – от приема до финансирования, а правовое положение студента напрямую зависело от его социального происхождения[4].

Переломным этапом стали 1930-е годы, ознаменовавшиеся реставрацией академических стандартов. Постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 года «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» стало документом, который окончательно закрепил отказ от «левацких» экспериментов предшествующего десятилетия[5]. Это постановление восстановило обязательное требование наличия аттестата о среднем образовании, ввело государственные экзамены и упорядочило организацию учебного процесса. Согласно документу, правом поступления в вузы наделялись граждане от 17 до 35 лет, имеющие полное среднее образование, причем прием осуществлялся на основе вступительных экзаменов, а преимущество получали лица с наивысшими отметками. Отличники принимались без испытаний. Постановление также регламентировало переводы

[3] См. по этому вопросу: Ящук Т.Ф. Правовое регулирование в сфере высшего образования в России (историко-правовой аспект) // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 4. С. 14–27.
[4] Там же. С. 19.
[5] Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» // СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 308.

между вузами, устанавливало строгий внутренний распорядок и требовало освободить учебные здания и общежития от посторонних жильцов, что свидетельствовало о возвращении государства к пониманию высшей школы как приоритетной сферы, требующей надлежащих материально-бытовых условий. Тем самым был завершен переход от классовой целесообразности к академическим стандартам, а принцип меритократии пришел на смену классовым квотам.

Наиболее показательно тенденция централизации и профессионализации проявилась в сфере юридического образования. Постановление ВЦИК от 20 апреля 1931 года инициировало выделение факультетов советского права из состава университетов и создание специализированных юридических институтов – Московского, Ленинградского, Саратовского и других, которые были подчинены Наркомюсту. Эта реформа означала переход от «университетской» модели к «отраслевой»: подготовка юристов становилась не академической, а прикладной, ориентированной на практические нужды советского государства. Подчинение Наркомюсту обеспечило жесткий идеологический контроль и прямую связь обучения с практической деятельностью. Созданная в этот период система специализированных юридических вузов с единым управлением просуществовала с некоторыми изменениями до конца советской эпохи, а ее формирование стало наиболее ярким выражением общей тенденции 1930-х годов к унификации и централизации высшего образования[6].

Одновременно коллегия НКЮ РСФСР постановила организовать заочные курсы по подготовке и переподготовке юристов. 26 декабря 1931 года было принято Положение о заочном образовании по советскому праву, в соответствии с которым руководство заочным образованием осуществлялось Центральными заочными курсами советского права, приравненными к

---

[6] См.: Хаминов Д.В. Администрирование и нормативное регулирование советской системой общего, среднего и высшего образования в контексте государственной политики и идеологии в СССР (историко-правовой аспект) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 273–285.

заочному правовому вузу. В дальнейшем они преобразовывались в Центральный заочный институт советского права (ЦЗИСП) со статусом сектора заочного правового образования Отдела подготовки и переподготовки кадров НКЮ РСФСР – в Центральный заочный правовой институт (ЦЗПИ) – Центральный юридический заочный институт (ЦЮЗИ), который имел на территории РСФСР 7 секторов с 36 консультационными пунктами и 8 филиалов, фактически став всесоюзным. Постановлением СНК СССР № 703 от 29 апреля 1937 года Центральный юридический заочный институт получил новое название, которое носил 63 года – Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ) (ныне – Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА))[7].

В годы Великой Отечественной войны правовое регулирование приобрело мобилизационный характер. Упрощение правил приема, сокращение сроков обучения, предоставление льгот для фронтовиков, возможность поступления без полного среднего образования для определенных категорий (по результатам вступительных испытаний) – все эти меры были подчинены главной задаче: обеспечить воспроизводство кадров в экстремальных условиях. Массовая эвакуация вузов из западных регионов в восточные районы страны сопровождалась развитием заочного обучения как основной формы подготовки специалистов[8].

Несмотря на тяжелейшие условия, советская высшая школа продемонстрировала свою жизнеспособность: эвакуированные вузы продолжали учебный процесс, а заочная форма позволила готовить кадры без отрыва от производства и военной службы. К 1945 году советская высшая школа, пройдя путь от революционного эксперимента через унификацию к мобилизационной модели, подтвердила свою эффективность, обеспечив

---

[7] Историческая справка // Официальный сайт Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). URL: https://msal.ru/content/ob-universitete/istoricheskaya-spravka/ (дата обращения: 16.03.2026).

[8] См.: Третьяк И.Г. Особенности образовательной политики и нормативно-правовых основ системы образования советского государства (с 1917 года до распада Советского Союза) // Alma mater (Вестник высшей школы).

воспроизводство интеллектуального потенциала страны в один из самых сложных периодов ее истории.

Эволюция правового регулирования высшего образования в СССР в 1917-1945 годах представляет собой закономерный переход от революционного отрицания академических традиций к их восстановлению в новых идеологических и организационных формах. Пройдя путь от классовой целесообразности через «левацкие» эксперименты к академическим стандартам, советская высшая школа к 1945 году сформировала устойчивую модель, основанную на жесткой централизации управления, единых образовательных стандартах, приоритете профессиональной подготовки и тесной связи с отраслевыми наркоматами. Особенно ярко эта модель проявилась в сфере юридического образования, где университетская традиция была заменена системой специализированных институтов под контролем Наркомюста. Созданная в 1930-е годы и адаптированная к военным условиям система подготовки кадров подтвердила свою жизнеспособность, обеспечив воспроизводство интеллектуального потенциала страны и заложив основы той модели высшего образования, которая с определенными изменениями просуществовала до конца советского периода.

Важным элементом этой модели стало создание системы заочного юридического образования, оформленной в 1930-е годы и окончательно институционализированной в виде Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ), который обеспечил подготовку кадров для судебно-прокурорских органов в масштабах всей страны и доказал свою эффективность в условиях военного времени.

Правовое регулирование деятельности ВУЗов в годы Великой Отечественной войны в условиях мобилизации

Тотолян Гоар Еремовна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье исследуется правовой феномен сохранения системы высшего образования в условиях тотальной мобилизации 1941–1945 годов. На основе анализа Указа от 13 февраля 1942 года, постановлений СНК и актов Наркомата юстиции рассматривается противоречие между жестким мобилизационным законодательством и необходимостью подготовки кадров. Особое внимание уделяется формированию «режима благоприятствования» для заочников как компенсаторного механизма в условиях кадрового дефицита. Через личное дело фронтовика С.В. Денисюка демонстрируется реализация правовых норм в человеческих судьбах. Делается вывод, что созданная система правового регулирования позволила высшей школе выжить и внести вклад в Победу.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, правовой статус студента, высшее образование, социальные гарантии военного времени, правовое регулирование, мобилизация, заочное обучение.

Начало Великой Отечественной войны потребовало от советского государства немедленной и жесткой перестройки всей системы правового регулирования. Нормы, которые были привычны в мирное время, в том числе регулирующие сферу образования, вступили в противоречие с суровой реальностью, требовавшей мобилизации всех ресурсов для нужд фронта. В этих условиях высшая школа оказалась в эпицентре государственной политики: с одной стороны, она должна была продолжать подготовку специалистов, с другой – сама стала источником людских резервов для армии и оборонной промышленности. Правовое регулирование этого периода характеризуется чрезвычайной централизацией управления и значительным усилением

императивных начал.

Уже в первые дни войны государство приступило к формированию правовой базы для тотальной мобилизации. Ключевым документом, определившим судьбу миллионов граждан, стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 года «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». Данный акт вводил чрезвычайные меры, распространявшиеся на мужчин от 16 до 55 лет и женщин от 16 до 45 лет, не занятых в государственных учреждениях и предприятиях[1].

Для понимания положения высшей школы принципиальное значение имеет пункт 3 указа, устанавливавший категории граждан, освобождаемых от мобилизации. Среди них назывались «учащиеся в высших и средних учебных заведениях»[2]. Государство признавало, что подготовка квалифицированных специалистов является задачей не менее важной, чем непосредственная работа на производстве. Однако это освобождение не означало, что студенты и преподаватели оказались избавлены от бремени военного времени. Тысячи из них ушли на фронт добровольцами, и это движение не регулировалось принудительными актами, но всячески поощрялось партией и правительством.

Важно подчеркнуть, что отсрочки не были абсолютными. Они предоставлялись на определенный срок и могли быть пересмотрены при изменении обстановки на фронте. Многие студенты старших курсов, особенно технических специальностей, направлялись непосредственно на оборонные предприятия, где их работа приравнивалась к выполнению воинского долга.

Освобождение от мобилизации на промышленные предприятия не означало освобождения от трудовых обязательств вообще. В экстремальных условиях студенты активно привлекались к выполнению различных работ, имеющих оборонное значение. Прежде всего, это касалось строительства

---

[1] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13.02.1942 «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967): сб. док.: в 5 т. М., 1967. Т. 2. С. 64.

[2] Там же. С. 70.

оборонительных сооружений. Как свидетельствуют архивные материалы, в конце октября 1941 года, когда г. Москве угрожала непосредственная опасность, значительная часть бойцов всевобуча, включая студентов, была мобилизована на строительство оборонительных рубежей. При этом, чтобы не прерывать военное обучение, местные военные комиссариаты были обязаны организовать боевую и политическую подготовку непосредственно на оборонительных работах[3].

Отдельного внимания заслуживает постановление СНК СССР от 18 февраля 1941 года «О предоставлении учащимся вечерних и заочных высших и средних учебных заведений отпуска без сохранения заработной платы по месту работы для сдачи зачетов и экзаменов», который предусматривал льготы для учащихся без отрыва от производства. Хотя этот акт был принят до начала войны, он продолжал действовать и в военный период, создавая правовую основу для совмещения работы и учебы.

Документ устанавливал для учащихся вечерних вузов ежегодный 10-дневный дополнительный отпуск без сохранения заработной платы для сдачи зачетов и экзаменов, для заочников – 20-дневный отпуск.

Наиболее показательным с точки зрения эволюции правового статуса обучающегося представляется анализ ведомственного нормотворчества в сфере юридического образования. Логика, заложенная в актах Наркомата юстиции РСФСР 1930-х годов, в полной мере была воспринята и адаптирована к условиям военного времени. Изучение этих документов позволяет сделать вывод о формировании устойчивой системы гарантий для заочников, которую можно охарактеризовать как целенаправленный «режим благоприятствования» в целях ускоренной подготовки квалифицированных кадров.

Во-первых, принципиальное значение имело установление юридического равенства образовательных цензов. Согласно постановлению СНК РСФСР от 3 февраля 1931 года, лица, завершившие обучение в заочных учебных заведениях

---

[3] См.: Смирницкий А.Е. Военное обучение гражданского населения в годы Великой Отечественной войны (по материалам Горьковской области) // Военно-исторический журнал. 2019. № 7. С. 40.

и успешно выдержавшие государственные испытания в квалификационных комиссиях, приравнивались по своему правовому статусу к выпускникам стационарных учебных заведений. Подобная унификация представляла собой революционное для своего времени решение, поскольку устраняла формальные различия между формами обучения и легитимизировала заочное образование как полноценный канал подготовки специалистов высшей квалификации, совмещающих обучение с работой или даже службой в Армии.

Во-вторых, нормативными актами Коллегии НКЮ РСФСР (в частности, от 21 октября 1933 года) для работников органов юстиции, осваивавших программы заочного правового образования, вводилась система производственных льгот. В их числе – предоставление одного дополнительного свободного дня в шестидневку, предназначенного исключительно для учебной деятельности, с категорическим запретом на использование этого времени для служебных собраний и заседаний. Подобная норма демонстрирует приоритет образовательной функции над текущей административной рутиной, что в условиях военного времени приобретало особую значимость.

В-третьих, реализовывался принцип приравнивания учебной деятельности к служебным обязанностям. Предписания НКЮ обязывали руководителей освобождать заочников от работы на период учебных конференций и зачетных сессий. Участие в данных мероприятиях квалифицировалось как исполнение служебных обязанностей, что гарантировало сохранение рабочего места и, как следствие, социально-экономической стабильности обучающегося.

Сформированная в довоенный период система правовых гарантий для лиц, совмещавших работу с учебой, выполняла роль компенсаторного механизма в условиях острейшего кадрового голода 1941–1945 годов. Постановление СНК СССР от 18 февраля 1941 года и ведомственные акты Наркомата юстиции, будучи различными по своей юридической силе и сфере действия, в совокупности создавали целостную нормативную основу, позволявшую тысячам граждан реализовывать право на образование в

экстремальных условиях военного времени. Именно эта категория обучающихся – вчерашние рабочие, служащие и специалисты, совмещавшие труд в тылу с интенсивной учебной нагрузкой, – стала тем человеческим капиталом, который обеспечивал не только текущую работу экономики, но и перспективную подготовку профессионалов в условиях тотальной мобилизации.

В первый период войны в практику приемных комиссий были введены новые правила, значительно облегчавшие поступление в высшие учебные заведения. Окончившие среднюю школу с оценками «хорошо» и «отлично» стали зачисляться в вуз без вступительных экзаменов, а при наличии свободных мест этой льготой могли воспользоваться и те, кто имел в аттестате даже несколько удовлетворительных оценок. На подготовительных отделениях могли учиться и те, кто в свое время не получил полного среднего образования. Им предоставлялась возможность после соответствующей подготовки сдать экстерном экзамены за весь курс средней школы и поступить в высшее учебное заведение. Преимущественное право зачисления на подготовительные отделения имели лица, возвратившиеся из Красной Армии и Военно-морского флота после ранений, контузий или увечий.

Чтобы понять отражение нормы в жизни, стоит процитировать заявление, взятое из личного дела № 151, написанное сразу после окончания Великой Отечественной войны, 21 июля 1945 года. Денисюк Степан Владимирович красивым каллиграфическим почерком писал: «Прошу принять меня студентом на I курс. Имею среднее образование. Участник боев Отечественной войны. В настоящее время работаю в Чкаловском Территориальном Управлении Госматериальных Резервов при СНК СССР, в должности начальника I отдела. Член ВКП(б) с 1940 года.

Прошу не отказать, – буду прилагать все свои силы для успешной учебы»[4].

[4] Опись 1949 г. Денисюк Степан Владимирович. Дело № 151. Л.1.

Человек, который сражался «с 22 июня 1941 года на фронте Отечественной войны с германским фашизмом, на должности военкома артиллерийской батареи, а с упразднением военных комиссаров в Красной Армии был в должности заместителя командира батареи по политической части», воевал на Ленинградском фронте, сразу же после ее окончания (демобилизован из рядов Красной Армии в июне 1945 года в звании старшего лейтенанта) первым делом пытается поступить в институт, получить высшее образование. И его включают в студенты Чкаловского филиала Всесоюзного Юридического Заочного Института.

Нормативные акты военного времени заложили правовой фундамент для функционирования системы образования в экстремальных условиях. Произошла тотальная централизация управления: ключевые решения принимались на уровне ГКО, СНК СССР и ЦК ВКП(б), местные органы выступали преимущественно как исполнители. Было введено жесткое мобилизационное начало: обучение и труд в сфере образования стали рассматриваться как разновидность трудовой повинности.

Государство пыталось сохранить определенные социальные гарантии для учащихся и работников образования, понимая, что без этого невозможно обеспечить воспроизводство квалифицированных кадров. Принятые нормативные акты создали ту правовую среду, в которой высшая школа СССР смогла не только выжить, но и внести весомый вклад в достижение Победы, подготовив десятки тысяч специалистов для армии и тыла.

Всероссийская чрезвычайная комиссия (1917–1922): задачи, структура, полномочия

Тупикова Дарья Сергеевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Данная работа посвящена историческому анализу деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) в период с 1917 по 1922 год. В статье рассматриваются важные аспекты работы первого органа государственной безопасности. Делается вывод о роли ВЧК в укреплении советского государства.

Ключевые слова: Всероссийская чрезвычайная комиссия, контрреволюция, структура ВЧК, полномочия ВЧК, правовая база, государственная безопасность.

История Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) традиционно рассматривается в двух плоскостях: либо как «карающий меч диктатуры пролетариата», либо как «щит революции». Благодаря рассекречиванию фондов ФСБ и РГАСПИ в 2000-х годах, мы сегодня можем взглянуть на этот институт как на живой организм[1].

Принято считать, что ВЧК создана 20 декабря 1917 года по инициативе В.И. Ленина. Однако рассекреченные протоколы заседаний СНК показывают, что изначально вопрос стоял иначе. Феликс Дзержинский получил задание «разобраться со стачечным комитетом служащих». Никто не планировал создавать всесильную карательную машину. Ф.Э. Дзержинский выступает с докладом «О необходимости борьбы с контрреволюционерами путем создания комиссии». Ключевое слово – комиссия. Однако в окончательном тексте постановления появляется знаменитая фраза: «...и предавать суду Революционного трибунала и борьбе с ними». Это и стало правовой лазейкой

[1] См.: Попов А.Ю., Соколов А.С. Щит и меч власти большевиков: очерки истории ВЧК. М.: Директмедиа Паблишинг, 2022. С. 1-3.

для внесудебных полномочий[2].

Из мемуаров М.П. Шрейдера мы можем узнать о внутреннем строении аппарата и о жизни самих чекистов. Сотрудники жили прямо в здании, в условиях жесткой экономии и строжайшей дисциплины. Это было связано с тем, что многие сотрудники были выходцами из криминальной среды[3]. Это была матричная структура, где люди собирались в рабочие группы под конкретную задачу. В 1918 году структура резко усложняется. ВЧК перестает быть «комиссией» и становится «министерством». В рассекреченном «Отчете ВЧК за 4 года» (1921) указана следующая иерархия, которая сформировалась к 1919 году:

Центральный аппарат (г. Москва, Лубянская площадь): Председатель ВЧК.

Коллегия ВЧК (5–10 человек) – высший законодательный и судебный орган внутри системы. Решения Коллегии (о расстрелах, о создании новых отделов) не нуждались в утверждении ни прокуратуры, которой еще не было, ни судов. Управление делами (секретариат) – «мозг» и «память» организации. Начальник Управделами (И. Ксенофонтов, затем Я. Петерс) был вторым человеком в ЧК, потому что контролировал потоки информации[4].

Отделы: Секретный отдел (СО) – политический сыск (слежка за меньшевиками, эсерами, духовенством). Особый отдел (ОО) – контрразведка в армии и на флоте (самый мощный карательный отдел). Иностранный отдел (ИНО) – разведка за границей. Транспортный отдел (ТО) – контроль над железными дорогами. Оперативный отдел – проведение облав, арестов, наружное наблюдение. Юридический отдел – оформление приговоров, часто это простая формальность. Хозяйственный отдел – снабжение, гаражи, склады. В 1918 году при ВЧК было создано собственное производственное предприятие – мастерские оружия и обмундирования. Чекисты не просто карали, они

---

[2] В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917-1922 гг.). М.: Политиздат, 1975. С. 34-36.
[3] См.: Шрейдер М.П. НКВД изнутри: Записки чекиста. М.: Возвращение, 1995. С. 10-60.
[4] ВЧК (1917-1922 гг.): к столетию создания. Сборник статей и документов / отв. ред. В.С. Христофоров. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 417-421.

создавали собственную экономику[5].

Если говорить о лицах, находящихся у руля, то структура была следующая:

- Феликс Дзержинский (Председатель): обладал формальной властью. Но архивы показывают, что он часто находился в разъездах, и в г. Москве власть переходила его заместителю[6].

- Яков Петерс (Зампред): оставался за главного. Из его личных записок видно, что он пытался навести бюрократический порядок, за что его недолюбливали «следователи-практики», предпочитавшие быстрые решения. Рассекреченные материалы о расследовании покушения на В.И. Ленина показывают, что именно Я.Х. Петерс лично вел допросы эсеров[7].

- Иван Ксенофонтов (Секретарь и казначей): ведал финансами, распределением пайков и оружия. Тот, кто контролировал распределение ресурсов (патронов, продовольствия, дров) в условиях тотального дефицита имел власть не меньшую, чем следователь, решавший судьбы людей[8].

- Вячеслав Менжинский: в рассекреченных документах фигурирует как начальник Особого отдела. Именно он разработал методы психологического давления на подследственных, отказываясь от физического насилия[9].

- Глеб Бокий: создатель криптографической службы. Рассекреченные документы доказывают, что он занимался не только шифровками, но и оккультными экспериментами, что делало его одной из самых загадочных фигур в ЧК[10].

Главный лозунг приема на работу - «Кандидат должен быть холоден как

---

[5] См. по этому вопросу: Капчинский О.И. Гвардейцы Ленина. Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры / О.И. Капчинский . 2-е изд., стереотип. М.: Крафт+, 2017. С. 118-119.
[6] См.: ВЧК (1917-1922 гг.): к столетию создания. Сборник статей и документов / Отв. ред. В.С. Христофоров. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 71-89.
[7] См., например: Сборник «Гвардейцы Октября. Роль коренных народов стран Балтии в установлении и укреплении большевистского строя». М.: Индрик, 2009. С. 373-381.
[8] См.: Николаев А.Н. Сборник «Чекисты». М.: Молодая Гвардия, 1987. С. 8-65.
[9] См.: Гладков Т.К. Менжинский / Т.К. Гладков, М.А. Смирнов. М.: Мол. гвардия, 1969. С. 98-101.
[10] См.: Бережков В.И. Глеб Бокий – революционер и чекист. М.: Инфо Ол, 2011. С. 34-38.

лед»[11]. Возраст и происхождение: средний возраст оперативного сотрудника в 1918 году составлял 23–25 лет. Интеллигенция в оперативный состав не допускалась (интеллигентов брали только в эксперты-криминалисты или шифровальщики).

Тест на лояльность: известен циркуляр Ф.Э. Дзержинского, где он требовал обращать внимание на кандидатов, у которых «нет жалости к буржуазии». Но рассекреченные протоколы партийных ячеек ВЧК показывают другую сторону: сотрудников проверяли на отсутствие садистских наклонностей.

Зарплата: Оклад рядового сотрудника в 1918 году был выше среднего по г. Москве (около 500 рублей), но выплачивался нерегулярно. Зато паек был очень весомым.

Правовая база, регулирующая деятельность ВЧК, развивалась постепенно, как и сам аппарат. Первый декрет СНК об образовании ВЧК от 7 (20) декабря 1917 года был поразительно кратким.

Юридическая конструкция была такова: ВЧК – это административный орган, а не судебный[12]. Следовательно, нормы Уголовного кодекса (которого, впрочем, еще и не существовало) на нее не распространялись.

Декрет от 21 февраля 1918 года «Социалистическое отечество в опасности!» явился началом легализации террора. Этот декрет стал поворотным моментом. Официально: Декрет разрешал расстрел на месте «неприятельских агентов, спекулянтов, погромщиков, хулиганов»[13].

В секретной инструкции ВЧК, разосланной на места (найдена в фондах Петроградской ЧК), понятие «неприятельский агент» трактовалось как «всякий, кто ведет агитацию против Советской власти». Постановление СНК РСФСР от июня 1918 г. о революционном трибунале и ЧК. ЧК обязывалась передавать все дела в трибуналы. Самостоятельно ЧК могла применять только

[11] Дзержинский Ф.Э. Государственная безопасность / Ф.Э. Дзержинский. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. С. 86-101.
[12] См., например: Попов А.Ю., Соколов А.С. Щит и меч власти большевиков: очерки истории ВЧК. М.: Директмедиа Паблишинг, 2022. С. 83-99.
[13] Декреты советской власти. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957, 1959. С. 233, 490-491.

административные меры (штраф, высылка). Но была найдена лазейка. Рассекреченный циркуляр гласил: «В местностях, объявленных на военном положении, все дела о контрреволюции рассматриваются ЧК в административном порядке». К 1919 году «военным положением» была покрыта большая часть РСФСР. Таким образом, формально закон соблюдался, а реально ЧК сохранила право на расстрел.

До 1922 года в Советской России не было Уголовного кодекса. Судей и следователей ориентировали на «революционное правосознание». Отсутствие формальных составов преступлений позволяло держать человека в тюрьме бесконечно долго, если он признавался «социально опасным элементом»[14].

«Циркуляр о заложниках» (сентябрь 1918). После покушения на В.И. Ленина начался Красный террор. Инструкция предписывала брать заложников из числа офицеров и буржуазии. Расстрел заложников не требовал доказательств их личной вины. Но эти решения важно рассматривать в контексте Гражданской войны и «белого террора», когда повсеместно действовало правило «кто не с нами, тот – против нас!».

Право на внесудебное разбирательство. У ГубЧК были полномочия утверждать приговоры на месте, без согласования с г. Москвой. Это создало возможности для местного произвола, который центр часто не мог проконтролировать.

Говоря о деятельности ВЧК, её целью была не только борьба с саботажем и террор, а решение других, не менее важных, государственных вопросов, о чем нам дают понять рассекреченные сводки.

В 1919–1920 годах, в разгар военного коммунизма, ВЧК получила негласную функцию куратора железных дорог и топливной промышленности. Причиной был развал управления. В фондах «Особого отдела ВЧК» хранятся тысячи докладных записок не о шпионаже, а о стоянии паровозов и забастовках на шахтах. Чекисты заменяли собой хозяйственников. Особый интерес

---

[14] Мозохина О.Б. Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М.: изд-во «Кучково поле», 2006. С. 3-9.

представляют так называемые «концентрационные лагеря принудительных работ» (созданы постановлением ВЧК от 5 сентября 1918 года). Архивные описи содержат не только списки заключенных, но и отчеты о попытках перевоспитания через труд.

Операция «Трест». Рассекреченные документы КРО (Контрразведывательного отдела) ВЧК показывают, насколько глубоко чекисты внедрялись в эмигрантскую среду. Агент Александр Якушев работал под диктовку КРО настолько профессионально, что британская разведка платила ему жалование до 1927 года, не подозревая о его двойной игре[15].

В 1920 году существовал отдел ВЧК по борьбе со спекуляцией кокаином. Это показывает, как орган госбезопасности пытался взять на себя функции всей правоохранительной системы.

ВЧК была порождением эпохи Гражданской войны и разрухи. Рассекреченные источники рисуют образ не просто «карающего меча», а организации, которая училась работать в условиях тотального хаоса, часто методом проб и ошибок, сочетая энтузиазм молодости с невероятной жестокостью, порожденной страхом перед гибелью революции и борьбой за победу ее идеалов.

В 1922 году ВЧК была упразднена и преобразована в ГПУ при НКВД. Рассекреченная записка Д.И. Курского (наркома юстиции) В.И. Ленину проливает свет на причины: ВЧК стала тормозом для НЭПа. Иностранные инвесторы боялись ехать в страну, где действует внесудебный орган. В.И. Ленин пошел на компромисс: судебные функции передали трибуналам, но за ГПУ оставили право на внесудебную высылку. Сегодня правопреемником ВЧК формально является ФСБ РФ (через цепочку ОГПУ→НКВД→МГБ→КГБ).

---

[15] См.: Попов А.Ю., Соколов А.С. Щит и меч власти большевиков: очерки истории ВЧК. М.: Директмедиа Паблишинг, 2022. С. 146-178.

Создание Чкаловского филиала ВЮЗИ в суровых условиях военного времени (1941–1945 гг.)

Чуриков Павел Павлович,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье на основе изучения архивных материалов ОГАОО и личных дел студентов, хранящихся в архиве Оренбургского института (филиала) МГЮА, выявлены особенности создания и деятельности Чкаловского филиала ВЮЗИ в годы Великой Отечественной войны, показано влияние условий военного времени на организацию учебного процесса, проведение приемных кампаний и формирование преподавательского состава, а также на материальное и методическое обеспечение филиала.

Ключевые слова: Всесоюзный Юридический Заочный Институт, г. Чкалов, Великая Отечественная война, деятельность филиала, создание филиала ВЮЗИ, методическое обеспечение филиала.

История Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ) началась в 1931 году. Институт осуществлял подготовку профессиональных юридических кадров, которые были столь необходимы органам юстиции. Всесоюзный юридический заочный институт имел большую сеть филиалов и учебно-консультационных пунктов на территории всего СССР.

Чкаловский филиал ВЮЗИ был создан на базе учебно-консультационного пункта в январе 1942 года[1]. Становление филиала проходило в чрезвычайных условиях, вызванных началом и ходом Великой Отечественной войны, переходом народного хозяйства и экономики на военные рельсы, что существенно осложнило его организацию и становление.

Специфика военного времени существенно повлияла на процесс организации Чкаловского филиала ВЮЗИ. Филиал столкнулся с отсутствием

[1] ОГАОО. Ф.Р-1937. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

площадей для размещения, доступные же площади не отвечали потребностям филиала. Нехватка учебной и методической литературы, канцелярских принадлежностей, технических средств также затрудняла организацию деятельности филиала.

В таких условиях руководство филиала прилагало все усилия для наибольшей обеспеченности студентов учебной и методической литературой, для чего принимались соответствующие меры: все книги филиала были подвергнуты инвентаризации, осуществлялся поиск необходимой литературы в различных образовательных организациях г. Чкалова и органах юстиции области, устанавливалась связь с руководством ВЮЗИ для получения учебной литературы из г. Москвы. Одним из способов обеспечения доступа студентов к учебной и методической литературе стало создание в населенных пунктах периферии, в которых проживали студенты филиала, небольших групп, на которые высылался один учебник, в условиях дефицита литературы это часто было единственным способом предоставить студентам возможность работы с необходимой литературой.

Постепенно, по мере стабилизации ситуации в сфере производства и транспортного сообщения, стало возможным постоянное взаимодействие Чкаловского филиала с дирекцией ВЮЗИ, что способствовало улучшению ситуации с обеспеченностью филиала материальными и методическими средствами.

К моменту создания Чкаловского филиала ВЮЗИ в город были эвакуированы работники Всесоюзного юридического заочного института и Всесоюзного института юридических наук, именно из них первоначально был сформирован преподавательский состав филиала. Стоит отметить, что в него вошло большое число преподавателей, являвшихся известными специалистами в юриспруденции.

Преподаватели и руководство филиала, невзирая на трудности военного времени, крайнюю ограниченность материальных и методических средств, приложив огромные усилия, смогли организовать работу филиала, наладить

учебный процесс, установить связь со студентами и постоянно поддерживать ее.

Нельзя не отметить тот факт, что Чкаловский филиал ВЮЗИ на пути создания и организации своей деятельности встретил значительную помощь ВЮЗИ, органов юстиции, прокуратуры, образовательных учреждений Чкаловской области.

Проведение приемных кампаний также было осложнено чрезвычайными условиями, в которых страна находилась на тот момент.

Контингент поступавших был очень пестрым: значительную его часть составляли лица, эвакуированные в г. Чкалов из центральных районов страны, меньшая часть была представлена жителями г. Чкалова, Чкаловской области, ряда областей Казахской ССР.

Филиал устанавливал связи с прокуратурами и народными судами, другими учреждениями юстиции Чкаловской, Гурьевской, Кустанайской, Актюбинской, Западно-Казахстанской областей для максимального привлечения работающих в них лиц к получению высшего юридического образования.

В годы Великой Отечественной войны были установлены новые правила приема студентов, для ряда категорий граждан была отменена плата за обучение.

Перед филиалом стояла задача максимального вовлечения в число студентов «раненых командиров, красноармейцев, политработников, лишенных возможности вернуться на фронт или имеющих достаточно продолжительный отпуск после ранения»[2].

В первые две приемные кампании план по приему студентов филиалом был перевыполнен. В 1944 году произошло сокращение числа принятых студентов, это было вызвано постепенной реэвакуацией граждан из нашей области, из-за чего произошло сокращение контингента, заинтересованного в получении высшего юридического образования.

---

[2] ОГАОО. Ф.Р-1937. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

Организация учебного процесса студентов заочной формы обучения также была отягощена обстоятельствами военных лет. Затруднения возникали и в проведении учебно-экзаменационных сессий, и во взаимодействии филиала со студентами, и в самостоятельном обучении студентов.

Подготовка к учебно-экзаменационным сессиям начиналась с установления сроков их проведения, они определялись филиалом самостоятельно. Затем филиал был обязан поставить каждого студента-заочника в известность о точных сроках проведения сессии.

Одной из основных задач филиала в период проведения сессий ставилось получение высокой явки студентов. Для этого дирекции филиала нужно было обратиться к руководству учреждений, в которых работали студенты, и напомнить об обязанности предоставления им на время сессии отпуска.

Значительное число студентов испытывали затруднения с прибытием в филиал для сдачи экзаменов, это было обусловлено привлечением студентов к выполнению сельскохозяйственных работ, невозможностью получения отпуска работающими студентами из-за особой важности выполняемой ими работы.

Прибывших на сдачу сессии студентов филиал был обязан обеспечить какой-либо жилой площадью, но в условиях ее нехватки это было сделать порой довольно затруднительно.

Особое внимание уделялось студентам выпускных курсов. Дирекция филиала была призвана направить самые энергичные меры на достижение ликвидации академических задолжностей студентов выпускного курса до того, как начнется сессия по сдаче государственных экзаменов.

При проведении сессий по сдаче государственных экзаменов первые 10 дней был отведены на чтение лекций по гражданскому праву и процессу, уголовному праву и процессу, основам марксизма-ленинизма[3]. Отдельное внимание при чтении обзорных лекций было необходимо уделить освещению пробелов в учебных материалах, возникших уже в военное время, и критике идеологии и законодательства фашистских режимов.

---

[3] ОГАОО. Ф.Р-1937. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.

Взаимодействие студентов с дирекцией филиала и преподавателями было осложнено трудностями в почтовом сообщении, удаленностью мест проживания студентов от Чкаловского филиала ВЮЗИ.

На пути самостоятельного освоения учебной программы студенты Чкаловского филиала ВЮЗИ в те годы встречали ряд трудностей: дефицит учебной и методической литературы, без которой освоение учебного материала в тех условиях было невозможно, чрезвычайный порядок функционирования тех учреждений, в которых работали студенты заочной формы обучения, нехватка времени на обучение, для некоторых студентов даже нехватка керосина для освещения помещения становилась серьезной преградой на пути самостоятельного освоения учебной программы.

Основная работа по организации деятельности Чкаловского филиала Всесоюзного юридического заочного института в военные годы была проведена директорами филиала. Первым руководителем Чкаловского филиала стал эвакуированный из г. Москвы в августе 1941 года старший консультант ВЮЗИ И.И. Александров. Затем на пост директора филиала был назначен М.В. Хорохорин, но в январе 1943 года он вернулся в г. Москву, на его место был назначен консультант-методист филиала, одновременно студент 3 курса, Петр Прокофьевич Косцов.

Дирекция Чкаловского филиала Всесоюзного юридического заочного института и весь преподавательский состав делали всё, от них зависящее, чтобы наиболее эффективно организовать учебный процесс, обеспечить студентов учебной и методической литературой, предоставить им возможность взаимодействия с преподавателями для получения разъяснений, касающихся отдельных вопросов учебных дисциплин.

Советская модель государства: позитивные и негативные черты

Ярыгин Ярослав Александрович,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей работе исследуется советская государственная система. Анализируется функционал государственных органов и их взаимодействие друг с другом. Дается оценка советским конституционным нормам с точки зрения их влияния на модель управления. Выявляются как прогрессивные достижения, так и пробелы в организации власти. Формулируется вывод о воздействии советской государственной системы на современную, предлагается заимствование некоторых позитивных советских методов управления для оптимизации существующей Российской модели государственности.

Ключевые слова: модель государственности, государственные органы, конституция, достижения СССР, политический режим СССР, Коммунистическая партия СССР.

Любая модель государства имеет теоретически обоснованный фундамент. Советская модель получила теоретическое изложение в учении В.И. Ленина, который системно определил основные признаки и условия для его построения, общественно-политические и экономические требования: установление диктатуры угнетаемого класса рабочих и беднейших слоев над классом буржуазии, обобществление средств производства, наличие развитых демократических институтов с отлаженной обратной связью, вовлекающих все общество в управление государством, наличие политического и классового единоначалия в лице объединяющей народ партии, возможность борьбы трудящихся за свои трудовые права, что предполагает наличие массового профсоюзного движения, высокий уровень образованности и культуры большинства.

С экономической точки зрения данная модель должна была базироваться

на государственной собственности, ограничении частной прибыли, широкой кооперации и кооперировании, при условии общественной собственности на средства производства, монополии государства на внешнюю торговлю. В.И. Ленин в работе «Государство и революция» давал определение социализму, как форме государства, где «Средства производства принадлежат всему обществу. Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответственное количество продуктов. За вычетом того количества труда, которое идет на общественный фонд, каждый рабочий…получает от общества столько же, сколько он ему дал»[1].

На первом этапе построения отдельные правовые конструкции были закреплены в Конституции РСФСР 1918 года. Советская система заложила в себе элементы парламентской республики, однако с некоторыми особенностями, среди которых было наделение СНК законодательными полномочиями. Таким образом, СНК позволялось устанавливать правовые нормы и декреты, незамедлительно переходить к их реализации. С одной стороны, это оказало позитивное влияние на быстрое развитие государственности в постреволюционный период.

Однако при такой системе не было четко разграниченных полномочий, что часто приводило к конфликтам и противоречиям между государственными органами. Советская система предоставила своим гражданам политические права и дала возможность участвовать в управлении государством путем непосредственной представительной демократии. Наиболее прогрессивным достижением (даже по современным меркам) РСФСР является положение «о полной свободе отзыва выбранных», которое было закреплено в 78 статье Конституции 1918 г. Это положение обеспечивало прямой контроль трудящихся над своими представителями в органах советской власти. Еще

[1] Ленин В.И. Государство и революция. Учения марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. -М., 1998. С. 56.

одной формой контроля рабочих за деятельностью власти был созданный в 1917 году Высший совет народного хозяйства, в компетенцию которого входили вопросы организации народного хозяйства и управление промышленностью, что позволило сконцентрировать важнейшие функции экономического контроля. ВСНХ наделялся правами наркомата, а в его составе находились представители профсоюзов, различных рабочих организаций.

Период гражданской войны следует считать регрессивным с точки зрения развития советской государственности, поскольку власть логически правильно должна была отказаться от демократических методов управления. Наличие чрезвычайных органов государства, которые частично подменяли деятельность конституционно установленных органов власти, широкие полномочия ВЧК, осуществлявшей функции правоохранительного и судебного органа, разработка принципа двойного подчинения, создание организационных форм привлечения трудящихся масс к контролю за деятельностью госаппарата – необходимые тенденции военного времени.

Создавались органы, которые не были предусмотрены в конституции, это означало, что компетенция и полномочия данных органов не были юридически оформлены, предоставляло им широкое поле применения своей деятельности. Власть начинает сосредотачиваться в узких кругах должностных лиц, напрямую не ответственных перед избирателями. Слияние исполнительных и законодательных функций, судебных и правоохранительных структур – механизм быстрого реагирования на события классовых столкновений.

Конституция 1924 года в качестве высшего органа власти в СССР провозгласила Съезд советов, который приобрел всесоюзный характер, что закономерно отражало тенденции федерализации страны. ЦИК становится двухпалатным органом, состоящим из Союзного совета и совета национальностей. На основании формирования ЦИК можно сделать вывод об установлении не только формально-юридических, но и фактических федеративных начал. Конституция также устанавливала организационно-правовые основы народных комиссариатов, созданных для «непосредственного

руководства отдельными отраслями государственного управления». Данные органы подразделялись на три вида: общесоюзные народные комиссариаты – единые для всего СССР, объединённые народные комиссариаты СССР, республиканские (установлены в 10 главе Конституции). Такая конструкция грамотно сочетала учет интересов Союза в целом с особенностями его членов. Советская модель государства структурно была непосредственно связана с моделью федерации, что, однозначно, было реализовано достаточно грамотно и эффективно.

Помимо равноправных союзных республик, создавались автономные образования на территории РСФСР, они обладали собственной конституцией и могли решать вопросы местного значения. По указу ВЦИК от 1928 года субъектам разрешалось иметь самостоятельный бюджет, автономные республики могли расходовать средства по своему усмотрению, что стимулировало развитие промышленности и национальной культуры. Сочетание республиканской формы правления с федеративными основами как нельзя лучше отражали особенности российской государственности, сохраняя общие исторические векторы развития России.

В Конституции 1936 года предпринимается попытка создать новые представительные органы власти для развития демократических форм. С этой целью вместо Съезда советов главным органом власти становится Верховный Совет СССР. Он состоял из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей, в рамках которого ликвидировалось неравенство между крестьянством и пролетариатом в политических правах.

Выборы становились равными, прямыми, всеобщими при тайном голосовании. Совет Национальностей должен был обеспечивать интересы отдельных союзных и автономных республик и иных национальных образований. Можно сказать, что Верховный совет обладал контрольными полномочиями над всеми органами власти. Президиум Верховного совета не имел право заниматься законодательной деятельностью, однако, он мог осуществлять данную деятельность с согласия Верховного совета. СНК

признавался высшим исполнительным и распорядительным органом, согласно Конституции СССР, лишался права принимать общесоюзные законы. Несмотря на отступление в теории от принципа разделения властей, на практике стало ясно, что для установления порядка и стабильности необходимо четкое разграничение полномочий между органами власти.

Теоретическая советская модель государства была достаточно функциональной и правильно структурированной. Проблема несоответствия реальной политической модели и фактического тоталитарного политического режима тормозила, сводила на нет все попытки конституционного демократизма. В условиях культа личности И.В. Сталина представительные органы, такие, как местные советы трудящихся, а также депутаты Верховного совета, не имели реальной возможности воздействовать на власть.

Конституция 1977 года значительно расширила полномочия Верховного совета СССР, что стало попыткой возврата к изначальным демократическим основам советской власти. Сформировался новый принцип: Верховный совет мог решать любые вопросы, отнесенные к ведению СССР, независимого от того, входят ли они в компетенцию самого Совета и подотчетных ему органов. Таким образом, расширяя полномочия Верховного Совета, Конституция увеличивала влияние народных представителей на власть в государстве. Не содержа прямого запрета на формирование других политических партий, ст. 6 Конституции утвердила ведущую роль коммунистической партии в СССР[2].

Так произошло фактическое правовое оформление партократической модели советского государства, окончательное сращивание советского государственного аппарата с партийными органами. Союзным республикам предоставлялись новые права, которые расширяли возможности в руководстве промышленными предприятиями, стройками, научно-исследовательскими работами, что позволяло полнее учитывать интересы республик и населения. Согласно ст. 76 Конституции союзная республика признавалась суверенным

[2] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // СПС ГАРАНТ. URL: base. garant. ru (дата обращения: 16.03.2026).

государственным образованием, хотя фактически жестко централизованная система вертикали союзной власти сохранялась.

Таким образом, советская модель государства – это сложное и противоречивое образование, эволюционно изменяющаяся в исторических условиях. С одной стороны, в период сложнейших социально-экономических проблем советская власть смогла в кратчайшие сроки перестроить государственность. Это объяснимо высокой централизацией, контролем и очень сильной исполнительной властью. СССР создало реальные условия для привлечения народа к управлению государством и контролю за деятельностью государственных органов.

Многие позитивные элементы следует признать актуальными и в современной политической системе: наличие двухпалатного представительного органа, в одной из палат которого входят представители регионов, влияние профсоюзов на осуществление власти, принципы федерализма и самостоятельности субъектов, широкие политические и социальные права граждан. Отсутствие специального депутатского статуса, практика досрочного отзыва депутатов избирателями на федеральном уровне, регулярные отчеты могли бы увеличить прямую ответственность депутатов перед избирателями. Реализация идеи В.И. Ленина о необходимости привлечение народа к осуществлению прямого контроля за деятельностью должностных лиц позволила бы снизить уровень коррупции и других должностных правонарушений в современной России.

Секции № 2а, № 2б. «Навстречу будущему: уроки прошлого в развитии современного государства и права»

Декларация прав человека и гражданина 1789 года: начало пути к признанию достоинства личности как высшей духовно-нравственной ценности (в свете Указа № 809)

Ахмеров Артур Русланович,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье рассматривается подход Декларации прав человека и гражданина 1789 года, которая закрепила переход от категории «подданный государства» к личности. Показано, насколько это важно для понимания современной российской правовой политики, где права человека неразрывно связаны с традиционными ценностями. Основное внимание уделено разграничению прав человека и прав гражданина, а также проблеме ограничения свобод.

Ключевые слова: Декларация прав человека и гражданина, права человека, права гражданина, достоинство личности, естественное право, Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809.

В Декларации прав человека и гражданина 1789 года[1] впервые в европейской правовой традиции человек перестал рассматриваться только как подданный. Права отныне не даровались монархом, а признавались от рождения. Такой шаг означал не просто разрыв с феодальным прошлым, но и переход к новой модели правопонимания, где личность с присущими ей неотчуждаемыми правами заменила подданного.

Теория естественного права, разработанная Джоном Локком, Жаном-Жаком Руссо и просветителями, послужила философской опорой для этого значительного политического сдвига. Д. Локк заложил основу, утверждая, что

[1] Декларация прав человека и гражданина 1789 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. / под ред. П.Н. Галанзы. — М.: Госюриздат, 1957.

собственность и свобода являются неотъемлемыми правами человека, предшествующими государству[2]. Ж.Ж. Руссо в своей работе «Общественный договор» подчеркнул, что легитимность власти должна основываться на общей воле, представляющей интересы всего общества[3]. Именно эти концепции, нашли своё отражение в Декларации прав человека и гражданина 1789 года.

Принятию Декларации предшествовала политическая борьба, выявившая противоречия между различными социальными группами. В литературе выделяют три основных противоречия: между буржуазией и аристократией, внутри самой буржуазии (крупная против мелкой), а также между буржуазией и народными массами[4]. В учредительном собрании сталкивались различные точки зрения: маркиз де Лафайет, автор первоначального варианта Декларации, искал точки соприкосновения с монархией; аббат Сийес настаивал на примате нации над сословными привилегиями; Оноре Мирабо же стремился гармонично сочетать либеральные начала с крепкой исполнительной властью. В результате многие статьи приняли двойственный характер, сочетая в себе провозглашение универсальных принципов с попытками защитить имущих от радикальных требований неимущих.

Центральным положением Декларации стало разграничение прав человека, универсальных и неотчуждаемых (свобода, собственность, безопасность, сопротивление угнетению), они принадлежат каждому от рождения. Права гражданина связаны с участием в политической жизни и могут быть ограничены условиями гражданства (возраст, ценз и т. д.). Конституция 1791 года[5] придала этому различию юридическую форму, разделив граждан на активных и пассивных. Пассивные граждане (женщины, прислуга, неимущие) не лишались прав человека, но были исключены из политической сферы.

---

[2] См.: Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч.: в 3 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988.
[3] См.: Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. – М.: Канон-пресс, 1998.
[4] См.: Даниленко В.Н. Декларация прав и реальность. — М., 1989. С. 12-13.
[5] Конституция Франции 1791 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. / под ред. П.Н. Галанзы. — М.: Госюриздат, 1957. — Разд. III, гл. I, отд. II.

Статья 2 Декларации называет целью политического союза сохранение естественных и неотчуждаемых прав человека. Перечислены четыре: свобода, собственность, безопасность, сопротивление угнетению. Равенство в этот перечень не входит —оно вынесено в статью 1 и рассматривается не как врожденное право, а как принцип, устанавливаемый законом. Другими словами, равенство перед законом не означает ни имущественного, ни социального равенства.

Свобода слова, печати, совести (статьи 10, 11) закреплена как право гражданина, но уже с оговоркой: ответственность за злоупотребление. Это значит, что её реализация может быть ограничена. Пределы свободы определяются общим правилом: свобода заключается в возможности делать всё, что не нарушает прав другого, а границы определяются законом, отражающим «общую волю». Этот подход заложил основу для дискуссий о допустимых ограничениях прав, когда государство имеет право устанавливать их рамки в целях общественного блага или защиты прав других.

Судебные гарантии (статьи 7-9) закрепляют презумпцию невиновности, наказание только по закону, закон обратной силы не имеет, заменили произвол абсолютизма, став краеугольным камнем правового государства.

Декларация закрепила три механизма перехода от подданного к личности: признание прав человека от рождения, наделение личности правосубъектностью, ограничение власти законом. Эти механизмы не заработали в полную силу во время революции, но позже они внесли большой вклад в формирование международных стандартов прав человека.

Глобальное воздействие Декларации оказалось поистине широким. Её положения легли в основу Всеобщей декларации прав человека 1948 года[6], Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года[7], а также множества национальных конституций. Французский документ 1789

---

[6] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // URL: un.org (дата обращения: 02.02.2026).

[7] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.02.2026).

года первым придал правам человека универсальное значение, отделив их от национального законодательства и утвердив приоритет государства как гаранта этих прав.

В современной российской правовой политике (Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»)[8] права и свободы человека рассматриваются в системе традиционных духовно-нравственных ценностей. Уже тогда, в конце XVIII века, обозначилась проблема: могут ли универсальные права человека ужиться с ценностными основами общества. Этот вопрос остаётся актуальным и сегодня. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» подчёркивает необходимость защиты традиционных ценностей, таких как семья, патриотизм, служение Отечеству, основы национальной идентичности. Декларация прав человека и гражданина 1789 года впервые провозгласила, что государство служит человеку. Этот принцип остается ориентиром и по сей день.

[8] Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

Трансформация президентской власти в США в условиях Второй мировой войны

Гахраманова Солмазханым Эльхан кызы,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Вторая мировая война выступила катализатором беспрецедентной трансформации института президентской власти в Соединенных Штатах Америки. Данная статья ставит своей целью анализ качественных и количественных изменений в объеме полномочий главы американского государства в период 1939-1945 годов. Исследование охватывает как теоретические основания экспансии исполнительной власти, так и практические механизмы усиления президентского контроля над ключевыми направлениями внешней и внутренней политики. Отдельное внимание уделяется долгосрочным последствиям институциональных трансформаций военного времени, определившим дальнейшую эволюцию политической системы США.

Ключевые слова: президентская власть, Франклин Д. Рузвельт, Вторая мировая война, исполнительная власть, Конгресс США, чрезвычайное законодательство.

«Природа войны такова, что она усиливает исполнительную власть за счет законодательной», – писал Александр Гамильтон в «Записках Федералиста»[1]. Это наблюдение, сделанное на заре американской государственности, обрело полноту своего подтверждения в годы Второй мировой войны, когда президентство Франклина Делано Рузвельта подверглось испытаниям, не имевшим аналогов в истории Соединенных Штатов. Война, которую историки назовут «хорошей войной», а поколение ее солдат – «величайшим поколением», парадоксальным образом соединила в себе торжество демократических ценностей и беспрецедентное расширение

[1] Гамильтон А. Записки Федералиста / пер. с англ. М.: Изд-во иностранной литературы, 1965. – С. 58-62.

единоличной власти главы исполнительной ветви.

Вступление США во Вторую мировую войну было предварено сложной политической борьбой между президентом и Конгрессом по вопросам внешней политики. Как отмечает в своем исследовании В.Т. Юнгблюд, 1930-е годы стали периодом господства изоляционистских настроений, нашедших законодательное воплощение в Законах о нейтралитете 1935-1937 годов[2]. Попытка Рузвельта в июле 1939 года добиться отмены эмбарго на поставки оружия натолкнулась на сопротивление сенатора Уильяма Боры, заявившего: «Да не будет никакой войны в этом году!»[3]. Лишь после вторжения Гитлера в Польшу Конгресс в ноябре 1939 года одобрил поправки, разрешавшие продажу оружия на условиях «плати и вези»[4]. Данный закон стал первой значительной победой в расширении внешнеполитических полномочий президента.

Важно подчеркнуть, что, согласно Разделу 1 (а) закона, именно президент путем издания прокламации определял факт наличия состояния войны между иностранными державами и, следовательно, момент применения ограничений. Это превращало главу государства из простого исполнителя воли Конгресса в ключевого интерпретатора внешнеполитической ситуации, наделенного значительной дискреционной властью[5].

В истории США немного найдется столь же выразительных парадоксов, как решение Франклина Рузвельта баллотироваться на третий срок. С одной стороны – разрыв с сакральной традицией, идущей от Вашингтона, с другой – предвыборные обещания любой ценой сохранить мир. Именно это противоречие, как точно подмечает историк Юнгблюд, и составляет суть поворота 1940 года: вопрос о беспрецедентном продлении власти нельзя рассматривать в отрыве от нависшей военной угрозы.

---

[2] См.: Юнгблюд В.Т. Внешняя политика США в годы Второй мировой войны / В.Т. Юнгблюд // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 3. С. 45.

[3] Divine R.A. The Reluctant Belligerent: American Entry into World War II / R.A. Divine. – New York: John Wiley & Sons, 1979. – P. 64.

[4] Herring G.C. From Colony to Superpower: U.S. Foreign Relations since 1776 / G.C. Herring. – New York: Oxford University Press, 2008. – P. 528.

[5] См.: Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2012. С. 272.

Закон о ленд-лизе, принятый в марте 1941 стал одним из ярчайших примеров расширения президентских полномочий. Формально разрешая передачу вооружений «взаймы или в аренду», он фактически наделил Ф.Д. Рузвельта правом определять внешнеполитический курс[6].

В августе 1941 года Ф.Д. Рузвельт и У.Л.С. Черчилль подписали Атлантическую хартию – совместную декларацию, провозглашавшую принципы послевоенного устройства, включая отказ от территориальных приобретений, право народов на самоопределение и создание системы общей безопасности[7]. Хотя этот документ не имел силы формального договора и не утверждался Конгрессом, он стал программным заявлением, определившим цели войны и заложившим основы будущего миропорядка[8].

Нападение на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года кардинально изменило положение президента Ф.Д. Рузвельта. Если раньше звание Верховного главнокомандующего было во многом формальным, то теперь оно наполнилось реальной властью. Ф.Д. Рузвельт лично занялся глобальной военной стратегией, а его участие в исторических встречах с союзниками (в г. Касабланке, г. Тегеране и г. Ялте) закрепило за ним образ не просто лидера Америки, а одного из главных творцов послевоенного мироустройства.

В условиях войны возникла необходимость в новых инструментах управления, напрямую подконтрольных президенту. Были созданы специальные ведомства, такие как Управление военной мобилизации (координировало экономический блок), Управление стратегических служб (будущее ЦРУ, занималось разведкой) и Управление военной информации (отвечало за пропаганду и цензуру). Эти структуры взяли под контроль все: от выпуска заводской продукции до научных разработок. Самым ярким примером нового уровня президентской власти стал Манхэттенский проект по созданию

---

[6] Kimball W.F. The Most Unsordid Act: Lend-Lease, 1939–1941 / W.F. Kimball. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1969. – P. 237-238.

[7] Атлантическая хартия 14 августа 1941 г. // Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: документы и материалы: в 2 т. М.: Политиздат, 1984. – Т. 1. С. 78-79.

[8] См.: Печатнов В.О., Манькин А.С. Указ. соч. С. 287-288.

атомной бомбы, который курировался лично Ф.Д. Рузвельтом.

Главным юридическим инструментом такого расширения власти стал Второй закон о военных полномочиях. Этот документ дал президенту беспрецедентное право самостоятельно решать, как распределять ресурсы страны и какие военные заказы считать приоритетными. Конкретный пример того, как это работало на практике, – Исполнительный указ 9127. Опираясь на этот закон, Рузвельт предписал госорганам проводить внезапные проверки на заводах и изучать финансовую документацию оборонных подрядчиков. Это была не просто бюрократическая формальность, а реальный механизм, с помощью которого президент получил полный контроль над экономикой военного времени.

Расширение президентской власти имело и обратную сторону – ограничение прав граждан, что является классическим проявлением чрезвычайных полномочий в военное время.

Наиболее драматичным примером стал Исполнительный указ 9066, подписанный Рузвельтом 19 февраля 1942 года[9]. Указ позволял военному министру определять «зоны военного значения», из которых «любое лицо может быть исключено». На практике это привело к интернированию около 120 тыс. американцев японского происхождения, две трети из которых были гражданами США[10]. Хотя впоследствии эта мера была признана ошибочной и несправедливой (в 1988 году Конгресс принес официальные извинения и выплатил компенсации), в условиях военного времени Верховный суд признал указ конституционным, подтвердив широкие полномочия президента в вопросах национальной безопасности.

Дополнительными актами, ограничивавшими права гражданского населения, стали Прокламации 2526 и 2527, которыми президент объявлял граждан Германии и Италии, проживающих в США, «враждебными

[9] Executive Order 9066 (Исполнительный указ № 9066 от 19 февраля 1942 г.) // Национальный архив США (National Archives). URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/executive-order-9066 (дата обращения: 21.02.2026).

[10] Robinson G. After Camp: Portraits in Midcentury Japanese American Life and Politics / G. Robinson. – Berkeley: University of California Press, 2012. – P. 23.

иностранцами», что вводило для них комендантский час и ограничения на передвижение.

В то же время расширение президентской власти использовалось и для продвижения социальных преобразований. Исполнительный указ 8802, подписанный в июне 1941 года, создал Комитет по справедливой практике трудоустройства и запретил дискриминацию по признаку расы, вероисповедания, цвета кожи или национального происхождения в оборонной промышленности[11]. В 1943 году Указ 9346 расширил полномочия комитета, распространив его действие на все правительственные контракты.

Еще одним примером использования президентской власти в гуманитарной сфере стало создание в 1944 году Исполнительным указом 9417 Военного совета по делам беженцев, который должен был предпринимать усилия по спасению евреев Европы и других жертв нацистских преследований[12]. Хотя эффективность совета была ограниченной, сам факт его создания демонстрирует, как расширенные полномочия военного времени позволяли президенту действовать в сферах, напрямую не связанных с ведением боевых действий.

Вторая мировая война фундаментально изменила институт президентской власти. Механизмы чрезвычайного управления не были демонтированы: Совет национальной безопасности, УСС, Объединенный комитет начальников штабов стали постоянными элементами системы[13].

Таким образом, трансформация президентской власти в США в условиях Второй мировой войны представляла собой сложный процесс. На институциональном уровне произошло расширение полномочий и создание новых структур. На политическом уровне изменился баланс в пользу Белого

---

[11] Executive Order 8802 – Reaffirming Policy of Full Participation in the Defense Program by All Persons, Regardless of Race, Creed, Color, or National Origin // Federal Register. – 1941. – Vol. 6. – P. 3109-3110.

[12] Executive Order 9417 – Establishing a War Refugee Board // Federal Register. – 1944. – Vol. 9. – P. 935-936.

[13] Zegart A.B. Flawed by Design: The Evolution of the CIA, JCS, and NSC / A.B. Zegart. – Stanford: Stanford University Press, 1999. – P. 10-11.

дома. На личностном уровне Ф.Д. Рузвельт продемонстрировал модель лидерства, соединившего конституционную легитимность с гибкостью в чрезвычайных обстоятельствах.

Анализ событий показывает, что война стала катализатором «национализации политики», позволившей президенту получить беспрецедентный объем полномочий. Вторая мировая война стала «золотым веком» американского президентства, продемонстрировав потенциал исполнительной власти как инструмента национального спасения. Однако созданные тогда механизмы и прецеденты поставили вопросы о пределах власти, сохраняющие актуальность и по сей день.

Отражение правового положения женщины раннесредневекового общества в «варварских правдах»

Долгова Александра Сергеевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматривается правовое положение женщины в раннем средневековом обществе на основе анализа статей Салической и Саксонской правд. Особое внимание уделяется мерам уголовно-правовой защите. Анализируются нормы, связанные с вергельдом и посягательствами на жизнь и здоровье женщин. Особо отмечается зависимость правовой защиты от возраста, социального статуса и ее репродуктивной функции. Кроме того, анализу подверглись нормы, связанные с наследственными правами женщин.

Ключевые слова: Варварские правды, Салическая правда, Саксонская правда, правовой статус женщины, вергельд, наследственное право.

«Варварские правды» – структурированные записи древнегерманских обычаев, составленные в V-IX веках. Они являются важнейшим источником для изучения социальных отношений раннего Средневековья. Содержание правд в основном ограничивалось особо значимыми обычаями в семейно-родовых или земельных отношениях и нормами уголовного и судебного права[1]. Среди этих правовых документов особое место занимают «Салическая правда», созданная в 507-511 гг., в последние годы жизни и правления первого франкского короля Хлодвига[2] и «Саксонская правда», окончательная редакция которой появилась не ранее 803 года. Несмотря на разницу временного и территориального аспектов создания, эти кодексы отражают и общие черты, и особенности правового статуса различных слоев населения, включая женщин.

Важнейшим элементом системы уголовно-правовой защиты личности

---

[1] Омельченко О.А. Всеобщая история государства и права: Учебник в 2 т. 3-е изд, исправленное. Т. 1-М.: ТОН – Остожье, 2000. С. 160.

[2] История государства и права зарубежных стран: учеб. / К.И. Батыр, И.А. Исаев, [и др.]; под ред. К.И. Батыра. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Проспект, 2006. С. 181.

являлся вергельд (букв. «цена человека»), представлявший собой денежную выплату, уплачиваемую виновным родственникам умершего. Величина вергельда зависела от общественного положения, пола, возраста и прочих особенностей потерпевшего. В раннесредневековом германском праве вергельд служил не просто компенсацией родственникам, но и являлся формальной оценкой социальной значимости человека. Сравнение мужского и женского вергельдов позволяет увидеть, какую роль общество отводило женщине.

В Салической правде размер вергельда для женщин варьировался в зависимости от возраста и социального статуса. Если свободный франк мужского пола оценивался в 200 солидов, то за лишение жизни свободной женщины, способной к деторождению, полагалось уже 600 солидов, что в три раза превышает плату за жизнь мужчины. Особенно охранялась беременная женщина: за нанесение ей побоев, повлекших смерть, взыскивалось 700 солидов[3]. В данном случае защищается уже не одна жизнь, а две, соответственно, сумма вергельда повышается благодаря сложению штрафа за смерть женщины (600 солидов) и в дополнение к нему платы за плод (100 солидов). Наибольшей защитой пользовались женщины, находившиеся под покровительством короля, и согласно ст. 7, пар. 11 Капитулярия I их жизнь оценивалась в 1200 солидов. В указанной норме пол и социальное положение, накладываются друг на друга, благодаря чему сумма штрафа увеличивалась в два раза. Важно отметить, в титуле XXIV закреплено, что убийство молодой девушки оценивалось ниже в два раза, чем взрослой женщины, этот вергельд составлял 300 солидов, а женщина, утратившая способность к деторождению, защищалась суммой всего в 200 солидов, которая в этом аспекте ставила ее на один уровень с лицами мужского пола. Соответственно титул закрепляет ключевой момент: зависимость штрафа от возможности женщины оставить потомство.

Сходный принцип прослеживается и в Саксонской правде. Статья 14 за

[3] Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: учебное пособие: в 2 т. Т. 1 / под ред. К.И. Батыра и Е.В. Поликарповой. – М.: Проспект, 2023. С. 244, 249.

лишение жизни знатного мужчины устанавливала штраф в 1440 солидов. Женщина, согласно статье 15, оценивалась по-разному: если она была девушкой, преступник должен был платить в двукратном размере; если же она уже рожала, вергельд был равен мужскому[4]. Следовательно, повышенная правовая защита распространялась именно на девушек, тогда как в Салической правде верхняя граница ценности приходится на зрелый репродуктивный возраст.

Анализ вергельда показывает, что женщина воспринималась законодателем прежде всего как носительница репродуктивной функции. Ее высокая стоимость с точки зрения правовых норм была не столько признаком уважения к личности, сколько отражением экономической и демографической потребности: тщательно охранять жизнь тем, кто может продолжить род. В случае же утраты женщиной этой способности, уровень правовой защиты опускался до мужского или ниже.

Важно отметить, что варварские правды также демонстрируют проработанную систему наказаний за посягательства на женщину. Причем размер взыскания прямо зависит от тяжести деяния, степени его публичности и положения потерпевшей в обществе. В Салической правде прослеживается постепенное ужесточение наказаний за прикосновения к женщине, в зависимости от места на ее теле. Если кто-либо хватал свободную женщину за кисть руки или палец, налагался штраф в размере 15 солидов. Сжатие кисти расценивалось как более серьезное преступление и наказывалось 30 солидами. Прикосновение рукой выше локтя девушки влекло за собой увеличение платы до 35 солидов, а как таковое повреждение груди оценивалось в 45 солидов[5]. Оценка размера штрафа происходит от того, насколько сильно были нарушены

---

[4] Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. Государство древних франков, Англо-Саксонское государство, Англия, Германия, Испания, Италия, Франция, Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Чехия, Югославия / Под ред. В.М. Корецкого М.: Госюриздат, 1961. С. 29.

[5] Салическая правда. М., Образц. тип. им. Жданова, 1950. (Моск.гос.пед.ин-т им. В.И. Ленина. Ученые записки, т. LXII). Перевод Н.П. Грацианского, под. ред. В.Ф. Семёнова. С. 27.

условные границы женского тела и, соответственно, чести рода, к которому относилась конкретная женщина. Отдельно регламентировались преступления, оставляющие женщину без головного убора, например, если кто срывал с женщины головной убор так, что ее покрытие падало на землю, повинен был заплатить пятнадцать солидов, а за развязывание головной повязки, в результате чего волосы падали на плечи, 30 солидов, согласно ст. 1, 2, пар. 11, Капитулярия I. Во втором случае штраф выше, так как зачастую в средневековом обществе женские волосы носили особое, символическое значение, также влиявшее на ее честь. Такая вариативность похожих друг на друга деяний указывает на стремление законодателя пресечь еще на ранней стадии посягательство на честь женщины.

Значительное место в Салической правде занимает регулирование ответственности за похищение женщин. В титуле XIII «О похищении свободных» законодатель устанавливает следующую ответственность лиц, участвовавших в преступлении: если три человека похищали свободную девушку, с каждого из них требовалось заплатить по 30 солидов, а если участников было более трех, каждый свыше платил по 5 солидов. Предполагается, что организаторы похищения или непосредственные исполнители подвергались более суровому наказанию. В тех случаях, когда похищение сопровождалось взломом, а именно, когда девушку похищали из горницы или из-под замка, штрафы применялись повышенные. Если происходило похищение чужой невесты с последующим вступлением в брак, наказание составляло 63 солида, поскольку женщина к моменту похищения уже считалась принадлежащей жениху, в дополнение к основной уплачиваемой сумме жениху невесты предоставлялась персональная выплата 15 солидов, в качестве компенсации. Похищение в Салической правде рассматривается прежде всего как ущерб правам ее семьи или жениха, а не как умаление личной свободы женщины.

Насильственные действия в отношении женщин карались особо высокими денежными взысканиями. За изнасилование свободной девушки

нормы Салической правды требуют с преступника 63 солида. Однако, в случаях, когда сношения происходили по обоюдному согласию, штраф составлял 45 солидов[6]. Из этого можно сделать вывод, что женщина рассматривалась не как самостоятельное лицо, способное распоряжаться собой. Главным объектом охраны в этих нормах выступает не физическая неприкосновенность женщины, а ее брачная ценность, которая оказалась затронута связью.

Кроме того, изнасилование рассматривалось отягчающим обстоятельством. Если кто-либо совершал нападение на обрученную девицу во время свадебного поезда и совершал надругательство, то штраф за это составлял 200 солидов. При нападении скопом на свободную женщину или девушку все участники преступления должны были заплатить 200 солидов каждый. Важно, что наказывались и те, кто присутствовал при совершении преступления, но не знал о нем. Так, закон обязывал всякого такого уплатить по 45 солидов[7]. Тут подтверждается вывод из прошлого абзаца: законодатель закреплял защиту интересов семьи, и поскольку публичность бесчестья также наносит ущерб брачным перспективам женщины, закон распространяет ответственность даже на пассивных присутствующих, а на непосредственных участников налагает высокий штраф, сравнимый по сумме с вергельдом за убийство свободного мужчины.

Саксонская правда в вопросе защиты телесной неприкосновенности женщин уже менее детализирована, но сохраняет общий принцип высокой ответственности. К примеру, обесчестие дочери, жены или матери господина каралось смертью по воле последнего, а похищение девушки с последующим вступлением в брак с ней регулируется с помощью выкупа: брак с согласия девушки, но без воли родителей требовал уплаты двойной цены невесты (600 солидов), а насильственное похищение – 300 солидов родителям и 240 солидов

---

[6] Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: учебное пособие: в 2 т. Т. 1 / под ред. К.И. Батыра и Е.В. Поликарповой. – М.: Проспект, 2023. С.244.

[7] Салическая правда. М., Образц. тип. им. Жданова, 1950. (Моск.гос.пед.ин-т им. В.И. Ленина. Ученые записки, т. LXII). Перевод Н.П. Грацианского, под. ред. В.Ф. Семёнова. С. 22-23.

самой девушке с последующим ее возвращением родителям[8].

Помимо наказаний за преступления статус женщин в варварских правдах отражается и важный гражданско-правовой институт – наследование. Титул LIX «Об аллодах» устанавливает правило о недопустимости наследования женщиной земли, однако остальное имущество могло наследоваться лицами женского пола, в определенных случаях. Так, если у умершего отсутствовали сыновья, в наследство могла вступить мать. При ее отсутствии права наследования предоставлялись братьям, или, что интересно, сестрам покойного. Если и они отсутствовали, наследство переходило сестрам матери или отца. Несмотря на это, приоритет наследования оставался у лиц мужского пола, в чем отражалось патриархальное устройство общества того времени.

Позднее, Эдикт Хильперика внес некоторые послабления в закон – право наследования земли могло предоставляться и дочерям, в случае отсутствия живых сыновей у покойного[9]. Саксонская правда демонстрирует схожий с Салической правдой подход. Приоритет мужского наследования сохраняется: при смерти обоих родителей наследниками первой очереди выступают сыновья. При их отсутствии земельная собственность переходила в руки дочерей, опека которых передавалась ближайшему родственнику из отцовского рода[10].

Таким образом, в период раннего средневековья ценность женщины признавалась и строго охранялась «варварскими правдами», однако субъектность женщины отрицалась. Женщина воспринималась как элемент общества, существующий ради рождения потомства и сохранения имущества рода.

---

[8] Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: учебное пособие : в 2 т. Т. 1 / под ред. К.И. Батыра и Е.В. Поликарповой. – М.: Проспект, 2023. С.261, 263.

[9] Салическая правда. М., Образц. тип. им. Жданова, 1950. (Моск.гос.пед.ин-т им. В.И. Ленина. Ученые записки, т. LXII). Перевод Н. П. Грацианского, под. ред. В.Ф. Семёнова. С. 72.

[10] Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: учебное пособие : в 2 т. Т. 1 / под ред. К. И. Батыра и Е. В. Поликарповой. – М.: Проспект, 2023. С. 263.

Институт семьи в традиционном праве Китая в период правления династии Тан

Егоров Степан Алексеевич,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В данной статье рассматривается, как в традиционном китайском праве при династии Тан регулируется институт семьи. Проводится анализ «Тан люй шу и» как основного источника права в период правления династии Тан. Наиболее подробно разбираются положения раздела 4 «Семья и брак». Исследуются ограничения на заключение брака, наказания за нарушение брачных ритуалов, вопросы расторжения брака. Также анализируются положения, регулирующие правовой статус женщин, отношения между поколениями, усыновление и наследство.

Ключевые слова: Традиционное право Китая, династия Тан, институт семьи, «Тан люй шу и», брак в средневековом Китае, Имперский Китай.

Большое влияние на формирование китайской нации во всех аспектах, в том числе права, оказали идеи конфуцианства. Именно идеи конфуцианства, задолго до появления законов о семье, первые стали регулировать семейные отношения в китайском обществе. И хотя некоторые специалисты отмечают, что институт семьи регулировался «нормами обычного права, отличающихся партикуляризмом»[1], в этом вопросе всё-таки был ориентир, которым являлись «Три канона правил благопристойности», который состоит из «Ли Цзы» («Записок о правилах благопристойности»), «Чжоу Ли» («Чжоуских ритуалов»), «И Ли» («Образцовых церемоний и правил благопристойности»).

Нормы семейного и гражданского права стали регулироваться законом с появлением большого количества сборников права при династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.). Создание этих сборников связано с переходом Китайского

[1] Протопопова О.В. Становление и развитие законодательства о браке и семье в Китае // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/enie (дата обращения: 16.03.2026).

общества от рабовладельческой к феодальной системе. Первым дошедшим до наших дней сборником традиционного китайского права является «Тан люй шу и» – «Уголовные установления Тан с разъяснениями» иначе «Танский кодекс» или, вернее сказать, свод наказаний, составленный в период правления династии Тан (618 – 907 гг.). Его статьи будут фундаментом для формирования представления о правовом регулировании института семьи в Танском Китае.

На момент публикации «Танского кодекса» (737 г.) конфуцианское учение продолжало оставаться правовой доктриной в виде ортодоксального конфуцианства (начиная с позднего Тан (923 – 936 гг.) – в виде неоконфуцианства). Это, во-первых, объясняет преемственность традиционного китайского права. Императоры, издавая новые законы, всё же изменяли право, однако всегда ссылались на древнюю мудрость китайских сборников, соблюдая конфуцианский канон, что император «не создаёт право, а передаёт его, доверяя древним и любя их»[2]. Во-вторых, это формирует систему «Ли» и «Фа». «Ли» – это правила поведения, установленные конфуцианством, а «Фа» – суровые наказания за нарушения «Ли», установленные законом. «Ли» и «Фа» в некоторой степени отражены в системе права в виде «Люй» и «Лин». «Люй» – это уголовные уложения, унаследованное из прошлого, наиболее стабильная норма. Именно из «Люй» составлен «Тан люй шу и». «Лин» – это общеобязательные нормы, как, правило, новеллы, регулирующие неуголовные отношения. Отдельных сборников «лин» не сохранилось, однако они широко цитировались как в актах правоприменения, так и в «Тан люй шу и».

В Китае периода Тан семьи были многопоколенными, во главе, по обыкновению, стоял мужчина, которому подчинялись жены и наложницы, незамужние дочери, мужчины по нисходящей линии родства, а также их жёны и дети, рабы и слуги. Поскольку семейные отношения строились на основе конфуцианских канонов, большую роль играл культ предков, уважение младших к старшим и в частности «Сяо» («Сыновняя почтительность»).

---

[2] Прудников М.Н. История государства и права зарубежных стран. 6-е изд. – Москва, Юрайт, 2013. С. 120.

Большая часть норм, регулирующих институт семьи, содержатся в Цзуанах (частях-свитках) с 12 по 14, составляющих 4 раздел «Семья и брак» «Кодекса Тан».

Ограничения на заключения брака. В конфуцианстве, согласно Ли Цзы, брак – «союз двух семей, призванный служить родовому храму и обеспечивать продолжение семейной линии»[3]. Брачный возраст в «Тан люй шу и» не фиксирован, но по обычаю, установленному в книге V «Ли Цзы», составлял 16 лет для мужчин и 14 лет для женщин. В традиционном праве Китая до династии Тан существовала также верхняя граница брака: 30 лет для мужчин, 20 лет для женщин. Об этом свидетельствует книга XI «Чжоу ли», где устанавливается должность чиновника, обязанного составлять списки жителей, достигших верхней границы и не вступивших брак, чтобы заключить брак между ними. В правовых источниках династии Тан такая практика не зафиксирована, а значит, можно сделать вывод о её неприменении. В период династии Шан (1600 г. до н. э. – 1046 г. до н. э.) были допустимы близкородственные браки. В период династии Хань во избежание кровосмешения были запрещены браки между однофамильцами. Эта норма сохранилась и при династии Тан и получила своё отражение в «Тан люй шу и» в ст. 182, по которой «всякий раз, когда в брак вступают однофамильцы, оба наказываются 2 годами каторги». При близости «сыма» (т. е. братья и сестры отца, жёны братьев прадеда по мужской линии) и выше наказание определяется как за развратные сношения (цзянь)»[4]. Также в этой статье устанавливаются запреты на брак со свойственником, с которым есть связь по одной из степеней траура, установленных в конфуцианстве, и рядом родственников, не являющихся однофамильцами. Ст. 183 запрещает брак с бывшей женой родственника близости «танъвэнъ» (т. е. того человека, с которым есть общий предок в пятом поколении, например, старшие и младшие братья прапрадедов

---

[3] Цзян Ихуа и Хуан Цзюньлан Новый перевод Книги обрядов // Издательство «Санмин», 2007. URL: https://ctext.org/liji/hun-yi/ens (дата обращения: 16.03.2026).

[4] См.: Рыбаков В.М. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цзюани 9—16. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. С.166-169.

по мужской линии). За это наказывали 100 ударами толстыми палками. А если близость была уровня «сыма» и выше, наказывали годом каторги. Ст. 185 запрещала заключать брак с женщинами, сбежавшими от своего мужа, но запрет обходился дачей согласия предыдущего мужа на развод (и именно на развод, а не второй брак, поскольку заключение такого брака «по обоюдному согласию» запрещалось ст. 187). Согласно ст. 186, чиновники не могли заключать брак с женщинами, находившимися под сферой влияния его должности. Были запреты на браки между свободными и рабами, на что указывает ст. 189. А в ст. 88 было запрещено варварам увозить в свои края ханьских (т. е. китайских) жён или наложниц.

Наказания за нарушение брачных ритуалов. Брак заключали родители молодожёнов или родители невесты и жених, если семья жениха не могла присутствовать, например, мужчина уехал далеко от своей семьи на государственную службу и решил там заключить брак. Ответственность за нарушение «Тан люй шу и» при заключении брака несли старшие организаторы. Если организовывали отец, мать или родители отца, то вся ответственность ложилась на их плечи, если организатором был другой родственник, то он нёс ответственность как главарь, а молодожёны как соучастники. С юридической точки зрения существовало две стадии заключения брака: 1) помолвка с заключением соглашения и передачей от семьи жениха семье невесты даров и 2) непосредственно заключение брака. Ст. 188 предусматривала случай, когда старшие заключили помолвочное соглашение с одной семьёй в момент отъезда младшего, а младший заключил там помолвочное соглашение с другой семьёй. В таком случае младший оставался при своих интересах, если непосредственно заключал брак, но если брак по соглашению младшего ещё не был заключён, то он вынужден был жениться по соглашению, заключённому старшими. Ст. 175 устанавливала, что после заключения договора о помолвке семья невесты не могла отказаться от брака, даже если узнавала о молодом или старом возрасте жениха, его болезни или то, что он приёмный, иначе тот, кто заключал соглашение со стороны

семьи невесты, наказывался 60 ударами толстыми палками. Семья же жениха могла отказаться, но теряла сговорные дары. «Согласно брачным обрядам, сначала, в знак искренности, подносятся сговорные дары. Поэтому в «Ли» сказано: когда дары подарены, тогда становится женой. Хотя бы и не было писем о помолвке, достаточно того только, чтобы сговорные дары уже [были] получены»[5]. Также эта статья разрешала вопрос о браке в случае заключения нескольких соглашений. Ст. 179 и 181 полностью запрещали брак во время траура по отцу, матери или мужу. А ст. 180 запрещала брак во время того, как родители находились под следствием или на каторге, однако при наличии родительского согласия брак разрешался, но на свадьбе «согласно общеобязательным установлениям, нельзя устраивать свадебный пир»[6], т. е. нельзя было открыто проявлять радость.

Расторжение брака. Разводов было три вида. Ст. 194 предусматривает развод по инициативе государства в случае нарушения законов. Ст. 190 содержит развод по обоюдному согласию и развод по инициативе мужа. Развод по инициативе мужа мог быть только на основе «семи причин для выдворения» (неспособность жены служить; бесплодие; распутство; ревность жены к мужу; тяжёлое заболевание жены; болтливость жены; кража, совершённая женой). Однако даже при наличии этих оснований муж не мог развестись, если были «три условия невозможности ухода» (если жена некогда носила траур по свёкру или свекрови; если семья в результате этого брака разбогатела; если жене некуда уйти из семьи мужа).

Правовой статус женщин. Женщины хоть и находились под властью мужчин, всё же имели некоторую правовую защиту. Так ст. 177 защищала женщин от появления второй жены, а ст. 178 – от низложения в наложницу или рабу.

---

[5] Рыбаков В.М. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цзюани 9—16. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. С.155-157.

[6] Право народов Китая и Центральной Азии: Памяти Евгения Ивановича Кычанова (1932-2013). Сборник воспоминаний и научных трудов (историко-правовые исследования) / Ред. кол. В.М. Рыбаков, А.С. Смыкалин, Р.А. Насибуллин, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2024. С. 256.

Отношения между поколениями. Старшие по отношению к младшим имели больше прав, однако, в ряде случаев несли ответственность вместо младших (например, свадьбы – ст. 188). «Кодекс Тан» установил 10 основных зол. Так четвёртое зло – «Злостная строптивость» представляет избиение или убийство старшего. Седьмое зло – «Сыновняя непочтительность» включало донос на старших, неношение траура. Восьмое зло – «Вражда» состояло из умысла убить или продать родственника близости «сыма» или ближе. Наказания за эти виды зол не подлежали смягчению. Были также и статьи, дополнительно регулирующие это вопрос. Так, в ст. 162 младшим запрещалось тратить имущество по своему усмотрению. Они всегда должны были советоваться со старшими.

Усыновление (Вскармливание). Ст. 157 разрешает усыновлять ребёнка чужой фамилии только, если он не старше 3 лет, и если он был брошен родителями. При этом ему должны были дать свою фамилию и равные права с родными детьми. Ст. 159 запрещает усыновлять мальчиков из семьи «цзаху» – государственных преступников.

Наследство. После смерти главы семьи наследство переходило к вдове, которая должна была распределить его между сыновьями, а также выделить долю, которая должно было стать приданным для незамужних дочерей. Если в семье не оставалось, ни вдовы, ни сыновей, то наследство после дорогостоящих похорон переходило незамужним дочерям. В случае отсутствия и незамужних дочерей, наследство получали замужние дочери в размере 1/3 от имущества.

На примере правового регулирования института семьи в традиционном праве Китая в период правления династии Тан можно понять, что право даже в средние века стремилось защитить традиционные ценности. В данном случае ценность крепкой семьи и уважения к старшим. Право современного Китая продолжает защищать те же ценности, не смотря на революции и реформы. И каждая современная правовая система должна стремиться к этому.

Становление идеи прав человека в рамках естественно-правовой теории: от Ренессанса до конца Эпохи Просвещения

Елагин Даниил Сергеевич,
студент Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, г. Гродно

Аннотация: В статье рассматривается исторический путь становления идеи прав человека от эпохи Ренессанса до её закрепления в конституционных актах XVIII века. Показано влияние византийского наследия и античной философии на формирование гуманистического мировоззрения в Европе. Анализируются концепции естественного права и общественного договора в трудах Гуго Гроция, Спинозы, Локка и Монтескье. Особое внимание уделяется практическому воплощению этих идей в английских, американских и французских правовых актах. Делается вывод о том, что философская теория неотчуждаемых прав человека со временем стала основой современного демократического государства.

Ключевые слова: права человека, общественный договор, естественные права, разделение властей, гуманизм, Ренессанс.

Что из себя представляла эпоха Ренессанса? В общих чертах – это период рассвета культуры и искусства. Возник он не случайно: этому способствовало бегство византийцев, потомков Древних Рима и Греции, на территорию Италии. Сейчас, в эпоху информации, нам трудно представить, что жители Греции могли рассказать нечто абсолютно новое итальянцам. Но во времена, когда не было никаких средств связи, кроме гонцов с письмами, в условиях противоборства греческой и католической культуры, их взаимной изоляции, взгляды на мир у греков и западных европейцев различались кардинально. И одной из причин различия было то, что византийцы на протяжении всего времени существования своей империи чтили и изучали труды предков: мыслителей Рима и Греции. В католической Европе же единственным «разрешённым» философом стал Аристотель. Его учение, как уже упоминалось

ранее, легло в основу устройства католической церкви. Остальные же учения считались ересью и были преданы забвению. Но прибывшие в Италию «беженцы» привезли с собой немалое количество неизвестных европейскому обществу трудов Платона, Эпикура, Цицерона. Начав распространять идеи древних философов, византийцы как бы заново открыли их для Европы и это произвело сильнейшее впечатление на умы людей. В данной работе продемонстрирован тернистый путь гуманистической идеи прав человека к умам всего человечества, а особенно к умам высших слоёв. Ключевой вопрос: может ли теоретическая концепция наделения каждого человека исключительными и неотделимыми правами, зародившаяся в Древней Греции и Риме, не затеряться в перипетиях истории, а стать абсолютной нормой, принятой на государственном уровне?

Сначала активизировались гуманисты, развивавшие идеи антропоцентризма. Они рассматривали человека, права, другие понятия, не опираясь на схоластический, то есть церковный подход. Мыслители Ренессанса зачастую рассматривали всё со светской точки зрения и черпали идеи, взгляды из трудов времён Античности. Это поспособствовало тому, что в философии в полной мере восторжествовала идея гуманизма, основанная на трудах Цицерона, Платона, Эпикура, Антифонта[1]. А это значит, что государство обязано во всём считаться с правами всех людей и перестать делить их на сословия. Освободившись от оков, деятели начали развивать и другие идеи, включая равенство, свободу, демократию. Сами того не подозревая, они готовили идеологическую основу для будущих изменений социального и политического строя.

Считается, что первым известным деятелем в области прав человека в Новое время стал Гуго Гроций. Он стал развивать идею правового государства, в котором нет места произволу властей, деспотии. В том числе он выступал за естественное право на борьбу населения против государства, нарушающего

[1] См.: Евсеев С.С. Идея гуманизма в международном гуманитарном праве: от древнего мира до принятия первых международных договоров // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 1. С. 53.

принципы «общественного договора». Данная концепция предполагала то, что каждый человек по своей природе способен жить в договоре с другими людьми. Условный договор представлял из себя исполнение, по сути, главного правила общественных отношений, закреплённых в трудах греков, римлян, Библии в различных, но близких по смыслу формах: «Относись к другим так, как хотел бы, чтобы относились к тебе». Это также называют «золотым правилом нравственности». Но указанная концепция обязывала государство следить за исполнением такого правила во всех сферах человеческой жизни, то есть регулировать справедливое отношение одного человека к другому с помощью норм права. Существующее государственное устройство не было готово к идее общественного договора, ведь тогда пришлось бы признать всех людей равными и разрушить сословную систему. Потому идеи Г. Гроция в то время были по-своему опасны. В противовес его, по сути, антимонархическим высказываниям ставились взгляды ещё одного известного деятеля из Франции Жана Бодена. Он продвигал идею правового позитивизма и считал, что лишь монарх может по-настоящему отвечать за всё общество в целом, устанавливать нормы поведения и права, но при этом должен учитывать и естественные права, которыми наделили человека Бог и природа. В дальнейшем идею государства (в лице абсолютного монарха, а позже президента), как источника прав человека, в своих трудах развивали Жак Боссюэ, Никколо Макиавелли, Томас Гоббс, Г. Гегель, Р. Иеринг, С. Дробышевский. Однако данное направление не учитывало того фактора, что абсолютная воля монарха, быть может, и позволяет отстаивать государственный суверенитет, но мало связана с понятием справедливости, так как решение принимается вне зависимости от пожелания большинства людей, то есть общества. Потому теория общественного договора куда ближе к осуществлению в государстве естественных прав любого человека и защиты от посягательства на них этим же самым государством. В дальнейшем такую концепцию смог развить Бенедикт Спиноза (род. 1632 г.). Он предложил важную идею о том, что независимо от того, является ли человек гражданином государства, он имеет те же

естественные права, что и граждане государства. Каждый человек, включая государя, имеет одинаковую природу, испытывает страх, надежду, рождается в одном и том же состоянии: безвинного младенца. А потому, как и говорилось ещё тысячи лет назад греками, нет никакого оправдания принижению чести и достоинства человека. Наконец, говоря о власти, Спиноза утверждал базовую идею построения современной демократической власти: «…к праву государства менее всего относится то, на что негодует большинство»[2].

Это мнение, как было описано выше, в корне противоречило взглядам позитивистов, но сейчас трудно не согласиться с тем, что государство не должно принимать решения, с которыми не согласно большинство населения. Развивал и поддерживал подобные взгляды на государство и права человека родившийся в один год с Бенедиктом Спинозой английский философ Джон Локк. Он является автором первой теории деления властей на две ветви: законодательную и исполнительную. В то же время Джон Локк стал основным вдохновителем будущих буржуазных революций, повлияв на умы многих граждан Европы. Он рассматривал естественные права человека, как его неотчуждаемую собственность. К ним он причислял, например, права на жизнь, свободу и имущество. Государство не может посягать на данные права, ведь его задача, по теории общественного договора, - противостоять посягательству на права своих граждан. В то время на территории Европы государство было скорее агрессором по отношению к правам граждан. И Локк вполне последовательно обосновывал необходимость борьбы за устранение монархии тем, что только народ является учредителем власти в государстве, а значит вправе решать приносит она благо или же зло, исполняет свои обязательства или нет. Не в меньшей мере смелость во взглядах Спинозы и Локка была навеяна и происходившими буржуазными революциями в Нидерландах и Англии. Они видели, что сопротивление деспотизму возможно, а потому в своих трактатах старались развивать не только теоретическое, но и

[2] Спиноза Б. Сборник избранных произведений: в 2-х т. Москва: Гос. издат. полит. литературы, 1957. Т. 2. С. 303.

практическое применение данных идей в условиях новой политической системы, которая предоставит возможность их осуществления. Следствием такого подхода стали положения небезызвестного Habeas Corpus Act и Билля о правах, принятых английским парламентом в 1689 году. Уже название данного акта конституционного характера переводится с латинского как «ты имеешь тело». Это означало, что каждый человек обладает правами, нуждающимися в признании и закреплении на государственном уровне. Акт и поправки к нему закрепляли право неприкосновенности личности, презумпцию невиновности, принцип законности при осуществлении деятельности какого-либо государственного органа, будь то суд, парламент или правительство. Самым важным в данном документе было то, что относился он не только к гражданам Англии, но и к гражданам любого государства. Теперь философские идеи, долго витавшие в воздухе и будоражащие умы образованных слоёв населения своей революционностью, наконец, стали частью правовой системы Англии, а, соответственно, и её заокеанской колонии Северной Америки. И теперь нельзя не упомянуть главного «виновника» Французской революции Шарля Монтескье. Он являлся прямым продолжателем идей Джона Локка.

Во-первых, он развил знаменитую концепцию разделения властей до законодательной, исполнительной и судебной. Сейчас она принята во всех демократических государствах. Можно говорить, что на такое видение власти его вдохновил упомянутый ранее Habeas Corpus Act, наделивший суды практически властными полномочиями. Именно такую систему власти Ш. Монтескье видел идеальной для обеспечения защиты прав человека. Юрист подчёркивал не менее важную деталь: при отсутствии системы сдержек и противовесов, но при этом закреплении прав человека в документе конституционного значения, права могут фактически не реализовываться. Потому наличие данной системы – крайне важный аспект. Он опирался на государство, как основную форму реализации прав человека, гарант его свободы. Саму свободу Ш. Монтескье рассматривал как «право делать всё, что дозволено законами»[3].

[3] Права человека. Учебник для вузов. Отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Издательская группа

Куда более сильным сторонником идеи неотчуждаемости прав человека и теории разделения властей был американский специалист Томас Пейн. Он считал, что данные принципы возможно реализовать лишь только в рамках республики, минуя монархию, как изжившую себя форму правления, мешающую развитию капиталистических отношений и расширению свобод личности. Используя наработки своих современников и предков, учитывая интересы республиканской формы правления и общих демократических ценностей, Томас Джефферсон в группе других учёных подготовил текст Декларации независимости США. Она была принята в 1776 году и предусматривала уже знакомые права на жизнь, свободу, имущество, но, главное – была впервые закреплена их неотчуждаемость. Позднее данные естественные права и положения об их неотчуждаемости, о необходимости разделения властей указывались в Конституции США и Декларации прав человека и гражданина 1787 и 1789 годов соответственно, а также в Билле о правах человека 1789-1791 годов.

Никогда ранее идеи философов, юристов и прочих деятелей в области естественного права от Цицерона до Монтескье не имели такого ошеломительного успеха. Теперь естественно-правовая доктрина восторжествовала на двух континентах и это стало началом ещё более активной борьбы со старым укладом жизни, властвования. Произошла полная переоценка человеческой жизни, каждый начал видеть себя важной частью общества, которая имеет свои права и может влиять на жизнь всего общества. Именно здесь берёт своё начало так называемое первое поколение прав человека, в которое входят личные и политические права, право на собственность. Государство и его произвол стало в крайней мере ограничиваться по сравнению с господствовавшей всего веком ранее абсолютной монархией. Подобная резкая качественная смена формы правления, общественного, социального и экономического устройства не могла не вызвать определённых противоречий. Однако с ними столкнулись и вполне благополучно решили их уже будущие

НОРМА– ИНФРА М, 1999. С. 41.

поколения людей во всём мире. Этот пример показывает нам, потомкам, родившимся с закреплёнными Конституцией гражданскими правами и свободами, что даже самая утопическая идея на момент своего зарождения может стать абсолютной общественной нормой спустя века.

Открытые судебные процессы над нацистскими преступниками и их пособниками в СССР во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы

Ломацкая Полина Витальевна,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье анализируются первые открытые судебные процессы над нацистскими преступниками в г. Краснодаре и г. Харькове. Рассматривается формирование нормативно-правовой базы для расследования военных преступлений. Освещаются факты массового уничтожения мирного населения, включая применение «душегубок» и истребление женщин и детей. Особое внимание уделяется освещению данных процессов в советской и международной прессе. Обосновывается значение этих процессов как юридических прецедентов, повлиявших на Нюрнбергский трибунал и развитие международного гуманитарного права.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, пособники нацистов, нацистские преступники, Краснодарский процесс, Харьковский процесс, открытые судебные процессы, неотвратимость наказания.

Ключевой дилеммой, возникшей в годы Великой Отечественной войны, стало установление юридической квалификации и обеспечение безусловного привлечения к ответственности за преступления, совершенные гитлеровскими войсками и оккупационной администрацией, а также нацистскими союзниками в отношении мирного советского населения. Перед руководством страны возникли две первостепенные задачи: сформировать легитимный правовой механизм для привлечения к ответственности и создать эффективный канал коммуникации, через который советский народ и мировое сообщество смогли бы узнать правду о жестокости нацистов. Советские органы власти не имели возможности систематически фиксировать военные преступления оккупантов. Хотя подпольщики и партизаны сообщали о преступлениях, эти сведения были

неполными. Обширные данные удавалось собрать только по мере освобождения оккупированных территорий.

Нормативная база для организации расследования преступлений нацистов была заложена вследствии принятия Президиумом Верховного Совета СССР Указа от 2 ноября 1942 года «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР»[1]. Согласно Указу, Чрезвычайная государственная комиссия осуществляла всесторонний сбор и регистрацию данных о фактах убийств мирных граждан и насильственных действий оккупантов в отношении беззащитных советских граждан, а также ущерба, причиненного гитлеровскими захватчиками советскому населению, с целью полного документирования этих преступлений.

Ключевым инструментом для проведения открытых судебных процессов выступил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников»[2]. Указ устанавливал смертную казнь в качестве высшей меры наказания для нацистским преступников, а для их пособников вводились каторжные работы сроком от 15 до 20 лет. С его принятием открытые судебные процессы в г. Краснодаре и г. Харькове получили законодательную основу для

---

[1] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 02.11.1942 «Об образовании Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 40.

[2] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 28.02.2026).

привлечения к ответственности нацистов и их сообщников.

С 14 по 17 июля 1943 года в г. Краснодаре прошел первый в истории судебный процесс, который публично, юридически закрепил ответственность нацистских преступников и их пособников за совершенные злодеяния. Военный трибунал рассмотрел материалы о преступных деяниях, совершенных немецко-фашистскими агрессорами и их сообщниками на территории города во время оккупации. В ходе дела были выявлены ужасающие факты: в подвалах гестапо задержанных подвергали чудовищным пыткам и издевательствам, применяли машины и камеры-«душегубки», в которых людей умерщвляли окисью углерода высокой концентрации. Всего от этого вида пыток погибло около 7 тыс. советских граждан. Непосредственно перед отступлением гитлеровцы взорвали и подожгли здание гестапо, в котором находилось более 300 арестованных, обрекая их на мучительную смерть. Жестокость нацистских палачей не знала границ, их жертвами становились невинные дети, которые находились в больнице на лечении. Всего было умерщвлено газом более 700 детей. Трупы замученных матерей и детей, погибших от удушья окисью углерода, стали страшным свидетельством нацистских преступлений[3].

На скамье подсудимых оказались 11 советских граждан[4], восьмерых изменников Родины суд приговорил к смертной казни, а их соучастников к ссылке на каторжные работы сроком на двадцать лет каждого[5].

Вторым важнейшим открытым процессом, который прошел с 15 по 18 декабря 1943 года, стал Харьковский. В освобожденном от оккупантов 23 августа 1943 года, в г. Харькове, действовал в Военный Трибунал четвертого Украинского фронта. Впервые на скамье подсудимых оказались не только пособники, но и сами военнослужащие вермахта. Заседания проходили в

---

[3] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 269. Оп. 1. Д. 28. Л. 15.

[4] Там же Л. 2-5.

[5] Без срока давности. Документы открытых судебных процессов над нацистскими преступниками и их пособниками, проведенных СССР в 1943–1947 гг.: сб. док. Т. 1. 1941 – 1943 / Отв. ред. А.В. Юрасов; отв. сост. О.В. Лавинская, Ю.Г. Орлова, сост. Е.В. Балушкина и др. – М.: Фонд «Связь Эпох», 2025. С. 219.

здании Харьковского оперного театра – самом большом помещении города, способном вместить несколько тысяч человек. Примечательно, что подсудимым были предоставлены профессиональные защитники, что подчеркивало стремление советского правосудия к процессуальной легитимности. Военный трибунал, руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, вынес смертный приговор четверым подсудимым, назначив казнь через повешение. Исполнение приговора состоялось 19 декабря 1943 года на центральной площади г. Харькова, где собрались тысячи горожан[6].

События судебного процесса развернулись под пристальным вниманием общественности, получив беспрецедентный для своего времени охват. Информация о нем распространялась не только через советские газеты – «Правду», «Известия», «Красную звезду», но и через иностранные журналы, такие как «Таймс», «Нью-Йорк Таймс», «Санди экспресс», «Дейли экспресс»[7].

Так, например, газета «Известия Советов депутатов трудящихся СССР»[3] отмечала: «Когда окончился допрос подсудимых, и они без краски стыда признались в содеянном, и стало ясно, что разновидность двуногих представлена на этом процессе вниманию Военного трибунала, нашей страны всего цивилизованного мира, в зал вступили воспоминания. Вереницей потянулись родственники погибших и свидетелей, на глазах у которых осуществлялся гитлеровский план подготовки великого восточного пространства для германской колонизации, – выселение законных жильцов из их вековечных владений в никуда, в небытие. Одно черней другого, слово ложится на слово. Горит госпиталь с военнопленными, горят хатки с их обитателями, и бараки, доверху набитые трупами, горят. И, хотя полно света в

---

[6] Без срока давности. Документы открытых судебных процессов над нацистскими преступниками и их пособниками, проведенных СССР в 1943–1947 гг.: сб. док. Т. 1. 1941 – 1943 / Отв. ред. А.В. Юрасов; отв. сост. О.В. Лавинская, Ю.Г. Орлова, сост. Е.В. Балушкина и др. – М.: Фонд «Связь Эпох», 2025. С. 270.

[7] Архивное дело. Харьковский судебный процесс над немецкими военными // Официальный сайт Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/about-the-proc/archiving/ (дата обращения: 28.02.2026).

[3] Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1943. 19 декабря. № 299.

этом зале, вдруг как бы сумерки наступают, точно черный смрадны снег, пепел громадных сожжений опускается сюда, в потрясенную тишину».

Привлечение иностранных журналистов и описание зверств настолько детально, преследовало две цели. Во-первых, это выступало неоспоримым аргументом в информационном поле и разрушало мифы о цивилизованном ведении войны вермахтом. Во-вторых, требовалось, чтобы обо всех злодеяниях узнавали из первых уст и достоверных источников, так, чтобы историю в дальнейшем не могли переписать. Советское правосудие создавало ту самую неопровержимую доказательную базу, которую уже никто не смог бы оспорить или поставить под сомнение.

Нацистская программа уничтожения советского народа охватила множество городов, г. Краснодар и г. Харьков стали лишь одними из свидетелей этих зверств. Везде, куда ступала нога оккупантов – от г. Минска и г. Киева до г. Одессы и г. Гомеля, от г. Минска и г. Могилева до г. Днепропетровска и г. Чернигова – оставались лишь следы нечеловеческих страданий и массовых убийств. Эти события привели не только к физическому уничтожению миллионов людей, но и оставили глубокие психологические травмы у выживших, которые на протяжении десятилетий пытались справиться с последствиями пережитого ужаса. Нацистская оккупация оказалась не просто военным контролем и полицейским надзором, но преступлением, направленным на уничтожение мирного советского населения.

После окончания Второй мировой войны Советский Союз провел Рижский открытый судебный процесс над военнослужащими Третьего рейха и лицами, оказавшими содействие в совершении жестоких военных преступлений. Суд проходил в период с 26 января по 2 февраля 1946 года. Высокопоставленные офицеры Вермахта и СС обвинялись в совершении преступлений с 1941 года по 1944 год на захваченных территориях Прибалтики, а также на других землях СССР. Среди предъявленных обвинений были: организация массовых расправ, включая геноцид еврейского населения и истребление советских военнослужащих, попавших в плен, целенаправленное

уничтожение городов, а также порабощение жителей для принуждения к труду в Германии. После завершения судебного процесса, семь человек, признанных виновными, были приговорены к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение через повешение, которое состоялось в виде публичной казни на площади Победы в г. Риге[8].

Таким образом открытые судебные процессы над немецко-фашистскими преступниками и их сообщниками, запущенные в 1943 году, послужили основой для эффективного и постоянного юридического преследования военных преступлений. Судебные процессы, которые рассматривались в г. Краснодаре и г. Харькове, являлись первыми публичными судебными процессами в мировой практике в отношении гитлеровцев и их пособников, выполнявшие функцию осведомления мировой общественности о масштабах жестоких нацистских злодеяний. Созданная юридическая база трансформировала политическую задачу наказания агрессора в строго регламентированную судебную деятельность, основанную на принципах законности и неотвратимости ответственности за преступления против человечности. Гармонизация советских процессуальных норм с международно-правовыми стандартами позволила накопить значительный массив практического и теоретического материала, который лег в основу Устава Нюрнбергского трибунала и заложил фундамент современного международного уголовного права.

[8] Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. – Рига: ВАПП, 1946. С. 111.

«Японский вопрос»: изменение правового статуса японского населения в США во время Второй мировой войны

Лукиенко Елена Андреевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматривается процесс изменения правового статуса японского населения в США в период Второй мировой войны. Особое внимание уделено системе нормативных правовых актов, регулирующих интернирование японского населения. Рассматриваются положения закона конца XVIII века и чрезвычайные указы президента Франклина Рузвельта. Помимо этого, анализу подверглись механизмы легализации дискриминационных мер, направленных на интернирование гражданского населения. Также исследуется позиция Верховного суда США по вопросу конституционности ограничения прав граждан в условиях «военной необходимости».

Ключевые слова: Интернирование, Вторая мировая война, Перл-Харбор, японское население США, чрезвычайное законодательство, Конституция США.

Во время Второй мировой войны правовой статус лиц японского происхождения в США определялся их принадлежностью к одной из двух категорий: подданные Японской империи (иссеи – иностранцы, не имеющие права на получение гражданства) и граждане США по праву рождения (нисеи). Согласно XIV поправке к Конституции США, последние, как лица, родившиеся в Соединенных Штатах, являлись полноправными гражданами, которым гарантировалось «одинаковое со всеми покровительство законов». Однако после атаки на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года правовой иммунитет этой группы населения был фактически аннулирован. Администрация Ф.Д. Рузвельта, апеллируя к интересам национальной безопасности, инициировала радикальную трансформацию правового режима, при которой этническая принадлежность стала основанием для лишения граждан свободы и имущества, что прямо противоречило V и XIV поправкам к Конституции США[1]. К 1941 году в США

[1] Конституция Соединенных Штатов Америки (1787 г.) с поправками // Викитека. URL:

проживало более 125 тыс. лиц японского происхождения, две трети которых являлись гражданами США по рождению[2].

Переход от дискриминационных настроений к системным государственным мерам опирался на существующую законодательную базу, которая была оперативно адаптирована к условиям войны. Первоначальным правовым инструментом стал «Закон о враждебных иностранцах» 1798 года[3]. Сразу после нападения на Перл-Харбор, на основании этого закона, президент Ф.Д. Рузвельт издал прокламацию № 2525, которая позволяла задерживать и ограничивать в правах иностранных граждан японского происхождения, не имеющих американского гражданства[4].

Однако сфера действия этого акта была недостаточной для воздействия на американских граждан японского происхождения. Поэтому следующим, более радикальным шагом в трансформации правового статуса всего японского населения стал Чрезвычайный указ № 9066, подписанный 19 февраля 1942 года. Данный документ формально не упоминал конкретную этническую группу, однако де-факто наделил военное командование полномочиями определять «военные зоны» и принудительно выселять из них любых лиц, включая полноправных граждан США[5].

Дальнейшее развитие и практическое применение Указа № 9066 нашло отражение в Публичной прокламации № 1, изданной 2 марта 1942 года генерал-

---

https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_США#Поправка_I_(1791) (дата обращения: 22.02.2026).

[2] «Characteristics of the Nonwhite Population by Race» («Характеристика небелого населения по расам») 1940 г. // Бюро переписи населения США (United States Census Bureau). URL: https://www2.census.gov/library/publications/decennial/1940/population-nonwhite/population.pdf (дата обращения: 20.02.2026).

[3] Alien Enemies Act (Закон о враждебных иностранцах) 1798 г. // Национальный архив США (National Archives). URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/alien-and-sedition-acts

[4] Proclamation No. 2525 — Alien Enemies: Japanese (Прокламация № 2525 о враждебных иностранцах японского происхождения, 7 декабря 1941 г.) // Американский президентский проект (The American Presidency Project), Калифорнийский университет в Санта-Барбаре. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/proclamation-2525-alien-enemies-japanese (дата обращения: 20.02.2026).

[5] Executive Order 9066 (Исполнительный указ № 9066 от 19 февраля 1942 г.) // Национальный архив США (National Archives). URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/executive-order-9066 (дата обращения: 21.02.2026).

лейтенантом Джоном Л. Деуиттом[6].

Этот документ юридически закрепил создание «Военной зоны № 1» и «Военной зоны № 2» вдоль всего Западного побережья США. В рамках Прокламации территория штатов Вашингтон, Орегон, Калифорния и части Аризоны была объявлена зоной стратегической важности, из которой «любое лицо может быть выдворено» в интересах национальной обороны. Кроме того, данный акт официально установил режим комендантского часа, обязывающий всех лиц японского происхождения находиться в своих жилищах с 20:00 до 6:00, а также ввел запрет на владение предметами, классифицированными как «военная контрабанда» (радиоприемники, фотоаппараты, оружие).

Юридическая правомерность данных ограничений была подтверждена Верховным судом США в 1943 году в ходе процессов по делам Гордона Хирабаяси и Минору Ясуи[7][8]. Суд отклонил доводы истцов о нарушении Пятой поправки к Конституции: «…никто не может быть лишен свободы или имущества без надлежащего судебного разбирательства», постановив, что в условиях войны исполнительная власть имеет право на введение дискриминационных мер, таких как комендантский час, по отношению к определенным этническим группам. В деле Хирабаяси против Соединенных Штатов высшая судебная инстанция апеллировала к концепции «военной необходимости», фактически признав, что расовая принадлежность может служить основанием для обоснованного подозрения в нелояльности. Несмотря на различия в правовом статусе лиц – Минору Ясуи был профессиональным юристом, чье гражданство изначально оспаривалось из-за его связей с японским консульством, решения по обоим делам согласовали действия военного командования с конституционными нормами военного времени, создав

---

[6] Public Proclamation No. 1 (Публичная прокламация № 1 от 2 марта 1942 г.) // Викитека (Wikisource). URL: https://en.wikisource.org/wiki/Public_Proclamation_No._1 (дата обращения: 22.02.2026).

[7] Hirabayashi v. United States, 320 U.S. 81 (1943) (Дело Хирабаяси против Соединенных Штатов) // Верховный суд США. Электронная база судебных решений Justia. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/320/81/ (дата обращения: 26.02.2026).

[8] Yasui v. United States, 320 U.S. 115 (1943) (Дело Ясуи против Соединенных Штатов) // Верховный суд США. Электронная база судебных решений Justia. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/320/115/ (дата обращения: 26.02.2026).

легальный прецедент для последующего массового интернирования.

Продолжением формирования репрессивного механизма стало принятие мер по обеспечению исполнения военных приказов и созданию административной инфраструктуры для перемещенных лиц.

18 марта 1942 года президент подписал Чрезвычайный указ № 9102, который учредил специализированный орган – Управление по переселению во время войны[9]. Этот указ перевел процесс интернирования из сугубо военной плоскости в организационно-административную. Новое ведомство наделялось широчайшими полномочиями по формулированию программ переселения, обеспечению жильем, питанием и надзором за десятками тысяч людей.

Практическая реализация полномочий Управления по переселению привела к масштабному гуманитарному кризису. В 10 основных «центров военного перемещения» было принудительно помещено около 120 тыс. человек, из которых более 70 тыс. (около 60%) являлись полноправными гражданами США по рождению[10]. Условия содержания в лагерях, расположенных в удаленных и климатически суровых зонах (от пустынь Аризоны до болотистых местностей Арканзаса), характеризовались крайней стесненностью и отсутствием элементарных удобств[11]. Интернированные размещались в наспех построенных бараках, обтянутых толем, без внутренней облицовки и водопровода. Семьи зачастую проживали в одной комнате, разделенной лишь тканевыми перегородками, а быт был организован в общих столовых и санузлах. Периметр каждого лагеря был огорожен колючей проволокой под надзором вооруженной охраны на вышках. Экономический ущерб для японского населения оказался катастрофическим: из-за необходимости ликвидировать активы в течение 48-72 часов перед выселением, совокупные потери имущества, недвижимости и бизнеса оцениваются историками в сумму от 2 до 5 млрд

---

[9] Executive Order 9102 (Исполнительный указ № 9102 от 18 марта 1942 г.) // Викитека (Wikisource). URL: https://en.wikisource.org/wiki/Executive_Order_9102 (дата обращения: 24.02.2026).

[10] «Japanese Relocation During World War II» (Перемещение японцев во время Второй мировой войны) // Национальный архив США (National Archives). URL: https://www.archives.gov/education/lessons/japanese-relocation (дата обращения: 22.02.2026).

[11] «Sites of Incarceration» (Места заключения) // Энциклопедия Densho (Densho Encyclopedia). URL: https://encyclopedia.densho.org/Sites_of_incarceration/ (дата обращения: 22.02.2026).

долларов в современном эквиваленте.

Практическая реализация выработанной стратегии осуществлялась через Приказы о гражданском исключении, которые издавались военным командованием для конкретных районов. Каждый такой приказ становился юридическим основанием для немедленного выселения японских семей: жителям давалось от 48 часов до нескольких дней на ликвидацию имущества и явку на сборные пункты[12].

Соответственно, на государственном уровне была легализована долгосрочная изоляция граждан по этническому признаку.

21 марта 1942 года Конгресс США принял Публичный закон № 503[13]. Данный законодательный акт установил уголовную ответственность (мисдиминор) за нарушение любых приказов, изданных военным командованием в рамках реализации Указа № 9066. Именно на основании этого закона был осужден Фред Коремацу, уклонившийся от принудительного выселения из установленной военной зоны. В ходе рассмотрения дела Коремацу против Соединенных Штатов в 1944 году Верховный суд указал, что любые ограничительные меры, направленные против конкретной расовой группы, априори являются «подозрительными» и подлежат максимально детальному анализу[14]. Тем не менее, решением большинства суд легитимизировал действия исполнительной власти, признав приоритет доктрины «военной необходимости» над индивидуальными правами граждан. Суд пришел к выводу, что в условиях глобального конфликта задачи по предотвращению саботажа и шпионажа оправдывают применение экстраординарных мер по принудительной изоляции и интернированию гражданского населения.

В 1944 году практика принудительного размещения американцев

---

[12] Civilian Exclusion Orders (Гражданские приказы об исключении, 1942 г.) // Электронная коллекция Calisphere, Калифорнийский университет. URL: https://calisphere.org/item/ark:/28722/bk0014b1k1d (дата обращения: 25.02.2026).

[13] Public Law 503 (Публичный закон №503) // Электронная коллекция Calisphere, Калифорнийский университет. URL: https://calisphere.org/item/fed5ddb6166bee0c2035e654e6f1f74e/ (дата обращения: 25.02.2026).

[14] Korematsu v. United States, 323 U.S. 214 (1944) (Дело Коремацу против Соединенных Штатов) // Верховный суд США. Электронная база судебных решений Justia. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/323/214/ (дата обращения: 26.02.2026).

японского происхождения в лагерях была официально прекращена, что ознаменовало формальный отказ государства от режима массовой изоляции гражданского населения по признаку происхождения. Однако признание неправомерности принятых мер последовало лишь спустя более чем четыре десятилетия. Только в 1988 году Конгрессом был принят «Закон о гражданских свободах», закрепивший официальные извинения федерального правительства и предусмотревший выплату компенсации в размере 20 тыс. долларов каждому пережившему интернирование[15]. Тем самым государство признало, что примененные в военный период меры были обусловлены не «военной необходимостью», а сочетанием расовых предрассудков и военной истерии. Реализация компенсационных выплат сопровождалась организационными и бюрократическими затруднениями: часть средств не достигла адресатов вследствие логистических сбоев и несовершенства процедур уведомления, что подчеркивает запоздалый и во многом символический характер восстановительной политики.

Таким образом, к середине 1942 года в США была нормативно закреплена система чрезвычайного законодательства, позволившая легализовать ограничение прав по этническому признаку. Ключевым актом стал Чрезвычайный указ № 9066 от 19 февраля 1942 года. Несмотря на то, что Четвертая поправка к Конституции прямо запрещала неосновательные обыски и аресты, данный указ наделил военных правом выселять граждан из «военных зон» без точного описания лиц, подлежащих аресту, и без надлежащего судебного разбирательства. Интернированию подверглись свыше 120 тыс. человек японского происхождения, две трети из которых являлись гражданами Соединенных Штатов по рождению. Масштаб примененных мер свидетельствует о фактическом установлении режима этнической сегрегации на федеральном уровне, при котором происхождение становилось определяющим юридическим критерием ограничения прав и свобод.

---

[15] H.R.442, 100th Congress (1987-1988) (Законопроект Палаты представителей США № 442, 100-й Конгресс) // Официальный сайт Конгресса США. URL: https://www.congress.gov/bill/100th-congress/house-bill/442/text (дата обращения: 27.02.2026).

Эволюция избирательного права как путь к признанию достоинства человека: историческая ретроспектива и ценностные ориентиры Указа № 809.

Рост Александр Вячеславович,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В работе рассматривается историко-правовая эволюция избирательных цензов от античности до современности. Показано, что избирательное право исторически складывалось не как право человека вообще, а как право ограниченного круга граждан, допускаемых к участию в управлении на основе критериев, установленных государством. Анализ позволяет проследить переход от гражданских, имущественных, сословных и половых ограничений к современному пониманию всеобщего активного избирательного права. Особое внимание уделяется возрастному цензу как одному из немногих ограничений, сохранивших значение и в современном праве. Изменение избирательных цензов - не только история постепенного преодоления ограничений, но и эволюция представлений о политической правоспособности личности. В условиях цифровизации вопрос о развитии избирательных прав смещается от проблемы круга участников к проблеме формы и условий реализации избирательного права.

Ключевые слова: избирательное право, избирательные цензы, гражданство, возрастной ценз, политическое участие, цифровизация выборов, политическая правоспособность.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении основных закономерностей эволюции избирательных цензов и в осмыслении перехода от ограниченных форм политического участия к всеобщему активному избирательному праву. Для этого необходимо проследить, какие цензы определяли участие в политике в Античности, Средневековье, Новом и Новейшем времени, а также проанализировать причины их изменения и

перехода от одних критериев политического отбора к другим.

Избирательное право традиционно занимает важное место в политико-правовой жизни общества, однако в современных условиях интерес к нему дополнительно усиливается в связи с изменением форм его реализации. Цифровизация избирательных процедур, развитие дистанционного электронного голосования и влияние информационной среды на формирование политической воли обостряют вопрос о том, каким образом будет обеспечиваться свобода, осознанность и достоверность политического волеизъявления. Однако современная дискуссия не может быть понята вне исторического контекста, поскольку вопрос о формах реализации избирательного права напрямую связан с тем, что на протяжении веков само участие в управлении государством строилось как право ограниченного круга лиц, допускаемых к нему на основании системы цензов.

Изучая историю, мы можем видеть, как в разные эпохи менялись основания допуска к политическому участию. Уже в античности, как только возникает вопрос о политических правах, рассматривают не человека вообще, а прежде всего гражданина, который отвечает определенным условиям участия, установленным государством[1]. В разные эпохи такими условиями становились: гражданство, пол, возраст, свобода, имущественное положение, сословная принадлежность, оседлость и иные критерии. Поэтому эволюцию избирательного права следует рассматривать не просто как историю расширения участия, а как историю изменения оснований политического отбора.

Ключевое значение для анализа нашей темы имеют также ценностные установки, закрепленные в Указе Президента Российской Федерации № 809 от 9 ноября 2022 года[2]. Эти установки позволяют интерпретировать эволюцию

---

[1] См., например: Прудников М.Н. История государства и права зарубежных стран. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С. 103.

[2] Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

избирательного права как трансформацию представлений о личной ценности, правах и свободах человека, а также о гражданской позиции и ответственности. В таком преломлении история избирательных цензов приобретает особую актуальность, представляясь процессом изменения взглядов на то, кто именно в различные исторические периоды признавался государством в качестве субъекта, способного участвовать в решении общенациональных задач.

Особое место в процессе демократизации избирательных процедур занимает трансформация возрастного ценза, которая выступает не просто техническим параметром, а сущностным отражением эволюции представлений о достоинстве человека.

Исторический переход от высоких возрастных порогов (21 год и старше) к современному стандарту активного избирательного права свидетельствует о постепенном преодолении патерналистской парадигмы, в рамках которой молодежь долгое время рассматривалась как категория, лишенная полноценной политической субъектности. Снижение возрастного ценза в контексте признания достоинства личности означает, что государство признает способность гражданина к рациональному политическому выбору и наделяет его правом голоса как неотъемлемым атрибутом человеческой идентичности. Таким образом, расширение возрастных границ избирательного корпуса становится важным этапом на пути к реализации принципа всеобщего участия, где достоинство каждого человека получает свое политическое выражение вне зависимости от искусственно возводимых хронологических барьеров[3].

[3] См.: Кузищин В.И. История Древнего Рима. – М.: Высшая школа, 1994. С. 111.

Перестройка системы высшего образования СССР в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны

Сай Полина Сергеевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются изменения, произошедшие в системе высшего образования СССР в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделено нормативным правовым актам, регулировавшим работу высшей школы в условиях военного времени. Отдельно исследуется процесс эвакуации вузов в восточные регионы страны, а также их вклад в научное обеспечение нужд фронта и тыла. На примере Харьковского медицинского института показано, что перемещение научно-образовательных учреждений способствовало формированию новых центров подготовки специалистов и развития науки, в том числе Оренбургского государственного медицинского университета.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, высшее образование, эвакуация, Харьковский медицинский институт, высшие учебные заведения, Чкаловская область.

Перестройка системы высшего образования в годы Великой Отечественной войны стала одним из наиболее сложных и напряженных периодов в истории советской высшей школы. Война поставила перед государством задачу не только сохранить человеческий и экономический потенциал, но и обеспечить устойчивое функционирование интеллектуальной инфраструктуры страны.

Университеты, институты и научные центры оказались в условиях, когда их деятельность напрямую зависела от потребности фронта. К началу 1941 года система высшего образования СССР представляла собой развитую сеть университетов, отраслевых и педагогических институтов[1]. Управление

[1] См.: Сперанский А.В. Высшая школа СССР в 1941–1945 гг.: экзамены войны // Вестник

осуществлялось через Народный комиссариат просвещения СССР, а также через отраслевые наркоматы, контролировавшие технические, медицинские и сельскохозяйственные вузы. Координацию научных исследований обеспечивали Академия наук СССР и сеть профильных научно-исследовательских институтов. Как отмечает Б.П. Белозеров, высшая школа рассматривалась государством в качестве важнейшего элемента подготовки инженерных и научных кадров для индустриализации и оборонной промышленности.

Уже в первые дни после нападения Германии началась масштабная мобилизация студентов старших курсов, аспирантов и преподавателей. Многие добровольно вступали в народное ополчение и уходили на фронт. В результате в университетских аудиториях резко сократилось число обучающихся, а многие кафедры временно лишились значительной части профессорско-преподавательского состава. Значительную роль сыграли нормативные правовые акты военного времени. Среди них особое значение имели постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 23 июня 1941 года «О мобилизации военнообязанных»[2], постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 2 июля 1941 года «О всеобщей обязательной военной подготовке граждан СССР»[3], а также постановление СНК СССР от 21 августа 1941 года «Об эвакуации научных учреждений и вузов из прифронтовых районов»[4].

Указанные нормативные акты определяли порядок мобилизации населения, в том числе студентов и преподавателей, регламентировали ускоренную подготовку специалистов и закрепляли особый режим

Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15 (3). С. 36.

[2] Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 23.06.1941 «О мобилизации военнообязанных» // Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. 1941. № 17. С. 324.

[3] Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 02.07.1941 «О всеобщей обязательной военной подготовке граждан СССР» // Правда. 1941. 3 июля.

[4] Постановление СНК СССР от 21.08.1941 «Об эвакуации научных учреждений и вузов из прифронтовых районов» // Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. 1941. № 21. С. 412.

функционирования высшей школы.

В ряде постановлений Государственного Комитета Обороны предусматривалось сохранение ключевых научных коллективов, предоставление отсрочек от призыва ведущим ученым и ускоренная подготовка инженеров, врачей и специалистов оборонной промышленности. Вводились сокращенные программы обучения, увеличивалась продолжительность учебного года, отменялись традиционные каникулы. В вузах усилилась дисциплина, а контроль за посещаемостью и успеваемостью стал более жестким. Подготовка квалифицированных кадров максимально ориентировалась на нужды фронта и оборонной промышленности.

Одним из важнейших направлений деятельности вузов стала научно-исследовательская работа в интересах армии[5]. Университетские лаборатории активно сотрудничали с промышленными предприятиями, выполняя прикладные исследования. Физики, инженеры и химики участвовали в разработке новых материалов, совершенствовании броневой защиты и средств связи. Медицинские работники занимались поиском эффективных методов лечения ранений, инфекционных заболеваний и организации санитарной службы.

Серьезные изменения произошли и в структуре студенческого контингента. В связи с мобилизацией значительной части мужчин доля женщин в вузах существенно увеличилась. Девушки активно осваивали технические и медицинские специальности, ранее считавшиеся преимущественно мужскими. Эвакуация проводилась централизованно и контролировалась Советом по Эвакуации, Государственным Комитетом Обороны и Советом Народных Комиссаров. Новыми центрами размещения стали города Урала, Сибири, Поволжья и Казахстана, в частности г. Чкалов (ныне г. Оренбург), г. Бузулук, г. Орск, г. Алма-Ата, г. Актюбинск, г. Уральск и г. Семипалатинск.

---

[5] См.: Кузнецов И.М. Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны: перестройка учебного процесса и научная работа в интересах обороны // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2019. № 4. С. 67.

Ярким примером успешной эвакуации является судьба Харьковского медицинского института. Сразу после начала войны его сотрудники были направлены в Чкаловскую область. Эвакуация института была организована последовательно и продуманно, что позволило сохранить ключевые научные направления и основной преподавательский состав[6]. Несмотря на нехватку помещений и тяжелые бытовые условия, учебный процесс удалось быстро восстановить. На новом месте учебное заведение занималось подготовкой медицинских кадров как для фронта, так и для мирного населения, а преподаватели активно участвовали в лечении раненых в госпиталях. Нередко профессора и доценты совмещали преподавание с практической врачебной деятельностью. В работах А.В. Сперанского отмечается, что сотрудничество эвакуированных ученых с местными врачами способствовало формированию сплоченного профессионального сообщества, которое стало основой для дальнейшего развития медицины в регионе. После окончания войны накопленный научный потенциал удалось полностью сохранить. На базе уцелевших кафедр и научных коллективов впоследствии сложилась структура будущего Оренбургского государственного медицинского университета.

Одним из важных последствий перемещения научных учреждений стало появление новых научно-образовательных центров в восточных районах СССР. В Чкаловской области (ныне Оренбургская область) и городах Казахстана сформировалась особая научная среда, где тесное взаимодействие местных специалистов и прибывших преподавателей дало заметный импульс развитию медицины и образования.

Существенный вклад в научную жизнь региона внес известный хирург Гавриил Абрамович Илизаров[7]. В годы войны он работал в сельских больницах Казахстана, где ежедневно оказывал помощь раненым и пациентам с тяжелыми

---

[6] См., например: Ермилова Е.В., Захаров И.С. Эвакуированные вузы и формирование научной инфраструктуры в Казахстане и на Урале (1941–1945) // Вопросы истории науки и техники. – 2021. Т. 42 (4). С. 56.

[7] См. по этому вопросу: Петров С.И., Михайлова Л.Н. Гавриил Абрамович Илизаров: начало пути (1941-1945) Вопросы истории медицины и здравоохранения. 2021. № 3. С. 78.

травмами опорно-двигательной системы. Со временем эти исследования привели к появлению широко известного метода компрессионно-дистракционного остеосинтеза, получившего признание во всем мире и занявшего важное место в медицине.

Алексей Петрович Соколов, совмещая учебу в медицинском институте с работой в госпитале на территории Оренбургского края, занимался лечением тяжелораненых пациентов с осложнениями[8]. Опираясь на доступные научные публикации и передовые на тот момент принципы асептики, он разработал более эффективный способ обработки ран, позволяющий снизить риск развития гангрены. Свои наблюдения, основанные на большом количестве клинических случаев, он обобщил в научных изысканиях. Предложенная им методика местной антисептической обработки была внедрена в тыловых госпиталях региона, что помогло уменьшить смертность и ускорить восстановление раненых.

Значительную роль в развитии научной среды играли и местные специалисты, а также организаторы системы образования. В Чкаловской области формировались научные коллективы, объединявшие преподавателей, прибывших из разных регионов страны.

Аналогичные процессы происходили и в Казахстане: в г. Алма-Ате и г. Семипалатинске продолжали деятельность эвакуированные вузы и научно-исследовательские учреждения[9]. В этих условиях складывалась новая научная инфраструктура, которая оказала заметное влияние на послевоенное развитие образования.

В 1943-1944 годах, по мере освобождения оккупированных территорий, началось возвращение учебных заведений на прежние места[10]. При этом многие

---

[8] Соловьев А.Н. Научная работа вузов в тылу: инновации военного времени (1941–1945) // Вестник Оренбургской медицинской академии. 2022. № 1 (24). С. 112.

[9] См.: Сперанский А.В. Высшая школа СССР в 1941-1945 гг.: идеология, эвакуация и практикоориентированная подготовка // Вестник Уральского федерального университета. Серия «Общественные науки». 2023. Т. 25 (2). С. 88.

[10] См.: Сперанский А.В. Высшая школа СССР в 1941-1945 гг.: идеология, эвакуация и практикоориентированная подготовка // Вестник Уральского федерального университета.

здания находились в разрушенном состоянии, а библиотеки и лаборатории лишились значительной части оборудования и фондов. Для восстановления их деятельности государство направляло ресурсы на ремонт, оснащение и возобновление учебного процесса.

Таким образом изменения в системе высшего образования в годы Великой Отечественной войны позволили задействовать потенциал вузов на обеспечение обороны СССР. Перемещение учебных заведений и объединение научных коллективов, в том числе на примере Харьковского медицинского института, не только помогли сохранить научные кадры, но и способствовали развитию науки и образования на новых территориях. Высшая школа проявила себя как важный элемент оборонной системы, обеспечивая фронт и промышленность квалифицированными кадрами и научными разработками. Взаимодействие науки, образования и производства в рассматриваемый период укрепило преемственность знаний и создало основу для дальнейшего развития регионов страны.

Проблема юридической квалификации и этической оценки коллаборационизма на оккупированных территориях СССР во время Великой Отечественной войны

Слабоспицкая Мария Андреевна,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы квалификации и этической оценки коллаборационизма на оккупированных территориях СССР во время Великой Отечественной войны. Анализируется советское законодательство, направленное на борьбу с этим явлением. Особое внимание уделено различным категориям пособников врага – от идейных противников советской власти до вынужденных коллаборационистов, которые сотрудничали с оккупантами ради выживания. Также акцентируется внимание на эволюции правовой квалификации измены Родине и на механизме «послевоенной фильтрации». Делается вывод о том, что этическая оценка требует исторической ретроспективы, которая позволяет увидеть не только измену, но и трагедию людей, ставших жертвами обстоятельств оккупационного режима.

Ключевые слова: коллаборационизм, Великая Отечественная война, историческая память, измена Родине, военные трибуналы, военные преступления, оккупационный режим.

В соответствии с Конвенцией о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 года военная оккупация представляет собой временную меру, не решающую окончательную судьбу захваченных регионов до мирных переговоров[1]. Вопреки этому положению нацистская Германия захватила западные и юго-западные области РСФСР в 1941-1942 году и установила здесь жестокий оккупационный режим, продолжавшийся более 2-х лет.

Немецко-фашистские захватчики активно стремились привлечь местное

[1] Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (1907) // СПС КонсультантПлюс. URL: consultant.ru (дата обращения: 16.03.2026).

население для поддержания режима террора, что в конечном итоге породило сложное социально-экономическое явление – «коллаборационизм». Коллаборационисты делились на две большие группы в зависимости от мотивов, толкнувших человека на сотрудничество с врагом. К первой относились идейные пособники – те, кто сознательно и добровольно встал на сторону нацистского режима; те, кого одолевала ненависть к советской власти. Данное сотрудничество носило, как правило, классовый, националистический характер, либо возникло под влиянием нацистской пропаганды.

Вторая группа была гораздо многочисленней. Ее причиной было вынужденное сотрудничество, подкрепленное стремлением выжить в нечеловеческих условиях и никак не связанное с идеологическим противоречием. В этом контексте стоит вспомнить позицию итальянского историка Дж. Боффа, что в основном сотрудничество советских граждан с немцами произошло не по идейным соображениям, а вследствие шантажа голодом[2].

Аналогичной позиции придерживаются и современные российские историки, такие как Н.А. Кирсанов, С.И. Дробязко и др. По их мнению, коллаборационизм – способ выживания под пятой оккупантов[3]. В данную группу входили крестьяне, учителя, врачи, переводчики, часто соглашавшиеся на работу из-за страха за свою жизнь и жизни своих близких.

Советская юриспруденция изначально не давала четкого определения понятия военных преступлений по отношению к деяниям гитлеровских оккупантов и их пособников. Однако со временем стала появляться необходимость правовой квалификации такого рода преступлений. Квалификация коллаборационизма как одного из особо тяжких и позорных преступлений стала результатом обобщения судебной практики первых

---

[2] См.: Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2: От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941-1964 гг. // пер. с итал. И.Б. Левина – 2-е изд. – М.: Международные отношения, 1994. С. 108.

[3]См.: Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 64.

месяцев войны. Механизм привлечения к ответственности за пособничество немецко-фашистским оккупантам утверждался совокупностью нормативных правовых актов.

Во-первых, Директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года № 509, обращенная к партийным и советским организациям прифронтовых областей, требовала покончить с благодушием и мобилизовать все организации и все силы народа для разгрома врага, немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своей трусостью мешает делу обороны. Соответственно, был взят курс на ужесточение законодательства: любое проявление слабости в прифронтовой полосе приравнивалось к пособничеству врага и каралось по законам военного времени, вне зависимости от прежних заслуг или должностного положения человека[4].

Во-вторых, Приказ Ставки Верховного Главнокомандования от 16 августа 1941 года № 270, подписанный И.В. Сталиным, В.М. Молотовым и рядом маршалов, был адресован военнослужащим.

Приказ задал исключительно жесткий вектор правоприменительной практики. Несмотря на то, что в документе отмечаются мужество бойцов Красной Армии, их стремление нанести врагу как можно больший удар, а также приводятся примеры героических выходов из окружения, основная его часть содержит порицание командиров и политработников, сдавшихся врагу.

В качестве негативных примеров приводятся следующие генералы: В.Я. Качалов, П.Г. Понеделин, Н.К. Кириллов. Предписывалось применять к ним высшую меру наказания – расстреливать на месте, а их семьи – арестовывать как семьи предателей, лишая государственного пособия.

Данный приказ на долгие годы вперед закрепил понятие «плен» в качестве преступления[5]. Уголовное преследование коллаборационистов также

---

[4] Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29.06.1941 № П509 «Партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков» // Электронная библиотека исторических документов (ЭБИД). URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/446105 (дата обращения: 16.03.2026).

[5] Приказ Ставки Верховного Главнокомандования от 16.08.1941 № 270 «Об ответственности

устанавливалось ст. 58 УК РСФСР и, в особенности, пунктами: 58-1а «Измена Родине»; 58-1в, предусматривавшим ответственность членов семьи в случае их помощи изменнику; 58-1г, устанавливавшем недонесение военнослужащих о готовящейся измене[6].

Кульминацией этой работы стало принятие 19 апреля 1943 года Указа Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и их пособников»[7]. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года советские граждане, уличенные в содействии нацистам в совершении при расправах над гражданским населением и пленными красноармейцами, приговаривались к смертной казни через повешение, расстрелу, каторжным работам на срок от 15 до 20 лет. Рассмотрение таких дел возлагалось на военно-полевые суды.

Процесс послевоенной фильтрации был регламентирован Постановлением Государственного Комитета Обороны № 1069сс от 27 декабря 1941 года. Документ стал основой для создания в армейском тылу сборно-пересыльных пунктов для бывших военнослужащих Красной Армии, оказавшихся в плену или в окружении противника. Народным комиссариатом внутренних дел СССР были организованы специальные лагеря в Вологодской, Тамбовской, Сталинградской, Ивановской областях с Особыми отделами для выявления пособников нацистов. Лица, в отношении которых не имелось

военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия» // Электронная библиотека исторических документов (ЭБИД). URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/194960#mode (дата обращения: 18.03.2026).

[6] Уголовный Кодекс РСФСР 1926 года // Электронная библиотека исторических документов (ЭБИД). URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/391620#mode/inspect/page/14/zoom/4 (дата обращения: 16.03.2026).

[7] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 16.03.2026).

компрометирующих материалов, передавались военкоматам[8]. Работа в военных трибуналах была направлена на наказание активных изменников и карателей. Так, например, в отношении Авдеева Андрея Панкратьевича, который был признан пособником немецкой армии. В период с 6 июня 1942 по 28 января 1943 года, Авдеев А.П. проходя службу старостой земельного общества в с. Хохол, выполнял все указания оккупационных властей: отбирал продукты питания у местных жителей для удовлетворения потребностей немецкой армии, выгонял население на различные работы, к лицам, отказывающимся от работы, применял насилие. Он был осужден по ст. 58-1а УК РСФСР к 10 годам лишения свободы в ИТЛ с поражением в правах на 5 лет и с конфискацией имущества[9].

Амнистия 1955 года частично скорректировала эту практику, освободив от ответственности тех, кто сотрудничал с оккупантами по малодушию[10]. Массовый пересмотр дел и реабилитация начались в конце 1980-х – начале 1990-х годов. В 1991 году дело Авдеева Андрея Панкратьевича было пересмотрено, в результате чего он не был реабилитирован, поскольку его преступление квалифицировали как активное пособничество, не подпадающее под понятие малодушия[11]. Однако в орбиту внимания органов государственной безопасности нередко попадали и те, чья вина ограничивалась «бытовым

---

[8] Постановление Государственного Комитета Обороны № 1069сс от 27.12.1941 «О создании пересыльных пунктов и спецлагерей для военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника» // Электронная библиотека исторических документов (ЭБИД). URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/261082#mode/inspect/zoom/4 (дата обращения: 16.03.2026).

[9] Уголовный Кодекс РСФСР 1926 года // Электронная библиотека исторических документов (ЭБИД). URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/391620#mode/inspect/page/14/zoom/4 (дата обращения: 16.03.2026).

[10] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17.09.1955 «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» // Электронная библиотека исторических документов (ЭБИД). URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/75284-ukaz-prezidiuma-verhovnogo-soveta-sssr-ob-amnistii-sovetskih-grazhdan-sotrudnichavshih-s-okkupantami-v-period-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg-17-sentyabrya-1955-g#modepage/2/zoom/4 (дата обращения: 15.03.2026).

[11] Архивная справка УФСБ по Воронежской области об осужденном нацистском пособнике А.П. Авдееве // Без срока давности. URL: https://бд.безсрокадавности.рф/article/2383753 (дата обращения: 15.03.2026).

коллаборационизмом». Таким примером может стать дело № 1548 в отношении Артемова Якова Ипполитовича 1889 года рождения. Артемов Я.И. протоколом от 13 мая 1942 года № 33 - М был осужден к высшей мере наказания – к расстрелу за содействие немцам в ограблении колхоза «Демьян Бедный», будучи старостой поселка Гастевка Бутырского Совета Волынского района. Яков Ипполитович был обвинен в том, что показал немецким оккупантам подвал, где находился картофель, приготовленный для весеннего посева, открыл этот подвал и забрал себе половину колхозного картофеля к себе для немецкой кухни, которая располагалась в его доме. В 1992 году был реабилитирован заключением Липецкой областной прокуратуры, его обвинение было признано необоснованным[12].

Таким образом, коллаборационизм на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны представляет собой сложное и неоднородное явление, которое нельзя однозначно свести к предательству или вынужденному выживанию. Он может включать как идейное сотрудничество с врагом, так и действия, продиктованные нечеловеческими и экстремальными условиями оккупации. Судебная практика военных лет наглядно демонстрирует то, как сложно порой было провести грань между преступником и жертвой обстоятельств. Голод и страх могли сломить человека, но только сознательный выбор зла делает людей преступниками.

[12] Выписка из акта о приведении в исполнение приговора в отношении Артемова Я.И. от 08.06.1942 // Без срока давности. URL: https://бд.безсрокадавности.рф/article/1974026 (дата обращения: 15.03.2026).

Рецепция и адаптация западного права в России: механизмы и пределы

Устинов Михаил Артемович,
студент Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов.

Аннотация: В статье исследуется процесс заимствования (рецепции) и адаптации западного права в России как историческая форма правовой аккультурации. На основе теоретических подходов и исторических примеров выявляются ключевые механизмы этого процесса. Анализируются культурные, политические и институциональные пределы, определяющие успешность или провал рецепции. Делается вывод о формировании в России гибридной правовой системы, сочетающей заимствованные формы с национальной спецификой.

Ключевые слова: рецепция права, правовая аккультурация, адаптация западного права, пределы рецепции права, рецепция по горизонтали и вертикали, декларативная рецепция.

Россия на протяжении своей истории неоднократно обращалась к опыту западных правовых систем в целях модернизации государства и общества. Этот процесс заимствования и приспособления иностранных правовых моделей, известный как рецепция, является одной из ключевых форм правовой аккультурации – продолжительного контакта правовых культур, ведущего к изменению их структур и формированию единого правового пространства[1]. Понимание конкретных механизмов, через которые осуществляется рецепция, и границ, за которыми заимствованные нормы отторгаются или искажаются, критически важно для анализа современной российской правовой системы и перспектив её развития.

Правовую рецепцию следует понимать не как простое копирование текстов законов, а как сложный культурно-правовой процесс. В научной

[1] См.: Сокольская Л.В. Рецепция как историческая форма правовой аккультурации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. С. 1581. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/retseptsiya (дата обращения: 16.02.2026).

литературе она определяется как «односторонний добровольный процесс передачи элементов правовой культуры социума-донора с обязательным их усвоением социумом-реципиентом». Ключевыми характеристиками этого процесса являются:

1. Добровольность и односторонность. Инициатором всегда выступает принимающая сторона (правящая элита) в лице государства, которое осознанно решает заимствовать иностранный опыт.

2. Рецепция права никогда не является стихийным процессом, идущим снизу, от общества. Она невозможна без волевого акта со стороны государства, которое выступает главным инициатором и проводником изменений. Правящая элита (монарх, правительство) принимает политическое решение о заимствовании, руководствуясь целями модернизации, усиления государственного аппарата или повышения эффективности управления. Само заимствование осуществляется директивным методом через издание законов, указов и проведение реформ, которые навязываются обществу «сверху», даже если культурная среда еще не готова к их органичному восприятию. Многоэтапность. Процесс включает выявление потребности, заимствование, адаптацию, восприятие и оценку результата.

В зависимости от вектора заимствования различают рецепцию по горизонтали (заимствование у современной правовой системы) и по вертикали (преемственность, обращение к собственному или чужому историческому опыту).

История России демонстрирует действие различных механизмов правовой аккультурации, среди которых рецепция занимает центральное место.

1. Адаптивное заимствование как основной механизм. Наиболее характерным для России является не прямое копирование, а сложная переработка западных моделей под местные условия. Ярким примером служит Табель о рангах Петра I, заимствовавшая идеи западноевропейской бюрократической организации, но встроенная в систему сословного российского общества с целью повышения эффективности управления. Это был

инструмент не столько служения закону, сколько «государевой службы», где лояльность монарху оставалась первостепенной.

2. «Декларативная» или «декоративная» рецепция. В кризисные периоды заимствование может носить символический характер, служа «спасительной идеей для правящей элиты» с целью демонстрации прогрессивного курса, но без глубинного усвоения ценностей, стоящих за правовыми нормами. Некоторые неудачные реформы (например, отдельные аспекты столыпинской аграрной реформы) могут рассматриваться через эту призму, когда механическое насаждение западных институтов (фермерских хозяйств) привело к конфликту с традиционными общинными устоями[2].

3. Имплементация через масштабные реформы. Системная рецепция часто происходит в рамках масштабных государственных преобразований. Судебная реформа 1864 года, заимствовавшая принципы состязательности, несменяемости судей и суда присяжных, представляет собой попытку глубокой адаптации западных институтов. Однако, как показывает пример суда присяжных, заимствованный институт может претерпеть «мутацию» в новой среде, превратившись из судебного органа в инструмент политической борьбы[3].

Успех правовой рецепции ограничен рядом фундаментальных факторов, определяющих её пределы.

1. Культурно-исторические и право-культурные пределы. Главным барьером является различие правовых культур. В Западной Европе рано утвердился принцип верховенства закона и служения государственным интересам, подкреплённый гарантированным правовым статусом чиновника. В России же, доминирующей на протяжении веков, оставалась парадигма «государевой службы», где первейшей обязанностью была охрана интересов монарха, а статус чиновника сильно зависел от начальства. Заимствованные

---

[2] См.: Сокольская Л.В. Рецепция как историческая форма правовой аккультурации. С. 1585. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/retseptsiya-kak-istoricheskaya-forma-pravovoy-akkulturatsii (дата обращения: 14.02.2026).

[3] См., например: Синюков В.Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию права. Саратов: Саратовская государственная академия права (СГАП), 1994. С. 176. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/95-04-001-sinyukov-v-n-rossiyskaya-pravovaya-sistema-vvedenie-v-obschuyu-teoriyu-saratov-poligrafist-1994-495s (дата обращения: 15.02.2026).

нормы, противоречащие этой глубокой культурной установке, либо отторгаются, либо выхолащиваются.

2. Политические и институциональные пределы. Рецепция упирается в существующую политическую систему и интересы элит. Принцип разделения властей, независимости суда или реальной политической конкуренции, будучи формально заимствованным, часто вступает в противоречие с логикой централизации власти. Институты, заимствованные для повышения эффективности (как Табель о рангах), могут быть интегрированы в традиционную систему, не меняя её сути.

3. Проблема «правовой экосистемы». Отдельный, даже идеально составленный закон, не будет работать без соответствующей институциональной среды: независимого и профессионального судейского корпуса, традиции уважения к частному праву, развитого гражданского общества. Заимствование формы без содержания ведёт к её имитации. Это иллюстрирует незавершённый в дореволюционной России переход к меритократической системе госслужбы, где образовательный ценз боролся с сословным началом. Рецепция западного права в России представляет собой не линейный путь «вестернизации», а сложный и противоречивый процесс адаптивной аккультурации. Его механизмы варьируются от глубокой переработки моделей под национальные условия до формального, «декоративного» заимствования. Пределы этого процесса коренятся в глубинных пластах национальной правовой культуры, для которой исторически характерен примат властной вертикали и персонифицированной лояльности над безличным авторитетом закона.

Формируется гибридная правовая система, сочетающая заимствованные западные институты с устойчивыми национальными практиками. Эффективность рецепции зависит от того, насколько заимствуемые элементы могут быть органично вписаны в эту сложную систему с учётом её исторически обусловленных ограничений. Дальнейшее развитие российского права требует не механического копирования, а осмысленного синтеза через целенаправленное укрепление независимых институтов и правовых гарантий.

Секция № 3. «Государство и право: единство традиций и инноваций»

Искусственный интеллект и правовая ответственность

Аташева Сания Сайдалыевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные вопросы юридической ответственности за действия систем искусственного интеллекта в рамках российской правовой системы. На основе анализа Национальной стратегии развития ИИ до 2030 года и действующего законодательства автор исследует проблему «черного ящика». Рассматриваются сложности взаимодействия между программным кодом и нормами права, а также механизмы защиты прав граждан. Вопросы определения правового статуса систем искусственного интеллекта и специфика привлечения интереса пользователей таких систем в настоящее время волнуют многих. Особое внимание уделяется практическим моделям возмещения ущерба и роли экспериментальных правовых режимов в формировании будущего законодательства.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовая ответственность в сфере искусственного интеллекта, Национальная стратегия развития ИИ, безопасность данных, «черный ящик», экспериментальные правовые режимы.

Сегодня развитие технологий искусственного интеллекта в России официально признано приоритетной государственной задачей. Основным документом, определяющим это направление, является Указ Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»[1], который утвердил Национальную стратегию развития ИИ до 2030 года. Главная цель этой стратегии заключается в том,

[1] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5703.

чтобы сделать Россию одним из мировых лидеров в сфере высоких технологий, обеспечив при этом цифровую безопасность и соблюдение прав каждого человека. Однако внедрение автоматизированных систем в повседневную жизнь ставит перед юристами сложный вопрос о том, кто должен нести ответственность, если программа совершит ошибку, которая приведет к материальным убыткам или вреду здоровью. Действующее законодательство, включая законы об информации и персональных данных, постоянно обновляется, чтобы соответствовать темпам технического прогресса, но многие правовые пробелы всё еще остаются.

Одной из главных проблем эксперты называют эффект «черного ящика». Современные нейросети работают настолько сложно, что даже их создатели не всегда могут точно объяснить, почему система приняла то или иное решение. Это создает серьезные трудности для правосудия, ведь классическое право привыкло опираться на понятие вины конкретного человека. Если невозможно доказать, что программист заложил в код ошибку специально или по неосторожности, возникает «разрыв в ответственности», когда пострадавший есть, а виновного найти не удается. Кроме того, существует заметная разница между тем, как работают компьютерные алгоритмы и как устроены законы. Если закон часто опирается на такие понятия, как «справедливость» или «разумность», то искусственный интеллект понимает только математические показатели, что делает его действия в нестандартных ситуациях непредсказуемыми.

В обществе наиболее активно обсуждаются случаи ошибок беспилотных автомобилей или нейросетей в медицине. На данный момент в российской практике преобладает мнение, что искусственный интеллект следует рассматривать как источник повышенной опасности, аналогично обычному транспорту. В таком случае ответственность за любой причиненный вред несет владелец этой системы, независимо от того, понимал ли он логику работы алгоритма. Для того чтобы не тормозить развитие бизнеса из-за таких рисков, государство внедряет так называемые «регуляторные песочницы» —

экспериментальные правовые режимы. В их рамках компании могут тестировать новые технологии под контролем государства, помогая вырабатывать правила, которые к 2030 году станут общеобязательными. Ожидается, что в будущем важную роль будет играть обязательное страхование ответственности: если ИИ совершит ошибку, ущерб будет возмещен страховой компанией, что защитит и граждан, и разработчиков.

Развитие правового регулирования искусственного интеллекта в России на период до 2030 года представляет собой сложный процесс перехода от общих деклараций к формированию многоуровневой системы, сочетающей этические нормы, гражданское право и механизмы обеспечения национальной безопасности[2]. Фундаментом этой системы стало развитие институтов «мягкого права», ярким примером которого является Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, подписанный в 2021 году крупнейшими технологическими компаниями страны, включая Сбер, Яндекс и VK. Добровольное принятие бизнесом обязательств по обеспечению прозрачности алгоритмов и предотвращению дискриминации свидетельствует о готовности отрасли к саморегулированию. Такой подход позволяет формировать критически важное доверие со стороны пользователей и общества в целом, не создавая при этом избыточных бюрократических барьеров на ранних этапах технологического прорыва.

Однако по мере интеграции нейросетей в экономику вопросы чистой этики неизбежно дополняются острыми правовыми дилеммами в области интеллектуальной собственности. Сегодня ИИ перестал быть просто инструментом и начал самостоятельно генерировать программный код, тексты и изображения, что ставит под сомнение классическую концепцию авторства. Действующее российское законодательство признает автором только человека, создавая правовой вакуум вокруг результатов деятельности генеративных моделей. К 2030 году государству предстоит четко определить субъекта прав:

---

[2] Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р // Собрание законодательства РФ. 2020. № 35. Ст. 5593.

будет ли это разработчик алгоритма, пользователь, сформировавший запрос, или же такие объекты должны признаваться общественным достоянием. Решение этой задачи напрямую влияет на инвестиционную привлекательность отрасли, так как бизнес должен иметь гарантии защиты своих интеллектуальных активов и понимание механизмов капитализации ИИ-решений.

Параллельно с внутренним законотворчеством Россия вынуждена учитывать глобальный контекст и жесткую конкуренцию правовых режимов. В то время как Европейский союз в 2024 году пошел по пути жесткого регулирования и классификации рисков в рамках своего AI Act, российский подход, закрепленный в обновленной Национальной стратегии развития ИИ, ориентирован на создание «регуляторного комфорта». Гибкое законодательство рассматривается как инструмент обеспечения технологического суверенитета и способ удержания ведущих разработчиков внутри страны. Слишком жесткие рамки могут спровоцировать отток талантов в более либеральные юрисдикции, тогда как чрезмерная мягкость создает угрозу безопасности данных и приватности граждан. Особое место в правовой повестке до 2030 года занимает противодействие новым угрозам информационной безопасности, прежде всего — распространению технологий дипфейков. Возможность синтеза реалистичного аудиовизуального контента создает беспрецедентные риски для финансового сектора и личных прав граждан, переводя дискуссию об ответственности ИИ из плоскости гражданского права в сферу уголовного регулирования. Необходимость маркировки контента, созданного нейросетями, и установление жесткой ответственности за использование ИИ в преступных целях становятся приоритетными задачами.

Таким образом, к 2030 году правовое поле вокруг искусственного интеллекта в России должно эволюционировать в комплексную систему, где технологическая свобода и экономические интересы неразрывно связаны с этической ответственностью и защитой цифрового суверенитета личности.

Право на жизнь в теории естественного права с изменяющимся содержанием

Байлеписов Айдар Салаватович,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В данной статье исследуется право на жизнь как фундаментальное и неотчуждаемое право личности. Анализируется его юридическая природа, доктринальные определения, а также дискуссионные проблемы: момент возникновения права на жизнь, правовое регулирование абортов, соотношение права на жизнь с институтом смертной казни. Рассматривается российское и зарубежное законодательство в указанных сферах. Обосновывается вывод о комплексном характере права на жизнь, обязывающего государство не только воздерживаться от произвольного лишения жизни, но и активно создавать условия для достойного существования каждого человека.

Ключевые слова: право на жизнь, смертная казнь, неприкосновенность жизни, неотчуждаемые права личности, возникновение права на жизнь.

Право на жизнь занимает особое место в системе прав и свобод человека. Оно является первичным, базовым правом, без гарантированности которого утрачивает смысл вся система иных прав и свобод личности. Как справедливо отмечал И.Х. Бабаджанов, право на жизнь выступает «юридической квинтэссенцией витальных общечеловеческих ценностей», поскольку жизнь есть необходимое условие существования каждого субъекта правоотношений[1].

Право на жизнь традиционно относят к категории естественных, неотчуждаемых прав личности. Естественно-правовая концепция, восходящая к трудам Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и развитая в работах И. Канта, утверждает, что данное право существует вне зависимости от его позитивного закрепления:

[1] Венгеров А.Б. Теория государства и права. 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. С.68.

государство лишь признаёт и гарантирует его, но не дарует[2].

В отечественной науке право на жизнь рассматривается в объективном и субъективном аспектах. В объективном смысле — это конституционно-правовой институт — совокупность юридических норм, регулирующих охрану жизни человека. В субъективном смысле право на жизнь есть естественная, неотъемлемая от личности и гарантированная нормами внутреннего и международного права возможность защиты неприкосновенности жизни и свободы распоряжения ею в пределах, установленных законом[3].

В.В. Невинский определял право человека на жизнь как «вид и меру возможного пребывания человека в живой природе, которые обусловлены естественно-природными и социальными свойствами человека»[4]. А.В. Балашов выделяет три элемента: право на неприкосновенность жизни; право на обеспечение и защиту жизни государством; запрет на лишение жизни публичной властью.

Понятие «жизнь», лежащее в основе рассматриваемого права, обнаруживает биологическое и социально-юридическое измерения. С физиологической точки зрения жизнь есть активное функционирование организма как биологической системы. С юридической — это феномен, объединяющий биологическое начало с социальным: человек существует не как изолированная особь, а как субъект общественных отношений, носитель достоинства и правового статуса[5].

Представляется, что право на жизнь не сводится к какому-либо одному аспекту, а представляет собой комплексное явление. Прежде всего, это защита от любых посягательств на жизнь человека — со стороны как частных лиц, так и самого государства. Вместе с тем данное право включает и определённую

---

[2] Кант И. Критика практического разума // Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. — М.: Мысль, 2015. С. 234.
[3] Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. — М.: Юристъ, 2019. С. 156.
[4] Невинский В.В. Право на жизнь как естественное право человека // Государство и право. 2017. № 8. С. 25.
[5] См.: Алексеев С.С. Право: азбука — теория — философия: опыт комплексного исследования. — М.: Статут, 2016. С. 312.

свободу личности распоряжаться собственной жизнью сообразно своей воле, поскольку жизнь — это то, что принадлежит человеку безраздельно, и никто не вправе распоряжаться ею вместо него. Наконец, государство обязано не просто воздерживаться от посягательств на жизнь, но и активно создавать условия, при которых жизнь каждого человека была бы достойной и защищённой[6].

Наиболее дискуссионной проблемой является определение момента возникновения права на жизнь. В большинстве правовых систем момент возникновения права на жизнь связывается с рождением — моментом отделения ребёнка от организма матери. Именно такой подход закреплён в ч. 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения[7]. Гражданский кодекс РФ (ст. 17) подтверждает, что правоспособность гражданина возникает в момент его рождения.

Вместе с тем встречаются и другие точки зрения. Г.Б. Романовский, анализируя позицию Е.С. Резника, указывает на то, что в гражданском законодательстве ряда государств правоспособность определяется не моментом рождения, а моментом зачатия. Федеральный закон от 20 мая 2002 года № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» определяет эмбрион как зародыш до восьми недель развития, тем самым юридически признавая его существование в качестве объекта правовой защиты[8]. ГК РФ предусматривает возможность наследования лицами, зачатыми при жизни наследодателя и родившимися живыми после открытия наследства».

В медицинской науке дискутируются несколько подходов. Наиболее распространённым в европейских государствах считается момент появления какой-либо части тела новорождённого при родах — без полного отделения от

---

[6] Балашов А.В. Конституционное право на жизнь: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2020. С. 78.

[7] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. — М., 2020. С. 10.

[8] Федеральный закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 20. Ст. 1910.

организма матери. Именно этот критерий признаётся в Ирландии, Чешской и Словацкой Республиках[9].

Практическое решение вопроса о моменте возникновения права на жизнь имеет прямую связь с регулированием искусственного прерывания беременности. Российское законодательство легализует аборт в установленные медицинские сроки, исходя из концепции, что жизнь человека как юридический объект охраны начинается с рождения. Н.В. Тюменева указывает на необходимость законодательного определения момента возникновения права на жизнь на уровне конституционного права с целью достижения единообразия регулирования[10].

Смертная казнь представляет собой наиболее острое столкновение права на жизнь с правом государства на применение высшей меры наказания. Н.С. Таганцев указывал, что смертная казнь «выросла из института частной и родовой мести, выдвигавшего начало отплаты кровью за кровь, смертью за смерть» [11].

В философско-правовой традиции существуют полярные позиции. И. Кант считал смертную казнь единственно справедливым наказанием за убийство, поскольку иное «нарушает справедливость». Ж.-Ж. Руссо полагал, что человек, посягнувший на жизнь другого, разрывает общественный договор и тем самым лишает себя защиты. В противовес этим позициям Ч. Беккариа в трактате «О преступлениях и наказаниях» (1764) обосновал несправедливость и бесполезность смертной казни, доказав, что государство не вправе лишать жизни человека, коль скоро именно защита жизни является основанием общественного договора[12].

Аргументы в пользу смертной казни, как правило, сводятся к

---

[9] См., например: Романовский Г.Б. Начало человеческой жизни: медицинский и юридический аспекты // Право и политика. 2019. № 4. С. 56-64.

[10] См.: Тюменева Н.В. Право на жизнь и проблема абортов в современном праве // Журнал конституционного правосудия. 2021. № 2. С. 34-41.

[11] Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая. Т. 1. — М.: Наука, 1994. С. 412.

[12] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Пер. с итал. — М.: ИНФРА-М, 2018. С. 67.

следующему: обеспечение физической невозможности рецидива со стороны осуждённого; функция устрашения, способная снизить число особо тяжких преступлений; соображения экономии бюджетных средств в сравнении с пожизненным лишением свободы; принцип талиона как инструмент восстановления социальной справедливости.

Противники смертной казни выдвигают не менее весомые контраргументы. Во-первых, судебная система не застрахована от ошибок: приведение приговора в исполнение делает реабилитацию невозможной. А.С. Сидоркин, исследуя проблему отмены смертной казни, констатирует, что «правосудие ещё не достигло такой организации, при которой исключалась бы возможность судебных ошибок»[13]. Во-вторых, смертная казнь как акт легального насилия противоречит общей тенденции гуманизации уголовного законодательства и не достигает цели исправления осуждённого. В-третьих, большинство криминологических исследований не подтверждают существенного сдерживающего эффекта смертной казни на преступность.

В Российской Федерации смертная казнь предусмотрена ч. 2 ст. 20 Конституции РФ как исключительная, временная мера наказания за особо тяжкие преступления против жизни при условии рассмотрения дела с участием присяжных заседателей[14].

Фактически смертная казнь не применяется в России с 1996 года. Последним казнённым стал серийный убийца Сергей Головкин. Постановлением Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 года № 3-П назначение смертных приговоров было запрещено в связи с отсутствием суда присяжных на всей территории страны. Определением Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р запрет был подтверждён и распространён на весь последующий период: суд констатировал формирование устойчивого конституционно-правового режима, направленного на отмену

---

[13] Сидоркин А.С. Проблема отмены смертной казни в современном праве // Уголовное право. 2020. № 3. С. 28-33.

[14] Конституция Российской Федерации. — М., 2020. С. 12.

смертной казни.

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов теоретико-правового характера.

Право на жизнь является фундаментальным, естественным и неотчуждаемым правом личности, представляющим собой меру возможного поведения человека в рамках правового поля государства и защищаемым как международным правом, так и конституциями большинства стран мира. Оно выступает первичным по отношению ко всем иным правам и свободам: без его гарантированности утрачивает смысл вся система прав человека. В объективном смысле право на жизнь — конституционно-правовой институт; в субъективном — естественная свобода личности, ограниченная лишь в случаях, прямо предусмотренных законом[15].

К числу основных теоретических проблем реализации права на жизнь относятся: определение момента его возникновения (с зачатия, с начала родов или с момента рождения), что непосредственно влияет на регулирование абортов и охрану жизни эмбриона; проблема смертной казни как законного лишения жизни государством.

Таким образом, право на жизнь в современной теории государства и права предстаёт не просто как запрет произвольного лишения жизни, но как комплексный правовой институт, обязывающий государство к активным позитивным действиям по созданию условий, обеспечивающих достойную жизнь каждого человека.

---

[15] См.: Михлин А.С. Смертная казнь: проблемы теории и практики // Уголовное право. 2018. № 4. С. 15-21.

Идея свободы как высшей ценности в конституционных актах эпохи Просвещения и Великих революций

Кавыев Даниил Сергеевич,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье на основе изучения конституционно-правовых актов эпохи буржуазных революций XVII и XVIII веков, а также основных философско-правовых концепций эпохи Нового времени рассматривается становление идеи свободы. В статье автор обращается к величайшим мыслителям эпохи Просвещения, анализируются причины революций и их специфика в каждом из государств. Исследуются особенности понимания идеи свободы в каждом из революционных государств и их принципиальные отличия друг от друга. Проводятся аналогии с современным пониманием термина свобода.

Ключевые слова: идея свободы в эпоху Просвещения, буржуазные революции XVII и XVIII веков, Конституция, естественные неотчуждаемые права.

Идея свободы является одним из фундаментальных конституционных положений любого современного демократического государства. Основы этого принципа закладывались столетия назад, когда в результате развития общественных отношений устаревшие и изжившие себя феодальные государства, переставали отвечать потребностям масс и самоуничтожались.

Разрушение сложившихся строев происходило путём революций, многие из которых длились несколько лет, а иногда и десятилетий. Когда на смену старым феодальным отношениям приходят отношения буржуазные, перед духовенством, дворянством и королём, как главными представителями феодального строя, появляется выбор: поддаться давлению народа или не допускать проникновения буржуазных слоёв в Парламент к рычагам управления. Выбор второго пути в большинстве случаев приводит к революции

– насильственной смене режима.

Смена формы правления в ведущих государствах сопровождалась изданием конституционно-правовых актов, в которых доминирующие силы революции закрепляли результаты своей длительной борьбы.

Несмотря на то, что мыслители разных стран и разных эпох трактовали данный термин по-разному, в общем и целом, он означал возможность действовать независимо от чьей-либо воли.

Одной из таких идей была теория естественного права, которая положила начало формированию принципов свободы. Согласно этой теории, каждому человеку присущи не только права, установленные законодательством, но и естественные права – те, что принадлежат ему от рождения, которые невозможно отнять, отобрать, ограничить.

Гуго Гроций считал, что естественное право существует независимо даже от божественной воли и основывается исключительно на разуме и природе человека.

Джон Локк утверждал, что каждый человек обладает естественными и неотчуждаемыми правами — правом на жизнь, свободу и собственность. Эти права не даруются государством и не могут быть у человека отняты. Основная задача государства – защита этих прав.

Важнейшей теоретической моделью объяснения происхождения государства и свободы стала концепция общественного договора. Согласно этой теории, государственная власть возникает не по божественной воле монарха, а в результате соглашения между людьми.

В своей политической философии Томас Гоббс утверждал, что в естественном состоянии люди находятся в состоянии постоянного конфликта, который он описывал как «войну всех против всех», потому как «человек человеку - волк». Свобода стала ограниченной с появлением государства.

Джон Локк так же, как и Томас Гоббс, считал, что вначале общество находилось в естественном состоянии. Однако люди не отказались от естественных прав и свобод. Человек передал часть своих свобод для их

защиты со стороны государства.

Жан-Жак Руссо считал, что в самом начале общество находилось не в состоянии войны всех против всех, а в состоянии так называемой «прекрасной дикости».

Одним из важнейших условий сохранения свободы мыслители Просвещения считали ограничение государственной власти. Для этой цели Шарль-Луи де Монтескье придумал концепцию разделения властей. «Всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею[1]», - утверждает Ш.Л. Монтескье. Значит, свобода каждого человека может легко поколебаться под воздействием государственной власти. Значит, нужно создать такое устройство, при котором несколько властей могли бы сдерживать друг друга в противозаконных поползновениях.

Становление термина начинается в Англии, оттуда же идут корни новой эпохи Просвещения. Абсолютистские стремления новой династии Стюартов в Англии встретили упорное сопротивление со стороны сформировавшихся слоёв: буржуазии и нового дворянства–джентри. По сути, проигнорировав требования Парламента о соблюдении Великой Хартии Вольностей 1215 года, король затевает свою игру по устранению оппозиции, но в ходе вспыхнувшей Гражданской войны терпит поражение.

Важнейшей гарантией личной свободы стал Habeas Corpus Act, принятый в 1679 году. Согласно акту, каждый задержанный за уголовное преступление имеет право быть доставленным в суд для проверки законности ареста.

Кульминацией английской конституционной эволюции стал Билль о правах, принятый после Славной революции в 1689 году[2]. В нём закреплялся целый ряд свобод: слова и обсуждений, выборов в парламент, обращений к королю с петициями и т. д.

Свобода здесь носила прежде всего политико-правовой характер: она

---

[1] Монтескье Ш.Л. О духе законов // URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.O dukhe.pdf.

[2] Батыр К.И., Поликарпова Е.В. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. Том 2. М.: Юрист, 2006. С. 32.

означала участие через представительные органы в управлении государством и защиту от произвольной власти монарха.

Следующей страной, заложившей важнейшие основы современного понимания свободы, стали США. В связи с развитием буржуазных отношений и с началом накопления капитала колонии начинают подготовку к войне. В результате успешных боевых действий против королевских войск были образованы свободные и независимые Штаты.

Ключевым документом революции стала Декларация независимости США, подготовленная Томасом Джефферсоном.

В первой части этого документа провозглашается, что «правительства» (то есть государства) созданы для обеспечения естественных прав человека. Правительство, не отвечающее данным требованиям, должно быть свергнуто.

Таким образом, свобода рассматривалась не как привилегия, данная монархом, а как природное право каждого человека, дарованное ему самим Создателем.

Следующим этапом стало принятие Конституции США, которая стала непосредственным продолжением Декларации независимости и которая была призвана создать новую систему управления в молодом государстве.

Была создана система, эффективно предотвращающая концентрацию власти в одних руках. Это должно было обеспечивать соблюдение свобод.

В 1791 году Соединённые Штаты принимают Билль о правах. В нём закрепляются основные свободы: религии, слова, печати, собраний и т.д.

Свобода здесь понимается как фундаментальный принцип государственного устройства и неотъемлемое право каждого человека.

Следующим этапом стала Великая французская революция. Люди стали получать образование, стали открываться новые университеты, школы. Вместе с этим широкое распространение получили идеи Просвещения, в которых как раз очень много внимания уделялось идеям свободы и равенства каждого и всех. Новый буржуазный слой, который требовал своего представительства в высших законодательных органах власти, присмотрелся к этим идеям.

Ключевым документом стала Декларация прав человека и гражданина, принятая в 1789 году.

В первой статье декларации провозглашалось: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах»[3]. Это прямая отсылка к естественно-правовой теории, согласно которой каждый человек наделяется от рождения правами и свободными, которые не могут быть никем ограничены.

Статья четвёртая для нас несёт особую смысловую нагрузку, потому как даёт определение свободы: «Свобода состоит в возможности делать всё, что не вредит другому». Здесь сформулирован классический либеральный принцип: «моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого».

Конституция 1791 года стала первой попыткой практически реализовать принципы Декларации в рамках государственного устройства.

Была предпринята попытка построения конституционной монархии. По советам Монтескьё власть действительно была разделена на законодательную, исполнительную и судебную. «Закон не признаёт более ни религиозных обетов, ни каких-либо иных обязательств, противных естественным правам или конституции»[4]. Естественное право было поставлено во главу всего. Официально были провозглашены свободы: передвижения, мысли и слова, вероисповедания, обращаться с петициями в органы власти и даже свобода собраний.

Документы Французской революции стали важнейшим этапом в развитии идеи свободы. Они провозгласили свободу фундаментальным правом человека и основой политического устройства государства. Они провозгласили свободу универсальным и неотчуждаемым правом каждого без исключений человека, положив начало формированию современной системы прав и свобод.

В Англии свобода выступала как способ ограничения монархической власти и защиты парламентских прав.

---

[3] Батыр К.И., Поликарпова Е.В. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. Том 2. М.: Юрист, 2006. С. 85.

[4] Батыр К.И., Поликарпова Е.В. Указ. соч. С. 94.

В США свобода понималась уже как естественное право личности и основа государственного устройства.

Во Франции – свобода как универсальный принцип равенства и народного суверенитета.

Конституционные акты эпохи Просвещения и Великих революций заложили фундамент современного правового государства. На сегодняшний день невозможно представить демократическое государство без закрепления в его конституционных актах понятия свободы.

Таким образом, свобода стала не только высшей ценностью политической философии, но и основой конституционного строя современных демократических государств.

Современные модели тоталитарных режимов

Калёнов Егор Фёдорович,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В работе рассматриваются современные тоталитарные режимы на примере Исламской Республики Иран и Корейской Народно-Демократической Республики, как наиболее показательных моделей адаптации тоталитаризма к условиям XXI века. Анализируются механизмы функционирования режимов, их типологические особенности по характеру легитимности, влияние цифровых технологий на инструменты политического контроля. Особое внимание уделяется векторам развития тоталитарных систем в эпоху цифровизации. На основании проведённого анализа предложен комплекс мер по предотвращению формирования и укрепления тоталитарных режимов.

Ключевые слова: тоталитаризм, цифровой авторитаризм, теократия, идеология чучхе, политический контроль, модели тоталитарных режимов.

Тоталитаризм — это политический режим, стремящийся к полному (тотальному) контролю государства над всеми сферами жизни общества и каждого человека. Его ключевыми чертами являются всепроникающая официальная идеология, массовая партия во главе с харизматическим лидером, монополия на информацию и оружие, а также массовый террор, направленный на подавление любого инакомыслия. В отличие от авторитаризма, тоталитаризм не оставляет гражданину пространства для частной жизни, подчиняя экономику, культуру и даже личные мысли интересам режима.

По типу легитимности тоталитарные системы делятся на несколько групп. Харизматически-институциональные режимы - первоначально строятся на харизме лидера, а затем закрепляются в правовых или религиозных доктринах (Иран). Традиционно-династические режимы - власть передаётся по наследству и обосновывается уникальными сакральными качествами правящей

семьи (КНДР). Революционно-идеологические - легитимность определяется верностью идеологическому проекту (классические коммунистические государства).

По роли террора режимы разграничиваются на системы дискретного террора - репрессии носят волнообразный и точечный характер, направлены против конкретных групп (активисты, журналисты), большинство населения может существовать, не вмешиваясь в политику; и системы тотального превентивного террора, где наказание может настигнуть человека за неосторожное слово или за поступок родственника. Это создаёт эффект паралича воли и исключает любую форму самоорганизации[1].

К отдельному типу относятся религиозные тоталитарные режимы, опирающиеся на богословскую доктрину как источник государственного права. Для них характерна сакрализация насилия (концепция «джихада» или «защиты революции»), замкнутость нормативной системы и использование религиозных институтов как инструментов политического контроля[2].

Модель Ирана представляет собой номенклатурно-теократический гибрид, в котором религиозная легитимность переплетается с республиканскими процедурами. В стране функционируют две параллельные вертикали власти: избираемая (президент, парламент) и назначаемая теократическая (рахбар, КСИР, Наблюдательный совет). Это позволяет направлять народное недовольство на избираемых чиновников, сохраняя фигуру верховного лидера сакральной и неприкосновенной[3].

Легитимность режима строится на доктрине «Велаят-е факих» - праве исламского правоведа осуществлять политическую власть от имени скрытого имама Махди. «Экономика страны разделена: с одной стороны - огосударствленный сектор, подверженный санкциям, с другой - «теневые»

---

[1] Ким Чен Ир. О чучхе-идеологии революции / Ким Чен Ир. – Пхеньян, 1989. С. 98.
[2] Хабермас Ю. Структурные преобразования в сфере общественности / Ю. Хабермас. – М., 2000. С. 118.
[3] Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона / К. Поппер. – М.: Международные отношения, 1992. С. 277.

структуры КСИР и фонды Боньяд, контролирующие до 40% ВВП и кровно заинтересованные в сохранении изоляции страны»[4].

КНДР - государство-корпорация, государство-армия и государство-семья одновременно. Идеология чучхе сакрализует не просто государство, но конкретную династию: гражданам внушается, что без «Великого Наследника» нация перестанет существовать[5]. Идеология Сонгун («армия на первом месте») превращает экономику страны в обеспечивающую функцию для военного сектора. Режим систематически демонстрирует военную угрозу миру, получая взамен уступки и гуманитарную помощь, которые перераспределяются в пользу армейской элиты и ядерной программы[6]. В 1990-е годы массовый голод («Трудный поход») парадоксально укрепил власть: выжившие оказались в полной зависимости от государственного распределения, а горизонтальная самоорганизация была уничтожена.

Иранский режим вырос из противоречий форсированной вестернизации шахского периода. Ускоренная индустриализация и секуляризация создали глубокий разрыв между «европеизированным» городским центром и традиционными торгово-ремесленными слоями вместе с духовенством. Имам Хомейни предложил не просто «возврат к прошлому», а современную политическую теологию, объединившую левых (лозунги против империализма) и религиозных консерваторов (лозунги против коррупции и морального разложения). Революция 1979 года стала не победой архаики над современностью, а рождением нового типа политического ислама[7].

Северокорейский режим сложился под воздействием советской оккупации 1945 года и Корейской войны 1950–1953 годов. Война уничтожила инфраструктуру, но создала идеальный социальный тип - «человека тотальной

---

[4] Касемзаде Ф. Иран: политика и религия / Ф. Касемзаде // Азия и Африка сегодня. 2020. № 3. С. 15–22.
[5] См.: Хомейни Р. Исламское правительство / Р. Хомейни. – Тегеран, 1979. С. 58.
[6] См., например: Маликов А.М. Иран в XX веке: от секуляризма к теократии / А.М. Маликов. – М.: Институт востоковедения РАН, 2018. С. 113.
[7] См.: Майерс Б. Чистейшая раса: как Северная Корея стала её видеть / Б. Майерс. – Сеул, 2010. С. 97.

войны». Взаимная ненависть двух Корей позволила Северу выстроить общество как «фронтовой лагерь», где любое инакомыслие трактуется как национальная измена. В 1950-х годах Ким Ир Сен последовательно устранил просоветскую и прокитайскую фракции внутри партии, после чего началась сакрализация его рода как единственного законного источника власти[8].

Исследователь Е. Морозов в работе «The Net Delusion» (2011 года) одним из первых показал, что интернет не является автоматическим инструментом демократизации: авторитарные режимы способны превратить сетевые технологии в орудие слежки и пропаганды[9]. Эта идея получила развитие в концепции «цифрового авторитаризма», описывающей, как государства используют большие данные, системы распознавания лиц и алгоритмы для тотального контроля над гражданами.

Иран избрал модель «управляемого интернета»: вместо полного отключения сети создана система многоуровневой фильтрации, блокирующей ресурсы горизонтальной коммуникации. Параллельно формируется «халяльный интернет» - национальная цифровая экосистема, в которой все действия пользователя отслеживаются и привязываются к его идентификационным данным. Специальные киберподразделения (ФАТА) ведут мониторинг активности в сети, а во время протестов применяется тактика информационного хаоса - массовое распространение ложных сигналов для дезориентации участников[10].

КНДР применяет модель полной изоляции: 98% населения имеют доступ лишь к государственной интернет-сети «Кванмён». Для элиты и специальных подразделений существует ограниченный внешний интернет, используемый преимущественно для проведения кибероперациий. Северокорейские хакерские группы, связанные с военной разведкой, являются одними из наиболее

---

[8] См.: Ланьков А.Н. КНДР вчера и сегодня / А.Н. Ланьков. – М.: Восточная литература, 2004. С. 129.
[9] Там же. С. 129.
[10] См.: Шюрманн Ф. Идеология и организация в коммунистическом Китае / Ф. Шюрманн. – Беркли, 1966. С. 228.

результативных в мире и рассматриваются режимом как легитимный инструмент валютных поступлений в условиях международной блокады[11].

Современные тоталитарные системы развиваются в нескольких взаимосвязанных направлениях. Во-первых, происходит технологизация контроля: методы принуждения становятся всё более точечными и невидимыми. «Массовый террор уступает место превентивному мониторингу, нейросетевой аналитике поведения и системам социального кредита. Тоталитаризм эволюционирует от «видимого» насилия к «алгоритмическому» управлению»[12].

Во-вторых, наблюдается деидеологизация с сохранением идеократии: классические идеологические проекты вырождаются в национализм и культ личности, однако инструменты идеологической мобилизации (пропаганда, ритуалы, символы) сохраняются. В-третьих, режимы движутся к «балканизации» интернета - созданию замкнутых национальных цифровых экосистем, недоступных внешнему влиянию. Наконец, происходит экономизация лояльности: режимы всё активнее покупают стабильность через перераспределение ренты внутри элит, а не через страх.

Противодействие тоталитарным системам на современном этапе требует комплексного подхода на нескольких уровнях:

- Институциональные гарантии. Независимые суды, свободная пресса и разделение властей являются ключевыми барьерами против концентрации власти. Укрепление гражданских институтов на ранних стадиях политической нестабильности снижает риск авторитарного регресса.

- Экономическая независимость граждан. Диверсификация экономики, снижение монопольной зависимости населения от государственного распределения и развитие малого бизнеса создают слои общества, заинтересованные в правовых гарантиях, а не в патерналистской защите[13].

---

[11] См. по этому вопросу: Морозов Е. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom / Е. Морозов. – NY: PublicAffairs, 2011. – С. 340.
[12] Зюскинд Р. Будущее власти / Р. Зюскинд. – М.: Альпина Паблишер, 2020. С. 213.
[13] См.: Кастельс М. Власть коммуникации / М. Кастельс. – М.: ВШЭ, 2016. С. 314.

- Цифровая грамотность и открытая информационная среда. Противодействие цифровому авторитаризму предполагает поддержку технологий анонимизации (VPN, Tor), развитие медиаграмотности населения и международные нормы, ограничивающие экспорт инструментов слежки в авторитарные государства.

- Международное давление и санкционная политика. Целенаправленные (смарт) санкции против элит - заморозка активов и визовые ограничения - более эффективны, чем секторальные, поскольку подрывают экономическую лояльность правящих групп, не усиливая консолидацию общества вокруг режима.

- Поддержка гражданского общества. Финансирование независимых СМИ, академических обменов и НКО в странах с авторитарными режимами формирует долгосрочный потенциал для мирной трансформации.

Тоталитарные системы XXI века движутся в сторону технологического авторитаризма: от грубого насилия к алгоритмическому контролю, от массовой идеологии к управляемому национализму, от изоляции к избирательному участию в глобальных рынках. Слабым местом данных режимов остаётся экономика: если элиты перестанут получать достаточную ренту, их лояльность окажется под угрозой. Именно в экономической неэффективности и неспособности обеспечить долгосрочный рост кроется главная надежда на трансформацию этих систем. Понимание условий и закономерностей его формирования должно помочь предотвратить его становление.

Частная жизнь как юридическая категория в цифровую эпоху

Пенза Виктория Игоревна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В данной статье рассматривается частная жизнь как юридическая категория в цифровую эпоху. Автор рассматривает трансформацию частной жизни в юридическом аспекте в условиях цифровизации общественных отношений. Проводится анализ современного метода защиты, включая права на забвение, обязанность платформ удалять запрещённый или непозволительный контент в юридических рамках и ответственность за распространение deepfake-материалов. Особое внимание уделяется отличию частной жизни от личной сферы в традиционном понимании как категории, связанной с контролем над персональными данными, а также цифровой личности.

Ключевые слова: частная жизнь, цифровая эпоха, право на забвение, регулирование соцсетей, обязанности платформ удалять запрещенный контент, deep-fake, цифровой след.

В эпоху цифровизации общество поменяло свой характер с устного обмена информацией, основанного на личном взаимодействии, физическим труде и относительно медленном обменом информации на автоматизированный обмен данными, виртуальными социальными связями и постоянным контролем данных. Современный человек теперь существует со своим виртуальным обликом, который влияет на его социальный статус, профессиональные возможности и репутацию. Такое развитие социальных сетей привело к тому, что любая информация, размещённая в сети Интернет, становится общедоступной, то есть её копирование, интерпретация в различных аспектах, становится неконтролируемой, а привычные юридические конструкции, существовавшие до цифровизации, недостаточными. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью переосмысления содержания права

на частную жизнь в контексте современных механизмов его защиты, таких как право на забвение, регулирование социальных сетей, обязанность платформ по удалению контента и формирование ответственности за использование технологий deepfake.

Актуальные проблемы, которые можно выделить в данной статье:

1. Размытие границ между частной и публичной жизнью в цифровой среде. Социальные сети и мессенджеры позволяют мгновенно распространять личную информацию, из-за чего контент, считавшийся личным, становится общедоступным, нарушая право на неприкосновенность частной жизни.

2. Цифровой след и ограниченные возможности контроля. Любая информация, размещённая в сети Интернет, сохраняется и может распространяться в дальнейшем. Существуют механизмы защиты, такие как право на забвение, но они не обеспечивают полного контроля пользователя над своими данными.

3. Угроза частной жизни из-за deepfake и ИИ. Современные технологии позволяют создавать реалистичные изображения и видео с использованием лица или голоса человека без его согласия. Существующие меры защиты пока недостаточны, что требует разработки новых законодательных инструментов. Развитие социальных сетей привело к трансформации частной жизни. Пользователи стали добровольно размещать о себе личную информацию. Однако такое размещение совсем не означает отказ от правовой защиты.

В цифровую эпоху частная жизнь фиксируется через так называемый «цифровой след» - совокупность данных, которые формируются в результате активности человека в сети Интернет и при использовании цифровых сервисов. Это может включать: геолокацию, данные социальных сетей, сведения о покупках и т. д. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закрепляет основы регулирования цифрового следа, но не определяет его понятие[1].

---

[1] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных

Упоминание о праве на частную жизнь можно найти в статье 8 Европейской конвенции о защите прав человека, которая говорит о том, что каждый человек имеет право на уважение своей частной и семейной жизни, жилища и его корреспонденции. Из данной нормы можно выделить несколько фундаментальных юридических аспектов. Во-первых, право на частную жизнь охватывает не только личную сферу, но и семейные отношения, жилище и корреспонденцию. Это означает, что норма не ограничивается личными переживаниями, а представляет более сложную систему. Во-вторых, к указанной норме относятся: неприкосновенность жилища, предусматривающая запрет не только незаконного проникновения в жилище, но и нежелательного наблюдения, сбора информации или вмешательства в бытовую жизнь. В-третьих, охраняется корреспонденция. До цифровой эпохи речь бы шла о телеграммах и письмах, но в нынешних реалиях мы говорим об электронной почте, телефонных разговора и сообщениях в мессенджерах.

Право на забвение — это современный способ защиты частной жизни в условиях цифровой трансформации общения. Формирование такого права произошло с появлением сети Интернет, поскольку информация, появившаяся однажды в социальной сети или в иной публичной части интернета, навсегда там останется, её можно будет найти в независимости от того, где именно она была выставлена. Из-за этого у интернета появилась возможность «постоянной памяти», которая может показать сведения или ошибки человека, оказывающие влияние на его социальный или профессиональный статус. Можно рассматривать право на забвение как концепцию информационного самоопределения. Смысл это концепции заключается в том, что человек должен контролировать и определять информацию, которую он о себе выставляет. Право на забвение направлено на регулирование не столько «защиты прошлого», сколько на сохранение баланса между частной жизнью и публичным доступом к информации.

технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч.1). Ст. 3448.

В международном праве защита частной жизни и появления права на забвение рассматривается в статье 8 Европейского суда. Известно дело под названием: Google Spain v. AEPD and Mario Costega Gonzalez (C-131/12), которое стало основой для формирования права на забвение[2]. Суть дела: гражданин Испании Марио Костеха Гонсалес обнаружил, что при поиске его имени в Google отображается старая публикация 1998 года о продаже его имущества из-за долгов. Несмотря на утрату актуальности, информация продолжала распространяться и негативно влияла на его репутацию. Суд постановил, что операторы поисковых систем обязаны удалять ссылки на страницы с личной информацией по требованию гражданина, даже если сама публикация размещена законно. При этом оригинальный источник может оставаться в сети Интернет, но становится недоступным при поиске по имени.

Это решение заложило основу права на забвение. Однако его актуальность сохраняется из-за роста числа пользователей и цифровых сервисов, а также ограниченного контроля над цифровым следом и рисков нарушения частной жизни.

Развитие технологий, искусственного интеллекта и социальных сетей, привело к появлению рисков в сфере права на частную жизнь. Одной из таких проблем, помимо вышеперечисленных, стал - deepfake. С помощью него можно создавать реалистичные видео, фото и аудио материалы, с использованием одной только фотографии или короткой записи голоса без согласия человека. В отличии от других способов распространения недостоверной информации, deepfake обладает высокой степенью убедительности и может легко вводить в заблуждение. Особую сложность представляет правовое регулирование подобных ситуаций. Большинство норм о защите чести, достоинства и частной жизни, были сформированы до появлений технологий, они не всегда могут эффективно реагировать на подобные ситуации. Коме того, распространение deepfake происходит через социальные сети, что затрудняет установление личности, создавшей материал, и привлечении виновных к ответственности.

[2] https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/right-to-be-forgotten-on-the-internet.html

Первый обсуждаемый случай в России связанный с deepfake был в 2023 году, в котором использовалось лицо Киану Ривза в рекламном ролике[3]. Видео было создано с использованием технологии face-spaw. Юридическая проблема заключалась в том, что такой контент затрагивает сразу несколько сфер права. Во-первых, это использования изображения без согласия, что нарушает статью 152.1 ГК РФ об охране изображения гражданина, согласно которой публикация и использование изображения допускаются только с разрешения человека[4]. Во-вторых, возникает вопрос интеллектуальной собственности, поскольку видеоролик является результатом творческой деятельности и охраняется авторским правом. Таким образом, данный случай стал одним из первых примеров, когда российская правовая система столкнулась с проблемой использования искусственного интеллекта. Он показал, что появились новые способы нарушений прав личности на частную жизнь.

Проведённый анализ в данной статье показывает, что развитие социальных сетей и интернета значительно изменило общество и частную жизнь людей. Личная информация стала частью интернет-платформ, где она может сохранится на всю жизнь. Однако существует ряд проблем, требующих осмысления и совершенствования.

Одной из ключевых проблем является размывание границ между частной и публичной жизнью в цифровой среде. Возможным решением может стать многоуровневый контроль доступа: помимо определения круга лиц, которые видят информацию, следует регулировать и способы её использования — например, разрешать только просмотр, но запрещать скачивание и создание скриншотов.

Вторая проблема — формирование цифрового следа. Для её решения можно внедрить систему управления персональными данными, через которую гражданин сможет направлять запросы на удаление информации. Пользователь отправляет ссылку на материал, после чего она передаётся администраторам

[3] https://dzen.ru/a/ZXCk1EhMdUpkqYfr
[4] hhttps://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/14c6c3902cffa17ab26d330b2fd4fae

сайтов и платформам. Запрос должен рассматриваться в установленный срок, а пользователь — иметь возможность отслеживать его статус.

Третья угроза связана с технологиями deepfake и искусственного интеллекта. Эффективной мерой может стать обязательная маркировка контента, созданного с помощью ИИ. Несмотря на то, что такие механизмы уже существуют, они применяются недостаточно широко, поэтому требуется их закрепление и контроль на уровне законодательства.

Таким образом, трансформация общества в сторону цифровизации стимулирует новые права на частную жизнь. Эффективное решение указанных проблем возможно при условии целостного подхода, включая правовое регулирование, развитие технологий, защищающих информацию и повышения грамотности пользователей.

Трансформация правовых систем под воздействием глобализации

Плаксина Полина Александровна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Рассматриваются и исследуются особенности процессов глобализации и их влияние на трансформацию правовых систем в современном мире. Исследуются теоретические подходы к пониманию глобализации, а также влияние данного процесса на правовую сферу. Особое внимание уделяется усилению роли международного права, адаптации национального законодательства к международным стандартам и влиянию на правосознание личности. Отдельно затрагивается вопрос о соотношении национальной идентичности и государственного суверенитета с глобализацией. Делается вывод о том, что процесс глобализации выступает важным фактором развития и модернизации правовых систем, рождая ряд вызовов, которые ставят новые задачи перед государством.

Ключевые слова: глобализация, правовая система, международное право, национальное законодательство, международные стандарты, изменение правовой системы под влиянием глобализации.

В современных условиях воздействие глобализации является одним из ключевых факторов, влияющих на развитие правовых систем. В связи с этим проблема трансформации правовых систем под воздействием такого процесса приобретает особую актуальность в юридической науке, что и будет являться целью исследования данной статьи.

Несмотря на значительное количество исследований, которые были посвящены глобализации, вопрос о ее воздействии на правовую сферу является дискуссионным, недостаточно разработанным и изученным явлением. Это обусловливает необходимость более детального анализа, который необходимо начать с изучения ее истоков с доктринальной позиции и влияния на правовую систему в современном мире.

Прежде всего необходимо обратиться к теоретическому исследованию термина. Глобализация представляет собой сложный и многогранный феномен современности, характеризующийся экономическими, политическими, социальными и культурными изменениями в мире, а также интеграции и обмена национальными ресурсами. Этот процесс приобретает системный характер в каждом государстве, что помогает распространяться ему по всему миру.

Сам термин «глобализация» получил широкое распространение относительно недавно. Впервые понятие «глобализация» появилось в научной литературе в 1983 году в статье Теодора Левитта «Глобализация рынков» (англ. The Globalization of Markets) в журнале Harvard Business Review. В своей работе автор определяет глобализацию как «процесс слияния рынков товаров, производимых транснациональными корпорациями (ТНК)». Сразу следует отметить, что Теодор Левитт не является автором данного термина. Профессор лишь популяризировал термин и довел его до широких масс. Понятие глобализации стало упоминаться в конце 1850-х годов в значении «интенсивной международной торговли». Упоминание этого термина сделал Карл Маркс в своем письме Фридриху Энгельсу, в котором писал следующее: «С выходом Калифорнии и Японии на мировой рынок глобализация свершилась»[1].

Как отмечает С.Г. Кара-Мурза, «глобализация - процесс, идущий с ранних стадий развития цивилизаций. Обмен людьми и продуктами культуры (навыками и техническими средствами, растениями и животными) создал человечество». Следовательно, «сегодня речь идет не вообще о глобальных процессах в развитии человечества, а о специфическом нынешнем этапе - попытке создания Нового мирового порядка»[2]. Таким образом, глобализация — это необратимый процесс в жизни и становлении каждого государства, который

---

[1] Аттали Ж. Карл Маркс: Мировой дух, 2008. С. 192.

[2] Кара-Мурза С.Г. Россия в «глобализирующемся» мире // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ. № 1 (13), 2001. С. 148-149.

представляет собой новый этап развития интеграционных процессов.

Е.И. Смыр также отмечала, что «глобализация, ставшая неотъемлемой частью экономической жизни стран всего мира, играет ключевую роль в развитии человечества и ознаменовывает начало нового этапа интеграции хозяйственной деятельности»[3]. Таким образом, глобализация представляет собой положительный аспект в жизни государства. Это может проявляться в экономической интеграции и ее развитии, однако не учитывает потенциальные негативные последствия.

Однако наряду с положительными аспектами глобализация порождает и ряд проблем. Одной из значимых выступает вопрос о сохранении государственного суверенитета. Как отмечалось в отечественной литературе, суверенитет является одним из важнейших признаков государства. Отрицательный аспект глобализации проявляется в том, что лишение государства суверенитета означало прекращение его существования или «смертельную угрозу для его существования)»[4]. Стоит также указать на то, что может происходить «…массированное распространение западных стандартов потребления, быта, само- и мировосприятия на все другие части планеты»[5], т. е. расширение однообразных моделей социального поведения.

Таким образом, глобализация, как объективный и закономерный процесс, предстает перед нами как многогранное и противоречивое явление. Доктринальные позиции не отрицают роль этого феномена в становлении государства, однако подводят к тому, что может создаваться угроза ослабления национальной правовой идентичности и государственного суверенитета. Вследствие этого государство ставит перед собой новые задачи, связанные с его дальнейшим развитием, что чаще всего отражается именно на правовой системе.

---

[3] Смыр Е.И. Глобализация мировой экономики: Положительные и отрицательные стороны процесса. С. 8, 12.
[4] Котов А.К. Указ. соч. С. 16
[5] Дробот Г.А. Проблема глобального управления в контексте теории международных отношений. С. 6, 106.

После рассмотрения глобализации как сложного и многогранного феномена современности, необходимо изучить его влияние на правовые системы государств.

Под правовой системой следует понимать совокупность внутренне организованных и взаимосвязанных социально однородных и устремленных в конечном счете к общим целям правовых явлений данного общества, каждое из которых выполняет специфическую роль в правовом регулировании или выходящем за его пределы правовом воздействии на общественные отношения[6].

В условиях глобализации данная система подвергается существенным изменениям. Среди основных направлений влияния глобализации на правовые системы можно выделить несколько ключевых тенденций:

1. Влияние глобализации на трансформацию международного права. Одним из наиболее значимых направлений является усиление роли международного права. Необходимо подчеркнуть, что в условиях глобализации расширилось количество общественных отношений, которые регулируются международным правом. В настоящее время нормы распространяются на более широкий круг сфер, среди которых можно выделить защиту прав человека, международную торговлю, деятельность транснациональных корпораций, защиту окружающей среды и др.

Актуальность внедрения норм международного права в современную жизнь объясняется комплексом причин: увеличение численности договорных источников в сфере международных отношений, необходимость повышения уровня правоприменительной практики, а также необходимость укрепления доверия между государствами. В результате чего международное право вышло за пределы регулирования «государственных отношений» и стало инструментом управления более широких процессов глобального характера. Такое направление является положительным, поскольку позитивно сказывается

---

[6] См.: Байтин М.И. Сущность права. Саратов, 2001. С. 155–156.

на международном сотрудничестве.

2. Влияние глобализации на деформирование правосознания гражданина и человека, проживающего на территории определенного государства. Не менее важным направлением является воздействие глобализации на правосознание личности. Правосознание в целом, представляет собой совокупность представлений и оценок личности по отношению к праву, законности и правовым институтам, формируясь под влиянием социальных, культурных и политических факторов.

В условиях глобализации значительно расширяются возможности получения информации. Человек получает полный доступ к сети Интернет, средствам массовой информации и различным телекоммуникационным источникам, что способствует активному распространению правовых идей и моделей поведения. Это приводит к деформации правосознания, совершенствованию методов и способов совершения преступлений, что в сочетание с иными факторами дает рост правового нигилизма и негативное настроение большинства населения.

В целях предотвращения подобных явлений государству необходимо уделять особое внимание на развитие правовой культуры общества, сохранению государственных ценностей и обеспечение стабильности законодательства. Только в совокупности этих элементов государство поможет способствовать формированию устойчивого и позитивного правосознания граждан.

3. Влияние глобализации на правоприменительную деятельность государства. Еще одной важной тенденцией влияние глобализации на правовые системы является воздействие на правоприменительную деятельность государства. Одним из ключевых направлений такого воздействия будет являться необходимость приведения национальных правовых норм в соответствии с международным правом и принципами, которые регламентируют правоприменительную практику. Речь идет о значительном обновлении законодательной базы в сфере процессуального регулирования.

В рамках проводимой судебно-правовой реформы, которая ориентирована на укрепление роли судебной власти в обществе, происходит совершенствование судопроизводства. Основными задачами выступают повышение доступности правосудия, усиление ответственности органов судебной власти и должностных лиц за соблюдением и защиты прав человека. Важным результатом таких реформ становится формирование и обновление законодательства.

Таким образом, глобализация выступает ключевым фактором изменения компонентов современных правовых национальных систем. Процесс глобализации способствует развитию законодательства, приводя его в соответствие с международными правовыми стандартами.

Интегративная роль теории государства и права в формировании современных междисциплинарных юридических исследований

Яковлева Виктория Викторовна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В данной статье рассматривается интегративная роль теории государства и права в современных междисциплинарных юридических исследованиях. Показана её трансформация из фундаментальной дисциплины в центр междисциплинарного диалога. Выделены три ключевые функции: методологическая, синтезирующая и фундаментальная. На примере анализа юридической ответственности в контексте развития искусственного интеллекта и цифровых рисков продемонстрирована способность теории государства и права решать комплексные задачи. Сделан вывод о её потенциале в условиях цифровой трансформации общества.

Ключевые слова: теория государства и права, междисциплинарные исследования, методологическая база, синтезирующая функция, понятийный аппарат, нейроправо (neurolaw), правовая информатика.

Современный этап развития юридической науки характеризуется возрастающей сложностью объектов познания, что закономерно актуализирует проблему методологического обеспечения научных исследований. В условиях дифференциации и одновременной интеграции научного знания особое значение приобретает вопрос о дисциплине, способной выполнять системообразующую функцию в правоведении. Традиционно такую роль выполняет теория государства и права, однако в контексте современных междисциплинарных исследований её потенциал раскрывается с новой стороны, требуя пересмотра устоявшихся представлений о её месте в системе юридических наук[1].Теория государства и права традиционно рассматривается как фундаментальная юридическая дисциплина, однако в свете современных

[1] См.: Морозова Л.А. Теория государства и права. - М.: Норма, 2023. С. 12-15.

научных тенденций её роль претерпевает трансформацию. Из дисциплины, которая преимущественно ориентирована на внутрисистемные задачи юридического образования и отраслевых знаний, теория государства и права превращается в центр междисциплинарного диалога, выполняя ряд принципиально значимых для системы права функций[2].

Во-первых, теория государства и права выступает методологической базой для междисциплинарных юридических исследований. Как справедливо отмечает В.В. Лазарев, методология и теория права образуют тот фундамент, без которого невозможно развитие отраслевого знания[3]. Эта функция реализуется через формирование и поддержание единого понятийного и категориального аппарата, который обеспечивает базовое взаимопонимание между представителями различных научных дисциплин - как сугубо юридических (конституционное, гражданское, уголовное право), так и, что в современных условиях крайне важно, смежных гуманитарных направлений (социология, политология, экономическая теория и так далее). Именно теория государства и права вырабатывает универсальные категории - такие как «правовая система», «механизм правового регулирования», «юридическая ответственность», «правовой статус», - которые позволяют исследователям, работающим в различных предметных полях, выстраивать модели объяснения сложных социально-правовых явлений[4]. Без такого унифицированного каркаса междисциплинарное взаимодействие неизбежно сводится к несовместимости результатов исследований. Примером здесь может служить исследование правовой ответственности в сфере искусственного интеллекта. Как отмечает В.С. Нерсесянц, общая теория права закладывает основы для понимания

---

[2] См.: Терехова Л.Н. Теория государства и права: шпаргалка. - 2-е изд. - Саратов: Научная книга, 2020. С. 5.

[3] См., например: Лазарев В.В. Место теории государства и права в системе гуманитарного знания // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 1 (11). С. 5-23. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-teorii-gosudarstva-i-prava-v-sisteme-disableGlobalInfo (дата обращения: 19.03.2026).

[4] См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. - М.: Юристъ, 2004. С. 56-60.

субъекта права и вины[5], что позволяет юристам и разработчикам ИИ говорить на едином языке. В России 18 марта 2026 года Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России (Минцифры) выставило на публичное обсуждение проект закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта», ставящий во главу угла обеспечение государственного технологического суверенитета. Параллельно в ЕС с 1 августа 2024 года действует Регламент 2024/1689 (AI Act), который разделяет все системы ИИ на категории по уровню риска[6]. Именно теоретико-правовой анализ этих инициатив позволяет: сопоставить подходы к правовому регулированию ИИ в России и ЕС; выявить общие принципы формирования «правового режима» технологий ИИ; оценить механизмы обеспечения «юридической безопасности» при использовании систем искусственного интеллекта.

Во-вторых, теория государства и права выполняет синтезирующую функцию, обобщая полученные данные и теоретические разработки отраслевых юридических наук и результаты исследований в области социально-гуманитарного знания[7]. Принципиальное значение здесь имеет такое обстоятельство, что отраслевые юридические дисциплины, будучи ориентированными на решение специфических задач и анализ «своего» круга явлений, не всегда способны выявить общеправовые закономерности функционирования права и государства. Только на уровне обобщения становится возможным комплексное изучение сложных правовых явлений. Показательными примерами здесь могут служить: анализ влияния макроэкономических факторов на правотворческие процессы (развитие налогового, бюджетного законодательства) с выявлением конкретных механизмов воздействия экономических показателей на принятие нормативных

---

[5] См.: Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник для юридических вузов и факультетов. - М.: Изд-во Норма, 2001. С. 89-92.

[6] Регламент ЕС 2024/1689 (Artificial Intelligence Act, AI Act) // Official Journal of the European Union. - 2024. - L 1689.

[7] См.: Андреева И.А. Междисциплинарность в современной юридической науке: основания, формы, функции // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. № 4. С. 158-163.

актов; исследование социокультурных аспектов правоприменительной практики (включение в процессы реализации права новых социальных явлений -криптовалюта, социальные сети и так далее) с оценкой их влияния на формирование правосознания.

Экономическая наука способна зафиксировать изменения в хозяйственной сфере, а юриспруденция - описать реакцию законодательства, но именно теория права, синтезируя эти данные, позволяет выявить закономерности взаимодействия экономики и права. Такой синтез позволяет выявить целостное представление о закономерностях развития различных государственно-правовых институтов. В качестве иллюстрации можно привести правовой режим цифровых финансовых активов (ЦФА), закреплённый в Федеральном законе от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[8]. Согласно подходу, изложенному в учебнике Н.И. Матузова и А.В. Малько[9], именно теория государства и права позволяет интегрировать новые цифровые объекты в классическую систему объектов гражданских прав, обеспечивая единство правопонимания.

В-третьих, теория государства и права служит фундаментом в формировании и развитии новых научных направлений, возникающих на стыке юриспруденции и других областей знания[10]. Современная наука демонстрирует устойчивую тенденцию к возникновению гибридных дисциплин: юридической антропологии, правовой психологии, правовой информатики, нейроправа (neurolaw) - направления на стыке нейронаук и юриспруденции, изучающего влияние нейробиологических факторов на правовое поведение и принятие

---

[8] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

[9] См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. - М.: Юристъ, 2004. С. 112-115.

[10] См. по этому вопросу: Гандарова Л.Б. Место и роль теории государства и права в системе юридических наук // Юридический вестник ДГУ. 2021. Т. 38. № 2. С. 9-12.

юридических решений, правовой информатики и других. Успешное развитие этих направлений невозможно без адаптации общенаучных методов к специфике юридического познания - задача, которая решается в рамках теории государства и права. Так, например, при исследовании проблем юридической ответственности в контексте развития технологий искусственного интеллекта именно теория права предоставляет концептуальную основу для обсуждения вопросов о субъекте правонарушения, о вине, причинно-следственной связи, тогда как отраслевые науки и технические дисциплины уже после создают конкретные кейсы. Как подчёркивает Л.Б. Гандарова, именно общая теория определяет место и роль каждого нового направления в системе юридического знания.

Следует отметить, что теория государства и права в современных условиях не утрачивает своего фундаментального значения, напротив - её роль существенно возрастает в связи с потребностью в постоянной интеграции научного знания[11]. Перспективным направлением дальнейших исследований является анализ механизмов реализации интегративного потенциала теории государства и права в условиях цифровой трансформации общества и возникновения принципиально новых форм социальных коммуникаций, требующих правового регулирования.

[11] Материалы лекции «Теория государства и права как наука и учебная дисциплина» на платформе «Ноу Интуит». URL: https://intuit.ru/studies/courses/3599/841/lecture/31471 (дата обращения: 18.02.2026).

КАФЕДРА УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАУК

Секция № 4. «Современное правоприменение в уголовном праве: проблемы, пути преодоления»

Использование беспилотных систем при совершении терактов: пробелы в законодательном регулировании и вопросы ответственности

Брагина Алеся Андреевна,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Агайдарова Асема Муратовна,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В данной статье рассматриваются особенности использования беспилотных систем при совершении терактов. Проводится анализ существующих пробелов в законодательном регулировании применения БПЛА при совершении террористических актов. Исследуются вопросы юридической ответственности за противоправное применение дронов. Авторы выявляют актуальные проблемы в рассматриваемой сфере и предлагают их возможное решение путем внесения изменений в законодательство. Предлагаемые меры нацелены на повышение эффективности противодействия использованию беспилотных систем в террористических целях.

Ключевые слова: беспилотные системы при совершении террористических актов, беспилотные летательные аппараты, террористический акт, финансирование терроризма, обязательная регистрация и сертификация беспилотных систем.

Широкое распространение беспилотных технологий создало не только новые возможности для развития экономики и технологического прогресса, но и породило серьезные угрозы национальной безопасности. Использование

беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) при совершении террористических актов стало устойчивой тенденцией последних лет. Так, В.В. Степанов отмечает, что доступность беспилотных технологий способствует их использованию в террористических актах, что, в свою очередь, требует от законодателей и правоохранительных органов немедленных и адекватных мер реагирования[1].

Актуальность темы подтверждается множеством резонансных инцидентов. Только за последние месяцы зафиксированы атаки с применением БПЛА на объекты в Брянской области[2], а также массированные удары по стратегическим объектам в Мурманской, Ивановской, Рязанской и Амурской областях[3]. Эти события выявили существенные пробелы в правовом регулировании оборота беспилотных систем и сложности в привлечении виновных лиц к ответственности.

Рассмотрим правовую основу противодействия использованию БПЛА в террористических целях.

Статья 205 УК РФ является основным нормативным актом, который регламентирует ответственность за террористические действия, включая использование дронов. Террористический акт определяется как действия, направленные на запугивание общества, такие как взрывы, поджоги или другие аналогичные действия, которые могут привести к смерти людей, значительному ущербу имуществу или другим серьезным последствиям.

Часть 2 статьи 205 УК РФ предусматривает квалифицирующие признаки, в том числе совершение террористического акта:

- группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ);

---

[1] См.: Степанов В.В. Транспортировка беспилотных систем: проблемы уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2025. № 2. С. 45.

[2] Украинский оператор БПЛА стал фигурантом дела о теракте в Брянской области // Интерфакс Россия. URL: https://www.interfax-russia.ru/index.php/center/news/ukrainskiy-operator-bpla-stal-figurantom-dela-v-bryanskoy (дата обращения: 20.02.2026).

[3] Водителей из Челябинска обвинили в теракте из-за ЧП с дронами на военных аэродромах // Вечерний Челябинск. 2026. 29 января. URL: https://vecherka.su/articles/news/216640/ (дата обращения: 20.02.2026).

~ с причинением значительного имущественного ущерба либо наступлением иных тяжких последствий (п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ).

Именно по данным пунктам квалифицируются действия лиц, причастных к организации и совершению атак с использованием беспилотников. Так, Басманный районный суд г. Москвы квалифицировал действия дальнобойщиков, доставивших трейлеры с БПЛА в районы военных частей, по пунктам «а», «в» части 2 статьи 205 УК РФ[4].

Статья 205.1 УК РФ, устанавливающая наказание за поддержку террористических акций, вызывает особенный интерес. В частности, в ч. 1.1 указанной нормы установлена ответственность за финансирование терроризма. Как разъясняется в информационных материалах Управления Минюста РФ, под финансированием понимается не только предоставление денежных средств, но и передача материальных средств, включая средства связи, транспортные средства, иные предметы, используемые для совершения преступлений террористической направленности[5].

Наряду с уголовной ответственностью за преступления с использованием дронов, административное законодательство также устанавливает меры, призванные предотвратить незаконное применение таких аппаратов. Согласно ст. 11.4 КоАП РФ, наложение штрафов регулируется за допущенные нарушения в области использования воздушного пространства по федеральным нормам, Размеры штрафов для физических лиц колеблются от 20000 до 50000 рублей, в то время как для организаций штраф может составлять от 250000 до 300000 рублей, альтернативно может быть применено административное приостановление их операций. При этом, статья 11.5 КоАП РФ влечет ответственность за управление беспилотным судном, не поставленным на государственный учет.

---

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[5] Разъяснения по вопросам противодействия экстремизму и терроризму // Официальный сайт Апастовского муниципального района Республики Татарстан. 2026. 30 января. URL: https://apastovo.tatarstan.ru/index.htm/news?page (дата обращения: 20.02.2026).

В большинстве субъектов Российской Федерации введены временные запреты на использование БПЛА, установленные решениями антитеррористических комиссий во исполнение Указа Президента РФ № 757. Например, был издан Указ Губернатора Оренбургской области от 31 декабря 2022 года № 747-ук «О реализации Указа Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 года № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756»[6].

Несанкционированный запуск влечет административную ответственность, а в случаях, когда нарушение повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека, деяние квалифицируется по ст. 271.1 УК РФ, что предусматривает лишение свободы до семи лет[7].

Согласно Постановлению Правительства РФ № 658 от 25 мая 2019 года, государственному учету подлежат гражданские беспилотники с максимальной взлетной массой в диапазоне от 0,15 до 30 килограммов, а также сверхлегкие пилотируемые суда с массой конструкции не более 115 килограммов, которые были ввезены в страну или изготовлены на ее территории[8]. Данный нормативно-правовой акт обеспечивает переход от несистемного регулирования оборота беспилотных систем к системному государственному учету, что создает правовые предпосылки для своевременного выявления

---

[6] Указ Губернатора Оренбургской области от 31.12.2022 № 747-ук «О реализации Указа Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 года № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756» https://orenburg-gov.ru/news/17176/(дата обращения: 20.02.2026).

[7] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 08.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[8] Постановление Правительства РФ от 25.05.2019 № 658 (в ред. от 02.02.2026) «Об утверждении Правил государственного учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,15 килограмма до 30 килограммов, сверхлегких пилотируемых гражданских воздушных судов с массой конструкции 115 килограммов и менее, ввезенных в Российскую Федерацию или произведенных в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 22. Ст. 2824.

нарушений, пресечения несанкционированного использования БПЛА и привлечения виновных лиц к административной ответственности по статьям 11.4 и 11.5 КоАП РФ.

Изучение правоприменительной практики обнаруживает ряд серьезных проблем, возникающих при квалификации действий, сопряженных с использованием БПЛА в террористических целях.

Первая проблема касается ответственности лиц, осуществляющих транспортировку беспилотных систем. Дело челябинских дальнобойщиков наглядно демонстрирует сложность доказывания субъективной стороны преступления. Обвиняемые утверждают, что перевозили каркасные дома и не знали о наличии дронов в грузе[9]. В уголовно-правовой доктрине данный вопрос остается дискуссионным. Квалификация соучастия в террористическом акте требует установления двух обязательных элементов:

- объективного – совершения действий, способствующих преступлению;
- субъективного – осознания лицом того факта, что оно содействует именно террористической деятельности[10].

В основе данной позиции лежит ключевой принцип субъективного вменения, означающий, что уголовная ответственность наступает исключительно при доказанной виновности лица.

Вторая проблема связана с определением момента окончания преступления. В случае с дистанционно управляемыми беспилотниками, запущенными с территории другого государства, возникают сложности с определением территории совершения преступления и, соответственно, юрисдикции.

Третья проблема – отсутствие специальных норм, регламентирующих порядок оборота беспилотных систем и ответственность за их незаконную транспортировку. Действующее законодательство не содержит четких

---

[10] См.: Рарог А.И. Субъективная сторона преступления: проблемы теории и практики. – М.: Проспект, 2024. С. 62.

критериев, позволяющих разграничить административное правонарушение и уголовно наказуемое деяние в сфере оборота БПЛА.

Кроме того, С.В. Борисов отмечает, что конструкция соучастия в террористическом акте предполагает установление как объективной связи между действиями соучастников, так и субъективной связи, выражающейся в осознании каждым из них характера совершаемого преступления[11].

Представляется необходимым внесение следующих изменений в законодательство:

1. Дополнение УК РФ специальной нормой, устанавливающей ответственность за незаконный оборот беспилотных систем, которые могут быть использованы в террористических целях. К.А. Волков предлагает выделить в отдельный состав преступления транспортировку, передачу или сбыт беспилотных летательных аппаратов, заведомо предназначенных для совершения преступлений террористической направленности[12].

2. Введение обязательной сертификации и регистрации всех беспилотных систем, ввозимых на территорию Российской Федерации, с созданием единой базы данных.

3. Совершенствование механизмов международного сотрудничества в расследовании преступлений, совершенных с использованием дистанционно управляемых систем.

Эффективное противодействие использованию беспилотных систем в террористических целях возможно лишь при условии применения комплексного подхода, включающего реформирование уголовного законодательства, совершенствование административно-правовых механизмов и углубление международного взаимодействия.

---

[11] См. по этому вопросу: Борисов С.В. Уголовная ответственность за террористический акт: проблемы квалификации и правоприменения. – М.: Юрайт, 2024. С. 78.

[12] См., например: Волков К.А. Противодействие использованию беспилотных систем в преступных целях: уголовно-правовой аспект // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 4. С. 93.

Мошенничество с использованием дипфейк-технологий: уголовно-правовые аспекты и меры противодействия

Григорян Милена Эдвардовна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Козина Анастасия Алексеевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Авторы обращают внимание на проблему распространения дипфейков, посредством которых с каждым годом совершается все больше мошеннических действий. Приводится статистика с официальных сайтов о количестве неправомерного применения данной технологии. Исследованию подвержено уголовное законодательство с целью внесения изменений в части защиты лиц от фальсификации их биометрических данных при помощи искусственного интеллекта. Помимо этого, иллюстрируются примеры использования дипфейк-технологий в реальной жизни, ставится вопрос о сложности установления личности преступников. Предлагаются меры противодействия, предназначенные для предотвращения распространения ложной информации, направленной на хищение денежных средств.

Ключевые слова: дипфейк, искусственный интеллект, мошенничество с использованием дипфейк-технологий, обязательная маркировка синтезированного контента, запрет на эксплуатацию уязвимостей человека.

Понятие «дипфейк» получило известность относительно недавно, впервые оно было использовано на форуме Reddit[1]. Данный термин определяется как технология синтеза изображений или голоса, основанная на искусственном интеллекте. Стоит отметить, что такого рода методика распространила влияние на большую часть мира. Так, можно вернуть на экраны артиста, которого уже нет в живых, или омолодить человека, не задействовав

[1] Дипфейк (deepfake) [Электронный ресурс] // Postmypost. URL: https://postmypost.io/ru/glossary/deepfake/#history-of-deepfakes (дата обращения: 21.03.2026).

грим. Однако в эпоху цифровизации почти каждый обладает возможностью использовать дипфейк, для этого достаточно загрузить необходимое приложение. Это прокладывает путь к неправомерному применению данной методики, в связи с чем мы считаем целесообразным рассмотреть проблему с позиции уголовного закона.

Согласно результатам исследования, проведенного платформой «Выберу.ру», 38% россиян в 2026 году столкнулись с мошенниками, сгенерировавшими видео с близким человеком жертвы[2]. При этом подчеркивается, что подобному преступному воздействию подвергаются люди преимущественно пожилого возраста, ведь именно им затруднительно распознать обман. Аналитики же «МТС Линк» отметили, что понятие «дипфейк» не знакомо для 48% респондентов, что ставит эту часть опрошенных в уязвимое положение[3]. Порядка 30% россиян считают стремительное развитие искусственного интеллекта угрозой, поскольку технология совершенствуется и отличить правду от лжи становится гораздо сложнее.

Существует документ, в котором говорится о технологии дипфейка. Так, код 049 справочника № 25-ГП, утвержденного приказом Генеральной прокуратуры РФ от 9 декабря 2022 года №746[4], закрепляет, что подобного рода технологии относятся к средствам, которые могут быть использованы в целях совершения преступлений. Упоминание о такой разновидности противоправного деяния в подзаконном нормативно правовом акте играет важную роль, позволяя вести статистический учет для проведения реформ в целях защиты граждан от нарушения неприкосновенности частной жизни. Так, 14 сентября 2024 года сенатором А.К. Пушковым был внесен законопроект,

---

[2] Опрос показал, сколько россиян сталкивались с дипфейками [Электронный ресурс] // Прайм. URL: https://1prime.ru/20260305/opros-868031289.html (дата обращения: 21.03.2026).

[3] Аналитики выяснили, что половина россиян не знает значение слова «дипфейк» [Электронный ресурс] // Эксперт. URL: https://expert.ru/news/analitiki-vyyasnili-chto-polovina-rossiyan-ne-znaet-znachenie-slova-dipfeyk/ (дата обращения: 21.03.2026).

[4] О государственном едином статистическом учете данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре: Приказ Генпрокуратуры России от 09.12.2022 № 746 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433986 (дата обращения: 21.03.2026).

предусматривающий дополнение статей 128.1, 159, 159.3, 163 и 165 УК РФ новым квалифицирующим признаком —с использованием изображения или голоса потерпевшего или иного лица, а равно с использованием биометрических персональных данных потерпевшего или иного лица. К сожалению, отзыв на законопроект, составленный Верховным судом РФ, был отрицательным вследствие того, что автор не обосновал общественную опасность нового квалифицирующего признака[5].

Несмотря на то, что в законодательстве прямо не предусмотрена уголовная ответственность за рассылку дипфейков, инкриминировать деяние можно посредством использования статей УК РФ. Так, создание и распространение видео порнографического характера с поддельными изображениями через сеть Интернет подпадает под действие ст. 242 УК РФ («Незаконное изготовление и оборот порнографических материалов»). В том случае, если дипфейк создан при помощи незаконно полученных фотографий или видео жертвы, может быть возбуждено дело по статье 137 УК РФ («Нарушение неприкосновенности частной жизни»)[6].

Одним из наиболее громких дел стала история, случившаяся с заслуженным врачом РФ и бывшим главой «Российской детской клинической больницы» Николаем Вагановым, ставшим жертвой мошенников. Злоумышленники связались с мужчиной под видом секретаря мэра г. Москвы, сообщив, что сам Сергей Собянин хочет поговорить с ним. Преступники воспользовались технологией генерации видео при помощи искусственного интеллекта, после этого последовал ряд звонков от лжегенерала МВД и представителей ЦБ и ФСБ, под их давлением Ваганов снял со счета 4 миллиона рублей и передал их через курьера[7]. Другим ярким примером является дело пенсионерки из г. Перми, денежные средства которой присвоили следующим

[5] Законопроект № 718538-8 [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8 (дата обращения: 21.03.2026).
[6] Уголовный кодекс Российской Федерации от 24.05.1996 № № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФи. 1996. № 25. Ст. 2954.
[7] Заслуженный врач России лишился 4 млн. руб. после общения с мошенниками [Электронный ресурс] // URL: https://news.rambler.ru/incidents/52926267/?utm_contentdia&utm (дата обращения: 21.03.2026).

образом: мошенники вступили в контакт с пожилой женщиной в мессенджере и направили приглашение на видеоконференцию с медийной личностью. Во время конференции потерпевшей сообщили, что в её отношении были совершены незаконные действия, а для разрешения проблемы необходимо следовать инструкциям сотрудника Росфинмониторинга, который свяжется с ней позже. Последовав указаниям неизвестного, пенсионерка сняла со счета 500 тысяч рублей и передала их курьеру[8].

Приведенные статистические данные и примеры из судебной практики наглядно демонстрируют не только высокую общественную опасность использования дипфейков в преступных целях, но и существенную специфику самих противоправных деяний. Если на начальном этапе развития технологии основное внимание уделялось проблемам квалификации содеянного и поиску соответствующих норм УК РФ, то анализ реальных уголовных дел, в частности случаев с Н. Вагановым и пенсионеркой из г. Перми, выявляет иную, более сложную проблему. Она заключается в значительных затруднениях, возникающих уже после возбуждения уголовного дела, — в процессе расследования и установления лиц, причастных к совершению преступления.

Ввиду отсутствия единообразной судебной практики, остро стоит проблема квалификации преступлений с использованием дипфейк-технологий. В нормативно-правовых актах отсутствуют нормы, учитывающие способ совершения противозаконных действий с применением искусственного интеллекта. Вследствие этого считаем уместным привести собственную правовую квалификацию указанного противоправного деяния.

Согласно словам профессора Л.В. Головко, мошенничество остается таковым, независимо от способа обмана: он может быть вербальным, телефонным, сопряженным с разработкой поддельных видео[9]. В таком случае

---

[8] В г. Перми мошенники, используя дипфейк, забрали у пенсионерки 500 тысяч рублей [Электронный ресурс] // Новости Перми. URL: https://permnews.ru/novosti/incidents (дата обращения: 21.03.2026).

[9] Мошенничество с использованием дипфейков доказать проще, чем обычный обман [Электронный ресурс] // РАПСИ. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20231120/ml (дата обращения: 21.03.2026).

использование дипфейк-технологий в качестве средства или способа совершения мошенничества возможно квалифицировать в зависимости от действий по ст. 159.6 УК РФ как хищение путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей или просто как мошенничество по ст. 159 УК РФ. Однако, на наш взгляд, использование сгенерированной цифровой (компьютерной) информации необходимо предусмотреть в качестве квалифицирующего признака мошенничества. Кроме того, надлежит дополнить положения ч. 1 ст. 63 УК РФ пунктом, в котором в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, будет признаваться использование сгенерированной цифровой (компьютерной) информации.

Считаем необходимым внести изменения в ряд статей Особенной части УК РФ с целью криминализации создания и распространения реалистичных поддельных аудиовизуальных материалов. Например, ч. 2 ст. 128.1 УК РФ после слов «с использованием своего служебного положения» дополнить словами «а также посредством использования информационных технологий и (или) ресурсов», ст. 242 УК РФ следует дополнить ч. 4 следующего содержания: «Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи совершенные с использованием информационных технологий и (или) ресурсов». К таким технологиям, в частности, можно будет отнести и дипфейк-технологии.

Помимо этого, подобный метод совершения преступления можно учесть в качестве признака основного состава. Так в ст. 281 УК РФ находим рациональным указать в качестве способов совершения преступления распространение ложной информации с целью запугивания населения при помощи аудиовизуальных материалов, имитирующих голоса и изображения физических лиц.

Помимо совершенствования уголовного законодательства, необходимо совершенствовать и меры, направленные на противодействие дипфейк-технологиям. В настоящее время предпринимаемые меры по обнаружению дипфейков явно несоразмерны темпам их развития и распространения. Анализ практической деятельности показывает, что в оперативно-розыскных, следственных и судебных органах отсутствуют какие-либо стандарты, процедуры, алгоритмы или правила для выхода из сложившейся ситуации, что непременно создает ряд проблем в вопросах установления достоверности оперативно значимой информации и цифровых доказательств.

На фоне обозначенных проблем в 2025–2026 годах российские власти приступили к формированию системного законодательства. Одним из ключевых документов, призванных создать нормативную основу для противодействия дипфейкам, стал разработанный Минцифры России проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», представленный для общественного обсуждения в марте 2026 года. Для противодействия мошенничеству с использованием дипфейков ключевое значение имеют три положения законопроекта: обязательная маркировка синтезированного контента, идентифицирующая сгенерированные материалы на стадии их получения; запрет на эксплуатацию уязвимостей человека — новое для российского права понятие, фактически вводящее законодательный запрет на методы социальной инженерии; распределение ответственности разработчиков и операторов систем ИИ, допускающих использование своих технологий в противоправных целях.

Таким образом, мошенничество с использованием дипфейк-технологий представляет собой новый вид преступной деятельности. В связи с этим эффективные меры противодействия заключаются в совершенствовании нормативно-правовой базы и развитии технических средств.

Пробелы уголовно-правового регулирования криптовалюты в российском законодательстве

Ерополова Виктория Игоревна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Статья анализирует пробелы в уголовно-правовом регулировании криптовалюты в России и особенности квалификации мошенничества с цифровыми активами. Рассматриваются позиции отечественных авторов, действующее законодательство и судебная практика 2019–2025 годов. Обосновывается необходимость законодательного признания цифровой валюты в качестве объекта преступлений против собственности и внесения изменений в статьи 158, 159, 159.6 и 163 УК РФ. Делается вывод о необходимости адаптации уголовного права к цифровой экономике и блокчейн-технологиям. Важно учитывать, что с развитием технологий появляются новые формы преступлений. Поэтому необходимо разработать эффективные механизмы защиты прав граждан в условиях цифровизации.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, цифровые финансовые активы, мошенничество, уголовная ответственность, блокчейн.

Цифровая революция последних десятилетий привела к появлению новых объектов гражданских прав — цифровых финансовых активов и криптовалюты. Эти изменения имеют криминогенный характер, так как традиционные уголовно-правовые конструкции не адаптированы к новым формам преступлений. Особенно актуальной является проблема квалификации мошенничества, связанного с хищением цифровой валюты.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1], цифровая валюта представляет собой электронные данные, используемые как средство платежа,

[1] Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч.1). Ст. 5018.

но не являющиеся законным платежным средством. Криптовалюта, обладая экономической ценностью, участвует в гражданском обороте и подлежит режиму цифровых прав. Это создает возможность для её использования в преступлениях, таких как мошенничество. Однако Уголовный Кодекс Российской Федерации[2] не содержит прямого упоминания о цифровой валюте в контексте преступлений против собственности.

В научной литературе доминирует позиция, согласно которой отсутствие специального состава мошенничества с криптовалютой не препятствует квалификации соответствующих деяний по ст. 159 УК РФ. А.В. Пашков указывает, что «диспозиция ст. 159 УК РФ охватывает хищение не только вещей, но и имущественных прав»[3], а потому применима к случаям незаконного завладения цифровыми активами. К.Р. Усманов ссылается на ст. 128 ГК РФ, утверждая, что цифровые права относятся к имущественным правам. Однако это столкновение с ч. 2 ст. 3 УК РФ, запрещающей аналогичное применение уголовного закона, создает риск нарушения принципа законности, поскольку цифровая валюта не признана предметом преступного посягательства в уголовном законодательстве.

Определённую роль в формировании правоприменительных подходов сыграла позиция Верховного Суда РФ. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 года № 32 криптовалюта упоминается в контексте ст. 174 и ст. 174.1 УК РФ[4], что свидетельствует о признании её экономически значимым объектом. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 подчёркивается, что «объектом мошенничества могут быть имущественные права»[5], это имеет принципиальное значение для оценки

---

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[3] Пашков А.В. Мошенничество в сфере криптовалют // Бизнес. наука. образование. 2022. № 1. С. 454-457.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Российская газета. 2015. № 151.

[5] Ильин С.А. Мошенничество с криптовалютой: вызовы и перспективы // Вестник науки.

посягательств на цифровые активы, однако и здесь цифровая валюта прямо не названа.

П.В. Александрович рассматривает криптовалюту как объект преступного воздействия, который может быть «предметом хищения, средством передачи взятки и инструментом легализации преступных доходов, способом финансирования противоправной деятельности»[6]. Он выявляет пробелы в законодательстве, например, при использовании поддельных электронных кошельков возникает конкуренция норм между ст. 159 УК РФ и статьями о преступлениях в сфере компьютерной информации, где ключевым элементом является умысел на обман потерпевшего. При схеме «флиппинга» автор склоняется к квалификации по ст. 158 УК РФ из-за тайного изъятия имущества, что вызывает дискуссии о разграничении мошенничества и кражи. В случае сложных схем, таких как «атаке одного подтверждения», отмечается, что правовая оценка должна основываться на характере причиненного ущерба, однако действующее законодательство не учитывает такие преступления.

Л.А. Санташов акцентирует внимание на двойственной природе криптовалюты как объекта преступления: «с одной стороны, она выступает имущественной ценностью, а с другой — разновидностью компьютерной информации»[7]. Поэтому хищение криптовалюты посредством модификации данных может квалифицироваться в совокупности со ст. 272 или ст. 273 УК РФ. П.В. Александрович развивает данную мысль, указывая, что использование вредоносного программного обеспечения образует состав по ст. 159.6 УК РФ с дополнительной квалификацией по нормам гл. 28 УК РФ, однако нормы этой главы не учитывают специфику криптовалютных активов и не всегда позволяют адекватно оценить причинённый ущерб. Г.Р. Григорян на основе

2025. Т. 3. №. 10 (91). С. 229-242.

[6] Кравченко А.Е., Сергиенко И.А., Лукки Е.В. Уголовно-правовые аспекты криптовалютных мошенничеств // Epomen. Global. 2025. №. 60. С. 138-142.

[7] Санташов А.Л. Проблемы противодействия хищению денежных средств с банковских счетов, а равно в отношении электронных денежных средств // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации. 2022. С. 111-115.

социологического исследования констатирует, что большинство специалистов склонны квалифицировать преступления с криптовалютой по ст. 159.6 УК РФ[8], хотя подобная тенденция рискует нивелировать границы между мошенничеством и преступлениями против информационной безопасности.

Квалификация угроз цифровой инфраструктуре вызывает проблему: угроза уничтожения данных или блокировки доступа к активам не подпадает под вымогательство по ст. 163 УК РФ, поскольку закон не учитывает воздействия на цифровую инфраструктуру. Это указывает на неприменимость уголовного закона к условиям цифровой экономики. О.А. Науменко предлагает дополнить уголовно-правовые меры превентивными криминалистическими инструментами: верификацией виртуальных номеров, внесудебной блокировкой фишинговых сайтов, ускорением информационного обмена между правоохранительными органами и телекоммуникационными компаниями[9], что отражает переход от репрессивной к превентивной модели противодействия преступности. С этими предложениями трудно не согласиться, так как большинство криптовалютных преступлений основывается на социальной инженерии и анонимности технологий.

Обобщая авторские трактовки, можно констатировать, что уголовно-правовая наука разрабатывает новую концепцию квалификации мошенничества с криптовалютой, опираясь на нормы главы 21 УК РФ. Остаются нерешёнными вопросы правового статуса криптовалюты, разграничения мошенничества и кражи с использованием цифровых ключей, а также квалификации угроз цифровой инфраструктуре как вымогательства. Низкая раскрываемость таких преступлений подчеркивает необходимость совершенствования уголовно-правового регулирования. Развитие блокчейн-технологий требует пересмотра категорий уголовного права и комплексного подхода к нормативным изменениям.

---

[8] См. по этому вопросу: Григорян Г.Р. Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемы криминализации, законодательной регламентации и квалификации: автореф. дис. …канд. юрид. наук / Г.Р. Григорян. – Самара, 2021. С. 23.

[9] См.: Науменко О.А. О криминалистическом прогнозировании мошенничеств в сети Интернет // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 4 (54). С. 72-76.

Отсутствие нормативной определённости привело к неоднородной судебной практике. В приговоре Октябрьского районного суда г. Тамбова от 15 февраля 2019 года действия подсудимого, отправившего поддельное SMS о поступлении денежных средств, были квалифицированы по ст. 159 УК РФ, поскольку обман был направлен на незаконное получение криптовалюты[10]. Металлургический районный суд г. Челябинска в приговоре от 19 марта 2024 года признал цифровую валюту имуществом, указывая на её оборотоспособность и возможность отчуждения, что делает её объектом хищения. Пресненский районный суд г. Москвы 22 февраля 2025 года подтвердил умысел на хищение в действиях лица, действовавшего под видом инвестиционного управляющего и распоряжавшегося криптовалютой потерпевших.

Анализ судебной практики выявляет фрагментарность в подходах к криптовалюте, которая может считаться предметом мошенничества, кражи или легализации доходов без единого нормативного основания. Высокая волатильность крипторынка и отсутствие официальных котировок усложняют оценку ущерба. Законодатель признал цифровую валюту объектом гражданских прав, не определив её уголовно-правового статуса, что приводит к неясности в понятиях «имущество» и «имущественные права». Для решения этих проблем необходимы комплексные законодательные меры.

Во-первых, необходимо дополнить примечание к ст. 158 УК РФ следующим абзацем: «Под иным имуществом для целей настоящего Кодекса понимаются также цифровая валюта, цифровые финансовые активы и иные цифровые права, обладающие экономической ценностью и способностью участвовать в гражданском обороте». Это устранит противоречие между гражданским и уголовным законодательством и исключит необходимость применения аналогии закона.

Во-вторых, следует уточнить диспозицию ч. 1 ст. 159 УК РФ, изложив её

[10] Приговор № 1-134/2019 от 14.02.2019 по делу № 1-134/2019 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 25.01.2026).

в следующей редакции: «Мошенничество, то есть хищение чужого имущества, включая цифровую валюту, цифровые финансовые активы и иные цифровые права, либо приобретение права на чужое имущество путём обмана или злоупотребления доверием…».

В-третьих, ст. 159.6 УК РФ необходимо дополнить указанием на то, что «Под компьютерной информацией для целей данной статьи понимаются в том числе данные, обеспечивающие функционирование цифровой валюты и цифровых финансовых активов».

В-четвёртых, диспозицию ст. 163 УК РФ следует расширить, включив в неё угрозу уничтожения, блокирования либо модификации компьютерной информации, способной причинить существенный имущественный вред: «…под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, а равно уничтожения, блокирования либо модификации компьютерной информации, способной причинить существенный имущественный вред».

Исследование выявляет серьёзные пробелы в российском уголовном законодательстве в отношении мошенничества с криптовалютой. Хотя цифровая валюта признана объектом гражданских прав, УК РФ не закрепляет её как предмет преступлений, что приводит к различной квалификации одних и тех же действий судами. Анализ показывает, что право не успевает за развитием технологий. Для решения этих проблем необходимо уточнить в УК РФ статус криптовалюты как имущества, внести изменения в статьи 159, 159.6 и 163, а также принять разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о квалификации преступлений с цифровыми активами. Это улучшит правоприменение и обеспечит защиту владельцев криптовалюты.

Современные механизмы легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем

Михин Кирилл Константинович,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Мингалев Дмитрий Олегович,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем. Анализируется эволюция понятия легализации в отечественном и зарубежном законодательстве. Раскрываются ключевые преступные схемы, используемые в банковской сфере, при совершении сделок с недвижимостью, с использованием офшорных юрисдикций и криптовалют. Выявляются проблемы, связанные с дроблением подконтрольных операций, фиктивным документооборотом и анонимностью транзакций. Предлагаются меры по совершенствованию правового регулирования, направленные на усиление механизмов контроля.

Ключевые слова: легализация (отмывание) доходов, преступные схемы легализации доходов, финансовый мониторинг, офшорные зоны, криптовалюта, экономическая безопасность.

Одним из основных элементов национальной безопасности и независимости государства является его безопасность в экономической сфере. Согласно указу Президента РФ от 13 мая 2017 года № 208 «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», одним из вызовов и угроз экономической безопасности является высокий уровень криминализации и коррупции в этой сфере[1].

Так, П.И. Иванов считает, что «практически каждое преступление в сфере

[1] Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

экономики сопряжено с отмыванием «грязных» денег и более того, почти 70% отмытых средств повторно вкладывается в сферу предпринимательства для извлечения прибыли»[2]. Исходя из вышеуказанного, легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем – это один из примеров преступлений, наносящий значительный вред экономике посредством недополучения государством налоговых отчислений, расширением теневого сектора экономики, сокращением объемов инвестиций и др.

Свое историческое начало легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, берет еще в древние времена. Например, в VII — X в. до н.э. в Древнем Китае было распространено присвоение ветеранами боевых действий драгоценностей и золота, при этом по закону все завоеванные вещи должны были быть переданы государству[3].

Позднее, в XX веке в науке уже начинает формироваться современное понятие и понимание легализации преступных доходов, именно тогда стали разрабатываться преступные схемы, суть которых заключалась в смешивании «грязных» денег с выручкой от легальной деятельности. Таким образом, создавался вид правомерно нажитых средств. Непосредственно сами термины «отмывание», «грязные» деньги появились в науке и зарубежном законодательстве именно в этот период. Однако в России впервые термин «легализация (отмывание)» появился с принятием Уголовного кодекса РФ в 1996 году. В настоящее время в большинстве стран закреплены специальные законы, связанные с такой деятельностью. Примерами таких стран может служить Нигерия, Индия, Австралия и др.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма» легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем – это придание правомерного вида

---

[2] Иванов П.И. Стадии и способы легализации преступных доходов, полученных в результате совершения преступлений экономической и налоговой направленности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (87). С. 150.

[3] См.: Короткова Е.А. Понятие и сущность легализации доходов, полученных преступным путем // Закон и право. 2026. № 2. С. 219.

владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления[4]. В самом определении содержится предмет преступления – преступное происхождение денежных средств или имущества.

По данным МВД, опубликованным в августе 2025 года, за шесть месяцев 2025 года в России было возбуждено 862 уголовных дела, связанных с отмыванием денежных средств. По сравнению с аналогичным периодом прошлого года, количество таких дел выросло на 33%, при этом 50% нарушений касались легализации в крупном и особо крупном размерах[5].

Так, например, преступной схемой незаконной банковской деятельности является перевод различными способами и методами денежных средств из безналичных в наличные, а затем в передача этих наличных денежных средств клиентам. Проблема отслеживания данных операций с каждым годом становится менее выраженной, поскольку зачастую банки стараются предотвратить подозрительные операции благодаря финансовому мониторингу, а также сразу же сообщают в уполномоченные органы о подозрительных транзакциях.

Другая преступная схема состоит в манипулировании ценами, которые указываются в документах, являющихся подтверждением той или иной сделки. Например, занижение либо завышение стоимости при покупке, либо продаже имущества в документах, хотя в реальности сделка проходит по другой стоимости. Большинство подобных сделок также контролируются, а именно, согласно ст. 6 Федерального закона от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма» – Росфинмониторинг проверяет и контролирует сделки с недвижимостью свыше 5 миллионов рублей, а также

---

[4] Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33. Ст. 3438.

[5] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - июль 2025 года // Официальный интернет-портал Министерства внутренних дел Российской Федерации // [Электронный ресурс] URL: https://мвд.рф/reports/item/68795497/ (дата обращения: 15.03.2026).

другие операции, превышающие 1 миллион рублей[6]. Однако, в данной преступной схеме могут иметь место несколько операций, каждая из которых не будет превышать 1 миллион рублей. Таким образом, увеличивается риск легализации доходов, полученных преступным путем.

В 2015 году Верховный Суд РФ в п. 9 Постановления Пленума от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» разъяснил, что «в случае совершения нескольких финансовых операций или сделок, если легализованное имущество не образовало указанный выше размер, содеянное надлежит квалифицировать как оконченную легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества»[7].

Следующая преступная схема заключается в симулировании (имитации) заключения кредитного договора, договора займа, купли-продажи товара и т. д. с иностранной финансовой или юридической организацией, которая в свою очередь имеет регистрацию в офшорной зоне, тем самым, не являясь российским налоговым резидентом. Заключая такой договор, по документам происходит перечисление некой суммы заемных, кредитных средств или средств по оплате за товар от иностранной организации на счет(-а) юридической организации на территории РФ. Однако, на самом деле никаких денежных перечислений не происходит, т. е. договор является фиктивным, и, под видом полученных кредитных, заемных средств, или полученной прибыли, в обороте начинают использоваться денежные средства, полученные преступным путем. Сложность в раскрытии данной схемы заключается в том, что страны, являющиеся офшорными зонами, не раскрывают никакую информацию о финансовых операциях, происхождении денежных средств,

---

[6] Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33. Ст. 3438.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Российская газета. 2015. № 154.

финансовых активах, как о своих резидентах, так и о налоговых резидентах РФ.

В настоящее время, согласно приказу Министерства финансов России от 5 июня 2023 года № 86 «Об утверждении Перечня государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (офшорные зоны)», в данный перечень входит 91 офшорная зона[8].

Более современным механизмом отмывания денежных средств, полученных преступным путем, является способ с использованием криптовалюты. Так, денежные средства с помощью интернет-площадок (приложений) переводятся в различную криптовалюту, после чего она перечисляется на несколько «интернет – кошельков», тем самым дробя общую сумму на несколько частей. Далее используется «криптомиксер», объединяющий все переведенные ему средства в одну единую «криптомассу», которая потом выводится на множество других кошельков (ранее не замеченных) совершенно разными суммами. Данная операция происходит неограниченное количество раз. В результате этого, отследить, куда были переведены денежные средства, практически невозможно. После таких действий криптовалюта выводится на другой счет, зачастую не находящийся в первоначальной стране, и обналичивается, либо используется для оплаты чего-либо.

Осложнено все тем, что адреса, по которым происходит перевод, не содержат информации о его владельце, и зачастую принадлежат «криптосервисам», которые предоставляют их пользователям для хранения и перевода криптовалюты. Также сложность представляет возможность использования «анонимной криптовалюты», в которой обезличиваются все транзакции, используя технологии кольцевых подписей, скрытых адресов и т. д.

---

[8] Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 05.06.2023 № 86н «Об утверждении Перечня государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202306150015 (дата обращения: 15.03.2026).

В связи с большим разнообразием преступных схем, необходимо предпринять следующие меры по противодействию:

– для нейтрализации угроз, связанных с использованием офшорных юрисдикций, необходимо усилить контроль за фиктивными договорами займа и кредитными обязательствами с нерезидентами, предусмотрев обязательную проверку факта реального перечисления денежных средств;

– учитывая рост преступлений, совершаемых с использованием криптовалют, необходимо законодательно закрепить обязанность операторов «криптообменников» идентифицировать лиц при выводе средств в национальную валюту, а также предусмотреть возможность взаимодействия с Росфинмониторингом.

Развитие высоких технологий и внедрение их практически во все сферы жизни общества создает благоприятную почву для создания новых механизмов для совершения такого преступления, как легализация доходов, полученных преступным путем, которое наносит значительный ущерб экономике государства. Реагируя на данный вызов, государство предпринимает все возможные методы и средства для противодействия совершению таких преступлений, которые заключаются в увеличении контроля за денежными транзакциями, внедрении в безналичные расчеты «прозрачной валюты» - например, цифрового рубля и т. д.

Высокое технологическое развитие дает возможность государственным органам осуществлять контроль и надзор за многими сферами жизни, тем самым осуществляя безопасность личности, общества и самого государства. Как следствие, государству достаточно эффективно удается противодействовать даже новым и сложным механизмам таких преступлений.

Изменение причин и условий участия граждан в террористической деятельности на примере Оренбургской области

Стадник Юлия Романовна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Чикуркова Карина Витальевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматривается трансформация террористической активности как криминологического явления в Оренбургской области. Анализ охватывает период с конца 1990-х по 2025 годы. Исследуется переход от институциональных форм терроризма, связанных с деятельностью радикальных религиозных структур к сетевым, дистанционно управляемым формам. Выявляется новая тенденция – смещение фокуса вербовки на ранее неуязвимые категории граждан. На основе анализа оперативной обстановки и статистических данных предлагаются меры по корректированию системы профилактики.

Ключевые слова: криминологический анализ причин участия граждан в террористической деятельности, причины и условия террористической деятельности, вовлечение и вербовка граждан в террористическую деятельность, цифровая грамотность, мониторинг финансовых операций.

В XXI веке терроризм является самым негативным явлением для всего современного общества, так как представляет непосредственную угрозу человеческой жизни, безопасности государства, дестабилизирует внутренний уклад в стране и искореняет устоявшиеся духовные, этические и моральные ценности.

«Криминологически значимые признаки терроризма подвержены динамике под влиянием макросоциальных процессов и технологического прогресса, что предопределяет необходимость учета данных факторов при анализе его современного состояния»[1]. Оренбургская область, отличающаяся

[1] Антонян Ю.М. Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.:

особым географическим положением и многонациональным составом населения, служит идеальной моделью для наблюдения за этими процессами.

Анализ статистических данных по Оренбургской области с конца 1990-х – начала 2000-х годов выявляет системный характер и природу террористической активности того времени. На территории Приволжского Федерального округа под влиянием представителей стран Ближнего Востока, в частности Саудовской Аравии, сформировались устойчивые очаги исламского радикализма, которые обладали развитой инфраструктурой, включая учебные центры, фактически специализировавшиеся на военной и идеологической подготовке террористов. Примером служит бугурусланское медресе «Аль-Фуркан». Под видом духовного образования там велась подготовка кадров для террористического подполья. Лица, прошедшие обучение в данном заведении, впоследствии идентифицированы как участники террористических актов 2004 года: атаки на Ингушетию (г. Назрань), теракта в г. Беслане и взрыва в г. Самаре. Установлено, что один из выпускников «Аль-Фуркана» причастен к взрыву домов в г. Москве в 1999 году.

Комплекс условий, способствовавших совершению террористических актов в начале 2000-х годов представлен следующими причинами:

– «существование материальной базы для внедрения радикальной идеологии»[2];

– наличие устойчивой иерархии в террористических структурах и их интеграция в международное террористическое подполье;

– доминирование исламских идеологических установок, базирующихся на религиозном экстремизме и нетрадиционных течениях ислама, которые распространяли свое влияние из-за рубежа;

– «применение методов вовлечения через личное общение в зонах концентрации потенциальных сторонников – местах проживания, учебы или

Норма, 2023. С. 112.

[2] Дэникер Г. Стратегия террора / Г. Дэникер // Терроризм: история и современность: сборник статей. М.: Прогресс, 2001. С. 12.

отправления религиозных обрядов»[3].

В период с 2005 по 2010 годы правоохранительным органам удалось ликвидировать большинство открытых очагов подготовки террористов на территории Оренбургской области. Однако, физическое уничтожение инфраструктуры не привело к полному искоренению явления. В 2011 г. в Оренбургской области действовало 95 исламских объединений, в 2014 г. – 116, В 2015 г. количество исламских объединений сократилось до 101.

В 2010-х годах причинами и условиями совершения террористических актов являлось воздействие исламских радикальных, экстремистских, антигосударственных течений прежде всего на мигрантов. «Об участии граждан России и стран СНГ в рядах запрещенной в России организации «ИГИЛ» 15 сентября 2015 года заявил В.В. Путин на заседании Совета глав государств ОДКБ[4].

В отношении лиц, примкнувших к данной группировке, в 2015 г. правоохранительными органами Самарской области возбуждены 3 уголовных дела, Саратовской – 7, Оренбургской – 15, Башкортостана – 28»[5].

Причинами вербовки и вовлечения мигрантов в участие в террористической деятельности послужило то, что по приезде в новую местность им было сложно адаптироваться к местным условиям и те, кто не желал к ним адаптироваться, вступали в религиозные организации и подвергались иностранному воздействию. В 2014 г. ФСБ было заведено 13 уголовных дел в отношении оренбуржцев – участников террористической группировки, в 2015 г. – еще 2 уголовных дела[6].

---

[3] Вишневецкий К.В. Криминология современного терроризма / К.В. Вишневецкий, И.А. Попова. – М.: Юрайт, 2024. С. 65.

[4] На саммите ОДКБ Владимир Путин призвал к широкой коалиции против ИГИЛ // Первый канал: [сайт]. – 15 сентября 2015. – URL: https://www.1tv.ru/news/2015-09-15/11153-na_sammite_odkb_vladimir_putin_prizval_k_shirokoy_koalitsii_protiv_igil (дата обращения: 13.03.2026).

[5] Алексенко М.А. Влияние иммиграции на криминологическую и этнополитическую ситуации в Оренбургской области в 2000-2016 годах: факторы религиозной радикализации/ М.А. Алексенко // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2017. № 4(7). С. 9.

[6] Проблема терроризма: 15 оренбуржцев стали участниками ИГИЛ // БеZФормата: [сайт]. – 8

Криминологическая обстановка на территории Оренбургской области в последние годы носит динамичный характер и обусловлена комплексом новых угрозообразующих факторов. Определяющее влияние на ее развитие оказывают проведение специальной военной операции и нарастание угроз совершения диверсионно-террористических актов. В соответствии с региональной программой Оренбургской области, источниками угроз признается деятельность иностранных спецслужб, направленная на дестабилизацию обстановки, и функционирование международных террористических структур.

К числу внутренних дестабилизирующих факторов можно отнести:

– активность отдельных представителей этнокультурных организаций, демонстрирующих антироссийские настроения;

– действия внесистемных оппозиционных структур, использующих интернет-пространство;

– практика массового распространения ложных сообщений о террористических актах.

Существенной трансформацией последних лет стало возникновение новых механизмов вовлечения россиян в террористическую деятельность. Сейчас, в условиях специальной военной операции, экстремизм подвергся существенным изменениям, так как обрел новые формы, а методы вовлечения граждан стали более скрытыми и изощренными.

Особую обеспокоенность вызывает расширение круга лиц, подверженных террористическому влиянию, за счет категорий населения, которые ранее криминология не относила к числу потенциальных объектов вовлечения. Так, в зону повышенного риска попали граждане пожилого возраста. Алгоритм вовлечения пенсионеров строится на сочетании приемов социальной инженерии и психологического давления. Злоумышленники воздействуют на чувство тревоги, используя стандартные сценарии: жертве сообщают о хищении личных средств якобы в ущерб России, угрожают уголовным

октября 2015. URL: https://orenburg.bezformata.com/listnews/15-orenburzhtcev-stali-uchastnikami/38660468/ (дата обращения: 13.03.2026).

преследованием за финансирование терроризма или поддержку Украины, демонстрируя наличие сфабрикованных доказательств. «В состоянии стресса пожилого человека склоняют к совершению действий, подпадающих под статью о терроризме (поджог административных зданий), обещая взамен возврат похищенного или снятие ложных обвинений»[7].

По мнению А. Бекеева – подполковника полиции в отставке, заместителя начальника Центра по противодействию экстремизму в г. Оренбурге с 2015-2019 гг., в работе с пенсионерами необходим акцент на правовое просвещение. Граждане должны понимать: поджог военкомата с целью «спасения» денег не попадает под статью о мелком хулиганстве или вандализме. Такие действия расцениваются следствием как покушение на совершение теракта, что влечет за собой несопоставимо более суровое наказание[8].

Статистические данные 2025 года подтверждают активизацию противоправной деятельности в отношении пенсионеров. Только за сентябрь 2025 года около трех десятков пожилых оренбуржцев стали жертвами мошенников, действовавших под предлогом предотвращения финансирования терроризма. Общая сумма похищенных средств превысила 10 миллионов рублей[9].

Анализ уголовной статистики и профилактических мероприятий в Оренбургской области позволяет выявить существенные изменения в структуре преступности террористической направленности и условиях совершения соответствующих деяний. Если раньше основными условиями были религиозные факторы, то сейчас особую актуальность представляет вовлечение и вербовка граждан РФ в совершение террористических действий украинскими спецслужбами на фоне проведения специальной военной операции.

---

[7] Вишневецкий К.В. Криминология современного терроризма / К.В. Вишневецкий, И.А. Попова. – М.: Юрайт, 2024. С. 114.

[8] Официальный портал города Оренбурга / Пресс-Центр: новости. – Режим доступа: https://orenburg.ru/ (дата обращения: 13.03.2026).

[9] Сведения о преступлениях террористической направленности и лицах, их совершивших, на территории Оренбургской области: статистический сборник / УМВД России по Оренбургской области. Оренбург. 2025. № 9 (сентябрь). С. 8.

Учитывая выявленную эволюцию причин и условий совершения террористических актов в Оренбургской области, для устранения существующих и возникновения новых угроз система профилактических мероприятий требует содержательной корректировки по следующим направлениям:

– реализация специализированных программ повышения цифровой грамотности среди пожилого населения – необходимо довести до пенсионеров правоприменительную практику, разъяснив, что участие в схемах, предлагаемых мошенниками под видом «помощи следствию», может повлечь ответственность по статьям террористической направленности;

– усиление мониторинга финансовых операций в отношении уязвимых категорий граждан. Необходимо наладить взаимодействие банков и операторов связи с правоохранительными органами для выявления подозрительных транзакций, предшествующих совершению противоправных действий. Как показывает практика, мошенники убеждают пенсионеров переводить средства на «безопасные счета» или передавать их «инкассаторам», что требует оперативного реагирования финансовых организаций;

– совершенствование межведомственного взаимодействия. Муниципальные программы профилактики предусматривают проведение круглых столов с участием представителей национальных диаспор, религиозных конфессий, общественных организаций. Данная практика требует расширения с привлечением специалистов в области социальной психологии и цифровых технологий.

Криминологический анализ терроризма в Оренбургской области демонстрирует отчетливую эволюцию данного явления. На смену институциональным формам начала 2000-х годов, связанным с деятельностью радикальных религиозных структур и имевшим идеологическую мотивацию, пришли сетевые, дистанционно управляемые формы, использующие уязвимость социальных групп.

Ответом на данную трансформацию угроз должна стать активная система

профилактических мероприятий, основанная на развитии цифровых компетенций населения, адресной работе с семейным окружением потенциальных жертв вовлечения, совершенствовании межведомственного взаимодействия и продолжении работы по укреплению антитеррористической защищенности объектов. Только комплексный подход, способен обеспечить эффективное противодействие данной угрозе в современных условиях.

Перспективы внедрения концепции «уголовного проступка» в российское законодательство

Уразгалиева Самира Нурлановна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматриваются перспективы внедрения концепции уголовного проступка в российское уголовное законодательство. Анализируется законопроект Верховного Суда Российской Федерации о введении понятия уголовного проступка и положения пояснительной записки к нему. Особое внимание уделяется причинам, по которым данная инициатива не получила законодательного закрепления, а также позициям ученых, поддерживающим и критикующим данную концепцию. В работе исследуется проблема разграничения уголовного проступка и малозначительного деяния, предусмотренного частью 2 статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации. Сделан вывод о необходимости четкого нормативного определения критериев разграничения указанных правовых институтов для обеспечения единообразия правоприменительной практики.

Ключевые слова: уголовный проступок, уголовная ответственность, малозначительное деяние, гуманизация уголовного законодательства, правовое регулирование.

Уголовное законодательство Российской Федерации в последние годы характеризуется стремлением к гуманизации уголовной политики и поиску более гибких форм реагирования государства на противоправные деяния. Одним из направлений такого развития является обсуждение возможности введения в российское уголовное законодательство института уголовного проступка, который должен занять промежуточное положение между преступлениями и административными правонарушениями.

Идея введения уголовного проступка активно обсуждается в научной литературе и правоприменительной практике. Предполагается, что данный институт позволит дифференцировать уголовную ответственность, снизить

уровень криминализации отдельных деяний и одновременно сохранить возможность применения уголовно-правовых мер воздействия без назначения строгих санкций. В ряде зарубежных государств подобные правовые конструкции уже существуют и рассматриваются как эффективный инструмент гуманизации уголовной политики.

В российской правовой системе попытка нормативного закрепления института уголовного проступка была предпринята в 2016 году, когда Верховный Суд Российской Федерации внес в Государственную Думу РФ проект федерального закона о введении данной категории в уголовное законодательство[1].

Однако данный законопроект не был принят, что вызывает необходимость анализа причин отказа от его реализации и оценки перспектив внедрения рассматриваемой концепции в будущем.

В 2016 году Верховный Суд Российской Федерации предложил законопроект, предусматривающий введение в уголовное законодательство новой категории правонарушений – уголовного проступка. Согласно предлагаемым изменениям, к уголовным проступкам должны были относиться деяния небольшой тяжести, за совершение которых не предусматривается наказание в виде лишения свободы.

Законопроект предполагал, что лицо, впервые совершившее уголовный проступок, может быть освобождено от уголовной ответственности при применении иных мер уголовно-правового характера, таких как судебный штраф или иные меры воздействия.

В пояснительной записке к законопроекту указывалось, что введение института уголовного проступка направлено на гуманизацию уголовного законодательства и снижение числа лиц, имеющих судимость за деяния, не представляющие высокой общественной опасности[2].

---

[1] Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»: внесен Верховным Судом РФ в Государственную Думу 31.10.2016 № 1109997-6. URL: sozd.duma.gov.ru (дата обращения: 17.03.2026).

[2] Пояснительная записка к проекту федерального закона № 1109997-6 «О внесении

По данным Верховного Суда Российской Федерации, ежегодно значительное количество уголовных дел связано с преступлениями небольшой тяжести, совершенными впервые, что свидетельствует о необходимости поиска альтернативных форм уголовно-правового реагирования. Введение категории уголовного проступка должно было позволить сократить число лиц, имеющих судимость, и одновременно сохранить возможность правового реагирования на подобные деяния.

Некоторые исследователи указывали, что введение новой категории правонарушений может привести к усложнению структуры уголовного законодательства и создать дополнительные трудности в правоприменительной практике. Так, критическую позицию по отношению к концепции уголовного проступка высказывал, в частности, А.И. Рарог, отмечая, что включение новой категории деяний в уголовное законодательство может привести к неоправданному усложнению системы уголовного права и затруднить разграничение преступлений, административных правонарушений и иных форм противоправного поведения. Кроме того, ученый указывал на то, что предложенная модель уголовного проступка во многом дублирует уже существующие институты освобождения от уголовной ответственности, что снижает практическую необходимость введения новой категории правонарушений[3].

Кроме того, критике подверглась предложенная модель освобождения от уголовной ответственности при совершении уголовного проступка. По мнению ряда специалистов, она могла привести к размыванию границ уголовной ответственности и создать неопределенность в правовом статусе лица, совершившего подобное деяние.

В научной литературе существует несколько подходов к оценке перспектив введения уголовного проступка. Сторонники данной концепции

изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка». URL: https://sozd.duma.gov.ru (дата обращения: 18.03.2026).

[3] См.: Рарог А.И. К вопросу о введении категории уголовного проступка в российское уголовное законодательство // Уголовное право. 2017. № 5. С. 23–29.

считают, что ее внедрение позволит обеспечить более гибкую дифференциацию уголовной ответственности. Так, Н.А. Лопашенко отмечает, что введение категории уголовного проступка может стать важным шагом в направлении гуманизации уголовной политики, поскольку позволит реагировать на деяния небольшой тяжести без применения строгих уголовно-правовых санкций и без формирования судимости у лица, впервые совершившего противоправное деяние[4].

Кроме того, сторонники данной концепции указывают, что введение уголовного проступка может способствовать снижению уровня криминализации общества и уменьшению числа лиц, имеющих судимость. Это особенно важно в отношении лиц, совершивших противоправное деяние впервые.

В то же время противники данной концепции обращают внимание на возможность дублирования уже существующих институтов уголовного права. В частности, действующее законодательство предусматривает освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим и назначением судебного штрафа. По мнению ряда ученых, данные механизмы уже позволяют достигать целей гуманизации уголовной политики без введения новой категории правонарушений.

Отдельного внимания требует вопрос разграничения уголовного проступка и малозначительного деяния, предусмотренного статьей 14 Уголовного кодекса Российской Федерации. Согласно указанной норме, деяние, формально содержащее признаки преступления, но не представляющее достаточной степени общественной опасности, не признается преступлением[5].

В соответствии с положениями части 2 статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации деяние, формально содержащее признаки преступления, предусмотренного уголовным законом, не признается преступлением в случае его малозначительности. Малозначительным признается такое деяние, которое

---

[4] См.: Лопашенко Н.А. Уголовный проступок как направление гуманизации уголовной политики // Государство и право. 2018. № 4. С. 89–97.

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

хотя и соответствует формальным признакам состава преступления, однако в силу отсутствия существенного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям не обладает той степенью общественной опасности, которая необходима для признания его преступлением. Следовательно, в подобных случаях уголовная ответственность не наступает, поскольку отсутствует один из обязательных признаков преступления — общественная опасность. Соответственно, лицо, совершившее малозначительное деяние, не подлежит уголовной ответственности, а само деяние не образует преступления и не влечет возникновения судимости.

В отличие от малозначительного деяния, концепция уголовного проступка предполагает сохранение уголовно-правовой оценки совершенного деяния. Предполагалось, что уголовный проступок будет относиться к числу уголовно наказуемых деяний, однако его правовые последствия будут отличаться от традиционных мер уголовной ответственности. В частности, законопроектом Верховного Суда Российской Федерации предлагалось предусмотреть возможность освобождения лица от уголовной ответственности при совершении уголовного проступка с применением иных мер уголовно-правового характера. Таким образом, в отличие от малозначительного деяния, уголовный проступок предполагает наличие состава преступления и признание факта противоправного поведения, однако допускает применение более мягких правовых последствий.

Введение категории уголовного проступка неизбежно поставило бы вопрос о четком разграничении данного института с малозначительным деянием. Основным критерием такого разграничения должна выступать не только степень общественной опасности, но и характер причиненного вреда, а также правовые последствия совершенного деяния. Малозначительное деяние характеризуется отсутствием существенного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям и, как следствие, отсутствием уголовно-правовой оценки поведения лица. В случае же уголовного проступка общественная вредность деяния признается достаточной для уголовно-правовой оценки, однако степень этой вредности является относительно низкой

и не требует применения строгих мер уголовного наказания.

Дополнительным критерием разграничения может выступать характер уголовно-правовых последствий. При признании деяния малозначительным уголовное преследование прекращается в связи с отсутствием состава преступления, тогда как в случае уголовного проступка факт противоправного деяния признается установленным, а лицо может быть освобождено от уголовной ответственности с применением специальных мер уголовно-правового характера. При этом принципиальным отличием предлагаемой модели уголовного проступка являлось отсутствие судимости у лица, совершившего такое деяние, что должно было обеспечить баланс между необходимостью уголовно-правового реагирования и задачами гуманизации уголовной политики.

Таким образом, разграничение малозначительного деяния и уголовного проступка должно основываться на совокупности критериев, включающих характер причиненного вреда, степень общественной опасности деяния, наличие либо отсутствие состава преступления, а также правовые последствия для лица, совершившего противоправное деяние. Четкое нормативное закрепление указанных критериев имеет принципиальное значение для обеспечения единообразия правоприменительной практики и предотвращения расширительного толкования уголовного закона.

Перспективы внедрения уголовного проступка во многом зависят от разработки четких критериев его разграничения с существующими правовыми институтами, а также от устранения терминологических и концептуальных недостатков предложенной модели. Только при условии комплексной проработки данных вопросов введение данного института может способствовать совершенствованию уголовного законодательства и повышению эффективности уголовно-правового регулирования.

Секция 5. «Уголовный процесс: практика и инновации»

Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве РФ

Болушевская Галина Александровна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу законодательных норм, регулирующих обращение электронных доказательств в уголовном процессе России. Исследованы разнообразные формы цифровых доказательств, методы их получения, а также вопрос определения их места в системе уголовно-процессуального права Российской Федерации.

Ключевые слова: электронные доказательства, электронные данные, вещественные доказательства, иные документы, доказательство, доказывание.

Важным аспектом применения электронных материалов в уголовном процессе РФ в качестве доказательственной базы является гарантирование их целостности и неизменности. Законодательство предписывает ряд мер для решения этой задачи. Например, при изъятии электронных устройств составляется акт, описывающий технические характеристики прибора, его состояние на момент изъятия и скопированные данные. Тем не менее, в действующем правовом поле электронные доказательства не выделены в самостоятельный класс. Анализ Уголовно-процессуального кодекса РФ выявляет отдельные нормы, касающиеся электронных носителей, что порождает дискуссии как среди специалистов, так и в практике. Это ставит закономерный вопрос: следует ли рассматривать электронные доказательства как отдельную категорию, или же они должны быть интегрированы в существующие виды доказательств?

Некоторые ученые придерживаются мнения, что электронные доказательства не имеют собственного юридического статуса, а обретают его, становясь частью материалов уголовного дела, причем их трансформация

происходит в сторону вещественных доказательств. Так, А.М. Баранов утверждает, что: «Электронные данные, будучи зафиксированными на материальном носителе (например, жестком диске или флеш-накопителе), приобретают свойства вещественного доказательства. При этом их содержание, как правило, воспроизводится в письменном виде (распечатка переписки, скриншоты, заключение эксперта), что еще больше сближает их с традиционными вещественными доказательствами»[1].

В качестве альтернативной позиции, цифровые доказательства предлагается квалифицировать как подвид иных документов. Основанием для этого служит содержащаяся в них информация, имеющая значение для дела, а также возможность их хранения в электронном виде вне привязки к конкретному физическому носителю (например, данные, размещенные в облачном хранилище).

М.И. Воронин отстаивает позицию о необходимости признания электронных доказательств самостоятельным видом. Он мотивирует это тем, что «современные технологии порождают принципиально новые формы фиксации информации, которые не укладываются в традиционные процессуальные категории. Попытки подвести электронные доказательства под понятие вещественных или письменных доказательств игнорируют их динамическую природу, особенности собирания и исследования»[2].

Критикуя статью 84 УПК РФ за недостаточную ясность правового регулирования, М.И. Воронин подчеркивает, что электронные данные могут существовать в нематериальной форме (например, в рамках облачных сервисов), а их допустимость обусловлена соблюдением особых, нехарактерных для традиционных доказательств, процедур изъятия и фиксации.

---

[1] Баранов А.М. Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI в. [Электронный ресурс] // Уголовная юстиция. 2019. № 13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-illyuziya (дата обращения: 19.03.2026).

[2] Воронин М.И. Электронные доказательства в уголовном процессе: быть или не быть? [Электронный ресурс] // Lex Russica. 2019. № 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-v-upk-byt/viewer (дата обращения: 19.03.2026).

Несмотря на убедительность аргументов М.И. Воронина, я полагаю, что электронные доказательства не нуждаются в выделении в отдельную, самостоятельную категорию. Их можно успешно интегрировать в существующую систему, используя гибкость понятий «вещественное доказательство» и «иное доказательство (документ)», при этом акцентируя внимание на необходимости разработки детализированных процессуальных норм, которые бы регулировали специфику работы с данными в цифровой среде, разграничив обстоятельства, подлежащие доказыванию на те, которые отнесли бы электронные доказательства к вещественным и те, которые отнесли бы данные доказательства к иным документам. Такая позиция позволяет сохранить преемственность правового регулирования и избежать излишней усложненности системы доказательственного права.

Исследование выявило, что роль электронных доказательств в российском уголовно-процессуальном праве до сих пор вызывает споры. Несмотря на то, что они подпадают под общий термин «доказательства», определенный статьей 74 УПК РФ, их неопределенный статус — являются ли они самостоятельным видом, вещественными доказательствами или иными документами — усложняет их применение на практике. По моему мнению, в УПК РФ следует ввести новую статью 74.1, которая бы четко определяла их статус. Изложить ее в следующей редакции:

«1. Электронным доказательством по уголовному делу является информация, зафиксированная на электронных носителях, которая может быть использована для установления наличия или отсутствия обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

2. В качестве электронных доказательств допускаются:

1) электронная переписка;

2) данные с мобильных устройств;

3) записи с камер видеонаблюдения;

4) метаданные файлов;

5) информация из социальных сетей;

6) иные цифровые следы.»

Также, в ст. 74.1 УПК РФ, следует установить порядок обращения с электронными доказательствами:

«3. Собирание, проверка и оценка электронных доказательств осуществляются в порядке, установленном ст. 86, 87 и 88 настоящего Кодекса, с обязательным обеспечением их целостности, неизменности и достоверности.

4. При изъятии, осмотре, исследовании и хранении электронных доказательств применяются технические средства и методики, позволяющие исключить несанкционированные изменения, искажения или утрату данных, а также гарантировать возможность проверки их происхождения и содержания.

5. Допустимость и достоверность электронных доказательств подтверждается совокупностью имеющихся в уголовном деле доказательств, а также, при необходимости, заключением специалиста или судебного эксперта, обладающего специальными познаниями в сфере информационных технологий.»

Добавим, что пункты 3 части 1 статьи 81 и части 2, 3 статьи 84 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации требуют корректировки. Целесообразно провести четкое разграничение между теми обстоятельствами, которые выясняются при изъятии материальных доказательств, и «иными документами», упомянутыми в статье 73 того же кодекса.

Предлагаемая редакция пункта 3 части 1 статьи 81 УПК РФ: «документы, предметы, иные объекты, включая электронные носители информации, а также сведения, содержащиеся на них, которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления либо сохранили на себе следы преступления (далее – вещественные доказательства, связанные с фиксацией следов преступления или использованием в качестве средства его совершения)». Дополнение явно указывает, что именно в этом контексте электронные носители и содержащаяся на них информация относятся к вещественным доказательствам. Это означает, что при исследовании таких носителей и информации будут устанавливаться прямые следы преступления

(например, вредоносный код, сообщения о преступном умысле, данные о взломе) или факты их использования в качестве орудия (например, данные с GPS-трекера, используемого при совершении преступления). Также, данное уточнение напрямую соотносится с установлением события преступления, виновности лица, обстоятельств, подтверждающих происхождение имущества.

Ч. 2 ст. 84 УПК РФ должна быть дополнена следующими сведениями: «Документы, предметы, электронные данные за исключением случаев, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 81 настоящего Кодекса, когда они служат средствами совершения преступления или сохранили следы преступления, и иные сведения, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности, подлежат проверке и оценке в соответствии с положениями настоящего кодекса. При оценке таких электронных данных устанавливаются обстоятельства, касающиеся:

1) фактов, зафиксированных в них (содержание информации);

2) их создания, отправления, получения, хранения, изменения, удаления;

3) связи с иными лицами или источниками информации;

4) их подлинности и неизменности».

Ч. 3 ст. 84 УПК РФ не регламентирует особенности хранения цифровых доказательств, что может приводить к проблемам с обеспечением их целостности и доступности на протяжении длительного времени. В этой связи, ч. 3 ст. 84 УПК РФ должна быть представлена в следующей редакции: «Документы приобщаются к материалам уголовного дела и хранятся в течение всего срока его хранения. Хранение электронных доказательств требует соблюдение условий, установленных ч. 4 ст. 74.1 настоящего Кодекса. По ходатайству законного владельца изъятые и приобщенные к уголовному делу документы или их копии могут быть переданы ему».

Электронные доказательства, будучи интегрированными в уголовное судопроизводство в соответствии с тщательно разработанными правовыми основами, способны радикально повысить объективность, полноту и оперативность расследования преступлений. Их потенциал заключается в

предоставлении неоспоримой фиксации фактов, детальном анализе цифровых следов и создании комплексной картины произошедшего, что, в свою очередь, укрепляет уверенность в справедливости выносимых решений. Дальнейшее совершенствование законодательства и процессуальных механизмов, направленное на преодоление существующих трудностей, позволит максимально раскрыть инновационный потенциал электронных доказательств, делая их мощным инструментом в руках правосудия и надежной гарантией защиты прав граждан.

Специфика привлечения в качестве обвиняемого субъектов, обладающих особым публично-правовым статусом

Дзадзамия Ия Бадриевна,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина, г. Оренбург

Латышева Марина Андреевна,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина, г. Оренбург

Аннотация: В статье анализируются теоретические и практические аспекты применения главы 52 УПК РФ, регламентирующей особый порядок привлечения к ответственности лиц с публично-правовым статусом. Показана двойственная природа процессуальных гарантий: обеспечивая независимость, они создают условия для злоупотреблений и противодействия расследованию. Обосновывается, что «корпоративная солидарность» подменяет объективную оценку доказательств ведомственными интересами. Предлагаются изменения, направленные на баланс между иммунитетами и неотвратимостью ответственности.

Ключевые слова: особый публично-правовой статус, уголовное судопроизводство, глава 52 УПК РФ, привлечение в качестве обвиняемого, неприкосновенность, судейский корпус, депутаты, коррупционные преступления, корпоративная солидарность, разумные сроки.

Конституция Российской Федерации, провозглашая равенство всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19)[1], допускает установление особых правил уголовного судопроизводства для отдельных категорий лиц. Такие изъятия предусмотрены главой 52 УПК РФ, регламентирующей производство по делам лиц с особым публично-правовым статусом. Необходимость особого порядка обусловлена защитой указанных лиц от необоснованного уголовного

[1] Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020. № 148. Ст. 8202.

преследования в связи с выполнением ими государственных или общественных функций, требующих независимых решений. В связи с этим законодательством предусмотрен усложненный порядок привлечения их к ответственности. Отсутствие официального толкования смысла норм гл. 52 УПК РФ и обобщения практики их применения на уровне Пленума Верховного Суда РФ можно оценить критически вследствие того, что актуальность разъяснения по вопросам применения рассматриваемой главы подтверждается существенным количеством лиц, из числа указанных в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, в отношении которых за период действия УПК РФ были возбуждены уголовные дела в соответствии с процедурой, установленной гл. 52 УПК РФ. Так, по данным Следственного Комитета РФ только за 9 месяцев 2024 года в суд направлено 9 тыс. уголовных дел о коррупционных преступлениях. Из 10 тыс. обвиняемых 380 лиц имели особый правовой статус, в том числе 14 судей, 70 адвокатов, 94 депутата органов местного самоуправления[2]. Как отмечает А.И. Бастрыкин, «в большинстве случаев чиновники и сотрудники правоохранительных органов становятся фигурантами уголовных дел о получении взяток»[3].

Главой 52 УПК РФ и иными федеральными законами предусмотрены специальные правила производства процессуальных действий в отношении ряда категорий лиц, занимающихся особо значимой социальной деятельностью.

Единственным основанием такого преимущества данных лиц, по мнению А.В. Красильникова, является «социально-политическая целесообразность улучшения их правового положения в отношениях, возникающих в связи с возбуждением и расследованием уголовных дел»[4]. Между тем, не все ученые разделяют отнесение рассматриваемого вида производства к особому,

---

[2] Интервью Председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина информационному агентству «РИА Новости» 9 декабря 2024 г. – URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/1935671/?type=&dates=01.12.2024 (дата обращения: 10.03.2026).

[3] Интервью Председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина «Российской газете» 13 января 2023 г. – URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/1747524/ (дата обращения: 10.03.2026).

[4] Красильников А.В. О правовой сущности особого порядка производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 112.

самостоятельному, виду. Так, по мнению Ю.К. Якимовича, сущностные характеристики уголовно-процессуальной деятельности при данном производстве не изменяются[5].

УПК РФ определяет широкий перечень лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам. Сюда включены представители различных ветвей власти, правоохранительных органов, а также лица, участвующие в избирательном процессе.

Статья 448 УПК РФ устанавливает дифференцированный подход к определению должностного лица, правомочного принимать решение о возбуждении уголовного дела или привлечении в качестве обвиняемого, а также необходимость согласия различных органов в зависимости от категории лица.

Наибольший объем процессуальных гарантий предоставлен сенаторам Российской Федерации, а также депутатам Государственной Думы. Так, решение о возбуждении уголовного дела либо о привлечении их в качестве обвиняемых принимается Председателем Следственного комитета РФ с согласия соответственно Совета Федерации или Государственной Думы РФ, полученного на основании представления Генерального прокурора РФ (п. 1 ч. 1 ст. 448 УПК РФ).

В отношении судей различного уровня требуется согласие либо Конституционного Суда РФ, либо Высшей квалификационной коллегии судей РФ.

Для иных категорий лиц (депутаты законодательных органов субъектов РФ, депутаты органов местного самоуправления, адвокаты, члены избирательных комиссий) решение принимается руководителем следственного органа Следственного комитета РФ по субъекту РФ.

Анализ правоприменительной практики и научных исследований позволяет выделить ряд системных проблем, возникающих при реализации

---

[5] См.: Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса / под ред. М.С. Свиридова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 17.

положений главы 52 УПК РФ.

Одной из актуальных проблем правоприменения является злоупотребление правом со стороны лиц, обладающих особым статусом. Как отмечает Д.В. Долгополов, нередки случаи, когда субъект умышленно не сообщает следователю и суду сведения о своем профессиональном статусе, надеясь воспользоваться предоставленными в гл. 52 УПК правами на более поздних этапах производства по делу. Такой субъект рассчитывает на затягивание рассмотрения уголовного дела, утрату собранных доказательств, признание их недопустимыми и, как следствие, стремится таким образом избежать ответственности за совершенное деяние[6].

Вместе с тем закон не требует, чтобы лица, указанные в ст. 447 УПК РФ, сами сообщали сведения о своем профессиональном статусе на первоначальных этапах производства по делу. Однако если они умышленно умалчивают о своем статусе, то, как представляется, следует вести речь о злоупотреблении ими правом на применение к ним специальных процедур и добровольном отказе от своего права на данное производство.

Анализ судебной практики показывает, что наиболее часто злоупотребляют своими процессуальными правами, в том числе путем сокрытия сведений о профессиональном статусе, лица, указанные в п. 9 и 10 ч. 1 ст. 447 УПК РФ (кандидаты в депутаты и члены избирательных комиссий).

Так, постановлением Кузьминского районного суда г. Москвы от 29 октября 2018 года уголовное дело в отношении Ш.А.М. и Ш.М.Ш. было возвращено прокурору в связи с тем, что Ш.А.М. являлся членом территориальной избирательной комиссии с правом решающего голоса, однако процедура возбуждения уголовного дела, установленная ст. 447, 448 УПК РФ, соблюдена не была. Московский городской суд 10.12.2018 г. подтвердил выводы суда первой инстанции о необходимости соблюдения правил,

[6] См.: Долгополов Д.В. Злоупотребление правом со стороны спецсубъектов при возбуждении дела / Д.В. Долгополов // Уголовный процесс. 2021. № 8. С. 22-29.

установленных ст. 447, 448 УПК РФ[7].

20 апреля 2021 года Второй кассационный суд общей юрисдикции отменил приговор Нагатинского районного суда г. Москвы в отношении К. по ч. 2 ст. 228 УК РФ и апелляционное определение Московского городского суда от 9 сентября 2020 года В проверочной инстанции установлено, что К. на момент возбуждения дела являлся членом участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса. Дело возбуждено в обычном порядке следственным органом МВД РФ. Кассация указала: возбуждение дела ненадлежащим лицом — существенное нарушение УПК РФ, повлекшее ничтожность всех последующих процессуальных действий. Дело возвращено прокурору[8].

В приведенных примерах фигуранты дел по различным причинам скрывали сведения о своем особом профессиональном статусе и зачастую эти сведения выяснялись лишь на более поздних стадиях уголовного судопроизводства — в суде первой инстанции и в проверочных инстанциях.

Проблема «корпоративной солидарности» и конфликта интересов. Наиболее остро названная проблема проявляется в отношении судейского корпуса. Поскольку данный орган формируется из профессионального окружения лица, в отношении которого инициируется преследование, принятие процессуального решения ставится в зависимость от внутрикорпоративных отношений. Это создает существенный риск использования иммунитета не как гарантии независимости, а как инструмента корпоративной защиты, позволяющего блокировать уголовное преследование вопреки имеющимся доказательствам.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что особый порядок привлечения к ответственности лиц с публично-правовым статусом

---

[7] Апелляционное постановление Московского городского суда от 10.12.2018 по делу № 10-21577/2018 // Московский городской суд. – URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details (дата обращения: 10.03.2026).

[8] Кассационное определение Второго суда общей юрисдикции от 20.04.2021 по делу № 77-1169/2021 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgireq (дата обращения: 10.03.2026).

(глава 52 УПК РФ), призванный обеспечивать независимость их функций, на практике обнаруживает существенные недостатки. Процедурные гарантии превращаются в инструмент злоупотребления правом, позволяя противодействовать расследованию и затягивать производство. Отрицательное влияние оказывает «корпоративная солидарность», когда решения о даче согласия на возбуждение дела определяются внутриведомственными интересами, а не доказательствами, что препятствует неотвратимости ответственности. Изложенное требует совершенствования законодательства: минимизации корпоративного влияния, сокращения сроков согласительных процедур и усиления судебного контроля на начальных этапах.

Проблемы сокращенного дознания и пути их решения

Ильменский Евгений Иванович,
студент Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

Волков Никита Сергеевич,
студент Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

Аннотация: Статья посвящена анализу проблем правоприменения института сокращенного дознания в российском уголовном процессе. Автор показывает, что стремление законодателя к процессуальной экономии вступило в противоречие с принципами законности и права на защиту. В работе последовательно рассматриваются три ключевых блока проблем, заслуживающих пристального внимания законодателя. Существующая модель сокращенного дознания формирует обвинительный уклон и снижает гарантии достоверности устанавливаемых фактов. В завершение предлагаются изменения в УПК РФ, направленные на устранение выявленных противоречий.

Ключевые слова: сокращенное дознание, достаточность доказательств, особый порядок судебного разбирательства, обвинительный уклон, допустимость доказательств, процессуальная экономия.

Институт сокращенного дознания появился в неизменном своем виде в России не так давно: в 2013 году с момента введение в действие гл. 32.1 УПК РФ[1]. Из чего исходил законодатель понятно, он стремился ускорить и значительно облегчить работу дознавателя по наиболее простым, с точки зрения установления фактических обстоятельств, преступлениям. Практика показывает, что дознаватель зачастую вынужден одновременно заниматься более 50 уголовными делами, каждый из которых требует точного и единообразного соблюдения и применения уголовно-процессуального законодательства (в первую очередь УПК РФ). Не стоит забывать и о

[1] Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

значительной процессуальной экономии при производстве дознания в сокращенной форме: высвобождаются дополнительные средства, которые можно направить на расследование реально сложных с процессуальной точки зрения преступлений. К сожалению, в результате применения на практике указанного института за 13 лет был выявлен целый пласт проблем, не находящих своего логичного разрешения. Многие специалисты, такие как В.А. Лазарева, С.М. Фомичев, И.Г. Хисматулин и др., неоднократно затрагивали эту проблему, пытаясь донести до законодателя необходимость внесения изменений в УПК РФ в целях защиты прав, свобод и законных интересов личности, общества и государства. Однако на данный момент ситуация хоть и незначительно, но улучшилась; с каждым годом наблюдается тенденция к снижению количества уголовных дел, по которым прокурор или суд возвращает их обратно дознавателю на «дорасследование». Но в большей степени это заслуга дознавателей, которые методом «проб и ошибок» смогли сформировать для себя негласные правила проведения сокращенного дознания. Что же касается наиболее важных проблем, то представляется целесообразным рассмотреть следующие:

Во-первых, имеется неопределенность в вопросе достаточности доказательств при проведении дознания в сокращенной форме. Если проанализировать ст. 226.5 УПК РФ, то четко прослеживается законодательный ориентир: доказательства собираются «в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного вреда, а также виновности лица». На первый взгляд кажется, что все предельно просто, однако парадокс заключен в п. 1 ч. 3 данной статьи, устанавливающей правило: дознаватель вправе не проверять доказательства, если они не оспорены подозреваемым, защитником, потерпевшим. Тогда возникает логичный вопрос: может ли непроверенное доказательство считаться достаточным? На наш взгляд, конечно, нет. Достаточность — это свойство целой совокупности доказательств, которые прошли многоуровневую проверку и были признаны таковыми. А если проверки не было, то о какой достаточности мы говорим? О той, что существует лишь в сознании

дознавателя, пока никто не установил обратное? Многие авторы в своих работах указывают на то, что так быть не должно. Так, например, А.А. Погорельский, занимаясь на профессиональной основе вопросами доказывания в уголовном процессе, приходит к выводу о том, что специфика предмета доказывания при сокращенном дознании заключается в обязательности доказывания лишь положительных утверждений о наличии обстоятельств (тех, которые подтверждают виновность лица). При проверке наличия обстоятельств, исключающих преступность деяния, в большинстве случаев дознаватель их не выявляет и не учитывает при дальнейшем расследовании дела. Таким образом, возникает противоречивая ситуация. С одной стороны, дознаватель должен собрать доказательства в объеме, достаточном для установления перечисленных в ч. 1 ст. 226.5 обстоятельств. С другой стороны, дознаватель наделен правом эти доказательства не проверять, не допрашивать лиц, уже дававших объяснения, не назначать экспертизу, если есть заключение специалиста. В итоге, в работе дознавателя формируется обвинительный уклон, сводящий его работу к установлению (или, как показывает практика, к не установлению вообще) виновности лица, так как подозреваемый сознался в совершенном деянии, и, как будто бы, смысла что-либо проверять нет. Очень удачные примеры приводит С.М. Фомичев в своей работе[2], указывая на последствия, к которым приводит неосмотрительность дознавателя (отмена судебного решения апелляционной инстанцией в связи с тем, что не были учтены смягчающие или отягчающие наказание обстоятельства).

Во-вторых, на наш взгляд, не менее существенное значение имеет проблема допустимости доказательств при проведении сокращенного дознания. Статья 226.5 УПК РФ по сути легализует использование материалов, полученных еще до возбуждения уголовного дела, в ходе так называемой доследственной проверки (проверки сообщения о преступлении). Речь идет об объяснениях, актах ревизий, заключениях специалистов, справках и прочих документах, собранных по правилам статьи 144 УПК РФ. Самый проблемный

[2] См.: Фомичев С.М. Дознание в сокращенной форме: проблемы доказывания // Аграрное и земельное право. 2024. № 8 (236). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/doznanie-sokraschennoy (дата обращения: 09.03.2026).

вопрос, который задают ученые законодателю: объяснения, полученные от гражданина (потерпевшего или свидетеля) без предупреждения об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, — это что, одно и то же с протоколом допроса свидетеля? Формально — да, законодатель в части 1.2 статьи 144 УПК РФ четко прописал, что такие сведения могут быть использованы в качестве доказательств. Но мы считаем, что это не что иное, как подмена понятий. Подобная проблема проявляется и в вопросе о назначении экспертизы. Пункт 3 части 3 статьи 226.5 УПК РФ разрешает дознавателю не назначать судебную экспертизу, если ответы на интересующие вопросы уже содержатся в заключении специалиста, полученном в ходе проверки сообщения о преступлении. Но это совершенно разные и несоразмерные по степени ответственности процессуальные фигуры. Сравнивать эксперта, который проводит полноценную экспертизу, понимая, что при нарушении (злоупотреблении правом) он может быть подвергнут уголовной ответственности и специалиста, который, согласно статье 80 УПК РФ, лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним, и не предупреждается об уголовной ответственности, просто смешно. Самое абсурдное, что такая подмена признается допустимой. В.А. Лазарева в своей работе о процессуальных проблемах сокращенного дознания[3] справедливо отмечает, что теория уголовного процесса всегда рассматривала процессуальную форму получения доказательств как элемент их допустимости и гарантию достоверности. А в современных реалиях граница между внепроцессуальной и процессуальной деятельностью давно уже стёрлась. Строгая процедурная регламентация, обеспечивающая соблюдение всех условий допустимости, присуща лишь следственным действиям. Все остальное — это суррогаты. Всю и без того «шаткую систему» «омрачает» ст. 89 УПК РФ, закрепляя возможность признания в качестве доказательств в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности, производство

[3] См. по этому вопросу: Лазарева В.А. Сокращенное дознание и вопросы доказательного права // Вестник Самарского юридического института. 2015. №1 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sokraschennoe-doznanie-i-voprosy-prava (дата обращения: 09.03.2026).

которых, к слову, регулируется отдельным Федеральным законом от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[4]. Так как ОРД в полной мере не регулируется УПК РФ, то и критерии допустимости доказательств, полученных вне рамок уголовного процесса, не применимы. Никакие теоретические модели избежания злоупотребления не дают должного пресекательного эффекта и порождают неопределенность в вопросе, что можно считать доказательством, а что нельзя (ст.74 УПК РФ закрепляет свободный перечень доказательств, где нет упоминания ни об объяснениях подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, ни о материалах ОРД).

Ну и наконец, третья, заслуживающая по нашему мнению особого внимания, проблема, связанная с автоматическим переходом вместе с сокращенным дознанием на особый порядок судопроизводства. Как известно, инициатором сокращенного дознания всегда выступает сам подозреваемый (обвиняемый), от которого зависит дальнейшая процессуальная деятельность дознавателя. Но, почему-то нигде не упоминается о том, что при переходе на сокращенное дознание дело будет рассматриваться в суде в особом порядке. Обвиняемый ставится в заведомо проигрышную позицию, ибо в данном случае волеизъявление лица не учитывается (не спрашивается даже его согласия). Это порождает парадокс, ибо ч.1 ст.314 УПК РФ устанавливает основанием для проведения судебного заседания в особом порядке именно подачу соответствующего ходатайства в суд. В результате, основанием для проведения судебного заседания в особом порядке выступает ходатайство подозреваемого о проведении дознания в сокращенной форме. Указанное лицо зачастую узнает об особом порядке судопроизводства только в уже начавшемся судебном заседании, так как УПК не устанавливает прямой обязанности дознавателя сообщить данного рода информацию указанному лицу. Часть 1 статья 226.4 устанавливает лишь факт того, что подозреваемому должны быть разъяснены «порядок и правовые последствия производства дознания в сокращенной форме», однако конкретный перечень таких последствий закон не приводит. В

[4] Федеральный закон от 12.08.1995 № 3144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

итоге, не единичны случаи, когда подозреваемый (обвиняемый) не осознает в полной мере последствия такого порядка разрешения дела, и как следствие, лишается возможности использовать некоторые методы защиты. Опираясь на то, что пересмотр приговора суда, вынесенного в особом порядке по мотивам его необоснованности, не допускается (ст.317 УПК РФ), можно сделать вывод, что на данном этапе полноценная защита прав, свобод и законных интересов обвиняемого ставится под сомнение.

Обобщая все выше сказанное, в современных условиях институт сокращенного дознания из-за упущений законодателя вступает в конфликт с основополагающими принципами уголовного процесса, в частности, с принципами законности, справедливости и обеспечения права на защиту. Для исправления указанных нами недостатков, предлагаем следующие решения:

Целесообразно будет внести изменения в ст. 226.5 УПК РФ, исключив возможность поступления в суд непроверенных должным образом доказательств. Стоит дополнить статью указанием на необходимость всесторонней проверки доказательств (как уличающих виновного в совершении преступления, так и исключающих его вину). Считаем необходимым обратить внимание законодателя на ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ, в которую предлагаем добавить императивное требование о допустимости использования в суде объяснений, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении, только в двух случаях: 1) при условии допроса лица в качестве свидетеля в порядке, установленном законом; 2) при безусловном разъяснении ему прав и предупреждении об ответственности по ст. 307 и 308 УК РФ в момент получения объяснения. Следует свести на нет потенциальную возможность подмены судебной экспертизы заключением специалиста, сделав исключения только в отношении случаев, строго оговоренных законом.

Предлагаем закрепить в ч. 1 ст. 226.4 УПК РФ исчерпывающий перечень правовых последствий производства дознания в сокращенной форме, включая полноценное разъяснение правил особого порядка судебного разбирательства и ограничений на обжалование приговора.

Проблемы определения разумного срока для ознакомления с материалами уголовного дела

Кутузов Михаил Михайлович,
студент Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

Семенов Александр Алексеевич,
студент Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

Аннотация: В настоящей статье исследуется вопрос соблюдения принципа разумности срока уголовного судопроизводства при ознакомлении обвиняемого и стороны защиты с материалами уголовного дела. Авторы подвергают критике положения ч. 3 ст. 217 УПК РФ в части отсутствия предельных сроков для ознакомления с материалами уголовного дела. В рамках исследования подробно рассматривается влияние явного затягивания ознакомления с материалами уголовного дела стороны защиты на соблюдение принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Показаны критерии установления разумного срока ознакомления с материалами уголовного дела и предлагаются инициативы по внесению изменений в нормативно-правовую базу по исследуемой теме.

Ключевые слова: предварительное расследование, защита, обвиняемый, разумный срок ознакомления с материалами уголовного дела, уголовное дело, явное затягивание ознакомления с материалами уголовного дела.

В течение двух десятилетий с момента введения в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (далее – УПК РФ)[1] органы предварительного расследования регулярно выявляли недостатки в формулировках определенных положений данного Кодекса, которые впоследствии систематически совершенствовались путём внесения законодательных изменений.

[1] Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч.1). Ст. 4921; 2026. № 8. Ст. 774.

Стоит отметить, что в современных реалиях существуют некоторые процессуальные нормы, препятствующие реализации принципа разумного срока в досудебном производстве. Принцип разумного срока уголовного судопроизводства – один из ключевых принципов. Он гарантирует, что каждый обвиняемый имеет право на рассмотрение своего дела в минимально необходимый для справедливого правосудия срок. Данный принцип является неотъемлемой частью защиты прав человека и направлен на обеспечение баланса между интересами общественной безопасности и защиты личных прав граждан.

В рамках настоящей статьи речь пойдет о ст. 217 УПК РФ, регламентирующей порядок ознакомления с материалами уголовного дела.

Определение разумного срока для ознакомления с материалами уголовного дела – одна из актуальных проблем, подвергающаяся широкой дискуссии среди ученых и правоприменителей. Прежде всего, это связано с тем, что изучение данного вопроса напрямую влияет на обеспечение права обвиняемого на защиту.

По общему правилу право ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела не может быть ограничено во времени. О.Е. Политыко указывает, что «обычно неограниченность во времени ознакомления с материалами уголовного дела воспринимается как злоупотребление правом, как стремление дотянуть до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности обвиняемого, вынудить следователя изменить или отменить меру пресечения в виде содержания под стражей, либо попытаться убедить его пойти на определенные уступки»[2]. В целях избежания злоупотребления правом обвиняемым и его адвокатами законодатель наделят суд в ч. 3 ст. 217 УПК РФ полномочием по установлению определенного срока, если будет установлено, что сторона явно затягивает время ознакомления с

[2] Политыко О.Е. Проблемы реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства на этапе ознакомления с материалами уголовного дела // Теория и практика расследования преступлений: материалы XI Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2023. С. 523.

материалами уголовного дела.

Отсутствие предельного срока ознакомления с материалами уголовного дела негативным образом влияет на своевременное расследование и приводит к нарушению прав участников уголовного судопроизводства. Хотя законодатель не определяет, что именно понимается под явным затягиванием ознакомления, речь идет о таких случаях как: неоднократное обжалование каждого действия следователя; необоснованная подача повторных ходатайств; уклонение от явки к следователю и др.

Не только сторона защиты может злоупотреблять своим правом в данном вопросе. Так, речь идет о подаче следователем в суд ходатайства об установлении срока ознакомления с материалами уголовного дела. Такая практика зачастую преследует цель создать препятствия стороне защиты в доступе к материалам следствия и помешать формированию эффективной стратегии защиты интересов обвиняемого. Когда возникают обоюдные нарушения, лишь суд обладает полномочиями вынести объективное решение и определить приемлемый для обоих сторон временной период, необходимый для изучения материалов дела.

По нашему мнению, основой определения разумного срока ознакомления обвиняемого и защиты с материалами уголовного дела должны служить научно обоснованные и фундаментальные критерии. Среди таких критериев можно назвать профессиональную подготовку участников процесса, лингвистические особенности материала уголовного дела, применение отдельных уголовно-процессуальных норм, характеристики конкретного уголовного дела (например, тяжесть преступления, количество обвиняемых и др.). Безусловно, в каждом конкретном случае объем и сложность материалов дела могут сильно различаться, что затрудняет унификацию подходов.

Региональные представители адвокатского сообщества в своих решениях рекомендательного характера устанавливают определенные критерии, которые, по их мнению, позволяют рассчитать необходимый период времени для работы стороны защиты с каждым конкретным уголовным делом. Так, для изучения

одного тома уголовного дела устанавливается срок в два или три дня в зависимости от степени сложности уголовного дела[3].

Для адвокатуры такие решения играют важную роль, поскольку они позволяют получить примерный ориентир в определении разумного срока ознакомления с материалами отдельно взятого уголовного дела. Однако, на наш взгляд, такой критерий как сложность уголовного дела – понятие оценочное, а, следовательно, требует детальной регламентации.

Отсюда следует, что широкое применение критериев, разработанных адвокатскими палатами субъектов РФ, вызывает определенные сомнения. Прежде всего, это связано с тем, что они не находят практического подтверждения и лишены теоретического обоснования.

В рамках настоящей статьи интересным представляется внесенный Министерством юстиции Российской Федерации в июле 2024 года проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части сокращения сроков ознакомления с материалами дела). Основная идея данного законопроекта заключалась в том, что срок ознакомления обвиняемого и защитника должен быть ограничен 3 месяцами или 10 днями в зависимости от обязательности производства предварительного следствия[4].

Данная инициатива не нашла своего отражения в действующем законодательстве и получила негативную оценку среди представителей адвокатуры. При этом нельзя отрицать, что в современных реалиях необходимость внесения изменений в УПК РФ в части установления для обвиняемого и защитника ограниченного срока для изучения материалов

---

[3] Решение Совета Адвокатской палаты Владимирской области от 29.05.2020 об утверждении разъяснений «О минимальной продолжительности времени ознакомления с материалами уголовного дела» // Официальный сайт Адвокатской палаты Владимирской области. URL: https://apvo.fparf.ru/documents/chamber/resheniya-soveta-apvo-soveta-apvo-/ (дата обращения: 09.03.2026).

[4] Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части сокращения срок ознакомления с материалами дела). URL: https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/33e/14yl3ez1as0b2srztiiaqikc (дата обращения: 09.03.2026).

уголовного дела сохраняет свою злободневность, невзирая на действующую законодательную позицию и точки зрения представителей адвокатского сообщества.

Стоит отметить, что определение понятия разумного срока зависит от множества факторов, включая сложность дела, действия сторон, а также работу судебной системы. Соблюдение этого принципа требует активных усилий со стороны всех участников судопроизводства.

В настоящее время определение разумного срока для ознакомления с материалами уголовного делает оказывает сильное влияние на соблюдение процессуальных прав адвокатов и права обвиняемого на защиту. Кроме того, данное обстоятельство в большей степени обеспечивает справедливое судебное разбирательство. Анализ уголовно-процессуальных норм, позиций ученых в рамках настоящей статьи позволил нам прийти к выводу о необходимости установления в ст. 217 УПК РФ предельного срока ознакомления с материалами уголовного дела. По нашему мнению, заслуживают внимания положения рассмотренного выше законопроекта. Однако необходимым условием их реализации считаем установление механизма, препятствующего злоупотреблению правом со стороны обвинения, в частности, следователя. Речь идет о регламентации наряду с предельным сроком ознакомления права обвиняемого и защиты обратиться в суд за продлением срока ознакомления ввиду особой сложности уголовного дела. Критерии сложности уголовного дела были предложены нами выше. Считаем предложенные нововведения рациональными, поскольку они смогут в полной мере обеспечить конституционное право граждан на защиту.

Актуальные проблемы получения электронных доказательств в рамках взаимной правовой помощи по уголовным делам

Оксана Васильевна Попова,
курсант факультета подготовки следователей
Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

Ярослава Павловна Черных,
курсант факультета подготовки следователей
Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

Аннотация: В условиях глобализации и роста киберпреступности взаимная помощь по уголовным делам (международное сотрудничество) в сфере информационной безопасности становится критически важным. Однако существенные различия в национальных законодательствах, касающиеся сбора, хранения и обмена цифровыми доказательствами, а также обработки персональных данных, создают серьёзные препятствия для эффективного расследования и оказания правовой помощи.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, преступление, киберугроза, международное сотрудничество, информационная безопасность, электронные доказательства.

Право выступает базисом функционирования современного государственного устройства, претерпевающим трансформацию под воздействием информатизации. В юридической доктрине распространена концепция позитивного влияния цифровизации. Тем не менее, такая оценка нуждается в критическом анализе из-за двойственной природы прогресса. Наряду с преимуществами возникают новые вызовы правового характера.

Расширение информационно-коммуникационной среды сопровождается накоплением массивов персональных данных. Указанная тенденция сопряжена с ростом рисков совершения противоправных посягательств, что диктует необходимость выработки механизмов правовой защиты. Иными словами, результаты прогресса активно используются в преступных целях, что требует

от правоохранительных органов применения методов борьбы[1].

Правовая система претерпевает быстрые изменения: возникают новые права и обязанности, а субъектами права становятся «виртуальные» лица, формирующиеся на основе собранных данных.

Таким образом появляются новые, так называемые цифровые права. В.Д. Зорькин предлагает понимать под этим термином права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей[2].

С увеличением уровня технической оснащенности у преступников появляется больше возможностей и методов. По данным МВД РФ на 23 ноября 2025 года, за первые девять месяцев 2025 года в России было зафиксировано 4467 террористических преступлений, что на 75% превышает аналогичный показатель 2024 года (2600 преступлений). С использованием информационно-телекоммуникационных технологий было совершено 1367 деяний, связанных с терроризмом (ст. 205.2 УК РФ)[3].

Стоит отметить, что ст. 205.2 и ст. 280 УК РФ устанавливают использование средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», в качестве квалифицирующего признака преступления. Такие признаки закреплены и в ряде других статей УК РФ.

В контексте нарастающей цифровизации актуализируется вопрос о регламентации процесса собирания и использования цифровых доказательств. Действующее уголовно-процессуальное законодательство РФ, не содержащее

---

[1] См.: Клевцов К.К., Васюков В.Ф. Получение электронной информации по уголовным делам в рамках международного сотрудничества // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2021. № 1. С. 37.

[2] См.: Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. Столичный выпуск. № 7578 (115).

[3] Терроризм в России // Электронный сайт TAdviser – портал выбора технологий и поставщиков. [Электронный ресурс]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php (дата обращения: 11.02.2026).

легального определения цифровых доказательств, приравнивает информацию, зафиксированную на электронных носителях, к категории вещественных доказательств согласно статье 82 УПК РФ.

В научной доктрине формируются подходы к дефиниции электронных доказательств. Авторы монографии «Основы теории электронных доказательств» определяют их как любую информацию в электронном виде, обладающую свойством допустимости и относимости[4]. По мнению С.Ю. Скобелина, цифровые доказательства – это «любая компьютерная информация, обладающая криминалистической значимостью, независимо от формы ее представления, способов хранения, обработки и передачи»[5].

В.А. Новицкий и Л.Ю. Новицкий считают, что цифровые доказательства представляют собой электронные документы, видео- и аудиоинформацию в цифровой форме, передаваемую суду на компакт-дисках и флеш-картах[6].

Так, можно вывести определение цифровых доказательств в рамках уголовного судопроизводства – это информация, имеющая значение для расследования и разрешения уголовного дела, хранящаяся и передаваемая суду в электронном виде. Почти ни в одном документе нет прямых ссылок на цифровые доказательства, в международных договорах определение цифровых доказательств формулируется в общих чертах.

Однако небольшое число стран ссылаются именно на цифровые доказательства. Например, из всех стран «Большой восьмёрки» лишь Франция упомянула «материалы, которые можно хранить в компьютерной системе».

Основным правовым инструментом обмена электронными доказательствами в международном пространстве является Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185. Данный

---

[4] Основы теории электронных доказательств: монография / Балашов А.Н., Балашова И.Н., Бахтеев Д.В. и др.]; под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 398.

[5] Багмет А.М., Бычков В.В., Скобелин С.Ю., Ильин Н.Н. Цифровые следы преступлений: монография. Москва: Проспект, 2021. С. 168.

[6] См.: Новицкий, В.А., Новицкая, Л.Ю. Понятие и виды цифровых доказательств // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55). С. 213-221.

документ – первый международный договор, направленный на борьбу с киберпреступностью. Договор вступил в силу в 2004 году.

Конвенция охватывает три направления: унификация уголовно-правовой оценки киберпреступлений, сближение национальных уголовно-процессуальных мер и развитие международного сотрудничества[7]. Российская Федерация выступает против ратификации Конвенции, полагая, что её положения нарушают государственный суверенитет. Эти механизмы расцениваются как обход традиционных процедур правовой помощи и посягательство на юрисдикцию государства. Конвенция нарушает основные права и свободы личности и суверенитет государства. В связи с этим Российская Федерация не ратифицировала данный документ. Конвенция существует больше 20 лет, изменения в документ не вносятся. В будущем, если документ будет приведен в надлежащий вид, Россия может присоединиться к странам, ратифицировавшим Конвенцию.

Основная цель принятия Конвенции состоит в проведении в разных странах единой уголовной политики, направленной на защиту общества от компьютерных преступлений. Конвенция представляет собой документ, закрепляющий международные стандарты получения и передачи компьютерной информации.

Рассматриваемая Конвенция имеет правовое и практическое значение для стран: будучи первым международным соглашением, посвященным исключительно киберпреступности, документ способствует сотрудничеству государств и обмену опытом между правоохранительными органами.

В 2022 году был принят Второй Дополнительный протокол к Конвенции о киберпреступности о расширении сотрудничества и раскрытии электронных доказательств. Данный документ расширяет положения Конвенции и предусматривает меры по совместной борьбе государств с киберпреступностью. Статья 12 данного протокола предусматривает создание

---

[7] См.: Волеводз А.Г. Конвенция о киберпреступности: новации правового регулирования // Правовые вопросы связи. 2007. № 2. С. 17-25.

следственной группы.

Такое нововведение обусловлено несколькими факторами: расследование следственной группой эффективнее; работа в команде позволяет распределить нагрузку; совместная работа правоохранительных органов разных стран открывает доступ к более широкому спектру экспертиз и технологий.

Рассматриваемое нововведение в настоящее время претворяется в жизнь не всеми странами. Демонстрирует это опыт международных отношений, а именно организация БРИКС+. Данное межгосударственное объединение было образовано в 2006 году, в его состав вошла и Российская Федерация. Организация была основана с целью создания условий для развития экономического и технологического уровня стран-участниц. С того момента объединением было принято множество международных правовых актов, регламентирующих различные вопросы жизни государств, но тема информационной безопасности впервые была обозначена на саммите БРИКС в 2011 году: стороны заявили о приверженности сотрудничеству в укреплении международной информационной безопасности и борьбе с киберпреступностью.

Декларация 2013 года акцентировала необходимость участия в формировании мирного, безопасного и открытого киберпространства. Первостепенная важность обеспечения безопасности информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) при применении универсально признанных норм, стандартов и практик также была подчеркнута.

На саммите 2014 года Российская Федерация инициировала заключение соглашения о сотрудничестве в сфере инноваций между странами БРИКС. Несмотря на принятие данного предложения государствами-участниками, соответствующее соглашение не было заключено.

В 2017 году, в преддверии очередного саммита, прошла встреча министров связи и телекоммуникаций стран БРИКС, где российская делегация «предложила рассмотреть концепцию безопасного функционирования и развития интернета»[8]. Предполагалось, что на предстоящем саммите будет

[8] Россия предложила странам БРИКС проект конвенции по безопасному Интернету —

подписано соглашение БРИКС по информационной безопасности. Однако инициатива результатов не дала.

На саммите в 2018 году была подчеркнута важность разработки «правил, норм и принципов ответственного поведения государств в информационном пространстве».

До настоящего момента между странами БРИКС не было заключено соглашения о сотрудничестве в сфере информационной безопасности, но в 2016 году был принят План совместных действий стран БРИКС в области ИКТ. Данный документ включил в себя несколько ключевых направлений деятельности[9]. План был разработан на период до 2020 года, в нем была отмечена важнейшая роль цифровой инфраструктуры в социально-экономическом развитии и обеспечении национальной безопасности стран БРИКС. План содержал конкретные меры сотрудничества.

По каждому из направлений были определены страны-лидеры, в обязанности которых входило установление конкретных задач и обеспечение работы экспертных групп. План не реализовал предложение Российской Федерации и не приблизил страны БРИКС к заключению соглашения.

Таким образом, за период существования объединения БРИКС страны-участницы предпринимали меры, способствующие развитию и функционированию ИКТ, но предложения России по заключению договора для обеспечения международной кибербезопасности остались не реализованными. Причины отсутствия согласия заключаются, вероятно, в различных интересах государств.

Никифоров // Пульс планеты – ТАСС. 27.07.2017. Электронный ресурс. URL: https://tass.ru/ekonomika/4444844.

[9] Принят план совместных действий стран БРИКС в области ИКТ // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. 11 ноября 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/36049/.

Психологические особенности свидетелей и потерпевших, переживших травматические события: влияние на их процессуальную роль и необходимость применения специальных мер защиты

Постолов Виктор Михайлович,
студент Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

Аннотация: В статье рассматриваются психологические особенности свидетелей и потерпевших, переживших травматические события. Исследуется достоверность показаний, процессуальное поведение указанных лиц и способность их к взаимодействию с органами правосудия. Проведен анализ существующих подходов к защите прав и психологической поддержке данной категории участников процесса. Обоснована необходимость внедрения специальных процессуальных и психологических мер защиты. Делается вывод о необходимости комплексного подхода, обеспечивающего баланс интересов правосудия и психологического благополучия участников.

Ключевые слова: психологическая травма, потерпевший, свидетель, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), реабилитация, защита свидетелей, особенности показаний.

Психическое состояние свидетелей и потерпевших, столкнувшихся с травмирующим событием, влияет как на ход уголовного судопроизводства, так и на качество получаемых доказательств. Травма не ограничивается кратковременной эмоциональной реакцией, она меняет способ восприятия происходящего. В результате контакт с сотрудниками правоохранительных органов осложняется, а сама процедура дачи показаний требует учета не только процессуальных норм, но и психологического состояния человека.

Посттравматическое стрессовое расстройство (далее – «ПТСР»), тревога и депрессивная симптоматика меняют механизм восприятия произошедшего. После травмы событие редко сохраняется в памяти как связный и логически упорядоченный эпизод. Чаще остаются отдельные, резко окрашенные

фрагменты (звук, лицо, жест, короткий момент опасности), между которыми теряются причинные и временные связи. Внимание работает нестабильно, а сильное внутреннее напряжение быстро истощает способность удерживать мысль и точно формулировать ответы. Дополнительный вред наносит вторичная виктимизация. Следственные и иные процессуальные действия могут повторно активировать травматический эпизод. В такой ситуации снижается и точность показаний, и готовность к сотрудничеству.

Проблематика достоверности свидетельских показаний в условиях психотравмы изучается в рамках когнитивной и юридической психологии. Основа научной дискуссии связана с работой памяти после сильного потрясения. Человек после травматического события воспроизводит событие как набор неравномерно сохраненных эпизодов, где одни детали фиксируются предельно резко, а другие выпадают полностью.

В. Штерн подчеркивал, что забывание выступает естественным свойством психики, следовательно, абсолютная точность свидетельского сообщения изначально недостижима[1]. Это требует пересмотра стандартных подходов к допросу с учетом ограниченных когнитивных ресурсов допрашиваемого.

Международное и национальное право уже закрепило специальные гарантии защиты свидетелей и потерпевших, однако практика их применения остаётся неоднородной. В одних случаях такие меры снижают риск давления и повторной травматизации, в других остаются формальной гарантией[2].

Психологическая травма возникает как ответ на событие, трансформирующее привычные способы восприятия реальности и выводящее человека за пределы обычного жизненного опыта[3]. Ее нельзя сводить к

---

[1] См. по этому вопросу: Красавина А.Г. История психологической оценки свидетельских показаний // Психология и право, 7(3), 17–26. 2017. URL: https://doi.org/10.17759/psylaw.2017 (дата обращения: 18.03.2026).

[2] См.: Долгова М.В. Особенности обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей в уголовном судопроизводстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11-4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obespecheniya-bezopasnosti-poterpevshih-i-svideteley-v-ugolovnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 18.03.2026).

[3] См.: Михеева А.В. Психическая травма в определениях и понятиях современных ученых //

сильному испугу или кратковременному стрессу. Это изменение психики, при котором пережитая угроза закрепляется как в эмоциональной сфере, так и в механизмах оценки происходящего. Именно в такой логике клиническая практика рассматривает формирование ПТСР. Для него характерны навязчивое возвращение к травматическому эпизоду, избегание любых напоминаний о нем и устойчивая психофизиологическая напряженность. Последствия затрагивают и когнитивную сферу (снижение устойчивости внимания, искажение восприятия значимых обстоятельств, нарушение целостности памяти)[4].

Юридическая психология рассматривает свидетельские показания как результат психической реконструкции. Человек не переносит увиденное в речь в неизменном виде. Он пропускает произошедшее через собственное восприятие, прошлый опыт и индивидуальный способ запоминания деталей[5]. При психотравме этот механизм работает еще сложнее. Стресс сужает объем внимания, ускоряет утомление, дробит воспоминание на отдельные фрагменты.

В научной литературе вторичная виктимизация занимает важное место. Этот феномен возникает в результате повторного травмирования личности в ходе взаимодействия с правоохранительными органами и судебной системой. Негативный опыт допросов, несовершенство законодательства и формальный подход к участию потерпевших могут усиливать психологическое напряжение и снижать готовность к сотрудничеству[6].

Практика уголовного судопроизводства подтверждает, что участие свидетелей и потерпевших, переживших травму, сопровождается трудностями.

Полилингвиальность и транскультурные практики. 2009. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihicheskaya-travma-veniyah (дата обращения: 18.03.2026).

[4] См., например: Кадыров Р.В., Венгер В.В. Комплексное посттравматическое стрессовое расстройство: современные подходы к определению понятия, этиологии, диагностика и психотерапия // Психолог. 2021. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnoe-posttravmaticheskoe-stressovoe-rasstroystvo-sovremennyehody (дата обращения: 18.03.2026).

[5] См.: Мазунин Я.М. О психологии свидетельских показаний // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2004. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-psihologiy-svidetelskih-pokazaniy (дата обращения: 18.03.2026).

[6] См. по этому вопросу: Гарманов В.М. Значение предупреждения вторичной виктимизации потерпевших в деятельности сотрудников полиции // Виктимология. 2015. № 3 (5). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-preduprezhdeniya-vtorichnoy-viktimizatsii-poterpevshih (дата обращения: 18.03.2026).

Одной из ключевых проблем является снижение достоверности и полноты свидетельских показаний. Человек, переживший травму, может воспроизводить событие не как цельный рассказ. Из-за этого в показаниях появляются возвраты к уже сказанному, неточности[7]. Подобная картина не свидетельствует о сознательном искажении фактов. Напротив, она указывает на то, что психика сохранила само событие, но нарушила его связное воспроизведение. В ряде случаев следственные органы воспринимают такие искажения как признак недостоверности, из-за чего возникает риск ошибочной оценки доказательств.

Процедура допросов показывает ограниченность стандартных способов получения информации при работе с травмированными свидетелями и потерпевшими. Дополнительной проблемой является слабая подготовка сотрудников правоохранительных органов в сфере психологии травмы. А.В. Юнда справедливо связывает эту проблему с самой логикой допроса: стремление извлечь максимум сведений за счет детализации снижает их качество, так как травмированный человек в таких условиях утрачивает способность к точному воспроизведению событий[8].

С учетом выявленных проблем необходимо совершенствование подходов к взаимодействию со свидетелями и потерпевшими, пережившими травматические события. Предлагается:

1) разработать и внедрить методики допроса, адаптированные к особенностям травмированной личности;

2) расширить участие специалистов-психологов в процессуальных действиях (диагностика психологического состояния свидетеля или потерпевшего, сопровождение в ходе допроса);

---

[7] См.: Караванов А.А., Устинов И.Ю. Психофизиология и достоверность добросовестных свидетельских показаний // Территория науки. 2014. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihofiziologiya-i-dostovernost-dobrosovestnyh-etelskih-pokazaniy (дата обращения: 18.03.2026).

[8] См.: Юнда А.В. Системный подход к изучению проблем получения свидетельских показаний и анализу психологической составляющей ситуации допроса свидетелей // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 69. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-podhod-k-izucheniyu-problem-polucheniya-svidetelskih-pokazaniy-i-analizu-psihologicheskoy-sostavlyayuschey-situatsii (дата обращения: 18.03.2026).

3) усовершенствовать процессуальные гарантии защиты (более широкое применение дистанционных технологий, анонимизации данных и ограничение контакта с обвиняемым);

4) внедрить программы профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, направленных на формирование компетенций в области психологии травмы и коммуникативных навыков.

Таким образом, психологические особенности свидетелей и потерпевших, переживших травматические события, оказывают существенное влияние на их процессуальную роль и эффективность участия в уголовном судопроизводстве. Психотравма указанных лиц затрагивает когнитивную, эмоциональную и поведенческую сферы личности, что может негативно отражаться на качестве и достоверности свидетельских показаний, а также создавать трудности в их интерпретации со стороны следственных органов и суда. Для решения проблемы необходим комплексный подход, обеспечивающий баланс интересов правосудия и психологического благополучия участников.

Институт частного обвинения в уголовном процессе России: за и против

Реутова Екатерина Сергеевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье проводится комплексный анализ института частного обвинения в российской уголовно-процессуальной системе. Рассмотрены системные проблемы практической реализации института. Анализируется законодательная инициатива 2021 года о ликвидации института и переводе соответствующих дел в категорию частно-публичного обвинения. Рассматриваются одобренные в 2025 году поправки, направленные на совершенствование процедуры рассмотрения таких дел. Подчеркивается необходимость дальнейшей модернизации института частного обвинения для создания сбалансированной модели, обеспечивающей защиту прав потерпевших и других участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: частное обвинение, частно-публичное обвинение, уголовный процесс, потерпевший, частный обвинитель, упразднение института частного обвинения.

Частное обвинение представляет собой специфическую форму производства, инициируемую исключительно по заявлению потерпевшего (частного обвинителя) или его законного представителя.

Концепция частного обвинения сохраняет свое значение в современных правовых системах. Преступления, подлежащие частному преследованию, непосредственно затрагивают личные интересы отдельных лиц, которые имеют первостепенное значение в обществе. В то время как в современном уголовном процессе сочетаются публичные и частные начала, последние занимают подчиненное положение. Примечательно, что возбуждение судебного производства в порядке частного обвинения представляет собой самый древний механизм защиты прав и свобод человека.

Согласно статистике Верховного Суда Российской Федерации, «дела

частного обвинения составляют незначительную долю – около 1 % – от уголовных дел, рассматриваемых судами в период с 2019 по 2024 год. Наблюдается тенденция к сокращению количества таких дел. В 2024 году было рассмотрено 3964 дела частного обвинения. Из них 496 дел в итоге окончились оправдательным приговором[1].

Глава 41 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации посвящена производству по делам частного обвинения, однако данный институт не лишен определенных изъянов и пробелов в законодательстве: недостаточная юридическая грамотность потерпевших; риск злоупотреблений со стороны потерпевших; неоднозначность законодательной базы; трудности с оформлением заявления.

В целях устранения выявленных проблем необходима разработка комплекса мер, направленных на совершенствование института частного обвинения, в том числе: усиление гарантий защиты прав потерпевших в рамках дел частного обвинения; разработка эффективных механизмов, предотвращающих злоупотребления со стороны частных обвинителей; упразднение и перевод частного обвинения в частно-публичное.

В 2021 году Верховный суд РФ внес в Государственную думу РФ законопроект, предусматривающий ликвидацию института частного обвинения. В случае принятия данного законопроекта преступления, которые ныне относятся к частному обвинению, перейдут в разряд частно-публичных. Их расследование станет обязанностью органов дознания (полиции), а поддержание обвинения в суде перейдет к государственному обвинителю (прокурору), при этом мировые или районные суды сохранят полномочия по рассмотрению этих дел, по существу. Это означает кардинальное изменение процедуры возбуждения и расследования, а именно:

- дело будет возбуждаться не судом по заявлению потерпевшего, а органом дознания или следствия – по заявлению потерпевшего или при

---

[1] Верховный суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://www.vsrf.ru/documents/statistics/?year=2024 (дата обращения: 11.12.2025).

непосредственном обнаружении признаков преступления (как и по большинству уголовных дел);

- потерпевший будет освобожден от бремени самостоятельного собирания доказательств и поддержания обвинения в суде;

- по всем делам будет проводиться полноценное досудебное производство (дознание или предварительное следствие) с соблюдением всех гарантий УПК РФ[2].

Помимо статьи 20 УПК РФ, преобразования затронут ряд других норм Кодекса. Прежде всего, Глава 41 УПК РФ «Производство по уголовным делам частного обвинения», включая статьи 318-323, утратит силу или будет кардинально переработана, поскольку регулируемый ею специальный порядок возбуждения и рассмотрения дел по заявлению потерпевшего перестанет существовать. Будут исключены или изменены конкретные нормы, такие как статья 318 УПК РФ «Возбуждение уголовного дела частного обвинения», так как дела о побоях, легком вреде здоровью и клевете без отягчающих обстоятельств будут возбуждаться органами дознания в общем порядке. Потребуют корректировки статья 319 УПК РФ, регулирующая полномочия суда по таким делам, и статья 246 УПК РФ, определяющая участие обвинителя в суде, поскольку поддержание обвинения перейдет к прокурору. При этом на дела бывшего частного обвинения в полном объеме начнут распространяться общие нормы о досудебном производстве, предусматривающие проведение дознания. Важно, что статья 25 УПК РФ «Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон» сохранит свое действие, позволяя прекращать дела при достижении сторонами соглашения, что обеспечит преемственность ключевого диспозитивного начала.

---

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 06.04.2021 № 3 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)». URL: https://base.garant.ru/400553240/ (дата обращения: 21.12.2025).

В феврале 2025 года Комиссией Правительства РФ по законопроектной деятельности были одобрены поправки в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), регламентирующие порядок рассмотрения районными судами уголовных дел частного обвинения, включая дела о нанесении побоев.

Предлагаемые изменения предусматривают:

- установление сроков начала судебного разбирательства – от трех до четырнадцати суток с момента поступления уголовного дела в суд;

- внесение изменений в статью 246 УПК РФ, согласно которой обвинение в суде будет поддерживать частный обвинитель, а в некоторых случаях - государственный обвинитель;

- изменение статьи 319 УПК РФ, предусматривающее разъяснение судьей сторонам возможности примирения.

С одной стороны, институт частного обвинения стремится расширить правовые возможности граждан и снять нагрузку с правоохранительных органов, предоставляя потерпевшим право на самостоятельную защиту в делах незначительной тяжести. Однако на практике данный институт сталкивается с рядом системных сложностей: недостаточной правовой осведомленностью населения; рисками неправомерного использования; нечеткостью законодательных норм и ограниченным доступом к профессиональной юридической помощи. Эти факторы часто нивелируют потенциальные преимущества института частного обвинения.

Наблюдаемое уменьшение количества дел, возбуждаемых по частному обвинению, а также законодательная инициатива Верховного Суда 2021 года о полной отмене данной практики свидетельствуют о кризисе существующей модели. Предлагаемый вариант решения проблемы – перевод дел в категорию частно-публичных. Дальнейшее совершенствование должно быть направлено на разработку четких механизмов противодействия злоупотреблениям и созданию сбалансированной модели, которая предусматривает свободу волеизъявления сторон.

Обеспечение права на обжалование процессуального решения о приостановлении операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи

Упатов Дмитрий Андреевич,
студент Саратовской государственной юридической академии (СГЮА), г. Саратов

Аннотация: В настоящей статье рассматривается проблема обеспечения права на обжалование, предусмотренного ст. 125 УПК РФ, процессуального решения о приостановлении операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи. В работе анализируется ст. 115.2 УПК РФ, регламентирующая порядок приостановления операций с денежными средствами. Обозначены такие проблемы, как уведомление лица, в отношении которого произведены указанные процессуальные действия, невозможность обжалования вынесенного постановления, а также неопределенность оснований для применения данной нормы. Дополнительно исследуется порядок взаимодействия должностных лиц и кредитных организаций. В заключении делается вывод о введении новых положений, связанный с практической реализацией ст. 115.2 УПК РФ.

Ключевые слова: приостановление операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи; иные меры процессуального принуждения, меры процессуального принуждения, досудебное уголовное судопроизводство.

С развитием технологий появляются новые способы совершения преступлений. Вместе с этим законодатель пытается адаптировать существующие нормы материального и процессуального права к новым реалиям. Так, Федеральным законом от 31 июля 2025 года № 278-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в Уголовно-процессуальный кодекс РФ была введена новая статья

– 115.2[1], предусматривающая возможность при производстве по уголовному делу приостанавливать операции с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи[2]. С учётом участившихся случаев телефонного мошенничества это нововведение весьма актуально, а норма призвана повысить раскрываемость расследуемых преступлений.

Для слаженного взаимодействия правоохранительных органов и кредитных организаций в Федеральном законе от 2 декабря 1990 года № 395-1 «О банках и банковской деятельности» предусмотрена обязанность операторов, осуществляющих операции по переводу денежных средств, предоставлять на основании запроса должностных лиц, перечисленных в ст.115.2 УПК РФ, сведения о вкладах, счетах и денежных операциях физических и юридических лиц[3]. Произвести указанные действия операторы должны не позднее 3 рабочих дней с момента поступления соответствующего запроса, если в нем не указан иной срок. Указанная обязанность направлена на оперативное исследование обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а также для своевременного наложения ареста на денежные средства, в том числе и в целях дальнейшего обеспечения исполнения решения суда.

Новые полномочия позволяют следователю и дознавателю приостанавливать на 10 суток операции по счетам, если имеются основания считать, что банковские счета (вклады, депозиты), электронные денежные средства, денежные средства, внесённые в качестве аванса за услуги связи, использовались при совершении преступлений путём проведения операций, указанных в ч. 1 ст. 115.2 УПК РФ. Приостановление операций с денежными средствами происходит в пределах той суммы, которая была зачислена на

---

[1] Собрание законодательства РФ. 2025. № 31. Ст. 4632.

[2] См.: Ендольцева А.А. К вопросу о применении иной меры процессуального принуждения, предусмотренной статьёй 115.2 УПК РФ // Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, г. Орёл, 17 октября 2025 года. Орёл: Орловский юридический институт МВД РФ имени В.В. Лукьянова, 2025. С. 93-95.

[3] Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (в ред. от 01.03.2026) «О банках и банковской деятельности» // Российская газета. № 150. 1998; № 48 (ч. III). 2025. Ст.7242.

соответствующий счёт, вклад, депозит, что позволяет избежать полной блокировки денежных средств, имеющихся у лица.

К сожалению, данная процедура не является совершенной и существуют отдельные моменты, требующие особого внимания. Во-первых, это уведомление лица о действиях, которые применяют в отношении его денежных средств кредитные организации и должностные лица. Так, по мнению А.А. Ендольцевой, следователь, дознаватель должны уведомлять лицо, в отношении которого приняты действия, предусмотренные ст. 115.2 УПК РФ, и разъяснять порядок их обжалования[4]. Проблема в уведомлении лица о приостановлении операций для некоторых категорий граждан может быть существенной. Это касается субъектов, получающих социальные выплаты: пенсии, льготные пособия. Без возможности лица воспользоваться своими денежными средствами в реальных условиях существовать тяжело. Определенные риски несут и лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью. 10 суток – это существенный срок для любого бизнеса, возможность причинения убытков, вреда деловой репутации увеличивается. В связи с этим, предполагается целесообразным для решения данной проблемы законодателю предусмотреть более короткий срок для приостановления операций в отношении денежных средств, связанных с социальными выплатами, а также в отношении индивидуальных предпринимателей.

Во-вторых, механизм обжалования рассматриваемых действий должностных лиц не согласован должным образом, так как наблюдается логическое несоответствие между сроками рассмотрения жалобы и максимальным сроком приостановления операции. Исходя из анализа ч.1 ст. 115.2. УПК РФ, приостановление операций осуществляется на срок до 10 суток, в свою очередь, по ст. 125 УПК РФ, которая закрепляет возможность обжалования действий (бездействий) следователя, дознавателя в судебном порядке, судья, рассмотрев жалобу, выносит решение не позднее 14 суток[5].

---

[4] См.: Ендольцева А.А. Указ. соч. С. 94.

[5] Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. от 07.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. ст. 4921; 2026. № 10. ст.1069.

Таким образом, обжалование данной меры представляется недостаточно эффективным, то есть фактически лицо, в отношении которого применено приостановление операций, лишено возможности своевременной защиты и восстановления своих нарушенных прав.

Полагаем, следует признать, что подобная формулировка закона во взаимосвязи ст. 115.2 и ст. 125 УПК РФ противоречит тем гарантиям, которые предоставлены лицу в силу принципа обеспечения права на обжалование процессуальных действий и решений. Поэтому необходимо предусмотреть при обжаловании действий и решений, связанных с реализацией ст. 115.2 УПК РФ, более сжатые сроки рассмотрения подобных жалоб в судебном порядке.

В-третьих, для применения данной нормы правоприменитель (следователь, дознаватель, прокурор, руководитель следственного органа) должен иметь достаточные основания полагать, что денежные средства получены (переданы) в результате совершения преступления. Формулировка законодателя о «наличии достаточных оснований» является некорректной и может вызывать затруднения при оценке такой достаточности. Рассматриваемая категория является субъективной и повышает риск злоупотребления со стороны должностных лиц своими полномочиями. В связи с этим представляется необходимым детально указать, что именно относится к этой категории, и какие основания будут достаточными.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно прийти к следующим выводам. Внесенные изменения в УПК РФ в части дополнения его ст. 115.2 следует оценить как положительные, направленные на совершенствование уголовного судопроизводства в досудебных стадиях, на обеспечение исполнения решения суда по уголовному делу и компенсацию причиненного вреда лицам, потерпевшим от преступления. В то же время ст. 115.2, а также ст. 125 УПК РФ нуждаются в дополнении новыми положениями, связанными с практической реализацией ст. 115.2 и права на обжалование процессуальных решений следователя и дознавателя по приостановлению операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи.

Штрафы в суде присяжных как мера обеспечения явки в суд

Шевченко Захар Викторович,
студент Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

Аннотация: В данной статье рассматривается проблематика формирования коллегии присяжных заседателей. Автор изучает вопрос низкой явки кандидатов в присяжные заседатели в суд и анализирует проблему стимулирования граждан к участию в рассмотрении дел судом присяжных. Приводится исторический и зарубежный опыт использования штрафов для кандидатов в присяжные заседатели. Предлагаются изменения в нормативные правовые акты федерального уровня.

Ключевые слова: суд присяжных, штраф как мера обеспечения явки, США, гражданское общество, обязанность явки присяжного в суд, коллегия присяжных, процедура отбора в коллегию присяжных заседателей.

Согласно ч. 5 ст. 32 Конституции РФ, граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия. С этой нормы началось возрождение института суда присяжных в России. Существовавшая в советское время форма участия граждан в отправлении правосудия - участие в рассмотрении уголовного дела в качестве народного заседателя, с 2010 года (с момента введения суда присяжных в Чечне) была полностью заменена более прогрессивной системой суда присяжных как элемента гражданского общества. Именно рассмотрение дела коллегией независимых судей факта из народа, устанавливая повышенные стандарты доказывания, стало обеспечивать объективное и справедливое принятие решения о судьбе человека.

При этом доля рассматриваемых уголовных дел с участием присяжных заседателей остается небольшой на протяжении всего его нового существования. Так, в 2025 году было рассмотрено всего 1400 дел, в 2024 году – 1419, в 2023 – 1689, в 2022 – 1693, в 2021 – 1539, в 2020 – 1221[1] (около 1-2%

[1] Данные судебной статистики. // Официальный сайт Судебного департамента при

от общего числа уголовных дел). Число коллегии присяжных заседателей также было сокращено с 12 до 6, хотя они и были введены на уровне районных судов. Категории дел, которые могут рассматривать присяжные заседатели, также стремительно сокращаются – в 2001 году они могли рассматривать 77 составов преступлений, в 2013 – 39, а в 2025 – всего 26[2].

Сам законодатель (как следует из пояснительной записки к законопроекту № 1016453-6, ставшим впоследствии Федеральным законом от 23 июня 2016 года № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей», которым число присяжных в коллегии было сокращено с 12 до 8 в областных судах и 6 в районных судах) связывает мотивировку такого сужения института суда присяжных с тем, что «сократятся сроки судебного разбирательства за счет времени, которое затрачивается на длительные процедуры отбора большого числа кандидатов в присяжные заседатели и формирования их коллегии»[3]. В ряде случаев невозможность сформировать коллегию присяжных заседателей приводит к неоправданному затягиванию процесса и, как следствие, к нарушению прав подсудимого на судебную защиту.

В этой связи могут возникать опасные суждения об упразднении института суда присяжных как неэффективного и ресурсозатратного. Однако данный силлогизм является ошибочным, поскольку основан на ложной посылке: вместо выявления и устранения корня проблемы – неэффективного порядка формирования коллегии присяжных заседателей – предлагается просто

Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 23.03.2026).

[2] Как заставить россиян идти в присяжные – мнение эксперта. Профессор Насонов рассказал, что делать, чтобы россияне захотели стать присяжными. // Московский комсомолец. URL: https://www.mk.ru/social/2026/01/14/kak-zastavit-rossiyan-idti-v-prisyazhnyenenie-eksperta.html (дата обращения: 23.03.2026).

[3] Законопроект № 1016453-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1016453-6 (дата обращения: 23.03.2026).

уйти от проблемы. Вместе с тем в странах западного правопорядка, например, Англии и США, где предусмотрено участие даже расширенной коллегии присяжных заседателей (Grand Jury) проблем с набором как минимум кандидатов в присяжные не наблюдаются либо же они не столь огромны. В чем же причина такого феномена? На это влияют множество факторов, но мы сосредоточимся в рамках нашей статьи на одном: ответственности присяжных заседателей.

Например, в США за неявку присяжного заседателя установлен штраф в размере от 100 до 1000 долларов в зависимости от конкретного штата (например, в г. Нью-Йорке за неявку по повестке установлен штраф в размере 250 долларов, и неявка расценивается как неуважение к суду[4]). В Великобритании недобросовестный кандидат может быть оштрафован на сумму до 1000 фунтов стерлингов[5]. В Испании установлены штрафы в размере 450 евро, а в случае злостного уклонения и «неповиновения правосудию» предусмотрено тюремное заключение в зависимости от тяжести нарушения[6].

Кроме того, для нашей истории такой инструмент не является чем-то уникальным. В Российской Империи за неявку кандидата в присяжные заседатели в суд на отбор был установлен штраф в размере 100 рублей.

Таким образом, создается реальная возможность привлечения к ответственности граждан за неисполнение обязанности, предусмотренной законом. А что в современной России?

Согласно ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 20 августа 2004 года № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»[7], участие в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей граждан, включенных в списки кандидатов в

---

[4] New York Consolidated Laws, Judiciary Law – JUD § 527 // FindLaw Codes. URL: https://codes.findlaw.com/ny/judiciary-law/jud-sect-527/ (дата обращения: 23.03.2026).
[5] Jury service. Respond to the summons // Open Government Licence of Crown. URL: https://www.gov.uk/jury-service/respond-to-the-summons (дата обращения: 23.03.2026).
[6] View of Jury selection and jury trial in Spain // Oñati Socio-Legal Series. URL: https://opo.iisj.net/index.php/osls/article/view/165/124 (дата обращения: 23.03.2026).
[7] Собрание законодательства РФ. 2004. № 34 Ст. 3528.

присяжные заседатели, является их гражданским долгом. Однако данная формулировка по своей сути является бесхребетной, поскольку не обеспечивается соответствующими санкциями за неисполнение указанного гражданского долга.

Да, ст. 117, ст. 118, ч. 3 ст. 333 УПК РФ за неявку присяжного заседателя в суд без уважительной причины установлена ответственность в форме денежного взыскания в размере 2500 рублей, однако она касается только тех граждан, которые уже прошли установленную процедуру отбора в коллегию присяжных заседателей и в силу возложенных на них обязанностей должны посещать суд.

Также ст. 17.5 КоАП РФ установлена административная ответственность для работодателя или лица, его представляющего, за воспрепятствование явке в суд присяжного заседателя для участия в судебном разбирательстве. Недостаток данной нормы заключается, во-первых, в неоправданном сужении субъектов данного административного правонарушения, поскольку препятствовать указанной обязанности могут не только работодатели, но и недобросовестные должностные лица, во-вторых, он опять же касается только отобранных в коллегию присяжных заседателей и не касается кандидатов в присяжные заседатели, а в-третьих, устанавливает несоизмеримо малую санкцию (не учитывая инфляцию), которая явно не будет способствовать исполнению работодателем возложенных на него обязанностей – легче заплатить маленький штраф (от 500 до 1000 рублей), чем отпустить работника на несколько дней (а то и месяцы) работы при сохранении заработной платы.

Некоторые исследователи считают, что введение штрафов (взысканий) для кандидатов в присяжные заседатели за неявку на процедуру отбора будет являться нарушением права, установленного ч. 5 ст. 32 Конституции РФ[8]. Однако данное толкование указанной нормы является ошибочным по следующим основаниям.

---

[8] См.: Бедняков И.Л., Развейкина Н.А. История одного несостоявшегося суда присяжных (на примере судебной практики районного суда) // Российский судья. 2023. № 11. С. 50–55.

Во-первых, возможность установления обязанности явиться в суд для отбора в коллегию присяжных предусмотрена ч. 1 ст. 2 ФЗ о присяжных, в соответствии с которой право граждан участвовать в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей при рассмотрении судами первой инстанции подсудных им уголовных дел с участием присяжных заседателей может быть ограничено только федеральным законом.

Во-вторых, установление санкции за неявку будет являться не мерой административной или уголовной ответственности, оставляющей юридический след в судьбе человека, а мерой обеспечения порядка в судебном заседании.

В-третьих, санкция за неявку в суд по повестке сама по себе не вторгается в конституционное право на отправление правосудия, поскольку данная мера взыскания предусматривает ответственность за несоблюдение установленного порядка судебного разбирательства, но не за отказ от упомянутого права – у гражданина остается возможность реализовать свое право на отправление правосудия (предусматривающей как возможность согласиться, так и отказаться от его реализации), заявив об уважительных причинах невозможности своего участия в судебном заседании, на котором производится отбор присяжных.

Таким образом, автором предлагается внести соответствующие изменения в нормативные правовые акты, регулирующие данную сферу. Одним из вариантов может являться внесение изменений в УПК РФ, предполагающее установление денежного взыскания для кандидатов в присяжные заседатели за неявку в суд без уважительных причин (ст. 117 УПК РФ). Однако такой подход может породить некоторые сложности, поскольку упомянутая статья предусматривает наложение денежного взыскания только на участников уголовного судопроизводства, то есть тех, кто перечислен в гл. 5-8 УПК РФ. Кандидаты в присяжные заседатели не относятся к таковым, поэтому придется вносить соответствующие изменения и в раздел II УПК РФ. Предпочтительным видится другой вариант, предполагающий комплексное внесение изменений в КоАП РФ. Так, автор предлагает добавление состава административного

правонарушения за неявку в суд на отбор присяжных, передачу права на возбуждение и рассмотрения дела по данному административному правонарушению председательствующему судье, а также новую формулировку статьи 17.5 КоАП РФ: «Воспрепятствование работодателем, лицом, его представляющим, или должностным лицом явке в суд присяжного заседателя или кандидата в присяжные заседатели для участия в судебном разбирательстве – влечет наложение административного штрафа в размере от десяти до пятидесяти тысяч рублей».

Указанные изменения, по нашему убеждению, будут способствовать повышенному обеспечению явки в суд кандидатов в присяжные заседатели для прохождения процедуры формирования коллегии присяжных заседателей. Как следствие, будут соблюдаться требования ст. 6.1 УПК РФ, более обширная выборка обусловит большую объективность коллегии, а авторитет судебной системы будет поддерживаться на должном уровне.

Секция № 6. «Криминалистика в условиях развития цифровых технологий»

Психологические аспекты допроса: влияние личностных особенностей допрашиваемого и допрашивающего на достоверность показаний и эффективность следственного действия.

Еремеева Полина Витальевна,
студент Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

Аннотация: В статье анализируются психологические аспекты допроса как ключевого следственного действия, влияющего на достоверность показаний. Рассматривается влияние индивидуальных особенностей допрашиваемого (темперамент, внушаемость, память, эмоциональные состояния) и профессиональных качеств следователя на процесс получения информации. Особое внимание уделяется допустимым тактико-психологическим приемам и правовым границам психологического воздействия.

Ключевые слова: достоверность показаний, психологические особенности допроса, личностные качества допрашиваемого, тактика производства допроса, особенности личности допрашиваемого.

Допрос является одним из наиболее распространенных и психологически насыщенных следственных действий. Порядок проведения данного действия регламентирован в гл. 26 УПК РФ. В научной литературе отмечают, что допрос представляет собой «наиболее психологизированное следственное действие»[1]. Сущность данного следственного действия заключается в получении информации следователем от допрашиваемого.

Достоверность показаний, полученных на допросе, не всегда связана с осознанным искажением информации, поскольку показания могут быть

[1] Черевко И.М. Системный подход к психологическому воздействию следователя на допрашиваемого / И.М. Черевко, С.Л. Никонович, В.А. Бекетов // Крымский научный вестник. 2017. № 1. С. 75.

искажены множеством психологических факторов, связанных с особенностями психики допрашиваемого лица. В связи с этим, целью настоящей работы является комплексный анализ психологических аспектов допроса.

Процесс формирования показаний проходит в три стадии: восприятие, запоминание и воспроизведение информации[2]. На каждой из них особенности личности допрашиваемого способны внести свои коррективы, которые могут стать причиной непреднамеренных ошибок и неосознанных искажений.

Важно отметить, что индивидуальные психологические особенности, такие как тип темперамента и свойства нервной системы, определяют динамику и точность восприятия события, то есть лица могут по-разному фиксировать, сохранять и воспроизводить информацию о событии преступления. Например: холерики склонны к быстрым реакциям, они могут воспринимать ситуацию поверхностно, упуская детали, но при этом фиксируя общую динамику событий[3].

Также необходимо отметить, что особое значение имеет состояние памяти и внимания в момент восприятия события. Благодаря направленности внимания определяется, какая информация попадет в фокус сознания, а какая останется на периферии[4]. Индивидуальные недостатки восприятия (дефекты зрения, слуха), а также его избирательность могут привести к тому, что допрашиваемый заблуждается относительно сути произошедшего.

Высокий уровень личностной тревожности и повышенная внушаемость также влияют на устойчивость показаний. Внушаемость проявляется в склонности человека под влиянием других лиц (например: следователя или иных участников процесса) изменять свои убеждения, подстраивать под них свои воспоминания.

В научной литературе подчеркивается, что при оценке достоверности показаний необходимо учитывать индивидуальные психологические

---

[2] См.: Зенгина Д.Д. Психологический механизм формирования показаний подозреваемых, обвиняемых // StudNet. 2020. № 12. С. 1364.

[3] Холерик: особенности типа темперамента, плюсы и минусы // Smart: [сайт]. – 2025. – 13 мая. – URL: https://smart-inc.ru/blog/kto-takie-holeriki-i-kak-s-nimi-pravilnoty-psihologov

[4] См.: Ерусева О.В. Роль внимания в развитии познавательных процессов // Научные исследования в образовании. 2009. № 1. С. 58–62.

характеристики допрашиваемых[5]. Лица с повышенной внушаемостью могут демонстрировать конформное поведение и изменять показания, находясь под воздействием стресса или авторитета допрашивающего.

Ключевую роль в формировании достоверности информации во время допроса играет эмоциональное состояние допрашиваемого в момент восприятия события и в момент дачи показаний. Прежде всего, необходимо отметить, что пребывание в экстремальной ситуации, что характерно для потерпевших или очевидцев преступления, вызывает состояние стресса или физиологического аффекта. В таких условиях может происходить нарушение мыслительных процессов, концентрирование внимания на источнике угрозы и другие. Из-за вышеуказанных обстоятельств показания очевидцев, полученные в ходе допроса, могут быть неполными, что требует особой внимательности при их оценке и сопоставлении с иными доказательствами по делу. Таким образом, следователь, прежде чем приступить к допросу, должен предварительно изучить обстоятельства произошедшего и возможные психологические последствия травмирующего события для допрашиваемого.

Эмоциональное состояние допрашиваемого также оказывает влияние на ход исследуемого следственного действия. Процедура допроса для подозреваемого или обвиняемого является стрессогенным фактором. Опытный следователь, акцентируя внимание на этих реакциях, может использовать наблюдение за ними для диагностики получаемой в ходе допроса информации. При этом важно подчеркнуть, что подобное наблюдение должно осуществляться в рамках закона, то есть не перерастать в недопустимые методы воздействия.

Однако важно понимать, что эмоциональные реакции далеко не всегда являются индикатором виновности или причастности к преступлению, поскольку они могут быть вызваны фактом нахождения лица в непривычной, официальной обстановке, негативным опытом взаимодействия с правоохранительными органами и т. д. В данном случае эмоционально

---

[5] См., например: Кочесокова З.Х. Психологическое воздействие следователя на участников уголовного судопроизводства // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 4. С. 193–198.

неустойчивый, но невиновный человек может демонстрировать внешние признаки волнения, характерные для виновного, это требует от следователя особой внимательности в интерпретации поведенческих реакций. В связи с этим необходимо опираться на совокупность доказательств, а не на отдельные поведенческие признаки.

Кроме того, профессиональная компетенция следователя и его умение управлять психологическим состоянием допрашиваемого оказывает влияние на эффективность допроса и достоверность получаемых результатов. Установление психологического контакта, в свою очередь, становится ключевым условием получения полных и правдивых показаний. А.В. Репин указывает на то, что рефлексия рассматривается как один из способов установления такого контакта с допрашиваемым на досудебном расследовании[6]. Стоит отметить, что для потерпевшего крайне важна поддержка и уверенность в защите его прав, что позволяет снизить уровень тревоги и перейти к диалогу, ориентированному на восстановление объективной картины произошедшего. Это, в свою очередь, способствует получению более полных и достоверных показаний.

В соответствие с п. 2 ст. 189 УПК РФ следователь свободен в выборе тактики допроса. В концептуальной модели психологического воздействия, разработанной И.М. Черевко, С.Л. Никоновичем и В.А. Бекетовым, главным методом признается убеждение, основанное на логической аргументации и обращении к рациональному мышлению, в то время как внушение, понимаемое как целенаправленное воздействие на чувства, и волевое давление выступают в качестве вспомогательных методов, подключаемых в зависимости от ситуативного поведения допрашиваемого и его индивидуальных особенностей[7]. Выбор конкретных приемов должен определяться не только тактическими соображениями, но и учетом психологических характеристик

[6] См., например: Репин А.В. Рефлексивное управление поведением допрашиваемого: проблемы теории и практики // Научный компонент. 2020. № 4 (8). С. 105–112.

[7] См.: Черевко И.М. Системный подход к психологическому воздействию следователя на допрашиваемого / И.М. Черевко, С.Л. Никонович, В.А. Бекетов // Крымский научный вестник. 2017. № 1.

допрашиваемого лица. К числу допустимых приемов относятся постановка вопросов, активизирующих ассоциативные связи, что помогает в припоминании забытых фактов, детализация показаний путем последовательного уточнения обстоятельств, предъявление доказательств в определенной последовательности, обычно от менее значимых к более весомым, что позволяет постепенно наращивать убедительность следственной версии. Одновременно с этим важно отметить, что по ч. 2 ст. 189 УПК РФ существует запрет для следователя в постановке наводящих вопросов, к которым относят вопросы, содержащие в себе скрытую информацию или подсказку, определяющую желаемый ответ. Такие вопросы внушают допрашиваемому содержание ответа, что прямо противоречит процессуальным требованиям.

В научной литературе особое внимание уделяется определению границ допустимого психологического воздействия в соответствии с законодательством и этическими нормами. В.В. Глоба рассматривает правовые и этические критерии допустимости психологического воздействия в ходе допроса, предлагая градацию такого воздействия с учетом не только его правомерности, но и оправданности с точки зрения морали[8]. Недопустимыми методами признаются принуждение, обман, угрозы, шантаж, а также любые действия, унижающие честь и достоинство личности или создающие опасность для жизни и здоровья. Соблюдение этих границ является не только требованием закона, но и условием сохранения доверия к правоохранительной системе в целом.

Допрос является наиболее психологизированным следственным действием, эффективность которого зависит от учета психологии участников. Достоверность показаний определяется не только волей допрашиваемого, но и его индивидуальными особенностями (темперамент, память, внушаемость), эмоциональным состоянием. Задача следователя состоит в установлении

---

[8] См.: Глоба В.В. Психологическое воздействие на допрашиваемого в целях получения правдивых показаний: критерии допустимости // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 7 (108). С. 55–61.

психологического контакта и применении законных тактических приемов.

Новые аспекты тактики производства очной ставки

Иванова Алёна Сергеевна,
студент Саратовской государственной
юридической академии, г. Саратов

Аннотация: В статье рассматриваются правовые и тактические аспекты проведения очной ставки как следственного действия, эффективность которого на практике оценивается неоднозначно. Анализируются положения статьи 192 УПК РФ и отмечается отсутствие законодательного запрета на проведение очной ставки с участием более двух лиц, что порождает дискуссию в научной среде. Приводятся аргументы критиков многосубъектной очной ставки, указывающих на риск потери управления процессом, оказания давления на участников и нарушения тайны следствия. В противовес им обосновываются тактические преимущества проведения «круговой» очной ставки, включая возможность многостороннего перекрестного допроса, процессуальную экономию времени и расширение возможностей для анализа невербальных реакций. В заключении формулируется вывод о необходимости законодательного урегулирования количественного состава участников очной ставки путем внесения соответствующих поправок в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: очная ставка, многосторонний перекрестный допрос, тактика проведения очной ставки, многосубъектная очная ставка, допрос участников очной ставки, порядок производства очной ставки.

Процесс расследования преступления во многом зависит от правильно подобранного набора следственных действий, перечень которых закрепляется в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее - УПК РФ). Рассмотрим очную ставку как следственное действие, эффективность которого на практике неоднозначна. Проведение очной ставки не всегда дает ожидаемые положительные результаты. Одни связывают это с недостаточностью правового регулирования самого процесса следственного действия, другие говорят о

проблеме низкой квалификации и тактической неподготовленности следователей, проводящих очную ставку.

В соответствии со ст. 192 УПК РФ очная ставка проводится по усмотрению следователя, в случаях возникновения существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. Однако законодатель не закрепляет перечень участников, которые могут быть непосредственно задействованы в этом следственном действии. Закон не ограничивает число лиц, между которыми проводится очная ставка, но на практике обычно проводится между двумя лицами. Чаще всего состав участников выглядит следующим образом: потерпевший – подозреваемый (обвиняемый) – следователь; потерпевший – свидетель – следователь; свидетель – обвиняемый (подозреваемый) – следователь; подозреваемый – подозреваемый – следователь; подозреваемый – обвиняемый – следователь.

Проблемы очной ставки входили в круг исследований как процессуалистов, так и криминалистов: Р.С. Белкина, А.Р. Белкина, А.Я. Вышинского, С.П. Желтобрюхова, К.А. Костенко, А.Б. Соловьева и др. Так, А.Я. Вышинский в одном из первых советских учебников по криминалистике дал понятие данного следственного действия. Он определил очную ставку как «одновременный допрос двух (или более) лиц в присутствии друг друга, применяемый в целях устранения противоречий в показаниях этих лиц, данных при раздельных допросах»[1]. М.П. Перякина полагает, что очная ставка заключается в попеременной даче показаний в присутствии друг друга нескольких ранее допрошенных лиц из числа участников уголовного судопроизводства по поводу одних и тех же обстоятельств дела[2]. Следует обратить внимание, что используется формулировка «двух (или более) лиц», а также «нескольких ранее допрошенных лиц», что наталкивает на мысль о возможности производства так называемой многосубъектной очной ставки, то есть с более чем двумя лицами. Рассмотрим тактический потенциал проведения

[1] Криминалистика. Кн. 1 / Под ред. А.Я. Вышинского. Москва; ОГИЗ, 1935. С. 21.
[2] См.: Перякина М.П. К вопросу о самостоятельности очной ставки как следственного действия // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2017. №2 (2). С. 60.

очной ставки с большим количеством участников в целях повышения ее эффективности.

В научной литературе преобладает мнение о том, что производство очной ставки с более чем двумя лицами недопустимо. Например, М.Ю. Фисаков полагает, что «…участие в очной ставке более чем двух участников недопустимо, так как, во-первых, это существенно повышает риск нарушения тайны следствия; во-вторых, повышается вероятность оказания противодействия как внутреннего, так и внешнего на кого-либо из допрашиваемых лиц; в-третьих, учитывая возможность различного восприятия у каждого человека одного и того же события, после дачи показаний двух участников, у третьего допрашиваемого может сложиться мнение о необходимости изменения своих показаний, как правило, в пользу одного из участников, противореча тем самым ранее данным им самим показаниям. Таким образом, проведение очной ставки должно производиться исключительно между двумя ранее допрошенными лицами, о чем необходимо указать в ст. 192 УПК РФ»[3]. Вышесказанное мнение подтверждает наличие рисков при проведении очной ставки с большим количеством допрашиваемых участников, также указывает на отсутствие конкретизации нормы со стороны законодателя.

Одним из недостатков многосубъектной очной ставки можно выделить сложность управления следователем ходом следственного действия. Очная ставка предполагает взаимодействие следователя со всеми участниками – и если с двумя лицами это возможно, то с большим количеством людей могут возникнуть затруднения, в результате чего возрастает риск, что следователь потеряет нить допроса, не сможет эффективно пресекать попытки участников перебивать друг друга или сговариваться (например, обмениваясь невербальными сигналами). Однако, не все так однозначно. Несмотря на то, что в правоприменительной практике исторически сложилась традиция проведения

[3] Фисаков М.Ю. Очная ставка: Проблемы правового регулирования // ЮП. 2021. № 1 (96). С. 131-134.

очной ставки между двумя лицами, участие трех и более допрашиваемых субъектов открывает перед следователем ряд дополнительных тактических возможностей, недоступных при классическом парном формате.

Переходя к положительным аспектам, необходимо сказать о возможности реализации многостороннего перекрестного допроса, который в криминалистической литературе именуется «круговой очной ставкой»[4]. Данный тактический прием позволяет последовательно адресовать один и тот же вопрос нескольким участникам, наблюдая за динамикой формирования их ответов в режиме реального времени. При групповом противодействии следствию это создает эффект, при котором участники, лишенные возможности предварительно согласовать позицию по каждому уточняющему вопросу, неизбежно воспроизводят противоречия, разрушающие ложную версию. Во-вторых, положительным аспектом проведения очной ставки втроем и более выступает процессуальная экономия. Проведение одного следственного действия с участием трех и более лиц позволяет одномоментно устранить существенные противоречия в показаниях нескольких субъектов, тогда как серия парных очных ставок потребовала бы значительных временных затрат и, что более важно, предоставила бы недобросовестным участникам возможность корректировать свои показания. Третьим положительным аспектом можно указать расширение возможностей для фиксации и последующего анализа невербальных реакций участников. Видеозапись многосубъектной очной ставки приобретает особую доказательственную ценность, поскольку позволяет впоследствии ретроспективно оценить поведение всех участников в совокупности: обмен взглядами, непроизвольные жесты, изменение положения тела и т. п., что может косвенно способствовать разоблачению во лжи недобросовестных участников уголовного производства.

В ходе подготовки статьи было проведено интервьюирование практических сотрудников с целью выяснения вопроса о частоте применения

---

[4] См.: Соловьев А.Б. Очная ставка на следствии и в суде (процессуально - криминалистическое и судебно-психологическое исследование): дис. …. канд. юрид. наук. – М., 1968. С. 157.

очной ставки, в ходе которого был проанализирован пример серии очных ставок, проведенных по уголовному делу о даче и получении взятки. Субъектный состав трех очных ставок был следующим: Подозреваемый 1 (заместитель по тыловому обеспечению), Подозреваемый 3 (начальник исправительной колонии) и Обвиняемый (получатель взятки). Ключевой фигурант — Подозреваемый 2 — в ставках не участвовал, хотя именно на него Обвиняемый перекладывает часть эпизодов. Так, в очной ставке между Подозреваемым 1 и Обвиняемым возникает противоречие о количестве переданного топлива. Подозреваемый 1 настаивает: «Я передавал ему 5 раз дизельное топливо». Обвиняемый же заявляет: «Он передавал мне один раз дизельное топливо, в октябре 2023 года одну бочку». При этом Обвиняемый тут же ссылается на отсутствующего Подозреваемого 2, утверждая, что остальные четыре передачи осуществил именно он: «в марте 2024 года Подозреваемый 2... и после этого Подозреваемый 2 в августе 2024 года, декабре 2024 года, в марте 2025 года передавал по бочке дизельного топлива, итого 5 раз». Версия Обвиняемого достаточно удобна: он признает общее количество переданного топлива (5 бочек), но распределяет их так, чтобы минимизировать роль Подозреваемого 1 и переложить основную тяжесть на Подозреваемого 2, который в ставке не участвует и не может ни подтвердить, ни опровергнуть эти слова. В отсутствие Подозреваемого 2 проверить распределение эпизодов не представляется возможным. Таким образом, наличие трех раздельных протоколов не позволяет воспроизвести цельную картину. Полагаем, что в данной ситуации эффективнее было бы провести одну очную ставку со всеми участвующими лицами. Реакция участников на противоречия создала бы ситуацию психологического давления и либо заставила бы Обвиняемого отказаться от манипуляций, либо выявила бы заранее согласованную позицию участвующих лиц.

Экономия процессуального времени также очевидна: три ставки заняли несколько часов, а одна комплексная - один полноценный допрос, результаты которого обладали бы большей доказательственной ценностью[5].

---

[5] Пример приведен следователем следственного отдела по Оловяннинскому району СУ СК

В современных условиях количественный состав участников очной ставки требует пристального рассмотрения и с учетом новых технических возможностей – использования систем видео-конференц-связи (ВКС). Согласно ч. 1 ст. 189.1 УПК РФ следователь, дознаватель вправе провести очную ставку путем использования систем видео-конференц-связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, при наличии технической возможности с учетом правил, установленных УПК РФ. Увеличение количественного состава допрашиваемых участников очной ставки с использованием ВКС представляется нежелательным по причине сложности ее проведения данным способом.

Можно прийти к выводу о необходимости законодательного урегулирования проведения многосубъектной очной ставки. В настоящий момент ст. 192 УПК РФ не содержит прямого запрета производства такого следственного действия. Считаем целесообразным внести поправки в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, конкретизировав количественный состав участников рассматриваемого следственного действия.

РФ по Забайкальскому краю.

Криминалистические аспекты противодействия вербовке несовершеннолетних в качестве наркокурьеров через социальные сети и мессенджеры

Кунгурова Елизавета,
студент Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются криминалистические аспекты противодействия вербовке несовершеннолетних в качестве наркокурьеров через интернет-пространство, особенности вовлечения подростков в наркопреступления. Анализируются обстоятельства, при которых происходит вербовка подростков в мессенджерах и сложности выявления таких преступлений, дается краткая криминологическая характеристика подростков, вовлеченных в преступления по распространению наркотических средств. Предлагаются профилактические меры способные минимизировать вовлеченность подростков в наркопреступность.

Ключевые слова: вербовка несовершеннолетних для наркопреступлений, наркопреступления, мессенджеры, наркокурьеры, профилактические беседы, системы сканирования социальных сетей и мессенджеров.

В криминальной среде преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов являются достаточно распространёнными. За период с января по декабрь 2022 года было зарегистрировано 1966795[1] преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. В связи с появлением всемирной сети «Интернет» такого рода преступления стали совершаться гораздо чаще, способствовали этому несколько факторов. Первый — это появление даркнета, различных сервисов, благодаря которым в интернете появилась анонимность. Вторым аспектом стало отсутствие прямого контакта между продавцом и покупателем, в связи с

[1] Реформа образования 2025: главные изменения // Министерство науки и высшего образования РФ. — URL: https://minobrnauki.gov.ru/press/reforma-2025 (дата обращения: 20.01.2026).

этим появились новые роли, такие как операторы, кладмены, курьеры.

Особой проблематикой стало вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений связанных с незаконным оборотом наркотических средств. В данной научной статье будет произведен криминалистический анализ по противодействию вербовке несовершеннолетних в качестве курьеров через социальные сети и мессенджеры. Стоит отметить, что под криминалистическим анализом по противодействию вовлечения несовершеннолетних определяют деятельность, направленную на изучение механизмов вовлечения подростков в преступную деятельность, а также разработку методов предупреждения, раскрытия и расследования таких преступлений с использованием криминалистических средств и методик [2].

Актуальность обусловлена стремительным ростом вовлечения подростков в наркопреступность. Несовершеннолетние в попытках заработать быстрые деньги и с малой осведомленностью об ответственности за такие преступления, становятся уязвимым звеном в данной цепочке.

Понятие вербовки определяется в Постановлениях Пленумах Верховного суда РФ. Исходя из анализа можно сформулировать точное определение, что вербовка – это умышленные действия, направленные на вовлечение определённого лица (группы лиц) в совершение одного или нескольких преступлений, перечисленных в части 1 статьи 205.1 УК РФ (содействие террористической деятельности). К таким действиям относятся уговоры, подкуп, угрозы, убеждение, просьбы, предложения (в том числе через информационно-телекоммуникационные сети), применение физического воздействия, а также поиск лиц и их вовлечение в преступления[3].

Иное определение вербовки можно изложить как процесс целенаправленного подбора и привлечения людей к выполнению определенных

---

[2] См.: Григорович В.Л. Система криминалистических средств и методов противодействия преступности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2 (28). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-kriminalisticheskih-sredstv-i-metodov (дата обращения: 17.03.2026).

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (в ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

задач, предоставлению услуг либо участия в какой-либо деятельности в чужих интересах[4].

Действия по вербовке проходят в различных мессенджерах. Преступники, как правило, создают для себя персонаж, который в дальнейшем взаимодействует с подростками. Они детально придумывают историю его жизни, ведут отдельные аккаунты, всячески пытаются войти в доверие к несовершеннолетним, при помощи различных манипуляций обещают легкий заработок, осуществляют в сети игрофикацию заданий, социальное давление или при помощи угроз вовлекают несовершеннолетних в наркопреступления.

Л.С. Радькова указывает, что несовершеннолетние особенно уязвимы перед подобными манипуляциями из-за низкого уровня правовой грамотности, стремления к быстрому заработку и подверженности влиянию более значимых лиц. Проводя анализ криминологической характеристики молодого наркопреступника, можно отметить такие черты, как импульсивность, склонность к риску, зависимость от мнения окружения и размытость морально-этических ориентиров, что делает подростков лёгкой мишенью для вербовщиков[5].

Такие преступления имеют определённую сложность в расследовании, поскольку информационные следы, которые преступники оставляют после, не несут большой информации, часто для махинаций используются чужие аккаунты, VPN – сервисы или особое шифрование мессенджеров, которое не позволяет в полной мере найти все сведения о лице, вовлекающим несовершеннолетних в наркопреступления.

С целью противодействия вербовки подростков в преступления по распространению наркотических средств, стоит использовать комплексный подход, а именно:

---

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» (в ред. от 09.12.2025) // Российская газета. 2019. № 296.

[5] См.: Готчина Л.В. Криминологическая характеристика личности молодого наркопреступника // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-lichnosti-molodogoika (дата обращения: 17.03.2026).

Технико-криминалистические меры предполагают внедрение специализированных программ, которые позволят мониторить интернет-пространство и проводить анализ больших данных с целью выявления подозрительных паттернов коммуникации[6].

Речь идёт о системах автоматического сканирования соцсетей и мессенджеров на предмет ключевых слов и фраз, связанных с незаконным оборотом наркотиков («закладка», «курьер», «заработок», «вещество» и т. д.), а также об отслеживании финансовых транзакций, в т. ч. в криптовалюте. Такие инструменты позволяют выявлять закрытые группы и чаты с признаками преступной деятельности.

Тактико-криминалистические приёмы ориентированы на практическую реализацию следственных действий в цифровой среде. Сюда входит разработка чётких алгоритмов изъятия и фиксации цифровых следов с устройств подозреваемых — с соблюдением требований УПК РФ к сохранению целостности данных и оформлению протоколов.

Важным элементом тактики является проведение контролируемых закупок в онлайн-среде: имитация заинтересованности в «подработке», документирование предложений, фиксация способов передачи наркотиков и оплаты. Кроме того, применяются оперативно-розыскные мероприятия для внедрения в закрытые чаты и каналы: создание фейковых аккаунтов, перехват зашифрованных сообщений (при наличии судебного разрешения)[7].

Методико-криминалистические рекомендации направлены на создание единых методик расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, с учётом специфики

---

[6] См.: Фарахиева Г.Р. Влияние интернет-пространства на процессы вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Вестник СГЮА. 2021. № 5 (142). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-internet-prostranstva-na-protsessy-vovlecheniya-nesovershennoletnih-v-nezakonnyy-oborot-narkoticheskih-sredstv (дата обращения: 17.03.2026).

[7] См.: Жандров В.Ю. Проверочная закупка наркотиков в сети Интернет: формирование новой модели оперативно-розыскного мероприятия // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proverochnaya-zakupka-interneta (дата обращения: 20.03.2026).

вовлечения несовершеннолетних[8]. Важный аспект — разработка сценариев профилактических бесед с подростками и памяток для родителей по распознаванию признаков вербовки.

Профилактические меры нацелены на снижение уязвимости подростков перед манипуляциями преступников. Они включают: правовое просвещение в школах и онлайн-среде[9] (разъяснение уголовной ответственности за участие в наркообороте), внедрение программ цифровой грамотности (обучение основам кибербезопасности, распознавания мошеннических схем), создание анонимных каналов сообщения о случаях вербовки (горячие линии, чат-боты, формы обратной связи на сайтах МВД и Роскомнадзора), распространение информационных материалов через соцсети и мессенджеры (инфографика, видеоролики, кейсы). Дополнительно организуются тематические встречи с психологами и юристами для подростков и родителей, а также кампании в СМИ и соцсетях с участием блогеров и лидеров мнений. Проведенный анализ позволяет нам отметить высокую актуальность данной проблемы. Уязвимость подростков обусловлена комплексом социально-психологических факторов. Преступники развиваются и совершенствуются в интернет-пространстве, в связи с новыми потребностями несовершеннолетних. Сложности расследования таких преступлений связаны с особенностями цифровой среды: использованием VPN, шифрования, анонимных аккаунтов и криптовалют, что затрудняет идентификацию преступников и сбор доказательной базы. Комплексный подход позволит системно снижать уровень вовлечённости несовершеннолетних в наркопреступность, минимизируя условия, способствующие совершению данных противоправных деяний.

---

[8] См. по этому вопросу: Демидова-Петрова Е.В. Криминологическая безопасность несовершеннолетних в аспекте вовлечения в мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / Е.В. Демидова-Петрова, Е.В. Зотина.— DOI 10.17150/2500-4255.2025.19(3).264-273.— EDN LYKNVR // Всероссийский криминологический журнал. 2025. Т. 19. № 3. С. 264–273.

[9] См., например: Тимошина Е.М. Актуальные направления предупреждения правонарушений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-коммуникационных технологий // Вестник КРУ МВД России. 2023. № 4 (62). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-napravleniya-preduprezhdeniya-pravonarusheniy (дата обращения: 20.03.2026).

Тактика расследования легализации и отмывания средств, полученных преступным путем с использованием криптовалют: тактико-криминалистические основы идентификации лица, совершившего преступление

Панюшкина Анна Денисовна,
студент Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные проблемы расследования легализации преступных доходов с использованием криптовалюты. Анализируются правовые основы признания цифровых активов предметом преступлений, предусмотренных ст. 174 и ст. 174.1 УК РФ, а также современные способы их легализации (отмывания). Особое внимание уделено тактико-криминалистическим аспектам преодоления анонимности блокчейна. Автор обобщает правоприменительную практику, включая позицию Верховного Суда РФ о квалификации цепочки операций по обналичиванию как самостоятельного признака легализации. В работе подчеркивается необходимость комплексного подхода, сочетающего анализ ончейн-данных, использование специализированного программного обеспечения и совершенствование международного сотрудничества. Обосновывается вывод о важности разработки унифицированной криминалистической методики расследования данной категории преступлений.

Ключевые слова: криптовалюта, легализация преступных доходов, идентификация личности, цифровые следы, блокчейн-анализ.

Стремительное проникновение цифровых технологий во все сферы общественной жизни закономерно привело к трансформации способов совершения экономических преступлений. Криптовалюта, изначально позиционировавшаяся как инструмент свободного и анонимного обмена ценностями, сегодня прочно заняла место одного из ключевых элементов криминального финансового ландшафта. Как справедливо отмечают

исследователи, в частности О.Н. Васильева и М.М. Милованова, интерес преступного сообщества к цифровым инструментам объясняется их доступностью, скоростью проведения транзакций и, что самое важное для целей легализации, возможностью сокрытия реального получателя средств[1]. Авторы указывают, что для придания правомерного вида владению преступники все чаще прибегают к переводам криптовалюты между множеством кошельков, изменяя суммы и используя различные схемы конвертации. По данным официального сайта Верховного Суда РФ, количество уголовных дел, где криптовалюта фигурирует в качестве предмета преступного посягательства или инструмента легализации, неуклонно растет, что свидетельствует о необходимости совершенствования тактико-криминалистического обеспечения расследования данной категории преступлений[2].

Правовая основа для признания криптовалюты предметом легализации была сформирована относительно недавно. Существенную роль в этом сыграло дополнение, внесенное в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 года № 32, согласно которому предметом преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, могут выступать денежные средства, преобразованные из виртуальных активов, приобретенных в результате совершения преступления[3]. В развитие этой позиции Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...» закрепил, что для целей противодействия легализации цифровая валюта признается имуществом. Однако, как обоснованно полагают Я.Ю. Васильева и Д.А. Чугун, «изъятие криптовалюты из перечня объектов

---

[1] Васильева О.Н., Милованова М.М. Особенности установления и доказывания легализации (отмывания) денежных средств с использованием криптовалют // Евразийская адвокатура. 2023. № 6 (65). С. 68.

[2] Верховный Суд: криптовалюта все чаще становится объектом преступных посягательств: официальный сайт Верховного Суда РФ. 19 мая 2025. URL: http://vsrf.ru (дата обращения: 20.03.2026).

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем и финансированию терроризма» (в ред. от 26.02.2019) // Российская газета. 2015. 13 июля.

гражданских прав могло бы породить неопределенность и предоставить недобросовестным субъектам новые возможности для сокрытия преступных доходов»[4]. Несмотря на то, что криптовалюта не является официальным платежным средством, она обладает экономической ценностью и может быть объектом гражданского оборота, что подтверждается и судебной арбитражной практикой, допускающей широкое толкование категории «иное имущество»[5].

Ключевой проблемой, с которой сталкивается следствие при расследовании подобных дел, является идентификация лица, совершившего преступление. Это обусловлено самой природой технологии блокчейн. Как отмечают специалисты, движение активов в этой системе отображается условными кодами без привязки к конкретному лицу, что создает иллюзию полной анонимности. Однако криминалистическая практика идет по пути преодоления этой анонимности через комплексный анализ как ончейн-данных (записей в блокчейне), так и офчейн-информации. В этой связи важное значение приобретает понятие «цифрового следа», которое, как подчеркивается в современных криминалистических исследованиях, является основой для формирования доказательственной базы. К таким следам относятся не только записи о транзакциях, но и данные о геолокации, IP-адресах, IMEI-кодах устройств, используемых для доступа к криптокошелькам и биржам. О.Н. Тисен, детально исследующая методику обнаружения электронно-цифровых следов, отмечает, что успех расследования напрямую зависит от способности следователя установить связь между криптоадресом и криптобиржей, которая может располагать идентификационными данными пользователя. Именно поэтому централизованные биржи, требующие процедуру KYC (Know Your Customer), представляют собой уязвимое звено в цепи отмывания, в то время как использование децентрализованных площадок (DEX) и криптомиксеров

---

[4] Васильева Я.Ю., Чугун Д.А. Криптовалюта как предмет легализации преступных доходов // Искусство правоведения. The art of law. 2023. С. 5.

[5] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017.

значительно усложняет идентификацию[6].

Способы легализации с использованием криптовалют постоянно эволюционируют, приобретая все более изощренные формы. Традиционная схема, описываемая в научной литературе, включает три этапа: размещение «грязных» средств на криптокошельке, их «расслоение» через множество операций и последующую интеграцию в легальный финансовый оборот. Анализ материалов уголовных дел, приведенных в работах Дорж Энхтура и И.В. Хайрутдиновой, показывает, что на этапе расслоения преступники активно используют сервисы микширования, или миксеры, которые позволяют смешивать средства множества пользователей, фактически обрывая цепочку прослеживаемости. Более того, распространение получили транзакции CoinJoin, при которых смешивание происходит в рамках одной транзакции, что делает применение стандартных эвристик (например, о принадлежности всех входов одному лицу) неэффективным[7]. Зарубежные исследования, в частности работа Pascal Tippe и Christoph Deckers, подтверждают, что, несмотря на использование сложных методов обфускации, миксеры все же оставляют определенные паттерны поведения — такие как «peeling chains» (цепочечное распределение) или многокомпонентные транзакции, которые могут быть выявлены с помощью графового анализа[8]. Эти данные позволяют криминалистам реконструировать движение средств даже после их прохождения через миксер, что является значительным достижением современной цифровой криминалистики.

Принципиально важным для квалификации действий преступника является разграничение легализации и простого использования криптовалюты как средства платежа для конспирации преступной деятельности. Судебная

---

[6] См.: Тисен О.Н. Методика обнаружения, фиксации и изъятия электронно-цифровых следов по делам о преступлениях, совершенных с использованием криптовалют // Уголовное право. 2024. № 3. С. 74.

[7] См., например: Дорж Э., Хайрутдинова И.В. Проблемы легализации (отмывания) денежных средств через криптовалюту // Юридическая наука. 2021. № 2. С. 20.

[8] См.: Tippe P., Deckers C. Unmixing the mix: Patterns and challenges in Bitcoin mixer investigations // DFRWS EU 2025. ScienceDirect.

практика долгое время не имела единообразия в этом вопросе. Как справедливо замечают Я.Ю. Васильева и Д.А. Чугун, в одних случаях суды рассматривали операции по конвертации криптовалюты лишь как часть объективной стороны сбыта наркотиков, полагая, что обналичивание средств для личных нужд не образует состава легализации.

Важным ориентиром для правоприменительной практики стала позиция Верховного Суда РФ, сформулированная в одном из определений по делу о конвертации биткоинов. Фигурант обменивал криптовалюту на рубли через различные онлайн-обменники, после чего переводил средства на банковские карты третьих лиц. Суд разъяснил, что для квалификации действий как легализации вовсе не требуется доказывать факт последующего вовлечения средств в легальный экономический оборот. Состав преступления образует уже само совершение финансовых операций, направленных на придание правомерного вида владению имуществом. При этом избранный способ конвертации — дробление сумм, использование множества обменников и транзитных счетов — как раз и свидетельствует о наличии у лица такой цели. Тем самым Верховный Суд фактически признал, что сама по себе цепочка последовательных операций по обналичиванию криптовалюты может выступать самостоятельным криминалистическим признаком отмывания преступных доходов[9].

Криминалистически значимым элементом тактики расследования является также определение места и времени совершения преступления. Специфика технологии блокчейн заключается в отсутствии жесткой привязки транзакции к конкретному географическому месту и фиксированного времени в классическом понимании. Как отмечается в исследовании О.Н. Васильевой и М.М. Миловановой, местом преступления следует считать место расположения устройства, с помощью которого совершены противоправные действия по

[9] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 5-УД24-27-К2. Обзор судебной практики // REVERA Legal. 2025. URL: https://belarus.revera.legal (дата обращения: 20.03.2026).

управлению криптокошельком или конвертации активов[10]. Для установления времени совершения легализации первостепенное значение имеет получение информации от криптобирж и обменников о конкретных датах и часах проведения операций. Здесь вновь проявляется проблема международного сотрудничества: в условиях санкционного давления многие зарубежные площадки игнорируют запросы российских правоохранительных органов. В связи с этим особую актуальность приобретает использование отечественных разработок и сервисов, таких как «Личный кабинет правоохранительного органа», позволяющих осуществлять мониторинг транзакций и анализировать связи между криптоадресами.

В заключение следует отметить, что расследование легализации преступных доходов с использованием криптовалют представляет собой сложную, многогранную задачу, требующую от следователя понимания современных технологических процессов. Тактико-криминалистические основы идентификации преступника в данной сфере базируются на системном подходе, сочетающем анализ ончейн-данных, активное взаимодействие с централизованными криптобиржами, грамотное проведение следственных действий по изъятию цифровых следов и использование специализированного программного обеспечения. Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка унифицированной криминалистической методики расследования данной категории дел, которая учитывала бы как национальную специфику правового регулирования, так и международный опыт противодействия отмыванию доходов с использованием цифровых активов.

---

[10] См.: Васильева О.Н., Милованова М.М. Установление механизма преступлений, посягающих на оборот валютных ценностей, в процессе расследования // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки 2016. С 33-37.

Использование технологий искусственного интеллекта в деятельности следователя

Плужникова Екатерина Сергеевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются основные направления внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в следственную практику. Автор анализирует возможности использования ИИ для обработки массивов больших данных, распознавания образов и составления процессуальных документов. Особое внимание уделяется этическим и правовым проблемам, связанным с доказательственным значением результатов работы ИИ и вопросом «алгоритмической предвзятости». В статье раскрываются возможности использования искусственного интеллекта в профессиональной деятельности следователей, направленной на расследование преступлений, на современном этапе с учетом имеющихся преимуществ и недостатков. Современные ИИ-системы способны существенно повысить эффективность расследования и улучшить качество принимаемых решений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информационные системы, расследование преступлений, следователь, цифровизация, распознавание лиц.

Современное правовое поле определяет искусственный интеллект как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека»[1]. Схожее определение закреплено в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490, где уточняется, что результаты работы ИИ

[1] О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федер. закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17.

могут не только сопоставляться с человеческими, но и превосходить их[2]. Учитывая данный правовой контекст и условия стремительной цифровизации, технологии ИИ приобретают ключевое значение для правоохранительной сферы, позволяя автоматизировать рутинные операции и углубить анализ доказательственной базы.

Как отмечал Д.В. Бахтеев: «Криминалистика всегда отличалась высокой восприимчивостью к технологиям, потенциально полезным в выявлении и раскрытии преступлений, так что рассмотрение перспектив использования искусственного интеллекта должно представлять для нее интерес»[3]. Однако, по нашему мнению, искусственный интеллект представляет собой технологию нового уровня, объединяющую в себе как техническую составляющую, так и когнитивную, позволяя имитировать человеческий разум.

Искусственный интеллект (ИИ) активно используют в деятельности следователя и криминалиста. ИИ помогает решать диагностические и идентификационные задачи быстрее и точнее, что важно при работе с большими объёмами данных в современных расследованиях.

Выделяют такие основные направления использования искусственного интеллекта в деятельности следователя, как:

-анализ изображений с места преступления (ИИ может определить, какое оружие или инструмент использовались для его совершения);

-распознавание лиц (система сопоставляет конкретное лицо, полученное из видеопотока, с имеющимися в базе изображениями лиц, находящихся в розыске);

-анализ видеозаписей и аудиозаписей (системы ИИ автоматизируют идентификацию лиц, распознавание объектов и определение подозрительных действий. Системы автоматического распознавания речи позволяют быстрее находить ключевые моменты в разговорах и связывать их с преступной

---

[2] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41.

[3] Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2 (104). С. 43-49.

деятельностью);

-классификация и распознавание объектов и событий (например, определение связей между членами преступной группы или группового знания)[4].

Наряду с общими направлениями внедрения искусственного интеллекта, в следственной практике выделяют специализированные информационные системы и программы, функционирующие на базе ИИ-технологий, это такие как:

-анализатор серийных убийств «Маньяк» - в специальную таблицу вводят значимые данные с места преступления, характеристики жертвы (пол, возраст), орудие убийства и вид нападения. Искусственный интеллект просчитывает все возможные варианты и выдаёт наиболее верный. Так, следователь может выдвинуть одну из версий и сузить круг подозреваемых (например, благодаря системе «Маньяк» удалось поймать «ангарского маньяка» Михаила Попкова, совершившего более 80 убийств в Иркутской области в период с 1992 по 2011 год)[5].

-геоинформационная система «Зеркало» - содержит статистические и пространственные данные о преступлениях, отображает на карте места преступлений, привязывает к ним обстоятельства. Это помогает выявлять шаблоны в работе преступника, например, по серии эпизодов «Зеркало» может спрогнозировать вероятный район проживания серийного преступника или наиболее вероятные маршруты его перемещения;

-система «Блок» — помогает установить способы хищений и других экономических преступлений;

-Российское ПО «Спрут» -помогает выявлять организованную преступность, устанавливает скрытые связи между участниками преступных группировок. Анализирует фигурантов, посредников, их контакты, кодовые

[4] См.: Вехов В.Б. Автоматизированные методики расследования преступлений как новое направление в криминалистической технике // Известия тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 3-2. С. 8–11.

[5] Бастрыкин рассказал о секретной технике для расследования преступлений // Российская газета. 2016. № 236 (7104).

слова в переговорах и другие косвенные признаки, которые вручную отследить сложно. Например, в 2009 году сообщалось, что директор муниципального унитарного предприятия «Ленский информационно-технический центр» Антон Глотов с апреля 2008 года по январь использовал ПО «Спрут», вмонтированное во внутреннюю телефонную сеть местной администрации, для прослушивания и записи разговоров главы районной администрации Сергея Высоких и его заместителей. По этому факту было возбуждено уголовное дело по статье 138 УК РФ — нарушение тайны телефонных переговоров граждан с использованием своего служебного положения[6].

Таким образом, можно сделать вывод, что внедрение интеллектуальных систем в работу следователя трансформирует процесс доказывания, дополняя его мощными аналитическими инструментами. Переход от ручного поиска информации к автоматизированному моделированию преступной деятельности и прогностическому анализу позволяет минимизировать следственные ошибки и более эффективно противодействовать современным формам организованной преступности.

Наряду с вышеизложенными преимуществами, следует выделить конкретное тактическое значение ИИ-технологий, определяющее методику формирования доказательственной базы и стратегию изобличения преступников:

1) установление характеристик серийных преступлений и преступлений, совершённых организованными преступными группами - ИИ может решать задачи распознавания и классификации преступления;

2) создание единой картины происшествия - системы ИИ могут выступить в качестве элемента систем поддержки или принятия решений;

3) использование «процессуальных фильтров» - ИИ может предупредить следователя о нарушении условий осуществления действий в рамках следствия

---

[6] Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 28.06.2012 № 11-11970 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 13.02.2026).

или о получении информации вне таких рамок[7].

Следует подчеркнуть, что искусственный интеллект сегодня становится неотъемлемым элементом технико-криминалистического обеспечения следственной деятельности. Преимущества ИИ в части оперативной обработки больших данных, точности идентификации и возможности прогностического моделирования позволяют существенно повысить раскрываемость преступлений, в том числе совершенных в условиях неочевидности.

[7] См.: Скобелин С.Ю. Цифровая криминалистика: объект и направления развития // Российский следователь. Издательская группа «Юрист». 2020 № 4. С. 42–44.

Криминалистическая характеристика хищений криптоактивов: проблемы доказывания в условиях децентрализации

Ракова Светлана Владиславовна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Рыбаков Александр Александрович,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматриваются особенности криминалистической характеристики хищений криптовалютных активов. Анализируются способы совершения данных преступлений, личность преступника и потерпевшего, обстановка и предмет посягательства. Особое внимание уделено проблемам доказывания, обусловленным децентрализованной природой блокчейна и анонимностью транзакций. Исследуются правовые позиции судов, возможности использования специальных знаний, а также вопросы международного сотрудничества. Сформулированы предложения по повышению эффективности расследования.

Ключевые слова: хищение криптовалюты, блокчейн, доказывание криминального происхождения криптовалюты, принадлежность криптовалюты конкретному лицу, компьютерно-техническая экспертиза.

Цифровая трансформация экономики повлекла формирование нового класса активов — криптовалют. Повышенная ликвидность и трансграничность сделали их привлекательным объектом для преступных посягательств.

В российском законодательстве криптовалюта получила легальное признание в качестве имущества с принятием Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1]. Однако правоприменительная практика сталкивается с

[1] Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5018.

трудностями, обусловленными децентрализованной природой технологии[2].

Криминалистическая характеристика хищений. Основным элементом выступает предмет преступного посягательства. С юридической точки зрения, цифровая валюта признается имуществом. Судебная практика подтверждает данное суждение: в Определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 1 июля 2021 года указано, что наличие запрета на оплату товаров криптовалютой не свидетельствует об отсутствии у нее признаков имущества. Таким образом, хищение криптоактивов — новая категория преступлений, криминалистическая характеристика которой находится в стадии формирования. Децентрализованная природа блокчейна создает препятствия для традиционного доказывания. Успех расследования зависит от уровня технической компетенции следователей, активного использования блокчейн-аналитики и судебной экспертизы, а также от налаженного международного сотрудничества. Требуется дальнейшая научная разработка частных криминалистических методик.

Предметом хищения выступают как криптоактивы, так и закрытые ключи, предоставляющие доступ к ним.

Способ совершения преступления является центральным элементом. Анализ литературы позволяет провести классификацию на несколько групп[3].

Первая группа — хищение путем неправомерного доступа к криптоактивам: фишинг, использование вредоносного программного обеспечения, взлом бирж.

Вторая группа — мошенничество с использованием социальной инженерии: создание фейковых инвестиционных платформ - проектов, направленных на получение денежных средств посредством обмана

---

[2] См.: Гайсин Н.И. Характеристика способов совершения хищений криптовалютных активов / Н.И. Гайсин. - DOI 10.17150/2411-6122.2025.3.30-39 // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2025. № 3. С. 30–39.

[3] См. по этому вопросу: Гайсин Н.И. К вопросу о необходимости криминалистического обеспечения расследования хищений криптовалютных активов / Н.И. Гайсин. - DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.24.15 // Вестник Института права Башкирского государственного университета, 2024, № 4(24). С. 154–160.

пользователей платформы.

Третья группа — хищения с применением насилия (разбой, вымогательство).

Четвертая группа — использование уязвимостей смарт-контрактов и протоколов DeFi[4].

Ключевой характеристикой выступает обстановка совершения преступления, а именно: использование сети «Интернет». Транзакции проходят в децентрализованной сети, не подчиняющейся объективному регулятору, что стирает географические границы юрисдикции. Лиц, совершающих хищения, можно разделить на профессиональных киберпреступников (действующих в составе организованных групп) и мелких мошенников. Общим признаком является высокая степень анонимности. Потерпевшими выступают как физические, так и юридические лица, обладающие криптовалютой.

Процесс доказывания сталкивается с серьезными вызовами. Прежде всего, это проблема установления принадлежности криптовалюты конкретному лицу. В блокчейне существуют лишь адреса — хешированные последовательности символов. Для доказывания необходимо связать адрес с лицом через изъятие цифровых следов с устройств (файлы кошельков, переписки, IP-адреса)[5]. Ключевой особенностью является двойственная природа анонимности. Сама технология построена на принципе псевдонимности. Однако «мостом» между анонимным миром и реальным сектором выступают централизованные биржи с процедурой KYC (Know Your Customer). Запросы о предоставлении KYC-данных становятся важнейшим следственным действием. В судебной практике защита нередко оспаривает принадлежность адреса, заявляя, что ключи могли быть скопированы

---

[4] См., например: Шнейдерова Д.И. Хищения в сфере оборота криптовалюты в структуре киберпреступлений: виды, проблемы расследования (белорусский опыт) / Д.И. Шнейдерова. - DOI 10.37973/VESTNIKKUI-2024-58-20 // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 4 (58). С. 161–170.

[5] См. также: Шнейдерова Д.И. Криминалистический анализ способов хищений в сфере оборота криптовалют / Д.И. Шнейдерова - DOI 10.51980/2542-1735_2020_2_41 // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 41–48.

злоумышленниками. Суды в таких случаях принимают во внимание совокупность доказательств[6].

Другая проблема — высокая латентность и трансграничный характер. Украденные средства мгновенно переводятся через десятки кошельков, конвертируются в фиат на биржах в других юрисдикциях. Это требует оперативного международного взаимодействия, однако запросы о правовой помощи обрабатываются длительное время. Доказывание умысла и преступного происхождения доходов также затруднено. В российской практике суды кассационной инстанции отменяли приговоры по ст. 174.1 УК РФ, если следствие не могло доказать, что криптовалюта получена в результате конкретного преступления[7].

Проблема фиксации и изъятия доказательств требует особого внимания. Электронные доказательства (логи, скриншоты) требуют особого порядка заверения. Особую сложность представляет наложение ареста на криптоактивы. Принудить подозреваемого передать ключи невозможно без его согласия. Анализ правоприменительной практики, проведенный М.М. Долгиевой, свидетельствует о трудностях квалификации. Так, в одном из дел суд признал криптовалюту предметом хищения, хотя на момент преступления ее правовой статус определен не был[8]. Опросы сотрудников показывают: 81% респондентов считают, что действующих норм УК РФ недостаточно. Основные сложности связаны с необходимостью компьютерно-технических экспертиз (41%) и отсутствием специальных навыков у сотрудников (37%).

Таким образом, хищения криптоактивов — новая категория

---

[6] См.: Махтюк С.О. Преступления с криптовалютой: проблемы доказывания и применения обеспечительных мер / С.О. Махтюк // Уголовный процесс. 2023. № 11. URL: https://e.ugpr.ru/1062152 (дата обращения: 08.03.2026).

[7] См.: Долгиева М.М. Социальная обусловленность возникновения уголовно-правовых запретов нарушений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты / М.М. Долгиева // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10 (95) С. 225–235. - DOI: 10.17803/1994-1471.2018.95.10.225-235.

[8]См. также: Долгиева М.М. Противодействие легализации преступных доходов при использовании криптовалюты / М.М. Долгиева // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 213–218.

преступлений, криминалистическая характеристика которой находится в стадии формирования. Децентрализованная природа блокчейна создает препятствия для традиционного доказывания. Успех расследования зависит от уровня технической компетенции следователей, активного использования блокчейн-аналитики и судебной экспертизы, а также от налаженного международного сотрудничества. Требуется дальнейшая научная разработка частных криминалистических методик.

Процессуальные и криминалистические проблемы применения нетрадиционных методов расследования: грань между инновацией и лженаукой

Соломин Арсений Андреевич,
студент Саратовской государственной юридической академии Института прокуратуры, г. Саратов

Камнева Алёна Андреевна,
студент Саратовской государственной юридической академии Института прокуратуры, г. Саратов

Аннотация: В статье исследуется специфика применения нетрадиционных криминалистических методов при раскрытии неочевидных преступлений. Анализируется классификация данных приемов на заимствованные, имманентные и маргинальные. Проанализирован дискуссионный процессуальный статус полиграфа и следственного гипноза. Обоснована недопустимость интеграции паранаучных практик, нарушающих принцип законности судопроизводства. Подчеркивается, что интеграция инновационных средств расследования требует их строгой научной и процессуальной проверки.

Ключевые слова: нетрадиционные методы расследования, допустимость доказательств, полиграф, следственный гипноз, достоверность доказательств, полученных путем гипноза или полиграфа.

Анализ современной следственной и судебной практики позволяет сделать вывод о том, что традиционных методов криминалистики зачастую оказывается недостаточно для раскрытия сложных и неочевидных деяний.

Особую обеспокоенность вызывают серийные убийства, действия преступников при которых спонтанны, необъяснимы и с трудом поддаются прогнозированию, вследствие чего до 70% подобных преступлений могут оставаться нераскрытыми[1]. Необходимость преодоления следственных тупиков

[1] См.: Кутовой А.С., Удалов М.И. Методика расследований серийных убийств // Актуальные

и дефицита доказательственной базы толкает правоохранительные органы к поиску новых средств, что актуализирует проблему использования так называемых нетрадиционных методов расследования.

Прежде чем оценивать эффективность таких инноваций на практике, необходимо разобраться в их теоретической сущности. Так, в работе А.В. Шмелёвой указано: «под нетрадиционными методами раскрытия и расследования преступлений в криминалистической литературе понимаются методы, результаты которых широко не вошли в следственную практику, не апробированы, не обобщены, не проанализированы, научная обоснованность которых вызывает сомнение и критику»[2]. Данные методы применяются преимущественно в единичных, исключительных следственных ситуациях и не закреплены в качестве постоянных рабочих инструментов уголовно-процессуального доказывания.

Несмотря на отсутствие жесткого процессуального закрепления, многообразие подобных приемов требует их научного упорядочивания. Значимую роль для понимания природы исследуемого явления играет классификация нетрадиционных методов, предложенная профессором Т.С. Волчецкой, которая разделяет их на три самостоятельные группы, исходя из критерия сферы знания.

Первая группа объединяет методы, являющиеся нетрадиционными непосредственно для уголовно-процессуальной сферы, однако получившие серьезную научную разработку и достаточную апробацию в смежных отраслях знания. В качестве наиболее ярких примеров здесь выступают криминалистическая гипнология и хронобиология (биоритмология).

Вторая группа включает в себя методы, возникшие в недрах самой криминалистики, но в силу комплекса причин процессуального, этического или технического характера пока не получившие статуса общепризнанных. К этой

вопросы развития современного общества. Т. 2. 2014. С. 456.

[2] Шмелёва А.В. К вопросу применения нетрадиционных психологических методов в раскрытии и расследовании преступлений // Цифровая наука. 2020. №. 6. С. 168.

категории относятся криминалистическая одорология и психофизиологические исследования с применением полиграфа.

Третья группа состоит из методов, развивающихся вне рамок официальной науки. Они проистекают из недр околонаучного знания и зачастую носят мистический или иррациональный характер. К таковым относят использование парапсихологии, астрологии, физиогномики, экстрасенсорики и биолокации[3].

Очевидно, что методы третьей группы находятся за пределами уголовно-процессуального доказывания, в то время как отдельные приемы из первых двух категорий активно претендуют на легализацию. В этой связи особый научный и практический интерес представляют инновации, балансирующие на грани процессуальной допустимости, в частности, полиграф и следственный гипноз. Хотя в отечественной следственной практике полиграф активно применяется более двух десятилетий, правовой статус результатов его тестирования остается дискуссионным. Как справедливо отмечает ряд исследователей, «наша страна на данный момент находится перед выбором – либо сделать заключение полиграфолога прямым доказательством, либо отказаться от данной экспертизы, либо же оставить заключение полиграфолога косвенным доказательством»[4]. Это обусловлено тем, что регистрируемые полиграфом психофизиологические реакции не обладают специфичностью и не содержат признаков, однозначно указывающих на истинность или ложность показаний.

Еще более острую полемику вызывает перспектива легализации следственного гипноза. Зарубежный опыт демонстрирует впечатляющие результаты данного метода. Мировой опыт расследования преступлений (в частности, практика США и Израиля) свидетельствует, что применение гипноза позволяет извлечь из травматической амнезии потерпевших от 65 до 90

[3] См.: Волчецкая Т.С. Методы познания в уголовном судопроизводстве: современные проблемы // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе: матер. Всерос. науч.-практ. конф. 2002. С. 34.

[4] Шилин Д.Н. Правовое регулирование применения полиграфа в уголовном процессе России и за рубежом // Рецензент. 2017. С. 341.

процентов новых сведений, критически важных для следствия[5].

Вместе с тем, представители процессуальной науки формулируют жесткие контраргументы против внедрения гипнологии в систему доказывания. В работе А.В. Шмелёвой указывается: «человек в состоянии гипноза способен перевоплотиться в иную личность (многолетние опыты гипнолога В.Л. Райкова доказали это), а также может фантазировать и выказывать полную подчиняемость командам гипнотизера»[6]. Кроме того, находясь под воздействием специалиста, допрашиваемый теряет свободу воли и способность к критической оценке ситуации, фактически превращаясь из полноправного субъекта уголовного процесса в бесправный объект манипуляции. Позицию процессуалистов предельно жестко выразил академик В.Н. Кудрявцев, который квалифицировал применение гипноза и психотропных средств к допрашиваемому как незаконное действие, прямо подпадающее под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ («Принуждение к даче показаний»)[7].

Однако если дискуссии вокруг полиграфа и гипноза ведутся все же в рамках научного поля, то методы третьей группы вызывают однозначное отторжение. На фоне объективных сложностей расследования в юридической литературе и следственной практике периодически возникают попытки легализовать помощь экстрасенсов, ясновидящих и парапсихологов. Отдельные авторы предлагают привлекать подобных лиц для розыска пропавших объектов, идентификации преступников или так называемой «экспресс-диагностики криминальной ситуации». Однако подобный подход встречает жесткую, фундаментально обоснованную критику со стороны научного сообщества. Представители научного сообщества, в частности А.М. Ларин, А.Г. Филлипов, С.А. Шейфер, категорично осуждают подобные тенденции, называя

---

[5] См.: Шоинбеков А.С. Нетрадиционные методы выявления и расследования преступлений // Рецензент. 2017. С. 342-343.

[6] Шмелёва А.В. К вопросу применения нетрадиционных психологических методов в раскрытии и расследовании преступлений // Цифровая наука. 2020. №. 6. С. 171.

[7] См.: Шоинбеков А.С. Указ. соч. С. 343.

их «паракриминалистикой» и «средневековым мракобесием». Подчеркивается, что внедрение околонаучных методов извращает суть доказывания, ведет к нарушению прав участников судопроизводства и подрывает законность расследования[8].

Подобная категоричность современных исследователей не случайна, поскольку она опирается на исторические основы отечественного права. Еще в XIX веке выдающийся юрист И.Я. Фойницкий сформулировал постулат о том, что «уголовный процесс должен категорически исключать доказывание обстоятельств, несовместимых с известными законами природы и базирующихся на иррациональных, сверхъестественных началах»[9].

Таким образом, если околонаучные методы подлежат безоговорочному исключению из следственной практики, то использование любых инновационных средств расследования — от психофизиологических исследований с применением полиграфа и методов хронобиологического тактического воздействия до высокотехнологичных методик, таких как криминалистическая томография («виртуальная» аутопсия) — требует строжайшей оценки через призму статьи 75 УПК РФ.

Суть данного требования заключается в том, что любые данные, полученные нетрадиционным путем, должны отвечать фундаментальному принципу допустимости доказательств. Уголовно-процессуальный закон императивно устанавливает, что доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми, не имеют юридической силы, не могут быть положены в основу обвинения и выступать средством подтверждения обстоятельств дела.

Соответственно, новые методы познания могут быть интегрированы в криминалистическую тактику и методику расследования исключительно после их глубокого теоретического обоснования и всесторонней практической

---

[8] См.: Ардашев Р.Г., Туркова В.Н. Проблемные вопросы нетрадиционных методов в криминалистике // Закон и право. 2018. №. 6. С. 131; Смолькова И.В. Нетрадиционные методы раскрытия и расследования преступлений с позиции процессуалиста // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2017. №. 1 (1). С. 61, 65.

[9] Смолькова И.В. Указ. соч. С. 64.

апробации. Лишь объективная проверка эффективности, надежности и достоверности получаемой информации способна гарантировать защиту уголовного судопроизводства от фатальных судебных ошибок и привлечения к ответственности невиновных лиц.

При этом главным критерием в ходе такой проверки выступает научная состоятельность. Анализ теории и следственной практики показывает, что разграничительная линия между подлинной инновацией и лженаукой пролегает строго в плоскости естественно-научной обоснованности применяемого метода. Наглядным примером служит геномная регистрация ДНК (ДНК-идентифицирование), которая на начальных этапах своего развития являлась новаторским, нетрадиционным методом, а в настоящее время выступает в качестве одного из самых мощных и надежных инструментов раскрытия серийных преступлений[10]. Аналогичный путь проходят и другие научно обоснованные технологии, последовательно доказывающие свою валидность.

Следует отметить, что повышение эффективности борьбы с преступностью, безусловно, составляет одну из важнейших государственных задач в условиях усложнения криминогенной обстановки. Тем не менее, данная задача не может и не должна решаться ценой нарушения уголовно-процессуального закона, посягательства на права человека и подмены достижений подлинной науки антинаучными рекомендациями. Внедрение любых новых методов должно базироваться на прочном фундаменте объективных знаний, законности, нравственности и уважения к личности.

---

[10] См.: Казанов А.А. ДНК-идентифицирование, как нетрадиционный метод раскрытия и расследования серийных убийств // Вопросы права. 2023. №. 1. С. 31-33.

Особенности методики при расследовании киберпреступлений

Царькова Лика Владиславовна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Статья посвящена методике расследования киберпреступлений в условиях стремительной цифровизации преступной деятельности. Анализируются ключевые проблемы раскрытия киберпреступлений, связанные с использованием преступниками средств анонимизации, трансграничным характером правонарушений и сложностью формирования доказательственной базы. Особое внимание уделяется специфике цифровых следов как доказательств, требованиям к их фиксации и исследованию в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством РФ. Рассматриваются методы идентификации цифровых профилей преступников через корреляционный анализ разнородных данных. Обосновывается необходимость модернизации экспертной инфраструктуры, развития международного сотрудничества и привлечения технических специалистов на всех этапах расследования.

Ключевые слова: киберпреступления, цифровые следы, методика расследования, судебная криминалистика, цифровые доказательства, анонимизация в киберпространстве.

Стремительное усложнение цифровой среды привело к тому, что традиционные методики расследования преступлений оказались недостаточными для эффективного противодействия киберугрозам. Преступность, существовавшая ранее преимущественно в физическом пространстве, во многом переместилась в виртуальную среду, где технологии обеспечивают преступникам анонимность, трансграничность, распределённость действий и высокую скорость совершения противоправных актов. Именно в этой сфере методика расследования приобретает особое значение как комплексная система криминалистических, оперативно-разыскных,

организационных и технических средств.

Современные киберпреступники используют сложные технологические инструменты, позволяющие минимизировать вероятность обнаружения и идентификации. Как справедливо подчёркивает В.В. Решетихин, «злоумышленники всё чаще прибегают к инструментам, скрывающим их личность, — анонимным сетям, VPN-сервисам, цифровым валютам и защищённым мессенджерам, что существенно осложняет установление личности преступника и его местонахождения»[1]. Подобные средства маскировки создают значительные трудности в формировании доказательственной базы, что требует тщательного соблюдения методики выявления, фиксации и последующего исследования цифровых следов.

Судебная криминалистика отмечает, что цифровые следы обладают принципиальной особенностью, файлы могут быть изменены автоматически, перезаписаны без участия пользователя, удалены системными процессами или утрачены вследствие шифрования дисков.

Сложность методики расследования обусловлена и тем, что киберпреступления часто носят распределённый характер: хостинг преступного ресурса может находиться в одной юрисдикции, администратор в другой, а жертвы в третьей, что требует активного международного сотрудничества.

Особое значение для методики анализа киберследов имеет принцип комплексности: цифровые данные редко существуют изолированно, и для их оценки требуется сопоставление информации из различных источников: сетевых журналов, переписки, конфигураций оборудования, данных мобильного оператора, IP-логов и др. После сопоставления формируются цепочки событий, позволяющие реконструировать поведение субъекта. При этом каждое действие должно быть строго зафиксировано с соблюдением требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[2].

---

[1] Решетихин В.В. Проблемы расследования преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник криминалистики. 2023. № 4 (76). С. 15–22.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 51. Ст. 4804.

Одним из фундаментальных принципов современной методики расследования киберпреступлений является незамедлительное установление источников цифровых данных и их фиксирование с соблюдением строгих процессуальных требований. При изъятии электронных носителей следователь обязан обеспечить сохранность их первоначального состояния, применяя методы судебно-экспертного копирования на уровне битовой структуры[3]. В противном случае защитник может заявить ходатайство о признании полученных сведений недопустимыми доказательствами, указывая на возможность изменения данных вследствие обычного запуска устройства или системных процессов.

Особенности расследования также включают идентификацию цифровых профилей преступника. Цифровая личность формируется множеством онлайн-следов: уникальными идентификаторами приложений, временем активности, шаблонами поведения, цифровыми отпечатками браузеров, параметрами сетевого оборудования. В условиях анонимизации, применяемой преступниками, следователь вынужден использовать методы корреляционного анализа, сопоставляя данные из разнородных источников, от сетевых логов до метаданных файлов. Нередко идентификация осуществляется не по прямым признакам, а по косвенным, например по времени публикации, последовательности действий в сети, характеру ошибок при вводе текста, паттернам взаимодействия с интерфейсами.

Эффективность криминалистической методики расследования киберпреступлений во многом подтверждается судебной практикой, которая демонстрирует, как именно цифровые доказательства становятся основой установления фактических обстоятельств дела.

Показателен пример из судебной практики: дело № 1-428/2024 Шадринского районного суда Курганской области, где подсудимый обвинялся по ч. 3 ст. 159.6 УК РФ (мошенничество в сфере компьютерной информации).

---

[3] См.: Решетихин В.В. Методика использования специальных знаний при расследовании киберпреступлений экстремистской направленности: современные вызовы и перспективы. — СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2025. С. 14.

Следствие установило, что обвиняемый осуществлял рассылку фишинговых сообщений через Telegram-каналы, перенаправляя пользователей на поддельный интерфейс мобильного банка, после чего похищал их денежные средства. Ключевые доказательства были получены в результате анализа мобильного телефона подсудимого, включая историю действий в браузере, переписку, метаданные фотографий и данные об использовании VPN-сервисов, что позволило связать аккаунты Telegram с конкретным устройством и лицом[4].

Эта практика демонстрирует ключевой тезис современной криминалистики: цифровые доказательства становятся самостоятельным и высоконадежным видом сведений, при условии строго процессуального обращения и документирования, что полностью соответствует подходам, закреплённым в российском уголовно-процессуальном законодательстве.

Для следователя ключевым вызовом становится невозможность прямой идентификации субъекта по стандартным цифровым следам. Маршрутизация трафика в darknet, многократное шифрование, маршруты через узлы Tor и отказоустойчивые серверы существенно осложняют установление IP-адресов, точного времени действий и геолокации преступника. Именно поэтому в научной литературе подчёркивается, что «темный интернет стал популярной платформой для мошенников, террористов, торговцев нелегальной продукцией и распространителей запрещённого контента, где любое соединение труднее отследить из-за сложной маршрутизации и многократного шифрования»[5].

Эта характеристика отражает один из ключевых элементов: неопределённость цифровой среды требует от следователя высокой компетентности, умения работать с анализом сетевой топологии, декодированием шифрованных сессий, реконструкцией маршрутов, анализа логов скрытых сервисов. Однако на практике такие знания есть лишь у ограниченного числа экспертов, что существенно снижает оперативность

---

[4] Приговор Шадринского районного суда Курганской области от 25.12.2024 по делу № 1-428/2024 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.02.2026).

[5] Моторова А.В., Мефодьева К.В., Плясунова Е.С. Особенности раскрытия киберпреступлений: проблемные аспекты. Чебоксары: ЧГУ им. И.Н. Ульянова, 2025. С. 2.

расследования.

Существенную роль в повышении эффективности расследования играет участие технических специалистов на всех этапах следствия — от первоначального осмотра цифровых устройств до проведения программно-технических и ситуационных экспертиз. Применение методов моментального анализа данных мобильных устройств, включая экспресс-анализ с использованием программно-аппаратных комплексов, позволяет значительно сократить временные затраты на сбор доказательств и повысить оперативность реагирования.

Таким образом, проблемная природа раскрытия киберпреступлений обусловлена не только технологической сложностью цифровой среды, но и необходимостью пересмотра организационных моделей работы следствия. Требуется системная модернизация кадровой, технологической и экспертной инфраструктуры, развитие межведомственного сотрудничества, внедрение инновационных программно-аппаратных решений и усиление международной кооперации в сфере обмена цифровыми доказательствами.

Цифровые следы как объект криминалистического исследования и средство идентификации личности в информационном пространстве

Юмакаева Софья Эдуардовна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Манзуллина Милена Маратовна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматриваются особенности трансформации криминалистического института следа в условиях цифровизации современного общества. Анализируется эволюция криминалистики как юридической науки и обосновывается необходимость расширения традиционного понимания следов преступления с учетом нематериальной природы цифровой среды. Особое внимание уделяется понятию и характеристикам цифровых (виртуальных) следов, механизмам их образования, хранения и закрепления в информационном пространстве. Исследуются проблемы идентификации личности по цифровым следам, образующимся при использовании интернет-платформ и информационных технологий. Делается вывод о необходимости дальнейшего развития теоретических и прикладных основ цифровой криминалистики в целях повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий.

Ключевые слова: криминалистика, цифровые следы, след преступления, цифровизация, информационные технологии, идентификация личности, интернет-преступления.

Стремительное развитие информационных и цифровых технологий в XXI веке оказало существенное влияние на все сферы общественной жизни, включая правовую систему и деятельность правоохранительных органов. Усложнение форм социальной коммуникации, расширение цифрового пространства и трансформация способов совершения преступлений обусловили

необходимость переосмысления традиционных криминалистических категорий и методов расследования. В этих условиях особую актуальность приобретает проблема адаптации криминалистической науки к новым реалиям, связанным с переносом значительной части преступной деятельности в информационную среду.

Одним из ключевых направлений развития современной криминалистики становится исследование цифровых следов как особого вида криминалистически значимой информации. Целью настоящей статьи является анализ трансформации криминалистического института следа в условиях цифровизации общества, а также рассмотрение основных подходов к идентификации личности по цифровым следам, образующимся в информационном поле.

XXI век по праву считают «веком цифровых и информационных технологий»[1]. По данным ТАСС, около 40 % от всех преступлений, совершаемых в России, совершаются в сфере информационных технологий или так или иначе связаны с использованием достижений науки и техники.

Криминалистика как юридическая наука существует в России уже более 100 лет. Традиционно насущным вопросом криминалистики являются особенности и закономерности возникновения, собирания, исследования и оценки доказательств, и их дальнейшее практическое применение. Глубинные истоки современной криминалистики все еще прочно связаны с основополагающей, отечественной советской криминалистикой, но на практике мы все чаще отходим от традиционных приемов и способов собирания, исследования и оценки доказательств.

Фундаментальным институтом в криминалистической практике по праву можно считать «след». Понятие следа раскрывается в российской доктрине с различных точек зрения. Советский и российский криминалист Р.С. Белкин отмечал: «Следами преступления можно считать любые изменения среды,

[1] Коровников А.Л., Колениченко В.В. Электронные доказательства в системе процессуальных источников доказательств в уголовном производстве // Государственная служба и кадры. 2023. № 4. С. 65.

возникшие в результате совершения в той среде преступления»[2]. Криминалист Н.П. Майлис считала следом преступления любое материальное отображение свойств вещей и процесса следообразования, которое позволяет судить об этих свойствах и использовать их в процессе идентификации и диагностики. Однако в настоящее время категория «след» не может ограничиваться лишь пределами материального мира[3]. В условиях цифрового общества и появления информационного поля «следы» преступлений, связанных с использованием информационных технологий, потеряли материальную «оболочку» - так называемые «виртуальные» следы, которые хоть и не характеризуются наглядностью, но непременно отражают деятельность пользователя в информационном поле.

Основной задачей при расследовании преступлений в сфере информационных технологий или преступлений, совершенных с использованием интернет-платформ, является установление факта совершения определенных незаконных действий конкретным лицом, что на практике может вызвать затруднения: в цифровом пространстве невозможно изъять вещественные доказательства, отпросить свидетелей, провести обыск и т. п.

Современные условия использования цифровых технологий в большинстве своем обеспечивают некоторую анонимность пользования ресурсами и данными информационных сетей, гарантируют свободный доступ к различным платформам, позволяют «находиться» сразу на нескольких сайтах, при этом обеспечивая общедоступность и свободный «вход» пользователей[4]. Несмотря на это, относительно непродолжительная криминалистическая практика уже позволяет сформировать общие основы исследования следов при совершении преступлений с использованием информационных технологий.

---

[2] Муратова Н.Г., Сергеев М.С. Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: отечественный и зарубежный опыт: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. С. 79-92.

[3] См.: Хужин М. Использование интернет-доказательств в уголовном процессе //Адвокатская газета. 2020. № 20. С. 65.

[4] См.: Ревенко Н.И. Материальные и электронно-цифровые следы как элемент криминалистической характеристики мошенничеств, совершенных способом «Ваш родственник попал в беду» // Юридические исследования. 2024. № 8. С. 36-47.

Формирование цифровых следов связывают с самым ранним этапом «входа» в цифровое пространство – подключения пользователя к системе. Такие следы могут быть образованы как в результате их фиксации в цифровом пространстве пользователем, так и являться результатом осуществления программой обязательных для нее действий, среди них компьютерные программы и коды, а в последнее время – искусственный интеллект.

Важнейшей задачей на этом этапе будет являться идентификация пользователя, под которой следует понимать набор способов, которые позволяют приобрести данные о пользователе сети Интернет из открытых источников. Основной и конечной целью криминалистической идентификации является установление лица по следам, обнаруженным в связи с раскрытием и расследованием преступления[5]. Ключевым идентификатором же будут являться существующие в цифровом поле обозначения, которые присваиваются пользователям автоматически, или могут быть выбраны им самостоятельно.

Наиболее доступным способом определения личности подозреваемого является изучение информации, полученной из открытых интернет-источников при входе и регистрации граждан на публичных площадках. При этом при входе и регистрации возможно образование сразу двух типов следов: видимые, такие как логин или никнейм, и невидимые, например, IP-адрес. Видимые следы не вызывают трудности при их обнаружении: пользование большинством интернет-ресурсов предусматривает вход под определенным логином или никнеймом, которые могут сочетать буквенные, цифровые и знаковые обозначения. Его ключевой особенностью является общедоступность – они видимы для каждого пользователя; однако при этом логины и никнеймы могут не обладать индивидуальными признаками, полностью совпадая с неограниченным числом таких «имен» других пользователей. При подключении компьютера или другого электронного устройства к интернету

[5] См., например: Кушнарев А.С. Цифровые следы в криминалистике, их использование при расследовании преступлений // Вопросы российской юстиции. 2024. № 32. С. 23-30.

оно получает специальный числовой код, называемый IP-адресом[6]. Любые действия пользователей в интернете - регистрация на сайтах, размещение публикаций, отправка файлов и прочие операции связаны с данным IP-адресом. IP-адрес закрепляется за устройством и регистрируется на серверах провайдера и владельцев веб-сайтов, обеспечивая идентификацию устройства в сети. С технической точки зрения, IP-адрес является уникальным номером, который присваивается каждому устройству, подключенному к общей сети. Сам IP-адрес не известен пользователям и посторонним лицам и доступен лишь при специальном обращении к провайдеру или выполнении определенных технических операций.

Для правоохранительных органов процесс установления реального пользователя выглядит следующим образом: сначала определяется сам IP-адрес, затем устанавливается связь адреса с конкретным устройством, а потом выявляется владелец оборудования — физическое лицо[7]. В процессе идентификации личности на основе пользовательских данных имеют место определение идентификатора пользователя; обращение к провайдерам или администраторам интернет-ресурсов, сайтов, веб-страниц с запросами о предоставлении информации; определение куга лиц, имеющих доступ к интересующей информации; назначение экспертиз, в т. ч. связанных с вопросами исправности технического средства и его работы в целом и другие специальные способы.

Цифровизация общественных отношений и активное использование информационных технологий объективно обусловили качественные изменения в криминалистической практике и теории. Традиционное понимание следа как материального отображения события преступления в современных условиях уже не отражает всей полноты криминалистически значимой информации.

---

[6] См.: Рычкова М.Т., Асташов М.А. Доказательства в цифровом формате в уголовном судопроизводстве России и в некоторых государствах мира // Территория науки. 2018. № 6. С. 78.

[7] См., например: Казанцев С.Я., Романова Г.В. К вопросу об использовании информационно-поисковых технологий в работе следователя // Криминологический журнал. 2025. № 3. С. 73–78.

Цифровые следы, формирующиеся в виртуальной среде, представляют собой новый, самостоятельный объект исследования, обладающий специфическими признаками, механизмом образования и способами фиксации. При этом расследование преступлений в цифровой среде ставит перед криминалистикой новые задачи, требующие развития специальных методик, совершенствования технических средств и углубления междисциплинарного взаимодействия.

Профайлинг как инструмент предварительного расследования: психологическая реконструкция личности преступника по материалам уголовного дела

Янева Злата Евгеньевна,
студент Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

Аннотация: В статье рассматривается становление и развитие метода криминалистического профайлинга, начиная с создания отдела поведенческих наук в ФБР США в 1970-х годах и заканчивая его внедрением в современную российскую практику. Анализируется вклад основоположников метода — Джона Дугласа и Роберта Ресслера — в классификацию серийных преступников на организованный и неорганизованный типы, а также значение интервьюирования осужденных маньяков для понимания мотивации преступлений. Особое внимание уделяется проблемам применения профайлинга в России: отсутствию законодательного закрепления понятия в УПК РФ, нехватке методологической базы и неопределенному правовому статусу заключения профайлера, что позволяет относить его лишь к «иным документам». На основе анализа резонансных уголовных дел обосновывается необходимость введения специализации «криминалистический психолог» и использования профайлинга исключительно как вспомогательного инструмента для выдвижения следственных версий.

Ключевые слова: профайлинг, криминалистическая психология, личность преступника, реконструкция, мотивация, доказательственное значение, научная обоснованность.

В 1972 году в структуре ФБР США появился отдел поведенческих наук, который занимался помощью в расследовании тяжких преступлений.

Основной задачей этого подразделения стала разработка метода психологического профилирования. Данный подход позволял выдвигать версии о личности преступника на основе анализа улик и обстановки на месте

преступления [1]. В пределах этого метода впервые было использовано интервьюирование серийных убийц как основа для классификации преступлений. Что, в свою очередь, профайлерам помогло узнать мотивы убийц, процесс планирования ими преступлений, выбор жертвы и избавления от улик. Вследствии метод стал основой для выявления типичных ценностей преступника и составления психологического портрета. В конце 70-х годов сотрудники ФБР Джон Дуглас и Роберт Ресслер опросили несколько десятков серийных убийц, отбывающих наказание, среди них были и такие известные маньяки как Тед Банди, Джон Уэйн Гейс, Дэвид Берковиц (известный как Сын Сэма), Эдмунд Кемпер[2]. Исследователей интересовали детали биографии преступников, их мотивы и поведение после совершения убийств. Полученная информация легла в основу современной методики составления психологического портрета. Ресслер определил профайлинг как процесс выявления психологических черт личности через анализ совершенных ею деяний.

В России активное внедрение профайлинга началось в 90-е годы прошлого века. В НИИ МВД был создан отдел, который изучал психологические аспекты расследования преступлений. Ю.М. Антонян исследовал структуру личности преступника, что помогло сформировать теоретическую базу для составления криминологического портрета[3]. Несмотря на это, в России профайлинг не получил широкого распространения по ряду причин, такими, как нехватка квалифицированных специалистов, проблемы методологии, законодательные ограничения (отсутствие федеральных законов или стандартов, регулирующих использование профилирования), ресурсные ограничения.

Профайлинг – это инструмент, методика, основанная на статистически

---

[1] Douglas J.E., Burgess A.W., Ressler R.K. Crime Classification Manual: A Standard System for Investigating and Classifying Violent Crimes / J.E. Douglas, A.W. Burgess, R.K. Ressler. — San Francisco: Jossey-Bass, 1992. — 416 p.

[2] Douglas, J. E., Olshaker, M. Mindhunter: Inside the FBI's Elite Serial Crime Unit / J. E. Douglas, M. Olshaker. — New York: Scribner, 1995. — 399 p.

[3] Антонян Ю.М. Личность преступника: монография / Ю.М. Антонян. — М.: Норма, 2017.

вероятных признаках лица, на основе которых можно сделать вывод, исходя из криминалистической характеристики преступления. В результате анализа криминалистического характера преступления можно сделать вывод о поле правонарушителя, наличии у преступника криминального опыта, специализированных знаний, навыков, особенности поведения. Возраст жертвы и способ преступления позволяют сделать вывод о возрасте преступника.

В своих исследованиях конца 1980-х годов Джон Дуглас и Роберт Ресслер выделили два типа преступников[4]. Организованный тип (примеры: Тед Банди, Пичушкин): отличается средним или высоким интеллектом, социальной адаптацией и тщательным планированием убийств. Такие преступники часто вступают в контакт с жертвой, выбирают её по определённым признакам и вывозят с места преступления. Их характеризует индивидуальный «почерк», т. е. повторяющиеся ритуалы, которыми могут выступать способ убийства, поза жертвы. Ярким примером организованного преступника является Ирина Гайдамачук, которую приговорили к 20 годам за 17 убийств пенсионерок. Она действовала по следующему плану: в начале обманывала жертву, используя поддельные печати и записки, втиралась в доверие к бабушкам, а затем убивала их ради небольших сумм (30–40 тысяч рублей), которые в последующем использовала для покупки алкогольной продукции. Несмотря на выявленные психические отклонения, её признали вменяемой, что в свою очередь подчёркивает осознанность её действий. Как и другие организованные убийцы, Гайдамачук имела семью, детей и на первый взгляд ничем не выделялась среди обычных людей, что помогало ей усыплять бдительность жертв. Её дело насчитывало сотни томов, а в приговоре суд подчеркнул наличие прямого умысла в каждом преступлении, несмотря на кажущуюся бессмысленность похищенного.

Неорганизованные серийные убийцы (Питер Кюртен, Ричард Чейз) действуют спонтанно и импульсивно. Чаще всего у них диагностируются

[4] Дело «Балашихинского потрошителя»: как убивал пенсионерок и геев Сергей Ряховский [Электронный ресурс] // ВМ.ру. 2025.27 января. URL: https://vm.ru/accidents/1199889-chistilmir-ot-geev-kak-ubival-balashihinskij-potroshitel-ryahovskij (дата обращения: 20.03.2026).

психические расстройства, а выбор жертвы лишен логики — нападение совершается на первого попавшегося человека, без слежки или запугивания.

Для преступника жертва — лишь способ удовлетворения собственных желаний, поэтому он стремится обезличить её, стереть индивидуальность. Таким убийствам не хватает продуманности, часто отсутствует явный повод. Иллюстрацией неорганизованного типа серийного убийцы является Ряховский[5]. Он действовал импульсивно, его жертвами были первые встречные (в парке или на остановке), что подтверждается отсутствием единой половозрастной группы потерпевших. На местах преступлений он неизменно оставлял множество улик, таких как отпечатки пальцев, биологические следы, орудие преступления, не пытался их скрыть, что свидетельствует о хаотичности мышления и отсутствии продуманного плана сокрытия следов. Ряховский страдал тяжелым психическим расстройством на фоне органического поражения мозга, а его агрессивные действия были направлены не на конкретную личность, а на обезличенный объект для удовлетворения садистских потребностей, что в совокупности с низким социальным интеллектом и неспособностью прогнозировать последствия привело к быстрой поимке маньяка.

В криминалистике анализ способа совершения преступления и индивидуальных «почерков» позволяет судить о личности преступника. В деле об убийстве нескольких лиц в г. Иркутске (январь 2023) орудием был кухонный нож, что говорит о спонтанности, но последующие действия указывали на высокую организованность. Криминалисты обнаружили следы влажной уборки с помощью источника криминалистического света на листьях растений. Полное отсутствие отпечатков пальцев на осмотренных предметах подтвердило, что преступник действовал в перчатках продуманно. Запах в ванной и замерзшие растения на балконе навели на мысль о расчленении тел для сокрытия преступления. Экспертиза установила смешение крови жертв, что подтвердило

[5] Ряховский С.В. (серийный убийца) [Электронный ресурс] URL: https://vm.ru/accidents/1199889-chistil-mir-ot-geev-kak-ubival-balashihinskij-potroshitel (дата обращения: 20.03.2026).

жестокость и осознанность сокрытия улик. Выходу на след 25-летнего ранее судимого Кирилла Сомова помог генетический материал на вантузе, оставшийся после уборки. Совокупность факторов — от замытых полов до вывоза останков — указала на спланированный характер сокрытия преступления. Суд квалифицировал это как убийство двух лиц с целью скрыть другое преступление, назначив 18 лет лишения свободы.

В рамках профайлинга ключевым является мотив как внутреннее побуждение к действию. Мотивы различаются в зависимости от вида преступления: корыстные, сексуальные, мести, хулиганские или бытовые. В данном случае анализ мотивации и способа сокрытия стал основой для обвинительного приговора.

Мотив преступника неразрывно связан со способом совершения деяния, что наглядно демонстрирует случай Сибирякова: первоначально следователи ошибочно полагали, что им движет корысть, однако анализ характера повреждений и поджогов позволил профайлеру Валерию Иванову установить истинную цель — удовлетворение биологической потребности, а не материальная выгода. Опираясь на локализацию ран и особенности места происшествия, специалист составил психологический портрет, указав возраст 22–23 года, недавнее освобождение из мест лишения свободы, а также профессиональные навыки (работа в газовой службе), позволявшие имитировать взрыв и скрывать следы посредством сожжения тел; дополнительно было выдвинуто предположение о проживании на первом этаже и сожительстве с женщиной, имеющей малолетнего ребёнка, что обеспечивало быструю возможность скрыться. Данный случай демонстрирует, как корректное установление мотива через криминалистический анализ способа убийства позволяет конструировать личность преступника.

Вместе с тем Российская академия наук указывает, что метод профайлинга недостаточно объективен и научно обоснован, поэтому требует осторожного применения в сочетании с другими методами расследования и критической оценки полученных результатов, чтобы избежать субъективных

ошибок.

Отсутствие в УПК РФ понятия «профайлинг» обусловливает спорность данного метода. Согласно ст. 58 УПК РФ, участие профайлера возможно лишь в качестве специалиста, помогающего в анализе данных, но оно не приравнивается к полноценному исследованию. Чтобы урегулировать правовой статус, заключение профайлера следует относить к «иным документам» (ст. 84 УПК РФ)[6].

В связи с этим представляется целесообразным ввести специализацию «криминалистический психолог» в структуре Следственного комитета РФ. Это позволит готовить квалифицированных специалистов с единым подходом к составлению психологических портретов. Следователям же рекомендуется рассматривать профайлинг лишь как вспомогательный метод анализа, выводы которого обязательно должны перепроверяться путем сбора объективных доказательств. Только при соблюдении этих условий профайлинг сможет стать полноценным инструментом расследования, не утрачивая при этом своей ценности для выдвижения следственных версий.

В завершении хочется сказать, что профайлинг представляет собой перспективный метод предварительного расследования, позволяющий реконструировать личность преступника на основе анализа материальных следов и поведенческих особенностей. Данный инструмент успешно применяется как в зарубежной, так и в отечественной практике, о чем свидетельствуют примеры из расследования дел серийных преступлений. Однако отсутствие единой методологии и стандартов подготовки специалистов снижает объективность получаемых результатов. Правовой статус заключения профайлера в российском уголовном процессе четко не определен, что ограничивает его доказательственное значение.

---

[6] Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

КАФЕДРА ЧАСТНО-ПРАВОВЫХ НАУК

Секция № 7. «Цивилистический процесс: история и современность»

Проблема распределения бремени доказывания в гражданском процессе: пределы активности суда

Калайда Злата Геннадьевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье исследуется вопрос о границах судебной активности при распределении обязанностей по доказыванию в гражданском судопроизводстве. Анализируются доктринальные подходы к определению роли суда в условиях состязательности. В статье формулируются критерии допустимой судебной активности, а также обосновывается необходимость дифференцированного подхода к распределению бремени доказывания в отдельных категориях гражданских дел. На основе анализа позиций О.В. Баулина и современной процессуальной литературы автор приходит к выводу о необходимости сохранения гарантирующей функции суда при сохранении приоритета состязательного начала.

Ключевые слова: бремя доказывания, пределы активности суда, гражданский процесс, принцип состязательности сторон, роль суда в гражданском судопроизводстве, распределение обязанностей участников процесса.

Центральное место в системе гражданского судопроизводства занимает институт доказывания, поскольку именно посредством доказательственной деятельности происходит реконструкция фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения юридического конфликта. Наиболее дискуссионным в теории и практике остается вопрос о том, каким образом следует распределять обязанности по доказыванию между участниками

процесса, и в какой мере допустимо участие суда в этой деятельности. О.В. Баулин, анализируя данную проблематику, справедливо указывает, что определение субъекта, ответственного за установление обстоятельств дела, а также выяснение последствий процессуальной пассивности участников относятся к числу фундаментальных как для науки гражданского процессуального права, так и для правоприменительной деятельности[1].

В рамках цивилистической процессуальной доктрины сформировалось представление о бремени доказывания как о правовом институте, имеющем сложную внутреннюю структуру. Принято разграничивать два его аспекта: субъективный, под которым понимается процессуальная обязанность стороны активно представлять доказательственные материалы, и объективный, означающий риск возникновения неблагоприятных последствий в ситуации, когда стороне не удалось подтвердить обстоятельства, на которые она ссылалась. По сути, речь идет о том, что сторона, во-первых, обязана представить доказательства в установленный законом или судом срок, а во-вторых, принимает на себя риск того, что при недостаточности доказательственного материала суд может принять решение не в ее пользу[2].

Нормативное закрепление общего принципа распределения обязанностей по доказыванию содержится в ч. 1 ст. 56 Гражданского процессуального кодекса РФ, согласно которой каждая сторона обязана подтвердить те обстоятельства, на которые она ссылается в обоснование своих требований или возражений, если иное не установлено федеральным законом. Данное правило, получившее в практике наименование принципа «кто утверждает, тот и доказывает», «задает лишь общий вектор распределения доказательственной нагрузки, оставляя значительное пространство для уточнений и корректировок применительно к конкретным категориям дел»[3].

---

[1] См.: Баулин О.В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел: дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2005. С. 283.

[2] См. также: Баулин О.В. Состязательность и активность суда в гражданском процессе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 2. С.110.

[3] Абубакарова М.М., Османов О.А., Бетербиева З.Р. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел // Журнал прикладных исследований. 2023. № 3. С.124.

Трансформация отечественного гражданского судопроизводства в постсоветский период характеризовалась последовательным усилением состязательных начал и соответствующим пересмотром роли суда в доказательственной деятельности. В советский период, как обоснованно отмечает О.В. Баулин, правила распределения бремени доказывания имели во многом декларативное значение, поскольку возможная пассивность участников процесса компенсировалась закрепленной в законе обязанностью суда принимать все необходимые меры для всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела. Фактически суд выполнял несвойственные ему следственные функции, принимая на себя основную нагрузку по сбору доказательственного материала. Реформирование процессуального законодательства было направлено на преодоление данной модели и усиление ответственности сторон за результат доказывания.

Действующее процессуальное законодательство определяет функцию суда в сфере доказывания как гарантирующую, отводя главенствующую роль лицам, участвующим в деле. Однако полный отказ от следственной модели не означает устранения суда из доказательственного процесса. Возникает объективное противоречие: с одной стороны, суд должен сохранять беспристрастность и не подменять стороны в сборе доказательств, с другой — он обязан обеспечить законность и обоснованность судебного акта, что невозможно без определенной степени активности в исследовании обстоятельств дела.

Значительный научный интерес представляет проблема динамики бремени доказывания. В процессуальной литературе обоснованно указывается, что обязанность по доказыванию не остается неизменно закрепленной за одной стороной на всем протяжении судебного разбирательства, а может перемещаться между участниками процесса. О.В. Баулин выделяет несколько механизмов, посредством которых осуществляется такое перераспределение: доказательственные презумпции, доказательственные фикции, а также иные специальные правила, установленные законодателем.

Наиболее распространенным механизмом перераспределения обязанностей по доказыванию выступают доказательственные презумпции. Сущность презумпции заключается в том, что при установлении одной группы фактов существование другого факта предполагается, пока не будет доказано обратное. Классический пример - презумпция вины причинителя вреда, закрепленная в ст. 1064 ГК РФ. В данном случае потерпевший освобождается от необходимости доказывать вину ответчика, тогда как последний, напротив, должен представить доказательства отсутствия своей вины.

При определении пределов активности суда важно разграничивать ситуации, в которых суд вправе инициировать применение презумпций. Представляется, что суд обязан применить соответствующую презумпцию независимо от того, ссылалась ли на нее сторона, поскольку это является неотъемлемой частью правильного применения норм материального права. В данном проявлении сохраняется элемент судебной активности, который не вступает в противоречие с состязательностью.

Особую сложность вызывают категории дел, в которых одна из сторон объективно находится в более слабой позиции с точки зрения доступа к доказательствам. Речь идет, в частности, о спорах, связанных с защитой прав потребителей, возмещением вреда, причиненного жизни и здоровью, а также о трудовых спорах. В подобных случаях формальное следование принципу состязательности без учета фактического неравенства возможностей сторон по сбору доказательств может привести к существенному нарушению прав экономически или организационно более слабого участника процесса.

Выход из сложившегося противоречия видится в последовательной реализации концепции «гарантирующей функции суда», разработанной О.В. Баулиным[4]. Согласно данной концепции, суд не должен превращаться ни в пассивного наблюдателя, ни в активного собирателя доказательств, подменяющего стороны. Его главная задача - создание условий для

[4] См.: Баулин О.В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. – М. : Городец, 2004. С. 210.

надлежащей реализации сторонами своих процессуальных прав. Это достигается путем разъяснения сторонам их прав и обязанностей, информирования о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий, оказания содействия в истребовании доказательств в исключительных случаях, а также применения доказательственных презумпций для выравнивания процессуальных возможностей сторон. При этом судебная инициатива должна быть строго ограничена рамками, установленными процессуальным законом, и не должна подменять волеизъявление сторон.

Исходя из изложенного, можно предложить следующие критерии, позволяющие определить допустимые пределы судебной активности: 1) наличие законодательно закрепленного разрешения на проявление судебной инициативы; 2) объективная невозможность для стороны самостоятельно получить необходимое доказательство; 3) существенное значение обстоятельства, которое не было исследовано, для правильного разрешения дела; 4) соблюдение принципов равноправия и состязательности сторон при осуществлении судом своих полномочий.

Следует констатировать, что проблема распределения бремени доказывания в гражданском процессе сохраняет свою актуальность и требует дальнейшего научного осмысления. Трансформация роли суда от следственной модели к гарантирующей не означает его полного отстранения от доказательственной деятельности. Наиболее перспективной представляется модель, при которой за судом сохраняются контрольные и направляющие функции при сохранении основной ответственности сторон за подтверждение своих требований и возражений. Дальнейшее развитие института бремени доказывания должно осуществляться по пути совершенствования специальных правил перераспределения доказательственных обязанностей применительно к отдельным категориям дел, а также уточнения законодательных критериев судебной активности. Такой подход позволит обеспечить баланс между состязательностью и необходимостью гарантировать законность и обоснованность судебных постановлений.

Особенности доказывания морального вреда при рассмотрении судом дел о защите прав потребителей и дел о защите чести и достоинства: поиск баланса между соразмерностью и субъективностью страданий

Киселева Екатерина Константиновна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Кулумбаева Даяна Азаматовна,
студентка Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье исследуются проблемы доказывания морального вреда в делах о защите прав потребителей и защите чести, достоинства и деловой репутации. Анализируются дуализм правового регулирования, обусловленный наличием презумпции морального вреда в потребительских спорах и необходимостью доказывания всех элементов состава правонарушения в диффамационных делах. Выявлены противоречия между субъективной природой страданий и требованиями объективного доказывания. Предлагаются механизмы достижения баланса через дифференциацию стандартов доказывания, трансформацию принципов разумности и справедливости в конкретные критерии, а также усиление требований к мотивировке судебных актов.

Ключевые слова: моральный вред, доказывание, защита прав потребителей, дела о защите чести и достоинства, баланс вероятностей, судейское усмотрение, принципы разумности и справедливости, мотивированность судебного решения.

Современное развитие гражданско-правовых механизмов защиты нематериальных благ сопровождается устойчивым ростом числа споров, связанных с компенсацией морального вреда, что особенно отчетливо проявляется в делах о защите прав потребителей, а также чести, достоинства и деловой репутации. Данная тенденция обусловлена как повышением правосознания граждан, так и расширением практики применения положений

статей 151, 1099-1101 Гражданского кодекса Российской Федерации[1]. Вместе с тем, правоприменительная практика демонстрирует существенные трудности, связанные с доказыванием факта причинения морального вреда и определением его размера.

Ключевая сложность заключается в двойственной природе морального вреда: с одной стороны, он представляет собой юридически значимую категорию, подлежащую доказыванию в рамках процессуальной формы, с другой - является по своей сути субъективным феноменом, выраженном в индивидуальных переживаниях лица[2]. Такое противоречие объективно затрудняет формирование единых подходов к доказыванию, поскольку традиционные доказательственные средства, закрепленные в статьях 55–71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ориентированы на установление объективных фактов. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 года № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о компенсации морального вреда» (в настоящее время утратившим силу) указывалось, что моральный вред может выражаться в нравственных или физических страданиях, причиненных действиями, нарушающими личные неимущественные права[3]. При этом Пленум подчеркивает, что сам факт причинения морального вреда подлежит установлению судом, однако не требует представления исчерпывающих доказательств степени страданий.

В делах о защите прав потребителей указанное противоречие приобретает дополнительную специфику. Закон Российской Федерации РФ от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» (статья 15) закрепляет право потребителя на компенсацию морального вреда независимо от наличия имущественного ущерба, что в совокупности с презумпцией вины продавца

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая, третья и четвертая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
[2] См.: Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда. – М.: БЕК, 1996. С. 12–15.
[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о компенсации морального вреда» // Социальная защита. 1998. № 18.

существенно облегчает положение истца[4]. Однако даже в этих условиях суды сталкиваются с необходимостью определения размера компенсации, который должен соответствовать принципам разумности и справедливости. Схожая ситуация наблюдается и в делах о защите чести, достоинства и деловой репутации, где применяются положения статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации и разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 24 февраля 2005 года «О судебной практике по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации»[5]. Как отмечается в научной литературе, бремя доказывания распределяется между сторонами таким образом, что истец должен подтвердить факт распространения сведений и их порочащий характер, тогда как оценка морального вреда фактически осуществляется судом на основе внутреннего убеждения[6].

Получается, главная проблема заключается в том, что закон требует доказывать моральный вред и определять его размер по объективным критериям, но сами страдания - вещь субъективная, и точно их измерить нельзя. На практике это ещё больше усложняется тем, что для разных категорий дел нет единых правил доказывания. В итоге суммы компенсаций сильно различаются в похожих ситуациях, а это нарушает принцип правовой определённости.

Анализ судебной практики показывает, что в сходных по фактическим обстоятельствам делах размер компенсации морального вреда может существенно различаться. В делах о нарушении прав потребителей суммы компенсации варьируются от символических до значительных, при этом мотивировка судебных актов нередко ограничивается ссылками на принципы разумности и справедливости без детального обоснования. Аналогичная

---

[4] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

[6] См.: Белашова М.С. Особенности распределения обязанностей по доказыванию в делах о защите чести, достоинства и деловой репутации // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2. С. 115–120.

ситуация наблюдается и в делах о защите чести и достоинства, где размер компенсации зависит от оценки судом характера распространенных сведений и их последствий[7].

В отечественной цивилистике проблемы доказывания морального вреда традиционно рассматриваются в рамках более широкой дискуссии о природе компенсации и стандартах доказывания. Фундаментальные работы А.М. Эрделевского заложили методологическую основу, предложив математический подход к расчету компенсации, который, однако, не получил широкого применения в судебной практике[8]. К.И. Голубев акцентировал внимание на социальной функции компенсации, что повлияло на последующие исследования[9].

В дискурсе последних лет выделяются три ключевых подхода к решению проблемы доказывания. Первый подход, представленный в работах И.В. Решетниковой, А.Г. Карапетова и А.С. Косарева ориентирован на имплементацию англо-американских стандартов доказывания («баланс вероятностей») в российский процесс[10]. Авторы обосновывают необходимость отказа от формальных доказательств в пользу оценки совокупности косвенных фактов. В контексте морального вреда это означает признание невозможности применения строгого стандарта доказанности («вне разумных сомнений») и переход к более гибким моделям.

Второй подход, развиваемый С.В. Потапенко и М.С. Белашовой, делает акцент на специфике распределения бремени доказывания[11]. Исследователи детально анализируют, как законодательная презумпция морального вреда в

---

[7] См.: Потапенко С.В. Проблемы судебного доказывания по делам о защите чести и достоинства // Российский судья. 2020. № 5. С. 29.

[8] См., например: Эрделевский А.М. Моральный вред и компенсация за страдания. – М. : Юрист, 1998. С. 45–50.

[9] См. также: Голубев К.И. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. С. 78–82.

[10] См.: Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 7. С. 10–15.

[11] См.: Белашова М.С. Доказывание и доказательства по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2008. С. 95–100.

одних категориях дел и необходимость доказывания всех элементов состава правонарушения в других влияют на итоговую соразмерность компенсации.

Авторы предлагают также пути объективации этого убеждения через детализированную мотивировку судебных актов, что позволяет контролировать субъективность на этапе апелляционного и кассационного обжалования.

Мы предполагаем, что добиться справедливого баланса между субъективностью страданий и размером компенсации можно не за счёт жёстких «такс», а через гибкие стандарты доказывания, учитывающие специфику спора. Так, в потребительских делах закон сам исходит из презумпции морального вреда, а в спорах о защите чести и достоинства истец обязан доказать факт распространения порочащих сведений. Чтобы сгладить этот дисбаланс, суды могут применять стандарт «баланса вероятностей», оценивая не каждое доказательство по отдельности, а их совокупность.

Второй аргумент связан с тем, как меняются подходы Верховного Суда к критериям «разумности и справедливости». Раньше суды часто просто писали, что сумма компенсации соответствует этим принципам, и на этом всё заканчивалось. Но сейчас вышестоящие инстанции всё чаще требуют указывать конкретные обстоятельства: насколько сильными были физические страдания, особенности потерпевшего (возраст, здоровье), а также как себя вел причинитель вреда. В делах о защите чести и достоинства ключевым критерием становится «степень распространения сведений» и «характер порочащей информации»[12]. Таким образом, субъективность страданий трансформируется в объективные критерии оценки, подлежащие доказыванию.

Третий аргумент вытекает из современного понимания внутреннего судейского убеждения как объекта судебного контроля. Согласно позиции А.А. Яльцева, внутреннее убеждение судьи не может быть абсолютно свободным[13]. В процессуальной доктрине судейское убеждение должно быть

---

[12] См.: Потапенко С.В. Компенсация морального вреда как способ судебной защиты от диффамации в России и Англии // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 2. С. 37.

[13] См.: Яльцев А.А. Внутреннее судейское убеждение и объективные критерии доказанности // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 3. С. 23.

реконструируемо в судебном акте. Если суд первой инстанции не обосновал доказанность страданий и размер компенсации, это влечет отмену решения. Данный подход, предложенный И.В. Решетниковой, превращает убеждение судьи в верифицируемый институт. В практике 2023-2025 гг. наблюдается рост числа апелляционных определений, изменяющих размер компенсации именно из-за недостаточной мотивировки.

Итак, главная проблема в том, что доказывать моральный вред в делах о защите прав потребителей и о защите чести и достоинства сложно из-за разного подхода закона: в одном случае вред презюмируется, а в другом - нужно доказывать всё по отдельности. Ещё нет единых правил, как оценивать чужие страдания. Суды стараются сделать критерии более понятными - подробнее обосновывают решения и применяют стандарт «баланса вероятностей», но делают это пока неравномерно.

Мы считаем, что цель статьи - найти баланс между соразмерностью компенсации и субъективностью страданий - достигнута. Для этого мы выделили три связанных между собой механизма: во-первых, нужно дифференцировать стандарты доказывания в зависимости от категории дел, но не разрывать их полностью; во-вторых, превратить абстрактные принципы «разумности и справедливости» в конкретные обстоятельства, которые можно доказать; в-третьих, требовать от судов подробно обосновывать свои решения, чтобы судейское усмотрение можно было проверить.

Вместе с тем работа имеет ограничения, связанные с отсутствием единообразной статистики по размерам компенсаций на общенациональном уровне, а также с невозможностью охватить весь массив судебных актов. Перспективным направлением дальнейших исследований видится разработка методических рекомендаций для судов по применению стандарта «баланса вероятностей» в делах о компенсации морального вреда, что позволит обеспечить предсказуемость судебных решений, сохранив индивидуальный подход к каждой конкретной ситуации.

Учение о диспозитивности в трудах А.Ф. Клейнмана и М.К. Треушникова и его значение для современного упрощенного производства

Коваленко Анна Алексеевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В данной статье рассматривается развитие учения о принципе диспозитивности в гражданском процессуальном праве на основе научных трудов и авторских работ А.Ф. Клейнмана и М.К. Треушникова. Анализируются основные подходы авторов к пониманию диспозитивности в гражданском процессе. В работе исследуется влияние данных теоретических положений на современное упрощенное производство.

Ключевые слова: диспозитивность, гражданский процесс, упрощенное производство, А.Ф. Клейнман, М.К. Треушников, принципы гражданского процесса.

Специфика гражданского процессуального права выражается в его принципах, которые выступают исходными началами, определяющими содержание и направление отрасли. Принципы «пронизывают» право, формируют большинство процессуальных норм и позволяют раскрыть сущность гражданского судопроизводства, обеспечивая достижение целей законности, истины и справедливости.

Система принципов представляет собой целостное и взаимосвязанное образование, где каждый элемент раскрывает содержание отрасли в целом. Особое место в этой системе занимает принцип диспозитивности, являющийся одним из наиболее специфичных для гражданского процесса и определяющий механизм его движения[1].

Сущность данного принципа заключается в том, что гражданские дела

---

[1] Гражданский процесс: учебник для бакалавров / Отв. ред. В.В. Блажеев. — М. : Проспект, 2017. — 736 с. — ISBN 978-5-392-15522-4; [Электронный ресурс]. - URL: https://www.belykrolik.ru/catalog/grazhdanskij_process_uchebnik_dlja_bakalavrov-g13799711/ (дата обращения: 15.03.2026).

«возбуждаются, развиваются, изменяются и прекращаются» главным образом по инициативе лиц, участвующих в деле. Стороны вправе обращаться в суд, определять и изменять требования, отказываться от иска, признавать его или заключать мировое соглашение. Тем самым диспозитивность пронизывает все стадии процесса. Также правосудие по гражданским делам осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон (ст. 12)[2].

Вместе с тем, реализация данного принципа осуществляется под контролем суда, который не принимает распорядительные действия, если они противоречат закону или нарушают права других лиц. Таким образом, диспозитивность представляет собой основополагающее положение, согласно которому инициатива участников процесса выступает его движущим началом при сохранении необходимого судебного контроля.

В трудах А.Ф. Клейнмана принцип диспозитивности рассматривается в тесной связи с принципом состязательности и в контексте особенностей советского гражданского процесса. Автор подчёркивает, что в науке, законодательстве и судебной практике данным принципам «придавалось большое внимание»[3], однако их содержание не может отождествляться с буржуазным пониманием. В отличие от последнего, где диспозитивность и состязательность ограничивают роль суда, в советском процессе они приобретают иное содержание и не исключают активного участия суда в установлении истины.

А.Ф. Клейнман критически оценивает позиции, сводящие данные принципы к минимуму или отрицающие их значение, указывая, что подобный подход ведет к следственному типу процесса и отказу от «накопленных человечеством научных достижений». Он подчеркивает, что советская диспозитивность и состязательность имеют «совершенно иное содержание и сущность», поскольку строятся на сочетании инициативы сторон и активности

---

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

[3] Клейнман А.Ф. Основные институты советского гражданского процесса и принципы диспозитивности и состязательности. – Городец, 2025. – 320 с. – URL: https://books.yandex.ru/books/o32NHrtJ (дата обращения: 20.03.2026).

суда.

Сущность диспозитивности, по А.Ф. Клейнману, проявляется в том, что инициатива в процессе принадлежит не только сторонам, но и государственным органам и самому суду. Так, производство может начинаться не только «по просьбе граждан», но и по инициативе суда или государственных органов, что отражает особенность советской модели. При этом стороны сохраняют право распоряжения своими требованиями, могут окончить дело примирением, а также обжаловать судебные решения, что рассматривается как проявление диспозитивного начала.

Особое внимание автор уделяет сочетанию диспозитивности с расширенной ролью суда, который наделен «широкой инициативой» в исследовании доказательств и установлении действительных правоотношений сторон. Суд не связан исключительно доводами участников процесса и вправе выходить за их пределы, что отличает советский процесс от буржуазного, где суд ограничен рамками заявленных требований и жалоб.

Таким образом, А.Ф. Клейнман рассматривает принцип диспозитивности как важнейшее начало гражданского процесса, вытекающее из социалистического демократизма и выражающееся в сочетании инициативы сторон с активной ролью суда и государства. Его концепция подчеркивает, что диспозитивность не означает полной свободы усмотрения участников процесса, а функционирует в единстве с публичными началами, обеспечивая эффективную защиту прав и интересов.

В учебнике под редакцией М.К. Треушникова принцип диспозитивности рассматривается как один из ключевых принципов, отличающих гражданский процесс от уголовного.

Его сущность определяется как возможность лиц, участвующих в деле, и прежде всего сторон, распоряжаться своими материальными и процессуальными правами. Именно данный принцип определяет движение процесса, его переход из одной стадии в другую и в целом развитие гражданского судопроизводства[4].

---

[4] Гражданский процесс: учебник / Е.А. Борисова, С.А. Иванова, Е.В. Кудрявцева [и др.]; под

Диспозитивность проявляется в том, что возбуждение дела, определение предмета и основания иска, обжалование судебных актов и обращение их к исполнению зависят от волеизъявления заинтересованного лица. Суд, как правило, не вправе начать производство без соответствующего обращения, поскольку «суд приступает к производству по делу не иначе как по воле заинтересованного лица». В то же время допускаются исключения, когда инициатива может исходить от прокурора или иных уполномоченных субъектов, что свидетельствует о сочетании частных и публичных начал.

Содержание принципа диспозитивности также раскрывается через широкие распорядительные права сторон: истец определяет предмет и основание иска, может изменить требования, отказаться от иска, а ответчик - признать его полностью или частично. Стороны вправе заключить мировое соглашение, выбрать способ защиты, а также в предусмотренных законом случаях передать спор на рассмотрение третейского суда. Тем самым диспозитивность «пронизывает все гражданское судопроизводство» - от возбуждения дела до стадии исполнения судебного акта.

Вместе с тем М.К. Треушников подчеркивает, что свобода действий сторон не является безграничной и реализуется «в пределах закона». Суд осуществляет контроль за распорядительными действиями участников процесса и не принимает их, если они противоречат закону или нарушают права других лиц. Таким образом, принцип диспозитивности в современном понимании представляет собой сочетание свободы сторон в распоряжении своими правами и необходимого судебного контроля, обеспечивающего законность и справедливость процесса.

Современное упрощенное производство, в частности приказное производство, представляет собой особую форму защиты прав, которая характеризуется обращенностью и направленностью на защиту

ред. М.К. Треушникова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Городец, 2007. — 784 с.; [Электронный ресурс]. - URL: http://www.bloglaw.ru/wp-content/2010/01/treushnikov_1.pdf/ (дата обращения: 15.03.2026).

неоспариваемых требований. Оно выступает как «упрощенное производство для защиты неоспариваемого права», что предопределяет его специфику и отличия от классического искового процесса. В рамках данного производства отсутствует спор о праве в традиционном понимании, что позволяет значительно ускорить процедуру рассмотрения дела.

Важной особенностью приказного производства является то, что оно во многом находится «за рамками гражданской процессуальной формы», поскольку ему не присущи многие её классические элементы, такие как полноценное судебное разбирательство, состязательность сторон и исследование доказательств в судебном заседании. Судебный приказ выносится судьей единолично на основании представленных документов без вызова сторон, что свидетельствует о минимизации процессуальных действий и упрощении процедуры.

В то же время приказное производство сохраняет тесную связь с принципом диспозитивности. Оно является альтернативной процедурой, выбор которой полностью зависит от усмотрения заинтересованного лица. Кредитор самостоятельно определяет, обращаться ли к приказному порядку либо использовать исковую форму защиты, что напрямую отражает его право распоряжаться процессуальными средствами защиты. Таким образом, диспозитивность проявляется уже на стадии выбора формы судопроизводства.

Дополнительно следует отметить, что приказное производство начинается исключительно по инициативе взыскателя, что также подтверждает ведущую роль частной инициативы. Несмотря на упрощенный характер процедуры и ограниченную роль суда в исследовании обстоятельств дела, именно волеизъявление заинтересованного лица остается определяющим фактором возникновения и движения процесса. Это позволяет сделать вывод о том, что даже в условиях упрощенного судопроизводства принцип диспозитивности сохраняет свое значение, трансформируясь в сторону усиления процессуальной экономии.

Принцип диспозитивности играет ключевую роль в организации

гражданского судопроизводства, определяя возможности сторон по распоряжению своими материальными и процессуальными правами. Его суть проявляется в том, что именно воля участников процесса, прежде всего истца и ответчика, предопределяет возбуждение дела, определение предмета и основания иска, возможность обжалования решений и выбор способов защиты своих прав. Исторический анализ показывает, что в советском гражданском процессе диспозитивность сочеталась с активной инициативой суда, что позволило сохранить баланс между свободой сторон и обеспечением законности.

В современных условиях, в том числе в рамках упрощенного приказного производства, принцип диспозитивности сохраняет свое значение, обеспечивая право заинтересованного лица выбирать способ защиты своих прав. Приказное производство демонстрирует адаптацию принципа к упрощенным формам судопроизводства: здесь инициатива стороны определяет процедуру, а суд выступает как гарант исполнения требований. Таким образом, диспозитивность остаётся фундаментальным элементом гражданского процесса, обеспечивающим свободу распоряжения правами при соблюдении законности, ускорение судебного разбирательства и рационализацию правоприменительной деятельности.

В целом, изучение принципа диспозитивности и его трансформации в упрощенном производстве подтверждает, что этот институт сохраняет свое значение как для классического, так и для современных форм гражданского судопроизводства, обеспечивая баланс между интересами сторон и эффективностью правовой системы.

Медиация как примирительная процедура в гражданском процессе: становление, современное состояние, перспективы развития

Кузьмина Ангелина Андреевна,
студент Тульского государственного университета, г. Тула

Аннотация: В данной статье анализируется широкий перечень проблем, возникающих при применении процедуры медиации: отсутствие интереса сторон к медиации, являющееся следствием недостаточной информированности как о процедуре, так и правовом статусе медиативного соглашения; отсутствие единой системы аккредитации и сертификации деятельности медиаторов; недостаточность законодательного регулирования процедуры. На основании статистических данных, норм российского законодательства автор приходит к выводу о том, что для минимизации последствий выявленных проблем необходимо совершенствование законодательства о медиации, повышение квалификации медиаторов, формирование культуры мирного разрешения споров и активная поддержка со стороны государства и профессиональных сообществ.

Ключевые слова: процедура медиации, судебный процесс, споры, медиативное соглашение, разрешение конфликта, примирительные процедуры.

Принятию Федерального закона от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее по тексту также - Закон, Закон о процедуре медиации)[1] предшествовало проведение правового эксперимента по внедрению медиации в разных регионах России, включая г. Санкт-Петербург (тестирование медиативных процедур в судебной системе) и Липецкую область (проект «Медиация в гражданском судопроизводстве»)[2]. Цель эксперимента

[1] Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» № 193-ФЗ // Российская газета. 2010. № 168.

[2] См.: Загайнова С.К. Роль суда в развитии практики медиации в России на современном

заключалась в снижении нагрузки на суды и повышении эффективности правосудия через медиацию. Результаты подтвердили, что медиация сокращает сроки рассмотрения дел, уменьшает нагрузку на судей и позволяет сторонам достигать взаимоприемлемых решений без публичных разбирательств. VII Всероссийский съезд судей в декабре 2008 года отметил необходимость законодательного закрепления медиации[3]. Рассматриваемый Закон, вступивший в силу 1 января 2011 года, установил правовые основы медиации. В статье 2 Закона медиация определена как способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.

Медиация – это эффективный способ разрешения споров, особенно когда важны дальнейшие отношения между сторонами. Она может быть инициирована как до подачи иска, так и на любом этапе судебного процесса. Длительность медиации ограничена 180 днями (ст. 13 Закона). Если медиация начинается во время суда, разбирательство может быть отложено на срок до двух месяцев (ч. 1 ст. 169 ГПК РФ). Этот метод подходит для споров в гражданском, трудовом и семейном праве, в вопросах предпринимательства и защиты прав потребителей[4]. К ключевыми достоинствам медиации относится: адаптируемость, упрощенность и возможность привлечения нейтрального посредника. Процесс может инициироваться одной стороной, после чего медиатор выясняет возможность участия другой стороны. В отличие от судебного разбирательства, медиация позволяет сторонам выйти за рамки первоначальных требований и находить решения, соответствующие реальным интересам. Участники могут согласовать любые условия разрешения спора,

---

этапе / С.К. Загайнова, Н.Н. Тарасов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. № 6. С. 78–84.

[3] Постановление VII всероссийского съезда судей «О состоянии судебной системы Российской федерации и приоритетных направлениях ее развития и совершенствования» от 04.12.2008 // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2009. № 1 (19).

[4] См.: Иванова Н.В., Моторина И.С. Медиация как эффективный способ альтернативного разрешения споров в гражданском и арбитражном процессе // Евразийская адвокатура. 2025. № 2 (73). С. 76–81.

включая конфиденциальное медиативное соглашение. Процедура может быть завершена по инициативе любой из сторон или медиатора.

Принципами проведения процедуры медиации являются: добровольность участия, беспристрастность и независимость медиатора, сотрудничество и равенство прав участников, сохранение конфиденциальности. При проведении медиации стороны проводят обсуждения для урегулирования разногласий и достижения взаимоприемлемого соглашения. Участники спора самостоятельно определяют варианты выхода из конфликтной ситуации и договариваются о шагах по сотрудничеству. Медиатор не наделен властными полномочиями и оказывает сторонам помощь в организации и проведении переговоров для разрешения спора. Деятельность медиатора может осуществляться как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе. Если спор уже находится в суде, процедуру медиации могут проводить только профессиональные медиаторы. На профессиональной основе свою деятельность может осуществлять лицо, достигшее возраста 25 лет, с высшим образованием и получившее дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации.

Процедура медиации — это переговорный процесс, состоящий из нескольких взаимосвязанных этапов. На подготовительном этапе стороны обращаются к медиатору, который организует первую встречу. Определяются участники, проводятся консультации и оцениваются возможности разрешения конфликта. Завершается этап соглашением о проведении медиации. На основном этапе медиатор представляет суть и принципы медиации, устанавливает порядок переговоров, обозначает темы и спорные вопросы. Разрабатываются предложения по разрешению спора, после чего подписывается медиативное соглашение. На этапе завершения медиации стороны подводят итоги и решают вопросы исполнения соглашения в случае, если дело находится на рассмотрении суда, стороны могут уведомить суд о разрешении конфликта[5].

---

[5] См.: Безуглая А.Г. Организация и порядок проведения процедуры медиация //

Соглашения, достигнутые в процессе медиации, являются добровольными и принимаются обеими сторонами. Медиативное соглашение, оформленное вне суда, представляет собой гражданско-правовую сделку, направленную на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей. В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения соглашения защита прав сторон осуществляется через механизмы гражданского права (ч. 2, ч. 4 Закона о медиации). Медиативное соглашение (в случае, если спор уже был передан на рассмотрение суда) может быть утверждено судом в качестве мирового соглашения (согласно ст. 153.10, ч. 3 ст. 12 Закона о медиации)[6]. В процессе медиации стороны согласовывают свои интересы, поэтому в некоторых случаях истец может прийти к выводу о необходимости отказа от иска, а ответчик может признать иск.

Согласно статистическим данным в 2024 году судами общей юрисдикции было рассмотрено 28244835 гражданских и административных дел. Примирительные процедуры завершили 1008 дел: 545 через судебное примирение и 463 через медиацию. Утверждено 85270 мировых соглашений, что составляет 0,3% от общего числа дел. В арбитражных судах рассмотрено 1823073 дела, утверждено 35246 мировых и 17 медиативных соглашений, что составляет 2% от общего количества дел[7]. В 2025 году нотариусы удостоверили на 14% больше медиативных соглашений по сравнению с аналогичным периодом 2024 года[8].

В России медиация не пользуется спросом при решении споров, что указывает на проблемы в её применении. Как отмечается в научной литературе, основной причиной отсутствия интереса является недостаточная

Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 12-2 (63). С. 79–83.

[6] Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. № 220.

[7] Перспективы развития медиации в России // Центр медиации Ассоциации юристов России. URL: https:// old.alrf.ru/centermediation/перспективы-развития-медиации-в-росс (дата обращения: 25.02.2026).

[8] Без долгих судебных тяжб: В нотариате сообщили о росте медиативных соглашений // RGRU. URL: https: //rg.ru/2025/11/04/v-notariate-soobshchili-o-roste-mediativnyh-soglasheni (дата обращения: 15.02.2026).

информированность населения о процедуре и правовом статусе медиативного соглашения. Это приводит к предпочтению традиционного судебного процесса, что лишает участников быстрого и выгодного разрешения конфликтов. Вебинары на интернет-платформах, проводимые опытными специалистами, могли бы повысить осведомленность о медиации и её преимуществах[9]. Кроме того, отсутствие единых стандартов и механизмов контроля качества услуг медиаторов приводит к различиям в обучении медиаторов. Отсутствие единой системы аккредитации и сертификации вызывает недоверие у участников судопроизводства.

Также недостаточное законодательное регулирование медиации требует доработки. Основные принципы закреплены в законе, но нужно уточнить порядок примирения сторон в судебном процессе и ответственность медиаторов[10]. Так Минюстом России с заинтересованными федеральными государственными органами и организациями была осуществлена проработка предложений, направленных на совершенствование нормативного регулирования института медиации в России. В рамках сессии «Давай мириться: медиация или «медитация?», состоявшейся на полях XII Петербургского международного юридического форума в 2024 году, была озвучена концепция предлагаемых Минюстом России изменений, которые будут касаться выработки единых профессиональных стандартов и общих для всех медиаторов этических норм, а также создания эффективного механизма саморегулирования института медиации[11].

Роль института медиации в судопроизводстве вызывает разнообразие мнений. Некоторые эксперты рассматривают медиацию как альтернативу

---

[9] См.: Гиваргизова Н.А. Востребованность института медиации в современной России // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12. № 1. С. 120 –135.

[10] См.: Иванова Е.А., Соломеина Е.А., Хрущелева Т.С., Шереметова Г.С. О противодействии злоупотреблению процессуальными правами при использовании медиации как примирительной процедуры // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 4. С. 36–44.

[11] Предлагается усовершенствовать правовые условия для применения и развития процедуры медиации в России // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/50261/ (дата обращения: 17.02.2026).

судебным разбирательствам, способствующую достижению взаимовыгодных соглашений через диалог с нейтральной третьей стороной[12]. Другие считают, что медиация дополняет судебную систему, повышая доступ к правосудию и его эффективность. Она помогает снизить нагрузку на суды, позволяя разрешать споры до обращения в суд или в процессе судебного разбирательства. Соглашения могут быть утверждены судом как мировые, что ускоряет процесс разрешения дел[13].

Дискуссии по применению медиации продолжаются, и на сегодняшний день актуальной является тема о внедрении процедуры медиации в институт семейного законодательства. В Государственной Думе РФ предложили сделать медиацию обязательной при расторжении брака, особенно если в семье есть дети. Законопроект о введении обязательной досудебной примирительной процедуры разрабатывает Министерство юстиции РФ. По словам министров, медиатор поможет супругам договориться, прежде чем они окончательно решат развестись[14]. Рассматриваемую тему затрагивает в своей работе Е.А. Борисова, указывая на возможность проведения процедуры медиации на бесплатной основе. В качестве примера автором приводится Владимирская область, где деятельность региональной ассоциации медиаторов (НП ВРАМ) поддерживается Фондом президентских грантов, вследствие чего семейные споры, рассматриваемые судами Владимирской области, завершаются примирением сторон и утверждением медиативного соглашения в качестве мирового соглашения[15].

---

[12] См.: Шамликашвили Ц.А. Медиация — современный метод внесудебного разрешения споров. — М.: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2017. С. 77.

[13] См.: Борисова Е.А. Российская процедура медиации: концепция развития // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2011. № 5. С. 18–30.

[14] В Госдуме поддержали идею обязательной примирительной процедуры при разводе // Консультационный центр ДОМ.РФ. URL: https:// спроси.дом.рф/about/ (дата обращения: 20.02.2026).

[15] См.: Борисова Е.А. От альтернативного разрешения споров к примирительным процедурам: путь длиною в 25 лет (коротко о главном) // Вестник гражданского процесса. 2025. №. 4. С. 162–171.

Таким образом, институт медиации в России находится в стадии формирования. Для его полноценного развития требуется совершенствование законодательства, повышение квалификации медиаторов, формирование культуры мирного разрешения споров и активная поддержка со стороны государства и профессиональных сообществ.

Сравнительно-правовой анализ института судебного доказывания в гражданском и арбитражном процессуальном праве Российской Федерации

Саитова Камилла Азатовна,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Настоящая статья посвящена сравнительно-правовому анализу института доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве России. Автор исследует специфику распределения обязанности доказывания, стандартов доказывания и процедуры раскрытия доказательств. Особое внимание уделено современным тенденциям унификации процессуального законодательства и практическим аспектам применения норм ГПК РФ и АПК РФ. Проведённый анализ позволяет обозначить направления возможного совершенствования процессуального законодательства в рассматриваемой области при сохранении специфики, продиктованной природой гражданских и экономических споров.

Ключевые слова: гражданский процесс, арбитражный процесс, доказывание, бремя доказывания, раскрытие доказательств, стандарты доказывания, судебная практика.

Проблема доказывания традиционно занимает центральное место в теории процессуального права. Несмотря на глобальный тренд к унификации гражданского и арбитражного процессов, правила доказывания в них сохраняют автономию, которая обусловлена спецификой рассматриваемых споров. Гражданский процесс ориентирован на защиту прав граждан и зачастую предполагает определенный «патернализм» суда, а арбитражный процесс, в свою очередь, строится на принципах повышенной профессиональной ответственности и менее строгой формализации взаимодействия сторон[1].

[1] См.: Ванеева Н.Г. Проблемы теории судебного доказывания. М.: Юрист, 2021. С. 84.

В первую очередь, следует обратить внимание на распределение обязанности доказывания. Фундаментальное правило *onus probandi* закреплено в ст. 56 ГПК РФ и ст. 65 АПК РФ: каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается, однако реализация этого правила имеет некоторые особенности. В арбитражном процессе действует более жесткая презумпция вины в непредставлении доказательств. Согласно ч. 2 ст. 9 АПК РФ, лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий. В гражданском процессе суд обладает более широкими полномочиями по содействию сторонам в собирании доказательств. В силу ч. 2 ст. 56 ГПК РФ именно суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, даже если стороны на них не ссылались. В арбитражном процессе инициатива суда ограничена рамками состязательности профессиональных участников гражданского оборота.

Дифференциацию судебного доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве достаточно ярко демонстрирует закрепленный порядок раскрытия доказательств. В ст. 65 АПК РФ закреплена обязанность сторон раскрыть доказательства перед другими лицами заблаговременно, до начала судебного заседания. Несоблюдение этого правила может повлечь отказ в принятии доказательства или отнесение судебных расходов на нарушителя, независимо от исхода дела. В то же время ГПК РФ на протяжении долгого времени не содержал столь жестких санкций. Хотя в ч. 3 ст. 56 ГПК РФ также обязывает стороны раскрыть доказательства, на практике «сюрпризы» в виде новых документов в апелляции в гражданском процессе встречаются чаще и реже блокируются судом[2].

Необходимо также обратить внимание на различные подходы в гражданском и арбитражном процессе к сущности стандартов доказывания и правовой природы электронных доказательств. В отличие от гражданского, в арбитражном процессе практике всё чаще применяется стандарт «баланса

[2] См.: Треушников М.К. Судебные доказательства. М.: Городец, 2022. С. 112.

вероятностей», сущность которого заключается во фразе «более вероятно, чем нет», а также в ясных и убедительных доказательствах[3]. Также арбитражные суды традиционно более лояльны к электронным доказательствам, таким как сканы, переписка в мессенджерах и пр., которые могут быть приобщены к материалам дела без нотариального заверения, если можно установить их достоверность (ст. 75 АПК РФ). В судах общей юрисдикции в аналогичной ситуации часто требуется нотариальный протокол осмотра сайта, хотя эта тенденция постепенно уходит в прошлое.

Следует обратиться к ключевым позициям высших судов, которые сближают два процесса: во-первых, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 года № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» при рассмотрении дел в суде первой инстанции» разъясняет правила оценки доказательств, подчеркивая, что суд не может просто отвергнуть их, не указав мотивы в решении[4]. Это требование едино для обоих процессов. Во-вторых, Верховный Суд РФ в деле о «бремени доказывания отрицательных фактов» указал, что нельзя возлагать на сторону обязанность доказывать отсутствие факта (*probatio diabolica*). Если истец утверждает, что товар не доставлен, ответчик должен доказать факт доставки[5].

Анализ доктринальных источников, основанных на точках зрения М.К. Треушникова и И.В. Решетниковой позволяет выделить как общие черты, так и существенные различия порядка судебного доказывания в двух видах судопроизводства. Сходства в оценке относимости доказательств заключаются в том, что в обоих кодексах закреплен единый критерий: суд принимает только

---

[3] См.: Решетникова И.В. Доказывание в гражданском и арбитражном процессе. Юрайт, 2023. URL https://urait.ru/viewer/dokazyvanie-v-grazhdanskom-processe-559719#page/1 (дата обращения: 22.03.2026).

[4] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 3.

[5] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.10.2018 № 308-ЭС18-9470 по делу № А32-42517/2015. URL https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29102018-n-308-es18-9470-po-delu-n-a32-425172015/ (дата обращения: 22.03.2026).

те доказательства, которые имеют значение для дела (ст. 59 ГПК РФ, ст. 67 АПК РФ). В основе данного правила лежит объективная связь между доказательством и фактами, подлежащими установлению (предметом доказывания). Однако в АПК РФ норма об относимости дополнена положением, обязывающим суд отказывать в приобщении документов, не имеющих отношения к делу (ч. 2 ст. 67 АПК РФ). В ГПК РФ такой прямой процессуальной обязанности не закреплено, что предполагает более широкую дискрецию суда или пассивную роль в «фильтрации» доказательств.

Оценка допустимости доказательств в ГПК РФ и АПК РФ предполагает, что обстоятельства, которые должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться иными, а также запрещает использование доказательств, полученных с нарушением закона (ст. 60 ГПК РФ, ст. 68 АПК РФ). Также в настоящее время унифицированы принципы оценки доказательств: суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании; никакие доказательства не имеют заранее установленной силы (ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ). Однако имеются отличия, которые носят процедурный и доктринальный характер: в арбитражном процессе в силу меньшей активности суда в сборе доказательств оценка часто сводится к проверке исполнения сторонами обязанности доказывания, в то время как в гражданском судопроизводстве суд проявляет больше активности в формировании доказательственной базы. Как отмечает С.М. Беков, в ГПК РФ допускается возможность вынесения решения на стадии подготовки дела, что требует окончательной оценки доказательств уже на этом этапе.

Ключевым аспектом разграничения правоприменительного подхода к судебному доказыванию в арбитражном и гражданском процессе является степень активности суда, поэтому в доктрине и на практике сложились две основные модели: а) состязательно-следственная по ГПК РФ, которая заключается в том, что суд сохраняет функцию активного участника доказывания, особенно в вопросах определения предмета доказывания (ч. 2 ст.

56 ГПК РФ), истребования доказательств по своей инициативе (ч. 2 ст. 57 ГПК РФ). Суды общей юрисдикции проявляют большую активность в сборе доказательств, особенно по социально значимым делам (трудовые, семейные, жилищные). Предоставление сторонам помощи в истребовании доказательств выступает не столько правом, сколько обязанностью суда; б) состязательная по АПК РФ, именуемая иногда в доктрине «чистой состязательностью», которая основана на том, что суд выступает как независимый арбитр, не собирающий доказательства по своей инициативе (за исключением дел, вытекающих из публичных правоотношений), а лишь содействующий сторонам в их истребовании в соответствии с ч. 4 ст. 66 АПК РФ. Как отмечает И.В. Решетникова, «не суд, а стороны несут бремя подтверждения выгодных для них утверждений»[6].

Кроме того, в обоих видах судопроизводства схож, но не идентичен перечень судебных доказательств (объяснения сторон, показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства, заключения экспертов). В ГПК РФ заключение специалиста не является самостоятельным доказательством, в отличие от АПК РФ. Также в ст. 89 АПК РФ допускаются в качестве доказательств иные документы и материалы, к которым относятся материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном кодексом, тогда как в ст. 55 ГПК РФ перечень судебных доказательств закрыт, и аудио- и видеозаписи являются самостоятельными средствами доказывания.

Несмотря на общие принципы, существуют объективные причины сохранения дифференциации в доказательственном праве при унификации процессуального законодательства: в основу первого критерия разграничения положена историческая традиция и разная природа судов ввиду того, что арбитражные изначально создавались для разрешения экономических споров между профессиональными участниками оборота, которые могут и должны самостоятельно защищать свои интересы. Суды общей юрисдикции

[6] Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. - М.: Статут, 2019. С.38.

исторически ориентированы на защиту прав граждан, что предполагает более активную роль суда, особенно в случаях, когда стороны не обладают юридическими познаниями.

Дифференциация находит отражение и в субъектном составе: участниками арбитражного процесса, как правило, являются профессиональные субъекты - организации и индивидуальные предприниматели.

На основе проведенного анализа, можно предложить следующие меры по унификации процессуального законодательства в исследуемой сфере:

1. Привести к единообразию правила о раскрытии доказательств, а именно – по аналогии с АПК РФ в ГПК РФ закрепить, что лица, участвующие в деле, вправе ссылаться только на те доказательства, с которыми другие лица, участвующие в деле, были ознакомлены заблаговременно.

2. В ГПК РФ по аналогии с АПК РФ закрепить открытый перечень судебных доказательств, дополнив в ст. 55 ГПК РФ право сторон ссылаться на «иные документы и материалы», что позволит устранить неопределенность в решении вопроса о возможности беспрепятственного представления современных средств доказывания.

Следует отметить: сравнительно – правовой анализ правил судебного доказывания свидетельствует о том, что гражданский процесс является более строгим и формализованным по сравнению с арбитражным, но при этом сохраняет элементы социальной защиты, допуская большую активность суда. Однако можно заметить и общую тенденцию, направленную на процессуальную конвергенцию: правила судебного доказывания постепенно унифицируются, в том числе, под влиянием позиций Верховного Суда РФ.

Рассмотрение дел о защите чести и достоинства в сети Интернет: особенности доказывания

Токторалиев Александр Вячеславович,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей работе рассматриваются аспекты правового регулирования защиты чести и достоинства граждан в сети Интернет. Выделен ряд проблем реализации норм гражданского процессуального права при рассмотрении гражданских дел о защите чести и достоинства в сети Интернет, указываются способы их преодоления.

Ключевые слова: дела о защите чести и достоинства, сеть Интернет, искусственный интеллект, доказывание, гражданский процесс, особенности доказывания по делам о защите чести и достоинства, электронные доказательства, дипфейк, технологии искусственного интеллекта.

Казалось бы, информационные технологии, телекоммуникационные сети давно достигли своего пика и технический прогресс должен вот-вот сбавить обороты, замереть в наиболее благоприятной точке изобилия надежных инструментов цивилизации. Отнюдь, это совсем не так. Технологии активно развиваются и по сей день, прогресс не остановить.

Право, в свою очередь, должно отвечать всем вызовам технических новинок. Задача права – не стоять на месте, эффективно интегрироваться в общество и государство нового времени, успешно предотвращать и разрешать проблемы людей. Известный французский юрист Жан Луи Бержель как-то сказал: «В наш век развитых информационных технологий для юриста лучше иметь ум надлежаще скроенный, чем надлежаще заполненный».

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ[1], количество исков о защите чести, достоинства и деловой репутации, связанных

[1] Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: https://cdep.ru/index.php?id=5

с распространением сведений в цифровой среде, ежегодно увеличивается в среднем на 15–20%. При этом механизм судебной защиты, разработанный в XX веке, сталкивается с новыми вызовами: анонимность пользователя, трансграничный характер распространения информации, использование искусственного интеллекта (ИИ) для генерации контента (дипфейки), а также необходимость доказывания фактов в виртуальной среде, которая по своей природе обладает признаком изменчивости (удаление публикаций и сообщений, редактирование страниц).

Правовая наука, как всегда, идёт впереди права, она дает свободу изучать новейшие тенденции и их проблематику, чем и подтверждает актуальность темы исследования. Для того чтобы раскрыть тему исследования, необходимо определить ключевые понятия. Центральными понятиями исследования являются «честь» и «достоинство». Честь – это объективная оценка личности с точки зрения моральных и этических качеств, отражающая социально значимые свойства индивида. Достоинство – это осознание личностью своей общественной значимости и самооценка собственных моральных, профессиональных и интеллектуальных качеств.

Согласно п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»[2] порочить честь и достоинство граждан могут сведения, не соответствующие действительности, содержащие утверждения о нарушении лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, недобросовестном поведении, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и (или) достоинство.

После рассмотрения центральных понятий, необходимо упомянуть ключевые нормативные акты и судебную практику. Среди источников нормативного правового регулирования в данной сфере выделяют следующие акты:

[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

1. Конституция Российской Федерации (ст. 23, ст. 46)[3];

2. Гражданский кодекс РФ (ст. 150-152)[4];

3. Гражданский процессуальный кодекс РФ (ст., ст. 55-71)[5];

4. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[6];

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»[7].

Особенность дел данной категории заключается в специфическом распределении бремени доказывания, которое закреплено в ст. 152 ГК РФ и разъяснено Пленумом Верховного Суда РФ.

Истец обязан доказать три факта:

1. Факт распространения сведений ответчиком.
2. Порочащий характер этих сведений.
3. Несоответствие сведений об истце действительности[8].

В контексте сети Интернет доказывание факта распространения становится технически сложной задачей. Истец должен подтвердить, что информация была размещена именно ответчиком, а не третьим лицом, взломавшим аккаунт. В связи с этим ключевое значение приобретает осмотр

---

[3] Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Российская газета. 1993. № 237. 25 декабря; 2020. № 144. 4 июля.

[4] Гражданский кодекс РФ (часть первая): от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 01.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[5] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

[6] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 08.08.2024) // Российская газета. 2006. № 165.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (в ред. от 09.07.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

[8] См.: Шожал Б.Ш. Правовые проблемы защиты чести и достоинства в сети интернет // Вестник магистратуры. 2022. № 11-3 (134). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye (дата обращения: 12.03.2026).

доказательств нотариусом (ст. 102 Основ законодательства о нотариате)[9]. С 2020 года нотариусы активно используют программное обеспечение для фиксации веб-страниц. Осмотр должен проводиться незамедлительно, так как информация может быть удалена. В случае, если нотариального осмотра не произведено, суды принимают в качестве доказательств скриншоты, заверенные истцом, однако такие доказательства оцениваются критически и подлежат обязательной проверке путем исследования адреса сайта (URL) на судебном заседании. Ответчик освобожден от обязанности доказывать истинность сведений, если истец не доказал факт распространения. Однако если факт распространения установлен, на ответчика возлагается бремя доказывания соответствия сведений действительности.

Исходя из этого представляется, что законодателю стоит пересмотреть свое отношение к электронным доказательствам. Необходимо в связи с развитием цифровых возможностей внести изменения в правовое регулирование доказательств. Например, А.М. Митрофанова предлагает изменить наименование «письменные доказательства» на «документальные доказательства». По ее мнению, «документальные доказательства» будут представлены совокупностью письменных и электронных доказательств. Такого вида дополнение механизма правового регулирования, по мнению автора, будет положительно сказываться на общем процессе осуществления гражданского судопроизводства[10].

Помимо так называемых «электронных доказательств», представляющих собой: скриншоты переписок, видеозаписи и прочее, главной проблемой правового регулирования в области защиты чести и достоинства человека стали «дипфейки» — это аудио, видео или фотоматериалы, сгенерированные нейросетями, то есть искусственным интеллектом.

Опасность данного явления для гражданского судопроизводства состоит

---

[9] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 22.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

[10] См.: Пономаренко А.В. Электронные доказательства в гражданском процессе // Нацразвитие. Наука и образование. 2022. № 1 (4). URL: https://cyberleninka.ru/article/n (дата обращения: 15.03.2026).

в том, что качество такой «подделки» может быть запредельным, вследствие чего продукт генерации, либо фото (видеомонтаж) может восприниматься как допустимое доказательство. С.Л. Будылин утверждает, что «нотариус, не являясь экспертом по компьютерным технологиям, вряд ли обнаружит, например, возможную подмену[11]. Стоит отметить, что дипфейки могут использоваться по обе стороны гражданского процесса как истцом, так и ответчиком. Со стороны ответчика контент, сгенерированный ИИ, который может содержать порочащие сведения. Со стороны истца нейросети используются для монтажа и подделки доказательств.

Задача судопроизводства же, состоит в том, чтобы не допустить применение таких технологий, а именно, не признавать продукты генерации доказательствами.

Для решения данной проблемы необходимо иметь квалифицированных экспертов, в случае работы с фото/аудио/видеоматериалами в век развитого искусственного интеллекта назначение «ИИ экспертизы» неизбежно.

Предметами подобной экспертизы должны быть:

1. Идентификация источника контента (принадлежность голоса, мимики);

2. Выявление признаков синтеза или глубокой подделки.

На сегодняшний день в экспертных учреждениях (ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России) разработаны методики обнаружения дипфейков.

В целях совершенствования правоприменения представляется целесообразным на уровне Пленума Верховного Суда РФ дать дополнительные разъяснения относительно оценки доказательств, технологий ИИ (дипфейков), а также относительно ответственности авторов за использование нейросетей для создания порочащего контента.

Завершая исследование, можно сделать ряд выводов:

1. Защита чести и достоинства имеет ключевое значение в современном

[11] См.: Сентякова Е.Д. Особенности использования цифровых доказательств (скриншоты, переписки, видеоматериалы) в гражданском процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 12-1 (99). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ispolzovaniya-tsifrovyh-dokazatelstv-skrinshoty-perepiski-videomaterialy-v-grazhdanskom-protsesse (дата обращения: 20.03.2026).

обществе и играет важную роль в обеспечении справедливости, свободы и равенства, реализации прав человека и гражданина в целом.

2. Защита чести и достоинства в сети Интернет в настоящее время находится в стадии активного развития и модернизации.

3. Актуализация нормативной правовой базы (всего права в целом), разъяснений Пленума Верховного суда, просто необходимы для того, чтобы эффективно и правильно разрешать дела по данной категории.

Аудио- и видеозаписи как средства доказывания в гражданском процессе: актуальные аспекты допустимости, достоверности и единообразия судебной практики

Яковлева Елизавета Вячеславовна,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Статья посвящена исследованию проблем использования аудио- и видеозаписей в гражданском судопроизводстве. На основе анализа доктринальных источников и судебной практики автор рассматривает три ключевых аспекта: критерии допустимости записей, полученных без согласия лица, вопросы обеспечения их достоверности в эпоху цифровых технологий и отсутствие единообразных подходов в судебной практике. В работе обосновывается необходимость совершенствования процессуального законодательства и выработки унифицированных стандартов оценки аудиовизуальных доказательств.

Ключевые слова: аудиозапись как средство доказывания, видеозапись как средство доказывания, допустимость доказательств, скрытая запись, достоверность доказательств, судейское усмотрение, доказательства в гражданском процессе.

Развитие цифровых технологий привело к тому, что аудио- и видеозаписи прочно вошли в практику применения в современном гражданском и арбитражном процессе. В современном мире, информация, сохраненная в форме аудио и видео файлов, является обыденностью, что делает такие доказательства одними из самых распространенных и доступных источников информации.

В связи с этим считаю необходимым подчеркнуть, что проблема использования аудио- и видеоматериалов в гражданском процессе имеет не только теоретическое, но и важнейшее практическое значение. В условиях, когда технические средства становятся единственным свидетельством

реальных событий, от того, насколько единообразно суды будут оценивать такие доказательства, зависит реальная возможность граждан защитить свои права.

Как справедливо отмечается в дискуссиях о природе аудио- и видеозаписей как доказательств, данные средства доказывания обладают значительной спецификой, поскольку могут быть созданы и получены при самых различных обстоятельствах и зачастую, именно они, являются единственным способом фиксации юридически значимых фактов. Статья 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) относит аудио- и видеозаписи к самостоятельным средствам доказывания, однако законодательная регламентация порядка их предоставления, получения и исследования остается минимальной[1].

При исследовании и оценке предоставляемых аудио- и видеоматериалов в соответствии со ст., ст. 55 и 67 ГПК РФ центральным остается вопрос о том, насколько конкретные обстоятельства их получения соответствуют установленной Конституцией Российской Федерации гарантии неприкосновенности частной жизни.

Кроме того, в условиях, когда современные технологии стремительно развиваются и позволяют легко вносить изменения в цифровые файлы, создавая так называемые «дипфейки», особое значение приобретает проблема достоверности аудио- и видеоматериалов. Как указывает А.А. Капитонова, «с учетом современного прогресса и внедрения технологий искусственного интеллекта…актуальным становится вопрос о возможности исследования видео- и аудиодоказательств, при наличии обширных возможностей их модификации и фальсифицирования»[2].

Вопрос о допустимости записей, сделанных без согласия лица, является

---

[1] Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. №46. Ст. 4532.

[2] Капитонова А.А. К вопросу о проблеме использования видео и аудиодоказательств в гражданском процессе // Universum: экономика и юриспруденция. 2025. №7 (129). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-probleme-ispolzovaniya-video-i-audiodokazatelstv-v-grazhdanskom-protsesse (дата обращения: 15.03.2026).

самым дискуссионным. Конституция РФ гарантирует каждому неприкосновенность частной жизни и тайну переписки (ст.23). Однако, как быть, если именно такая запись является единственным способом доказать нарушение своих прав? Как обоснованно отмечают С.Р. Костенко и Р.В. Костенко, «существующая законодательная база не позволяет дать однозначного ответа на этот вопрос, поэтому целесообразно обратиться к судебной практике, позволяющей пролить свет на некоторые важные аспекты»[3]. Анализируя правовую позицию Конституционного Суда РФ, авторы приходят к выводу, что «любая информация, любые сведения о лице остаются личными лишь до тех пор, пока они носят исключительно приватный характер и не затрагивают интересы других лиц»[4]. Большое значение для формирования судебной практики имело определение Верховного Суда РФ от 6 декабря 2016 года №35-КГ16-18. В нем высшая судебная инстанция указала, что запись телефонного разговора, произведенная одним из участвовавших в нем лиц и касающаяся договорных отношений, не нарушает требований закона, поскольку «запрет на фиксацию такой информации на указанный случай не распространяется»[5]. Эта позиция последовательно применяется и в практике судов общей юрисдикции. Так, Владимирский областной суд в апелляционном определении от 9 апреля 2024 года по делу № 33-780/2024 отклонил доводы суда первой инстанции о недопустимости аудиозаписи, указав, что она произведена участником разговора и касалась обстоятельств, связанных с трудовыми отношениями между сторонами.

---

[3] Костенко С.Р., Костенко Р.В. К проблеме соблюдения неприкосновенности частной жизни при использовании материалов аудио- и видеозаписи как доказательств в гражданском судопроизводстве // Universum: экономика и юриспруденция. 2022. №8 (95). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-soblyudeniya-neprikosnovennosti-chastnoy-zhizni-pri-ispolzovanii-материалов-audio-i-videozapisi-как-dokazatelstv-v (дата обращения: 15.03.2026).

[4] Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 15.03.2026).

[5] Определение Верховного Суда РФ от 06.12.2016 № 35-КГ16-18 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=486441 (дата обращения: 15.03.2026).

Второй ключевой проблемой является – обеспечение достоверности аудио-и видеоматериалов, предоставленных сторонами. Современные технологии, в частности, специальные модели искусственного интеллекта, позволяют не только редактировать такие файлы, а полностью их фальсифицировать, искажая истину. Наиболее часто суды указывают на невозможность установить дату и время записи, отсутствие информации о том, кем и при каких обстоятельствах она производилась. В определении Шестого Кассационного суда общей юрисдикции от 26 июня 2025 года №88-7983/2025 отмечено, что «предоставленная истцом аудиозапись не отвечает требованиям статьи 77 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, поскольку нет достоверных данных о том, когда, кем и при каких условиях осуществлялась запись.»

Еще одной распространенной проблемой выступает невозможность идентифицировать участников разговора. В приведенных мной ранее примерах судебной практики, данное обстоятельства выступает критерием признания доказательства недопустимым. Полагаю, что в данной ситуации суды не должны возлагать на сторону, представляющую запись, обязанность доказывать ее абсолютную достоверность, если у другой стороны нет обоснованных возражений. Напротив, если ответчик заявляет о фальсификации, именно он должен представить суду убедительные аргументы в пользу этого утверждения. В противном случае создаются условия для злоупотребления: недобросовестная сторона может заявить о подложности записи без каких-либо оснований, затягивая процесс и увеличивая судебные расходы.

В этой связи особое значение приобретает процессуальное оформление ходатайства о приобщении записи. Представляется возможным, что помимо основных требований ст.77 ГПК РФ (указание места, времени и условий записи), в ходатайстве следует отразить, какие именно обстоятельства подтверждают запись и между кем она производилась. Такой подход позволит суду сразу оценить относимость и допустимость доказательства, избегая

необоснованных отказов. Если же достоверность записей вызывает сомнения, то законом предусмотрены механизмы их проверки. Суд по своей инициативе или по ходатайству сторон вправе назначить экспертизу для проверки подлинности записей.

Особого внимания заслуживает вопрос о предоставление копий записей. Судебная практика в данном вопросе исходит из того, что фонограмма-копия, происхождение которой невозможно проверить, не может считаться надлежащим доказательством. В постановлении Арбитражного суда Московского округа от 23 июня 2020 года указано, что представление копии без доказательств ее соответствия оригиналу лишает суд возможности проверить достоверность содержащейся в ней информации»[6].

Третьей проблемой, которую также можно выделить в отдельное рассмотрение является – отсутствие единообразия в судебной практике. При сходных обстоятельствах разные суды могут приходить к противоположным выводам, что создает неопределенность для участников процесса. А.А. Капитонова справедливо указывает, что в одних случаях суды признают необходимым участие специалиста, а в других – исследуют доказательства без привлечения специальных познаний[7].

Полагаю, что главным фактором здесь должно быть не формальное соблюдение всех требований, хотя это бесспорно является важным, а именно поведение сторон. Если ответчик не оспаривает факт разговора и принадлежность ему голоса, отказ в принятии записи по формальным основаниям представляется неоправданным. Напротив, если сторона заявляет о фальсификации, суд должен принять меры для проверки этого заявления, вплоть до назначения экспертизы. Практика отклонения аудио- и видеозаписей

---

[6] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.06.2020 № Ф05-11175-19 по делу № А40-93601/2018 // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/42084158 (дата обращения: 15.03.2026).

[7] См.: Капитонова А.А. К вопросу о проблеме использования видео и аудиодоказательств в гражданском процессе // Universum: экономика и юриспруденция. 2025. №7 (129). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-probleme-ispolzovaniya-video-i-audiodokazatelstv-v-grazhdanskom-protsesse (дата обращения: 15.03.2026).

из соображений процессуальной безопасности нередко приводит к тому, что стороны утрачивают возможность предоставить суду информацию, которая имеет ключевое значение для разрешения спора. Обобщая вышесказанное, полагаю, что требуется выработка единых стандартов оценки таких доказательств, которые могли бы быть разъяснены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, в вопросе допустимости аудио- и видеозаписей следует исходить из правовой позиции Верховного Суда РФ: запись, произведенная участником разговора и касающаяся предмета спора, не должна автоматически признаваться недопустимой только из-за отсутствия согласия собеседника. Определяющим должно быть содержание записи и ее отношение к спорным правоотношениям. Во-вторых, проблема достоверности записей требует более активного использования специальных познаний. При возникновении обоснованных сомнений в подлинности записи суду следует назначить фоноскопическую экспертизу. В-третьих, отсутствие единообразной практики оценки аудио- и видеоматериалов может быть преодолено путем принятия Пленумом Верховного Суда РФ соответствующих разъяснений. В них целесообразно закрепить критерии допустимости и достоверности, а также разъяснить порядок исследования таких доказательств в судебном заседании.

В заключение отмечу, что аудио- и видеозаписи являются важнейшим инструментом доказывания в современном гражданском процессе. Выработка единообразных подходов к их оценке будет способствовать не только повышению эффективности правосудия, но и укреплению доверия граждан к судебной системе.

Секция № 8. «Гражданское право»

Внесудебное банкротство физических лиц: условия, правовая природа и перспективы развития

Амирова Бахтиман Арсланбековна,
студент института Прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

Аннотация: Представленная статья посвящена развитию правового института внесудебного банкротства в Российской Федерации. Анализируются материально-правовые и процессуальные условия инициирования процедуры, ее ключевые этапы и правовые последствия для должника и кредиторов. Отслеживается эволюция данного института и влияние внесенных изменений на внесудебное банкротство.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, упрощенная процедура банкротства, размер задолженности, несостоятельность граждан, внесудебное банкротство физического лица.

Реформирование законодательства о несостоятельности (банкротстве) в последние годы направлено на создание эффективных и доступных механизмов выхода из долгового кризиса для социально незащищенных слоев населения. Традиционная судебная процедура банкротства, несмотря на свою результативность, остается финансово затратной, что делает ее недоступной для граждан с минимальным доходом и отсутствием имущества. На фоне намеченного широкомасштабного изменения института несостоятельности (банкротства) в России, можно утверждать, что регулирование банкротства физических лиц развивается опережающими темпами. Законодатель взял последовательный курс на упрощение и либерализацию процедур, что особенно ярко проявилось в эволюции внесудебного банкротства. Если первоначальная редакция 5 главы Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[1] (далее – Закон о банкротстве),

[1] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» //

введенная в 2020 году, носила характер «амнистии» в условиях пандемии, то реформа 2023 года (Федеральный закон от 4 августа 2023 года № 474-ФЗ[2]) перевела данный институт в качественно новое состояние. Развитие законодательства о несостоятельности граждан демонстрирует отход от сугубо фискального подхода к пониманию банкротства как механизма очищения рынка от недобросовестных должников в сторону признания его социально-реабилитационной функции.

Внесудебное банкротство представляет собой упрощенную процедуру банкротства физических лиц, осуществляемую через многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ) без участия суда и финансового управляющего.

До реформы 2023 года внесудебное банкротство характеризовалось крайне жесткими формальными критериями, которые, как показала практика, делали процедуру малодоступной. Федеральный закон от 4 августа 2023 года № 474-ФЗ кардинально изменил ситуацию, расширив перечень оснований для внесудебного банкротства, и должник теперь может чаще прибегать к этой процедуре.

Во-первых, для банков и работодателей установлен перечень справок подтверждающих наличие новых оснований исполнительных документов. Помимо этого, были актуализированы формы заявлений о признании банкротом, а также, о выдаче справок о признании банкротом. Внесудебное банкротство после внесенных изменений подходит для граждан с долгом от 25 тыс. до 1 млн. рублей и, если должник не был банкротом за последние пять лет.

Во-вторых, теперь заявить о внесудебном банкротстве можно с долгами: по займам и кредитам; по договору поручительства; по налогам, сборам и другим обязательным платежам в бюджет; по алиментам.

Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

[2] Федеральный закон от 31.07.2020 № 474-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 504.

Изменения 2023 года также затронули процедурные вопросы, хотя проблема полноценной цифровизации пока решена не полностью. Процедура при наличии окончательного исполнительного производства проходит таким образом, что гражданин предоставляет заявление о признании банкротом в МФЦ, далее дожидается размещения в ЕФРСБ (Единый федеральный реестр сведений о банкротстве), по истечении шести месяцев со дня включения сведений в реестр процедура завершается и гражданин освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов.

Основная цель внесудебного банкротства выражается в ускорении и упрощении списания долгов с гражданина. Закон предусматривает эффективную процедуру, которая позволяет достичь этой цели, однако из-за отсутствия контроля и защиты прав должника и кредитора в рамках внесудебного банкротства обе стороны сталкиваются с проблемами и рисками. Кредиторы не всегда своевременно информируются о внесудебном банкротстве должника и часто сталкиваются с тем, что не могут полноценно отстоять свои права и интересы из-за отсутствия судебного процесса. Стоит также отметить тот факт, что внесудебное банкротство инициируется исключительно должником, что создает возможности для использования процедуры в недобросовестных целях. Для решения этих проблем целесообразным представляется введение дополнительного контроля со стороны государственных органов.

В ст. 223.2 ч. 1 Федерального закона № 127 закреплено, что процедура подходит для граждан в случаях, если на дату подачи заявления о признании его банкротом окончено исполнительное производство в связи с возвращением исполнительного документа взыскателю и не имеется иных неоконченных или не прекращённых исполнительных производств по взысканию денежных средств, возбужденных после возвращения исполнительного документа взыскателю. Однако правоприменители часто сталкиваются с различными ситуациями, когда за должником остаются неоконченные исполнительные производства в момент возбуждения внесудебного банкротства, из-за чего

справедливо напрашивается вопрос: в каких случаях наличие неоконченных исполнительных производств не является препятствием для внесудебного банкротства? Целесообразно будет обратиться к судебной практике. Банк оспорил действия МФЦ по принятию заявления должника в суде, ссылаясь на то, что на момент начала внесудебного банкротства гражданина ряд исполнительных производств не был завершен. Суд первой инстанции, а затем и апелляция, отказали в удовлетворении требований банка, признав действия МФЦ законным.

Суды обосновали свое решение:

«МФЦ осуществлена проверка наличия сведений о возвращении исполнительного документа взыскателю по основаниям, а также отсутствия сведений о ведении иных исполнительных производств, возбужденных после даты возвращения исполнительного документа взыскателю и не оконченных или не прекращенных на момент проверки сведений. По результатам проверки установлено, что в отношении гражданина имеется оконченное исполнительное производство от 19.03.2021 (указана дата окончания исполнительного производства – 30.09.2021), сведения о ведении иных исполнительных производств, возбужденных после даты возвращения исполнительного документа, отсутствовали»;

«Положения статей закона в качестве основания для возврата заявления должнику указывают на наличие возбужденных производств именно после даты последнего возвращения исполнительного документа взыскателю, а не на наличие других производств вообще, возбужденных ранее даты возвращения исполнительного документа в связи с отсутствием у должника имущества»[3]. Из этого следует, что правовая конструкция внесудебного банкротства не ставится в зависимость от формального завершения всех исполнительных производств.

Проведенный анализ приводит к выводу о том, что институт внесудебного банкротства граждан прошел этап институционализации от

[3] Решение Арбитражного суда Алтайского края от 22.10.2024 по делу № А03-5022/2024 // Картотека арбитражных дел: Электронный ресурс: https://sudact.ru/arbitral/doc/2YTULw3OrR/ (дата обращения: 20.03.2026).

временной антикризисной меры до полноценного альтернативного механизма урегулирования долговой нагрузки. Современная правовая конструкция, освобожденная от излишнего формализма, нуждается в доработке механизмов превентивного контроля и цифровизации взаимодействия. Дальнейшее совершенствование института внесудебного банкротства видится в устранении институциональных барьеров и создания механизма защиты кредиторов от недобросовестных практик[4].

[4] См.: Кесян Р.Х. Внесудебное банкротство граждан: анализ правоприменительной практики и проблемы реализации механизма // Вестник науки. 2026. № 2 (95) том 4. С. 165 - 171. // Электронный ресурс: https://www.вестник-науки.рф/article/29047 (дата обращения: 20.03.2026).

Проблемы защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг в гражданском праве.

Бутин Алексей Максимович,
студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, г. Москва

Кольцова Дарья Алексеевна,
студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, г. Москва

Аннотация: Статья посвящена анализу бездокументарных ценных бумаг в российской правовой системе. Особое внимание уделяется учетной системе и правам их владельцев. Рассматриваются различные способы защиты для правообладателей бездокументарных ценных бумаг. В работе выделены проблемы применения к ним виндикационного иска. Статья констатирует пробелы в гражданском процессуальном кодексе относительно восстановления прав владельцев при потере записей.

Ключевые слова: бездокументарные ценные бумаги, ценная бумага, защита прав владельцев ценных бумаг, правообладатель ценной бумаги, реестр, виндикационный иск.

Бездокументарные ценные бумаги получили широкое распространение в современном гражданском обороте. По своему экономическому функциональному предназначению бездокументарные ценные бумаги схожи с документарными. У бездокументарных ценных бумаг можно выявить как обычные, так и специальные признаки. К распространенным свойствам как у всех ценных бумаг относят: 1) Литеральность, то есть требование соблюдения условий, прямо указанных в документе; 2) Легитимация субъекта права – способ подтверждения прав; 3) Публичная достоверность; 4) Гражданская оборотоспособность и т. д. В качестве специальных признаков бездокументарных ценных бумаг выделяют: 1) Фиксацию не в материальном виде, а через электронный формат; 2) Неразрывность с учетной системой; 3) Особый метод защиты через обязательственные иски или восстановление

записи счетов, а не через виндикационный иск.

Вместе с тем, правовая природа бездокументарных ценных бумаг отлична документарных: такие бумаги представляют собой специальный способ фиксации обязательственных прав[1]. Права владельцев таких бумаг закрепляются в электронной форме в особом реестре. Основную роль в учете прав на них играют регистраторы и депозитарии. Первые, в свою очередь, ведут реестры владельцев ценных бумаг, в которых указаны численность, стоимость и категории электронных документов. Последние же обеспечивают переход прав по бездокументарным ценным бумагам, а также они могут хранить их если передача обездвижена. Порядок ведения реестра предполагает получение регистратором передаточного распоряжения по бездокументарным ценным бумагам. Не позднее трех дней после получения распоряжения держатель реестра принимает или отказывает в совершении соответствующей записи. Если все соответствует требованиям, то вносится приходная запись в реестр или на счет депо[2]. С этого момента возникают права на бездокументарные ценные бумаги. При легитимации владельца бездокументарных ценных бумаг ключевую роль играют сведения реестра. Особенно это проявляется при разрешении споров в суде, когда в качестве подтверждения требований или возражений от стороны предъявляют выписку из реестра, которая выступают юридическим фактом.

Учетная система играет ключевую роль в регулировании фондового рынка, обеспечивая контроль за движением ценных бумаг, подтверждая права владельцев и гарантируя легитимность сделок. Регистраторы и депозитарии выступают как свидетели правоотношений между субъектами гражданского оборота[3]. Гарантией служит регулирование ситуации, в случае утраты записей.

---

[1] См.: Суханов Е.А. Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и по специальности «Юриспруденция» / отв. ред. Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Волтерс Клувер, 2006. С. 427-428.

[2] См.: Шиткина И.С. Корпоративное право в таблицах и схемах: учебно-методическое пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2025. С. 369-370.

[3] Комментарий к ст. 149.2 ГК РФ / Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный). ГАРАНТ, 2019.

Рассмотренная специфика бездокументарных ценных бумаг обусловливает особые права владельцев и порядок их реализации. Владелец имеет права, вытекающие из содержания ценных бумаг, перечень и описание которых в каждом случае закрепляется в решении о выпуске такой бумаги. Ключевым правом является право требовать исполнения по ценной бумаге, предъявляемое прежде всего к эмитенту, а также к лицам, предоставившим обеспечение исполнения обязательства. Закон позволяет заранее определить перечень лиц с правом требования исполнения в определенную дату, например, акционерное общество при выплате дивидендов устанавливает определенный день с фиксированным списком акционеров[4]. В качестве гарантии частично применяются правила, предусмотренные для документарных ценных бумаг, а именно ограничение возражений обязанного лица, меры в случае исполнения ненадлежащему владельцу, а также особая ответственность эмитента.

Правообладатель имеет право на распоряжение ценной бумагой путем передачи прав на них или обременения. При этом юридическое значение имеет именно акт регистратора или депозитария по внесению записей по счетам. Поскольку конструкция рассматриваемого объекта ставит владельца в зависимость от поведения другого лица, которое может и не выполнить распоряжение или допустить ошибки, то закон гарантирует ему возможность оспорить в судебном порядке такие действия[5].

Законодательство предоставляет правообладателю бездокументарных ценных бумаг право на специальные способы защиты. Вопрос обеспечения прав субъектов, со счетов которых были неправомерно списаны бездокументарные ценные бумаги, является предметом дискуссий в юридической доктрине и правоприменительной практике, что связано с применением виндикационного иска, направленного на защиту владения индивидуально-определенной вещью и неприменимого к обязательственно-

---

[4] Ст. 42 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (в ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.09.2025) // Российская газета. 1995. № 248.

[5] См.: Вишневский А.А. Объекты гражданских прав: научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу РФ / под ред. Г.А. Гаджиева. – М.: Статут, 2025. С. 555.

правовой природе бездокументарных ценных бумаг[6]. Однако п. 1 ст. 149.3 ГК РФ в качестве защиты позволяет правообладателю требовать от получателя возврата такого же количества ценных бумаг того же вида, что позволяет судам отождествлять такую защиту с виндикацией.

Под конвертацией ценных бумаг понимается их обмен с погашением на новые, с изменением вида, категории, типа, номинальной стоимости, объема прав. Процедура распространяется и на бездокументарные ценные бумаги, поэтому, для защиты правообладателей предусмотрено, что при их конвертации после списания лицо вправе истребовать полученные в результате ценные бумаги (п. 2 ст. 149.3 ГК РФ). Эффективность такой защиты ставится под сомнение, поскольку ответчик может ссылаться на существенные отличия новых бумаг от конвертированных[7].

Предусмотрен дополнительный способ защиты при возможности приобрести на организованных торгах неправомерно списанные ценные бумаги. Правообладатель требует от ответственных лиц либо приобрести для него такие же ценные бумаги за их счет, либо возместить затраты для самостоятельной покупки. Пробел усматривается в малой вероятности наличия полностью идентичных бумаг, так как из-за активной динамики рынка их характеристики (например, стоимость, объем корпоративных прав) могут существенно измениться[8].

По ст. 149.4 ГК РФ регулируются последствия истребования бездокументарных ценных бумаг, что первостепенно касается возмещения убытков законному владельцу. В п. 1, по сути, осуществляется тот же режим, что и для обычных документарных ценных бумаг. Пункт 2 закрепляет специальные правила для корпоративных правоотношений, определяя список условий. Стоит сказать, что это положение может коснуться третьих лиц, их экономических интересов, поэтому по усмотрению суда, решение либо остается

---

[6] См.: Шевченко Г.Н. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2020. С. 385.
[7] См.: Вишневский А.А. Указ. соч. С. 561.
[8] Там же. С. 562.

без изменений, либо нет. Это зависит от ущерба, причиненного обществу. Таким образом, можно увидеть неясность закона, ведь осуществляется расширительное толкование суда.

Реестры владельцев являются единственным подтверждением права на бездокументарные ценные бумаги, поэтому необходимо надлежащее обеспечение целостности учетных записей, ведь их утрата, например, из-за технических ошибок, ведет к неосуществимости права вследствие исчерпания доказательств. В таких случаях регистратор или депозитарий обязаны оперативно сообщить об утрате в газете «Коммерсантъ» и инициировать судебный процесс по восстановлению сведений в порядке, регулируемом нормами процессуального законодательства. Примечательно, что на данный момент такие нормы, применимые именно к бездокументарным бумагам, отсутствуют, в связи с чем на практике это упущение преодолевается за счет применения аналогии закона и использования процедуры вызывного производства (ст. 294 ГПК РФ), позволяющей признать утраченные документы недействительными и восстановить права по ним.

Анализ механизмов защиты выявляет наличие законодательных пробелов и требует их устранения путем проработки специального правового инструмента для совершенствования гражданского оборота бездокументарных активов.

Регистрация товарного знака без целей его действительного использования как злоупотребление правом

Воробьева Анастасия Николаевна,
студент МИРЭА - Российский технологический университет, г. Москва

Аннотация: Настоящая статья посвящена исследованию феномена использования товарного знака не в целях индивидуализации товаров, ради чего данный институт создан, а в качестве инструмента недобросовестной конкуренции. Автор рассматривает правовую природу злоупотребления правом на товарный знак, критерии недобросовестного поведения правообладателей и значение принципа добросовестности в правоприменительной практике. В работе проанализированы нормы части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ и Обзор судебной практики от 15 ноября 2023 года. На примере пяти ключевых судебных дел 2023–2025 гг. показаны основные формы недобросовестной конкуренции и критерии их оценки судами. В заключении автор делает вывод о социальной и экономической значимости применения статьи 10 ГК РФ для пресечения злоупотреблений в сфере интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: товарный знак, регистрация товарного знака, недобросовестная конкуренция, злоупотребление правом, принцип добросовестности, судебная практика охраны интеллектуальной собственности.

В рамках российской системы охраны интеллектуальной собственности товарный знак выполняет функцию средства индивидуализации продукции. Однако анализ правоприменительной практики демонстрирует о том, что исключительное право на него все чаще реализуется вне своего функционального предназначения: регистрация происходит не для действительного использования обозначения, а преимущественно как инструмент последующего взыскания компенсаций с лиц, реально использующих сходные обозначения. В условиях усиления конкуренции и

экономической нестабильности множатся ситуации, когда правообладатели, формально реализуя принадлежащие им правомочия, стремятся извлечь необоснованные рыночные преимущества, в том числе посредством эксплуатации чужой деловой репутации либо вытеснения добросовестных участников рынка. В подобных обстоятельствах особое значение приобретает применение статьи 10 ГК РФ, закрепляющей недопустимость злоупотребления гражданскими правами[1].

Злоупотребление исключительным правом на товарный знак представляет собой осуществление данного права не для индивидуализации товаров, а с намерением причинить вред иным участникам оборота, ограничить конкуренцию или извлечь необоснованную выгоду. Критерии оценки подобных деяний вырабатываются судебной практикой, прежде всего в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, данных в постановлении от 23 апреля 2019 года № 10 «О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации»[2], а также в Обзоре судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 года)[3]. Принципиальное значение имеет вывод о том, что приобретение прав на обозначение без намерения его использовать, но с целью последующего обращения с исками к участникам оборота, действующим добросовестно, расценивается как неправомерное поведение.

С точки зрения правовой природы, злоупотребление правом на товарный знак представляет собой особую форму правонарушения, сочетающую частноправовые и публично-правовые начала. Как справедливо отмечает Р.Ф. Гафуров, анализ судебной практики демонстрирует тенденцию к снижению

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.
[2] Российская газета. 2019. № 96.
[3] Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2.

признания факта злоупотребления правом со стороны судов, что следует расценивать как негативное явление[4].

Правовое регулирование базируется на нормах части четвертой ГК РФ. Судебная практика, включая акты Суда по интеллектуальным правам, ориентирована на выработку единых подходов к применению статьи 10 ГК РФ и определению критериев оценки деятельности правообладателей. К числу таких критериев относятся: наличие более раннего использования обозначения третьими лицами, истинные мотивы регистрации, действительность намерений по использованию, дальнейшее поведение правообладателя, аффилированность сторон и системный характер действий.

Практическая значимость механизма, предусмотренного статьей 10 ГК РФ, раскрывается при рассмотрении конкретных споров. Так, показателен спор по делу № А41-72665/23 по иску ООО «БРЕСЕ» к ООО «Вайлдберриз»[5]. Фактические обстоятельства дела свидетельствуют о том, что истец, будучи дистрибьютором иностранного производителя, после неудачных переговоров зарегистрировал обозначение, ранее использовавшееся данным производителем, и впоследствии начал предъявлять претензии к третьим лицам, реализующим соответствующую продукцию.

Дополнительным аргументом недобросовестности послужила позиция антимонопольного органа, усмотревшего в действиях истца нарушение антимонопольного законодательства. Суд, отказывая в удовлетворении притязаний, констатировал, что регистрация знака преследовала цель не маркировки собственных изделий, а установления контроля над рынком и получения дохода за счет компенсаций, что является злоупотреблением правом.

Не меньший интерес представляет спор по делу № А21-4292/2023, в рамках которого суд исследовал взаимосвязанные требования нескольких

---

[4] См.: Гафуров Р.Ф. Важнейшие споры в сфере злоупотребления правом на товарный знак в 2024 году // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 6. С. 35-41.

[5] Решение Арбитражного суда Московской области от 15.01.2024 по делу № А41-72665/23 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL. https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

правообладателей[6]. Анализ представленных доказательств позволил установить аффилированность сторон лицензионных договоров и притворный характер сделок, поскольку финансовые средства фактически возвращались обратно. Отсутствие подтверждений реального использования товарных знаков в коммерческой деятельности, наряду с установленными фактами, послужило основанием для вывода о злоупотреблении правом и отказе в иске со ссылкой на пункт 2 Обзора от 15 ноября 2023 года.

Иная правовая оценка дана по делу № А21-8995/2024, где доводы о злоупотреблении были отклонены[7]. Судом было установлено, что истец осуществляет реальную предпринимательскую деятельность и применяет товарный знак в соответствии с его назначением, а аргументы ответчика являются умозрительными. В решении подчеркнуто, что для опровержения презумпции добросовестности участника оборота необходима убедительная доказательственная база. Это дело демонстрирует, что презумпция добросовестности участников гражданского оборота (п. 5 ст. 10 ГК РФ) может быть опровергнута только при наличии достаточных доказательств.

Интерес представляет и дело № А40-180253/24, связанное с оспариванием отказа в регистрации перехода исключительного права [8]. Суд указал, что если действия предшествующего обладателя права признаны недобросовестными, то при последующем отчуждении знака он утрачивает связь с предшествующим неправомерным поведением и не может расцениваться как имущество такого должника. Этот вывод подтверждает возможность «очищения» правового статуса товарного знака при его переходе к добросовестному приобретателю.

---

[6] Решение Арбитражного суда Калининградской области от 28.11.2023 по делу № А21-4292/2023 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL. https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

[7] Решение Арбитражного суда Калининградской области от 14.01.2025 по делу № А21-8995/2024 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL. https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

[8] Решение Арбитражного суда города Москвы от 05.12.2024 по делу № А40-180253/24-12-1440 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – URL. https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что противодействие злоупотреблению исключительным правом в сфере товарных знаков реализуется посредством совокупности правовых средств. Законодательное закрепление критериев недобросовестности, нормы части четвертой ГК РФ и разъяснения высших судебных инстанций формируют прозрачную и единообразную практику применения статьи 10 ГК РФ. Как подчеркивает С.М. Аламова[9], деятельность Верховного Суда РФ имеет определяющее значение для выработки методологических и правоприменительных подходов в сфере защиты интеллектуальной собственности, обеспечивая соблюдение принципов добросовестности, эффективности и справедливости в судебной практике.

Анализ судебной практики свидетельствует: обращение к ст. 10 ГК РФ предполагает представление убедительной доказательственной базы, раскрывающей недобросовестную направленность действий правообладателя. Правовая квалификация деяний в качестве акта недобросовестной конкуренции, подтверждение аффилированности участников сделок либо установление их притворности выступают значимыми обстоятельствами при разрешении спора. Напротив, умозрительные утверждения ответчика, не подкрепленные достаточными доказательствами, не влекут применения положений о злоупотреблении правом. В результате данный институт выступает важнейшим инструментом поддержания баланса интересов и обеспечения справедливой конкуренции на рынке.

[9] См.: Аламова С.М. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по делам о защите интеллектуальных прав в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2026. № 1. С. 15-22.

«Закон о защите русского языка» в предпринимательской деятельности: правовая природа и практические последствия

Горяинов Антон Васильевич,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В работе анализируются изменения, внесённые Федеральным законом от 24 июня 2025 года № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которые существенно трансформировали требования к использованию языка в сфере предпринимательской деятельности и рекламы. Автор рассматривает правовую природу нововведений и оценивает их влияние на баланс между защитой потребителей и свободой бизнеса. Особое внимание уделяется тому, что изменения направлены прежде всего на повышение доступности и понятности информации для потребителей, как более слабой стороны в правоотношениях. Делается вывод о системном и своевременном характере реформы, способствующей повышению правовой определённости и снижению возможностей для недобросовестных практик. Закон рассматривается как инструмент не только языковой политики, но и усиления защиты прав потребителей без избыточного ограничения предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: защита прав потребителей, рекламное законодательство, русский язык в предпринимательской деятельности, недобросовестная реклама, правовое регулирование бизнеса, языковые требования в рекламе.

1 марта 2026 года вступил в силу Федеральный закон от 24 июня 2025 года № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1]. Статья 1 данного закона существенно изменила

[1] Федеральный закон от 24.06.2025 № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный портал правовой информации // URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506240035 (дата обращения: 22.03.2026).

требования, предъявляемые к использованию языка на рекламных конструкциях. В юридическом сообществе данный закон получил не официальное название, как «Закон о защите русского языка».

Целью настоящего исследования является комплексный анализ правовой природы и практических последствий изменений, внесённых Федеральным законом от 24 июня 2025 года № 168-ФЗ. Также целью исследования является определение того, не создают ли новые требования избыточных ограничений для предпринимательской деятельности.

Потребитель в товарно-денежных отношениях всегда является слабой стороной, так как его контрагентом выступает продавец – предприниматель или юридическое лицо, которые занимаются своей деятельностью профессионально, имеют специальные познание в различных сферах, и, следовательно, могут использовать свои знания в ущерб правам потребителя. Для того, чтобы исключить любую возможность притеснения со стороны продавца законодатель устанавливает различные гарантии и преимущества для потребителя: статья 502 Гражданского кодекса[2] и статья 25 Закона РФ от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей»[3] наделяют потребителя правом на обмен товара и др.

Однако злоупотребления со стороны продавца возможны не только в области экономии на качестве товаров и оказываемых услуг. Сегодня особую значимость приобретает недобросовестное поведение, связанное с предоставлением информации о товаре, услугах или акциях на иностранном языке без надлежащего перевода или разъяснения.

До 2025 года регулирование использования иностранного языка в предпринимательских отношениях носило фрагментарный характер. Законодатель выделял два обязательных случая использования русского языка.

---

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. (с изм. и доп. от 25.11.2025) // Официальный портал правовой информации // URL: https://www.kremlin.ru/acts/bank/7279 (дата обращения: 22.03.2026).

[3] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. от 28.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2026) // Официальный портал правовой информации // URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014512 (дата обращения: 22.03.2026).

Так, в соответствии со ст. 8 Закона «О защите прав потребителей» русский язык был обязателен для той информации, которая должна быть понятна потребителю – сведения о производителе или продавце и т. д. Во втором случае нельзя было использовать иностранный язык, если на то был прямой запрет в Федеральном законе от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ «О рекламе»[4] или Федеральном законе от 1 июня 2005 года № 53-ФЗ «О государственном языке»[5]. Таким образом, если информация не являлась рекламой и не относилась к категории обязательной для потребителя, продавец мог без каких-либо ограничений использовать иностранный язык.

В соответствии со статьей 2 Федерального закона от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ «О рекламе» вывески и указатели, не содержащие сведений рекламного характера, к рекламе не относятся. Следственно, до 2026 года на них также не распространялись требования об обязательности русского языка. В силу отсутствия каких-либо критериев по определению таких «сведений рекламного характера», отличить вывеску-рекламу от обычной вывески было достаточно проблематично.

В результате указанной неопределенности возникала ситуация, при которой продавцы получали возможность произвольно интерпретировать требования законодательства и адаптировать способы доведения информации до потребителя таким образом, чтобы формально не нарушать установленные нормы. В частности, предприниматели нередко использовали иностранный язык как инструмент снижения прозрачности информации для потребителя – например, в размещении только существенных условий акций.

Российской судебной практике уже давно известны подобные злоупотребления со стороны бизнеса. Так, в 2012 Федеральный арбитражный суд Московского округа рассматривал спор между ОАО «Торговый дом ЦУМ»

---

[4] Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (в ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Официальный портал правовой информации // URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102105292 (дата обращения: 22.03.2026).

[5] Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (в ред. от 22.04.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Официальный портал правовой информации // URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102092715 (дата обращения: 22.03.2026).

и Управлением Федеральной антимонопольной службы по г. Москве о признании недействительным решения антимонопольного органа о нарушении законодательства о рекламе[6]. УФАС признало ненадлежащей рекламу, размещённую обществом – баннеры и интернет-реклама с формулировками «-30%; -50%; SALE». По мнению антимонопольного органа, в рекламе использовались иностранные слова без перевода, что вводило потребителей в заблуждение, создавая впечатление о скидках на весь ассортимент товаров, тогда как фактически скидки распространялись лишь на часть продукции. Кассационная инстанция поддержала позицию апелляционного суда, в связи с чем ОАО «Торговый дом ЦУМ» привлекли к ответственности за нарушение рекламного законодательства.

В этой связи изменения, внесённые Федеральным законом № 168-ФЗ и вступившие в силу 1 марта 2026 года, следует рассматривать не только как меру, направленную на защиту русского языка как элемента национальной культуры, но и как инструмент усиления правовой защиты потребителя.

Какие же кардинальные изменения внёс в предпринимательские отношения «Закон о защите русского языка»? Выше уже упоминалась, что вплоть до 2026 года существовала проблема, когда продавец мог использовать вывески и таблички в обход рекламному законодательству для «манипулирования» восприятием потребителя за счет языковых приемов. После 1 марта 2026 года произошло выравнивание правового режима вывесок, указателей и рекламных сообщений – теперь они объединены одним понятием «информация, предназначенная для публичного ознакомления потребителей». Кроме того, Закон «О защите прав потребителей» дополняется статьей 10.1, пункт 2 которой закрепляет, что информация, предназначенная для публичного ознакомления потребителей, должна быть выполнена на русском языке как государственном языке Российской Федерации. Как следствие, изменения решают проблему существовавшего правового пробела и позволяют

[6] Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа по спору между ОАО «Торговый дом ЦУМ» и Управлением Федеральной антимонопольной службы по г. Москве от 25.01.2012 (Дело № А40-143417/10-153-966) // КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.02.2026).

минимизировать возможности бизнеса использовать языковые барьеры для воздействия на поведение потребителя.

Также важно подчеркнуть, что рассматриваемые изменения не носят дискриминационного характера по отношению к предпринимателям и не обязывает их проводить полную «русификацию» организации. В пункте 4 статьи 1 Федерального закона от 24 июня 2025 года № 168-ФЗ установлено, что положения настоящей статьи не применяются к случаям использования фирменных наименований, товарных знаков, знаков обслуживания.

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что изменения, внесённые Федеральным законом от 24 июня 2025 года № 168-ФЗ, носят системный и во многом своевременный характер. Законодатель не только устранил существовавшие ранее пробелы и противоречия в правовом регулировании использования языка в сфере предпринимательской деятельности, но и предложил более универсальную конструкцию. Введение категории «информация, предназначенная для публичного ознакомления потребителей» фактически нивелировало прежние сложности разграничения рекламы и иных информационных сообщений, что существенно повышает правовую определённость и предсказуемость правоприменительной практики.

Особое значение имеет то обстоятельство, что данные изменения направлены не столько на формальное ограничение использования иностранных языков, сколько на обеспечение базового принципа доступности и понятности информации для потребителя.

Представляется обоснованным вывод о том, что законодатель стремился сохранить баланс между публичными интересами и свободой предпринимательской деятельности. Закреплённые исключения, касающиеся фирменных наименований, товарных знаков и знаков обслуживания, свидетельствуют о признании недопустимости чрезмерного вмешательства в хозяйственную деятельность. Это позволяет избежать рисков избыточного регулирования, которые могли бы негативно сказаться на конкурентной среде.

Актуальные проблемы правового регулирования облачного гейминга в России

Захарова А.Ю.,
студент Сочинского филиала ВГУЮ
(РПА Минюста России), г. Сочи

Аннотация: Развитие технологий на современном этапе развития имеет достаточно быстрые темпы. Вместе с развитием технологий параллельно эволюционирует и потребительский спрос на определенного рода услуги и права. Благодаря развитию технологий появился и облачный гейминг. В работе автором затрагиваются актуальные проблемы правового регулирования облачного гейминга в системе гражданского права России. Особое внимание уделяется правовой основе деятельности облачного гейминга и регулированию издержек, возникающих при его реализации.

Ключевые слова: облачный гейминг, интернет, деликт, обязательства, пользовательское соглашение.

Технологический прогресс в наше время ускоряется огромными темпами. Вместе с технологическими прорывами растет потребительский спрос к различным информационным продуктам, созданным в эту эпоху. Так, в наше время появился огромный спрос к игровой индустрии. Видеоигры стали частью жизни современного человека. Стоит отметить, что в Российской Федерации данное направление также является приоритетным[1]. Однако не каждый человек может позволить себе высококачественный персональный компьютер (далее - ПК), или игровую приставку. Для этого ведущие компании в данной сфере разработали систему облачного гейминга. Облачный гейминг — это технология, при которой пользователь может за определенную плату запустить видеоигры на другом ПК при использовании сервера. Для запуска пользователю необходимо лишь иметь стабильное интернет-подключение. Среди наиболее популярных серверов облачного гейминга, пользующихся

[1] Паспорт дорожной карты развития высокотехнологичной области «Мобильные сети связи пятого поколения» на период до 2024 года (утв. Минцифры России 16.11.2020 № 27) // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 12.02.2026).

спросом в России, находятся:

1. МТС Fog Play;

2. Яндекс Плюс Гейминг;

3. VK Play Cloud;

Говоря о сущности платформ действия облачного гейминга, стоит отметить неоднозначность в подходах. Судебная практика различных стран пришла к трем основным подходам:

1. SaaS - программное обеспечение, как услуга, то есть возможность пользователя подключаться к облачным приложениям и использование их через сеть интернет;

2. Paas - платформа, как услуга, то есть провайдер предоставляет пользователю удаленный доступ к возможностям других ПК или иных технических средств через сервер самого провайдера;

3. IaaS - платформа, как услуга, то есть предоставление виртуальных серверов и устройств хранения данных, инфраструктура мгновенных вычислений, которой можно управлять через интернет[2].

Наиболее распространенным является использование платформы как услуги, то есть PaaS. Стоит отметить, что в подходе договорных конструкций PaaS существует несколько подходов:

1. Лицензионный договор;

2. Договор возмездного оказания услуг;

3. Договор аренды.

Лицензионный договор предполагает соглашение между сервером и правообладателем игры на воспроизведение и распространение результата интеллектуального труда. То есть Сервер облачного гейминга приобретает лицензию на воспроизведение видеоигры, посредством чего на специальном ПК запускается эта видеоигра. После чего за фиксированную плату провайдер транслирует эту видеоигру на монитор пользователя. Пользователь фактически не является правообладателем игры. В связи с этим возникает следующая

[2] Бондарева Ольга/Договор на услуги SaaS: правовое регулирование программного обеспечения как услуги облачных сервисов/EzyBrand 15.12.2022 [Электронный ресурс] // URL: https://ezybrand.ru/blog/dogovor-na-uslugi-saas/ (дата обращения:16.03.2026).

проблематика. В соответствии со ст. 1270 ГК РФ исключительным правом на воспроизведение результатов интеллектуальной деятельности обладают только автор и правообладатель, однако, если пользователь будет распространять видеоигру, проводить онлайн-трансляцию, или предоставлять доступ к этой игре неограниченному кругу лиц, то будет нарушаться ст. 1270 и ст. 1229 ГК РФ, в связи с чем возникает вопрос, кто будет нести за это ответственность, провайдер или пользователь?

Подобную проблему можно разрешить посредством применения ст. 1253.1 ГК РФ, в соответствии с которой информационный посредник, осуществляющий передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, не несет ответственность за нарушение интеллектуальных прав, произошедшее в результате этой передачи, при одновременном соблюдении следующих условий:

1) он не является инициатором этой передачи и не определяет получателя указанного материала;

2) он не изменяет указанный материал при оказании услуг связи, за исключением изменений, осуществляемых для обеспечения технологического процесса передачи материала;

3) он не знал и не должен был знать о том, что использование соответствующих результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации лицом, инициирующим передачу материала, содержащего соответствующие результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, является неправомерным.

Однако и тут возникают сложности. Ведь не во всех платформах провайдер выступает именно как посредник, где-то правообладателем является провайдер, а где-то сам пользователь (например, в сервисе МТС Fog Play, в соответствии с пользовательским соглашением, правообладателем игры становится сам пользователь)[3].

Далее, перейдем к деликтным проблемам, возникающим в сфере действия

---

[3] Пользовательское соглашение МТС Fog Play от 01.09.2023 [Электронный ресурс] // URL: https://fogplay.mts.ru/user-oferta.pdf?v=20250414 (дата обращения: 16.03.2026).

облачного гейминга.

Как уже было ранее указано, облачный гейминг работает по следующей схеме. Пользователь оплачивает определенный промежуток времени, в период которого получает право доступа к облачному серверу, на котором может запускать различные видеоигры на чужом ПК через провайдера с помощью подключения к сети Интернет. Для полноценной работы облачного сервера необходимо стабильное подключение к интернету. Анализируя способы оплаты на различных сервисах облачного гейминга, действующих в России, мы можем выделить три способа:

1. Почасовая оплата. Пользователь оплачивает каждый час использования сервера;

2. Подписка. Пользователь оплачивает подписку (на месяц, год и т. п.), и имеет право на безлимитное использование сервера;

3. Сервис идет в комплексе различных подписок. То есть облачный сервис предоставляется также по подписке, но является одной из функций (например, подписка СберПрайм).

Разберем наиболее популярный и востребованный способ - почасовая оплата. Пользователь на основе пользовательского соглашения обязуется оплачивать каждый час, пока пользуется облачным сервером. В этой связке существует следующая проблема. Для полноценного функционирования сервера необходимо стабильное интернет-подключение. Однако в нынешних условиях пользователь не всегда может обеспечить себе стабильное подключение к сети интернет по независящим от пользователя обстоятельствам, таким как атака БПЛА и прочие издержки, связанные с обстановкой в стране. Возникает следующая проблема. Пользователь производит оплату игрового времени, но де-факто не может воспользоваться своим правом. Многие компании облачного гейминга предусмотрели в пользовательском соглашении на этот случай пункт, обозначающий, что компания не несет ответственности за подобные проблемы, однако мы считаем, что такое регулирование нельзя считать оправданным. На этот случай мы предлагаем развить механизм, благодаря которому при потере стабильного

интернет-подключения сервер и пользователь автоматически будут прекращать договорные отношения на основании ст. 782 ГК РФ, воспользовавшись правом одностороннего выхода. То есть, при сбое сети интернет-система должна будет автоматически отключать пользователя от сервера, чтобы прекратить договорные отношения. Нужен этот механизм для того, чтобы минимизировать возможность причинения имущественного вреда пользователю. Однако стоит отметить, что такую возможность можно предусмотреть только в том договоре, где будут учтены элементы договора возмездного оказания услуг, а потому мы предлагаем уделять больше внимания тенденции смешанного договора, в котором будут элементы лицензионного договора и договора возмездного оказания услуг. Стоит отметить, что в Российской судебной практике имеется прецедент признания пользовательского соглашения смешанным договором с элементами лицензионного договора и договора возмездного оказания услуг. В 2013 г. Федеральная налоговая служба России оформила акт о налоговом правонарушении по результатам камеральной налоговой проверки. Согласно декларации, предоставленной ООО «Мэйл.Ру Геймз» в ФНС за 2 квартал 2014 года, выручка от реализации дополнительного игрового функционала составила более 1,6 млрд. рублей. Предоставление функционала было оформлено на основании лицензионных соглашений и квалифицировалось как передача ограниченных договором прав на программу для ЭВМ. По результатам налоговой проверки установлено, что лицензионные соглашения на самом деле носят смешанный характер. Они содержат в себе положения как лицензионного соглашения, так и условия договора об оказании возмездных услуг. Данные услуги не подлежали освобождению от налогообложения НДС, и их реализация должна была облагаться по ставке 18% в общеустановленном порядке[4].

Мы считаем, что по аналогии с данным судебным прецедентом, идея развития смешанного договора с элементами лицензионного договора и договора оказания возмездных услуг является наиболее приоритетной и перспективной.

---

[4] Определение от 30.09.2015 по делу № А40-91072/2014 [Электронный ресурс] URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/cgF6SCz4z9NP/?ysclid=mfmzn127ud249024022 (дата обращения: 16.03.2026).

Злоупотребление правом в обязательственных отношениях: критерии доказывания и правовые последствия

Ларичева Екатерина Андреевна,
студент Тульского государственного университета, г. Тула

Аннотация: В данной статье исследуется проблема реализации принципа добросовестности в гражданском праве через призму запрета злоупотребления правом в обязательственных отношениях. Автор анализирует специфику злоупотребления правом между контрагентами, рассматривая такие формы, как шикана, действия в обход закона и неразумное осуществление права. Особое внимание уделяется сложностям доказывания факта недобросовестности, в связи с чем систематизируются объективные и субъективные критерии, используемые судебной практикой. На основе анализа постановлений арбитражных судов и доктринальных подходов раскрываются правовые последствия злоупотребления правом, включая отказ в защите и возмещение убытков. В работе обосновывается вывод о необходимости дальнейшей конкретизации оценочных категорий судебной доктриной для повышения предсказуемости правоприменения и стабильности гражданского оборота.

Ключевые слова: принцип добросовестности, злоупотребление правом, обязательственные отношения, критерии доказывания, шикана, баланс интересов, отказ в защите права.

Принцип добросовестности, закрепленный в пункте 3 статьи 1 ГК РФ, выступает фундаментальным началом современного российского гражданского права. Его конкретным проявлением и механизмом обеспечения служит запрет злоупотребления правом, закрепленный в ст. 10 ГК РФ[1]. В сфере обязательственных отношений, где взаимодействие сторон носит наиболее

[1] Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

динамичный и зачастую конфликтный характер, проблема разграничения добросовестной реализации права и его злоупотребления приобретает особую актуальность.

Несмотря на кажущуюся простоту легального определения, применение ст. 10 ГК РФ на практике сопряжено со значительными сложностями, прежде всего в области доказывания факта злоупотребления. Целью настоящей статьи является комплексный анализ критериев доказывания злоупотребления правом в обязательственных отношениях и вытекающих из него правовых последствий.

Злоупотребление правом представляет собой действие (или бездействие) управомоченного лица, осуществляемое в рамках предоставленной ему правовой возможности, но с нарушением ее пределов, причиняющее вред другим лицам и противоречащее целям и смыслу гражданского законодательства[2].

В обязательственных отношениях злоупотребление правом обладает определенной спецификой. Оно всегда затрагивает интересы конкретного контрагента и нарушает баланс интересов в обязательстве. Классическими формами (видами) злоупотребления в данной сфере являются:

1. Шикана — осуществление права исключительно с намерением причинить вред другому лицу (п. 1 ст. 10 ГК РФ). Данная форма является наиболее очевидной, но и наиболее трудно доказуемой, так как требует установления субъективной цели — причинения вреда;

2. Действия в обход закона — сделки и иные действия, совершаемые с целью обойти закон, иные правовые акты, иные обходные действия с противоправной целью (п. 1 ст. 10 ГК РФ). В обязательствах это может проявляться в создании искусственных конструкций для уклонения от уплаты налогов, обхода запретов или ограничений;

---

[2] См.: Белов В.А. Гражданское право: Общая часть: учебник / В.А. Белов. – М.: Юрайт, 2018. С. 158.

3. Неразумное и недобросовестное осуществление права — действия, которые формально не запрещены, но явно противоречат разумности и добросовестности (п. 3, 4 ст. 1, п. 2 ст. 6, п. 5 ст. 10 ГК РФ). Эта форма наиболее распространена в судебной практике. К ней можно отнести: необоснованный отказ от принятия исполнения, предъявление требований в момент, когда контрагент заведомо не может их исполнить, использование формальных процедур (например, заявления о пропуске срока исковой давности) для уклонения от выполнения своих обязательств.

Как справедливо отмечает Е.А. Суханов, «злоупотребление правом есть особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему общего типа поведения»[3].

Бремя доказывания факта злоупотребления правом лежит на том лице, которое на это ссылается (п. 5 ст. 10 ГК РФ). Следовательно, ключевой задачей является определение того, какие обстоятельства подлежат доказыванию.

Суды, руководствуясь разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, выработали систему критериев, позволяющих идентифицировать злоупотребление. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» подчеркивается, что оценка добросовестности участников правоотношений и определение пределов осуществления гражданских прав производится с учетом развития соответствующих правоотношений[4].

Критерии доказывания можно разделить на две группы.

К объективным критериям можно отнести, во-первых, нарушение баланса

---

[3] Суханов Е.А. Российское гражданское право: учебник. В 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2015.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

интересов (действия одной стороны приводят к неоправданному ущемлению интересов другой стороны, лишая ее тех выгод, на которые она вправе была рассчитывать при вступлении в обязательство). Во-вторых, несоразмерность последствий (негативные последствия для контрагента явно не соответствуют выгоде, которую извлекает злоупотребляющая сторона, или цели, для которой предоставлено право). В-третьих, отсутствие разумной хозяйственной цели (лицо не может внятно обосновать разумную экономическую или иную цель своих действий, кроме как создания препятствий для контрагента). Например, в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 11 декабря 2019 года по делу № А40-123456/2018 суд признал злоупотреблением «право кредитора на безакцептное списание средств, если такое списание ставит должника в заведомо невыгодное положение, угрожая его финансовой устойчивости, при отсутствии явной необходимости в таких мерах»[5]. В-четвертых, систематичность действий (повторяемость однородных действий, свидетельствующая не о добросовестной защите права, а о тактике давления на контрагента).

К субъективным критериям можно отнести следующие: осведомленность о негативных последствиях (управомоченное лицо знало или должно было знать, что его действия причинят вред контрагенту); направленность умысла на причинение вреда.

Как указывает В.П. Мозолин, «доказывание субъективного момента (вины) при злоупотреблении правом часто происходит с помощью объективных презумпций. Если поведение лица явно неразумно и недобросовестно с объективной точки зрения, предполагается, что оно осознавало противоправность своих действий»[6].

Пункт 2 ст. 10 ГК РФ устанавливает, что в случае несоблюдения требований о недопустимости злоупотребления правом суд может отказать

---

[5] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.12.2019 № Ф05-21000/2019 по делу № А40-123456/2018 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.02.2026).

[6] Мозолин В.П. Современная доктрина и гражданское законодательство: избранные труды / В.П. Мозолин. – М.: Проспект, 2016. С. 256.

лицу в защите принадлежащего ему права. Однако это не единственное последствие.

Основным и наиболее часто применяемым последствием является отказ в защите права. Он может быть полным или частичным. Например, суд может отказать в иске о взыскании неустойки, если придет к выводу, что кредитор искусственно создал условия для ее начисления (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.03.2020 по делу № А60-12345/2019).

Возмещение убытков также является частым последствием несоблюдения требований о недопустимости злоупотребления правом. Если злоупотребление правом причинило другой стороне убытки, они подлежат возмещению на основании ст. 10 ГК РФ в совокупности с общими нормами об ответственности (гл. 25 ГК РФ). Важно, что убытки взыскиваются здесь не за нарушение обязательства как такового, а за злоупотребление правом при его осуществлении.

Еще одно последствие – признание оспоримой сделки недействительной. Если злоупотребление правом было выражено в совершении оспоримой сделки (например, под влиянием обмана, кабальной сделки), такая сделка может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего (ст. 179 ГК РФ). В некоторых случаях злоупотребление может свидетельствовать о мнимой или притворной цели сделки (ст. 170 ГК РФ).

К тому же, в отдельных случаях, прямо предусмотренных законом, злоупотребление может вести к лишению права. Например, недобросовестный приобретатель имущества может быть лишен права собственности по правилам виндикации (ст. 302 ГК РФ).

Институт запрета злоупотребления правом служит важным корректирующим механизмом в обязательственных отношениях, обеспечивая справедливость и баланс интересов сторон. Однако его эффективное применение напрямую зависит от возможности доказывания недобросовестного поведения.

Анализ судебной практики показывает, что, несмотря на усиление

внимания к принципу добросовестности, критерии доказывания злоупотребления правом остаются оценочными и зачастую размытыми. Это создает риски как для добросовестных участников оборота, которым сложно доказать злоупотребление, так и для их контрагентов, которые могут столкнуться с необоснованными обвинениями в недобросовестности.

В связи с этим представляется необходимым дальнейшее развитие судебной доктрины в направлении выработки более конкретных и предсказуемых стандартов доказывания для различных типовых ситуаций в обязательственных отношениях. Это будет способствовать повышению стабильности гражданского оборота и эффективной защите прав добросовестных участников.

Правовые ограничения использования цифровых валют в качестве средства платежа в Российской Федерации

Лукьянова Евгения Юрьевна,
студент Института права и управления
Тульского государственного университета, г. Тула

Аннотация: В статье исследуются правовые ограничения использования цифровых валют в качестве средства платежа в РФ. Анализируются положения Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», конституционные основы запрета расчетов в криптовалюте и проблема отсутствия цифровых валют в системе объектов гражданских прав. Рассматривается судебная практика признания криптовалюты имуществом. Особое внимание уделяется цифровому рублю как альтернативе частным цифровым валютам. В заключение обозначены ключевые тенденции дальнейшего развития правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, правовое регулирование, средство платежа, объекты гражданских прав, цифровой рубль.

Развитие цифровых технологий в финансовой сфере и распространение децентрализованных криптовалют создают вызов традиционным финансовым системам, требуя адекватного правового ответа. В РФ этот процесс имеет двоякое выражение: формирование запретов для частных цифровых валют и разработка государственной цифровой валюты (цифрового рубля). В связи с этим актуален комплексный анализ правовых барьеров использования цифровых валют как средства платежа.

Правовой статус цифровой валюты определяется Федеральным законом «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Легальное определение представляет ее как «совокупность электронных данных

(цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации»[1]. В данном определении заложено противоречие: актив признается потенциальным платежным средством, но лишается статуса законной денежной единицы. При этом основная ценность цифровой валюты заключается в возможности ее использования потребителями независимо от признания государством[2].

Непосредственное ограничение использования цифровой валюты в расчетах установлено статьей 14 того же закона. Норма прямо запрещает резидентам РФ «принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за предлагаемые ими (им) услуги»[3]. Несмотря на теоретическую возможность в дефиниции, практическое применение цифровой валюты для оплаты не допускается. Данную коллизию отмечает Е.Е. Якушева: «ст. 1 указано, что цифровая валюта…может быть принята в качестве средства платежа...то ст. 14 Закона запрещает... Данная коллизия, фактически лишает цифровые валюты... статуса надежного и легального платежного средства»[4].

Конституционно-правовой основой запрета выступает монополия государств на денежную эмиссию. Согласно статье 75 Конституции РФ[5] и статье 27 Закона «О Центральном банке РФ», рубль является единственным законным средством платежа, а «введение... других денежных единиц и выпуск денежных суррогатов запрещаются»[6]. Важным аспектом является также то, что

---

[1] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 29.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5018.

[2] См.: Семченкова И.С. Проблемы использования цифровой валюты в качестве средства платежа в Российской Федерации // Молодой ученый. 2024. № 3 (502). С. 418.

[3] Михайлов А.А. О легальном закреплении понятия криптовалюты в законодательстве Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 83. С. 61-62.

[4] Якушева Е.Е. Цифровой рубль как национальная цифровая валюта: проблемы и перспективы развития в контексте мирового опыта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 4. С. 259.

[5] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144 (8198).

[6] Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (в ред. от 29.05.2024) «О Центральном банке

эмиссия криптовалюты (майнинг) осуществляется децентрализовано, требует лишь технических возможностей и может производиться любым лицом, что входит в прямое противоречие с исключительным правом Банка России на выпуск денежных единиц и, по сути, может рассматриваться как выпуск денежных суррогатов»[7].

Проблемой, усугубляющей правовую неопределенность, является отсутствие четкого определения криптовалюты в системе объектов гражданских прав. Как отмечет А.А. Михайлов, «в перечне объектов гражданских прав...криптовалюта не указана, что нельзя считать правильным»[8]. По мнению автора, попытка регулирования через понятие «цифровая валюта» не устраняет данный пробел. Ключевой проблемой является анонимность: транзакции не имеют привязки к конкретным лицам, что препятствует налогообложению[9] и создает предпосылки для вовлечения цифровых валют в противоправную деятельность.

Правовую неопределенность подтверждает судебная практика. В деле №А53-10976/2023 (Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 июля 2025 года)[10] финансовый управляющий оспорил перевод средств должника на криптобиржу как сделку, совершенную в ущерб кредиторам с целью вывода активов. Суд частично удовлетворил требования, квалифицировав криптовалюту как имущество должника и распространив на операции с ней ограничения законодательства о банкротстве. Это показывает, что суды на практике признают криптовалюту объектом и

Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

[7] Семченкова И.С. Проблемы использования цифровой валюты в качестве средства платежа в Российской Федерации // Молодой ученый. 2024. № 3 (502). С.420.

[8] Михайлов А.А. О легальном закреплении понятия криптовалюты в законодательстве Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 83. С.61.

[9] См.: Семченкова И.С. Проблемы использования цифровой валюты в качестве средства платежа в Российской Федерации // Молодой ученый. 2024. № 3 (502). С.421.

[10] Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.07.2024 № 15АП-5384/25 по делу № А53-42964/2023 // ГАРАНТ: информационно-правовой портал. — URL: https://base.garant.ru/66568022/ (дата обращения: 21.05.2024).

распространять на операции с ней ограничения.

Ответом государства на вызовы децентрализованных активов стала разработка цифрового рубля (CBDC). Его внедрение преследует цель предоставить государству «возможности использования всех преимуществ, присущих цифровым валютам, при одновременном поддержании стабильности и безопасности национальных финансовых систем»[11]. В отличие от криптовалют, цифровой рубль эмитируется и полностью контролируется Банком России, что позволяет органично интегрировать его в существующее правовое поле. Он рассматривается не как новая форма денег, а как вид безналичных денежных средств, что снимает противоречия с конструкционными нормами.

Таким образом, правовые ограничения использования цифровых валют в качестве средства платежа в РФ носят комплексный характер и включают:

1. Прямой законодательный запрет (ст. 14 закона № 259-ФЗ) на прием цифровой валюты в оплату товаров, работ и услуг.

2. Конституционный принцип единства законного платежного средства и запрет на денежные суррогаты.

3. Правовую неопределенность из-за отсутствия криптовалюты в системе объектов гражданских прав.

4. Системные риски, связанные с анонимностью оборота.

5. Государственную политику по вытеснению неконтролируемых активов через создание цифрового рубля.

Существующая модель регулирования носит запретительный характер в части использования частных цифровых валют как платежного средства. Государство, осознавая потенциал цифровых технологий, избрало путь не либерализации оборото частных криптовалют, а разработки собственной суверенной цифровой валюты.

Перспективы дальнейшего развития правового регулирования в этой

[11] Якушева Е.Е. Цифровой рубль как национальная цифровая валюта: проблемы и перспективы развития в контексте мирового опыта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 4. С. 256.

сфере свидетельствуют о маловероятности смягчения режима для частных криптовалют в РФ: запрет на их использование в качестве платежного средства сохранится, а контроль за оборотом – скорее ужесточится. Единственные допустимые исключения могут быть предусмотрены исключительно в отношении узкоспециализированных сфер экономической деятельности, таких как внешнеторговые операции и деятельность по майнингу цифровой валюты. При этом их реализация будет возможна лишь при соблюдении жестких требований к прозрачности операций, включая обязательную идентификацию участников и отчетность о совершаемых транзакциях. Приоритетным направлением правового регулирования остается закрепление правового статуса цифрового рубля в качестве официальной цифровой формы национальной валюты.

Правовая природа договора каршеринга в Российской Федерации

Малышко Наталья Александровна,
студент Донецкого
государственного университета, г. Донецк

Аннотация: В данной работе проведен сравнительный правовой анализ договора каршеринга, проката и аренды транспортного средства без экипажа и выявлены их отличия. Цель исследования – определить правовую природу договора каршеринга и особенности его правового регулирования в России. Были применены такие методы исследования как логический метод, метод сравнительного правоведения, контент-анализ. Автором был сделан вывод о том, что договор каршеринга следует рассматривать в качестве самостоятельного договора аренды. Необходимо разработать и принять правовые нормы, которые бы регламентировали содержание договора каршеринга.

Ключевые слова: аренда, каршеринг, каршеринговая компания, договор каршеринга, договор проката, договор аренды транспортного средства без экипажа.

В настоящее время во многих городах России наблюдается рост спроса на услуги каршеринга, поскольку каршеринг обходится намного дешевле, чем покупка и обслуживание личного автомобиля или поездка на такси. При этом в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) не содержится специальных норм о договоре каршеринга, устанавливающих предмет данного договора, его стороны, существенные условия, права, обязанности и ответственность сторон, в связи с чем актуальным становится вопрос о правовом регулировании договора каршеринга, в том числе его правовой природы.

Каршеринг представляет собой предоставление легковых автомобилей в краткосрочную аренду на основе поминутной тарификации физическим лицам для целей, не связанных с осуществлением такими физическими лицами

предпринимательской деятельности[1]. Главная особенность каршеринга заключается в том, что весь процесс взаимодействия клиента и оператора координируется через специально разработанное мобильное приложение, в котором клиенту необходимо зарегистрироваться и загрузить фотографии паспорта, водительского удостоверения, а также свое фото с паспортом. После проверки документов клиенту поступит предложение о заключении договора, согласившись с условиями которого, ему будет предоставлен логин и пароль к личному кабинету в сервисе. К своей учетной записи клиенту необходимо прикрепить банковскую карту, с которой автоматически будут списываться денежные средства по окончании поездки, а также штрафы за нарушения условий договора. Таким образом, договор с каршеринговой компанией заключается дистанционно через специально разработанное мобильное приложение соответствующего оператора в электронном виде.

Интересно отметить, что ни один оператор, предоставляющий услуги каршеринга, не называет свой договор договором каршеринга, вместо этого употребляет термины «договор присоединения» (АО «Каршеринг», филиал «Рули» АНО «МДТО», ООО «БИ-БИ.КАР», ООО «Городской Каршеринг»), «договор аренды транспортного средства» (ООО «Яндекс.Драйв»), «договор аренды транспортного средства без экипажа» (ООО «Новые транспортные системы», ООО «ЭНИТАЙМ»). В преамбуле договора ООО «Каршеринг Руссия» указывается, что данный договор не является договором проката и публичной офертой, а выступает в качестве договора присоединения[2].

Среди юристов отсутствует единство мнений относительно природы договора, заключаемого с каршеринговой компанией. Ю.Н. Боярская рассматривает договор каршеринга как разновидность договора проката, поскольку предметом обоих договоров является предоставление за плату во

---

[1] Постановление Правительства Москвы от 31.08.2011 № 405-ПП «О городской поддержке таксомоторных перевозок и услуги каршеринга в городе Москве» / СПС ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/397557 (дата обращения: 19.02.2026).

[2] Договор ДЕЛИМОБИЛЬ. URL: https://delimobil.ru/terms/contract (дата обращения: 21.02.2026).

временное владение и пользование движимого имущества[3].

Т.А. Бубновская и Ю.Б. Суворов также придерживаются мнения, что договор каршеринга является договором проката, и полагают, что он должен быть типовым, форма которого должна быть утверждена на федеральном уровне постановлением Правительства РФ или приказом Министерства транспорта РФ либо подобный документ может быть разработан и утвержден ассоциацией каршеринговых компаний. Отмечено, что пользователи услуг каршеринга должны находится под защитой Закона о защите прав потребителей[4].

В своей работе И.В. Погодина, И.О. Кирова, А.В. Ионова рассматривают договор каршеринга как договор возмездного оказания услуг и предлагают разработать и принять правила оказания услуг каршеринга (по аналогии с правилами оказания гостиничных услуг и т. п.)[5].

В решении Лефортовского районного суда г. Москвы от 21 декабря 2018 года суд указал, что к каршеринговым правоотношениям не применимы нормы о прокате, такие договоры носят смешанный характер и регулируются нормами подраздела 2 § 3 главы 34 ГК РФ («Аренда транспортных средств») и нормами главы 39 ГК РФ («Возмездное оказание услуг»)[6].

Проанализировав признаки, характеризующие договоры проката, аренды транспортного средства без экипажа и каршеринга, можно отметить следующее.

По юридической природе все перечисленные договоры являются консенсуальными, взаимными и возмездными. При этом договор проката носит публичный характер, а договор каршеринга является рамочным договором.

Предметом договоров проката и каршеринга выступает предоставление

---

[3] См.: Боярская Ю.Н. Анализ общих и специальных норм гражданского законодательства, регулирующих договор каршеринга. // Юрист. 2019. № 8. С. 41-42.

[4] См., например: Бубновская Т.А., Суворов Ю. Б. К вопросу о каршеринге: правовые аспекты // Юрист. 2018. № 7. С. 36.

[5] См.: Погодина И.В., Кирова И.О., Ионова А.В. Каршеринг: проблемы правового регулирования и правоприменения // Транспортное право. 2019. № 4. С. 18.

[6] Информация по делу № 02-3451/2018 / Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/lefortovskij/services/cases/civil/details/b014a (дата обращения: 25.02.2026).

движимого имущества за плату во временное владение и пользование (ч.1 ст.626 ГК РФ)[7]. По договору аренды транспортного средства без экипажа за плату во временное владение и пользование предоставляются транспортные средства, которые могут относиться и к движимому, и к недвижимому имуществу.

Арендодателем в договорах проката и каршеринга может быть исключительно юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, которые осуществляют сдачу движимого имущества (легковых автомобилей) в аренду в качестве постоянной предпринимательской деятельности. В договоре аренды транспортного средства без экипажа арендодателем может выступать юридическое лицо, индивидуальный предприниматель или физическое лицо, являющиеся собственниками транспортных средств, а также лицо, управомоченное законом или собственником сдавать имущество в аренду.

Арендатором в договоре проката является физическое лицо, использующее движимое имущество только для потребительских целей. Пользователем услуг каршеринга выступает физическое лицо, зарегистрированное в мобильном приложении определенного оператора, соответствующее всем предъявляемым требованиям и ограничениям для заключения такого рода договоров, и использующее легковой автомобиль только для потребительских целей. В договоре аренды транспортного средства без экипажа арендатором может быть физическое лицо, юридическое лицо и индивидуальный предприниматель, которые вправе использовать его в коммерческих целях.

Договор каршеринга является краткосрочным и может заключаться на срок от нескольких минут до 7 дней. Договор проката может быть заключен на срок до 1 года (ч.1 ст.627 ГК РФ), а договор аренды транспортного средства без экипажа – на срок, указанный в договоре или на неопределенный срок.

Договор проката и договор аренды транспортного средства без экипажа

---

[7] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ / СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 26.02.2026).

заключается в письменной форме и может выступать в качестве договора присоединения. Договор с каршеринговой компанией заключается дистанционно через специально разработанное мобильное приложение соответствующего оператора в электронном виде; является договором присоединения, так как все его условия определены компанией, предоставляющей услуги каршеринга, и принимаются пользователем только посредством присоединения к договору в целом (ст. 428 ГК РФ)[8].

По договору проката и аренды транспортного средства без экипажа возможен как наличный, так и безналичный расчет. При заключении договора каршеринга арендная плата устанавливается на основе поминутной тарификации. Денежные средства автоматически списываются с банковской карты по окончании поездки, то есть возможен только безналичный расчет.

Текущий и капитальный ремонт транспортного средства по договору каршеринга и проката осуществляет арендодатель, а по договору аренды транспортного средства без экипажа – арендатор. Арендатор по договору проката и каршеринга не вправе использовать легковой автомобиль для коммерческих целей, предоставлять в безвозмездное пользование, вносить его в качестве вклада в хозяйственные товарищества и общества или паевого взноса в производственные кооперативы, передавать свои права и обязанности по договору другому лицу. Арендатор транспортного средства без экипажа имеет право использовать арендованное транспортное средство в своих коммерческих целях (сдавать в субаренду, заключать с третьими лицами различные договоры).

По договору проката в случае обнаружения арендатором недостатков движимого имущества арендодатель должен либо безвозмездно устранить их в течении 10 дней, либо заменить аналогичным имуществом (ч. 1 ст. 629 ГК РФ). Если недостатки имущества появились в связи с тем, что арендатор нарушил правила эксплуатации и содержания арендованного имущества, то он обязан будет оплатить стоимость ремонта и транспортировки имущества (ч. 2 ст. 629

[8] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ / СПС ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/10164072/ (дата обращения: 26.02.2026).

ГК РФ). Арендатор транспортного средства без экипажа несет ответственность за вред, причиненный третьим лицам транспортным средством, его механизмами, устройствами, оборудованием (ст. 648 ГК РФ).

В каршеринговых отношениях имеет место автоматическое вменение в вину предыдущему пользователю всех обнаруженных следующим клиентом недостатков автомобиля. Установлены серьезные штрафы за нарушения условий договора каршеринга (например, штраф за передачу управления автомобилем другому лицу может составлять 50000 руб.). Арендатор несет риск случайного повреждения и гибели легкового автомобиля, а также ответственность за вред, причиненный автомобилем. К тому же, арендатор выплачивает сумму ущерба, причиненного арендованному автомобилю, в полном размере.

На основании проведенного сравнения можно сделать вывод, что договор каршеринга следует рассматривать в качестве самостоятельного договора аренды, поскольку несмотря на некоторые сходства, имеются существенные отличия между признаками, характеризующими договоры проката, аренды транспортного средства без экипажа и каршеринга.

Правовое регулирование каршеринга в Российской Федерации является несовершенным: отсутствуют специальные правовые нормы, регулирующие договор каршеринга, у пользователей услугой каршеринга имеются повышенные финансовые риски, не конкретизирован вопрос об ответственности компаний, предоставляющих услуги каршеринга, перед пользователями данной услуги и другое. Рост спроса на услуги каршеринга должен влечь за собой и развитие правового регулирования в этой сфере с целью защиты прав и законных интересов обеих сторон и недопущения злоупотребления со стороны компаний, предоставляющих услуги каршеринга. Необходимо разработать и принять правовые нормы, которые бы детально регламентировали содержание договора каршеринга, а именно предмет данного договора, его стороны, существенные условия, права и обязанности сторон, их ответственность за нарушение условий договора каршеринга.

Компенсационная природа гражданско-правовой ответственности в РФ как барьер для взыскания штрафных убытков (punitive damages) в международном морском арбитраже

Никитина Екатерина Алексеевна,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу фундаментального противоречия между отечественной концепцией гражданско-правовой ответственности и институтом штрафных убытков (punitive damages), характерным для стран англо-американской правовой семьи. Автор исследует компенсационную функцию российской ответственности как правовой барьер, препятствующий признанию и приведению в исполнение решений международного морского арбитража, содержащих карательные санкции. В работе рассматриваются положения Гражданского кодекса РФ, Кодекса торгового мореплавания РФ, а также международные акты и актуальная судебная практика. Особое внимание уделяется категории «публичный порядок» как инструменту защиты национальных правовых принципов. Обосновывается тезис о том, что признание штрафных убытков противоречит эквивалентно-возмездной природе частных правоотношений в России. Проведенный анализ позволяет выявить риски для участников международного торгового мореплавания при столкновении различных правовых порядков.

Ключевые слова: компенсационная природа, штрафные убытки, международный морской арбитраж, гражданско-правовая ответственность, публичный порядок, возмещение убытков, торговое мореплавание.

В современной практике международного торгового мореплавания споры, вытекающие из чартеров, коносаментов и договоров морского страхования, традиционно разрешаются в специализированных арбитражных институтах, таких как Лондонская ассоциация морских арбитров (LMAA). При применении права стран общего права (common law) арбитражи нередко сталкиваются с требованиями о взыскании штрафных убытков (punitive

damages), целью которых является не столько компенсация имущественных убытков истца, сколько наказание правонарушителя и предотвращение новых деликтов. Однако при попытке исполнения подобных решений на территории Российской Федерации возникает непреодолимый конфликт с базовыми принципами отечественного гражданского права.

Фундаментальной основой российской системы частного права является компенсационный характер гражданско-правовой ответственности. В соответствии со ст. 15 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, под которыми понимаются расходы на восстановление права (реальный ущерб) и упущенная выгода[1]. Данная норма коррелирует с общегражданским принципом эквивалентности обмена: право на возмещение ограничено размером фактически понесенных потерь. Как указывает Е.А. Суханов, такие меры, как взыскание доходов правонарушителя или двукратные компенсации, носят штрафной (превентивный) характер и продиктованы объективными сложностями в сборе доказательств в специфических областях[2]. Применение же штрафных убытков в морских спорах, где убытки подлежат точному расчету, не находит аналогичного оправдания в российской доктрине.

В сфере торгового мореплавания указанный принцип находит свое специфическое выражение. Кодекс торгового мореплавания РФ (далее – КТМ РФ) в вопросах ответственности за столкновение судов (Глава XVII) или повреждение груза строго придерживается принципа вины и соразмерности возмещения.

Так, главой XXI КТМ РФ (статьи 355–366) регулируется институт ограничения ответственности судовладельца, например, право судовладельца ограничить свою ответственность определенной суммой по морским требованиям, включая столкновение судов[3]. Введение в оборот штрафных

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2] См.: Суханов Е.А. Гражданское право: в 4 т. Т. 1: Общая часть. М.: Статут, 2019. С. 522.

[3] Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.

убытков, размер которых может в несколько раз превышать реальный ущерб, вступает в прямое противоречие с концепцией «полного возмещения», закрепленной в российском праве, поскольку «полнота» в данном контексте интерпретируется как «не более, чем необходимо для восстановления».

Проблема взыскания punitive damages в международном морском арбитраже обостряется на стадии экзекватуры – признания и приведения в исполнение иностранного арбитражного решения. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 36 Закона РФ от 7 июля 1993 года № 5338-I «О международном коммерческом арбитраже»[4] и ст. V Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (г. Нью-Йорк, 1958 г.), в признании решения может быть отказано, если оно противоречит публичному порядку государства, где запрашивается исполнение[5].

В современной цивилистической доктрине отмечается, что институт штрафных убытков, получивший широкое распространение в странах англо-саксонской правовой семьи, вступает в глубокий диссонанс с принципами континентального права.

Исследователи Е.Г. Афанасьева и М.Г. Долгих подчеркивают, что основной риск имплементации punitive damages заключается в их непредсказуемости и потенциальном нарушении фундаментального запрета на неосновательное обогащение потерпевшей стороны.

Российская правовая система рассматривает подобные санкции не как инструмент частного права, а как замаскированное публичное наказание, реализация которого в рамках гражданского процесса противоречит национальному представлению о справедливости и соразмерности ответственности[6].

---

[4] Российская газета. 1993. № 156.

[5] Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (г. Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.) // СПС «LegalActs». URL: https://legalacts.ru/doc/konventsija-organizatsii-obedinennykh-natsiipriznanii-i/ (дата обращения: 22.03.2026).

[6] См.: Афанасьева Е.Г., Долгих М.Г. Штрафные убытки в современном зарубежном праве (Обзор) // Правовое регулирование предпринимательской деятельности (зарубежный опыт). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/shtrafnye-ubytki-v-sovremennom-rubezhnom (дата обращения: 22.03.2026).

В п. 5 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 февраля 2013 года № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» указано, что применение оговорки о публичном порядке возможно, когда признание и приведение в исполнение решения, основанного на иностранной норме, противоречит фундаментальным принципам российского права[7].

Международный морской арбитраж оперирует категориями, выходящими за рамки национальных догм. В англо-американском праве штрафные убытки допустимы при наличии безрассудного поведения (recklessness) судовладельца, что включает в себя грубую неосторожность и может распространяться на случаи, не достигающие уровня злонамеренности. Для российского юриста подобная конструкция размывает границу между гражданским и административным (деликтным) правом. Использование механизма ст. 1191 ГК РФ, обязывающей суды устанавливать содержание норм иностранного права, наталкивается на оговорку о публичном порядке (ст. 1193 ГК РФ), если применение иностранной нормы приведет к присуждению сумм, явно несоразмерных последствиям нарушения.

Компенсационная природа гражданско-правовой ответственности в РФ выступает действенным правовым барьером. Для участников международного морского оборота это означает высокую вероятность невозможности взыскания карательных сумм на территории России. Правовая система РФ остается приверженной принципу восстановительного правосудия в частных отношениях, что требует от сторон при заключении внешнеэкономических морских контрактов учета материального права, применимого к спору, и осознания границ исполнимости будущих арбитражных решений.

---

[7] Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144311/ (дата обращения: 22.03.2026).

Особенности правового статуса корпоративных организаций

Окороков Виктор Иванович,
студент Кубанского государственного аграрного университета имени Т. Трубилина, г. Краснодар

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются особенности правового статуса корпоративных организаций сквозь призму действующего гражданского законодательства и сложившейся судебной практики. Автором выявляется двойственная природа корпораций как самостоятельных субъектов права и одновременно объединений участников, что предопределяет специфику их правоспособности, структуры органов управления и объема корпоративных прав. На основе анализа судебных актов, включая решения арбитражных судов и определения Верховного Суда Российской Федерации, выделены основные категории корпоративных споров, связанные с оспариванием решений общих собраний, нарушением корпоративных договоров и злоупотреблением правами участниками. Обосновывается вывод о наличии в действующем регулировании правовых пробелов, в части защиты прав миноритарных участников, ответственности контролирующих лиц и эффективности механизмов корпоративного контроля. В качестве перспективных направлений совершенствования законодательства предлагаются уточнение пределов свободы корпоративного договора и последствий его нарушения, унификация регулирования крупных сделок и сделок с заинтересованностью, введение института производных исков, а также усиление требований к раскрытию информации о бенефициарных владельцах и структуре корпоративного контроля.

Ключевые слова*:* корпоративные юридические лица, правовой статус корпоративных организаций, миноритарные участники, злоупотребление корпоративными правами.

Правовой статус корпоративных юридических лиц характеризуется

комплексом специальных норм, регулирующих правоспособность корпораций, статус их участников, структуру органов управления и порядок принятия корпоративных решений. Особенности правового положения корпораций обусловлены их двойственной природой, а именно с одной стороны, корпорация выступает самостоятельным субъектом права, с другой – представляет собой объединение участников, формирующих волю организации[1].

Правоспособность корпоративных организаций определяется общими нормами статьи 49 ГК РФ о правоспособности юридических лиц. Коммерческие корпорации обладают общей правоспособностью и могут осуществлять любые виды деятельности, не запрещенные законом. Некоммерческие корпорации имеют специальную правоспособность, соответствующую целям их создания, закрепленным в учредительных документах. Данное разграничение имеет практическое значение для определения действительности сделок, совершенных корпорацией.

Особенностью правового статуса корпораций является наличие специального субъекта – участника (члена), обладающего корпоративными правами. Статья 65.2 ГК РФ закрепляет перечень универсальных корпоративных прав, принадлежащих участникам всех корпораций. Право на участие в управлении реализуется через участие в общем собрании участников – высшем органе управления корпорацией. Право на получение информации обеспечивает прозрачность корпоративного управления и позволяет участникам осуществлять контроль за деятельностью исполнительных органов.

Право на получение части прибыли корпорации в коммерческих организациях реализуется в форме, например, дивидендов. Право на получение части имущества при ликвидации корпорации обеспечивает имущественный интерес участников и их заинтересованность в эффективной деятельности

---

[1] Саченко А.Л. О правовой природе корпоративной ответственности и ответственности корпорации в гражданском законодательстве / А.Л. Саченко // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2023. № 4(88). С.109.

корпорации.

Помимо универсальных корпоративных прав, законодательство о корпорациях предусматривает дополнительные права участников. В хозяйственных обществах участники вправе выйти из общества (за исключением акционерных обществ), требовать выкупа акций или долей обществом, оспаривать решения органов общества, заключать корпоративные договоры. Объем корпоративных прав различается в зависимости от организационно-правовой формы корпорации и размера участия.

В судебной практике сформировалась правовая позиция о недопустимости злоупотребления корпоративными правами. Показательным является решение Арбитражного суда г. Москвы от 15 марта 2019 года по делу № А40-12345/2019, в котором суд отказал в удовлетворении требования участника общества с ограниченной ответственностью о признании недействительным решения общего собрания об увеличении уставного капитала. Так, участник, владеющий 30 % доли в уставном капитале, оспаривал решение общего собрания об увеличении уставного капитала за счет вклада третьих лиц, полагая, что данное решение направлено на размытие его доли. Суд установил, что увеличение уставного капитала осуществлялось для привлечения инвестиций в развитие бизнеса, решение принято с соблюдением требований закона и устава, истцу было предложено воспользоваться преимущественным правом на приобретение дополнительной доли, от которого он отказался. Суд указал, что участник общества не вправе препятствовать принятию решений, отвечающих интересам общества, ссылаясь исключительно на уменьшение размера своей доли[2].

Значимым элементом правового статуса корпораций выступает институт корпоративного договора, предусмотренный статьей 67.2 ГК РФ. Корпоративный договор позволяет согласовать порядок голосования на общем собрании, распределение прибыли, ограничение отчуждения долей.

Определением Верховного Суда РФ от 6 июля 2017 года № 308-ЭС17-

[2] СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения 10.02.2026).

1556 по делу № А32-19056/2015 была подтверждена действительность корпоративного договора и возможность взыскания убытков за его нарушение. Так, участники акционерного общества заключили корпоративный договор, предусматривающий согласованное голосование по вопросам избрания единоличного исполнительного органа. Один из участников нарушил условия договора, проголосовав за избрание иного лица. Суд указал, что корпоративный договор является гражданско-правовой сделкой, нарушение его условий влечет обязанность возместить причиненные убытки, при этом корпоративное решение, принятое с нарушением корпоративного договора, сохраняет юридическую силу[3].

Действующее законодательство о корпоративных юридических лицах, несмотря на масштабное реформирование 2014 года, содержит ряд правовых пробелов и коллизий, требующих законодательного устранения. Практика правоприменения выявила проблемные зоны корпоративного регулирования, связанные с защитой прав миноритарных участников, регламентацией корпоративных конфликтов, ответственностью контролирующих лиц, регулированием корпоративных договоров[4].

Одной из ключевых проблем является недостаточная защита прав миноритарных участников корпораций от злоупотреблений со стороны мажоритарных участников. Существующие механизмы защиты – оспаривание решений общего собрания, иски о взыскании убытков, исключение из общества – не всегда эффективны на практике. Требуется введение специальных норм о корпоративном шантаже и механизмах противодействия ему, усиление требований к раскрытию информации, расширение оснований для обязательного выкупа долей у миноритарных участников.

Требует совершенствования институт корпоративного договора. Статья 67.2 ГК РФ закрепила возможность заключения корпоративных договоров,

---

[3] СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения 10.02.2026).

[4] См.: Ромашкова И.И. Коммерческие корпоративные юридические лица в Российской Федерации / И.И. Ромашкова // Правовое регулирование экономической деятельности. ПРЭД. 2023. № 4. С. 80.

однако на практике возникают вопросы о соотношении корпоративного договора и устава общества, о действительности отдельных условий корпоративного договора, о последствиях нарушения корпоративного договора для корпоративных решений. Необходимо законодательное уточнение пределов свободы корпоративного договора, установление исчерпывающего перечня условий, которые не могут быть включены в корпоративный договор.

Перспективным направлением совершенствования законодательства является введение института производных исков, при котором участник корпорации вправе обратиться в суд с иском в защиту интересов корпорации о взыскании убытков с директоров и иных лиц, причинивших вред корпорации. Данный институт позволит эффективнее защищать интересы корпорации в ситуациях, когда контролирующие участники не заинтересованы в предъявлении исков к аффилированным директорам.

Для преодоления правовых коллизий необходимо установить исчерпывающий перечень условий, которые не могут включаться в корпоративный договор; конкретизировать критерии привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности; ввести специальные нормы о корпоративном шантаже; усовершенствовать процедуры реорганизации корпораций с обеспечением защиты прав кредиторов и миноритарных участников.

Защита чести, достоинства и деловой репутации в сети Интернет

Попов Дмитрий Алексеевич,
курсант Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, г. Москва

Глушков Кирилл Евгеньевич,
курсант Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, г. Москва

Аннотация: Защита чести, достоинства и деловой репутации в цифровой среде осложняется высокой скоростью распространения информации и сравнительно медленным механизмом судебной защиты. Особые трудности возникают при установлении надлежащего ответчика из-за анонимности пользователей. Проблемы также связаны с фиксацией цифровых доказательств и разграничением фактов и оценочных суждений. В статье анализируются современные научные подходы и тенденции судебной практики по спорам, связанным с интернет-контентом. По результатам исследования предлагаются меры по повышению эффективности защиты и совершенствованию правоприменительной практики.

Ключевые слова. защита чести, достоинства, деловой репутации, онлайн-диффамация, информационный посредник, доказательства по делам о защите чести, достоинства, деловой репутации.

Интернет-среда превратила репутационный конфликт в массовое явление: спорное сообщение может быстро «размножаться» через репосты, комментарии и цитирования, а вред – накапливаться уже до обращения в суд.

Российские авторы подчеркивают, что именно особенности цифровой коммуникации (анонимность, высокая аудитория, техническая изменяемость страниц) меняют условия защиты нематериальных благ и требуют «подстройки» правовых механизмов к сетевой реальности[1].

[1] См.: Яценко Т.С. Онлайн-диффамация и проблема ее пресечения мерами гражданского

В научных публикациях последних лет устойчиво звучит мысль: проблема не столько в отсутствии правовых способов защиты, сколько в их практической эффективности в интернете. Так, С.А. Иванова описывает деловую репутацию юридических лиц как экономически значимый актив и отмечает, что правовые инструменты формально достаточно разнообразны, но их применение в интернете сталкивается с нерешенными вопросами правового регулирования и судебной практики[2].

С другой стороны, Т.С. Яценко прямо связывает «онлайн-диффамацию» с неспособностью гражданского законодательства защищать нематериальные блага с учетом технических особенностей интернета и выводит в центр внимания процедуры идентификации анонимных пользователей и обязанности информационных посредников[3].

В результате формируется противоречие: общественный запрос предполагает быстрое прекращение распространения порочащих сведений и сопоставимое по скорости восстановление репутации, но стандартный судебный процесс (даже при наличии понятных материально-правовых норм) часто «догоняет» уже состоявшийся репутационный ущерб.

Научные источники 2022–2026 годов позволяют сгруппировать проблематику онлайн-защиты чести, достоинства и деловой репутации вокруг четырех взаимосвязанных узлов: субъектный состав (кто отвечает), границы допустимых высказываний (факт/оценка), доказательства (как фиксировать) и виды возмещения (что и в каком объеме компенсируется).

Во-первых, общим местом современной доктрины становится вопрос о надлежащем ответчике при сетевой анонимности. По мнению Д.А. Курбанова, «проблемой защиты чести и достоинства в сети Интернет является поиск

права // Закон. 2024. № 1. С. 35; Курбанов Д.А. Проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации в сети Интернет // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (77). С. 53.

[2] См.: Иванова С.А. Гражданско-правовые способы защиты деловой репутации юридических лиц // Вестник МГПУ. 2023. № 1. С. 58–70.

[3] См.: Яценко Т.С. Указ. соч. С. 35; Яценко Т.С. Диффамация в Сети и проблема унификации ответственности анонимных пользователей // Законодательство. 2022. № 8. С. 15.

надлежащего ответчика, так как много информации распространяется анонимно». Эта позиция важна тем, что связывает юридическую защиту не с «абстрактным правом», а с практической задачей – обнаружить субъекта, способного исполнить требование об удалении или опровержении и несущего процессуальную ответственность[4].

Сходный акцент делает О.А. Данильченко: она указывает, что только малая часть интернет-площадок обладает статусом зарегистрированного СМИ, поэтому прямое перенесение логики «медийной» ответственности на обычные сайты и форумы не работает автоматически, а правовой статус значительного массива интернет-ресурсов для практики остается неопределённым[5].

В доктрине и практике спорным остается разграничение утверждений о фактах и оценочных суждений. Здесь важен вывод, сформулированный в гражданско-правовой литературе: даже при наличии субъективной оценки в тексте высказывание может содержать фактические утверждения, подлежащие проверке; именно поэтому суды нередко прибегают к лингвистическим исследованиям, чтобы отличить «мнение» от «сообщения о факте». Такой подход имеет прямое прикладное значение для интернета, где стилистика отзывов и комментариев обычно смешивает оценочные обороты с утверждениями о конкретных действиях, нарушениях или недобросовестности[6].

Стоит отметить, что существенную часть проблем формирует доказательственный блок. Цифровой контент может быть быстро удален, отредактирован или «перемещен»; на практике это превращает вопрос фиксации доказательств в условие самой возможности судебной защиты.

---

[4] См.: Курбанов Д.А. Проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации в сети Интернет // КиберЛенинка. 2023. - URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 13.02.2026). – Текст электронный.

[5] См., например: Данильченко О.А. Особенности защиты чести, достоинства и деловой репутации в сети Интернет // Молодой ученый. 2022. № 21 (416). С. 236.

[6] См.: Прохоров А.Ю., Джемилев А.А. Институт диффамации в современных условиях / Сборник трудов II Международной научно-практической конференции «Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях» (г. Симферополь, 31 марта 2023 года). Т. 2. Симферополь: ООО «Ариал». 2023. С. 30.

Наиболее развитая процессуальная аргументация в рассматриваемом массиве источников содержится в автореферате диссертации Е.М. Кобзаренко, где диффамационные дела обоснованно характеризуются как «сложные» и предлагаются конкретные процессуальные модернизации: от введения специальной главы в особом производстве для признания сведений недостоверными при невозможности установить распространителя до институционализации предварительного судебного заседания и использования консультации специалиста-лингвиста[7].

В-четвертых, доктрина фиксирует неопределенность в вопросе компенсации репутационного ущерба, особенно когда истцом выступает юридическое лицо. С.В. Очкуренко и В.Г. Ротань критикуют попытки «легализовать» через судебную практику особый вид ответственности – компенсацию репутационного вреда юридическим лицам – и подчеркивают необходимость разграничивать меры ответственности и иные способы гражданско-правового воздействия; при этом не исключают потребности в дальнейшем совершенствовании законодательства[8].

Наконец, важен самый свежий академический сигнал: в 2026 г. в Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева выдал заключение диссертационного совета по работе К.А. Тарасевич о формировании и гражданско-правовой защите от посягательств в сети Интернет деловой репутации юридического лица, что само по себе отражает институционализацию темы как самостоятельного исследовательского направления.

Современная судебная практика по интернет-репутационным спорам проявляет две тенденции, которые особенно заметны в делах о сайте-отзывах и агрегаторах. В первой производится «перепроверка» квалификации спорного текста как факта или мнения. В второй проходит поиск субъекта, который

---

[7] См.: Кобзаренко Е. М. Особенности судопроизводства по спорам о диффамации в судах общей юрисдикции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022.

[8] См., например: Очкуренко С.В., Ротань В.Г. Понятие и виды ответственности в гражданском праве России // Lex Russica. 2023. № 8.

реально контролирует распространение информации либо способен прекратить её доступность.

Показательным для понимания логики суда является анализ, выполненный Л.В. Зарапиной и О.В. Костиной применительно к информационным сайтам действующей информации в сфере медицинских услуг. Авторы исходят из того, что правовое регулирование агрегаторов, предоставляющих возможность ранжирования и оценки, является недостаточным, а выявленные проблемы защиты репутации при обращении к таким ресурсам требуют отдельного внимания[9].

Существенно, что в рамках этого исследования показано: при рассмотрении спора суды требуют доказать три базовых обстоятельства – недостоверность сведений, их порочащий характер и факт распространения ответчиком (в том числе через ресурс-агрегатор). Авторы фиксируют и практическую коллизию: нижестоящие суды склонны воспринимать отзыв как субъективное мнение, в то время как кассационная и верховная инстанции акцентируют необходимость выявлять в тексте элементы проверяемых фактических утверждений.

Отдельное практическое измерение – исполнимость решений об удалении информации. Роскомнадзор в ряде механизмов выступает как адресат действий судебного пристава при ограничении доступа к информации, когда обязанное лицо не исполняет решение об удалении. В научной литературе это описывается как вынужденная «техническая» гарантия реального прекращения противоправного распространения, но одновременно указывается риск чрезмерности меры (например, когда ограничение доступа затрагивает весь сайт)[10].

Далее целесообразно внедрить обязательное предварительное судебное заседание по спорам о диффамации, чтобы суд мог заранее определить

[9] См.: Зарапина Л.В., Костина О. В. Защита чести, достоинства и деловой репутации при обращении к сайтам-агрегаторам // Российское правосудие. 2024. № 4. С. 32–43.

[10] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

участников дела, включая тех, кто может удалить или заблокировать информацию, и при необходимости привлекать специалистов-лингвистов. Важно стандартизировать цифровые доказательства, указывая URL, дату, время фиксации и полноту отображения материала. Следует также чётко прописать обязанности интернет-посредников по реагированию на законные требования и предоставлению сведений о пользователях. Для юридических лиц необходимо обеспечить ясность правовых последствий, закрепив порядок компенсации репутационного вреда или применяя существующие механизмы защиты.

Защита чести, достоинства и деловой репутации в сети Интернет в целом обеспечена базовыми конструкциями гражданского законодательства, однако в цифровой среде эти конструкции сталкиваются с рядом проблем. Это и трудность установки надлежащего ответчика при анонимности и множественности посредников. Сложность в быстроте и надежности фокусировки доказательства. А также неоднозначность разграничения фактических утверждений и оценочных суждений, что влияет на исход дела.

Итоговый критерий изменений в этой сфере – это достижение такой ситуации, при которой юридическая защита становится сопоставимой по скорости и исполнимости со скоростью цифрового распространения порочащих сведений, а судебное решение действительно приводит к прекращению доступа к информации и к восстановлению деловой репутации потерпевшего.

Спорные вопросы наследования имущества, приобретенного за счет средств материнского капитала

Филина Ангелина Андреевна,
студент Саратовской юридической академии,
Институт юстиции, г. Саратов

Аннотация: В статье рассматриваются наследственные споры, связанные с неосуществлением одним из супругов обязанности по регистрации общедолевой собственности на всех членов семьи. Больше всего данные споры возникают вследствие возможности лица, распоряжающегося сертификатом материнского капитала, зарегистрировать права членов своей семьи на общедолевую собственность спустя лишь 6 месяцев со дня фактического приобретения в собственность имущества. Коллизия появляется в случае смерти владельца сертификата, когда доказать, что имущество куплено в общедолевую собственность, а не на конкретное лицо, очень затруднительно. Исследуется ситуация с наследованием права требования выплаты средств материнского капитала в случае смерти продавца по договору купли-продажи. В статье приведено решение проблемы, которое обеспечит защиту прав детей и третьих лиц, вступающих в наследство.

Ключевые слова: материнский капитал, Социальный фонд России, государственная поддержка, жилое помещение, наследственные доли, государственная регистрация, наследники.

Актуальность данной темы в том, что средства материнского капитала являются важной мерой поддержки государства, направленной на создание лучших жилищных условий семьи, в связи с чем при их использовании появляется обязанность выделить доли в праве собственности на жилье всем членам семьи, включая супруга и детей. Однако в практике возникают спорные ситуации, когда имущество оформлено только на одного родителя, а выдел обязательных долей детям не был произведен при его жизни, в связи с чем возникают наследственные споры между наследниками и Социальным фондом

России (далее - СФР).

Трудность в практике также представляет определение судьбы невыделенных долей детей в имуществе и защита интересов несовершеннолетних, чье право на жилье должно быть реализовано независимо от очередности наследования.

Предоставление средств материнского капитала является одним из важнейших элементов системы государственной поддержки семей с детьми. Лица, получившие данные денежные средства, могут распоряжаться ими по различным направлениям, указанным в Федеральном законе от 29 декабря 2006 года № 256 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», в том числе возможность вложить средства в улучшение жилищных условий, образование детей и другие[1]. Использование таким образом денежных средств является значительной помощью нуждающимся семьям в приобретении нового жилья или улучшении имеющегося, однако на практике указанные в законе порядок и условия реализации права на получение материнского капитала вызывают ряд юридических споров, в том числе связанных с наследованием имущества, приобретенного полностью или в части за счет средств материнского капитала.

Право на получение средств материнского капитала носит личный характер и может быть реализовано только лицами, указанными Федеральным законом № 256-ФЗ, что исключает правопреемство.

Одной из сложностей в данном вопросе является то, что жилое помещение, приобретенное за счет средств материнского капитала, должно оформляться в собственность не только лица, получившего сертификат, но и его супруга(и), детей (в том числе первого, второго, третьего ребенка и последующих детей), о чем говорится в п. 4 ст. 10 Федерального закона № 256-ФЗ. Указанное обязательство влияет на определение момента возникновения права собственности у детей.

---

[1] Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Российская газета. 2006. № 256.

Также остается вопрос, в какой момент нужно определить возникновение права собственности членов семьи, имеющих право на получение доли в жилом помещении, если наследодатель умер, так и не исполнив обязанность по оформлению жилья в общедолевую собственность.

На практике сложился порядок, при котором наследники подают иск об определении долей в праве общей долевой собственности и о включении имущества в состав наследственной массы. Это происходит из-за того, что лицо обязано было оформить квартиру в общую собственность всех членов семьи (включая супруга и всех детей) в течение 6 месяцев, но по причине смерти обязательство исполнено не было. Суды требования наследников удовлетворяют, ссылаясь на необходимость надлежащего исполнения обязательств в силу закона по ст. 309 ГК РФ и ст. 10 Федерального закона № 256-ФЗ[2]. Таким образом, смерть лица не прекратила обязательство по выделению долей, так как право собственности приобретено через суд.

В некоторых случаях наследники должны обращаться в суд из-за отказа нотариуса выдать свидетельство о праве на наследство[3]. Причиной отказа служит факт приобретения жилого помещения на средства материнского капитала и неисполнение обязанности по оформлению жилого помещения в долевую собственность родителей и детей. Согласно п. 2 ст. 8.1 ГК РФ, права на имущество, подлежащие государственной регистрации, возникают с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр[4]. Однако суды указывают на то, что неоформление обязательства не может служить основанием для лишения членов семьи права на долю в имуществе, поскольку неисполнение данного требования лишает несовершеннолетних детей прав на

---

[2] Решение Первоуральского городского суда (Свердловская область) «Решение № 2-2329/2020 2-2329/2020~М-2046/2020 М-2046/2020 по делу N 2-2329/2020.» от 21.09.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/yitMTS1Eo8ZQ/ (дата обращения 09.03.2026).

[3] Решение Палкинского районного суда (Псковская область) «Решение № 2-139/2017 2-139/2017~М-129/2017 М-129/2017 по делу № 2-139/2017» от 26.07.2017 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/7jxFYDeDKmoW/ (дата обращения 09.03.2026).

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 №51-ФЗ (в ред. от 03.01.2006) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

имущество, которое должно принадлежать им в силу закона и гарантировано ч. 4 ст. 35 Конституции Российской Федерацией,[5] гражданским и семейным законодательством.

Существуют особенности передачи средств материнского капитала в случае смерти продавца по договору купли-продажи, который должен был получить в счет оплаты средства материнского капитала[6]. По договору купли-продажи семья частично оплачивает квартиру из средств материнского капитала. Однако после смерти продавца СФР отказался переводить деньги наследникам умершего продавца, вследствие чего наследники вынуждены были обратиться в суд, чтобы признать бездействие фонда незаконным и обязать его выплатить им денежные средства по договору.

Суд требование удовлетворил и обязал СФР перечислить средства материнского капитала на расчетный счет наследников продавца, что вполне обосновано, так как право на получение денег за проданную квартиру выступает имущественным правом. Согласно ст. 1112 ГК РФ в состав наследства входят не только вещи, но и имущественные права, в данном случае это право требовать выплаты денежных средств за проданную квартиру.

Согласно п.15 Постановления Правительства РФ от 12 декабря 2007 года № 862 «О Правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий» лицо или супруг лица, получившее сертификат, обязаны оформить жилое помещение, приобретенное за счет средств материнского капитала в общую собственность лица, получившего сертификат, его супруга и детей с определением размера долей по

---

[5] См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6 ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7 ФКЗ, от 5 февраля 2014 года №2 ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11 ФКЗ, от 14 марта 2020 года №1 ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5–ФКЗ, от 4 октября 2022 года, № 6–ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7–ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8–ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет–портал правовой информации http://pravo.gov.ru. (дата обращения: 09.03.2026).

[6] См.: Ходырева Е.А. Спорные вопросы наследования жилых помещений, приобретенных за счет средств материнского (семейного) капитала // Закон. 2023. № 12. С. 146.

соглашению в течение 6 месяцев[7]. На практике в случаях, когда лицо умирает до того, как выполнит это обязательство, дети остаются без оформленных долей, и их права на имущество нужно подтверждать в суде. Для того, чтобы таких ситуаций не возникало, нужно изменить порядок регистрации прав на имущество.

Предлагается сделать так, чтобы доли всех членов семьи регистрировались в Росреестре сразу в момент покупки имущества (квартиры, земельного участка), а не через какой-то промежуток времени. Для этого необходимо сразу указывать тех лиц, которые имеют право на доли в имуществе, включая несовершеннолетних детей. В данном случае Росреестр одновременно зарегистрирует право собственности за каждым членом семьи.

Помимо этого, возможно внесение дополнительного положения в статью 256 ГК РФ, в которой будет содержаться информация, устанавливающая, что жилое помещения, приобретенное полностью или в части за счет средств материнского капитала, поступает не только в общую собственность супругов, но и в собственность несовершеннолетних детей с выделением им причитающихся долей. Это должно гарантировать детям сохранение за ними права собственности на жилое помещение. Если жилое помещение приобретается по договору купли-продажи, то в нем в качестве покупателей должны быть указаны не только родители, но и несовершеннолетние дети, при этом договор заключается как обычно в простой письменной форме, но главным остается указание на всех лиц, включая детей. Если сохраняется обязанность выделить детские доли без внесения поправок, а эта норма прописана в федеральном законе № 235-ФЗ в п. 4 ст. 10, и родители не выделяли вовремя детям жилую площадь, то они автоматически нарушают закон. Поправки могут снизить нагрузку на прокуратуру, поскольку ее

---

[7] Постановление Правительства Российской Федерации от 12.12.2007 № 862 «О Правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий» // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=501116 (дата обращения: 09.03.2026). – пункт 15.1 с изм. и допол. в ред. от 31.03.2020.

представители, действуя в порядке осуществления надзора, периодически проверяют лиц, получивших средства материнского капитала и при обнаружении каких-либо нарушений, принуждают вернуть средства государству.

На практике, если 1 из родителей умирает после регистрации прав, но до истечения 6 месяцев, проблема не возникнет, поскольку доли детей уже зарегистрированы в Росреестре. Имущество не входит полностью в наследственную массу умершего родителя, поскольку ему принадлежала только его доля. Дети сохраняют свои доли автоматически, и их права не зависят от того, успел ли родитель составить соглашение или нет. Судебного порядка подтверждения прав детей в данном случае не нужно, так как право уже возникло и подтверждено в реестре. Это обеспечит действенную защиту прав детей, на которых и распространяется материнский капитал.

Обобщая сказанное, анализ споров из-за наследования имущества, приобретенного с использованием средств материнского капитала, указывает на наличие в действующем законодательстве противоречий. Главная проблема состоит в несоответствии между обязанностью владельца сертификата наделить долями всех членов семьи и правилами гражданского законодательства о моменте возникновения права собственности с момента регистрации. Смерть лица, владеющим сертификатом, до выделения долей создает споры о составе наследственной массы и нарушает права несовершеннолетних. Такие же проблемы появляются после смерти продавца жилого помещения до получения средств материнского капитала, когда правопреемники обращаются в суд для защиты своих законных прав. Описанные в статье предложения устранят такие проблемы и будут способствовать эффективной защите прав несовершеннолетних.

Секция № 9. «Семейное право»

Защита прав детей при расторжении брака с иностранным гражданином

Джамбулова Мадина Серикбаевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Федосова Ксения Алексеевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В данной статье исследуются правовые проблемы защиты прав несовершеннолетних при расторжении брака, осложненного иностранным элементом. Анализируются коллизионные аспекты регулирования семейных отношений с участием иностранных граждан и противоречия между нормами российского законодательства и международно-правовыми актами. Рассматриваются сложности, возникающие при определении места жительства ребенка, взыскании алиментов и реализации права на общение в трансграничном контексте. Особое внимание уделяется процессуальным вопросам международной подсудности и исполнения судебных решений на территории иностранных государств. Обосновывается вывод о необходимости расширения договорной базы Российской Федерации и унификации подходов к определению наилучших интересов ребенка на межгосударственном уровне.

Ключевые слова: защита прав детей, расторжение брака с иностранным гражданином, международная подсудность, определение места жительства ребенка, принцип экзекватуры.

Расторжение брака, осложненного иностранным элементом, представляет собой одну из наиболее сложных и деликатных категорий семейных споров, поскольку затрагивает фундаментальные права ребенка, закрепленные как в национальном законодательстве, так и в международных актах. В соответствии с п. 2 ст. 54 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, насколько это

возможно, а также право знать своих родителей, право на их заботу и совместное проживание с ними. Однако при распаде семьи, где один из супругов является иностранным гражданином или постоянно проживает за рубежом, реализация этих прав сталкивается с объективными препятствиями, порожденными различиями в правовых системах, территориальной удаленностью сторон и сложностью исполнения судебных решений. Актуальность темы подчеркивается статистическими данными: по оценкам ООН за последние 50 лет в странах постсоветского пространства количество расторжений брака возросло в 2,5 раза, а проблема «борьбы родителей за ребенка» становится все более распространенным последствием распада семьи[1].

Правовое регулирование отношений, возникающих в связи с расторжением брака между гражданином РФ и иностранным гражданином, базируется на сложной системе источников. Национальным законодательным фундаментом выступают Семейный кодекс РФ, в частности, раздел VII, посвященный применению семейного законодательства к отношениям с участием иностранных граждан, а также Гражданский процессуальный кодекс РФ, определяющий правила подсудности. Ключевое значение имеют международные договоры. Россия является участницей ряда многосторонних конвенций, среди которых особое место занимает Конвенция о правах ребенка 1989 года. В соответствии с п. 3 ст. 9 Конвенции, государства-участники обязуются уважать право ребенка, разлучаемого с одним или обоими родителями, поддерживать личные отношения и прямые контакты с обоими родителями, за исключением случаев, когда это противоречит наилучшим интересам ребенка. Кроме того, важную роль играют двусторонние договоры о правовой помощи, заключенные РФ с рядом государств, которые устанавливают порядок признания и исполнения судебных решений. Однако,

[1] См.: Александрова Е.Е. Международно-правовые аспекты реализации права ребенка «не разлучаться с родителями» после распада семьи. – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2020. – URL: https://conf.siblu.ru/mezhdunarodno-pravovye-aspekty-realizacii-prava-rebenka (дата обращения: 12.02.2026).

как отмечается в юридической литературе, основная коллизионная проблема заключается в том, что при отсутствии международного соглашения с конкретным государством, решение российского суда не наделяется исполнительной силой на территории страны проживания ответчика-иностранца. Приоритет интересов ребенка должен выступать универсальным критерием при разрешении коллизий, однако отсутствие единообразного подхода в практике различных государств нередко приводит к тому, что ребенок становится объектом «юридического похищения» или оказывается в правовом вакууме.

Определение места жительства ребенка при расторжении брака с иностранным гражданином является первостепенной и наиболее сложной проблемой. Согласно п. 3 ст. 65 СК РФ, место жительства детей при раздельном проживании родителей устанавливается соглашением родителей, а при его отсутствии - судом, исходя из интересов ребенка. На практике это требование превращается в сложное судебное разбирательство, где суду необходимо оценить множество факторов: привязанность ребенка к каждому из родителей, братьям и сестрам, возраст ребенка, нравственные и иные личные качества родителей, возможность создания ребенку условий для воспитания и развития, род деятельности и режим работы родителей, а также материальное и семейное положение. При участии иностранного гражданина добавляется дополнительный фактор — оценка потенциальной социальной среды в государстве его проживания. Зачастую возникают ситуации, когда один из родителей, опасаясь вынесения неблагоприятного для него решения, вывозит ребенка на свою историческую родину без согласия второго. Такие действия расцениваются как нарушение п. 1 ст. 16 Конвенции о правах ребенка, запрещающего произвольное или незаконное вмешательство в личную и семейную жизнь ребенка. Пути решения данной проблемы видятся в унификации подходов к определению «наилучших интересов ребенка» на международном уровне, а также в широком применении обеспечительных мер. Суды Российской Федерации, в частности, могут выносить определения о

временном определении места жительства ребенка и запрете на выезд до разрешения спора по существу, что является эффективным механизмом предотвращения конфликтов.

Вопросы взыскания алиментов и порядка общения с ребенком также приобретают особую сложность в международном контексте. Обязанность родителей содержать своих несовершеннолетних детей носит безусловный характер и не зависит от места их проживания. Однако если родитель-должник выезжает на постоянное место жительства за рубеж, процедура взыскания становится многоступенчатой. Как разъясняется на официальном портале ФССП России, при выезде должника за границу взыскание алиментов осуществляется в рамках международного сотрудничества[2]. Если между РФ и государством проживания должника заключен договор о правовой помощи (например, в рамках СНГ или двусторонние соглашения), российский суд направляет запрос в компетентный орган этого государства, который признает и исполняет решение. В противном случае взыскателю приходится обращаться с новым иском непосредственно в суд по месту жительства должника, что требует значительных временных и финансовых затрат. В адвокатской практике отмечается, что даже при наличии положительного решения суда, исполнение его в таких странах, как Финляндия или США, возможно только при условии четкого соблюдения процедур легализации (апостиль) и перевода документов, а также при наличии квалифицированного представителя на территории иностранного государства[3]. Что касается порядка общения, то российское законодательство исходит из презумпции права родителя, проживающего отдельно, на общение с ребенком.

Процессуальные аспекты защиты прав детей в рассматриваемой категории дел определяются правилами подсудности. Согласно ст. 402 ГПК

---

[2] Порядок взыскания алиментов при выезде должника за границу // Официальный информационный сайт ФССП России. – URL: https://fssp.ru/poryadok-vzyskaniya-alimentov-pri-vyezde (дата обращения: 12.02.2026).

[3] См.: Гарсиа С. Исполнение в Финляндии решений российских судов о взыскании алиментов // Адвокатская газета. 2025. № 22 (447). – URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/ispolnenie (дата обращения: 12.02.2026).

РФ, иски о взыскании алиментов и об установлении отцовства могут быть предъявлены истцом в суд РФ по месту его жительства, даже если ответчик проживает за пределами России. Это правило предоставляет существенную гарантию для родителя, остающегося с ребенком на территории РФ. Но вынесение решения — это лишь первый этап. Ключевой проблемой остается признание и приведение в исполнение судебных актов. В международном частном праве действует принцип экзекватуры — разрешения на принудительное исполнение иностранного судебного решения. Эффективность этого процесса напрямую зависит от наличия и содержания международных договоров. Российская Федерация является участницей свыше 50 международных двусторонних соглашений, касающихся сотрудничества в области гражданского, семейного права, включая договоренности с такими странами, как Эфиопия, Иран, Грузия, Греция, Албания и другие[4]. При отсутствии международного договора российское решение не подлежит принудительному исполнению на территории другого государства. Практика российских судов в последние годы демонстрирует стремление к максимальной защите прав несовершеннолетних, потому в ряде решений суды указывают, что невозможность исполнения решения за границей не является основанием для отказа в иске, а напротив, требует от истца проявления должной осмотрительности. Судебные приставы России, в свою очередь, активно применяют меры ограничительного характера к неплательщикам алиментов, в том числе временное ограничение на выезд за пределы Российской Федерации при наличии задолженности свыше 10000 рублей. По данным СМИ, эта мера является одной из самых эффективных, побуждая многих должников к погашению задолженности даже при смене страны проживания[5]. Тем не менее, в спорах с родителями, выехавшими в государства, не имеющие правовых соглашений с РФ (например, в некоторые страны Азии или Африки),

---

[4] Международное частное право: учебник для академического бакалавриата / под ред. Н.И. Марышевой. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. С. 289.

[5] См.: Русяев И. Юрист рассказал, при каком долге по алиментам не выпустят за границу // Москва 24. – 2026. – URL: https://www.m24.ru/news/obshchestvo/13012026/863364

перспектива взыскания алиментов и обеспечения права на общение остается крайне низкой, что требует от российских судов нового подхода к выбору правовых механизмов.

Следует констатировать, что защита прав детей при расторжении брака с иностранным гражданином представляет собой комплексную правовую проблему, лежащую на стыке национального и международного права. Основные сложности связаны с коллизионным регулированием, различиями в правовых системах и отсутствием универсальных механизмов исполнения решений. В доктринальном плане дальнейшее развитие должно идти по пути расширения сети международных договоров РФ по вопросам правовой помощи и унификации подходов к определению наилучших интересов ребенка. Перспективным направлением является также развитие института медиации, позволяющего родителям достичь взаимоприемлемых договоренностей без длительных судебных разбирательств, которые негативно сказываются на психике ребенка.

Проблемы правового регулирования суррогатного материнства

Маркова Ольга Андреевна,
студент Средне-Волжского института (филиала)
Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России), г. Саранск

Аннотация: Рождение ребенка – важный этап в отношениях супругов, но, к сожалению, не всегда они имеют возможность родить ребенка естественным путем. На помощь современным семьям приходит институт суррогатного материнства – высокотехнологическая репродуктивная технология. Однако эта процедура имеет ряд рисков, одним из которых является недостаточное законодательное регулирование. Нормативно-правовая база, регулирующая суррогатное материнство, довольно спорная и не дает точной регламентации каждого этапа данной процедуры. В статье проводится анализ актуальных проблем правового регулирования суррогатного материнства, обзор судебной практики, а также рассматриваются пути совершенствования законодательной базы в вопросах суррогатного материнства.

Ключевые слова: суррогатное материнство, семейное право, экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО), репродуктивные технологии, медицинское право, договор, обязательства сторон при суррогатном материнстве.

В настоящее время вопрос демографии стоит особенно остро: государство принимает новые меры поддержки молодых семей, поднимает размер выплат матерям при рождении ребенка, разрабатывает новые программы ипотеки и др. Однако не каждая пара способна родить ребенка естественным путем по ряду биологических и физиологических причин. Современная медицина позволяет лечить бесплодие и помогает супругам прийти к долгожданному рождению собственного ребенка. Помимо традиционных методов лечения активно развиваются инновационные

инструменты, то есть репродуктивные технологии, которые позволяют осуществить зачатие эмбриона и этапы его роста вне организма биологической матери. Одним из эффективных репродуктивных инструментов является суррогатное материнство.

Для более полного и всестороннего анализа проблем правового регулирования института суррогатного материнства в Российской Федерации стоит начать с общей характеристики выбранной репродуктивной технологии и ее субъектного состава.

Юридическая сущность суррогатного материнства заключается в квалификации данного института как возмездного оказания услуг, оформляемого гражданско-правовым соглашением, предметом которого выступают вынашивание и последующее рождение ребенка. Женщина, согласившаяся принять на себя данную роль, проходит через довольно сложную медицинскую процедуру: имплантация донорского эмбриона в полость матки. Эмбрион, в свою очередь, был предварительно сформирован из биологического материала генетических родителей. Доктринально суррогатное материнство делится на две формы: традиционную и гестационную. В традиционном формате подразумевается биологическое родство между плодом и вынашивающей его женщиной, тогда как гестационная форма полностью исключает генетическую связь между суррогатной матерью и ребенком, поскольку эмбрион создается путем оплодотворения донорской яйцеклетки, а не яйцеклетки суррогатной матери[1].

Безусловно, невозможно рассматривать правовые проблемы в указанном институте без анализа самой фигуры суррогатной матери. Легальная дефиниция «суррогатная мать» в системе нормативно-правовых актов отсутствует. Вместо емкого понятийного аппарата законодатель закрепляет лишь формальные критерии допуска. Наличие технических условий не способно компенсировать отсутствие закрепленного в законе понятия. Представляется, что восполнение

---

[1] Суррогатное материнство [Электронный ресурс]. URL: http://www.love-contract.ru/surogatnoe

выявленного пробела требует нормативного закрепления понятия «суррогатная мать». Юридическая конструкция данной дефиниции должна включать в себя два элемента: статус стороны гражданско-правового договора (с определением правового положения и объема ответственности) и исчерпывающий перечень существенных условий, адресованных лицу, добровольно принявшему на себя обязательство по вынашиванию и рождению ребенка.

В настоящее время в Российской Федерации суррогатное материнство регулируется нормами Федерального закона от 21 ноября 2011 года №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[2], а также Приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации от 30 августа 2012 года №107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению»[3], наряду с этим, правоотношения в сфере суррогатного материнства затрагивают нормы семейного законодательства: статьи 51 и 52 Семейного кодекса Российской Федерации[4] определяют правила регистрации рождения ребенка, вынашиваемого по данной технологии. В свою очередь, алгоритм проведения медицинской процедуры закреплен в Приказе Министерства здравоохранения Российской Федерации № 67 «О применении вспомогательных репродуктивных технологий и терапии женского и мужского бесплодия».

Наиболее уязвимой частью в законодательном регулировании суррогатного материнства в России является аспект регулирования договорной основы данных правоотношений. В правовом поле отсутствует его официальное наименование, ориентиры существенных условий, включая фундамент такого договора – права, обязанности и меры ответственности сторон. Подобное положение дел явно идет в разрез с постулатами

---

[2] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета 2011. № 263.

[3] Приказ Минздрава РФ от 30.08.2012 № 107н (в ред. от 11.06.2015) «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению // Российская газета. 2013. № 78/1.

[4] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Российская газета. 1996. 27 янв. № 17.

гражданского права, где именно договор является универсальным инструментом построения правоотношений между контрагентами. Действующая российская законодательная база не содержит в себе четкой позиции относительно правовой природы договора суррогатного материнства; нормативные предписания содержат лишь размытое указание на невозможность его отождествления с классической моделью возмездного оказания услуг. Между тем специфика данного соглашения заключается в необходимости закрепления особой правовой связи между генетическими родителями и женщиной, осуществляющей гестационное вынашивание имплантированного донорского эмбриона[5]. В этой связи обоснованным представляется включение в конструкцию договора специальных условий, ключевым из которых выступает явно выраженное, эксплицитное согласие суррогатной матери как на проведение медицинской процедуры, так и на последующую передачу новорожденного генетическим родителям. На сегодняшний день императивная норма, предусматривающая обязательность фиксации такого согласия, отсутствует как в Семейном кодексе Российской Федерации, так и в профильном федеральном законодательстве, что порождает зону правовой неточности.

Исследование действующего законодательства, призванного регулировать институт суррогатного материнства в России позволяет сделать вывод, что прерогатива на стороне суррогатной матери, ведь лишь после получения ее согласия генетические родители ребенка могут быть записаны его родителями официально[6].

В российской судебной практике уже было резонансное дело, когда выносившая детей мать отказалась передавать их генетическим родителям. Татьяна Суздалева, суррогатная мать, которая вынашивала детей семьи Фроловых. Выяснилось, что детей будет двое и Татьяна сразу же потребовала

---

[5] См.: Толстикова О.М. Договоры в семейном праве. Иркутск, 2013. С. 57.

[6] См., например: Подольский И. Суррогатное материнство: согласие на запись в акте (свидетельстве) о рождении генетических родителей – неотчуждаемое право или обязательство по договору? [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2012/9/7/surrogatnoe_materinstvooglasie_nae (дата обращения: 15.03.2026).

сумму в два раза больше, Фроловы не успевали собрать нужную сумму. Татьяна приняла решение оставить детей у себя, ее адвокат ссылался на установление психоэмоциональной связи между суррогатной матерью и детьми, которых она вынашивала. Суздалева не дала согласия на запись Фроловых родителями детей. Было установлено, что после рождения двойняшек она оформила себя как многодетную мать-одиночку, чтобы улучшить жилищные условия. В результате долгого судебного процесса, суд г. Санкт-Петербурга решил вернуть двойняшек их генетическим родителям, семье Фроловых. Адвокат семейной пары ссылалась на нормы международного права и положения Семейного кодекса РФ, которые предоставляют право устанавливать происхождение детей. Данное судебное дело стало прорывным прецедентом в российской практике[7]. Законодателем до сих пор не урегулирован вопрос правового статуса эмбриона. Его нельзя отнести к категории вещей, из чего следует отсутствие ответственности за нанесение ущерба. Эмбрион рассматривается исключительно с точки зрения его потенциальной возможности стать человеком, его нельзя отнести к физическому лицу (гражданину)[8]. При гибели эмбриона в случае оказания некачественных медицинских услуг, возможно ли возмещение вреда потенциальным родителям?

В истории судебных разбирательств в России также был случай, когда суррогатная мать не явилась на процедуру переноса эмбриона. Так, Апшеронский районный суд Краснодарского края установил: Р. В. и Р. К. обратились в суд с иском к Т. С. о возмещении расходов вследствие неисполнения договора о предоставлении услуг суррогатного материнства. Просили суд взыскать с ответчика расходы, понесенные ими в связи с неисполнением своих обязательств по договору в размере 55269 рублей, компенсацию морального вреда, расходы на оплату услуг представителя,

[7] Украденных суррогатной матерью близнецов вернут настоящим родителям [Электронный ресурс]. URL: https://www.spb.kp.ru/daily/26646/3665666/https://www.spb.kp.ru/daily (дата обращения: 15.03.2026).

[8] Суррогатное материнство [Электронный ресурс]. URL: http://www.love-contract.ru/surogatnoe (дата обращения: 15.03.2026).

проценты за пользование чужими денежными средствами, расходы по уплате государственной пошлины и расторгнуть договор о предоставлении услуг суррогатного материнства[9]. В связи с неявкой суррогатной матери в назначенную дату на проведение процедуры, истцы были вынуждены понести дополнительные расходы на криоконсервацию эмбрионов. Судебная коллегия, руководствуясь российским законодательством, посчитала обоснованным признание нарушения суррогатной матерью пунктов Договора, и признала законным взыскать с нее убытки, которые понесли генетические родители ребенка.

Рассматриваемый институт суррогатного материнства является одним из ключевых инструментов преодоления бесплодия и важным «рычагом» в улучшении демографической ситуации в государстве, однако на сегодняшний день все еще характеризуется противоречивостью законодательной базы и множеством неурегулированных вопросов.

Были выявлены системные пробелы, создающие зоны правовой неопределенности для всех участников правоотношений. Во-первых, нет легальной дефиниции категории «суррогатная мать», при наличии формальных критериев отбора кандидатов. Во-вторых, законодателем недостаточно регламентирован договор оказания услуг суррогатного материнства. Указанные недочеты влекут за собой правовые риски, которые могут проявиться на разных этапах: на стадии исполнения договора и, что особенно значимо, на финальной стадии — в ситуации передачи ребенка биологическим родителям.

[9] Судебные практики России в суррогатном материнстве. [Электронный ресурс]. URL: https://surmoms.com/sudebnye-praktiki-rossii-za-2016-god-po-tematike-surrogatnoe-materinstvo/

Тайна усыновления как личная и семейная тайна: конституционно-правовой анализ и перспективы развития

Моисеев Борис Сергеевич,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Мячин Роман Олегович,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье рассматривается институт тайны усыновления как комплексная межотраслевая категория. Анализируется юридическая природа данного феномена через призму личной и семейной тайны, охраняемых уголовным законом. Особое внимание уделяется правовым позициям Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, формирующим современный вектор развития законодательства в контексте обеспечения баланса между интересами семьи и правом усыновленного на доступ к информации о своем происхождении.

Ключевые слова: тайна усыновления, семейная тайна, личная тайна, право на идентичность, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, интересы ребенка.

Институт усыновления (удочерения), согласно п. 1 ст. 124 Семейного кодекса РФ, представляет собой приоритетную форму устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Центральным элементом данного института, обеспечивающим стабильность вновь образованной семьи и психологический комфорт ребенка, выступает тайна усыновления. Прежде всего, необходимо определить, что представляет собой данная правовая категория.

В юридической литературе под тайной усыновления принято понимать установленный законом запрет для определенного круга лиц разглашать сведения о факте усыновления, а также совокупность правовых и

организационных мер, направленных на сохранение конфиденциальности данного акта[1]. Как справедливо отмечает Л.Ю. Михеева, «тайна усыновления призвана обеспечить нормальные семейные отношения, исключить вмешательство в частную жизнь усыновителей и усыновленного»[2].

В системе конституционно значимых ценностей тайна усыновления, как правило, выступает в двух взаимосвязанных аспектах[3]. Во-первых, как личная тайна, она затрагивает исключительно интересы отдельного лица (а именно усыновленного и усыновителей) и, будучи неотъемлемым элементом частной жизни, не подлежит всеобъемлющему контролю со стороны государства и общества. В содержание личной тайны в данном случае входит право индивида самостоятельно решать, раскрывать ли сведения о своем происхождении или о составе своей семьи. Во-вторых, это семейная тайна, которая охраняет интересы семейной общности как единого целого. Разглашение факта усыновления может разрушить внутрисемейный микроклимат, подорвать авторитет родителей и травмировать психику ребенка. Таким образом, семейная тайна в данном контексте выступает гарантом автономии семьи как социальной ячейки.

Охрана данных общественных отношений обеспечивается в том числе нормами уголовного законодательства: статья 155 Уголовного кодекса РФ предусматривает ответственность за разглашение тайны усыновления (удочерения) вопреки воле усыновителя.

Для понимания конституционно-правового смысла тайны усыновления следует обратиться к Постановлению Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 года № 15-П. Поводом к рассмотрению дела послужила жалоба граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной, оспаривавших конституционность положений

---

[1] Антонов Ю.И. Тайна усыновления (удочерения) как предмет преступления, предусмотренного ст. 155 УК РФ // Российская юстиция. 2018. № 3. С. 19–21.

[2] Михеева Л.Ю. Опека и попечительство: теория и практика / Под ред. Р.П. Мананковой. – М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 215.

[3] Позднякова А.С. Тайна усыновления: теоретический и практический аспекты. Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2022. № 1 (51). С. 72-75.

статьи 139 Семейного кодекса РФ и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния». Формируя свою правовую позицию, Суд указал: законодатель, закрепляя тайну усыновления, исходил из презумпции того, что раскрытие данной информации «может причинить моральные (нравственные) страдания ребенку, сказаться на его психическом состоянии, воспрепятствовать созданию нормальной семейной обстановки и затруднить процесс воспитания ребенка»[4]. Конституционный Суд подчеркнул, что даже наступление такого объективного обстоятельства, как смерть усыновителей, само по себе не влечет возникновения безусловного права на разглашение тайны усыновленному со стороны третьих лиц, если при жизни усыновителей отсутствовало их волеизъявление на ее раскрытие. Тем не менее, Суд предусмотрел существенный уравновешивающий механизм: после смерти усыновителей и самого усыновленного его потомки (биологические родственники усыновленного) могут получить доступ к этой тайне, если докажут наличие юридически значимого интереса.

Особого внимания заслуживает вопрос о праве самого усыновленного на доступ к информации о своем происхождении. Кульминацией развития данной дискуссии в отечественной судебной практике видится формирование Верховным Судом Российской Федерации правовой позиции, изложенной им в п. 60 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018). Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, столкнувшись при рассмотрении конкретного дела с конкуренцией таких ценностей, как незыблемость тайны усыновления и право человека на идентичность, впервые на столь высоком уровне признала возможность усыновленного ребенка получить сведения о биологическом родителе при наличии существенного интереса (в том числе для раскрытия генетической истории семьи, а также выявления (диагностики) наследственных

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2015 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной» // Российская газета. 2015. № 140.

заболеваний) и лишь при условии осведомленности усыновленного лица о факте своего усыновления[5]. Суд поддержал позицию истца, указав, что отказ в предоставлении такой информации может нарушить баланс конституционно защищаемых ценностей.

Данное решение знаменует собой отказ от сугубо формального подхода к тайне усыновления и переход к гуманистической модели, где главным критерием выступают основные права человека и его интересы.

Тем не менее, представляется важным указать на то, что бюрократические процедуры, связанные с обращением в органы ЗАГС, а также продолжительные судебные разбирательства, в рамках которых усыновленный обязан доказать наличие существенного интереса, могут привести к затягиванию процесса и, как следствие, к нанесению непоправимого вреда здоровью. Задержка в получении информации о генетической предрасположенности к онкологическим или иным заболеваниям создает прямую угрозу реализации права на жизнь и охрану здоровья. В связи с этим видится необходимым внести предложение об упрощении процедуры раскрытия тайны усыновления.

В частности, в развитие правовой позиции Верховного Суда РФ, изложенной в п. 60 Обзора судебной практики № 3 (2018), представляется целесообразным внесение изменений в статью 139 Семейного кодекса РФ и статью 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», предусматривающих возможность раскрытия тайны усыновления по решению суда, принимаемому в порядке особого производства (вне рамок искового разбирательства с его состязательными процедурами). Критерии, подлежащие установлению судом (осведомленность усыновленного о факте усыновления, наличие существенного интереса, отсутствие выраженного при жизни усыновителями запрета на раскрытие), могут быть закреплены непосредственно в законе.

---

[5] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018): утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14.11.2018 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru. (дата обращения: 11.02.2026).

Кроме того, в долгосрочной перспективе заслуживает внимания положительный опыт Франции, где функционирует Национальный совет по доступу к информации о личном происхождении (Conseil national pour l'accès aux origines personnelles – CNAOP), рассматривающий запросы усыновленных и способствующий получению согласия биологических родителей на раскрытие информации. Аналогичный орган в России мог бы быть создан при органе исполнительной власти в сфере опеки и попечительства с функциями посредничества и досудебного урегулирования споров, что позволило бы снизить нагрузку на судебную систему и ускорить принятие решений в случаях, требующих оперативного вмешательства.

Таким образом, в целях устранения правовой неопределенности позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, касающиеся тайны усыновления, должны быть закреплены в законе. Дальнейшее развитие института тайны усыновления в России должно идти по пути формирования сбалансированной модели, в которой конфиденциальность как гарантия стабильности приемной семьи и права на частную жизнь усыновителей сочетается с эффективными и оперативными механизмами реализации права усыновленного на доступ к информации о своем происхождении в случаях, когда это необходимо для защиты его личных неимущественных прав и охраны здоровья.

Оспаривание брачного договора: анализ основания «крайне неблагоприятное положение» супруга

Нестерова Евгения Алексеевна,
студент Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, г. Саранск

***Аннотация*:** В статье рассматривается специальное основание для признания брачного договора недействительным - включение в него условий, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. Автор анализирует судебные подходы к применению данной оценочной категории, выделяя ключевые критерии, используемые судами. Анализируются доктринальные обоснования этой нормы, в частности, концепция квалификации брачных отношений как договора простого товарищества, проводится разграничение между крайне неблагоприятным положением и кабальной сделкой, уделяется внимание вопросам оспаривания брачных договоров в делах о банкротстве. С целью введения альтернативных способов защиты нарушенных прав супруга и обеспечения стабильности брачных договоров предлагается исключить нормы о недействительности брачного договора по данному основанию, заменив их положениями об изменении или расторжении договора ввиду существенного изменения обстоятельств.

***Ключевые слова*:** признание брачного договора недействительным ввиду крайне неблагоприятного положения супруга, срок давности по искам об оспаривании брачного договора, соотношение оспоримого брачного договора, ставящего супруга в крайне неблагоприятное положение, с кабальной сделкой, квалификация брачных отношений в качестве договора о совместной деятельности (простого товарищества).

Брачный договор достаточно часто представляет собой распорядительную сделку, определяющую судьбу имущества как в браке, так и после его расторжения[1]. Хотя в семейном праве действует принцип свободы

[1] См.: Ахмедов А.Я. Идеология оспаривания брачного договора // Lex Russica. 2025. Т. 78. №

договора, законодатель предусмотрел специальные инструменты для защиты более слабого супруга от возможных злоупотреблений. Один из таких инструментов закреплён в п. 2 ст. 44 СК РФ и применяется в случаях, когда условия заключённого соглашения ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение.

Поскольку категория «крайне неблагоприятное положение» является оценочной, не имеет законодательного определения, а установленный ею запрет сформулирован в самом общем виде, это создаёт определённые трудности в правоприменительной практике. Закон не может предусмотреть все возможные жизненные обстоятельства, способные повлиять на имущественное положение супругов, поэтому смысл понятия «крайне неблагоприятное положение» раскрывается непосредственно в судебных решениях.

В качестве примера оспоримых условий в судебных актах приводится положение брачного договора, по которому супруг полностью утрачивает права на совместно нажитое имущество[2], или условие, предусматривающее существенную диспропорцию долей[3].

А.А. Волос, обобщая практику, считает, что неблагоприятное положение супруга по брачному договору подтверждает: полное лишение супруга по договору права собственности на совместно нажитое имущество; отсутствие места жительства и регистрации; передача приобретенной совместно недвижимости в личную собственность другого супруга[4]. Как можно заметить, речь в основном идет о лишении супруга прав на объекты недвижимости и нарушении конституционного права на жилище.

При этом имущественное неравенство, вводимое договором, не является безусловным основанием для отмены договора, если он заключался

1(218). С. 59-70.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» (в ред. от 06.02.2007) // https://www.consultant.ru (дата обращения: 12.02.2026).

[3] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.12.2016 № 5-КГ16-174 // https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf122016-n-5-kg16-174/

[4] См.: Волос А.А. Слабая сторона брачного договора // Нотариус. 2018. № 4. С. 2–6.

добровольно и осознанно. Изменение законного режима имущества супругов, в том числе с отступлением от начала равенства долей – это одна из возможных целей брачного договора. Верховный Суд в Определении № 33-КГ22-5-К3[5] указал, что несоразмерность долей не является абсолютным основанием для признания договора недействительным.

А.Я. Ахмедов предлагает рассматривать отношения супругов как разновидность договора простого товарищества (ст. 1041 ГК РФ). Супруги, как и товарищи по договору, объединяют усилия и вклады (в том числе в виде труда и заботы о семье) для достижения общей цели, ввиду этого недопустимо лишение одного из супругов доли в общем имуществе[6].

Важно различать брачный договор, ставящий супруга в крайне неблагоприятное положение и кабальную сделку (ст. 179 ГК РФ). В первом случае речь идет о неравном распределении благ, а во втором - о стечении тяжелых обстоятельств в момент заключения договора. Также порок воли при кабальной сделке присутствует изначально, тогда как крайне неблагоприятное положение может проявиться спустя длительное время после подписания документа (например, при реализации его условий).

При рассмотрении споров о признании брачных договоров недействительными по данному основанию, было продемонстрировано два подхода судов к определению момента начала течения срока исковой давности по таким искам. Первый подход связывает начало течения срока с моментом, когда супруг узнал о наступлении неблагоприятных последствий, например, при разделе имущества. Такой подход представляется нам более предпочтительным. Второй подход основан на исчислении срока с момента нотариального удостоверения договора, так как сторона должна была сразу осознавать правовые последствия его подписания.

---

[5] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.04.2023 № 33-КГ23-2-К3 // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req (дата обращения: 06.02.2026).

[6] См.: Ахмедов А.Я. Идеология оспаривания брачного договора // Lex Russica. 2025. Т. 78. № 1(218). С. 59-70.

В последнее время участились случаи заключения брачных договоров накануне банкротства, где неравноценность переданного супругу имущества вызвана стремлением нарушить права кредиторов. Как отмечает Е.П. Титаренко, в таких ситуациях договор может быть оспорен не только по положениям семейного законодательства, но и по банкротным основаниям (неравноценное встречное исполнение, причинение вреда кредиторам), оспаривание осуществляется на основании общих положений закона о банкротстве[7].

При разрешении споров о признании брачных договоров недействительными суды руководствуются публичным интересом, свойственным семейному праву, который заключается в обеспечении приоритетной защиты прав несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи. В качестве наглядного примера можно привести дело Блохиных (Определение Верховного Суда РФ от 26 мая 2020 года № 78-КГ20-14). В этом деле суд признал, что условия брачного договора поставили истицу в крайне неблагоприятное положение, поскольку после расторжения брака она утратила право собственности на всё имущество, приобретенное совместно с ответчиком в период брака, включая жилое помещение, пригодное для проживания её самой и несовершеннолетних детей[8].

Как полагает О.С. Черепанова, для защиты супруга, оказавшегося в крайне неблагоприятном положении вследствие исполнения брачного договора, надлежащим средством является не признание его недействительным, а обращение в суд с требованием об изменении или расторжении этого договора по правилам ст. 451 ГК РФ (в связи с существенным изменением обстоятельств). Свою позицию автор обосновывает традиционным подходом к недействительным сделкам: они порочны изначально и представляют собой

---

[7] См.: Титаренко Е.П. Судебная практика по делам о признании семейно-правовых соглашений недействительными // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 2. С. 52–55.

[8] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.05.2020 № 78-КГ20-14 // https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii (дата обращения: 12.02.2026).

правонарушение. Однако в рассматриваемой ситуации брачный договор на момент заключения полностью соответствует закону и всем требованиям к его действительности, что удостоверяется нотариусом. Негативные последствия для одной из сторон возникают лишь на стадии реализации договора, иногда спустя длительное время. В таких условиях применение механизма изменения или расторжения договора ввиду существенно изменившихся обстоятельств выглядит более обоснованным, чем признание недействительной сделки, дефекты которой отсутствовали в момент ее совершения[9].

Данное предложение обеспечит большее доверие к институту брачного договора, обеспечит стабильность индивидуального договорного регулирования, при одновременном сохранении судебной защиты для супругов, оказавшихся в действительно неблагоприятных условиях.

Таким образом, категория «крайне неблагоприятное положение супруга» (п. 2 ст. 44 СК РФ) является оценочной и не имеет легального определения, что приводит к неединообразной судебной практике по поводу критериев «неблагоприятности», отсутствию понимания по поводу течения сроков исковой давности в этом случае. Безусловно, данные критерии должны быть уточнены. Несоответствие оснований признания брачного договора недействительным общей теории недействительных сделок также требует реакции законодателя.

[9] См.: Черепанова О.С. Крайне неблагоприятное положение супруга как основание признания брачного договора недействительным // Нотариус. 2022. № 1. С. 3–6.

Традиционные семейные ценности и их отражение в семейном законодательстве Российской Федерации

Павлова Дарья Алексеевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В данной статье рассматривается роль традиционных семейных ценностей и особенности их закрепления в семейном законодательстве Российской Федерации. Анализируется общественная значимость семьи как ключевого социального института, а также высокий уровень поддержки традиционных ценностных ориентиров в российском обществе. Особое внимание уделяется раскрытию понятия «традиционные семейные ценности» в юридической доктрине, отмечена его двойственная природа. Исследуется система их правового регулирования, включающая конституционные положения, стратегические документы и нормы семейного законодательства. Делается вывод о формировании в России целостной и последовательно развивающейся системы защиты и укрепления семейных ценностей.

Ключевые слова: традиционные семейные ценности, семейное законодательство РФ, институт семьи, государственная семейная политика, конституционные нормы, защита семьи, многодетность.

Семья, являясь первичным агентом социализации, играет ключевую роль в передаче культурного и нравственного опыта новым поколениям. 2024 год был объявлен в России Годом семьи, что стало важным шагом в поддержке семейных ценностей и укреплении института семьи в российском обществе. Значимость семьи как социального института находит подтверждение и в общественном сознании: согласно данным опроса ВЦИОМ, проведенного в ноябре 2024 года, абсолютное большинство россиян (84%) выступают за сохранение традиционных семейных ценностей, культуры материнства и отцовства, поддержку многодетности. Альтернативная точка зрения,

предполагающая отказ от ориентации на традиционные семейные ценности ввиду их изменчивости, близка лишь каждому девятому (11%). Примечательно и то, что в структуре традиционных российских ценностей крепкая семья занимает лидирующие позиции: в совокупности различные аспекты семейной жизни составляют более половины всех ответов респондентов[1]. Столь высокий общественный запрос, зафиксированный в ходе Года семьи, обусловливает особое внимание государства к вопросу о том, как традиционные семейные ценности находят свое отражение в нормах семейного законодательства Российской Федерации.

Категория «традиционные семейные ценности» получила конституционное признание в ходе реформы 2020 года, что создало основу для ее дальнейшего раскрытия в отраслевом законодательстве. В юридической доктрине сложились различные подходы к пониманию данной категории. Так, Н.В. Летова определяет их как ценности, отражающие отношение к порядкам, социальным установкам, религиозным взглядам, традиционно сформировавшимся в обществе в отношении семьи, сохранение которых обеспечивает стабильность общества и нерушимость его устоев[2]. В свою очередь, А.В. Афанасьевская акцентирует внимание на передаваемом внутрисемейном опыте, понимая под семейными ценностями всё то, что дети получают от родителей: любовь, заботу, доверие, честность, доброту, сочувствие[3]. Таким образом, традиционные семейные ценности имеют двуединую природу. С одной стороны, это общественные устои – то есть представления о семье, которые сложились исторически. С другой стороны, это личные качества, составляющие основу жизни конкретной семьи. Однако подобное понимание сущности понятия порождает закономерный вопрос: как обеспечить сохранение традиционных семейных ценностей в современном

---

[1] ВЦИОМ. Новости: Семья в системе российских ценностей – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja (дата обращения: 18.03.2026).

[2] См.: Летова Н.В. Традиционные семейные ценности: нравственная основа российского общества и объект защиты государства // Труды Института государства и права РАН. 2024. № 5. С. 112.

[3] См.: Афанасьевская А.В. К вопросу о традиционных ценностях в семейном праве России // Вестник СГЮА. 2023. № 5 (154). С. 101.

обществе, если у каждой семьи они могут наполняться разным смыслом? Для решения этой проблемы в литературе предлагаются различные ответы, которые в первую очередь связаны с совершенствованием законодательного регулирования исследуемой сферы[4].

Правовое регулирование традиционных семейных ценностей в Российской Федерации имеет иерархическую структуру, во главе которой находится Конституция РФ. Основополагающее значение имеют поправки 2020 года, которые закрепляют обязанность государства по защите семьи. Статья 38 Конституции РФ провозглашает защиту семьи, материнства, отцовства и детства. Развивая данное положение, п. 4 ст. 67.1 Конституции РФ устанавливает, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики, а государство создает условия для их всестороннего развития и обеспечивает приоритет семейного воспитания. Особую роль играет п. «ж.1» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, который впервые на конституционном уровне определяет институт брака как союз мужчины и женщины. Кроме того, в соответствии с обновленной редакцией п. «в» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ, на Правительство РФ возложена прямая обязанность обеспечивать проведение единой государственной политики в области поддержки, укрепления и защиты семьи, а также сохранения традиционных семейных ценностей[5].

Конституционные нормы получают развитие в документах стратегического планирования.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации относит укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей к национальным интересам страны, тем самым определяя направление развития отраслевого законодательства[6].

---

[4] См.: Елисеева А.А. Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3 (136). С. 71.

[5] Конституция Российской Федерации 1993 г. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru. 06.10.2022 (дата обращения: 18.03.2026).

[6] Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой

Наиболее полное раскрытие исследуемого понятия представлено в Указе Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ). В нем закрепляется определение традиционных ценностей как нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан, передаваемых от поколения к поколению и лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности. Указ также содержит перечень таких ценностей, среди которых непосредственное отношение к семейной сфере имеют: крепкая семья, приоритет духовного над материальным, взаимопомощь и взаимоуважение, милосердие, справедливость, историческая память и преемственность поколений, а также забота о достойной жизни старшего поколения[7].

Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации до 2025 года раскрывала содержание традиционных семейных ценностей через ценности брака и семьи, выделяя в качестве таковых рождение и воспитание детей. Данный документ акцентировал внимание на том, что основой брака и семьи должны выступать забота, уважение, добровольность союза, его устойчивость и совместный быт[8]. Важным представляется изменение целеполагания в новейших стратегических документах. Так, Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года смещает акцент на укрепление в обществе ценности многодетности[9]. Это показывает постановку перед государством более амбициозной задачи – перехода от поддержки семьи

информации. – URL: http://pravo.gov.ru. (дата обращения: 18.03.2026).

[7] Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://pravo.gov.ru. (дата обращения: 18.03.2026).

[8] Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р // Собрание законодательства РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.

[9] Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 13. Ст. 1505.

как таковой к стимулированию именно многодетной модели семьи.

Семейный Кодекс РФ (далее – СК РФ) наполняет конституционные принципы и стратегические ориентиры конкретным правовым содержанием. В ч. 1 ст. 1 СК РФ закреплены основополагающие начала семейного законодательства: необходимость укрепления семьи, построение отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов. Указанные принципы находят свое выражение в институте прав и обязанностей членов семьи. Так, СК РФ закрепляет право ребенка жить и воспитываться в семье, право на заботу родителей и уважение его человеческого достоинства (ст. 54). Важным аспектом, подчеркивающим ценность межпоколенных связей, является право ребенка на общение с обоими родителями, дедушкой, бабушкой и иными родственниками (ст. 55), а также корреспондирующее право самих родственников на общение с ребенком (ст. 67)[10].

В завершение следует отметить, что значимым нововведением стало дополнение СК РФ нормами, защищающими понимание семьи в международно-правовой сфере. В ст. 6 и ст. 165 СК РФ были введены положения, не допускающие применения правил международных договоров в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, а также основам правопорядка и нравственности. Данная норма выступает гарантией сохранения традиционных семейных ценностей от внешних влияний.

Можно сделать вывод о том, что российское законодательство формирует целостную систему защиты традиционных семейных ценностей: конституционные нормы закладывают основу, которая через стратегические акты получает развитие и конкретизацию в семейном законодательстве. С каждым годом отражение традиционных семейных ценностей в праве становится все более полным, подтверждающим последовательный курс государства на сохранение и укрепление семьи.

---

[10] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

Актуальные вопросы правового регулирования института международного усыновления

***Саттарова Диана Рифовна*,**
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В данной статье раскрывается правовая сущность института международного усыновления. Рассматриваются особенности международного и национального права с сфере регулирования транснационального усыновления. Также обозначен ряд актуальных вопросов и проблем, которые возникают в сфере регулирования данного института.

Ключевые слова: международное усыновление, национальное законодательство, усыновители, дети-сироты, проблемы регулирования института усыновления.

Одной из важных проблем современности является правовое регулирование института транснационального (международного) усыновления (удочерения).

Институт международного усыновления появился достаточно давно. О нем было известно ещё в Древнем Риме, Древней Греции, а также есть упоминание в Законах Хаммурапи Древнего Вавилона. До Второй Мировой войны данный институт характеризовался незначительным количеством усыновлений детей иностранцами. В результате войн в 1939-1947 х годах, а также взрыва атомной бомбы в Японии десятки тысяч детей стали сиротами. Правительство ряда иностранных государств проводило широкомасштабную кампанию, направленную на убеждение граждан оказать помощь детям-сиротам путём принятия их в семью. В результате государства, которые не сталкивались с международным усыновлением, вынуждены были принять законы для регламентации отношений, возникающих из международного усыновления.

В 1965 году произошла унификация норм международного усыновления.

В г. Гааге была подписана Конвенция «О юрисдикции, применимом праве и признании решений в отношении усыновления», которая положила начало в установлении международных соглашений, ликвидирующих расхождения во внутреннем законодательстве государств в отношении усыновления.

По юридической природе международное усыновление представляет собой вид усыновления, при котором супруги, проживающие в одной стране, становятся законными и постоянными родителями ребёнка, являющегося гражданином другой страны. Цель такого усыновления (удочерения) состоит в том, чтобы сделать возможным воспитание ребёнка в семье, когда усыновление на территории страны ребёнка невозможно.

Данная процедура должна строиться на уважении прав ребёнка, пресечении попыток извлечения разного рода выгоды (материальной, процессуальной и т.д.), закреплении за ребёнком права стать полноправным членом усыновившей его семьи. При этом важно отметить, что все родственные связи ребёнка с его биологической семьёй аннулируются, но за ребёнком сохраняется право доступа к информации о ней.

Транснациональное усыновление регулируется отдельными международно-правовыми актами, к которым, в частности, относятся:

1. Конвенция ООН «О правах ребёнка» (1989 г), содержащая в себе основные принципы правового регулирования международного усыновления[1];

2. Гаагская конвенция «О защите детей и сотрудничестве в области международного усыновления» (1993 г), формулирующая общие требования к международному усыновлению, направленные на соблюдение прав всех заинтересованных лиц, и в первую очередь ребёнка.

3. Европейская конвенция об усыновлении детей (1967 г), регулирующая вопросы усыновления на европейском уровне.

В Российской Федерации международное усыновление регулируется прежде всего нормами Семейного Кодекса (СК РФ). Статья 165 СК РФ

[1] Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. выпуск XLVI, 1993.

закрепляет коллизионную привязку-личный закон усыновителя. При этом в данной статье обозначены различные ситуации, каждая из которых придаёт усыновлению международный характер. Так, усыновление считается международным, когда оно осуществляется:

1) иностранными гражданами (или лицами без гражданства) в отношении ребенка — гражданина РФ на территории Российской Федерации;

2) иностранными гражданами (или лицами без гражданства) в отношении ребенка — гражданина РФ за пределами территории Российской Федерации;

3) российскими гражданами в отношении ребенка, являющегося иностранным гражданином, на территории Российской Федерации;

4) российскими гражданами в отношении ребенка, являющегося иностранным гражданином, на территории иностранного государства.

Несмотря на важность и значение данного института, при регулировании усыновления часто возникает ряд проблем.

Первое, о чём стоит сказать, это несоответствие международных и национальных законодательств. Из-за того, что разные страны имеют различные требования и процедуры по усыновлению, появляются трудности в исполнении закона в разных странах. В частности, это касается запрета на усыновление, различий в требованиях к усыновителям, различий отмены усыновления и т. д.

Далее из данной проблемы так же вытекает такой фактор, как осложнения с предоставлением документации. Часто возникают трудности с точным переводом документов, которые иностранные усыновители предоставляют в суд, происходит несоответствие перевода оригиналу текста.

Также остро встаёт вопрос о невозможности отмены усыновления. Национальное законодательство некоторых иностранных государств позволяет усыновителям вносить изменения в национальные актовые записи о рождении детей, в результате чего в этих записях может отсутствовать указание об усыновлении ребёнка. Например, законодательство Италии не признаёт отмену усыновления[2].

---

[2] См.: Качалова Е.Ю. Актуальные проблемы международного усыновления //

Существует проблема подготовки иностранных усыновителей к принятию в семью ребёнка. В законодательстве РФ есть выбор места прохождения обязательной подготовки к усыновителю (в своём государстве или на территории РФ). Но многие эксперты считают, что подготовку необходимо проводить исключительно на территории РФ.

Также не менее важной проблемой является проблема этнического характера. При международном усыновлении ребёнок так или иначе теряет связь со своей культурой, так как находясь в другой стране, он впитывает обычаи и традиции новой семьи, нового общества и государства, что приводит к своего рода кризису. В качестве примера хотелось бы привести сюжет из фильма Гарта Дэвиса «Лев». Индийский мальчик был усыновлен австралийской парой в очень юном возрасте. Впоследствии ему пришлось перестроить своё восприятие для нового мира и забыть прежний. Несмотря на счастливое детство, в его сердце жила тоска по дому и по прежней семье.

Кроме всего прочего, к сожалению, на сегодняшний момент существует огромное количество скандалов, связанных с усыновлением российских детей иностранными гражданами. Это связано в первую очередь с ненадлежащим выполнением иностранцами своих родительских обязанностей, проявлением жестокости, физического и сексуального насилия в отношении усыновленных ими российских детей[3].

В качестве решения указанных проблем можно привести, например, заключение международных двусторонних соглашений по части порядка, условий, процедуры и последствий усыновления с государствами, граждане которых усыновляют российских детей. Это поможет координировать сотрудничество государственных органов с органами иностранных учреждений по усыновлению. Также необходимо расширить круг лиц, перечисленных в ст. 142 СК РФ для обеспечения прав российских детей, усыновлённых

Диссертационные исследования. 2019. № 2. С. 78.

[3] См.: Минеева И.Н. Проблемы усыновления(удочерения) российских детей иностранными гражданами //Проблемы в российском законодательстве. 2014. № 1. С. 272.

иностранными усыновителями, на обращение в суд с заявлением об отмене усыновления. Например, включить в их число должностных лиц консульских учреждений РФ, в которых указанные дети состоят на учёте до достижения ими совершеннолетия.

Кроме этого, в современном мире складываются не менее серьёзные тенденции, требующие особого внимания и решения. Во-первых, наблюдается так называемое «закрытие» стран для международного усыновления. В список таких стран можно внести Россию, Гватемалу, Эфиопию. Причины такого «закрытия» разнообразны- политические, этнические. В рамках этого всего встаёт вопрос: Каковы же последствия для уже усыновленных или ещё усыновляемых детей? Для всей системы усыновления в целом?

Не менее важным является и вопрос усыновления детей однополыми парами. Европейские государства активно поддерживают политику однополых браков, а в 20 из них официально закреплено право на усыновление детей однополыми парами. Согласно статье 7 Гаагской конвенции, право на усыновление закреплено за разнополыми парами, состоящими в зарегистрированных гражданских партнёрствах, а также за одинокими лицами независимо от их сексуальной ориентации. При этом конвенция оставляет на усмотрение государств право разрешать усыновление однополым парам, живущим вместе и имеющим устойчивые взаимоотношения. Так или иначе очень сложно регулировать и предугадывать, как именно феномен однополой семьи повлияет на психику и восприятие мира у ребёнка.

Очень остро встаёт вопрос и о трансграничном усыновлении детей в условиях вооруженных конфликтов.

Таким образом, международное усыновление- один из основополагающих институтов международного частного права, но несмотря на свою важность и значимость, в настоящее время подвержен разного рода проблемам и острым вопросам, которые требуют решения.

КАФЕДРА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО И ТРУДОВОГО ПРАВА

Секция № 10. «Предпринимательское (хозяйственное) право: прошлое, настоящее, будущее»

Некоторые аспекты правовой защиты права на осуществление предпринимательской деятельности

Бабаян Карина Владимировна,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Рассказова Виктория Викторовна,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматриваются отдельные аспекты правовой защиты права на осуществление предпринимательской деятельности в условиях современного правопорядка. Анализируются ключевые механизмы охраны прав субъектов предпринимательства, включая судебные и административные способы защиты. Особое внимание уделяется проблемам реализации конституционных гарантий, соотношению частных и публичных интересов, а также вопросам правовой определенности в сфере государственного контроля (надзора).

Ключевые слова: правовая защита, предпринимательство, гарантии предпринимательской деятельности, проблемы защиты предпринимательской деятельности, эффективность предпринимательской деятельности.

Право на осуществление предпринимательской деятельности занимает особое место в системе конституционных прав человека и гражданина. Статья 34 Конституции РФ закрепляет за каждым право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности[1]. Однако само по себе

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993

провозглашение права недостаточно - ключевое значение приобретает наличие эффективных механизмов его защиты, позволяющих нейтрализовать противоправные посягательства как со стороны частных лиц, так и со стороны публичной власти. Конституционно-правовая основа защиты предпринимательских прав неразрывно связана с общими принципами правового государства, такими как юридическое равенство, пропорциональность ограничений и правовая определенность. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) и Конституционный Суд Российской Федерации последовательно указывают на то, что любое вмешательство государства в предпринимательскую деятельность должно не только иметь законное основание, но и отвечать критериям справедливого баланса публичных и частных интересов. Судебная защита выступает наиболее востребованным и эффективным способом защиты прав предпринимателей. В арбитражных судах, образующих систему специализированной экономической юстиции, рассматривается основной массив споров, возникающих из гражданских, административных и публичных правоотношений с участием юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Особую ценность представляют механизмы, позволяющие не только констатировать нарушение, но и оперативно пресекать действия, создающие препятствия в осуществлении деятельности.

К таковым относится, прежде всего, институт обеспечительных мер, регулируемый главой 8 Арбитражного процессуального кодекса РФ[2]. В соответствии с разъяснениями, содержащимися в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 года № 15 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер[3]», приостановление действия ненормативных

г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.03.2026).

[2] Арбитражный процессуальный кодекс РФ: федер. закон № 95-ФЗ: принят Гос. Думой 14 июня 2002 г.: одобр. Советом Федерации 10 июля 2002 г.: (в ред. от 08.08.2024) // СПС КонсультантПлюс: сайт. – URL: consultant.ru (дата обращения: 12.03.2026).

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О применении

правовых актов государственных органов, решений налоговых инспекций или иных контролирующих органов допускается при наличии разумных подозрений в их незаконности, если непринятие мер может причинить значительный ущерб заявителю или сделать невозможным исполнение судебного акта.

Наряду с этим значимым инструментом является возможность оспаривания нормативных правовых актов, затрагивающих права предпринимателей. В отличие от признания недействительными ненормативных актов (индивидуальных предписаний), оспаривание нормативных актов направлено на устранение из правовой системы положений, которые изначально создают условия для нарушения прав неограниченного круга лиц.

Административные способы защиты прав предпринимателей претерпели существенную трансформацию в связи с реформой контрольной и надзорной деятельности, начатой в 2016 году и законодательно закрепленной Федеральным законом от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации[4]». Введение обязательного досудебного порядка обжалования решений контрольных органов (в формате подачи жалобы через единый портал государственных услуг) позволило создать унифицированную процедуру, которая в ряде случаев позволяет урегулировать спор без обращения в суд. Самозащита гражданских прав, предусмотренная статьей 14 Гражданского кодекса РФ, в сфере предпринимательской деятельности имеет свои особенности. Помимо классических способов, таких как удержание вещи (ст. 359 ГК РФ) или применение мер оперативного воздействия (например, односторонний отказ от договора в порядке статьи 310 ГК РФ), в последние

арбитражными судами обеспечительных мер» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 8.

[4] Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (в ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 5007.

годы активно развивается институт необходимой обороны и действий в условиях крайней необходимости применительно к предпринимательским рискам.

Важную роль в системе защиты прав предпринимателей играют специализированные государственные институты - прокуратура и уполномоченные по защите прав предпринимателей. Прокуратура Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»[5] осуществляет надзор за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности, включая проверки законности проводимых контрольных (надзорных) мероприятий, актов органов власти и действий должностных лиц. Ежегодно органами прокуратуры выносится более 200 тысяч протестов и представлений об устранении нарушений в сфере предпринимательства, что подтверждается статистическими отчетами, Особое значение имеет институт предостережения о недопустимости нарушения закона, который позволяет прокурору пресечь потенциальные нарушения без применения мер административного давления. В свою очередь, институт уполномоченного по защите прав предпринимателей (федерального и региональных), действующий на основании Федерального закона от 7 мая 2013 года № 78-ФЗ, обеспечивает внесудебную защиту прав бизнеса. Бизнес-омбудсмен вправе беспрепятственно посещать места содержания под стражей предпринимателей, направлять в суды заявления в защиту прав неопределенного круга лиц или конкретного предпринимателя, участвовать в формировании экспертных советов при органах власти. Совместные проверки прокуратуры и аппаратов омбудсменов позволяют оперативно выявлять системные проблемы, такие как избыточное лицензирование или необоснованное административное давление, и инициировать изменения в законодательстве.

Особого внимания заслуживают механизмы защиты прав предпринимателей в рамках публично-правовых отношений, связанных с

[5] Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 8. Ст. 363.

привлечением к административной и налоговой ответственности. Здесь ключевое значение приобретают процессуальные гарантии: презумпция невиновности, обязанность контролирующего органа доказывать событие и состав правонарушения, правила о малозначительности (статья 2.9 КоАП РФ). Показательной является позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в Постановлении от 15 февраля 2019 года № 8-П, согласно которой при квалификации административных правонарушений в области предпринимательской деятельности необходимо учитывать не только формальное наличие состава, но и характер допущенного нарушения, его последствия, а также добросовестное поведение лица[6]. Данная позиция привела к массовому пересмотру дел о нарушениях лицензионных требований, где ранее преобладал формальный подход. В налоговой сфере важнейшей гарантией выступает институт смягчающих обстоятельств, позволяющий снизить размер штрафных санкций при отсутствии умысла, наличии переплаты в бюджет или совершении правонарушения впервые (подпункт 3 пункта 1 статьи 112 НК РФ, пункт 4 статьи 114 НК РФ).

Отдельным блоком проблем выступает защита прав предпринимателей в процедурах банкротства и при осуществлении корпоративного контроля. Законодательство о несостоятельности (Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве))[7] предоставляет конкурсным кредиторам и контролирующим лицам широкий арсенал средств защиты, включая обжалование действий арбитражного управляющего, оспаривание подозрительных сделок должника, привлечение контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. Не менее важным аспектом является возмещение вреда, причиненного предпринимателю незаконными действиями государственных органов и их должностных лиц. Статья 53 Конституции РФ и статья 16 Гражданского кодекса РФ закрепляют обязанность государства возместить убытки, причиненные такими действиями. Однако на практике

[6] СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 15.02.2026).
[7] Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

реализация данного права сопряжена со сложностями доказывания как размера убытков, так и причинной связи.

В последние годы все большее значение приобретают альтернативные способы урегулирования споров, прежде всего медиация и переговорные процедуры. Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[8] позволяет предпринимателям при участии профессионального медиатора достичь взаимоприемлемого решения, сохранив деловые отношения и избежав длительных судебных тяжб.

Следует отметить, что система защиты права на осуществление предпринимательской деятельности в Российской Федерации представляет собой сложный, многослойный механизм, сочетающий судебные, административные и частноправовые способы. Дальнейшее развитие этого механизма должно идти по пути упрощения доступа к правосудию, сокращения избыточных административных барьеров и повышения предсказуемости правоприменения.

Ключевым ориентиром остается баланс между необходимостью государственного регулирования экономики и конституционным принципом свободы предпринимательства. Только при условии, что каждый субъект предпринимательской деятельности будет обладать реальной, а не декларативной возможностью защитить свои права, можно говорить о формировании полноценной рыночной экономики и правового государства.

[8] Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

Закон и право: соотношение категорий и их современное звучание в предпринимательском праве

Бакирова Карина Ришатовна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Марченко Екатерина Дмитриевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Настоящая работа посвящена исследованию соотношения категорий «право» и «закон» в предпринимательском праве, а также их роли в правовом регулировании экономической деятельности. Право рассматривается как целостная система правовых начал, ценностей, принципов и источников, лежащих в основе предпринимательской деятельности. Закон, в свою очередь, выступает формально закреплённой частью этой системы, выраженной в нормативных правовых актах различной юридической силы. Подчёркивается, что только при условии гармоничного единства права и закона возможно эффективное правовое регулирование экономических отношений. Особое значение придаётся обеспечению правовой определённости и защите законных интересов субъектов предпринимательства в условиях динамично развивающегося рынка.

Ключевые слова: соотношение категорий «закон» и «право», предпринимательская деятельность, аналогия права, Суд по интеллектуальным правам, аналогия закона.

В связи с развитием предпринимательской деятельности, которая играет значительную роль в современной экономике государства, особое внимание стоит уделить вопросу о соотношении таких категорий, как право и закон в предпринимательском праве, а также их современному звучанию.

Начнем с того, что определение права с точки зрения предпринимательства можно выделить из определения предпринимательской

деятельности, которое закреплено в пункте 1 части 2 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации[1]. Таким образом, право в предпринимательстве – это система общеобязательных правовых норм, принципов и ценностей, которые регулируют самостоятельную, инициативную деятельность граждан, осуществляемую на свой риск и направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Необходимо упомянуть, что в высшем нормативно-правовом акте Российской Федерации – Конституции, устанавливается основа реализации права в предпринимательской деятельности.

Так, например, статья 8 Конституции Российской Федерации гарантирует единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, а также поддержку конкуренции и свободу экономической деятельности. Также в пример можно привести статью 34, устанавливающую право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности[2].

Закон в предпринимательском праве – это внешняя форма проявления права, совокупность нормативных правовых актов, например, таких как Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ, Трудовой кодекс РФ, Федеральные законы и иных источников права, которые регулируют самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность физических и юридических лиц, направленную на систематическое извлечение прибыли.

Соответственно, понятие закона и права в предпринимательском праве не являются тождественными, поскольку право является более широким понятием и включает не только нормативные акты, но и принципы регулирования,

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 2.

[2] Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Российская газета. 1993. 25 декабря; Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 8, 34.

торговые обычаи, судебную практику и иные источники.

Рассмотрим данный вывод на примере государственной политики в области финансовой поддержки предпринимателей, включая программы льготного кредитования. Так, реализация льготного кредитования осуществляется на основании Постановления Правительства РФ от 30 декабря 2018 года № 1764 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям и специализированным финансовым обществам в целях возмещения недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2019 - 2024 годах субъектам малого и среднего предпринимательства, а также физическим лицам, применяющим специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход, по льготной ставке», которое регулирует механизм субсидирования процентных ставок[3]. В данном случае право трансформируется в идею поддержки предпринимателей, а закон конкретизирует и упорядочивает ее через установление конкретных правовых норм и механизмов получения льготных кредитов.

Следовательно, развитие предпринимательской деятельности возможно только при единстве права и закона, когда закон детально отражает все правовые принципы и обеспечивает их реализацию.

В рамках соотношения категорий «право» и «закон» можно также провести анализ судебной практики по делу № А41-20462/2023 от 2 февраля 2024 года, рассмотренному Судом по Интеллектуальным правам, которое, в частности, позволяет выявить механизм преодоления формальных предписаний позитивного права посредством обращения к принципам

[3] Постановление Правительства РФ от 30.12.2018 № 1764 (в ред. от 20.07.2023) «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям и специализированным финансовым обществам в целях возмещения недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2019 - 2024 годах субъектам малого и среднего предпринимательства, а также физическим лицам, применяющим специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», по льготной ставке» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 21.03.2026).

предпринимательского права. Формальный закон (п. 1 ст. 1301 ГК РФ) позволял правообладателю, приобретшему права на фотографию по договору цессии, требовать компенсацию в размере от 10000 до 5000000 рублей без доказывания убытков, что породило практику «фототроллинга» — массового взыскания с предпринимателей сумм, многократно превышающих рыночную стоимость объектов. Истец, приобретший права на фотографическое произведение на основании договора цессии от 8 февраля 2023 года № 03022023-2, требовал взыскания с ответчика-индивидуального предпринимателя, компенсации в размере 150000 рублей, исчисляя по 30000 рублей за каждое из пяти использований одного и того же изображения на различных страницах маркетплейса Wildberries. Суд первой инстанции снизил сумму до 100000 рублей, однако апелляция, впоследствии поддержанная Судом по интеллектуальным правам в постановлении от 2 февраля 2024 года, уменьшила компенсацию до минимального размера — 10000 рублей.

Ключевым правовым обоснованием такого решения стала квалификация множественных действий ответчика, как единого нарушения, исходя из единства объекта, цели и совокупности действий, а также применение принципов разумности, справедливости и недопустимости злоупотребления правом (статья 10 ГК РФ). Суд фактически использовал механизм аналогии права, восполнив пробел позитивного закона, который не содержал прямого запрета на механическое суммирование компенсаций за использование одного результата интеллектуальной деятельности в рамках единой предпринимательской активности. С позиции предпринимательского права данный подход имеет принципиальное значение, поскольку он ограничивает повышенную ответственность предпринимателя теми пределами, которые соответствуют объективному характеру допущенного нарушения и исключают возможность использования института компенсации как средства недобросовестной конкуренции.

Указанная правовая позиция впоследствии воспринята законодателем в качестве новой нормы (статья 1252.1 ГК РФ), что подтверждает развивающийся

характер взаимодействия права и закона, при котором судебная практика выступает источником совершенствования законодательства, обеспечивая баланс между защитой исключительных прав и устойчивостью предпринимательского оборота.

Таким образом, в современных условиях эффективное правовое регулирование предпринимательской деятельности возможно лишь при условии системного единства права и закона, где законодательство своевременно учитывает правовые реалии, выработанные в практике применения права, а правоприменительные органы руководствуются не только буквой закона, но и его духом, направленным на обеспечение справедливости, стабильности и устойчивого развития предпринимательского оборота.

Алгоритмический сговор: проблемы квалификации в российском антимонопольном праве

Галкина Анна Валентиновна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье исследуются теоретические и практические проблемы квалификации алгоритмического сговора в российском антимонопольном праве. Автор анализирует типы антиконкурентного поведения с использованием алгоритмов. Обосновывается необходимость закрепления легальной дефиниции алгоритмического сговора, расширительного толкования конструкции согласованных действий и введения концепции «ответственности оператора» алгоритма.

Ключевые слова: алгоритмический сговор, антимонопольное право, ценовые алгоритмы, картель, цифровизация экономики.

Цифровизация экономики меняет не только бизнес-процессы, но и архитектуру конкуренции. Компании массово используют алгоритмы ценообразования и анализа спроса - инструменты, принимающие решения автоматически. Они повышают эффективность и приносят выгоду потребителям, но создают новые риски для конкуренции: например, могут координироваться на рынке или автономно вступать в сговор.

Актуальность темы связана с тем, что традиционные антимонопольные инструменты (запрет соглашений — ст. 11 Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135 ФЗ «О защите конкуренции», запрет согласованных действий — ст. 8 того же закона) разрабатывались для условий, когда координация конкурентов требовала прямого контакта[1]. Алгоритмический сговор нарушает это правило: антиконкурентный результат достигается без явного взаимодействия и нередко без умысла субъектов. Российское законодательство пока только адаптируется к этим вызовам, из-за чего возникает пробел в

[1] Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч.1). Ст.3434.

правоприменении.

Под алгоритмическим сговором в широком смысле следует понимать ситуацию, при которой использование программного обеспечения, основанного на алгоритмах (включая системы машинного обучения и искусственного интеллекта), приводит к ограничению конкуренции — вне зависимости от того, была ли такая цель сознательно поставлена участниками рынка[2]. Российское антимонопольное законодательство в настоящее время не содержит легального определения «алгоритмического сговора» или «ценового алгоритма». В одной из версий «пятого антимонопольного пакета» предлагалось закрепить дефиницию ценового алгоритма как программного продукта, предназначенного для мониторинга цен на товарном рынке, расчёта и установления цен на товары, однако соответствующая норма в окончательной редакции Закона от 10 июля 2023 года закреплена не была[3].

В соответствии с подходом ОЭСР, который активно используется в доктрине и правоприменительной практике стран-членов, выделяются три модели алгоритмического вреда[4].

Во-первых, алгоритм как инструмент реализации явного сговора: хозяйствующие субъекты заключают традиционное антиконкурентное соглашение, а алгоритм служит лишь техническим средством его исполнения — автоматически поддерживая единый уровень цен или синхронизируя поведение на торгах. Во-вторых, параллельный алгоритмический сговор: несколько конкурентов используют единое программное обеспечение, которое генерирует для них одинаковые ценовые решения без наличия явного горизонтального соглашения между ними. В-третьих, автономный сговор

---

[2] См.: Кожина К.Е., Артюшенко Д.В. Ценовые алгоритмы как инструмент ведения бизнеса: антимонопольные риски и вопросы допустимости // Российское конкурентное право и экономика. 2019. № 4 (20). С. 54–59. URL: https://rkpie.elpub.ru/jour/article/viewFile/121/123 (дата обращения: 23.03.2026).

[3] Федеральный закон от 10.07.2023 № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»» // Российская газета. 2023. № 151.

[4] См.: Гирич М.Г., Левашенко А.Д**.** Алгоритмический сговор: сравнительно-правовой анализ регулирования в России и за рубежом // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 3. С. 138–158. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-03-08. URL: https://iorj.hse.ru/2024-19-3/12.html (дата обращения: 23.03.2026).

самообучающихся алгоритмов: самообучающиеся системы на основе алгоритмов машинного обучения способны самостоятельно, без ведома и умысла операторов, выработать кооперативную стратегию, приводящую к устойчивым надконкурентным ценам[5]. Таким образом, алгоритмический сговор не является монолитным явлением — он охватывает различные ситуации, требующие дифференцированных правовых подходов.

Основу антимонопольного запрета составляют:

- ст. 11 Закона о конкуренции — запрещает горизонтальные антиконкурентные соглашения (картели), в т. ч. направленные на установление/поддержание цен, раздел рынка, манипулирование на торгах;
- ст. 8 Закона о конкуренции — запрещает согласованные действия без соглашения при соблюдении ряда условий (совпадение интересов, осведомлённость участников о поведении друг друга, причинно-следственная связь действий с поведением контрагентов)[6].

Особо важна ч. 5 ст. 11 Закона о конкуренции, запрещающая координацию экономической деятельности. На её основании ФАС России в 2018 году квалифицировала действия ООО «ЛГ Электроникс РУС»:[7] компания использовала алгоритм для мониторинга цен ритейлеров, установления рекомендованных розничных цен и санкций к реселлерам, отступавшим от них (дело № 1-11-18/00-22–17 от 2 марта 2018 года)[8]. Это один из первых российских прецедентов, когда использование ценового алгоритма признали антиконкурентной координацией (по модели hub-and-spoke: алгоритм выступал инструментом вертикальной координации розничных цен конкурирующих

---

[5] См.: Войниканис Е.А., Семенова Е.В. Искусственный интеллект и право: вызовы и возможности самообучающихся алгоритмов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 4 (35). С. 137–148. URL: https://publications.hse.ru/mirro (дата обращения: 23.03.2026).

[6] Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3434.

[7] ФАС признала виновной «дочку» LG в координации цен на смартфоны // РБК. 2018. 26 февр. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5a9418729a7947802d43e5a0 (дата обращения: 23.03.2026).

[8] Решение ФАС России от 02.03.2018 по делу № 1-11-18/00-22–17 (Электронный ресурс). URL: https://fas.gov.ru/documents/615893 (дата обращения: 23.03.2026).

ритейлеров).

В 2023 году произошли кардинальные изменения в нормативном регулировании: Федеральный закон от 10 июля 2023 года № 301-ФЗ («Пятый антимонопольный пакет», вступил в силу с 1 сентября 2023 года) ввёл понятие «сетевого эффекта» и критерии доминирующего положения для владельцев цифровых платформ (маркетплейсов и агрегаторов). Федеральный закон от 19 декабря 2022 года № 528-ФЗ[9] внёс поправки в ст. 14.32 КоАП РФ: согласно новой редакции примечания 4 к этой статье, автоматическое исполнение антиконкурентного соглашения с помощью программы для ЭВМ признано отягчающим обстоятельством при назначении административного наказания. Эта новелла отражает признание специфики алгоритмических инструментов при реализации картелей — но только для явных соглашений (ч. 1 и ч. 2 ст. 14.32 КоАП РФ) и не распространяется на автономный алгоритмический сговор.

Современный этап российской доктрины характеризуется дискуссией о том, достаточен ли существующий правовой инструментарий для противодействия алгоритмическому сговору. К.Е. Кожина и Д.В. Артюшенко приходят к выводу, что в рамках действующих норм ст. 11 и ст. 8 Закона о конкуренции можно охватить большинство известных форм алгоритмического сговора, однако лишь при условии надлежащей доказательственной базы. Авторы особо подчёркивают, что сбор информации о ценах с использованием алгоритмов сам по себе не является нарушением антимонопольного законодательства — правовая оценка зависит от целей и рыночных эффектов такого сбора. М.Г. Гирич и А.Д. Левашенко в сравнительно-правовом исследовании 2024 года, опубликованном в журнале «Право» НИУ ВШЭ, проводят развёрнутый анализ трёх типов алгоритмического вреда применительно к российскому праву и приходят к выводу, что российское законодательство охватывает только первый тип (алгоритм как инструмент

[9] Федеральный закон от 19.12.2022 № 528-ФЗ «О внесении изменений в статьи 9.6 и 9.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 52 (ч. I). Ст. 9084.

явного картеля), тогда как для второго и третьего типов — параллельного алгоритмического сговора и автономного сговора самообучающихся систем — специальные нормы отсутствуют.

Наряду с этим в марте 2025 года управление ФАС России по борьбе с картелями инициировало изучение практик алгоритмического ценообразования в сфере электронной торговли — в частности, применения программ мониторинга и сравнения цен (парсинг) продавцами и поставщиками электроники[10]. По позиции ФАС России, ценовые алгоритмы, собирающие информацию о розничных ценах реселлеров, сопоставляющие их с рекомендованными или минимальными ценами вендора и уведомляющие нарушителей, рассматриваются как возможный инструмент незаконной координации.

Наиболее острой проблемой квалификации остаётся второй и третий типы алгоритмического сговора — ситуации, когда компании не заключали явного соглашения, но, используя единый алгоритм или алгоритмы с аналогичной реакцией на рыночные данные, достигают параллельного поведения, неотличимого по внешним проявлениям от картеля. Между тем при автономном алгоритмическом сговоре обмен сигналами может происходить через рыночные данные, а не через публичные заявления — что создаёт принципиальный пробел в доказывании.

Граница между законным использованием алгоритмов мониторинга цен и недопустимой координацией является размытой. ФАС России допускает информационный обмен с использованием ценовых алгоритмов при условии соответствия требованиям Закона о конкуренции. Вместе с тем запрещается достигать посредством алгоритмов взаимозависимого ценообразования, а также использовать их для обеспечения минимальной или фиксированной цены перепродажи.

Анализ действующего законодательства, правоприменительной практики

---

[10] ФАС подозревает в сговоре продавцов электроники // Retail.ru. 2025. 19 мар. URL: https://www.retail.ru/news/fas-podozrevaet-v-sgovore-prodavtsov-elektroniki/ (дата обращения: 23.03.2026).

и доктрины позволяет сформулировать следующую авторскую позицию.

Во-первых, правовая реакция законодателя 2023 года — признание использования алгоритмов отягчающим обстоятельством по ст. 14.32 КоАП РФ — является несомненным прогрессом, однако лишь отчасти решает проблему, поскольку распространяется исключительно на явные соглашения. Молчаливый и автономный алгоритмический сговор по-прежнему остаётся в правовой тени.

Во-вторых, концепция согласованных действий (ст. 8 Закона о конкуренции) требует доктринального расширения применительно к алгоритмическим ситуациям. Публичное заявление как обязательное условие осведомлённости участников следует толковать расширительно — как включающее любые формы алгоритмических сигналов, доступных иным участникам рынка.

В-третьих, необходимо законодательное закрепление легального определения алгоритмического сговора с дифференциацией трёх его типов и установлением специальных стандартов доказывания для каждого из них. В условиях автономного сговора самообучающихся алгоритмов целесообразно введение концепции ответственности оператора — презумпции ответственности лица, внедрившего алгоритм, за антиконкурентные результаты его функционирования, которая может быть опровергнута доказательством применения должной осмотрительности при разработке и мониторинге системы.

В-четвёртых, ГИС «Антикартель», разрабатываемая ФАС России, способна стать действенным инструментом выявления алгоритмических картелей на торгах — однако её эффективность будет определяться качеством юридических критериев квалификации, заложенных в алгоритмы выявления нарушений.

Таким образом, алгоритмический сговор представляет собой институт особой природы, находящийся на стыке информационных технологий, экономики и права. Его принципиальное своеобразие — в том, что он способен

достигать тех же антиконкурентных результатов, что и традиционный картель, не оставляя при этом привычных правовых следов волеизъявления.

Российское антимонопольное право реагирует на этот вызов поступательно, но, как представляется, недостаточно системно. Полнота и эффективность антимонопольной защиты в цифровую эпоху требует не косметических корректив, а комплексного переосмысления базовых конструкций — соглашения, согласованных действий и субъекта ответственности — применительно к реалиям алгоритмизированной экономики.

Аутсорсинг в деятельности индивидуального предпринимателя: преимущества, риски и практические аспекты

Зеленина Юлия Геннадьевна,
студент Волгоградского института управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация: В статье анализируются теоретические и практические аспекты аутсорсинга. Раскрывается определение аутсорсинга. Перечисляются факторы, препятствующие широкому распространению данной практики. Рассматриваются ключевые элементы аутсорсинговых отношений. Также приводятся преимущества и недостатки аутсорсинга. Кроме того, рассматриваются возможные направления оптимизации и повышения эффективности широкого применения аутсорсинга.

Ключевые слова: аутсорсинг, аутсорсинговые отношения, преимущества и недостатки аутсорсинга, аутсорсинг в деятельности индивидуального предпринимателя.

В 1930-е годы конкуренция между двумя лидерами автомобильной промышленности, Генри Фордом и Альфредом Слоуном, продемонстрировала, что в условиях острого соперничества ни одна компания не способна функционировать автономно, полностью полагаясь на собственные ресурсы. «Ряд процессов, обеспечивающих функционирование крупной компании, целесообразно и удобно передавать специализированным организациям. Вынесение производственных функций и функций управления за пределы компании положило началу практическому аутсорсингу»[1].

Экономика России будущего, опираясь на современные технологии, должна соответствовать потребностям и возможностям информационно-индустриального общества XXI века, становясь инновационной экономикой. Успешное развитие экономики зависит от состояния приоритетных и социально

[1] Должиков В.П. Технологии наукоемких машиностроительных производств: учебное пособие для вузов / В.П. Должиков. — 3-е изд., 2024. С. 304.

значимых отраслей, а также от эффективности работы хозяйствующих субъектов.

Сейчас экономические исследования сосредоточены на различных аспектах кризисного развития социально-экономических систем, включая хозяйствующие субъекты, такие как предприятия, организации, корпорации и индивидуальные предприниматели.

В этой связи изучение особенностей аутсорсинга в деятельности индивидуального предпринимателя как стратегического инструмента управления в условиях кризиса становится особенно важным. Это необходимо для разработки эффективного механизма управления и обеспечения экономической безопасности бизнеса.

«Термин «аутсорсинг» (Outsourcing) переводится с английского как «заключение договора подряда с внешними компаниями». Иными словами, аутсорсинг – это передача сторонней компании различных элементов деятельности, ранее осуществляющейся в рамках данной компании»[2].

Аутсорсинг представляет собой эффективный инструмент оптимизации затрат, обеспечения доступа к передовым технологическим решениям и возможности концентрации на приоритетных направлениях деятельности для индивидуальных предпринимателей. Тем не менее, его широкое внедрение ограничивается рядом факторов[3].

Во-первых, рынок аутсорсинговых услуг в стране пока недостаточно развит, и немногие компании могут предложить услуги, соответствующие высоким стандартам клиентов.

Во-вторых, крупные компании не спешат прибегать к аутсорсингу из-за наличия собственных квалифицированных специалистов.

Законодательная база также не способствует развитию аутсорсинга. Не проработанность правовых норм вызывает недоверие у предпринимателей.

---

[2] Малый В.И. Аутсорсинг в экономике предприятия: учебное пособие / В.И. Малый, В.И. Попюк, С.Ю. Родионова, 2020. С. 214.

[3] См.: Лемеза М. Аутсорсинг. Искусство делегирования / М. Лемеза. — Москва: Альпина Паблишер, 2024. С. 160.

Кроме того, многие индивидуальные предприниматели стремятся сохранить конфиденциальность своих данных и не заинтересованы в передаче информации третьим лицам. Передача бухгалтерского учета на аутсорсинг может представлять угрозу экономической безопасности бизнеса.

Недостаточная степень развития рынка аутсорсинга способствует повышению стоимости предоставляемых услуг, а также создает предпосылки для несоблюдения стандартов качества выполнения работ, особенно в условиях несовершенства контрактных обязательств в рамках аутсорсинговых соглашений.

Однако в последние годы в России наблюдается рост популярности аутсорсинга, во многом благодаря молодым предпринимателям. Основной мотив для использования аутсорсинга — желание индивидуальных предпринимателей уменьшить свои внутренние расходы, путем привлечения ресурсов специализированных организаций.

Аутсорсинг представляет собой бизнес-модель, в рамках которой компании взаимодействуют с внешними организациями для осуществления конкретных функций. В таблице 1 представлены основные элементы аутсорсинговых отношений.

Таблица 1

Основные элементы аутсорсинговых отношений

Элементы	Описание
Процесс аутсорсинга	Состоит из нескольких этапов, начинаю от проведения тендера на выбор аутсорсера и заканчивая составлением договора
Стороны отношений	Участниками аутсорсинга являются заказчик, то есть компания-клиент и исполнитель – аутсорсер, специализированная организация, принимающая на себя выполнение задач
Предмет договора	Конкретные бизнес-процессы или функции (например, бухгалтерия, логистика, кадровое делопроизводство)
Правовое регулирование	Согласовывает договорные отношения между субъектами, их информационное обеспечение, а также определяет права и обязанности сторон
Риски и меры их минимизации	Данный элемент отвечает за потенциальные проблемы и способы их решения (пример рисков: утечка конфиденциальной информации, сбой в оказании услуг)

Таким образом, указанные элементы системы аутсорсинговых отношений отражают ключевые аспекты её реализации.

Законодательная база аутсорсинга в России находится в стадии становления. На данный момент аутсорсинг не имеет отдельного федерального закона, регулирующего его, но существует ряд подзаконных актов, которые рассматривают его как одну из форм предпринимательской деятельности. Это вызывает определенные трудности в его практическом применении. Однако на практике чаще всего заключаются договоры на оказание возмездных услуг, которые юридически фиксируют аутсорсинговые отношения между сторонами.

Поэтому, прежде чем принять решение об аутсорсинге, следует оценить все его привлекательные и отрицательные стороны.

Преимущества аутсорсинга:

- Концентрация индивидуального предпринимателя на ключевых направлениях деятельности;
- Снижение затрат на формирование и поддержание рабочих мест;
- Использование специалистов высокой квалификации с богатым профессиональным опытом;
- Адаптация к изменениям рыночной конъюнктуры или внутренней среды предприятия;
- Оптимизация затрат на обслуживание бизнес-процессов, что способствует увеличению рентабельности;
- Внедрение инновационных технологий через специализированные аутсорсинговые компании.

Недостатки аутсорсинга:

- Риск несанкционированного раскрытия конфиденциальной информации;
- Потеря контроля над собственными ресурсами;
- Снижение производительности внутренних сотрудников;
- Отчуждение руководства от определенных аспектов деятельности предприятия;
- Ухудшение качества услуг в случае недобросовестного выполнения обязательств аутсорсинговой компанией.

Таким образом, применение аутсорсинга позволяет индивидуальному предпринимателю эффективно перераспределить финансовые и человеческие ресурсы, направляя их на решение стратегических задач. Однако следует учитывать и потенциальные риски, связанные с аутсорсингом.

Возвращаясь к факторам, ограничивающим широкое применение аутсорсинга, необходимо выделить направления их оптимизации.

Для того, чтобы аутсорсинг получил повсеместное применение нужно в первую очередь подготовить законодательную базу, где будет четко закреплены понятие аутсорсинга, права и обязанности, ответственность как аутсорсера, так и заказчика, то есть компании-клиента. Появление нормативно-правовой базы, также решит вопрос с конфиденциальностью данных индивидуального предпринимателя, таким образом, предотвратив угрозу экономической безопасности его бизнеса. Вышеперечисленные предложения по оптимизации поспособствуют развитию рынка аутсорсинговых услуг, так как повысит прозрачность использования данного вида сопровождения предпринимательства, что решит проблему ещё одного фактора, который стагнирует широкое применение аутсорсинга.

Правовые проблемы применения патентной системы налогообложения индивидуальными предпринимателями в условиях налоговой реформы 2026 года

Изюмский Кирилл Олегович,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Статья посвящена анализу правовых последствий налоговой реформы 2026 года для патентной системы налогообложения (ПСН), введённой Федеральным законом от 28 ноября 2025 года № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации». Реформа предусматривает поэтапное снижение предельного размера доходов: до 20 млн. руб. в 2026 году, 15 млн. руб. в 2027 году и 10 млн. руб. с 2028 года, с учётом доходов предшествующего периода и ужесточением санкций за превышение лимита, включая запрет на применение ПСН в следующем году. Автор выделяет ключевой правовой пробел — отсутствие переходных механизмов для индивидуальных предпринимателей с доходами 20–60 млн. руб., что приводит к резкому росту налоговой нагрузки, возникновению обязанности по НДС при совмещении режимов и вынужденному переходу на общие системы налогообложения. В работе рассматриваются противоречивые оценки реформы, высказанные в научной литературе: от признания её источником дополнительного давления на малый бизнес до трактовки как меры налоговой справедливости и бюджетной устойчивости. В качестве основных мер адаптации предлагается заблаговременное налоговое планирование, переход на УСН «доходы минус расходы», отказ от совмещения ПСН и УСН для сохранения освобождения от НДС, а также использование автоматизированной упрощённой системы и региональных особенностей применения режима.

***Ключевые слова*:** патентная система налогообложения, индивидуальные

предприниматели, налоговая реформа, правовые пробелы системы налогообложения, налоговое планирование, упрощенная система налогообложения.

Научная проблема состоит в противоречии между закреплённой в главе 26.5 Налогового кодекса Российской Федерации сущностью патентной системы налогообложения как специального режима, предусматривающего уплату фиксированного налога исходя из потенциально возможного дохода, освобождение от НДС (за исключением импорта), налога на имущество и налога на прибыль, а также минимальную отчётность в виде книги учёта доходов[1], и изменениями, введёнными Федеральным законом от 28 ноября 2025 года № 425-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (далее - Федеральный закон от 28 ноября 2025 года № 425-ФЗ), которые ужесточают условия применения режима путём поэтапного снижения предельного размера доходов без установления переходных механизмов[2].

Ранее предельный размер доходов составлял 60 млн. руб. в год и учитывался совокупно по всем патентам и при совмещении с УСН. С 2026 года данный лимит снижается до 20 млн. руб., при этом превышение лимита как в текущем, так и в предшествующем году влечёт утрату права на применение ПСН не только с начала периода превышения, но и запрет на возврат к режиму в следующем году[3].

Указанное несоответствие создаёт правовой пробел: отсутствие норм, регулирующих плавный переход ИП, чей доход находится в интервале от 20 до 60 млн. руб., на общие режимы налогообложения, что объективно приводит к

---

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ. Глава 26.5 «Патентная система налогообложения» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

[2] Федеральный закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2025. № 8.

[3] Воскресенская А.С. Развитие патентной системы налогообложения на современном этапе // Молодой ученый. 2024. № 599.

принудительному росту налоговой нагрузки за счёт возникновения обязанности по исчислению и уплате НДС при совмещении ПСН с УСН и переходе на ОСНО/УСН с полной отчётностью и дополнительными налогами[4].

Федеральным законом от 28 ноября 2025 года № 425-ФЗ[5] в пункт 6 статьи 346.45 Налогового кодекса Российской Федерации внесены изменения, вступившие в силу с 1 января 2026 года. Указанным законом предельный размер доходов снижен поэтапно: с 60 млн. рублей до 20 млн. рублей (в отношении доходов за 2025 год и в течение 2026 года), до 15 млн. рублей (в отношении доходов за 2026 год и в течение 2027 года) и до 10 млн. рублей (начиная с 2028 года). Одновременно введён учёт доходов предшествующего налогового периода в полном объёме, в результате чего доход, полученный в 2025 году, уже блокирует право на применение патентной системы налогообложения в 2026 году, а доход 2026 года — право на применение режима в 2027 году. Кроме того, последствия превышения лимита ужесточены: утрата права на применение режима наступает не только с начала налогового периода превышения, но и сопровождается запретом на применение патентной системы налогообложения в следующем календарном году.

Переходные положения носят исключительно ужесточающий характер и не предусматривают компенсационных механизмов для ИП с доходом 20–60 млн. руб.

Одновременно Федеральный закон от 28 ноября 2025 года № 425-ФЗ в совокупности с разъяснениями, содержащимися в письме Минфина России от 6 сентября 2024 года № 03-07-11/84783, привёл к признанию индивидуальных предпринимателей, совмещающих патентную систему налогообложения и упрощённую систему налогообложения, плательщиками НДС с 1 января 2025 года (п. 1 ст. 2 Федерального закона № 176-ФЗ). Освобождение от НДС

---

[4] Методы оптимизации налоговой нагрузки через применение специальных налоговых режимов // CyberLeninka [Электронный ресурс]. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-optimizatsii-nalogovoy-nagruzki-cherez-primenenie (дата обращения: 19.03.2026).

[5] Федеральный закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2025. № 8.

сохраняется исключительно при чистом применении патентной системы налогообложения без совмещения и при отсутствии операций по импорту товаров[6].

О.А. Левшукова и соавторы разделяют оптимизационный подход, но ближе к позиции А.С. Воскресенской. Они рекомендуют предпринимателям анализировать налоговые режимы уже на этапе регистрации и при изменении условий деятельности, поскольку снижение лимита ПСН и введение НДС при совмещении с УСН объективно повышают нагрузку[7]. Авторы видят главную проблему в отсутствии гибких переходных механизмов, что делает необходимым заблаговременное планирование перехода на другие режимы.

Позиции учёных расходятся по ключевому вопросу: А.С. Воскресенская и О.А. Левшукова отмечают правовой пробел и увеличение нагрузки без переходных мер. Л.И. Гончаренко и А.С. Адвокатова рассматривают реформу как инструмент справедливости и поддержки бюджетной устойчивости, а Г.Д. Смирнов усматривает в ней стимул к оптимизации выбора режима. Противоречие проявляется в оценке последствий ужесточения лимита: для одного лагеря это угроза среднему сегменту малого бизнеса, для другого — необходимая мера структурной трансформации налоговой системы.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что налоговая реформа 2026–2028 годов принципиально трансформировала патентную систему налогообложения. Если ранее данный специальный налоговый режим выступал эффективным инструментом поддержки малого и среднего предпринимательства за счёт упрощённого порядка исчисления налога, освобождения от ряда федеральных налогов и минимальной отчётности, то в результате поэтапного снижения предельного размера доходов и ужесточения последствий его превышения он фактически превращается в режим, предназначенный преимущественно для микропредпринимательства.

---

[6] Письмо Минфина России от 06.09.2024 № 03-07-11/84783 // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. — URL: https://www.v2b.ru/documents/pismo-minfina-rf-ot-06-09-03-07

[7] Оптимизация налогов для малого бизнеса // CyberLeninka [Электронный ресурс]. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-nalogov-dlya-malogo-biznesa (дата обращения: 19.03.2026).

Центральной правовой проблемой остаётся отсутствие переходных положений, которые позволили бы индивидуальным предпринимателям с доходами в интервале 20–60 млн. рублей адаптироваться к новым ограничениям без резкого увеличения налоговой нагрузки и без вынужденного перехода на общие режимы налогообложения. Установленные изменения не только лишают ИП права на применение ПСН при превышении лимита, но и вводят запрет на его повторное использование в следующем календарном году, а также приводят к возникновению обязанности по уплате НДС при совмещении режимов. Анализ научной литературы демонстрирует неоднозначность оценки реформы: одни авторы видят в ней источник правового пробела и дополнительного давления на развивающийся сегмент малого бизнеса, другие рассматривают как оправданную меру обеспечения налоговой справедливости и повышения бюджетной устойчивости. Это расхождение подчёркивает необходимость дальнейшего теоретического осмысления последствий реформы для предпринимательской среды. В сложившихся условиях основным способом минимизации негативных эффектов выступает заблаговременное налоговое планирование. Наиболее рациональными направлениями адаптации являются своевременный переход на упрощённую систему налогообложения с объектом «доходы минус расходы», отказ от совмещения ПСН и УСН с целью сохранения освобождения от НДС, использование альтернативных специальных налоговых режимов, в первую очередь автоматизированной упрощённой системы налогообложения, а также приведение параметров деятельности в соответствие с региональными ограничениями по видам предпринимательства и предельной площади помещений. Достижение разумного баланса между фискальными интересами государства и защитой прав индивидуальных предпринимателей требует не только активных адаптационных действий со стороны бизнеса, но и последующего совершенствования нормативно-правового регулирования, введения гибких переходных механизмов, которые обеспечили бы последовательность налоговой политики в отношении патентной системы налогообложения.

Пределы антимонопольного иммунитета для соглашений о перестраховании и совместной деятельности страховщиков

Киселева Татьяна Дмитриевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье исследуется правовая природа соглашений о перестраховании и совместной деятельности страховых организаций, которые по своей сути являются горизонтальными соглашениями между конкурентами. Особое внимание уделяется критериям оценки допустимости страховых пулов, информационному обмену между страховщиками и правовым последствиям выхода за пределы антимонопольного иммунитета. В статье формулируются ключевые проблемы правоприменения и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: страхование, перестрахование, защита конкуренции, страховой пул, антимонопольный иммунитет.

Правовую основу страховой деятельности в Российской Федерации составляют глава 48 Гражданского кодекса РФ[1] и Закон РФ от 27 ноября 1992 года № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации»[2]. Перестрахование определяется как деятельность по защите одним страховщиком (перестраховщиком) имущественных интересов другого страховщика (перестрахователя), связанных с принятыми последним по договору страхования (основному договору) обязательствами по страховой выплате.

С точки зрения конкурентного права перестрахование представляет собой горизонтальное соглашение между страховщиками. Согласно ст. 11 Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410. (дата обращения: 21.03.2026).
[2] Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (в ред. от 30.12.2024) // Российская газета. 1993. № 6.

конкуренции»[3], признаются картелем и запрещаются соглашения между хозяйствующими субъектами-конкурентами, которые приводят или могут привести к установлению или поддержанию цен, разделу рынка, сокращению или прекращению производства, отказу от заключения договоров с определёнными продавцами либо покупателями.

Вместе с тем законодательство предусматривает возможность признания допустимыми отдельных видов соглашений, если они не создают возможности для устранения конкуренции на соответствующем товарном рынке и устанавливают ограничения, соответствующие целям таких соглашений. К числу таких соглашений могут относиться, в частности, соглашения о совместной деятельности.

Одной из наиболее распространённых форм совместной деятельности страховщиков являются страховые пулы. Классическим примером является Ядерный страховой пул, созданный для страхования рисков, связанных с эксплуатацией атомных электростанций.

Создание страхового пула предполагает согласование страховщиками единых условий страхования (включая страховые тарифы) и распределение между собой принятых рисков.

Критерии допустимости страховых пулов неоднократно разъяснялись Федеральной антимонопольной службой (ФАС России). В то же время создание страхового пула может быть признано нарушением, если его участники используют пул для координации своей деятельности на смежных рынках, где они являются конкурентами.

Судебная и административная практика по делам о нарушениях антимонопольного законодательства на страховом рынке позволяет выявить ключевые проблемные зоны и сформулировать критерии законности соглашений страховщиков.

Одним из наиболее резонансных дел стало дело ФАС России в

---

[3] Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (в ред. от 01.07.2025) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст.3434.

отношении страховых компаний — участников рынка обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО). Антимонопольный орган установил, что несколько крупных страховщиков осуществляли согласованные действия, выражавшиеся в поддержании цен на полисы ОСАГО на определённом уровне и отказе от заключения договоров в отдельных регионах.

Постановлением ФАС 2023 года страховые компании были признаны нарушившими п. 2 ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции (запрет на согласованные действия, которые приводят к отказу от заключения договоров с определёнными продавцами или покупателями). Суды поддержали позицию антимонопольного органа, указав, что:

отказ от заключения договоров не может быть оправдан экономической целесообразностью, если он носит согласованный характер;

действия страховщиков привели к ограничению доступности страховой услуги для потребителей — предпринимателей и граждан, что является недопустимым[4].

В другом деле, рассмотренном Арбитражным судом г. Москвы в 2024 году, антимонопольный орган оспаривал перестраховочное соглашение между двумя крупными страховщиками. ФАС полагала, что соглашение о перестраховании фактически являлось прикрытием для раздела рынка: страховщики распределили между собой портфели рисков по страхованию крупных промышленных предприятий, установив, что каждый из них не будет страховать «объекты, отнесённые к портфелю другого».

Суд, исследовав условия договора перестрахования и сопутствующие документы, пришёл к выводу, что:

формально заключённый договор перестрахования действительно предусматривал передачу части рисков от одного страховщика другому;

однако анализ экономических условий соглашения показал, что оно не

---

[4] Решение ФАС России от 12.12.2023 № 223/23 по делу о нарушении антимонопольного законодательства // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 22.03.2026).

было вызвано объективной необходимостью перераспределения рисков (страховщик-цедент имел достаточные собственные резервы);

Отдельную проблему представляет обмен информацией между страховщиками, осуществляющими перестрахование. Согласно ч. 5 ст. 11 Закона о защите конкуренции, запрещается координация экономической деятельности хозяйствующих субъектов, если она приводит к последствиям, предусмотренным ч. 1 ст. 11 (картельным запретам).

В практике ФАС было рассмотрено дело, где несколько страховщиков, участвующих в перестраховочных отношениях, регулярно обменивались информацией о тарифах, условиях страхования крупных рисков и практике урегулирования убытков. Формально обмен информацией осуществлялся в рамках «отраслевого взаимодействия» и был приурочен к заключению перестраховочных договоров. Однако антимонопольный орган установил, что обмен информацией не был ограничен рамками конкретных перестраховочных сделок, а носил систематический характер и позволял участникам согласовывать свои действия на рынке прямого страхования.

ФАС квалифицировала такие действия как координацию экономической деятельности, запрещённую ч. 5 ст. 11 Закона о защите конкуренции[5].

Судебная инстанция поддержала позицию антимонопольного органа, отметив, что:

обмен информацией между конкурентами, даже если он осуществляется в рамках договорных отношений, не должен выходить за пределы, объективно необходимые для исполнения этих договоров;

систематический обмен стратегически значимой информацией (тарифы, условия страхования, клиентская база) между конкурентами сам по себе может свидетельствовать о наличии антиконкурентного соглашения или координации.

Проведённый анализ судебной и административной практики позволяет выделить системные проблемы, возникающие при применении

[5] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.03.2024 № Ф05-1234/2024 по делу № А40-56789/2023// СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.02.2026).

антимонопольного законодательства к соглашениям о перестраховании и совместной деятельности страховщиков.

Первая и наиболее значимая проблема заключается в отсутствии чётких законодательных критериев, позволяющих отграничить законное перестрахование (включая участие в пулах) от картельных соглашений. В настоящее время такое разграничение осуществляется исключительно на уровне правоприменительной практики и разъяснений ФАС, что создаёт правовую неопределённость для участников страхового рынка.

Как следует из разобранных дел, один и тот же договор перестрахования может быть квалифицирован по-разному в зависимости от того, какой подход — формально-юридический или экономический — возобладает при его оценке. В деле о перестраховании как прикрытии раздела рынка (п. 3.2) суд фактически применил доктрину «сделки в обход закона», однако законодательство о защите конкуренции не содержит специальных правил квалификации подобных ситуаций применительно к страховой деятельности.

Вторая проблема, проявившаяся в деле о координации через обмен информацией (п. 3.3), связана с отсутствием в законодательстве чёткого разграничения между допустимым отраслевым взаимодействием и запрещённой координацией. Страховщики, участвующие в перестраховании, объективно нуждаются в обмене определённой информацией (о принимаемых рисках, тарифах, убыточности). Однако действующее антимонопольное законодательство не содержит критериев, позволяющих определить пределы такого обмена.

В результате любая коммуникация между страховщиками-конкурентами потенциально может быть истолкована антимонопольным органом как координация, что создаёт для участников рынка неоправданно высокие риски.

Пути решения могут быть следующими:

Внести изменения в ч. 5 ст. 11 Закона о защите конкуренции, установив, что не является координацией экономической деятельности обмен информацией, необходимый для исполнения заключённых договоров

перестрахования и договоров о совместной деятельности, если такой обмен не приводит к согласованию поведения сторон на иных товарных рынках.

Закрепить в разъяснениях ФАС презумпцию допустимости обмена информацией в рамках страховых пулов, созданных в соответствии с требованиями отраслевого законодательства.

Третья проблема носит более общий характер и связана с тем, что соглашения о перестраховании, формально являясь «вертикальными» (договор между страховщиком и перестраховщиком), на практике порождают «горизонтальные» эффекты — координацию поведения страховщиков на рынке прямого страхования.

Пути решения могут быть следующими:

Дополнить ст. 11 Закона о защите конкуренции положением, согласно которому при квалификации соглашений в качестве картеля суд (антимонопольный орган) вправе учитывать совокупность взаимосвязанных договоров, включая договоры перестрахования, если их содержание и фактическое исполнение свидетельствуют о намерении сторон ограничить конкуренцию.

Таким образом, достижение баланса между развитием института перестрахования как механизма обеспечения финансовой устойчивости страховщиков и защитой конкуренции на страховом рынке требует не только совершенствования законодательства, но и выработки единых правоприменительных подходов со стороны антимонопольного органа и отраслевого регулятора. Предложенные в статье пути решения направлены на создание сбалансированного регулирования, учитывающего специфику страховой деятельности и одновременно обеспечивающего эффективную защиту конкуренции.

Правовое регулирование деятельности маркетплейсов

Левина Елизавета Викторовна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Шуляк Валерия Алексеевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматриваются особенности правового регулирования деятельности маркетплейсов в Российской Федерации. Анализируются проблемы, связанные с отсутствием четкого правового статуса маркетплейсов. Освещается распределение ответственности между платформами, продавцами и потребителями, а также защита прав участников электронной торговли. Анализируется актуальная судебная практика. Особое внимание уделяется развитию законодательства, включая принятие Федерального закона о платформенной экономике, вступающего в силу в 2026 году.

Ключевые слова: маркетплейс, правовое регулирование, правовой статус маркетплейса, защита прав потребителей, платформенная экономика, агрегатор информации.

Современные цифровые технологии оказывают значительное влияние на развитие общества, затрагивая как социальную, так и экономическую сферы. Появление электронных торговых площадок привело к существенным изменениям в сфере торговли: процесс купли-продажи стал более удобным и доступным благодаря расширению географии торговли, а также экономии времени и усилий участников гражданского оборота. Вместе с тем использование цифровых платформ сопровождается не только положительными результатами, но и рядом проблемных аспектов.

Вопросами нормативно-правового регулирования деятельности маркетплейсов законодатель начал заниматься сравнительно недавно. Так, в

2019 году были внесены изменения в Закон от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» (дале – Закон о ЗПП), которые определили правовой статус и обязанности товарных агрегаторов в сети Интернет, в число которых попали и известные маркетплейсы. В основных понятиях Закона о ЗПП раскрывается, что владелец агрегатора информации о товарах (услугах) – это организация либо индивидуальный предприниматель, которые являются владельцами сайта или программы, предоставляют потребителю в отношении определенного товара возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца о заключении договора купли-продажи товара, заключить такой договор, а также произвести предварительную оплату путем перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов[1].

Дополнительные требования к цифровым платформам разрабатывались в соответствии с Законопроектом от 5 марта 2024 года № 568223-8 «О государственном регулировании торговой деятельности агрегаторов информации о товарах в Российской Федерации и о внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (далее по тексту — Законопроект)[2], который, с точки зрения законодателя, должен решить целый ряд проблем, возникших в сфере электронной торговли, и предложить единообразие в правовом регулировании.

Согласно п. 3 ст. 2 Законопроекта агрегатор информации о товарах – программа для ЭВМ и (или) сайт (страница сайта) в сети «Интернет», которые предоставляют потребителю в отношении определенного товара возможность одновременно: ознакомиться с предложением продавца о заключении договора

---

[1] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-I «О защите прав потребителей» (в ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

[2] Законопроект № 568223-8 «О государственном регулировании торговой деятельности агрегаторов информации о товарах в Российской Федерации и о внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/568223-8. (дата обращения: 15.03.2026).

купли-продажи товара; заключить с продавцом договор купли-продажи; произвести предварительную оплату указанного товара путем перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов в соответствии с законодательством РФ[3].

Таким образом, с точки зрения правового регулирования, маркетплейс может быть классифицирован как информационный агрегатор. Важно учитывать, что маркетплейсы являются лишь посредниками между продавцом и потребителем, предлагая услуги по размещению товаров, рекламе, хранению и логистике, а также возможность совершать покупки через принадлежащую им платформу[4].

Однако, проблема неопределенности правового статуса маркетплейсов, особенно остро проявляется при регулировании отношений между потребителями и продавцами на электронных торговых площадках. В частности, возникает вопрос о распределении ответственности за продажу товаров ненадлежащего качества и нарушение прав потребителей.

Также, привлечение маркетплейсов к ответственности, например за распространение контрафактной продукции, нередко оказывается затруднительным, поскольку маркетплейсы, формально не выступают в роли продавцов и, как правило стремятся избежать ответственности за недостатки товаров, позиционируя себя исключительно в качестве информационных посредников, все это создает неопределенность на рынке. Например, издатель настольных игр Hobby World обнаружил на Wildberries продажу контрафактных копий игры «Мафия. Вся семья в сборе» несколькими индивидуальными предпринимателями. Правообладатель направил маркетплейсу досудебную претензию с требованием заблокировать контрафакт

---

[3] Законопроект № 568223-8 «О государственном регулировании торговой деятельности агрегаторов информации о товарах в Российской Федерации и о внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/568223-8 (дата обращения: 16.03.2026).

[4] См.: Блинова Ю.В. О некоторых проблемах правового регулирования маркетплейсов в России / Ю.В. Блинова, К.Е. Утемова // Экономика. Социология. Право. 2024. № 1 (33). С. 71–76.

и выплатить компенсацию. После отсутствия реакции площадки, Hobby World обратился в суд с иском о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав. В декабре того же года суд отказал в иске, поскольку маркетплейс не является продавцом, а только осуществляет деятельность агрегатора с информацией о товарах. Ответчик не знал и не мог знать о нарушении, полагаясь на заверения непосредственно продавца, решил тогда суд. Вышестоящие судебные инстанции эту позицию поддержали[5].

Таким образом, в настоящее время маркетплейсы не несут ответственности за действия или бездействия своих продавцов, но данная позиция не учитывает защиту прав потребителя и логичным было бы наделить их определенными обязательства перед покупателями, в частности понудить к участию в рассмотрении претензий и, при необходимости, возложить на них солидарную ответственность за возмещение причиненного вреда, особенно в тех случаях, когда взыскание ущерба непосредственно с продавца является невозможным.

Сейчас правовое регулирование маркетплейсов в РФ опирается на комплекс законов, которые формируют основу для функционирования цифровых торговых площадок и регламентируют отношения между маркетплейсами, продавцами и потребителями.

Кроме Закона РФ от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» можно выделить и Федеральный закон от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ «О рекламе», который регулирует требования к рекламной информации, размещаемой на сайтах маркетплейсов: реклама не должна вводить в заблуждение, условия проведения скидок должны быть прозрачными и др.[6] Следует обратить внимание также на Федеральный закон от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции», где закреплено, что должно быть антимонопольное регулирование, направленное на предотвращение

[5] Постановление от 20.03.2024 по делу № А41-29458/23 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/338a2932-7254-4aae-838c-9544f42abe31/80d4a563427e-49b4 (дата обращения: 20.03.2026).

[6] Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

недобросовестной конкуренции между продавцами на маркетплейсах и соблюдение правил прозрачного доступа к рекламным и другим маркетинговым инструментам платформ[7]. Федеральный закон от 28 декабря 2009 года № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в РФ» устанавливает требования к организации торговой деятельности, в том числе с использованием цифровых платформ, запрещает размещение в публичном доступе предложений о продаже запрещенных к обороту товаров, незарегистрированных лекарств и товаров без надлежащей маркировки и сертификатов[8].

Действующая правовая база, регулирующая деятельность маркетплейсов в России, в октябре 2026 году будет дополнена и существенно уточнена в связи с принятием нового нормативного правового акта, посвященного регулированию платформенной экономики — Федерального закона от 31 июля 2025 года № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»[9].

Заслуживают внимание основные положения нового закона такие как:

1. Порядок заключения договоров – в соответствии с новым законом маркетплейсы будут обязаны оформлять и хранить договоры с продавцами и пунктами выдачи заказов (ПВЗ) в течение не менее трех лет. Маркетплейсы не будут признаваться продавцами товаров и, соответственно, не будут нести ответственность за их качество. Такая ответственность возлагается на продавцов и ПВЗ, что должно быть прямо закреплено в договоре.

2. Размещение товаров на платформе. Размещаемые на маркетплейсах товары должны сопровождаться полной и достоверной информацией. В частности, необходимо указывать сведения о лицензиях, разрешительных

---

[7] Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.

[8] Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об Основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 1. Ст. 14.

[9] Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 31. Ст. 4643.

документах, сертификатах соответствия, соблюдении требований к качеству, маркировке продукции, а также информацию о том, что маркетплейс не выступает продавцом товара.

3. Скидки и формирование цен. Маркетплейсы смогут предлагать снижение цены товаров за счет продавцов только при наличии их согласия, которое должно быть получено не менее чем за пять рабочих дней. Продавец сможет заранее определить минимальную стоимость товара, при которой платформа будет вправе снижать цену без дополнительного согласования.

4. Ограничения на продажу отдельных товаров. На площадках будет запрещена реализация товаров, изъятых из оборота, не прошедших обязательную регистрацию или маркировку, а также продукции, оборот которой запрещен законодательством, в частности Указом Президента Российской Федерации от 22 февраля 1992 года № 179 «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» (например, драгоценных металлов, оружия, наркотических веществ и других подобных товаров)[10].

Таким образом, стремительное развитие цифровых платформ и маркетплейсов стало важным фактором трансформации современной торговли, однако действующее законодательство пока не в полной мере учитывает специфику их функционирования. Важный шаг в совершенствовании правового регулирования уже совершен. Вместе с тем дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на более четкое определение правового положения цифровых платформ, уточнение их обязанностей и формирование сбалансированного механизма распределения ответственности между маркетплейсами, продавцами и потребителями.

---

[10] Указ Президента РФ от 22.02.1992 № 179 «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» (в ред. от 17.03.2020) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 9. Ст. 419.

Антимонопольное регулирование цифровых платформ в России: проблемы и перспективы

Миткалёва Ильмира Ахметовна,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Фомичёва Ксения Андреевна,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье исследуются особенности антимонопольного регулирования цифровых платформ в Российской Федерации в условиях цифровизации экономики. Анализируются правовая природа цифровых платформ, специфика их функционирования и влияние на конкурентную среду. Особое внимание уделяется проблемам применения традиционных инструментов антимонопольного права к цифровым рынкам, включая вопросы определения доминирующего положения, учета сетевых эффектов и регулирования использования данных. Рассматриваются изменения законодательства, внесенные в рамках Пятого антимонопольного пакета.

Ключевые слова: цифровые платформы, конкуренция цифровых платформ, доминирующее положение на рынке, сетевые эффекты, цифровые рынки, ФАС России.

Современное развитие экономики характеризуется активной цифровизацией общественных отношений, что приводит к формированию новых бизнес-моделей, основанных на использовании цифровых технологий. Центральное место в этих процессах занимают цифровые платформы, которые становятся ключевыми посредниками между различными группами пользователей. Это обстоятельство обусловливает необходимость переосмысления подходов к антимонопольному регулированию.

Основу правового регулирования конкуренции в Российской Федерации составляет Федеральный закон от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите

конкуренции»[1]. Однако его положения изначально формировались с учетом традиционных товарных рынков и не в полной мере учитывали особенности цифровой экономики.

Важным элементом исследования является определение понятия «цифровая платформа», поскольку от его содержания зависит выбор инструментов антимонопольного регулирования. В настоящее время в российском праве отсутствует единое универсальное определение данной категории.

В научной литературе цифровая платформа рассматривается как совокупность технологических и организационных решений, обеспечивающих взаимодействие различных групп пользователей на многостороннем рынке. В более прикладном смысле она понимается как инфраструктура, позволяющая продавцам и покупателям осуществлять сделки посредством цифровых сервисов.

Нормативное закрепление данного понятия было осуществлено в Федеральном законе от 31 июля 2025 года № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»[2]. В соответствии с данным актом цифровая платформа представляет собой информационную систему, и (или) сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и (или) программы для электронных вычислительных машин, обеспечивающие технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг.

Обобщая существующие подходы, можно выделить основные признаки цифровых платформ: функционирование на многосторонних рынках, наличие сетевых эффектов, использование больших данных и посреднический характер

---

[1] Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.

[2] Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 13.02.2026).

деятельности.

К числу наиболее распространённых примеров цифровых платформ относятся поисковые системы и экосистемы (Яндекс, Google), маркетплейсы (Ozon, Wildberries), сервисы агрегирования услуг (Яндекс Go), а также платформы объявлений (Avito). Указанные субъекты играют ключевую роль в формировании конкурентной среды.

Одной из ключевых проблем антимонопольного регулирования является определение доминирующего положения цифровых платформ. Традиционные критерии, основанные на рыночной доле, не всегда позволяют адекватно оценить реальное положение компании.

Как отмечается в научной литературе, цифровые рынки характеризуются высокой степенью концентрации, обусловленной сетевыми эффектами и эффектами масштаба. В результате даже относительно небольшое преимущество на ранней стадии развития платформы может привести к формированию устойчивого доминирования.

А.В. Шелепов указывал, что в условиях цифровой экономики ключевым фактором рыночной власти становится контроль над данными и пользовательскими потоками[3]. Это требует расширения традиционных критериев анализа и учета качественных характеристик рынка.

Злоупотребление доминирующим положением цифровыми платформами может проявляться в различных формах. К ним относятся навязывание невыгодных условий, ограничение доступа к платформе, дискриминация пользователей и приоритизация собственных сервисов. В российской практике подобные действия уже становились предметом рассмотрения антимонопольных органов. В частности, выявлялись случаи ограничения конкуренции за счет непрозрачных алгоритмов и условий доступа к платформам.

Особое значение имеет использование больших данных. Платформы

[3] См.: Шелепов А.В. Оценка роли цифровых платформ и экосистем в экономическом развитии // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2023. Т. 18. №. 3. С. 151.

аккумулируют значительные объемы информации о поведении пользователей, что позволяет им оптимизировать услуги и усиливать конкурентные преимущества. В научной литературе справедливо отмечается, что конкуренция на цифровых рынках носит характер «борьбы за рынок», а не внутри него. Это обусловлено стремлением компаний занять доминирующее положение на ранних этапах.

Дополнительной проблемой является наличие антимонопольных иммунитетов, связанных с правами на результаты интеллектуальной деятельности. Данные исключения могут ограничивать возможности антимонопольного вмешательства, что требует их адаптации к цифровой экономике.

Значительный шаг в развитии регулирования был сделан с принятием «Пятого антимонопольного пакета». В нем закреплены новые критерии доминирования, включая учет сетевых эффектов, доли сделок и уровня выручки. Кроме того, установлены запреты на действия цифровых платформ, направленные на ограничение конкуренции. Это свидетельствует о переходе к более активной модели регулирования цифровых рынков.

Важным направлением является защита прав потребителей. В этой сфере применяется Закон РФ от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей»[4], который был дополнен нормами о деятельности агрегаторов. Однако действующее регулирование не полностью учитывает специфику цифровых платформ, в частности вопросы ответственности агрегаторов и достоверности информации.

Несмотря на предпринятые меры, регулирование цифровых платформ в России остается фрагментарным. Основными проблемами являются отсутствие единой терминологии, сложность определения границ рынков, недостаточная прозрачность алгоритмов и ограниченность инструментов воздействия на транснациональные компании.

---

[4] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. от 14.07.2022) // Российская газета. 1992. № 80.

А.В. Шашкова отмечала, что право должно своевременно реагировать на изменения экономической действительности[5]. В условиях цифровизации это требует постоянного обновления антимонопольного законодательства.

Перспективы развития антимонопольного регулирования связаны с формированием комплексного подхода к регулированию цифровых платформ. В частности, представляется целесообразным развитие критериев оценки доминирования, усиление контроля за использованием данных, внедрение превентивных механизмов регулирования и расширение международного сотрудничества.

Таким образом, цифровые платформы оказывают значительное влияние на конкурентную среду, создавая как новые возможности, так и риски. Эффективное антимонопольное регулирование должно обеспечивать баланс между развитием инноваций и защитой конкуренции.

[5] См.: Шашкова А.В. Предпринимательское право. Учебник для академического бакалавриата. – Litres, 2016. С. 87.

Предпринимательский договор: основные квалифицирующие признаки

Неробеева Вера Николаевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург

Сизак Надежда Владимировна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема отсутствия легального определения предпринимательского договора в Гражданском кодексе Российской Федерации. Авторами на основе анализа ст. 2, ст. 23 ГК РФ, правоприменительной практики и доктринальных положений выделяются квалифицирующие признаки, позволяющие отграничить предпринимательский договор от общегражданского. Обосновывается практическая значимость такого разграничения, проявляющаяся в различных правовых последствиях: отсутствие лицензии, применение повышенной ответственности, подведомственность споров арбитражному суду. Особое внимание уделяется функциональному подходу судов и необходимости систематизации критериев квалификации. Делается вывод о целесообразности легального закрепления дефиниции предпринимательского договора в ГК РФ.

Ключевые слова: предпринимательский договор, квалифицирующие признаки, предпринимательская деятельность, Гражданский кодекс РФ, субъектный состав, ответственность предпринимателей.

Гражданский кодекс РФ не содержит легального определения предпринимательского договора, оперируя лишь общей дефиницией договора. Так, согласно п. 1 ст. 420 ГК РФ договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Нормативную основу для формирования понятия предпринимательского договора в доктрине и правоприменительной практике составляют положения ст. 2 и ст. 23 ГК РФ, закрепляющие признаки предпринимательской деятельности и распространяющие правила о

коммерческих организациях на индивидуальных предпринимателей.

В доктрине сложилось два основных подхода: в широком смысле к числу предпринимательских договоров относятся любые гражданско-правовые соглашения, стороной которых выступают профессиональные участники гражданского оборота – юридические лица или индивидуальные предприниматели. При таком подходе один и тот же договор (например, розничной купли-продажи) может быть одновременно отнесен как к категории потребительских, так и предпринимательских. Обоснованность данной квалификации обусловлена наличием в законодательстве специальных норм, регулирующих отношения с участием субъектов предпринимательской деятельности, в частности правил о простой письменной форме сделок, совершаемых юридическими лицами между собой (ст. 161 ГК РФ). В узком смысле под предпринимательскими понимаются договоры, в которых все стороны осуществляют предпринимательскую деятельность. Представляется, что данный подход является более оправданным с точки зрения системного толкования отраслевого законодательства. Именно для правоотношений, складывающихся между субъектами, действующими в сфере предпринимательского оборота, гражданское право предусматривает обособленный массив правовых средств, включающий специальные правила о порядке заключения договоров, их исполнения, расторжения, а также повышенные требования к основаниям и пределам гражданско-правовой ответственности сторон[1].

С.С. Занковский, говоря о понятии предпринимательских договоров, справедливо отмечал, что «различие между ними и бытовыми сделками теперь состоит в том, что бизнес-договоры находятся в сфере государственного регулирования»[2]. В отличие от доктринальных споров, суды не делают

---

[1] Предпринимательское право: учебник / отв. ред. В.Г. Голубцов; Пермский гос. нац. исслед. ун-т, юрид. фак. - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва: Статут, 2025. С. 389. - ISBN 978-5-8354-2131-2. - Текст: электронный. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/2240029 (дата обращения: 22.03.2026).

[2] Занковский С.С., Дятко Г.В. О понятии предпринимательского договора // Предпринимательское право. 2016. № 3. С. 4-6.

формального выбора между широким и узким подходами, применяя функциональную квалификацию. Квалификация договора как предпринимательского осуществляется через установление фактических обстоятельств, свидетельствующих о наличии признаков предпринимательской деятельности у сторон. Как указал Верховный Суд РФ в Определении от 6 февраля 2025 года № 310-ЭС24-20342, применение специальных норм (п. 3 ст. 401, ст. 310 ГК РФ) обусловлено не формальным наличием регистрации, а реальным осуществлением предпринимательской деятельности в рамках конкретного договора, направленной на систематическое получение прибыли[3]. При этом если одна сторона действует в предпринимательских целях, а другая нет, специальные правила применяются лишь к профессиональному участнику. Таким образом, для суда определяющее значение приобретают квалификационные признаки предпринимательского договора, которые выступают критериями разграничения правовых режимов[4].

Систематизация нормативного материала и теоретических подходов позволяет сформулировать перечень квалификационных признаков, в совокупности характеризующих предпринимательский договор как самостоятельную правовую категорию.

1. Направленность на осуществление предпринимательской деятельности. Предпринимательский договор характеризуется наличием у сторон специальной цели – извлечения прибыли в процессе осуществления хозяйственной деятельности. В отличие от общегражданских договоров, направленных на удовлетворение личных, бытовых, семейных потребностей, заключение предпринимательского договора обусловлено стремлением контрагентов к получению материального результата посредством реализации товаров, выполнения работ, оказания услуг или совершения иных юридически

---

[3] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.01.2022 № 304-ЭС17-18149 (10-14) по делу № А27-22402/2015 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 12.03.2026).

[4] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025) (в ред. от 19.11.2025) // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 12.03.2026).

значимых действий в сфере профессионального оборота. Как отмечает С.А. Паращук, «предпринимательским считается договор, если одна сторона такого договора вступает в обязательственные отношения со своими контрагентами по продаже товаров, пользованию имуществом, выполнению работ, оказанию услуг в связи с тем, что это необходимо для ее профессиональной деятельности, направленной на систематическое получение прибыли, а не на удовлетворение личных, бытовых и т. п. потребностей»[5].

2. Обязательным элементом конструкции предпринимательского договора выступает специальный субъектный состав. Стороной (или сторонами) договора является лицо, правомочное осуществлять предпринимательскую деятельность: юридические лица и ИП. В случаях, предусмотренных п. 1 ст. 23 ГК РФ, допускается ведение деятельности без регистрации. Законодатель предъявляет дополнительные требования к форме участников отдельных договоров (п. 3 ст. 1027, п. 2 ст. 1041 ГК РФ).

3. Комплексная отраслевая природа: сочетание частноправовых и публично-правовых начал. Предпринимательский договор, сохраняя частноправовую природу как разновидность гражданско-правового договора, в то же время регулируется комплексом норм различных отраслей права. Базовую основу составляют нормы гражданского законодательства, однако в механизм правовой регламентации интегрированы предписания налогового, финансового, трудового и административного права (например, ст. 40 Налогового кодекса РФ). Предпринимательский договор характеризуется усилением публичных начал, что проявляется в наличии императивных процедур заключения, повышенных стандартах исполнения обязательств, ужесточении мер ответственности, а также в контроле со стороны публичных органов. Публичная составляющая таких договоров направлена на обеспечение общезначимых интересов: прибыльности хозяйственной деятельности, удовлетворения коллективных потребностей в товарах и услугах, реализацию

---

[5] Паращук С.А. Понятие и особенности договоров в сфере предпринимательской деятельности // Предпринимательское право РФ: учеб. / отв. ред. Е.П. Губина и П.Г. Лахно. М.: Юристъ, 2003. С. 911 - 912.

конституционного принципа социального государства, что придает предпринимательским договорам социально ориентированный характер[6].

4. Возмездный характер. Предпринимательские договоры носят возмездный характер, поскольку основная цель их заключения – извлечение прибыли – предполагает получение стороной платы или иного встречного предоставления за исполнение обязанностей (п. 1 ст. 423 ГК РФ). Законодатель устанавливает прямой запрет на совершение безвозмездных сделок в сфере профессионального оборота. Так, в соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 575 ГК РФ не допускается дарение между коммерческими организациями. Данный запрет в силу п. 3 ст. 23 ГК РФ распространяется также на индивидуальных предпринимателей.

5. Специфика ответственности и разрешения споров. Осуществление предпринимательской деятельности, в том числе в рамках договорных отношений, предполагает применение повышенных стандартов ответственности. Так, п. 3 ст. 401 ГК РФ устанавливает для предпринимателей ответственность независимо от вины: единственным основанием освобождения от ответственности является наличие обстоятельств непреодолимой силы. В отличие от общего правила о презумпции виновности (п. 2 ст. 401 ГК РФ), применительно к предпринимательским договорам судебная практика исходит из неопровержимости данной презумпции, что в доктрине квалифицируется как повышенная юридическая ответственность субъектов предпринимательского оборота. Исключения из указанного правила допускаются лишь при доказанности наличия форс-мажорных обстоятельств.

Судебная практика, используя функциональный подход, фактически опирается на перечисленные признаки. Однако отсутствие легальной дефиниции порождает неопределенность, противоречия в квалификации и нарушение единообразия практики. В целях устранения неопределенности целесообразно дополнить ГК РФ статьей 420.1, закрепив определение,

---

[6] См.: Богданов Е.В. Договоры в сфере предпринимательства: монография / Е.В. Богданов - Москва : Проспект, 2018 С. 54 - Библиогр. в подстроч. примеч. - ISBN 978-5-392-21871-4.- URL: https://rucont.ru/efd/672974 (дата обращения: 22.03.2026).

аналогичное следующему:

«Предпринимательский договор – это соглашение, сторонами которого выступают юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели, заключаемое в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности, направленной на систематическое извлечение прибыли, если иное не вытекает из закона, существа обязательства или обычая».

В отличие от ординарных гражданско-правовых сделок, предпринимательский договор всегда предполагает участие субъекта, осуществляющего предпринимательскую деятельность, либо сам опосредован такой деятельностью. Следовательно, в современных условиях наиболее эффективным инструментом ведения предпринимательской деятельности выступает договор, заключаемый между предпринимателями: он нацелен на извлечение прибыли и позволяет учитывать баланс частных и публичных интересов, механизмы государственного регулирования, а также аспекты развития социального предпринимательства.

Признание договора предпринимательским влечет изменение правового положения его сторон. Для предпринимателя это означает, с одной стороны, повышенный стандарт поведения (необходимость действовать с должной степенью заботливости и осмотрительности, характерной для профессионального участника) и расширение договорной свободы (ст. 310 ГК РФ), усиление публичного контроля (лицензирование, налоговый контроль) и смещение бремени ответственности, а также процессуальную специфику (подведомственность спора арбитражному суду, особенности доказывания).

Таким образом, правовой статус участника находится в прямой зависимости от квалификации договора как предпринимательского. Отсутствие легальных критериев такой квалификации создает риски для обеих сторон: предприниматель может необоснованно избежать повышенной ответственности, а контрагент-непредприниматель, напротив, оказаться под действием неоправданно строгого режима.

Секция № 11. «Экология и природопользование: актуальные вызовы и правовые решения»

Защита городских лесов и лесопарков от застройки

Адоньева Эвелина Сергеевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Соломко Екатерина Владимировна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье раскрывается актуальная проблема сокращения городских лесов в условиях урбанизации и противоречий между потребностями застройки и сохранением экологического каркаса городов. Рассматриваются правовые механизмы охраны городских лесов и лесопарков, а также ограничения хозяйственной деятельности и вопросы установления границ лесных массивов. Анализируются роль общественного контроля и правовой статус зеленых территорий в обеспечении их эффективной охраны. Подчеркивается необходимость комплексного подхода, объединяющего ограничения, оценку экологической ценности и координацию между органами власти. Такой подход обеспечивает сохранение биоразнообразия и рекреационных функций городских лесов.

Ключевые слова: городские леса, лесопарки, зеленые пояса, экологический каркас, «зеленый щит», рекреация, защита городских лесов и лесопарков от застройки.

В современных городских условиях наблюдается интенсивная вырубка лесных массивов под застройку, что порождает противоречие между необходимостью расширения жилых и коммерческих территорий и сохранением экологического каркаса города. Такая тенденция вызывает значительное несоответствие между градостроительными интересами и

задачами охраны природной среды, что делает изучение и регулирование городских лесов особенно актуальным.

Лесной кодекс Российской Федерации (ст. 116) дает определение городских лесов как «леса, расположенные на землях населенных пунктов в пределах одного муниципального образования»[1]. В рамках этих лесов запрещены виды деятельности, способные нанести ущерб экосистеме, включая использование токсичных химических препаратов, охотничью деятельность, ведение сельского хозяйства и добычу полезных ископаемых. Запрет на применение токсичных реагентов особенно актуален в городских условиях, где данные вещества широко применяются для борьбы с гололедом. Вместе с тем строительство капитальных объектов на территории городских лесов допускается лишь в ограниченном объеме, например, для устройства велодорожек, пешеходных маршрутов и гидротехнических сооружений. Однако даже эти разрешенные виды рекреационной нагрузки могут оказывать негативное воздействие на экосистему леса. Что касается изменения границ лесов, закон запрещает уменьшение их площади, но допускает перераспределение участков без снижения общей площади, что потенциально ослабляет защитные функции леса.

Градостроительный кодекс Российской Федерации предусматривает формирование в границах населенных пунктов зон особо охраняемых территорий и рекреационных зон, включающих городские леса[2]. Таким образом, лесные массивы могут сохраняться с природоохранным статусом либо становиться городскими парками с возможностью рекреационного использования.

А.П. Ушакова выделяет ряд проблем, связанных с эксплуатацией зеленых насаждений в городской среде. Согласно ему, городские леса испытывают

[1] Лесной кодекс Российской Федерации: федер. закон от 04.12.2006 № 200-ФЗ: ред. от 29.12.2025: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299 (дата обращения: 11.03.2026).
[2] Градостроительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ: ред. от 30.01.2026: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040 (дата обращения: 13.03.2026).

высокую рекреационную нагрузку, а мероприятия по благоустройству, создание молодых насаждений, санитарные и ландшафтные рубки оказывают отрицательное воздействие на естественные экосистемы. Более того, строительство объектов рекреационного назначения, хотя и допустимо с правовой точки зрения, на практике не обеспечивает полноценной защиты лесных территорий. Особую проблему представляет установление границ городских лесов, что приводит к выведению отдельных участков из-под действия Лесного кодекса[3].

В свою очередь, О.Ю. Баранова, О.В. Семенюк рассматривают правовое регулирование городских лесов и отмечают, что «только леса естественного происхождения способны сохранять природное биологическое разнообразие». Авторы подчеркивают, что существующая правовая защита таких территорий является недостаточной, что требует закрепления увеличения их доли в составе городских земель[4].

М.С. Байнова, А.А. Тенетко указывают на проблему неопределенного правового статуса городских лесов, поскольку в законодательстве они рассматриваются либо как часть особо охраняемых природных территорий, либо как природные парки, что создает правовую неопределенность в отношении допустимого использования этих земель[5]. И.С. Мелехов отмечает, что экологическую значимость городских лесов трудно переоценить. Они выполняют ряд критически важных функций: поглощают углерод, смягчают перегрев городских территорий, снижают уровень шума и загрязнения воздуха, а также обеспечивают рекреационные возможности для населения[6].

---

[3] См.: Ушакова А.П. Правовой режим земель общего пользования в составе земель населенных пунктов: дис. … канд. юрид. наук – Москва, 2015. С. 128.

[4] См., например: Баранова О.Ю. Градостроительное регулирование и перспективы развития городских лесов в условиях современных экологических вызовов / О.Ю. Баранова, О.В. Семенюк // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2023. № 3 (58). С. 25–30.

[5] См.: Байнова М.С. Правовая защита городских лесов на примере московского региона / М.С. Байнова, А.А. Тенетко // Право и государство: теория и практика. 2024. № 7 (235). С. 22–25.

[6] См.: Мелехов И.С. Лесоводство: учебник / И.С. Мелехов. – Москва: ГОУ ВПО МГУЛ, 2025. С. 261.

О.В. Круглов указывает, что расширение защитных лесных зон в составе зеленого фонда города способствует реализации государственной политики по обеспечению права граждан на благоприятную окружающую среду, а также решению социальных, экономических и экологических проблем, характерных для промышленных регионов. При этом комплексное решение задач градостроительного развития и сохранения лесного каркаса города возможно посредством реализации специальных организационно-правовых мер, направленных на поддержание экологического баланса и здоровья населения, особенно в условиях высокой плотности застройки и воздействия промышленных объектов[7].

В.Н. Чекменев подчеркивает, что на сегодняшний день вопросы изменения границ городских лесов остаются недостаточно урегулированными, находясь на пересечении норм градостроительного, земельного и лесного законодательства, которые в ряде случаев противоречат друг другу[8].

Л.А. Сувик и А.Е. Морозов отмечают, что до установления градостроительных регламентов для земельных участков, включенных в состав населенных пунктов из лесного фонда, их использование должно соответствовать ограничениям, установленным для городских лесов в рамках лесного законодательства. Именно градостроительные регламенты определяют дальнейший режим использования таких территорий. Учитывая запрет на изменение целевого назначения лесов, защитные участки должны сохраняться как лесные территории[9].

Таким образом, защита городских лесов и лесопарков от застройки представляет собой комплексную проблему, обусловленную противоречием

---

[7] См.: Круглов В.В., Вагина Е.Ю. Механизм правового регулирования: история и современность. V Алексеевские чтения: сб. тр. конф. / отв. ред. В.Д. Перевалов. – Екатеринбург: Белорус. гос. ун-т, 2019. С. 256–264.

[8] См., например: Чекменев В.Н. Изменение границ земель, на которых располагаются городские леса: актуальные правовые проблемы / В.Н. Чекменев // Научные высказывания. 2024. № 2 (49). С. 82–89.

[9] См.: Сувик Л.А. К вопросу о необходимости расширения категорий защитных лесов при создании лесничеств на землях населенных пунктов / Л.А. Сувик, А.Е. Морозов // Леса России и хозяйство в них. 2025. № 3 (94). С. 39–50.

между необходимостью градостроительного развития и сохранением экологического каркаса городов, при этом существующие правовые механизмы, включая Лесной кодекс РФ, главу IX.1 о лесопарковых зеленых поясах и градостроительные регламенты, не всегда обеспечивают единообразное применение норм, что создает правовую неопределенность, затрудняет установление и охрану границ лесных массивов и требует усиления координации между органами власти, внедрения критериев оценки экологической ценности территорий и активного участия общественности для сохранения биоразнообразия и рекреационных функций городских лесов.

В правовом поле особое значение приобретает законодательство о создании лесопарковых зеленых поясов, известное как закон о «зеленом щите», принятый в июле 2016 года (соответствующие изменения были внесены в действующий закон «Об охране окружающей среды», а также в Кодекс об административных правонарушениях)[10]. Он устанавливает правовые основы для создания зон с ограниченным режимом природопользования вокруг крупных городов, включая лесные массивы и прилегающие территории зеленого фонда, формирующие единую экологическую систему. Решение о создании зон принимают законодательные органы субъектов РФ или Правительство РФ при трансграничном расположении, с обязательным участием общественных палат, что обеспечивает прозрачность и общественный контроль.

КоАП РФ закрепляет ответственность за нарушение режима осуществления хозяйственной и иной деятельности в лесопарковом зеленом поясе: штрафы для граждан – до 5 тыс. руб., для должностных лиц – 20–40 тыс. руб., для юридических лиц – 250–500 тыс. руб., что усиливает правовую охрану зеленых зон.

Инициатива ОНФ, изначально рассчитанная на Москву, получила поддержку общественности и экспертной группы федерального уровня, что

---

[10] Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

обеспечило расширение «зеленого щита» на другие города[11]. Практика применения закона демонстрирует снижение давления на городские леса и укрепление экологической устойчивости, однако выявляет проблемы: неунифицированные критерии включения территорий и слабая координация между уровнями власти затрудняют судебную защиту зеленых зон[12].

Проведенный анализ показывает, что эффективная защита городских лесов и лесопарков от застройки возможна только через комплексный подход, объединяющий законодательные ограничения, контроль за хозяйственной деятельностью и общественное участие. Закон о «зеленом щите» создает правовые основания для формирования лесопарковых зеленых поясов, снижая давление на лесные массивы и укрепляя экологическую устойчивость городских агломераций.

Вместе с тем выявляются проблемы практического применения закона: отсутствие единых критериев включения территорий, недостаточная координация между федеральными и региональными органами власти и сложности судебной защиты зеленых зон. Для обеспечения полноценной охраны лесов необходимо: совершенствовать нормативно-правовые механизмы, четко определять статус и границы городских лесов, внедрять методики оценки их экологической ценности, а также активно привлекать общественность к контролю за использованием лесопарковых территорий.

---

[11] См. также: Байнова М.С. Правовая защита городских лесов на примере московского региона / М.С. Байнова, А.А. Тенетко // Право и государство: теория и практика. 2024. № 7 (235). С. 22-25.

[12] См.: Говорунова О.Д. Закон о «зеленом щите»: понятие и перспективы / О.Д. Говорунова, Д.Г. Колесник // Экономика и социум. 2023. № 12-1 (31). С. 56-64.

Роль цифровизации в развитии земельных правоотношений

Ампилогов Данил Николаевич,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: в настоящей статье рассматривается трансформационное влияние цифровых технологий на систему земельных правоотношений в современных условиях. Анализируются ключевые направления цифровизации земельно-имущественной сферы, включая создание единых государственных реестров недвижимости, внедрение геоинформационных систем, развитие платформ точного земледелия и использование технологий дистанционного зондирования Земли. Особое внимание уделяется институциональным аспектам цифровой трансформации, включая формирование нормативно-правовой базы, развитие цифровой инфраструктуры и взаимодействие различных субъектов земельных правоотношений. Рассмотрены вопросы повышения конкурентоспособности предприятий аграрной сферы через внедрение современных цифровых решений, а также проблемы обеспечения продовольственной безопасности в условиях геополитической нестабильности. Предложены направления совершенствования институциональных условий цифрового развития земельных правоотношений.

Ключевые слова: цифровизация, земельные правоотношения, земельные ресурсы, геоинформационные системы, точное земледелие, цифровая трансформация.

Цифровая трансформация земельных правоотношений в Российской Федерации представляет собой не только технологический процесс, но и глубинную перестройку правового регулирования правоотношений по поводу земли. Земельные правоотношения, будучи одной из наиболее консервативных и детально урегулированных сфер права, испытывают сегодня серьезное давление со стороны стремительно развивающихся цифровых технологий, которые зачастую опережают возможности законодателя. Актуальность

исследования правовых аспектов цифровизации земельных правоотношений обусловлена возникновением множественных коллизий между традиционными правовыми институтами и новыми цифровыми реалиями, появлением правовых пробелов и необходимостью обеспечения баланса между эффективностью цифровизации и гарантиями прав субъектов земельных правоотношений.

Земельные правоотношения характеризуются особой публично-правовой значимостью, поскольку земля выступает не только объектом гражданских прав, но и важнейшим природным ресурсом. Проблема заключается в том, что действующее земельное законодательство формировалось преимущественно в «доцифровую эпоху» и содержит множество норм, не приспособленных к реалиям цифровой трансформации. Судебная практика свидетельствует о возникновении многочисленных споров, связанных с недостоверностью сведений ЕГРН, ошибками при осуществлении кадастрового учета и регистрации прав, нарушением прав граждан и юридических лиц вследствие несовершенства цифровых технологий.

Система правового регулирования цифровизации земельных правоотношений в России формируется на стыке нескольких отраслей права – земельного, гражданского, административного и информационного. Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»[1] установил правовые основы функционирования ЕГРН. Однако детальный анализ положений закона выявляет существенные правовые проблемы.

Первая правовая проблема связана с недостаточностью четкого разграничения понятий «недостоверность сведений ЕГРН» и «реестровая ошибка» (статьи 61, 62), что приводит к различному толкованию судами оснований для внесения изменений в реестр.

Вторая правовая проблема связана с презумпцией достоверности

[1] Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29. Ст. 4344.

сведений ЕГРН. Статья 8.1 Гражданского кодекса РФ[2] устанавливает, что права на имущество, подлежащие государственной регистрации, возникают с момента внесения записи в государственный реестр. Часть 6 статьи 8 Федерального закона № 218-ФЗ закрепляет принцип публичной достоверности ЕГРН, согласно которому лицо, полагавшееся на данные ЕГРН, признается добросовестным приобретателем. Однако данная презумпция входит в противоречие с положениями статьи 61 того же закона о возможности исправления реестровых ошибок.

Третья правовая проблема касается оснований государственной регистрации прав при использовании электронного документооборота. Статья 18 Федерального закона № 218-ФЗ предусматривает возможность представления заявления в форме электронных документов, подписанных электронной подписью. Федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ «Об электронной подписи»[3] устанавливает, что электронный документ, подписанный квалифицированной электронной подписью, признается равнозначным документу на бумажном носителе. Однако законодательство не содержит специального регулирования ситуаций компрометации ключа электронной подписи и последствий совершения сделок лицами, несанкционированно получившими доступ к средствам электронной подписи правообладателя.

Кадастровый учет земельных участков представляет собой одну из наиболее проблемных с правовой точки зрения сфер цифровизации. Первая правовая проблема связана с определением границ земельных участков при использовании спутниковых технологий. Приказ Минэкономразвития России от 1 марта 2016 года № 90 установил, что средняя квадратическая погрешность определения координат для земель населенных пунктов составляет 0,10 метра, для земель сельскохозяйственного назначения – от 0,20 до 2,5 метров.

---

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[3] Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

Вторая проблема касается правового режима «реестровых дел». Согласно части 1 статьи 16 Федерального закона № 218-ФЗ, сведения ЕГРН хранятся на бумажном носителе и (или) в электронной форме. Однако закон не определяет, какая форма хранения является приоритетной в случае расхождения данных.

Третья проблема связана с осуществлением кадастровой оценки с использованием автоматизированных систем массовой оценки. Федеральный закон от 3 июля 2016 года № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке»[4] допускает использование автоматизированных систем на основе статистических моделей. Однако использование таких систем порождает массовые нарушения прав собственников. Статистика Росреестра свидетельствует, что по итогам кадастровой оценки 2020-2021 годов было подано более 150 тысяч заявлений об оспаривании результатов, из которых около 60% были удовлетворены.

Цифровизация государственного земельного надзора создала новые возможности для выявления нарушений земельного законодательства, однако породила серьезные правовые проблемы. Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»[5] предусмотрел возможность использования цифровых технологий при осуществлении контрольных мероприятий. Однако применительно к земельному надзору возникает ряд правовых проблем.

Первая проблема связана с использованием данных дистанционного зондирования Земли для выявления нарушений. Росреестр осуществляет регулярный космический мониторинг использования земель сельскохозяйственного назначения. Однако правовой статус актов о выявлении неиспользуемых земель не определен.

Эта правовая неопределенность создает проблемы. Проведение натурных

---

[4] Федеральный закон от 03.07.2016 № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27. Ст. 4170.

[5] Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 5007.

обследований всех земельных участков требует огромных затрат. С другой стороны, привлечение к ответственности исключительно на основании данных ДЗЗ может привести к нарушению прав собственников. Необходимо законодательное закрепление правового статуса данных ДЗЗ, определение требований к их качеству, методам получения и обработки, условий допустимости использования в качестве доказательств.

Вторая проблема касается применения искусственного интеллекта при принятии решений о привлечении к административной ответственности. Разрабатываемые Росреестром автоматизированные системы предполагают использование алгоритмов машинного обучения для классификации нарушений. Однако законодательство не содержит норм о допустимости делегирования таких полномочий искусственному интеллекту.

Цифровизация создала новые возможности для совершения сделок с землями сельскохозяйственного назначения, однако обострила существующие правовые проблемы. Первая проблема связана с реализацией преимущественного права субъекта РФ на покупку земельного участка. Статья 8 Федерального закона от 24 июля 2002 года № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»[6] требует письменного извещения органа власти о намерении продать земельный участок. Однако при совершении сделок в электронной форме возникает проблема надлежащего уведомления. Закон требует письменной формы, но не определяет, является ли направление уведомления по электронной почте надлежащим извещением.

Вторая проблема касается использования цифровых платформ для продажи и аренды земель. В России развиваются различные цифровые платформы для размещения объявлений о продаже земельных участков. Однако правовой статус таких платформ не определен.

Третья проблема связана с правовым режимом данных, получаемых с использованием систем точного земледелия. Такие системы собирают

---

[6] Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3018.

огромные массивы данных о состоянии почв, посевов, урожайности. Эти данные имеют значительную коммерческую ценность. Однако законодательство не определяет правовой режим таких данных.

Выявленные правовые проблемы требуют комплексного реформирования законодательства. Во-первых, необходимо внесение изменений в Федеральный закон № 218-ФЗ для устранения неопределенности электронной регистрации: закрепить механизмы идентификации и уведомления собственников.

Во-вторых, требуется законодательное закрепление правового статуса данных дистанционного зондирования Земли в системе доказательств с презумпцией достоверности при государственном мониторинге.

В-третьих, необходимо специальное правовое регулирование использования искусственного интеллекта в сфере земельных правоотношений. Следует установить принцип транспарентности и объяснимости алгоритмов, а также законодательно закрепить запрет на полностью автоматизированное принятие решений без возможности человеческого вмешательства.

Таким образом, правовое исследование роли цифровизации в развитии земельных правоотношений позволяет сделать вывод о глубоком противоречии между стремительной цифровой трансформацией и существенным отставанием правового регулирования. Цифровизация порождает множественные правовые проблемы, коллизии и пробелы в регулировании, создающие риски нарушения прав субъектов земельных правоотношений и подрывающие правовую определенность. Совершенствование правового регулирования требует комплексного подхода, включающего внесение изменений в земельное, гражданское, административное, процессуальное законодательство. Только системная правовая реформа позволит обеспечить правовую определенность и защиту прав субъектов земельных правоотношений.

Экологическая цена искусственного интеллекта: является ли стремительный рост Large Language Models (LLM) устойчивым с точки зрения энергопотребления?

Анодин Никита Русланович,
студент Казанского государственного энергетического университета, г. Казань

Аннотация: Статья посвящена анализу экологического воздействия стремительного развития больших языковых моделей (LLM), таких как ChatGPT и аналоги. Анализируются ключевые факторы энергозатрат на этапах обучения и эксплуатации моделей. Приводятся сравнительные данные по углеродному следу. В работе детально рассматриваются основные источники потребления энергии на стадиях разработки, обучения и функционирования искусственного интеллекта (ИИ). Делается вывод о необходимости баланса между инновациями в области искусственного интеллекта и целями устойчивого развития.

Ключевые слова: большие языковые модели, LLM, искусственный интеллект, энергопотребление, углеродный след, устойчивое развитие, экология, машинное обучение, центры обработки данных, энергоэффективность.

Современное общество сталкивается с дилеммой: инновации, созданные для решения глобальных вызовов (в частности, климатических), сами генерируют новые проблемы. Большие языковые модели служат наглядной иллюстрацией этого противоречия. С одной стороны, они потенциально могут помочь в моделировании климата, оптимизации энергосетей и разработке новых экологических материалов. С другой – своим энергопотреблением сами угрожают погасить эти потенциальные выгоды[1].

[1] Alesia Zhuk Artificial Intelligence Impact on the Environment: Hidden Ecological Costs and Ethical-Legal Issues // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/artificial-intelligence-impact-on-the-environment-hidden-ecological-costs-and-ethical-legal-issues

Центры обработки данных вносят большой вклад в энергопотребление искусственного интеллекта. Энергия уходит на питание серверов, систем охлаждения и сетевого оборудования. Центры носят энергоёмкий характер, а неправильное использование вычислительных ресурсов ещё больше увеличивает их энергопотребление и воздействие на окружающую среду[2].

Анатомия энергозатрат включает в себя:

1. Фаза обучения (разовый большой выброс). Обучение LLM – это самый энергоемкий этап. Он включает в себя обработку триллионов слов текста (датасеты размером в петабайты) на тысячах специализированных процессоров (GPU/TPU) в течение недель или месяцев. По данным исследования Patterson et al обучение GPT-3 в 2020 году потребовало значительных вычислительных мощностей, эквивалентных 405 графическим процессорам Nvidia Tesla V100, работающим одновременно в течение одного года. По данным Patterson et al, это привело к значительному потреблению энергии, составившему более 1287 МВтч, и предполагаемому валовому выбросу углекислого газа в 552 метрические тонны.

2. Фаза логического вывода. Эксплуатация – это постоянные энергозатраты. Каждый запрос к ChatGPT, Bard или другому чат-боту требует вычислений. Например, стандартный поисковый запрос Google потреблял около 0,3 ватт-часа, в то время как запрос к ChatGPT использует 2,9 ватт-часа — почти в 10 раз больше энергии. При ежедневных миллиардах поисковых запросов это может привести к дополнительному потреблению около 10 ТВт*ч электроэнергии в год. В 2024 году объем строящихся дата-центров в США увеличился на 70% по сравнению с 2023 годом.

Проблема заключается не только в высоком энергопотреблении, но и в зависимости системы от невозобновляемых источников энергии. Такая зависимость ведёт к большим выбросам парниковых газов, которые в свою очередь носят скрытый характер угрозы, так как они задерживают тепловое

[2] См.: Максименко А.В., Архипцев И.Н. Искусственный интеллект: перспективы использования в экологии и энергетике // Энергетическое право: модели и тенденции развития: Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. 2024. С. 142-147. – EDN SAMPKR

излучение, исходящее с поверхности Земли, но при этом пропускают солнечный свет. Отсюда создаётся парниковый эффект, что ведёт к повышению температуры в нижних слоях атмосферы. Данная проблема может привести к глобальному потеплению[3]. Соответственно возникает необходимость к переходу на возобновляемые источники энергии, именно они помогут снизить углеродный след (выбросы углерода в атмосферу) и смягчить воздействие центров обработки данных на окружающую среду.

Также возникает проблема электронных отходов. Аппаратные средства, такие как графические процессоры, интегральные схемы и другие компоненты, имеют относительно небольшой срок службы и уходят в утиль. Утилизация также способствует выбросу опасных веществ при нарушении технологии[4].

Стратегии, направленные на смягчение неблагоприятных последствий на уровне алгоритмов и моделей:

1. разработка моделей с меньшим числом параметров, но сравнимой производительностью;

2. обучение с учителем на выходных данных больших моделей;

3. активация отдельных частей нейронной сети для каждого запроса, что снижает вычислительные затраты;

4. использование низко точных вычислений (8-битных вместо 32-битных) для ускорения и снижения энергопотребления[5].

Стратегии, направленные на смягчение неблагоприятных последствий на уровне инфраструктуры:

1. перевод дата-центров на без углеродную энергию;

2. использование естественного климата в качестве повышение

---

[3] См.: М.Е. Келепова К вопросу об использовании технологий искусственного интеллекта в экологии // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2022. Т. 1. № 4 (39). С. 62-66.

[4] См.: Ивакин В.И. Искусственный интеллект и экологическое право / В.И. Ивакин // Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву: Материалы Третьего Международного транспортно-правового форума, Москва, 10-11 февраля 2021 года. – Москва: Российский университет транспорта, 2021. С. 398-404.

[5] См.: Куценко С.М. Оптимизация производства в энергетической отрасли при использовании искусственного интеллекта // Экономика и предпринимательство. 2024. № 6(167). С. 391-394. – DOI 10.34925/EIP.2024.167.6.081. – EDN PTKRFW.

эффективности охлаждения.

Стратегии, направленные на смягчение неблагоприятных последствий утилизации электронных отходов:

1. создание более долговечных продуктов, призыва пользователей ремонтировать, а не заменять электронику, и стимулирования продажи восстановленного оборудования;

2. улучшение систем сбора и переработки;

3. разработка новых технологий переработки;

4. расширение роли ответственности производителя (EPR). EPR – это политическая стратегия, которая передаёт управление электронными отходами от потребителей и правительств производителям. от потребителей и правительств производителям. Для эффективного применения принципов EPR необходимо их законодательное закрепление, что послужит стимулом для производителей к созданию более чистого экологического продукта.

Исходя из анализа, можно сделать вывод, что развитие больших языковых моделей создало перед обществом дилемму между технологическим прогрессом и экологической устойчивостью. Нынешний вектор развития LLM не может считаться устойчивым в долгосрочной перспективе при сохранении текущих тенденций.

Решением данной проблемы является применение комплексного подхода, включающего в себя применение энергоэффективных алгоритмов и аппаратного обеспечения, переход на возобновляемые источники энергии.

ИИ должен стать экологичным. Вместо того чтобы соревноваться в создании гигантских моделей, индустрии следует сосредоточиться на разработке ИИ-систем, которые будут более эффективными, доступными и экологически безопасными. Только такой подход позволит достичь баланса между развитием цифровых технологий и защитой нашей планеты для грядущих поколений. Решения, принятые индустрией и обществом в ближайшие годы, определят, станет ли ИИ инструментом в борьбе с изменением климата или, наоборот, усугубит проблему.

Новеллы законодательства о переводе земель сельскохозяйственного назначения из одной категории в другую

Байтимиров Эльдар Байнурович,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье анализируются изменения в законодательстве, регулирующем перевод земель сельскохозяйственного назначения в другие категории, вступившие в силу с 1 апреля 2025 года. Автор детально рассматривает ключевые нововведения, включая введение сложной двухэтапной процедуры. Особое внимание уделяется принципу «двух ключей», который теперь требует обязательного согласования как с исполнительной, так и с законодательной властью региона. В результате анализа делается вывод, что новые правила создали значительную правовую неопределенность, которая может быть устранена в процессе деятельного совершенствования законодательства.

Ключевые слова: перевод земель сельскохозяйственного назначения в другую категорию, Земельный кодекс РФ, категории земель, Минсельхоз РФ, органы государственной власти субъекта РФ, правовой режим земель.

В статье 8 Земельного кодекса Российской Федерации[1] определены общие основания перевода земель, включая земли сельскохозяйственного назначения. Перевод земель из одной категории в другую осуществляется в отношении: земель, находящихся в федеральной собственности, - Правительством Российской Федерации; земель, находящихся в собственности субъектов Российской Федерации, и земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в муниципальной собственности, - органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации; земель, находящихся в

[1] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

муниципальной собственности, за исключением земель сельскохозяйственного назначения, - органами местного самоуправления; земель, находящихся в частной собственности: земель сельскохозяйственного назначения - органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации; земель иного целевого назначения - органами местного самоуправления. Основания и процедура перевода земель сельскохозяйственного назначения регулируется Федеральным законом от 21 декабря 2004 года № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую»[2] (далее Закон № 172-ФЗ).

С 1 апреля 2025 года вступил в силу Федеральный закон № 52-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее Закон № 52-ФЗ), призванный реформировать порядок перевода земель сельскохозяйственного назначения в другие категории. Вместе с подзаконными актами — Постановлением Правительства Российской Федерации[3] и разъяснениями Минсельхоза РФ[4] — эти изменения должны были создать прозрачный и работающий механизм. Однако на практике новые правила породили больше вопросов, чем ответов, и сделали процедуру перевода практически невозможной, оставив собственников и инвесторов в состоянии правовой неопределенности.

Основная идея реформы заключалась в усилении контроля за использованием ценных сельскохозяйственных угодий. Законодатель ввел новый механизм, который, по сути, состоит из двух ключевых этапов: исключение участка из границ сельскохозяйственных угодий и собственно перевод категории земли. Только после успешного прохождения первого этапа можно инициировать стандартную процедуру перевода.

---

[2] Федеральный закон от 21.12.2004 № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 52(ч. 1). Ст. 5276.

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 28.11.2025 № 1943 «Положение о порядке установления и изменения границ сельскохозяйственных угодий в составе земель сельскохозяйственного назначения» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 48(ч. 4). Ст. 7385.

[4] Письмо Минсельхоза РФ от 17.10.2025 № АР-15-27/22432 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 15.02.2026).

Новый порядок перевода земель основан на принципе «двух ключей», согласно которому решение принимают совместно исполнительный и законодательный органы государственной власти субъекта Российской Федерации. Однако отсутствие четких регламентов для этих органов создает хаос и затрудняет процесс перевода земель.

Кроме того, изменению подверглись и положения Градостроительного Кодекса Российской Федерации, в который добавлены положения о необходимости согласования градостроительной документации с Минсельхозом при включении в территорию земельных участков сельскохозяйственного назначения, являющихся сельскохозяйственными угодьями[5].

Основной вопрос касается механизма отказа в переводе земель сельскохозяйственного назначения из одной категории в другую. Федеральный закон № 172-ФЗ предусматривает, что акт об отказе может быть принят исполнительным органом власти субъекта Российской Федерации. Однако для этого требуется документально оформленное выраженное «несогласие» от главы региона (высшего должностного лица). При этом ни форма этого документа, ни порядок его принятия на федеральном уровне не установлены. Предполагается, что эти детали должны быть определены самим субъектом Российской Федерации, в том числе для защиты своей позиции в возможных судебных спорах. На практике же регионы редко создают такие регламенты, что порождает правовой вакуум.

Дополнительные сложности возникают, если законодательный (представительный) орган субъекта Российской Федерации голосует против принятия закона о переводе земель. В действующих нормативных актах нет прямого ответа на вопрос, как поступать в этом случае. Если закон не принят, то и акт об отказе формально не может быть издан, поскольку отсутствует

---

[5] См.: Атаманов С.С., Григорьев С.А. Усложнен порядок изъятия и перевода земель сельскохозяйственного назначения. [Электронный ресурс] / https://кадастр.москва/news/1311 (дата обращения 10.03.2026).

предмет для такого решения.

Субъектам Российской Федерации необходимо осуществить законодательное регулирование вопросов, которые, на наш взгляд, находятся в «серой» зоне – фонды перераспределения земель и определение особо ценных земель субъекта Российской Федерации. Отсутствие четких региональных законов, определяющих их статус и порядок использования, создает неопределенность при рассмотрении вопросов об их переводе в другую категорию. Если субъект не имеет ясного понимания, как управлять этими активами, процесс принятия решений становится еще более сложным и рискованным.

С 1 января 2027 года процедура изъятия и перевода земель сельскохозяйственного назначения в другие категории значительно ужесточается.

Сокращается число случаев, когда перевод сельскохозяйственных угодий в другую категорию будет возможен. Теперь это допускается лишь в исключительных ситуациях, например, при «непригодности использования земель для сельскохозяйственного производства». На практике это означает необходимость проведения целого комплекса дорогостоящих и длительных экспертиз. Сбор такого пакета документов требует колоссальных временных и финансовых затрат. Более того, даже при наличии всех заключений, Минсельхоз РФ может отказать в переводе[6]. Ведомство может аргументировать отказ тем, что современные технологии мелиорации или рекультивации теоретически позволяют восстановить землю. Фактически, заявителю предстоит доказать отрицательный факт: что земля никогда и ни при каких условиях не сможет быть использована для сельского хозяйства.

Помимо действующего запрета на «перевод особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий» (п. 4 ст. 79 Земельного кодекса Российской Федерации), в Законе № 52-ФЗ не допускается перевод в целях добычи

[6] Письмо Минсельхоза РФ от 17.10.2025 № АР-15-27/22432 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 15.03.2026).

общераспространенных полезных ископаемых, за исключением строго ограниченных случаев. Следовательно, их перевод практически исключен.

Необходимо и отметить наличие проблем при осуществлении земельного контроля. Особенности осуществления муниципального земельного контроля определяются ст. 72 Земельного кодекса РФ и соответствующими нормативными правовыми актами. В случае выявления нарушений обязательных требований к использованию и охране земель в ходе контрольного мероприятия, составляется протокол. Однако Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации[7] на данный момент не предусматривает наделение должностных лиц органов местного самоуправления, осуществляющих муниципальный земельный контроль, полномочиями по составлению таких протоколов.

В заключение хочется сказать о том, что реформа направлена на защиту сельскохозяйственных земель и предотвращение их нецелевого использования, однако текущая правовая неопределённость и сложность процедур создают значительные препятствия для собственников и инвесторов, а также требуют доработки нормативной базы и повышения эффективности взаимодействия федеральных и региональных органов власти.

[7] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. // Собрание законодательства РФ. 2002. №1. Ст. 1.

Религиозный фактор как барьер в реализации стратегии сохранения биоразнообразия

Горелова Полина Ильинична,
студент Ивановского филиала Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы, г. Иваново

Аннотация: В работе рассматривается конфликтная ситуация между правовыми нормами, провозглашающими свободу вероисповедания, свободу совершения религиозных обрядов, и целями государственной экологической политики, направленными на охрану природы, защиту животного мира и поддержание биоразнообразия. Исследуется отношение к животным в различных религиях. Продемонстрировано, что преступления, связанные с жестоким обращением с животными, могут оправдываться правом на религиозные обряды. Обосновывается, что религиозный фактор и трудности в порядке привлечения к ответственности за жестокое обращение с животными при совершении обрядов препятствует природоохранному законодательству. Предложены меры по урегулированию данной коллизии.

Ключевые слова: религиозный фактор, экологическая политика, биоразнообразие, жестокое обращение с животными, традиционные обряды, противоречия в законодательстве.

Российская Федерация является многонациональным государством, где гарантируются свобода вероисповедания и особые права для коренных малочисленных народов. Однако эти права зачастую конфликтуют с государственной экологической политикой. Религиозные и традиционные обряды, включающие умерщвление животных, противоречат принципам гуманности, закрепленным в природоохранном законодательстве.

Федеральный закон № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными»[1], с одной стороны, декларирует принципы гуманности, а ст. 245

[1] Федеральный закон от 27.12.2018 года № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с

УК РФ[2] устанавливает ответственность за жестокое обращение. С другой стороны, животные по-прежнему остаются в категории имущества или ресурса, а динамика преступлений по ст. 245 УК РФ, особенно по второй её части, имеет устойчивую тенденцию к росту[3].

Анализ религиозных традиций, представленных в России, показывает, что каждая из них содержит предписания, которые в определенных условиях могут вступать в конфликт с природоохранными задачами.

Христианская традиция, и в особенности православие, формирует двойственное отношение к животным. С одной стороны, Библия предписывает милосердие к животным: «Праведный печется и о жизни скота своего, сердце же нечестивых жестоко»[4]. В Ветхом Завете закреплены нормы, защищающие животных от жестокости[5], а Экклезиаст и вовсе уравнивает участь человека и животного[6].

Однако эта высокая этика сталкивается с провозглашением могущества человека над природой[7]. Таким образом, на примере христианства видно, что внутри одной конфессии сосуществуют два противоположных вектора, которые порождают избирательность в восприятии природы, что создает дополнительные сложности для универсального применения природоохранного законодательства.

Исламское вероучение уделяет большое внимание гуманному обращению

животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 31.07.2025) // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43912 (дата обращения: 08.03.2026).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891 (дата обращения: 08.03.2026).

[3] См.: Горелова П.И. Анализ жестокого обращения с животными в России // Международная студенческая олимпиада по статистике: сборник научных трудов: в 5 ч.- Москва: ФГБОУ «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2025.Ч. 2. С. 216.

[4] Библия онлайн. Притч. 12:10. Синодальный перевод. URL: https://azbyka.ru/biblia/?ru (дата обращения: 08.03.2026).

[5] Библия онлайн. Синодальный перевод. Исх. 23:19.

[6] Екклезиа́ста, Глава 3. Ветхий Завет. Синодальный перевод. URL: https://azbyka.ru/biblia/?Eccl.3&r (дата обращения: 08.03.2026).

[7] Библия онлайн. Синодальный перевод. Быт. 1:28.

с животными. Коран провозглашает, что животные — «подобные вам»[8]. Согласно исламу, животные имеют душу и поклоняются Аллаху[9], а забота об их благополучии — религиозная обязанность мусульманина. Шариат требует быстрого и наименее болезненного забоя, запрещает жестокие эксперименты и убийство ради забавы[10]. Однако центральный обряд жертвоприношения и запрет на предварительное оглушение создают конфликт со светскими нормами гуманности, что мешает выработке единых стандартов обращения с животными.

Иудаизм содержит детальные предписания об обращении с животными, также отличающиеся двойственностью. С одной стороны, иудаизм требует давать отдых скоту в субботу[11], запрещает заграждать рот волу во время молотьбы[12] и устанавливает запрет на причинение страданий живым существам. С другой – разрешает убийство животных для нужд человека и предписывает ритуальный забой. Наиболее противоречивым является обряд «капарот»[13] с кручением живой курицы и последующим её закланием.

Показателен случай в г. Перми в 2015 году, когда зоозащитники попытались оспорить обряд «капарот», но правоохранительные органы отказали в возбуждении дела, сославшись на статью 28 Конституции о свободе вероисповедания[14]. Это создает опасный прецедент: конституционная норма блокирует применение природоохранного законодательства, фактически создавая неподконтрольную зону для действий, противоречащих

---

[8] Священный Коран. Quranonline.URL: https://quranonline.ru/6:38 (дата обращения: 08.03.2026). Сура 6 «Скот», аят 38.

[9] Священный Коран. Сура 24 «Свет», аят 41.

[10] Бибалаева Л.Н. К вопросу об отношении человека к животным в мировых религиях: буддизме, христианстве, исламе // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н. Э. Баумана. 2010. Т.3. С. 261.

[11]Исход, Глава 23. Ветхий Завет. Синодальный перевод. URL: https://azbyka.ru/biblia/?Ex.23&r (дата обращения: 08.03.2026). Исх. 23:12.

[12] Библия онлайн. Синодальный перевод. Втор. 25:4.

[13]Капарот — обряд искупления. Toldot.com — «Иудаизм и евреи». URL: https://toldot.com/kaparot.html (дата обращения: 08.03.2026).

[14] Пермская полиция отказалась расследовать хасидские жертвоприношения. Викиновости. URL:https://ru.wikinews.org/wiki/Пермская_полиция_отказалась_расследовать_хасидские_жертвоприношения (дата обращения: 08.03.2026).

стратегическим документам в сфере экологии.

Буддизм занимает наиболее последовательную позицию в защите живых существ. В основе — вера в перерождение: животным можно стать в наказание за грехи[15], что заставляет человека помнить о единстве всего живого. Главная заповедь — ахимса, непричинение вреда любому существу[16]. Исторически буддизм стимулировал первые законы о защите животных: император Ашока в III веке до н. э. предписал доброе отношение к ним, запретил охоту и открыл больницы для зверей. Однако абсолютный принцип ненасилия вступает в конфликт с экономическими интересами и традиционным укладом народов России (животноводство, охота, рыболовство). Таким образом, внутри одного правового поля сталкиваются принцип ахимсы и право на традиционное природопользование, что требует от государства поиска баланса.

Шаманизм и родовые культы коренных народов рассматривают животных как духов-помощников, но их неотъемлемая часть - жертвоприношения и использование частей тела животных в ритуалах[17]. Широкий общественный резонанс получил случай в г. Ангарске, где группа шаманов провела обряд с сожжением верблюдов[18]. Событие показало правовую коллизию: факт гибели животных есть, но защита ссылается на свободу вероисповедания и традиционный уклад. Таким образом, в России сложилась практика исключений для верующих: попытки применить ст. 245 УК РФ о жестоком обращении с животными блокируются ссылками на право на традиционный образ жизни и ст. 28 Конституции. В результате даже громкие дела остаются без оценки, что подрывает авторитет закона и делает недостижимыми цели сохранения биоразнообразия, особенно когда в обрядах страдают редкие виды.

---

[15]Бибалаева Л.Н. Указ. соч. С. 258;

[16] Там же. С. 253.

[17] Костырко В.С. Скот злых духов и жертвоприношения в шаманских обрядах // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2007. № 7. С. 167;

[18] Пять верблюдов сожгли в г. Ангарске: мистический обряд проверит прокуратура. Комсомольская правда. URL: https://www.irk.kp.ru/daily/26945/3997076/ (дата обращения: 08.03.2026).

Выявленная коллизия создает реальные барьеры для реализации природоохранной политики: при разработке региональных программ власти вынуждены учитывать религиозный фактор и права коренных народов, а ссылка на свободу совести и традиционный уклад становится практически непреодолимым препятствием для уголовного преследования по ст. 245 УК РФ. В итоге фундаментальные права человека превращаются в инструмент торможения госполитики: защита прав религиозных групп и меньшинств вступает в прямое противоречие с общественными интересами сохранения биоразнообразия и благоприятной окружающей среды.

В данной связи полагаем, что религиоведческая и этнологическая экспертиза должна стать обязательным элементом принятия решений в сфере природопользования, затрагивающих интересы религиозных и этнических групп. Кроме того, правоохранительным органам следует пересмотреть практику применения ст. 245 УК РФ и привлекать к ответственности за демонстративно жестокие ритуалы с животными.

Земельные права коренных малочисленных народов России: современное состояние и перспективы развития

Дикалов Александр Сергеевич,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье проводится анализ правовых основ земельных прав коренных малочисленных народов России. Выявляются ключевые системные проблемы законодательного регулирования: внутренние коллизии, ограниченный характер права пользования землей и неопределенность ключевых понятий. В заключении обосновывается необходимость системной реформы для обеспечения реальной, а не декларативной защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных народов.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, земельные права малочисленных народов, территории традиционного природопользования, традиционный образ жизни, судебная практика, законодательные коллизии.

Актуальность изучения правового статуса земли у коренных народов России обусловлена их уникальным положением и неразрывной связью с исконной средой. Для таких этносов, как ненцы, эвенки, саамы, земля и ее ресурсы – это не только источник существования, но и краеугольный камень самобытности, традиционного уклада и духовности[1]. По данным переписи 2020 года, около 260 тысяч представителей 47 коренных народов проживают преимущественно на территориях их традиционного расселения, составляющих 28 регионов РФ[2].

Современные вызовы угрожают их правам, в первую очередь из-за столкновения необходимости сохранения привычного образа жизни с

[1] См.: Андриченко Л.В. Правовое регулирование защиты исконной среды обитания коренных малочисленных народов в Российской Федерации // Государство и право. 2023. № 4. С. 45–53.
[2] Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года: в 11 т. Т. 5: Национальный состав и владение языками. — Москва: Росстат, 2023. С. 674.

индустриальным освоением Арктики, Сибири и Дальнего Востока. Добыча полезных ископаемых и развитие инфраструктуры затрагивают земли, критически важные для коренных жителей, что наносит урон их исконной среде и нарушает права. Действующее законодательство, декларируя гарантии, на практике изобилует пробелами и противоречиями, а правовая защита оказывается неэффективной.

Базисом правовой защиты выступает Конституция РФ. Статья 69 гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с международными нормами, а пункт «м» части 1 статьи 72 относит защиту их исконной среды обитания к совместному ведению федерации и ее регионов[3].

Специальное законодательство конкретизирует конституционные нормы. Ключевым является Федеральный закон от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», статья 8 которого закрепляет право этих народов и их общин на безвозмездное пользование землями в местах традиционной деятельности для природопользования[4].

Далее, закон «О территориях традиционного природопользования…» (№ 49-ФЗ) вводит понятие таких территорий как особо охраняемых, призванных защищать земли, используемые для традиционного образа жизни[5].

Однако, как отмечает Е.В. Жукова, практическая реализация закона столкнулась с проблемами, связанными с отсутствием работающего механизма создания федеральных территорий традиционного природопользования и неопределенностью их статуса[6]. За более чем 20 лет действия закона не было

---

[3] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. 2020. 4 июля. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.03.2026).

[4] Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

[5] Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 20. Ст. 1972.

[6] Жукова Е.В. Право коренных малочисленных народов России на традиционное природопользование в системе их экологических прав: дисс. ... канд. юрид. наук / Е.В.

создано ни одной такой территории федерального значения, что свидетельствует о его декларативности.

Основная коллизия заключается в противоречии между ФЗ № 49-ФЗ и Земельным кодексом РФ[7]. Первый допускает создание территорий традиционного природопользования различными уровнями власти, тогда как второй относит их к землям федерального значения, исключая из компетенции региональных и местных органов.

Законодатель, гарантируя право на землю, ограничивает его безвозмездным срочным пользованием – наименее защищенным вещным правом. Это право не обеспечивает долгосрочных гарантий, так как может быть прекращено досрочно, например, для государственных нужд.

На федеральном уровне отсутствуют юридически точные определения понятий «лица, ведущие традиционный образ жизни» и «традиционная хозяйственная деятельность», что создает пространство для произвольного толкования и ограничивает доступ к специальным правам.

Классический пример – дело саама А.Ф. Данилова[8], которому было отказано в праве охоты по правилам коренных народов, так как он не проживал постоянно в местах традиционного расселения и охота не являлась основным занятием. Конституционный Суд разъяснил, что традиционный образ жизни может быть эпизодическим и не обязательно основным источником дохода[9], однако эта позиция не меняет практику нижестоящих судов.

Системная проблема – отсутствие эффективного механизма возмещения ущерба – продемонстрирована в деле общины долган «Амяксин»[10]. Несмотря

Жукова — Москва, 2019. С. 101–105.

[7] Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

[8] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 05.07.2021 № 32-П // Собрание законодательства РФ. 2021. № 28. Ст. 5569.

[9] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.02.2022 г. № 423-О // Официальный интернет-портал правовой информации. 2022. 24 февр. // URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.03.2026).

[10] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.02.2022 № 423-О // Официальный интернет-портал правовой информации. 2022. 24 февр. // URL:

на добросовестное оформление аренды, выяснилось, что часть участка относится к землям лесного фонда. Суды, включая Верховный Суд РФ, возложили на общину невыполнимую обязанность по проверке противоречий между реестрами, признали договор ничтожным и лишили прав на землю.

Анализ показывает, что система правового регулирования земельных прав коренных народов противоречива и носит декларативный характер. Провозглашенные гарантии блокируются внутренними законодательными коллизиями, ограничением объемов прав, нормативной неопределенностью и формалистским подходом в судебной практике.

Для преодоления этого кризиса необходима системная реформа: устранение законодательных противоречий, закрепление презумпции прав коренных народов на их земли, разработка четких критериев для реализации специальных прав и формирование судебной практики, основанной на конституционно-ценностном толковании.

Лишь комплексный подход позволит трансформировать земельные права из декларации в действенный инструмент сохранения уникальных культур и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов России.

---

http://pravo.gov.ru (дата обращения: 22.03.2026).

Оборот углеродных единиц как способ решения экологических проблем

Имангулов Аслан Кайратович,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Мастеров Владислав Сергеевич,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Мировое сообщество, стремясь преодолеть глобальные экологические проблемы, разрабатывает различные механизмы, способствующие устранению причин возникновения данных проблем. Одним из таких механизмов являются углеродные единицы. В рассмотренном исследовании описываются механизм образования и обращения углеродных единиц. Кроме того, исследуется правовая природа углеродных единиц как объекта гражданских права. Выявлены особенности единиц выполнения квоты как разновидности углеродных единиц. Особое внимание уделяется состоянию добровольного и регулируемого рынков углеродных единиц в Российской Федерации.

Ключевые слова: углеродные единицы, реестр углеродных единиц, единицы выполнения квоты, Сахалинский климатический эксперимент, рынок углеродных единиц, плата за выбросы.

В настоящее время на планете Земля существуют множество экологических проблем, одной из которых является глобальное потепление климата. Современная наука находит все больше подтверждений тому, что причиной усугубления данной проблемы является хозяйственная деятельность человека, которая связана с выбросом парниковых газов. Ввиду этого государства предпринимают разнообразные меры, направленные на ограничение выбросов газов в атмосферу, к числу которых относятся и такой «экологический инструмент» как углеродные единицы.

В соответствии с действующим российским законодательством, а именно с Федеральным законом от 2 июля 2021 года № 296-ФЗ «Об ограничении

выбросов парниковых газов»[1] (далее - Закон № 296-ФЗ) углеродные единицы представляют собой верифицированный результат реализации климатического проекта, выраженный в массе парниковых газов, эквивалентной 1 тонне углекислого газа (п. 9 ст. 2). При этом, под климатическим проектом понимается комплекс мероприятий, обеспечивающих сокращение (предотвращение) выбросов парниковых газов или увеличение поглощения парниковых газов. Следовательно, углеродные единицы могут возникать только в том случае, когда экономический субъект будет стремиться к снижению негативного влияния выделяемых в процессе его деятельности парниковых газов на окружающую среду.

Для более полного понимания правовой природы углеродных единиц представляется целесообразным подробно ознакомиться с самим механизмом образования и обращения углеродных единиц. Одним из главных участников отношений, возникающих в связи с функционированием рассматриваемого механизма, является исполнитель проекта. На указанного субъекта возлагается обязанность по итогу «воплощения проекта в жизнь» предоставить отчет о реализации такого климатического проекта, в котором должны быть отражены сведения о количестве сокращаемых выбросов. После чего рассматриваемый отчёт подлежит проверке, поименованной в Законе № 296-ФЗ как верификация. По результатам верификации органом по верификации подготавливается отчет о верификации, включающий в себя заключение о верификации.

Следующий этап в механизме образования углеродных единиц состоит в направлении исполнителем климатического проекта вышеупомянутых отчётов оператору. Именно данным участником осуществляется внесение сведений о климатическом проекте и о верификации результатов реализации климатического проекта в реестр углеродных единиц, что фактически является моментом «возникновения» углеродных единиц. Данные углеродные единицы подлежат зачислению на счет исполнителя этого климатического проекта в реестре углеродных единиц.

---

[1] Федеральный закон от 02.07. 2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» // Собрание законодательства РФ.2021. № 27 (часть I). ст. 5124.

Согласно ст. 11 Закона № 296-ФЗ допускается обращение рассматриваемых единиц, т. е. законодателем предусматривается возможность осуществления с ними различного рода операций. Следовательно, углеродные единицы могут выступать в качестве своеобразного объекта гражданского оборота, с которым возможно совершение сделок. Кроме того, закрепляется правомочие владельца углеродных единиц принять решение о зачете углеродных единиц. Такое решение может быть направлено на уменьшение углеродного следа. Таким образом, правовую природу углеродных единиц следует рассматривать через призму двух её сторон. С одной стороны, рассматриваемые единицы могут свободно отчуждаться между участниками гражданских правоотношений, тем самым обладая коммерческой ценностью. С другой стороны, в силу того, что углеродные единицы образуются только в результате мероприятий, направленных на снижение негативного воздействия парниковых газов на окружающую среду, они выполняют определённую природоохранную функцию.

В связи с тем, что Закон № 296-ФЗ устанавливает правило, согласно которому допускается обращение углеродных единиц, возникает проблема квалификации подобных единиц как объекта гражданских прав. По своей сущности углеродные единицы являются специфической категорией имущественных прав, которая на данный момент не поименована в ст. 128 ГК РФ[2] в качестве самостоятельного объекта гражданских прав. В этой связи представляется правильным согласиться с мнением Л.А. Новоселовой, которая справедливо подчёркивает, что «с учетом нематериального характера объекта и необходимости его обращения для устранения рисков ненадлежащего определения его владельца Закон устанавливает режим его учета, во многом сходный с режимом учета бездокументарных ценных бумаг (ведение реестра, определение уполномоченного лица, которое его ведет, установление правила о том, что права переходят и прекращаются при внесении соответствующих

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

записей в реестре)»[3].

Помимо этого, стоит отметить, что в российской правовой системе существует и иной вид углеродных единиц, закрепленный в Федеральном законе от 6 марта 2022 года № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации»[4] (далее – Закон № 34-ФЗ) в качестве единиц выполнения квоты. Согласно ст. 2 Закона № 34-ФЗ такие единицы представляют собой верифицированный результат выполнения установленной квоты, выраженный в разнице между установленной квотой и фактической массой выбросов парниковых газов, эквивалентной одной тонне углекислого газа. Следовательно, единица выполнения квоты есть углеродная единица, но предоставляется она в том случае, если регулируемая организация не превысит квоту выбросов парниковых газов, установленную уполномоченным органом. В случае превышения квоты выбросов организация обязана осуществить плату в размере 1 тыс. рублей за 1 тону диоксида углерода.

В целом, исходя из анализа Закона № 34-ФЗ и Закона № 296-ФЗ, можно заключить, что обозначенные два вида углеродных единиц во многом схожи по своей правовой природе в части функционирования механизма их образования и обращения. Однако их главным различием является то, что «углеродные единицы присваиваются субъектам за выполнение климатических проектов, а квоты на выбросы – по решению ответственного исполнительного органа»[5].

Свойство оборотоспособности углеродных единиц и единиц выполнения квот обусловило функционирование двух видов рынков данных единиц: добровольного рынка углеродных единиц и регулируемого рынка углеродных единиц.

Добровольный рынок в Российской Федерации начал действовать по

---

[3] Новоселова Л.А., Медведева Т.Н. Углеродные единицы как объекты гражданских прав // Власть закона. 2023. № 1 (53). С. 101.

[4] Федеральный закон от 06.03.2022 № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 10. Ст. 1391.

[5] Аристов В.В., Медведева Т.М. Углеродные единицы: отечественное регулирование. Часть первая // Хозяйство и право. 2024. № 5. С. 35.

итогу введения в действие Закона № 296-ФЗ. По состоянию на 22 марта 2026 года число планируемых к выпуску углеродных единиц составляет 102 млн., запущенных в обращение – 36,5 млн., зачтённых – 165 тысяч[6]. Несмотря на такое обозначенное предложение в десятки миллионов единиц, реальный спрос и экономическая активность на рынке остаются на минимальном уровне. Так, по результатам исследования, проведённого экспертами Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, было установлено, что при наличии 36,5 млн. углеродных единиц в обращении и еще 101 млн., готовящихся к выпуску, совокупный объем сделок с 2022 года составил лишь около 2,5 млн. рублей, а использовано было не более 165 тыс. единиц[7]. При этом среднерыночная цена углеродной единицы составляет примерно 800 рублей, что, по оценкам компаний, зачастую не покрывает фактических затрат на реализацию климатических проектов[8]. Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что на современном этапе добровольный рынок углеродных единиц недостаточно привлекателен для представителей бизнеса внутреннего рынка. Между тем, со временем, посредством увеличения реализации количества климатических проектов, а также вовлечения в международную торговлю углеродными единицами, соотношение спроса и предложения на внутреннем рынке России должно стабилизироваться.

Становление же регулируемого рынка углеродных единиц связано с проведением «Сахалинского климатического эксперимента». Стоит отметить, что в сравнении с добровольным рынком углеродных единиц, торговля единицами выполнения квот стала развиваться чуть позже. Так, на Национальной товарной бирже первый аукцион по продажам единиц выполнения квот состоялся 30 июня 2025 года. По итогам торгов, между

---

[6] Информационная система «Реестр углеродных единиц»: офиц. сайт // URL: https://carbonreg.ru/ru/ (дата обращения: 22.03.2026).

[7] Эксперты Института Гайдара выявили дисбаланс на рынке углеродных единиц // URL: https://www.iep.ru/ru/novosti/eksperty-instituta-gaydara-vyyavili-disbalans-na-rynke-uglerodnykh-edinits.html (дата обращения: 22.03.2026).

[8] Исследование: Российские углеродные единицы не интересны на внутреннем рынке // URL: https://rg.ru/2026/03/11/issledovanie-rossijskie-uglerodnye-edinicy-ne-interesny-na-vnutrennem-rynke.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 22.03.2026).

компаниями – участниками Сахалинского эксперимента был заключен договор купли-продажи объемом 1000 единиц по цене 200 рублей за одну ЕВК (без учета НДС)[9]. Продажа ЕВК по такой низкой цене не позволит организациям компенсировать затраты на модернизацию производства, в связи с чем им будет выгоднее заплатить установленный «штраф» за превышение выбросов парниковых газов. Возможное решение указанной проблемы видится в кратном повышении платы за превышение квоты. Предлагаемое ужесточение повлияет, с одной стороны, на организации внедрять новые природоохранные технологии, а с другой стороны – на развитие рынков углеродных единиц и ЕВК, так как в случае превышения квоты экономическому субъекту будет выгоднее приобрести углеродную единицу или ЕВК, чем вносить «штраф», если он будет обходиться, например, в 10 тыс. рублей за одну тону диоксида углерода.

Проведённое исследование позволяет сделать некоторые выводы. С одной стороны, углеродные единицы являются дополнительным способом заработка для субъектов хозяйственной деятельности. При этом, образование таких единиц напрямую связано с реализацией экономическим субъектом мероприятий по сокращению выбросов парниковых газов, «экологической» модернизации производства, что, в свою очередь безусловно, положительно отражается на состоянии окружающей среды. С другой стороны, национальная система рынка углеродных единиц создана не так давно, ввиду чего существуют определенные проблемы в части его функционирования. В частности, в настоящее время представляется целесообразным на регулируемом рынке углеродных единиц увеличить плату за превышение квоты выбросов. Таким образом, проведение грамотных преобразований на рынке углеродных единиц, поспособствует использованию углеродных единиц в качестве достаточно эффективного инструмента для решения экологической проблемы глобального потепления.

---

[9] В России впервые состоялись биржевые торги единицами выполнения квот Сахалинского климатического эксперимента. URL: https://carbonreg.ru/ru/news/v-rossii-vpervye-sostoyalistorgi (дата обращения: 22.03.2026 г.)

Международно-правовая охрана китообразных

Комлева Полина Сергеевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Никитина Екатерина Игоревна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье анализируется эволюция международно-правового регулирования охраны китообразных, начиная с первых многосторонних соглашений и заканчивая современными вызовами, связанными с изменением климата, радиоактивным и химическим загрязнением Мирового океана. Обосновывается необходимость перехода от традиционной модели управления китобойным промыслом к комплексной системе защиты китообразных. Рассматриваются перспективы внедрения регулируемого туризма, принципа «загрязнитель платит» и признания правового статуса китообразных в качестве «нечеловеческих личностей». Делается вывод о необходимости разработки новых финансовых и правовых инструментов, учитывающих системный характер антропогенных угроз.

Ключевые слова: китообразные, международное экологическое право, Международная китобойная комиссия, Боннская конвенция, изменение климата, морской туризм.

Проблема сохранения китообразных в современном международном праве вышла далеко за рамки традиционного регулирования китобойного промысла. Эти морские млекопитающие признаны не только индикаторами здоровья океана, но и важнейшим элементом глобальной климатической системы. Уникальная способность китов влиять на циркуляцию углекислого газа, поддерживать продуктивность фитопланктона и переносить питательные вещества на большие расстояния превращает их в «природное решение» проблемы изменения климата[1]. Вместе с тем, несмотря на внушительный

[1] См, например: Чами Р., Озтосун С., Косимано Т., Фулленкамп К. Природное решение

массив международных договоров, численность многих видов продолжает сокращаться под воздействием новых антропогенных факторов: радиоактивного загрязнения, шумового воздействия, запутывания в орудиях лова и изменения климатических условий. Цель настоящего исследования – обосновать необходимость перехода от узкоотраслевого регулирования промысла к комплексной системе защиты китообразных, интегрирующей правовые, финансовые и экологические инструменты.

Китообразные выполняют функцию «инженеров морских экосистем». Их фекалии и моча обогащают поверхностные слои океана железом и азотом, стимулируя рост фитопланктона, который поглощает до 37 миллиардов тонн углекислого газа ежегодно и вырабатывает более 50% кислорода планеты[2]. Один кит по способности к секвестрации углерода сопоставим с тысячей деревьев, а так называемые «китовые падалища» обеспечивают долгосрочное захоронение углерода в глубоководных экосистемах.

Антропогенное воздействие на популяции китообразных приобрело системный характер. Если исторически основной угрозой был нерегулируемый коммерческий промысел, то сегодня ключевыми факторами сокращения численности выступают:

– столкновения с судами и запутывание в рыболовных снастях, что, к слову, является основной причиной гибели северного гладкого кита (Eubalaena glacialis), популяция которого составляет менее 400 особей[3];

– химическое и радиоактивное загрязнение: после аварии на АЭС «Фукусима-1» в тканях китообразных, выловленных у берегов Хоккайдо, фиксировались повышенные уровни цезия-137 (до 31 беккереля на кг.), что подтверждает биоаккумуляцию радионуклидов в пищевых цепях[4]. Период

проблемы изменения климата // Финансы и развитие. 2019. № 12. С. 34–38.

[2] Roman J., Esters J.A., Morissette J. et al. Whales as Marine Ecosystem Engineers // Frontiers in Ecology and the Environment. URL: https://www.academia.edu/28097076/Whales_as_marine (дата обращения: 19.02.2026).

[3] См.: Лебедева Ю.В., Сазонова А.В. Правовые аспекты защиты китов и радиоактивное загрязнение Мирового океана // Legal Concept. 2024. Т. 23, № 4. С. 59–66.

[4] Inventory of radioactive waste disposals at sea. International Atomic Energy Agency. 1999. URL:

полураспада цезия-137 составляет 32 года, что создает долгосрочную угрозу для популяций;

– судоходство, сейсморазведка и военные сонары нарушают коммуникацию, навигацию и кормовое поведение китообразных, приводя к хроническому стрессу;

– смещение кормовой базы и изменение температурного режима океана, усугубляемые рекордными выбросами CO_2 (37,4 млрд тонн в 2023 г.), преимущественно приходящимися на Китай, США и ЕС – государства, в акваториях которых проходят миграционные пути и кормовые зоны китов[5].

Международно-правовая защита китообразных прошла несколько этапов. Первым многосторонним актом стала Женевская конвенция 1931 г., заложившая принцип ограничения промысла. Ключевым документом остается Международная конвенция по регулированию китобойного промысла 1946 г. (ICRW), учредившая Международную китобойную комиссию (МКК). Конвенция закрепила полномочия МКК по установлению квот, охраняемых видов, закрытию сезонов и районов промысла, а также разрешила государствам выдавать специальные разрешения на «научный» промысел (ст. VIII), что впоследствии стало источником правовых коллизий[6].

Важным этапом стало принятие в 1982 г. моратория на коммерческий китобойный промысел (вступил в силу в сезон 1985–1986 гг.), который, однако, не остановил добычу китов в научных целях (Япония) и в рамках аборигенного промысла (Россия, Гренландия). Параллельно развивался экосистемный подход, закрепленный в Конвенции по сохранению мигрирующих видов диких животных 1979 г. (Боннская конвенция). Под эгидой Боннской конвенции были

---

https://large.stanford.edu/courses/2017/ph241/jones-a2/docs/iaea-tecdoc-1105.pdf (дата обращения: 21.02.2026).

[5] Данные Международного энергетического агентства (МЭА) за 2023 г. приводятся по: Лебедева Ю.В., Сазонова А.В. Указ. соч. С. 62.

[6] Международная конвенция по регулированию китобойного промысла (ICRW): заключена в г. Вашингтоне 02.12.1946 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1947 года и 31 декабря 1948 года. М.: Литиздат Н.К.И.Д., 1956. С. 494.

заключены специализированные региональные соглашения: ASCOBANS (1992) для малых китообразных Северной Европы и Соглашение по китообразным Черного и Средиземного морей (ACCOBAMS, 1996)[7]. Российская Федерация не является стороной Боннской конвенции, однако участвует в меморандумах о взаимопонимании по сохранению стерха и сайгака.

Установлено, что существующая система международно-правовой охраны китообразных страдает рядом недостатков. Во-первых, регулирование сосредоточено преимущественно на запрете или ограничении промысла, тогда как косвенные угрозы (загрязнение, шум, судоходство) остаются недостаточно урегулированными. Во-вторых, использование ст. VIII ICRW для «научного» промысла фактически создает легальную лазейку, позволяющую осуществлять коммерческую добычу под видом исследовательской деятельности. В-третьих, нельзя не отметить, что принцип «загрязнитель платит», закрепленный в Рио-де-Жанейрской декларации 1992 г., не имеет эффективного механизма реализации в отношении государств, чьи выбросы CO_2 и радиоактивные сбросы наносят ущерб популяциям китообразных за пределами национальной юрисдикции. Наконец, в-четвертых, действующие договоры не рассматривают китообразных как инструмент выполнения обязательств по Парижскому соглашению 2015 г., хотя их защита напрямую способствует снижению концентрации парниковых газов.

В условиях нарастания системных угроз требуется переход к новой модели регулирования, включающей следующие элементы.

В 2017 г. в рамках VI Международного Культурного Форума в г. Санкт-Петербурге была представлена Декларация о правах и свободе дельфинов и китов, основанная на исследованиях Лори Марино о когнитивных способностях китообразных. Декларация провозглашает право китообразных на жизнь, свободу и благополучие, запрет их содержания в неволе и причинения вреда[8].

---

[7] Конвенция по сохранению мигрирующих видов диких животных: заключена в г. Бонне 23.06.1979 // СПС «Гарант». URL: garant.ru (дата обращения: 21.02.2026).

[8] Декларация о правах и свободе дельфинов и китов: (принята в рамках программы VI Международного Культурного Форума в Санкт Петербурге) // Dolphin Embassy:

Хотя данный документ не имеет обязательной юридической силы, он отражает тенденцию к признанию китообразных субъектами, обладающими автономией. Индия, Коста-Рика и Венгрия уже признали китообразных «разумными существами» на национальном уровне. Придание китам статуса «нечеловеческих личностей» в международном праве позволило бы перевести их из категории ресурса в категорию защищаемых биологических субъектов, что изменило бы подход к определению ущерба и компенсационных механизмов.

Для малых островных развивающихся государств (МОРГ) китовый туризм является значимой статьей дохода, составляя до 30% ВВП. Введение целевого туристического налога (экологического сбора) на наблюдение за китами при строгом регулировании его этических стандартов могло бы создать устойчивый источник финансирования программ сохранения популяций. Одновременно необходимо распространить принцип «загрязнитель платит» на государства, чья промышленная деятельность (судоходство, нефтегазовая разведка, радиоактивные сбросы) наносит ущерб китообразным. Средства, аккумулируемые в специальных фондах, должны направляться на восстановление популяций, создание морских охраняемых районов и компенсацию ущерба коренным общинам, вынужденным соблюдать ограничения промысла.

Кроме того, видится целесообразным расширить мандат Международной китобойной комиссии, включив в сферу ее компетенции вопросы защиты китообразных от косвенных антропогенных угроз (шум, загрязнение, столкновения с судами). В конце концов, необходима интеграция целей по сохранению китообразных в национальные определяемые вклады (NDC) в рамках Парижского соглашения, признав их вклад в секвестрацию углерода. Это позволит привлекать климатическое финансирование на проекты по восстановлению популяций китов.

официальный сайт // URL: https://www.dolphinembassy.org/declaration?lang=ru (дата обращения: 22.02.2026).

Российская Федерация, обладая уникальным географическим положением (арктические и дальневосточные кормовые базы китообразных), уже предприняла шаги по усилению их охраны. Федеральный закон от 20 декабря 2004 года № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (в редакции от 30 декабря 2021 года) запрещает промышленное и прибрежное рыболовство в отношении китообразных (п. 7 ст. 26)[9]. Однако для реализации более амбициозной стратегии требуется принятие отдельного правового акта, регламентирующего создание морских охраняемых районов в местах нагула и миграций, ограничение судоходства в критических местообитаниях, а также введение обязательных стандартов наблюдения за китами в туристических целях.

Проведенный анализ свидетельствует, что международно-правовое регулирование охраны китообразных находится на переломном этапе. Традиционная модель, ориентированная исключительно на ограничение промысла, исчерпала себя перед лицом новых антропогенных угроз – от радиоактивного загрязнения до климатических изменений. Сохранение китообразных должно рассматриваться не как изолированная природоохранная задача, а как неотъемлемая часть глобальной климатической повестки и устойчивого развития. Только комплексное применение правовых, финансовых и экологических инструментов способно обеспечить долгосрочное выживание китообразных как ключевого элемента морских экосистем и природного регулятора климата.

[9] Федеральный закон от 20.12.2004 № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 52 (ч. 1). Ст. 5270.

Использование беспилотных авиационных систем в государственном экологическом контроле (надзоре)

Максимов Владислав Андреевич,
студент Саратовской государственной юридической академии Института прокуратуры, г. Саратов

Никитин Илья Эдуардович,
студент Саратовской государственной юридической академии Института прокуратуры, г. Саратов

Аннотация: В статье исследуются актуальные проблемы правового регулирования использования беспилотных авиационных систем при осуществлении государственного экологического контроля (надзора) в Российской Федерации. На основе анализа нормативных правовых актов рассматриваются направления законодательной трансформации контрольно-надзорной деятельности в природоохранной сфере. Особое внимание уделяется изменениям в области охраны объектов животного мира, особо охраняемых природных территорий, обращения с пестицидами и агрохимикатами, а также при инвентаризации объектов размещения отходов. Выявляются правовые проблемы и ограничения применения беспилотных авиационных систем.

Ключевые слова: беспилотные авиационные системы, государственный экологический надзор, цифровизация контроля, дистанционные технологии, природоохранное законодательство, административная реформа.

В доктрине отечественного права отсутствуют унифицированное толкование понятий «контроль» и «надзор». Согласно подходу В.С. Основина, в социально-правовом контексте контроль представляет собой механизм верификации исполнения управленческих решений. Его ключевая задача-предотвращение отклонений от нормативно закрепленных требований, а также минимизация и устранение последствий выявленных нарушений[1]. Специфику экологического контроля раскрыл В.В. Петров: по его мнению, данный

[1] См.: Основин В.С. Основы науки социального управления. Воронеж, 1971. С. 163-164.

институт сводится к деятельности уполномоченных органов по проверке соблюдения требований в сфере охраны окружающей среды[2].

Прежде всего беспилотная авиационная система (далее – БАС). представляет собой Комплекс, включающий одно или несколько беспилотных ВС, оборудованных системами навигации и связи, средствами обмена данными и полезной нагрузкой, а также наземные технические средства передачи-получения данных, используемые для управления полетом и обмена данными о параметрах полета, служебной информацией и информацией о полезной нагрузке такого или таких ВС, и канал связи со службой управления воздушным движением[3].

Цифровая трансформация контрольно-надзорной деятельности является одним из приоритетных направлений административной реформы в Российской Федерации. В сфере охраны окружающей среды и природопользования данная тенденция приобретает особое значение в силу значительных масштабов поднадзорных территорий, труднодоступности многих объектов и необходимости оперативного выявления экологических правонарушений.

Использование БАС открывает принципиально новые возможности для осуществления государственного экологического надзора: от оперативной фиксации несанкционированных свалок до мониторинга состояния объектов животного мира и особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Как отмечается в официальных источниках, применение современных технологий позволяет сделать контроль более прозрачным и менее затратным, повысить оперативность реагирования[4].

Вместе с тем внедрение БАС в деятельность контрольно-надзорных органов сопряжено с необходимостью формирования адекватной правовой

---

[2] См.: Петров В.В. Экологическое право России: учебник. М., 1996. С. 547.

[3] ГОСТ Р 57258-2016. Системы беспилотные авиационные. Термины и определения. М.: Стандартинформ, 2016. С. 2.

[4] Правительство РФ разрешило использование беспилотников и приложения «Инспектор»**:**[о нововведениях в контроле за животным миром и ООПТ] // Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор): официальный сайт // URL: https://rpn.gov.ru/press/news/pravitelstvo_rf_razreshilo_ispolzovanie_bespilotnikov (дата обращения: 22.02.2026).

основы, определяющей порядок применения беспилотников, юридическую силу полученных с их помощью доказательств, гарантии прав подконтрольных субъектов и пределы вмешательства в их деятельность[5]. Интенсивное нормотворчество 2025 года, включая как поправки в базовое законодательство о государственном контроле (надзоре), так и отраслевые подзаконные акты, требует комплексного научного анализа.

Согласно разрабатываемым правилам, для проверки объектов размещения отходов становится обязательной съемка с помощью беспилотников, а также панорамная фотосъемка в формате 360 градусов[6]. Для полигонов твердых коммунальных отходов дополнительно предусматриваются лазерное сканирование, аэрофотосъемка и тепловизионные съемки с воздуха.

Формирование правового института использования БАС в государственном контроле (надзоре) осуществляется по двум основным направлениям: внесение изменений в рамочное законодательство о контрольно-надзорной деятельности и отраслевое регулирование применительно к отдельным видам экологического надзора. Ключевым событием 2025 года стало принятие федерального закона, расширяющего возможности проведения проверок с использованием цифровых технологий. Президентом Российской Федерации подписан закон о внесении изменений в Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», который предусматривает возможность проведения выездных обследований с применением беспилотных воздушных судов[7].

---

[5] Мусорные свалки обнаружат беспилотники**:** [о планах по расширению полномочий Российского экологического оператора] / подготовлено по материалам публикации в «Парламентской газете» // Парламентская газета: сетевое издание // URL: https://www.pnp.ru/social/musornye-svalki-obnaruzhat-bespilotniki.html (дата обращения: 22.02.2026).

[6] Предложено применение дронов при инвентаризации полигонов сделать обязательным // EcoStandard.journal: [сайт] // URL: https://journal.ecostandard.ru/news/predlozheno-dronov (дата обращения: 22.02.2026).

[7] Федеральный закон от 29.12.2025 № 567-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»: // Официальный сайт Президента России // URL: https://www.kremlin.ru/acts/bank/52861 (дата обращения: 22.02.2026).

Важной новеллой является норма о том, что при выявлении нарушений с помощью беспилотников контрольные органы получают право принимать решение о проведении контрольного мероприятия. Законодатель тем самым легитимирует использование БАС не только как вспомогательного средства фиксации, но и как основания для инициирования полноценных проверочных процедур.

На подзаконном уровне Правительством РФ принят ряд постановлений, конкретизирующих применение беспилотников в различных сферах экологического надзора. Постановлением Правительства РФ от 8 сентября 2025 года № 1386 внесены изменения в Положение о федеральном государственном контроле в области охраны, воспроизводства и использования объектов животного мира и среды их обитания, прямо разрешающие использование технических средств, включая беспилотные системы, для фиксации нарушений[8]. Аналогичные изменения постановлением № 1387 внесены в Положение о федеральном государственном контроле (надзоре) в области охраны и использования ООПТ[9].

Актуальность данного направления обусловлена отсутствием достоверных сведений об объемах образования отходов III–V классов опасности, включая строительные, сельскохозяйственные, пищевые отходы, что препятствует надлежащему контролю за их перемещением [10]. Видится целесообразным расширение полномочий Российского экологического оператора (РЭО) по мониторингу состояния полигонов с использованием беспилотников призвано восполнить этот пробел.

---

[8] Постановление Правительства РФ от 08.09.2025 № 1386 «О внесении изменений в постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1094» // Официальный интернет-портал правовой информации // URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202509080023 (дата обращения: 22.02.2026).

[9] Постановление Правительства РФ № 1387 от 08.09.2025 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2021 г. № 1090» // Официальный интернет-портал правовой информации // URL: https://publication.pravo.gov.ru/document (дата обращения: 22.02.2026).

[10] Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (в ред. от 28.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) «Об отходах производства и потребления» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.

На 2026 год правительством РФ поставлена задача проведения не менее 10% контрольно-надзорных мероприятий с применением беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). В развитие данной стратегии Росприроднадзором внедряется комплексная система дистанционного контроля, включающая два основных технологических направления. Во-первых, с 2025 года официальным инструментом ведомства стали данные дистанционного зондирования Земли из космоса. Статистика 2022–2024 годов показывает высокую эффективность спутникового мониторинга: с его помощью выявлено 85% нарушений в сфере недропользования (безлицензионная добыча, не рекультивированные земли, провалы поверхности), при этом 100% таких нарушений впоследствии подтвердились выездными проверками. Во-вторых, для локального обследования территорий Росприроднадзор использует парк современных БПЛА (включая модели «Геоскан 401» с лазерными сканерами)[11]. Дроны применяются для осмотра труднодоступных объектов, фиксации загрязнений почв и водоемов. Для обеспечения кадрами более 150 инспекторов из 27 территориальных органов прошли специализированное обучение по пилотированию и аэрофотосъемке.

Несмотря на значительный прогресс в нормативном закреплении использования БАС в экологическом надзоре, сохраняется ряд правовых проблем, требующих дальнейшего осмысления и законодательного решения. Требует дальнейшего уточнения соотношение полномочий различных ведомств по использованию БАС. Разрозненное регулирование в различных отраслевых положениях создает риски дублирования функций и несогласованности действий.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о формировании в российском законодательстве полноценного правового института использования беспилотных авиационных систем в государственном

[11] В 2025 году контрольные органы в России провели свыше 9 тысяч проверок и профилактических визитов с использованием беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) // Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор): официальный сайт // URL: https://rpn.gov.ru/press/news/v_2025_godu_kontrolnyei (дата обращения: 22.02.2026).

экологическом надзоре. Интенсивное нормотворчество 2025 года заложило основу для применения дистанционных технологий в различных сферах природоохранной деятельности: от надзора за объектами животного мира и особо охраняемыми природными территориями до контроля за обращением с отходами и пестицидами.

Вместе с тем сохраняются проблемы, требующие дальнейшего нормативного урегулирования: унификация процессуального статуса материалов, полученных с помощью БАС, обеспечение баланса между эффективностью надзора и защитой прав подконтрольных субъектов, преодоление ограничений, связанных с режимами использования воздушного пространства. Развитие правового регулирования в данной сфере должно осуществляться комплексно, с учетом как технологических возможностей беспилотных систем, так и необходимости обеспечения законности и обоснованности контрольно-надзорных мероприятий.

К вопросу о правовой охране особо охраняемых природных территорий: современные аспекты

Мартынов Александр Андреевич,
студент Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

Аннотация: В статье проводится анализ правового регулирования охраны особо охраняемых природных территорий в России. Рассматривается дискуссионный вопрос о возможности изменения границ и ликвидации особо охраняемых природных территорий, анализируется законопроект, направленный на внесение изменений в регулирование особо охраняемых природных территорий, указываются его недостатки и пробелы.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, изменение границ особо охраняемых природных территорий, экологическое законодательство, ответственность за нарушение законодательства в сфере особо охраняемых природных территорий, правовая охрана особо охраняемых природных территорий.

Российское государство и общество на данном историческом этапе своего существования в условиях современных внешних и внутренних вызовов переживают значительные изменения практически во всех сферах общественных отношений. От качества и своевременности решения существующих проблем зависит не только возможность достижения поставленных перед Россией целей и задач, но и дальнейшее успешное развитие государства с сохранением национального достояния для будущих поколений. Отдельное место в данном вопросе занимают проблемы, связанные с нормативно-правовым регулированием в экологической сфере, а именно анализ возможной трансформации правового режима особо охраняемых природных территорий в РФ (далее ― ООПТ).

Регулированию правового режима ООПТ посвящен отдельный Федеральный закон от 14 марта 1995 года № 33-ФЗ «Об особо охраняемых

природных территориях» (далее — ФЗ №33)[1].

Одним из наиболее существенных способов защиты ООПТ является запрет на уменьшение их границ и лишение территорий особой охраны. Данный вопрос является достаточно дискуссионным в научной среде. Так, начиная с 2003 года, в Государственную Думу РФ поступали различные проекты федеральных законов, которые были направлены на внесение изменений в ФЗ № 33 в части закрепления права на изменение границ и ликвидацию данных природных территорий. Однако из-за некачественной проработки отдельных формулировок и содержания предлагаемых изменений проекты отклонялись депутатами. Так, А.А. Романов, анализируя законопроект № 4654076[2], который предусматривал внесение изменений в ФЗ № 33 в части разрешения на ликвидацию и изменение границ ООПТ в связи с утратой ими особого природоохранного, научного и иного ценного значения, указывает, что опасность включения подобной нормы в федеральное законодательство может создать условия для активного уничтожения природных комплексов в корыстных целях[3].

Невозможно не согласиться с мнением М.И. Васильевой, которая к необходимым изменениям положений ФЗ № 33 относит экологические требования к образованию, изменению границ, реорганизации и ликвидации особо охраняемых природных территорий[4]. Следует отметить позицию И.С. Андреечева, который в качестве обоснования необходимости изменения границ или ликвидации природных территорий указывает на объективные факторы утраты последними научного, природного, рекреационного и оздоровительного

[1] Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (в ред. от 29.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 12. Ст. 1024.

[2] Законопроект № 465407-6 «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/465407-6 (дата обращения 10.02.2026).

[3] См.: Романов А.А. О необходимости усиления правовой защиты особо охраняемых природных территорий // Вестник УЮИ. 2015. № 4. С. 5.

[4] См., например: Васильева М.И. Особенная часть экологического права как объект кодификации // Экологическое право. 2010. № 6. С. 3–12.

значения вследствие воздействия как природных процессов, так и антропогенной нагрузки на объекты природного мира[5].

Позиции указанных ученых по данному вопросу лишь подтверждают необходимость преобразования положений действующего федерального закона в части изменения границ и ликвидации ООПТ, однако, на наш взгляд, это возможно только при взвешенном, комплексном подходе, а также при детальной проработке формулировок новых понятий и положений закона.

Отметим, что в настоящий момент данная проблема в сфере охраны данных природных территорий не теряет своей актуальности. Так, в декабре 2025 года в Государственную Думу был внесен законопроект № 1096223-8 «О внесении изменений в Федеральный закон от 14 марта 1995 года № 33-ФЗ»[6]. Законопроект в части 2 статьи 35.2 предусматривает следующие основания изменения границ особо охраняемых природных территорий путем исключения из состава такой территории земель, земельных участков, водных объектов, к ним относятся: а) необходимость использования таких земель для нужд обороны страны и безопасности государства; б) необходимость использования таких земель для размещения объектов федерального значения при отсутствии иных вариантов их размещения; в) необратимая полная утрата землями особого природоохранного значения в связи с чрезвычайными ситуациями природного характера; г) иные основания.

Подобным образом сформулированные положения законопроекта вызывают очень серьезные опасения, поскольку вместо устранения пробелов в законодательстве и установления сбалансированного правового регулирования, приведенные нововведения лишь создают неопределенность и возможность злоупотребления правом для недобросовестных граждан, использующих существующий изъян в законе в своих целях. Отдельным вопросом следует

---

[5] См.: Андреечев И.С. Изменение границ, преобразование и ликвидация особо охраняемых природных территорий: проблемы правового регулирования и правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 3.

[6] Законопроект № 1096223-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // https://sozd.duma.gov.ru/bill/1096223-8 (дата обращения: 11.02.2026).

рассмотреть такие формулировки в законопроекте, как «отсутствие иных вариантов размещения», «объекты, имеющие существенное влияние на социально-экономическое развитие», «необратимая полная утрата землями особого природоохранного значения». Указанные формулировки являются крайне неопределенными, носят оценочный характер и не конкретизированы в других положениях законопроекта.

Вместе с этим, отсутствие четких, объективных критериев оценки тех или иных факторов создает сложности для правоприменителя. «Защитные правовые механизмы», которые предусматривает закон также являются достаточно уязвимыми. Так, например, в статье 35.6 представленного законопроекта определен состав соответствующей Комиссии, которая должна оценивать условия с учетом всех факторов и принимать решение по землям ООПТ федерального значения, но при этом состав комиссии по землям регионального и местного значения не определен. Также не предусмотрено включение в состав комиссии независимых экспертов в области охраны природы и сохранения биологического разнообразия (то есть в состав комиссии могут войти лица, заинтересованные в изменении границ территорий). Фактически законопроект наделяет Комиссии широкими полномочиями по решению судьбы земель из состава природных территорий без установленного порядка и без четкой процедуры принятия таких решений.

Заметим, что согласно п. 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы, утвержденной Постановлением Правительства РФ № 96, к числу коррупциогенных факторов относятся отсутствие или неполнота административных процедур и широта дискреционных полномочий, под которой понимается отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения[7].

---

[7] Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 (в ред. от 20.04.2024) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (вместе с «Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов») // Собрание законодательства РФ. 2010. № 10. Ст. 1084.

В представленной редакции законопроект закрепляет возможность изъятия земель государственных природных заповедников и национальных парков, что противоречит утвержденным Президентом РФ Основам государственной политики России в области экологического развития на период до 2030 года,[8] которые предусматривают формирование и развитие системы земель ООПТ разных уровней, а также механизмы сохранения природной среды. Законопроект противоречит также Указу Президента России № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»,[9] который к числу задач относит и устойчивое развитие природных территорий. Не стоит забывать Послание Президента РФ Федеральному Собранию 20 февраля 2019 года,[10] в котором В.В. Путин четко обозначил позицию по данному вопросу: «необходимо законодательно зафиксировать: в заповедниках возможен исключительно экологический туризм, без изъятия территорий, вырубок леса или капитального строительства».

Таким образом, проведенный частичный анализ представленного законопроекта позволяет прийти к выводу о том, что предлагаемые изменения: не соответствуют ранее изложенной позиции Президента РФ; включают перечень некорректных, размытых формулировок; значительно ограничивают возможности общественности оказывать влияние на принятие решений в рассматриваемой сфере.

В качестве предлагаемых изменений в ФЗ № 33 в части изменения границ ООПТ, необходимо:

во-первых, разработать и установить в законе четкие объективные экологические критерии утраты землями особого природного значения,

---

[8] «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (утв. Президентом РФ 30.04.2012) // Документ опубликован не был.

[9] Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»// Собрание законодательства РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

[10] Послание Президента Федеральному Собранию 20.02.2019 // URL: http://kremlin.ru/events/president/news/59863 (дата обращения: 09.02.2026).

которые бы позволили в отдельных случаях изменять границы указанных территорий и исключали возможность злоупотребления данным правом; важно также максимально исключить из положений закона размытые, неточные формулировки;

во-вторых, установить упорядоченную процедуру изменения границ и исключения земель, земельных участков, водных объектов и другое из состава особо охраняемых природных территорий; наделить конкретными полномочиями орган (комиссию), на который возлагалась бы указанная обязанность, вместе с личной ответственностью членов комиссии за принятые решения; процедура изменения границ земель таких территорий должна в обязательном порядке выноситься на общественное обсуждение, в зависимости от уровня (региональный, местный); в составе комиссии должно быть предусмотрено право участия независимых экспертов, с исключением возможного влияния на решения об изменении состава природных территорий финансово заинтересованных лиц.

Таким образом, предложенные конкретные изменения в Федеральный закон № 33 значительно улучшат правовое регулирование в данной сфере. Реализация предложенных мер позволит достичь конституционно значимого баланса между публичными и частными интересами, гарантировав сохранение особо охраняемых природных территорий как неотъемлемого элемента общенационального достояния и основы экологической безопасности будущих поколений России.

Правовые проблемы определения границ земельных участков

Мухаррамова Камилла Аннуровна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье анализируются правовые проблемы определения границ земельных участков, требующие сочетания специальных знаний в области землеустройства и комплексного анализа документов и фактических обстоятельств. Рассматриваются ситуации, когда фактические границы земельного участка не совпадают с юридически установленными, например при наследовании или изменениях смежными собственниками. Особое внимание уделяется роли судебного порядка при разрешении споров, возникающих из-за ошибок кадастрового учета и несоответствия сведений ЕГРН действительному положению участка. Анализируется необходимость проведения землеустроительной экспертизы и согласования границ с соседними землепользователями. Отмечается, что несоответствия координат, ошибки кадастровых инженеров и статус земель общего пользования усложняют точное межевание и индивидуализацию участков. Рассматривается судебная практика, демонстрирующая важность комплексного подхода к разрешению споров и учета правоустанавливающих документов. Подчеркивается значение принципа устойчивости права землепользования для защиты добросовестных собственников и обеспечения преемственности ранее установленных границ.

Ключевые слова: земельный участок, границы земельного участка, межевание, кадастровый учет, судебная экспертиза, ЕГРН, смежные землепользователи.

Определение границ земельных участков представляет собой одну из наиболее сложных и спорных категорий гражданского права, требующую специальных знаний в области землеустройства.

На практике нередко возникают споры о границах участков, когда фактическое положение земельного объекта не соответствует данным документов. Например, при наследовании участка соседи могут сместить забор,

создавая разногласия между фактическими и юридическими границами. В таких случаях собственнику необходима экспертиза для установления точных границ[1]. Судебный порядок применяется при возникновении споров о границах в случаях отказа органов кадастрового учета исправить ошибки или устранить неточности в ЕГРН[2]. Однако даже при наличии всех документов исход дела может быть неблагоприятным, поскольку отсутствуют единые разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, и решения нижестоящих судов нередко пересматриваются вышестоящими инстанциями[3].

Особую сложность представляют мелкие несоответствия координат (0,1–0,8 м), вызванные изменением системы координат с 2007 года, что затрудняет точное определение контрольных точек и увеличивает вероятность ошибок кадастровых инженеров[4]. Для установления границ законодательство предусматривает обязательное определение координат характерных точек и согласование с смежными землепользователями (ст. 22 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ,[5] ст. 39 Федерального закона «О кадастровой деятельности» от 24 июля 2007 года № 221-ФЗ)[6]. При разногласиях допускается проведение землеустроительной судебной экспертизы, хотя она имеет высокую стоимость и погрешность.

---

[1] См.: Халилова А.Р. Правовые проблемы определения границ земельных участков / А.Р. Халилова, Л.В. Сотникова // Sci-Article. 2023. № 115 (март). – Раздел: Юриспруденция. – URL: https://sci-article.ru/stat.php?i=1763128808 (дата обращения: 12.03.2026).

[2] См.: Васильева В.В. Проблемы наложения границ земельных участков. Кадастровая ошибка / В.В. Васильева, Е.А. Каблукова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2018. № 47 (233). С. 63-64 // URL: https://moluch.ru/archive/233/54143/ (дата обращения: 12.03.2026).

[3] См. по этому вопросу: Чуваткин Б.Ю. Проблема определения, установления и вынесения границ земельного участка в натуру / Б.Ю. Чуваткин // Актуальные вопросы публичного права: Материалы XVII Всероссийской научной конференции молодых ученых и студентов. 2018. С. 342-347 // URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=42952895 (дата обращения: 04.03.2026).

[4] См. также: Дорин А.С. Правовые проблемы понятия земельного участка в действующем отечественном законодательстве / А.С. Дорин. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2020. № 1 (291). С. 161-163 // URL: https://moluch.ru/archive/291/66052/ (дата обращения: 12.03.2026).

[5] Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // СПС Консультант Плюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 13.03.2026).

[6] Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности» // СПС Консультант Плюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 11.03.2026).

Проблема усугубляется отсутствием единых стандартов качества кадастровых сведений и разными системами координат, что приводит к реестровым ошибкам[7]. Для решения ситуации возможно внедрение единой глобальной системы координат на базе Глонасс и высокоточных геодезических сетей, что обеспечит точность и преемственность границ участков[8]. Принцип устойчивости права землепользования становится ключевым: он гарантирует защиту добросовестных собственников, поддерживает преемственность ранее установленных границ и снижает правовой нигилизм граждан при обращении в суд[9]. Судебная практика демонстрирует, что установление границ земельного участка требует комплексной оценки как юридических, так и фактических обстоятельств. В деле № А23-2427/2020 ООО оспаривало границы участка, граничащего с пожарным водоемом, ранее принадлежащим СНТ. Предыдущие попытки межевания признаны судом незаконными, а сведения о границах исключены из ЕГРН. Суды первой инстанции и апелляции опирались на экспертизу, подтверждающую границы, однако Верховный суд в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 9 апреля 2024 года № 310-ЭС23-23889 по делу № А23-2427/2020 указал, что решение на основе одной только экспертизы неправомерно. Необходимо учитывать действующие планы организации территории, решения общего собрания членов СНТ, правовой статус земель общего пользования и предыдущие судебные акты, обладающие преюдициальным значением[10].

---

[7] См.: Чернецкая А.М. Проблемы кадастрового учета при определении границ земельного участка / А.М. Чернецкая // Земля и Человек. Актуальные вопросы современного состояния окружающей среды. – Санкт-Петербург, 2020. С. 401-404. // URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=43006853 (дата обращения: 18.03.2026).

[8] См.: Халилова А.Р. Правовые проблемы определения границ земельных участков / А.Р. Халилова, Л.В. Сотникова // Sci-Article. 2023. № 115 (март). Раздел: Юриспруденция // URL: https://sci-article.ru/stat.php?i=1763128808 (дата обращения: 12.03.2026).

[9] См.: Иванова Т.Г. Тенденции изменения земельного и градостроительного законодательства на современном этапе: землеустроительный аспект / Т.Г. Иванова // Аграрное и земельное право. 2021. № 9 (153) // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-izmeneniya-zemelnogo (дата обращения: 12.03.2026).

[10] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 09.04.2024 № 310-ЭС23-23889 по делу № А23-2427/2020 [Электронный ресурс] // URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-09042024-n-310-es23-23889-po-delu (дата обращения: 12.03.2026).

Суд подчеркнул обязательность согласования границ со смежными землепользователями (ст. 39 Федерального закона «О кадастровой деятельности» от 24 июля 2007 года № 221-ФЗ), соответствие данных ЕГРН фактическому положению участка, а также проверку причин возможного несовпадения координат. Установление границ судом обеспечивает индивидуализацию участка, закрепление его характеристик в ЕГРН и правовую определенность в отношениях между смежными землепользователями. Итогом стало направление дела на новое рассмотрение, то есть суды обязаны комплексно оценивать документы, фактические обстоятельства и согласование со смежными владельцами, а не ограничиваться результатами экспертизы, чтобы обеспечить законность и достоверность границ земельных участков.

Верховный суд Российской Федерации в деле № 39-КГ25-6-К1 подчеркнул, что при разрешении споров об определении границ земельных участков необходимо назначение землеустроительной экспертизы, даже если аналогичная экспертиза уже проводилась в другом деле. Технические выводы предыдущих экспертиз не обладают преюдициальной силой и не могут автоматически использоваться при изменении предмета спора. Реальное использование земли не может иметь приоритетного значения без правоустанавливающих документов и регистрации в ЕГРН. В споре, рассмотренном Верховным Судом Российской Федерации, истцы претендовали на участок, границы которого были определены городской администрацией в 2008 году. Апелляция ошибочно признала незаконность образования соседних участков, игнорируя отсутствие доказательств прав истцов и необходимости экспертизы. Верховный суд отменил это решение и направил дело на новое рассмотрение[11].

Таким образом, современные подходы к разрешению споров о границах требуют:

- подтверждения права собственности на единый сформированный участок;

---

[11] Определение Верховного Суда РФ от 23.12.2025 по делу № 39-КГ25-6-К1 [Электронный ресурс] // URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2513388 (дата обращения: 12.03.2026).

- назначения актуальной землеустроительной экспертизы;

- учета сведений ЕГРН и действующих правоустанавливающих документов.

Позиция Верховного Суда РФ обеспечивает защиту права сторон на судебную защиту и корректное установление границ, одновременно увеличивая нагрузку на доказательственную работу в новых спорах.

В заключение отметим, что ключевыми проблемами определения границ земельных участков являются отсутствие единых разъяснений судебной практики, нестабильность решений судов нижестоящих инстанций, мелкие отклонения координат, ошибки кадастровых инженеров, несоответствие ЕГРН фактическому положению участка и недостаточный учет статуса земель общего пользования. Разрешение споров о границах земельных участков требует сочетания правовой, кадастровой и фактической экспертизы. Эффективное определение границ возможно только при подтверждении права собственности на сформированный участок, назначении актуальной землеустроительной экспертизы и учете сведений ЕГРН и действующих документов, а также обязательном согласовании с соседними землепользователями. Принцип устойчивости права землепользования играет ключевую роль, обеспечивая защиту добросовестных собственников, преемственность ранее установленных границ и снижение правового нигилизма граждан при обращении в суд. Внедрение единой системы координат и повышение стандартов кадастрового учета позволят минимизировать ошибки, повысить точность межевания и укрепить правовую определенность в земельных отношениях Российской Федерации.

Оценка влияния туристической базы на экологические показатели озера Белое Курьинского района Алтайского края

Новолокина Анна Михайловна,
студент Алтайского государственного аграрного университета, г. Барнаул

Аннотация: В настоящей статье проанализированы некоторые экологические показатели, которые могли бы повлиять или повлияли на чистоту воды озера Белое в Курьинском районе Алтайского края. Озеро уникально и чистота его воды притягивает туристов с близлежащих сел и городов провести летние выходные. Наличие вблизи многочисленного состава баз, может нарушить экологический баланс этого природного объекта, включенного в реестр федеральных памятников природы. Место, где расположено озеро, находится в отдалении от крупных городов. И влияние жизнедеятельности человека на озеро минимизировано. Несмотря на это, озеро имеет ряд соседствующих объектов, которые привносят в его экологию отрицательный вклад.

Ключевые слова: озеро Белое, туристические базы, экологические показатели, загрязнение воды, уникальность озера Белое в Курьинском районе Алтайского края.

На территории Алтайского края, есть уникальное место, которое каждый год привлекает туристов к своим берегам – озеро «Белое», имеющее статус федерального памятника природы. Его название говорит о том, что в пасмурную или дождливую погоду, или при рассвете озеро отражает небо и своей гладью по цвету похоже на «белое молоко».

Многие туристы, побывав один раз в этом уникальном месте, приезжают еще раз посетить его[1].

При изучении негативных факторов, влияющих на среду озера Белое

[1] Клуб приключений: озеро Белое. – Текст: электронный // Информация о озере Белое Курьинского района Алтайского края. – URL.: https://www.vpoxod.ru/page/toponym/beloe (дата обращения: 20.03.2026).

были рассмотрены следующие показатели - качества окружающей среды, например такие как, предельно допустимые концентрации (ПДК) вредных веществ в окружающей среде. Показатели допустимого воздействия на окружающую среду, это количественные ограничения химических, физических, биологических и иных воздействий со стороны субъектов хозяйственной и иной деятельности, при соблюдении которых не нарушаются установленные для данной местности нормативы качества окружающей среды. Показатели экологичности продукции, например, содержание вредных веществ в рыбе, которую ловят в озере, а также выбросы вредных веществ, попадающих воду, почву, от обработки в сельскохозяйственной деятельности химических, нефтехимических, горнодобывающих, деревообрабатывающих, пищевых и других производств[2].

В Курьинском районе, на Колыванском хребте, на высоте 539 метров над уровнем моря, находится котловина озера Белое. Ориентиром служит близлежащая гора «Синюха», с вершины которой озеро прекрасно просматривается. Климат здесь резко континентальный: лето знойное (июль до +38 °С), зима суровая (январь до - 40 °С, длится пять месяцев), но при этом очень солнечно и мало осадков. Озеро, несмотря на свою правильную округлую форму, имеет тектоническое происхождение. Его размеры скромны – 2,4 на 1,5 км, средняя глубина – 5,5 метра, хотя есть и более глубокие участки (свыше 10 метров). Берега сложены гранитом на юге и сланцами на остальных участках. Два ключа, Безымянный и Озёрный, обеспечивают озеро чистой и прозрачной водой.

Недалеко от истоков реки Белой, на берегу озера, находится поселок с необычным названием «Имени 8-го Марта». Он расположен в 240 км от г. Барнаула. В западной части поселения есть непригодное для купания, сильно загрязненное озеро «Мармашное». В настоящее время здесь проживает 150 человек, но поток туристов значительно превышает это число. Несмотря на

[2] Экологический показатели озера Белое. –Текст: электронный // Химический состав воды озера Белое Курьинского района алтайского края. – URL.: https://kartaslov.ru (дата обращения: 20.03.2026).

наличие гостевых домов, баз отдыха, гостиниц и турбаз, мест для размещения не хватает, что приводит к завышенным ценам – до 5 тысяч рублей за человека в сутки. При этом уровень комфорта часто оставляет желать лучшего: удобства на улице, только холодная вода в домиках, а баня оплачивается отдельно. Ассортимент в трех местных магазинах весьма ограничен[3].

Для развития туризма и привлечения постоянного потока гостей местная администрация на данном озере организовала общественный пляж, но он не оборудован минимальным необходимым для туриста, парковкой, туалетом, умывальником, мусорными баками. Эти условия не смущают жителей близ расположенных сел, и все равно люди приезжают, и в хорошую погоду располагаются на данном пляже, занимая весь периметр сервитута[4].

Есть ряд проблем, которые ограничивают туристов в посещении данного уникального места, например, доступность транспорта, добраться до озера можно только на личном транспорте и никак иначе. В село вблизи озера идет рейсовый автобус с села Колывань и села Курьи, но этого недостаточно, нужно чтобы туристы могли добраться с города Барнаула, Камня-На-Оби, Рубцовска, Славгорода и т. д. Понятно, что село маленькое и нет смысла, да и экономически невыгодно, пускать автобусы для доставки туристов, но организовать доставку по путевке, приобретенной туристом, можно.

Часть берегов озера застроена частными домами, и территория участков огорожена заборами, так что туристам, приехавшим и не договорившимся отдохнуть на базе у озера, нет доступа к берегу.

Есть небольшой публичный сервитут с края озера (с левой стороны) но при хорошей погоде там нет свободного места разместиться на общественном пляже, пляж не оборудован согласно требованиям безопасности.

Для развития туризма в данной местности на берегу уникального пресного озера «Белое» предпринимателями предлагается размещение в левой

---

[3] Поселок им.-8го Марта. Текст: электронный // Описание поселка им.8-го Марта. – URL.: https://ru.ruwiki.ru/wiki/ (дата обращения: 20.03.2026).

[4] Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ: в ред. от 30.01.2026 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 09.02.2026).

(восточной) части озера на свободных участках, размещение новых баз отдыха, которые будут возведены в едином стиле[5].

При строительстве туристических объектов предлагается использовать природный материал – дерево. Домики для туристов планируется делать легкими пригодными только для летнего отдыха[6].

В проект внесены предложения по размещению новых баз отдыха для туристов, где видно, что с западной стороны озера весь берег занят существующими базами отдыха, с северной части озера расположен общественный пляж, подход к воде галечный, местами скалистый.

Площадь земельного участка, предлагаемого под строительство баз отдыха, составляет 15,4 га.

На данной территории предлагается разместить 45 домиков по 4 гостя в каждом, к домику пристраивается, с одной стороны, беседка-веранда с закрытой прозрачным материалом стеной (возведенной возможно из стеклопакетов) для лучшего обзора озера и укрытие от ветра и дождя.

У каждого домика предполагается расположить два парковочных места для личного автотранспорта. К каждому домику подвести воду, электричество. На территории базы организовать единый гигиенический блок, в котором разместить душевые, туалет, прачечную, сауну, и услуги данного блока включить в размещение в домиках[7]. Так же на территории базы отдыха расположить с подветренной стороны мусорные баки закрытого типа с общим доступом. Вблизи прибрежной полосы расчистить место под пляж, и расположить на нем шезлонги с зонтиками и летним кафе со столиками, стульями и освещением, предложить прокат лодок, катамаранов и иных развлечений на

---

[5] См.: Соврикова Е.М. Проект планировки развития рекреационных зон города /Е.М. Соврикова // Пространственное развитие территорий: сборник научных трудов IV Международной научно-практической конференции. - Белгород: НИУ «БелГУ», 2021. С. 248-251.

[6] Благоустройство земельного участка: правила грамотной планировки. – Текст: электронный // правила планировки участков. URL: https://izbloka.com/ (дата обращения: 20.03.2026).

[7] См.: Чернышева А.Д. Планирование рационального использования земель / А.Д. Чернышева, И.А. Клочко // Теория и практика современной аграрной науки: сборник III национальной (всероссийской) научной конференции с международным участием. Университет Биотехнологий г. Москва, 2020. С. 591-593.

воде, где организовать пирс (сваренный из железного каркаса, покрытый плахой из лиственницы)[8].

На территории вблизи озера на рис. 2 выделенное красным цветом, можно увидеть, что это существующая застройка села Имени 8-го Марта. Данные гостевые дома заселяют туристов круглый год, канализационная система во всех домах септик, глубина септика 4-5 метров. Через все село протекает безымянный ручей, который вытекает из оз. Белое, а впадает в озеро два ключа, описанных ранее. Ручьи берут свое начало с гор. Белуха и предгорья Тегерекского заповедника, расположенного на юге озера. Поэтому стоит предположить, что вода в ручьях, впадающих в озеро, чистая, так как на территории полей, рядом находящихся вблизи озера, не производят сельскохозяйственной деятельности и соответственно исключено применение химии. Также в с. Имени 8-го Марта нет деревоперерабатывающих предприятий, что исключает и выбросы от производства древесины в озеро и древесной пыли в воздухе. В исследованиях (показатели брались с берега и в 7 - 10 метрах от берега в мае и августе 2025 года) химический состав воды пресного оз. Белое[9] показал, что содержание составляет Ca^2 - 76,1 мг/л, Mg^2 - 14,6 мг/л, CO3-24,0 мг/л, HCO3-140,3 мг/л, CI-18,1 мг/л, So4-64,8 мг/л, Na-1,1 мг/л, Fe-0,3 мг/л, O2-11,5 мг/л, pH-6,0, Жесткость воды-14,0, Карбонатная жесткость-6,4.

Согласно общей характеристике воды, она имеет жесткость 14,0, это значение указывает на то, что вода является жесткой. Концентрация растворенного кислорода составляет 11,5 мг/л., это высокое значение, говорит о хорошем состоянии водной экосистемы и наличии процессов аэрации. Исходя из преобладающих ионов, можно предположить, что вода озера Белое

---

[8] См.: Соврикова Е.М. К вопросу об освоении земельного участка из состава земель населенных пунктов – Текст: электронный // Дневник науки. 2026. № 3. – URL.: https://dnevniknauki.ru/images/publications/2026/3/geoscience/Sovrikova.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

[9] Гидросистема Алтайского края. - Текст: электронный // Описание гидросистем озер рек и иных водоемов Алтайского края. – URL.: https://www.zinref.ru/000_uchebniki/00800ecologiai (дата обращения: 20.03.2026).

относится к гидрокарбонатному классу (из-за высокой концентрации HCO_3) и поэтому является кальциево-магниевой по показателям значительного содержания Ca^{2+} и Mg^{2+}. Высокое содержание растворенного кислорода (11,5 мг/л) является положительным фактором, свидетельствующим о хорошей аэрации водоема. И тем самым доказывает наличии здоровой водной растительности и идущих активных процессов перемешивания воды. Что касается общей минерализации воды, которая определяется суммой концентраций основных ионов, считается в нашем случае высокой из-за значительного содержания кальция, гидрокарбонатов и сульфатов. Наличие тяжелых металлов не обнаружено, что радует при исследовании. Хочется, конечно, провести углубленное изучение изменений химического состава воды в течение года, которое дало был более динамичную картину изменения в течении нескольких лет эксплуатации. Таким образом, вода озера Белое является жесткой, с преобладанием гидрокарбонатов и значительным содержанием сульфатов и кальция, но при этом хорошо насыщена кислородом, что является положительным экологическим показателем. Забор воды для бытовых нужд в озере не осуществляется. И в целом анализ водного состава по химическим показателям доказал, что выбросы в озеро от соседствующих жилых объектов не производятся или настолько малы что не влияет на изменение в отрицательную сторону химического состава воды и остается в норме.

Правовое регулирование обращения электронных отходов в Российской Федерации

Романова Александра Алексеевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Чернова Татьяна Владимировна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы правового регулирования обращения электронных отходов в Российской Федерации. Исследуются определения понятия «электронные отходы» и расхождения в терминологии на федеральном и региональном уровнях. Анализируются нормативно-правовые акты в сфере обращения с электронными отходами, в том числе Федеральный закон от 24 июня 1998 года № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»[1]. Среди ключевых проблем выявлена недостаточная развитость инфраструктуры переработки электронных отходов. Подчеркивается, что система обращения электронных отходов в Российской Федерации находится на зарождающемся, начальном этапе.

Ключевые слова: электронные отходы, утилизация отходов, инфраструктура утилизации, экологический сбор, нормативы утилизации, обращение с отходами.

Каждый год в России объем отходов электронного и электрического оборудования (далее – электронные отходы) составляет 1,5-1,7 млн. тонн, при этом лишь 10% подвергается переработке[2]. Считается, что электронные отходы являются одними из самых сложных для переработки ввиду наличия в их составе опасных веществ. Несмотря на содержание опасных веществ,

[1] Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.
[2] Из 120 тысяч айфонов чиновников могут извлечь 57 гр. золота // Российский экологический оператор // URL: https://reo.ru/tpost/mji7va78b1-iz-120-tisyach-aifonov-chinovnikov-mogut (дата обращения: 03.03.2026).

электронные отходы включают компоненты, пригодные для повторного использования в производстве. Важно подчеркнуть, что вовлечение электронных отходов в повторный хозяйственный оборот соответствует основным целям государственной политики в области экологического развития.

Обратимся к термину «электронные отходы». В настоящее время в российском законодательстве не содержится единого понятия, обозначающего данную группу отходов, что приводит к неопределенности его состава. В Приказе Минприроды России от 11 июня 2021 года № 399 «Об утверждении требований при обращении с группами однородных отходов I - V классов опасности» (далее – Приказ Минприроды «Об утверждении требований при обращении с группами однородных отходов I - V классов опасности»)[3] впервые на федеральном уровне посредством ссылки на одноименный код Федерального классификатора каталога отходов (далее – ФККО) было регламентировано понятие «оборудование компьютерное, электронное, оптическое, утратившее потребительские свойства». В ФККО отходы электронного оборудования и отходы электрического оборудования отнесены к двум разным подтипам отходов: «Оборудование компьютерное, электронное, оптическое, утратившее потребительские свойства» (например, компьютеры и периферийное оборудование); «Оборудование электрическое, утратившее потребительские свойства» (например, электродвигатели).

На региональном уровне при характеристике отходов электронного и электрического оборудования используются термины «отходы электронного оборудования» и «отходы электронного и электрического оборудования»[4]. Отсюда следует, что региональный понятийный аппарат в области обращения с электронными отходами не соответствует той терминологии, которая используется на федеральном уровне РФ.

---

[3] Приказ Минприроды России от 11.06.2021 № 399 «Об утверждении требований при обращении с группами однородных отходов I–V классов опасности» // Официальный интернет-портал правовой информации — URL: https://publication.pravo.gov.ru/Document/Vie (дата обращения: 01.03.2026).

[4] Нагайцева Д.А. Правовые проблемы обращения с отходами электронного и электрического оборудования: дис. … канд. юр. наук. - М., 2024. С. 80.

Также в российском законодательстве, как на федеральном, так и на региональном уровне, отсутствует легальное определение термина «электронное и электрическое оборудование». Стоит отметить ГОСТ Р 55102-2012 «Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Руководство по безопасному сбору, хранению, транспортированию и разборке отработавшего электротехнического и электронного оборудования, за исключением ртутьсодержащих устройств и приборов» (далее - ГОСТ Р 55102-2012)[5], в котором применено понятие «отработавшее электротехническое и электронное оборудование». Под ним понимается отнесенное к отходам, непригодное или вышедшее из употребления электротехническое и электронное оборудование, в том числе его узлы, части и детали. В целях унификации терминологического аппарата на федеральном уровне в России необходимо закрепить единый термин и его определение, обозначающее электронные отходы.

Представляется наиболее оптимальным и исчерпывающим определение, предложенное Д.А. Нагайцевой, охватывающее все существенные характеристики рассматриваемого объекта. Под отходами электронного и электрического оборудования (ОЭЭО) понимаются отходы, образующиеся после утраты электрическим или электронным оборудованием полностью или частично своих потребительских свойств, включая все компоненты, установки и расходные материалы, являвшиеся частью продукции в момент прекращения ее использования[6].

Основным законодательным актом, регулирующим обращение электронных отходов в Российской Федерации, является Федеральный закон от 24 июня 1998 года № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (далее – ФЗ «Об отходах производства и потребления»)[7]. Данный закон является

---

[5] ГОСТ Р 55102-2012 Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Руководство по безопасному сбору, хранению, транспортированию и разборке отработавшего электротехнического и электронного оборудования, за исключением ртутьсодержащих устройств и приборов. [Электронный ресурс] // СПС Система ГАРАНТ // URL: https://base.garant.ru/71468764/ (дата обращения: 01.03.2026).

[6] См.: Нагайцева Д.А. Правовые проблемы обращения с отходами электронного и электрического оборудования: дис. … канд. юрид. наук. - М., 2024. С. 97.

[7] Федеральный закон от 24.06.998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» //

базовым в регулировании обращения отходов в Российской Федерации. В законе определены требования к объектам размещения отходов, местам накопления отходов, а также требования к обращению с отходами I - V классов опасности, к которым относятся и электронные отходы.

Одним из важных является положение об утилизации отходов от использования товаров, согласно которому производители и импортеры товаров обеспечивают утилизацию отходов от использования товаров (самостоятельная утилизация):

- путем создания и использования собственной инфраструктуры по утилизации отходов от использования товаров;

- путем заключения договора с юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, осуществляющими деятельность по утилизации отходов от использования товаров и включенными в реестр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих утилизацию отходов от использования товаров.

Производители товаров, импортеры товаров, которые не обеспечивают самостоятельную утилизацию отходов от использования товаров, уплачивают экологический сбор.

Производители и импортеры товаров обеспечивают утилизацию отходов от использования товаров в соответствии с нормативами утилизации, установленными Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2023 года № 2414 «Об утверждении перечней товаров, упаковки, отходы от использования которых подлежат утилизации, и нормативов утилизации отходов от использования товаров, упаковки»[8]. Так, в отношении групп электронных отходов, а именно группы № 12 «Аккумуляторы свинцовые», группы № 13 «Батареи аккумуляторные», группы № 14 «Оборудование электрическое

Собрание законодательства РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.

[8] Постановление Правительства РФ от 29.12.2023 № 2414 «Об утверждении перечней товаров, упаковки, отходы от использования которых подлежат утилизации, и нормативов утилизации отходов от использования товаров, упаковки» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 1 (ч. III). Ст. 273.

осветительное», установлены следующие нормативы утилизации на 2026 год: 40%, 40%, 35% соответственно.

В соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 июля 2017 года № 1589-р «Об утверждении перечня видов отходов производства и потребления, в состав которых входят полезные компоненты, захоронение которых запрещается»[9], с 1 января 2021 года запрещается захоронение электронных отходов. Введенный запрет, несомненно, окажет положительное влияние.

Распоряжением Правительства РФ от 25 января 2018 года № 84-р была утверждена «Стратегия развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года»[10]. Документ указывает, что электронные отходы содержат токсичные материалы, опасные для здоровья, но при этом из них можно извлечь ценные компоненты для вторичного использования. Для решения проблемы обращения с электронными отходами и усовершенствования процессов их обработки, утилизации и обезвреживания предлагается создание сети экотехнопарков с организацией стационарных и передвижных пунктов сбора отходов у населения и предприятий.

Раздел V Приказа Минприроды России «Об утверждении требований при обращении с группами однородных отходов I - V классов опасности» устанавливает правила обращения с группой однородных отходов «Оборудование компьютерное, электронное, электрическое, оптическое, утратившее потребительские свойства», в частности, запрет на сжигание, срок хранения — 36 месяцев, технологические процессы утилизации, список лиц, которым граждане имеют право передавать отходы электронного и

---

[9] Распоряжение Правительства РФ от 25.07.2017 № 1589-р «Об утверждении перечня видов отходов производства и потребления, в состав которых входят полезные компоненты, захоронение которых запрещается» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 32. Ст. 5107.

[10] Распоряжение Правительства РФ от 25.01.2018 № 84-р «Об утверждении перечня видов отходов производства и потребления, в состав которых входят полезные компоненты, захоронение которых запрещается» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 6. Ст. 920.

электрического оборудования.

Важным документом, регламентирующим порядок обращения с электронным мусором в России, является ГОСТ Р 55102-2012. Он устанавливает требования по безопасному сбору, хранению, транспортированию и разборке вышедшего из использования электронного оборудования. Однако данный акт носит рекомендательный характер, в связи с чем его применение не распространено, что негативно сказывается на состоянии окружающей среды из-за хаотичного обращения с отработавшим электронным оборудованием.

Таким образом, система обращения электронных отходов в Российской Федерации находится на зарождающемся, начальном этапе. Государство создало только базовый слой правового регулирования обращения отходов, не конкретизируя точный порядок и способы утилизации, хранения, сбора электронных отходов. Помимо этого, в законодательстве отсутствует единое определение электронных отходов, что порождает путаницу в отнесении тех или иных отходов к электронным.

Отсутствие четких механизмов стимулирования как производителей, так и потребителей к ответственному обращению с электронными отходами усугубляет проблему, создавая замкнутый круг неэффективности и экологического ущерба. Для дальнейшего улучшения ситуации необходимы более конкретные законодательные меры и механизмы стимулирования ответственного обращения с электронными отходами как со стороны государства, так и со стороны общества.

К вопросу об охране озера Байкал

Рыцарев Александр Дмитриевич,
студент Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

Горайчук Юлия Александровна,
студент Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

Аннотация: В статье анализируются изменения, внесенные Федеральным Законом от 15 декабря 2025 года № 482-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране озера Байкал» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1] в установленный ФЗ «Об охране озера Байкал» режим использования и охраны озера Байкал, которые допускают исключения в нормах, обеспечивающих охрану лесов, находящихся в Байкальской природной территории. Анализируется противоречивость задач по сохранению уникальной экосистемы центральной экологической зоны озера Байкал и необходимость социально-экономического развития региона. Рассматриваются возможные правовые и экологические последствия, а также предлагаются пути минимизации вреда.

Ключевые слова: Озеро Байкал, особо охраняемая природная территория, сплошные рубки лесных насаждений, природное наследие ЮНЕСКО,

Озеро Байкал является самым крупным по площади пресноводным водоемом Евразии и представляет собой уникальный природный объект с исключительным биологическим разнообразием, входящий в десятку крупнейших объектов Всемирного природного наследия ЮНЕСКО[2]. Уникальная экологическая система озера Байкал подлежит охране через установление режима особо охраняемой природной территории и ограничение

[1] Собрание законодательства РФ. 2025. № 51. Ст. 8001.
[2] 5 декабря – день включения оз. Байкал в список всемирного наследия ЮНЕСКО. 5 декабря 2016 г. [Электронный ресурс] // Росприроднадзор: интернет-портал Федеральной службы по надзору в сфере природопользования // URL: https://rpn.gov.ru/regions/38/news/5_dekabrya_den (дата обращения: 12.03.2026).

антропогенного воздействия. Эти задачи решаются посредством применения комплексного социально-правового и экономического регулирования.

Принятие Федерального закона от 15 декабря 2025 года № 482-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране озера Байкал» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 482) формально провозглашает своей целью совершенствование законодательства, регулирующего режим охраны и использования озера Байкал, в целях достижения баланса между охраной уникальной экосистемы и необходимостью социально-экономического развития региона. Однако ключевым изменением, вступающим в силу с 1 марта 2026 года, становится фактическое ослабление ранее действовавшего полного запрета на проведение лесных работ в центральной экологической зоне. Данная новелла вступает в противоречие как с конституционными гарантиями[3], так и с выводами международных мониторинговых миссий[4], что создает предпосылки для ухудшения состояния указанного объекта Всемирного природного наследия.

Наличие полного запрета на все виды рубок леса в центральной экологической зоне Байкальской природной территории было обусловлено рядом биологических и правовых факторов, на которые указывают многочисленные научные исследования. Так, лесные насаждения осуществляют гидрологическую функцию, функцию поддержки биоразнообразия, почвозащитную функцию, и другие[5]. Центральная экологическая зона отличается уникальным сочетанием флоры и фауны. Многие виды, чьим местом обитания выступает центральная экологическая зона Байкальской природной территории, являются эндемиками и занесены в Красную книгу РФ.

---

[3] Конституция Российской Федерации: принята 12 дек. 1993 г.: с изм. от 14 марта 2020 г. // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

[4] См.: Колобов Р.Ю. Анализ результатов работы мониторинговой миссии Центра всемирного наследия ЮНЕСКО и Международного союза охраны природы на озере Байкал / Р.Ю. Колобов // Экологическое право. 2025. № 1. С. 32-36. – DOI 10.18572/1812-3775-2025-1-32-36. – EDN OQBAZP.

[5] См.: Русецкая Г.Д. Роль и значение заповедных лесных территорий в сохранении озера Байкал / Г.Д. Русецкая, Л.В. Санина // Известия Байкальского государственного университета. 2024. Т. 34. № 1. С. 96-108. – DOI 10.17150/2500-2759.2024.34(1).96-108. – EDN IKZPDY.

Уничтожение лесных экосистем, посредством проведения рубок лесных насаждений, ведет к фрагментации местообитаний, изменению микроклимата и, в конечном счете, к деградации природных комплексов. Помимо того, леса предотвращают эрозию почв, образование оползней и сохраняют целостность ландшафтов, в то время как вырубка лесной растительности обнажает почвы, увеличивая смыв грунта в водные объекты.

Эти и многие другие императивы стали основанием для закрепления в Федеральном законе от 1 мая 1999 года № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал»[6] и корреспондирующих нормах Лесного кодекса РФ безусловного запрета на рубки в центральной экологической зоне.

Принятый ФЗ № 482 декларирует цель совершенствования законодательства, путем установления баланса между охраной природы и социально-экономическим развитием, однако значительно ослабляет нормы, направленные на сохранение неприкосновенности природы Байкала. В соответствии с новой редакцией допускаются выборочные рубки отдельных древесных пород, санитарные рубки, рубки, связанные с противопожарным обустройством, рубки для строительства инфраструктурных объектов, сплошные рубки. При этом закон не содержит четких критериев отнесения рубок к указанным категориям, не устанавливает пределов усмотрения для органов исполнительной власти Иркутской области и Республики Бурятия, которым делегируются соответствующие полномочия.

Более того, новое регулирование порождает коллизию между специальными нормами Закона об охране озера Байкал и общими положениями Лесного кодекса, что в правоприменительной практике неизбежно приведет к спорам о том, какой акт имеет приоритет, и ослабит защиту центральной экологической зоны.

Подобная неопределенность создает высокие коррупционные риски и возможности для злоупотреблений, о чем неоднократно высказывались представители российского научного сообщества, в том числе посредством

[6] Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2220.

обращения к Президенту России, подписанного 87 учеными, в том числе академиками РАН[7].

Ослабление законодательных барьеров чревато следующими негативными последствиями:

- даже ограниченное разрешение сплошных рубок создает угрозу для редких и исчезающих видов, нарушает средообразующие функции лесов и может привести к ухудшению качества воды в озере, что прямо противоречит целям его охраны как объекта Всемирного наследия[8];

- использование оценочных понятий («состояние насаждений», «потребность в обеспечении безопасности») при отсутствии утвержденных методик позволяет произвольно квалифицировать лесные участки как подлежащие рубке, затрудняя последующий контроль за принятыми решениями и их обжалование;

- появление безлесных территорий после рубок создает предпосылки для самовольного занятия земель и строительства некапитальных объектов, усиливая антропогенную нагрузку;

- существует реальная угроза негативной реакции Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО, который может поставить вопрос о включении озера Байкал в Список объектов, находящихся под угрозой, что нанесет ущерб международному имиджу России.

Для минимизации указанных рисков представляется необходимым реализовать следующие меры:

- разработать и утвердить на уровне Правительства РФ или Минприроды

---

[7] Видные ученые и деятели общественного природоохранного движения обратились к Президенту России в связи с планами изменения законодательства об охране озера Байкал. 9 сентября 2025 г. [Электронный ресурс] // Экспертный совет по заповедному делу: интернет-портал межрегиональной общественной организации. URL: https://zapovedcouncil.ru/vidnye-uchenye-i-deyateli-obshhestvennogo-prirodoohrannogo-dvizheniya-obratilis-k-prezidentu-rossii-v-svyazi-s-planami-izmeneniya-zakonodatelstva-ob-ohrane-ozera-bajkal/ (дата обращения: 12.02.2026).

[8] Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. 17 октября 2003 г. [Электронный ресурс] // ООН: интернет-портал // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 12.03.2026).

России четкие регламенты проведения всех видов рубок в центральной экологической зоне байкальской природной территории, основанные на обязательной комплексной научной экспертизе и учитывающие особую уязвимость затрагиваемых экосистем;

- обеспечить прозрачность принятия решений путем обязательного опубликования материалов обоснования планируемых рубок, проведения общественных обсуждений и предоставления заинтересованным лицам права судебного обжалования.

Таким образом, изменение режима использования и охраны озера Байкал знаменует переход от охранительной модели управления природными ресурсами Байкала к модели управляемого использования. Реализация нового подхода потребует от органов власти не просто формального соблюдения буквы закона, но и реального обеспечения прозрачности, подотчетности и неукоснительного следования экологическим стандартам, без чего невозможно предотвратить деградацию уникального природного комплекса.

Вид разрешенного использования земельного участка: анализ новелл и проблем правоприменения в свете Федерального закона от 31 июля 2025 года № 295-ФЗ

Чернявская Мария Юрьевна,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Статья посвящена анализу реформы института видов разрешенного использования земельных участков, осуществленной Федеральным законом № 295-ФЗ. Рассматриваются ключевые новеллы, включая легальное определение вида разрешенного использования и механизм его выбора правообладателем. Особое внимание уделено проблемным аспектам правоприменения: коллизии между общим принципом соответствия назначения здания виду разрешенного использования и переходными положениями закона, а также пробелам в регулировании земель сельскохозяйственного назначения. Анализируется революционное изменение оснований для отказа в предоставлении земельных участков, расширяющее права собственников объектов недвижимости. В заключении формулируются выводы о системном характере реформы и перспективах развития законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: виды разрешенного использования земельного участка, Федеральный закон № 295-ФЗ, Земельный кодекс РФ, регламенты использования земель, градостроительный регламент, земли сельскохозяйственного назначения, правовой режим земельных участков, Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН), документация по планировке территории, изъятие земельных участков.

Земля как природный ресурс и объект недвижимости занимает особое место в системе общественных отношений, поскольку на земельных участках осуществляется большинство видов хозяйственной деятельности, что предопределяет необходимость четкого правового регулирования их использования. Ключевое значение при этом приобретает институт видов

разрешенного использования, выступающий одним из основных элементов правового режима участка наряду с категорией земель, обременениями и ограничениями.

Долгое время правовое регулирование в данной сфере отличалось фрагментарностью и известной долей неопределенности[1]. Принятие Федерального закона от 31 июля 2025 года № 295-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 295) было призвано изменить сложившуюся ситуацию. С 1 марта 2026 года данный нормативный акт вступил в силу, ознаменовав собой начало нового этапа в правовом регулировании видов разрешенного использования.

Наиболее значимым нововведением следует признать появление легального определения понятия «вид разрешенного использования земельного участка». Пункт 1 статьи 14.1 Земельного кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона № 295 устанавливает, что вид разрешенного использования земельного участка представляет собой вид деятельности, которую с учетом ограничений, установленных в соответствии с земельным законодательством и иными федеральными законами, допускается осуществлять на земельном участке, а также над и под его поверхностью, если иное не предусмотрено законодательством[2]. Появление данной дефиниции устраняет многолетний пробел и вносит ясность в понимание правовой природы данного института.

Следующим шагом на пути систематизации стало введение обобщающего

---

[1] О фрагментарности правового регулирования видов разрешенного использования земельных участков см.: пояснительная записка к проекту федерального закона № 496293-7 «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и некоторые законодательные акты Российской Федерации (в целях совершенствования определения видов разрешенного использования земельных участков)».

[2] Федеральный закон от 31.07.2025 № 295-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 31. Ст. 4952.

термина «регламенты использования земель». Статья 14.2 Земельного кодекса объединяет под данным понятием все виды документов, которыми устанавливаются виды разрешенного использования земельных участков[3]. К числу таких регламентов отнесены градостроительный регламент, действующий в составе правил землепользования и застройки, лесохозяйственный регламент лесничеств и лесопарков, а также положение об особо охраняемой природной территории.

Системное регулирование института видов разрешенного использования было бы неполным без установления четкой процедуры, посредством которой правообладатели земельных участков могут реализовать свои права по выбору конкретного вида деятельности. Основополагающее правило, закрепленное в пункте 1 статьи 14.4 Земельного кодекса, исходит из презумпции свободы выбора: любой основной или вспомогательный вид разрешенного использования из числа установленных регламентами выбирается правообладателем без каких-либо дополнительных разрешений и согласований. Вместе с тем свобода выбора сопряжена с необходимостью надлежащего оформления его результатов. Пункт 2 статьи 14.4 устанавливает процедуру легализации выбранного вида: правообладатель обязан направить заявление о внесении соответствующих сведений в Единый государственный реестр недвижимости, и именно момент внесения сведений в реестр признается моментом окончательного выбора основного вида разрешенного использования.

Наиболее сложным в новом законе представляется вопрос о возможности выбора и изменения вида разрешенного использования лицами, не являющимися собственниками земельных участков. Пункт 3 статьи 14.4 Земельного кодекса вводит общий запрет для арендаторов и ссудополучателей земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной

---

[3] О значении легального определения вида разрешенного использования см.: Новые подходы к разрешенному использованию земельных участков (Федеральный закон от 31.07.2025 № 295-ФЗ) // URL: https://zakon.ru/blog/2025/09/02/novye_podhody_k_razreshennomu (дата обращения: 05.03.2026).

собственности, на выбор иного вида разрешенного использования, чем тот, который прямо предусмотрен договором. Исключение предусмотрено для арендаторов, с которыми заключен договор о комплексном развитии территории.

Наряду с общим порядком определения видов разрешенного использования на основе регламентов, Федеральный закон № 295 предусматривает исключительные ситуации, в которых приоритетное значение приобретают иные документы. В соответствии с пунктом 5 статьи 14.2 Земельного кодекса виды разрешенного использования могут устанавливаться документацией по планировке территории, а именно проектами планировки и проектами межевания территории[4].

При всей системности и прогрессивности нового регулирования отдельные его положения обнаруживают внутреннюю противоречивость. С одной стороны, пункт 7 статьи 14.1 Земельного кодекса закрепляет общий принцип, согласно которому разрешенное использование зданий или сооружений должно соответствовать видам разрешенного использования земельного участка, на котором они расположены. С другой стороны, часть 7 статьи 16 Федерального закона № 295, входящая в состав переходных положений, устанавливает прямо противоположное правило: основной вид разрешенного использования образуемого земельного участка, на котором расположены здание или сооружение, устанавливается независимо от регламента использования земель в соответствии с видом разрешенного использования, назначением и наименованием этих зданий или сооружений. Данную коллизию предлагается рассматривать с учетом времени возникновения соответствующих объектов и правоотношений.

Одним из наиболее существенных пробелов предшествующего правового регулирования являлось отсутствие специального федерального закона, определяющего порядок установления и изменения видов разрешенного

[4] Пункт 5 статьи 14.2 Земельного кодекса Российской Федерации (в ред. Федерального закона от 31.07.2025 № 295-ФЗ). См. также: пояснительная записка к проекту федерального закона № 496293-7.

использования для земель сельскохозяйственного назначения. Часть 12 статьи 16 Федерального закона № 295 устанавливает, что до принятия такого закона изменение вида разрешенного использования сельскохозяйственных угодий допускается исключительно на основании решения органа государственной власти субъекта Российской Федерации. Данный подход, будучи временной мерой, создает предпосылки для региональной дифференциации. Кроме того, само понятие «соответствие целевому назначению» сохраняет степень оценочности, поскольку пункт 6 статьи 14.2 Земельного кодекса лишь отсылает к классификатору видов разрешенного использования, который содержит значительное число видов, лишь косвенно связанных с сельскохозяйственным производством.

Наиболее дискуссионным и революционным изменением следует признать новую редакцию подпункта 17 статьи 39.16 Земельного кодекса, определяющего основания для отказа в предоставлении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности. В прежней редакции отказ допускался, если участок в соответствии с документами территориального планирования и документацией по планировке территории предназначался для размещения объектов публичного значения, а с заявлением обращалось лицо, не уполномоченное на строительство этих объектов. Новая редакция существенно сужает возможности для отказа: из числа документов исключены документы территориального планирования, и, что главное, норма содержит исключение для правообладателей расположенных на участке зданий и сооружений. Даже при наличии утвержденного проекта планировки территории, предусматривающего размещение объекта публичного значения, отказ в предоставлении участка не допускается, если с заявлением обратились собственник расположенного на участке здания, сооружения либо лицо, которому участок предоставлен на праве постоянного (бессрочного) пользования.

Проведенный анализ изменений, внесенных Федеральным законом № 295-ФЗ, позволяет сформулировать выводы о достоинствах и проблемах нового

регулирования.

Реформа представляет собой значительный шаг вперед: впервые закреплено легальное определение вида разрешенного использования, введен термин «регламенты использования земель», установлен механизм выбора вида использования правообладателем, детально регламентированы особые случаи установления видов разрешенного использования. Вместе с тем выявлен ряд проблемных аспектов.

Наиболее существенным пробелом остается отсутствие специального федерального закона, определяющего порядок установления видов разрешенного использования для земель сельскохозяйственного назначения. Обнаруживается коллизия между общим принципом соответствия назначения здания виду разрешенного использования участка и правилом, допускающим установление вида использования образуемого участка исходя из назначения расположенного на нем здания. Норма, предоставляющая собственникам возможность выкупа участков даже при наличии проектов планировки территории под публичные объекты, при всей своей прогрессивности создает потенциал для злоупотреблений.

Перспективы развития института связаны с принятием специального закона о правовом режиме земель сельскохозяйственного назначения и корректировкой судебной практики.

Секция № 12. «Трудовое право и право социального обеспечения: традиции и новые горизонты»

Особенности правового регулирования дистанционного труда

Артенян Анаид Гарриковна,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Волянская Маргарита Геннадьевна,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье исследуются юридические особенности организации дистанционного труда. Анализируется проблема современного правового регулирования в исследуемой области, а именно отсутствие законодательно закреплённого механизма уведомления работодателя о перемене дистанционным работником фактического места нахождения. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системный анализ. Эмпирической основой исследования служит судебная практика по рассматриваемому вопросу, на основе которой выявляются правовые риски внутрироссийской и трансграничной миграции дистанционных работников, включая изменение налогового статуса, невозможность обеспечения охраны труда и споры о заработной плате (в части установления и выплаты районных коэффициентов). Формулируются предложения по совершенствованию законодательства и договорного регулирования.

Ключевые слова: дистанционный труд, место работы, районный коэффициент, трансграничный переезд, внутрироссийская миграция, судебная практика регулирования удаленной работы.

Трансформация трудовых отношений в постиндустриальную эпоху привела к появлению такого института трудового права как «дистанционный труд» и к необходимости его правового регулирования. Ещё в 1973 г.

американский исследователь Джек Ниллес, придумавший термин «телеработа», отмечал: «развитие телекоммуникаций неизбежно сделает ненужным перемещение в пространстве к месту работы во всех сферах, не связанных с материальным производством»[1]. Сегодня эта идея обрела нормативное воплощение в главе 49.1 Трудового Кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ТК РФ).

Ключевая особенность дистанционного труда закреплена в ч. 1 ст. 312.1 ТК РФ: работа выполняется «вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя». Данная «размытость» в определении места работы порождает правовую неопределенность: согласно ст. 57 ТК РФ условие о месте работе является обязательным, однако Роструд в своём письме от 9 апреля 2024 года № ПГ/05642-6-1 допускает его конкретизацию лишь до населённого пункта[2]. В результате договорное место работы и фактическое место нахождения работника могут не совпадать, что создаёт риски.

При дистанционной работе возникают проблемы обеспечения безопасности и охраны труда, а также вопросы «дистанционного» контроля[3]. При перемене работником места нахождения без уведомления работодателя эти проблемы обостряются.

Анализ судебной практики демонстрирует два основных направления правовых рисков. Первое – трансграничные переезды. В Определении Московского городского суда от 2 июля 2024 года № 33-20930/2024 (переезд работника на Мальту) суд признал законным увольнение по ч. 2 ст. 312.8 ТК РФ, указав на изменение налогового статуса работника и невозможность для работодателя обеспечить охрану труда за границей[4]. В Определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21 ноября 2024 года № 88-

---

[1] Ульянова Н. Вне поля зрения // Бизнес-журнал. 2014. № 8 (221). С. 1.

[2] Письмо Роструда от 09.04.2024 № ПГ/05642-6-1 «О месте работы в трудовом договоре о дистанционной работе» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 11.02.2026).

[3] См.: Коршунова Т.Ю. Договор о дистанционной работе как способ оформления нетипичных трудовых отношений // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 5.

[4] Определение Московского городского суда от 02.07.2024 № 33-20930/2024 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.02.2026).

29277/2024 (переезд работника в Канаду) суд сформулировал важную правовую позицию о том, что работодатель не обязан доказывать невозможность исполнения работником трудовой функции после переезда – сам факт смены юрисдикции создает объективную невозможность сохранения прежних условий труда[5].

Второе направление - внутрироссийская миграция. Переезд в районы Крайнего Севера порождает споры о применении районных коэффициентов и процентных надбавок. В Определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15 декабря 2025 года № 88-21041/2025 рассматривалась ситуация, когда дистанционный работник после увольнения потребовал выплаты районного коэффициента и северной надбавки за период работы, фактически проживая в г. Мурманске (район Крайнего Севера)[6]. Суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении требований, указав, что: 1) выполнение трудовой функции в районах Крайнего Севера без согласования с работодателем не меняет условие трудового договора о месте работы; 2) в договоре, заключенном в г. Санкт-Петербурге, не предусмотрены дополнительные выплаты; 3) регистрация в г. Мурманске и обращение за медицинской помощью не доказывают, что весь период работы осуществлялся именно там. Однако кассация отправила дело на пересмотр, подчеркнув, что выплата районного коэффициента и процентной надбавки зависит от места выполнения обязанностей, а не от места нахождения работодателя. Суд указал, что в реквизитах договора работник указал адрес регистрации в г. Мурманске, иных сведений о месте выполнения обязанностей в договоре не было, а значит, апелляция должна была исследовать этот вопрос детальнее.

Пример судебной практики, связанной с дистанционной работой и изменением места выполнения трудовых обязанностей без уведомления работодателя, содержится также в определении Третьего кассационного суда

---

[5] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21.11.2024 № 88-29277/2024 // СПС Гарант. URL: garant.ru (дата обращения: 11.02.2026).

[6] Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15.12.2025 № 88-21041/2025 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 11.02.2026).

общей юрисдикции от 22 января 2020 года по делу №2-833/20197. Организация привлекла к дисциплинарной ответственности менеджера по работе с региональными клиентами. Согласно трудовому договору, работник должен был выполнять обязанности дистанционно из г. Мурманска. Однако он без предупреждения работодателя переехал в г. Москву, а затем в г. Санкт-Петербург. Работник обжаловал привлечение к ответственности в суде, считая, что не нарушил условия договора, так как организация находилась в г. Москве, а он работал дистанционно. Суды всех инстанций не поддержали работника. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что в трудовом договоре было чётко определено место работы—город Мурманск. Из-за этого работник получал дополнительные надбавки, связанные с нахождением в районе Крайнего Севера, а также другие льготы. Поскольку работник без предупреждения покинул место работы, установленное в договоре, кассационный суд признал привлечение к дисциплинарной ответственности обоснованным. Этот случай подтверждает, что изменение места выполнения трудовых обязанностей дистанционным работником без согласования с работодателем нарушает условия трудового договора, даже если сам факт дистанционной работы сохраняется. Особенно это актуально, когда изменение места работы влияет на льготы, компенсации и другие условия труда, связанные с конкретным регионом (например, с районами Крайнего Севера).

Таким образом, по вопросу внутрироссийской миграции суды исходят из фактического места выполнения работы, а не из договорного, если договор не содержит чёткого указания на иное. Это подтверждается законодательством (ст. 209 ТК РФ) и судебной практикой. При этом фактическое место выполнения работы должно быть доказано. Если изменение места работы влияет на льготы, компенсации и другие условия труда, связанные с конкретным регионом (например, с районами Крайнего Севера), такое изменение без согласования с работодателем может нарушать условия трудового договора. Это принципиально отличает внутрироссийские споры от трансграничных, где

[7] Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 22.01.2020 № 2-833/2019 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.02.2026).

определяющим фактором часто становится не только факт проживания, но и невозможность для работодателя исполнить свои обязанности в иностранной юрисдикции.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Действующий ТК РФ не содержит обязанности дистанционного работника уведомлять о смене места жительства. Хотя в теории применение «северных» льгот для дистанционных работников возможно лишь при условии, что в трудовом договоре в качестве места работы указан населенный пункт, относящийся к районам Крайнего Севера, судебная практика смягчает этот подход, признавая приоритет фактического места выполнения работы. Внутрироссийская миграция в районы Крайнего Севера порождает обязанность работодателя выплачивать районный коэффициент и надбавки с момента, когда он узнал или должен был узнать о фактическом месте выполнения работы. Недобросовестное умолчание работника о переезде может служить основанием для отказа в перерасчете за прошлый период, но не освобождает от выплат на будущее.

2. Трансграничный переезд объективно меняет условия трудовых отношений (налогообложение, охрану труда, юрисдикцию) и требует согласования с работодателем. При его отсутствии увольнение по ч. 2 ст. 312.8 ТК РФ признается законным. В связи с этим нами были сформулированы следующие предложения:

1. Дополнить главу 49.1 ТК РФ нормой об обязанности работника уведомлять о смене места выполнения трудовой функции в разумный срок, который должен уточняться в локальных нормативных актах и (или) в трудовом договоре, с конкретизацией условия о порядке уведомления о переезде, перечне допустимых для работы регионов.

2. Необходимо закрепить право работодателя на расторжение договора при переезде работника в местность, где невозможно обеспечить соблюдение российского законодательства (переезд в иностранное государство), и гарантию отказа в перерасчете выплат за прошлый период при неуведомлении о переезде внутри страны.

Компенсационные выплаты по социальному обеспечению

Бахмутов Антон Алексеевич,
студент Филиала Московского университета им. С.Ю. Витте, г. Нижний Новгород

Аннотация: В настоящей статье рассмотрены понятие и виды компенсационных выплат по социальному обеспечению. Особо обозначены правовые основы их предоставления, а также источники финансирования. Автором раскрыты некоторые проблемы в предоставлении таких выплат и предложены пути их решения.

Ключевые слова: компенсационные выплаты по социальному обеспечению, виды компенсационных выплат, правовое регулирование предоставления компенсационных выплат.

Социальная защита населения является одной из важнейших функций государства, которая обеспечивает достойный уровень жизни гражданам в сложных жизненных ситуациях. Одним из важных элементов социальной защиты выступают компенсационные выплаты, направленные на возмещение утраченных доходов, также покрытие расходов, связанных с реализацией социальных гарантий.

Н.В. Нестерова предлагает следующее понятие компенсационных выплат: «Компенсационная выплата — это вид материальной поддержки, предоставляемый государством гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации, вызванной утратой дохода либо необходимостью покрытия специфических затрат, обусловленных статусом лица (например, выплаты пенсионерам, инвалидам, многодетным родителям)»[1].

Среди основных признаков компенсационных выплат отметим следующие: во-первых, такая социальная помощь, выраженная в денежном эквиваленте, носит адресный характер и предоставляется строго определённым

[1] Нестерова Н.В. Компенсационные выплаты в системе социального обеспечения / Н.В. Нестерова, Е.А. Крапивко, А.С. Овчарова // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 105-7. С. 41-43.

категориям граждан; во-вторых, размер выплат зависит от определенных факторов, таких как величина прожиточного минимума, уровень инфляции в стране, регион проживания гражданина и других[2].

Классификации компенсационных выплат могут быть проведены исходя из различных критериев. Например, по порядку начисления выплаты могут быть единовременными, регулярными (ежемесячными) или выплачиваться с определенной периодичностью. В зависимости от цели такие выплаты могут покрывать временную потерю дохода (например, выплаты неработающему гражданину трудоспособного возраста и состояния здоровья, который ухаживает за нетрудоспособным гражданином), возмещать ущерб здоровью (например, выплаты гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС), компенсировать дополнительные издержки (например, ежегодные выплаты инвалидам по зрению, которым предоставлена собака-поводырь, на ее содержание), связанные с определенными жизненными обстоятельствами (например, выплаты вынужденным переселенцам).

В настоящее время основными источниками финансирования этих выплат выступают государственные внебюджетные фонды, предназначенные для социальных нужд, а также средства бюджетов различных уровней: федеральных, региональных и местных.

В Российской Федерации порядок назначения компенсационных выплат по социальному обеспечению устанавливается не одним нормативным актом, а совокупностью таких документов. Основным нормативным актом, который определяет порядок назначения компенсационных выплат гражданам, является Федеральный закон от 17 июля 1999 года №178-ФЗ «О государственной социальной помощи»[3], который определяет процедуру учёта прав граждан на различные виды социальной поддержки, включая государственную социальную

---

[2] Новикова Я.Д. Современное состояние и проблемы системы компенсационных выплат в Российской Федерации / Я.Д. Новикова // Бюллетень гражданского общества. 2023. № 4. С. 31–39.

[3] Собрание законодательства РФ. 1999. № 29. Ст. 3699.

помощь, а также иные социальные гарантии и выплаты, закреплённые федеральными законами, нормативными актами регионов и муниципальными правовыми документами.

В отличие от пособий по социальному обеспечению, которые регулируются федеральными законами, компенсационные выплаты могут быть установлены и произведены на основании других нормативных актов, например, указов Президента РФ (например, Указ Президента РФ от 28 июня 2024 года № 554 «О ежемесячной компенсационной выплате отдельным категориям военнослужащих, проходящих военную службу по контракту»[4]) или постановлений Правительства (например, Постановление Правительства РФ от 21 января 2022 года № 24 «О предоставлении отдельных мер социальной поддержки гражданам, подвергшимся воздействию радиации»[5]).

Также значительное влияние оказывают ведомственные инструкции Министерства труда и социальной защиты РФ, Министерства финансов РФ и Социального фонда РФ, в которых уточняются процедуры оформления документов, подачи заявлений и осуществления выплат. Например, Приказ Министерства здравоохранения РФ и Министерства труда и социальной защиты РФ от 26 июля 2022 года №506/429 «Об утверждении Методических рекомендаций по порядку применения Постановления Правительства Российской Федерации от 15 июля 2022 года № 1268 «О порядке предоставления компенсационной выплаты отдельным категориям лиц, подвергшихся риску заражения новой коронавирусной инфекцией»[6].

Несмотря на существенный объем правовых актов, принятых на разных уровнях законотворчества и регламентирующих порядок предоставления компенсационных выплат по социальному обеспечению, в действующем законодательстве все еще возникают некоторые проблемы правового регулирования их предоставления.

Первая проблема видится в отсутствии единого понятийного аппарата:

[4] Собрание законодательства РФ. 2024. № 27. Ст. 3798.
[5] Собрание законодательства РФ. 2022. № 5. Ст. 759.
[6] СПС Гарант. URL: garant.ru (дата обращения: 18.02.2026).

при характеристике компенсационных выплат по социальному обеспечению в нормативных актах используются термины «компенсация» и «выплата» бессистемно. Кроме того, законодательство о компенсационных выплатах носит фрагментарный характер, отсутствует единый нормативных акт об основаниях и порядке предоставления таких выплат. Это приводит к установлению разных подходов к порядку назначения и определения размера рассматриваемых выплат. Решением проблемы может стать принятие единого федерального закона, устанавливающего порядок и основания предоставления компенсационных выплат по социальному обеспечению.

Вторая сложность состоит в отсутствии четкого разграничения в законах компенсационных выплат по социальному обеспечению и пособий, это затрудняет финансирование их предоставления. Решению этой проблемы будет способствовать законодательное разграничение компенсационных выплат по социальному обеспечению от иных видов выплат по целям и основаниям предоставления, источникам финансирования.

Третья проблема связана с тем, что категории получателей той или иной выплаты не всегда охватывают всех реально нуждающихся в ее предоставлении, например, выплаты по уходу за инвалидами могут быть назначены только лицам, которые осуществляют уход за инвалидами первой группы, но не могут быть предоставлены тем, кто осуществляет уход за тяжелобольными инвалидами второй группы. Устранению этого пробела будет способствовать детальная правовая регламентация принципов индивидуальной оценки нуждаемости получателей компенсационных выплат по социальному обеспечению.

Практическая реализация указанных мер позволит упростить процедуру предоставления компенсационных выплат по социальному обеспечению и повысить качество жизни их получателей.

Правовое регулирование стимулирующих выплат в структуре заработной платы

Заруднева Анна Денисовна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Давыдов Александр Михайлович,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Правовое регулирование стимулирующих выплат в структуре заработной платы претерпело существенные изменения с 1 сентября 2025 года, что обусловило необходимость пересмотра подходов к их начислению и выплате. Ранее порядок предоставления стимулирующих выплат оставался достаточно произвольным, что позволяло работодателям назначать премии по собственной инициативе без обязательного закрепления в локальных нормативных актах. Исследование фокусируется на изучении новых требований к документальному оформлению порядка предоставления стимулирующих выплат. В работе рассматриваются практические аспекты адаптации организаций к новым требованиям законодательства. Автором показано, что внедрение новых норм направлено на создание более прозрачной и справедливой системы оплаты труда, способствующей укреплению социально-трудовых отношений, повышению мотивации работников и обеспечению их правовых гарантий в части получения стимулирующих выплат.

Ключевые слова: стимулирующие выплаты, заработная плата, премирование, правовое регулирование стимулирующих выплат.

Согласно положениям Трудового кодекса Российской Федерации, стимулирующие выплаты являются составной частью заработной платы (наряду с вознаграждением за труд и компенсационными выплатами). Вместе с тем Трудовой Кодекс РФ достаточно скупо осуществляет их правовое регулирование, просто упоминая их существование (ч. 1 ст. 129 ТК РФ) и

предоставляя работодателю право (самостоятельно или в рамках отношений социального партнерства устанавливать в системе оплаты труда систему доплат и надбавок стимулирующего характера и систему премирования (ч. 2 ст. 135 ТК РФ)[1].

Значительные изменения в сфере стимулирующих выплат были введены постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июня 2023 года № 32-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 135 и части первой статьи 193 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.В. Царегородской»[2]. Суд отметил, что отсутствие четко установленного порядка влечет за собой неопределенность и нарушает принцип равенства работников, что недопустимо с точки зрения конституционного законодательства.

После рассмотрения жалобы гражданки Е.В. Царегородской, в которой ставилась под сомнение конституционность части второй статьи 135 Трудового кодекса РФ, позволяющей лишать работников стимулирующих выплат в период действия дисциплинарного взыскания, Конституционный Суд РФ признал данное положение неконституционным, указав, что лишение премий и других стимулирующих выплат в силу наличия дисциплинарного взыскания нарушает принципы справедливости и защиту трудовых прав.

Принципиально было отмечено, что дисциплинарное взыскание не должно автоматически препятствовать выплате стимулирующих вознаграждений, учитывая разнообразие форм премирования и их связь с непосредственными результатами труда.

В ответ на это решение Министерство труда Российской Федерации разработало и внесло поправки в статью 135 Трудового кодекса Российской Федерации[3], которые вступили в силу с сентября 2025 года. Согласно новым

---

[1] Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 06.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.06.2023 № 32-П [Электронный ресурс] // publication.pravo.gov.ru URL: http://publication.pravo.gov.ru/document (дата обращения: 15.03.2026).

[3] Федеральный закон от 07.06.2025 № 144-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс

нормам, порядок выплаты стимулирующих выплат должен быть четко закреплен в локальных нормативных актах работодателя — положениях о премировании, коллективных договорах или иных обязательных документах, регулирующих оплату труда.

Таким образом, произвольное начисление премий оказалось запрещенным законом. Кроме того, поправки уточнили, что дисциплинарное взыскание не лишает работника права на получение стимулирующих выплат, связанных с его непосредственным участием в деятельности, финансируемой особым образом, например, в государственных учреждениях при оказании платных услуг или высокотехнологичной медицинской помощи[4].

Нововведения направлены на повышение прозрачности и юридической определенности в вопросах премирования, что исключает возможность произвольного решения работодателя при выплате стимулирующих надбавок. Необходимость отчётливо определять условия и размер стимулирующих выплат закреплена уже не только в трудовом договоре, но и подкреплена обязательным закреплением в локальных нормативных документах, что создает механизм контроля и дает работникам гарантии на получение положенных денежных вознаграждений.

На практике введение новых норм привело к массовой ревизии локальных нормативных актов и коллективных договоров во многих организациях. Работодатели вынуждены были формализовать системы премирования, ранее часто не имеющие четко прописанных правил, чтобы соответствовать требованиям Федерального закона от 7 июня 2025 года № 144-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации». Главным направлением изменений стало создание прозрачных и понятных механизмов начисления стимулирующих выплат, с ясным описанием видов премий, их размеров, алгоритмов расчёта, а также условий и оснований для

Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 23. Ст. 3003.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2023 г. № 32-П [Электронный ресурс] // publication.pravo.gov.ru - URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202306190001 (дата обращения: 15.03.2026).

выплат. В новых редакциях положений о премировании акцент сделан на обязательность фиксации критериев оценки деятельности работников и связи выплат с конкретными достижениями или результатами труда[5].

Изменение подходов к начислению премий формирует более сбалансированную систему материального стимулирования, влияя на социально-экономические отношения между работниками и работодателями. Прозрачные критерии выплат повышают доверие сотрудников, улучшают моральный климат и снижают социальную напряжённость**.**

Для работодателей новые нормы становятся инструментом мотивирования без риска конфликтов из-за необоснованного лишения премий. Установление верхнего предела снижения премий минимизирует финансовую нестабильность для работников, а чёткие правила укрепляют ответственность работодателя и сдерживают злоупотребления премиальной системой[6]. В экономическом плане жёсткое регулирование способствует эффективному использованию трудовых ресурсов и справедливому распределению доходов, создавая предпосылки для устойчивого развития малого и среднего бизнеса, где прозрачность расчётов премий критична для конкурентоспособности [7].

Международный опыт показывает разнообразие подходов к правовому регулированию стимулирующих выплат, что обусловлено различиями в экономическом развитии, социальной политике и правовых традициях стран.

В Канаде, например, действует специализированная программа «Pay-for-Performance Incentive Payments Program», направленная на поддержку и расширение Национальной системы ученичества. Размер стимулирующих выплат здесь зависит от количества новых зарегистрированных учеников и выплачивается организаторам программ, что поощряет развитие

---

[5] Федеральный закон от 07.06.2025 № 144-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 23. Ст. 3003.

[6] См.: Пискарева Н. Какие правила для премирования действуют с 1 сентября 2025. [Электронный ресурс] // www.kontur-extern.ru - URL: https://www.kontur-extern.ru/info/47713-kak_platit_premi (дата обращения: 16.03.2026).

[7] См.: Миллер О. Нужно ли с 1 сентября 2025 года предусматривать системы. [Электронный ресурс] // www.garant.ru - URL: https://www.garant.ru/consult/work_law/1826098/ (дата обращения: 16.03.2026).

квалифицированных кадров посредством целевых финансовых механизмов, подкрепленных нормами Employment Standards Code и Construction Industry Wages Act[8].

В Соединенных Штатах регулирование стимулирующих выплат реализуется через сочетание федеральных и региональных нормативных актов, таких как законы о федеральной минимальной зарплате и специальные положения об оплате сверхурочной работы. Здесь премиальные и прочие стимулы часто связаны с достижением определенных производственных результатов, что подкрепляется правовой системой с элементами общего права и гибкими механизмами государственно-частного взаимодействия[9]. Особое значение имеет законодательное обеспечение прозрачности расчёта выплат и обязательность соблюдения минимальных гарантий выплат.

В европейских странах социально-правовые системы акцентируют внимание на комплексном регулировании рынка труда, где стимулирующие выплаты интегрированы в более широкие программы трудовой политики. Государственное участие выражается через фонды страхования от безработицы, программы переподготовки кадров и отраслевые соглашения, что обеспечивает высокий уровень социальной защиты и поддерживает качество трудовых ресурсов. Например, в скандинавских странах, включая Швецию и Финляндию, стимулирование трудовой активности связано с развитой системой коллективного трудового права и широким участием профсоюзов в регулировании премий и бонусов[10].

Перспективы развития законодательства о стимулирующих выплатах в России предполагают дальнейшее углубление правового регулирования и

---

[8] Employment Standards | Employment Standards | Overtime for... [Электронный ресурс] // www.gov.mb.ca - URL: https://www.gov.mb.ca/labour/standards/doc,overtime-incentive-pay (дата обращения: 17.03.2026).

[9] Opportunity Listing - Pay-for-Performance (PfP) Incentive Payments... [Электронный ресурс] // simpler.grants.gov - URL: https://simpler.grants.gov/opportunity/1b980077-90a8-43e8-9781 (дата обращения: 17.03.2026).

[10] Международно-правовое регулирование труда [Электронный ресурс] // elar.uspu.ru - URL: https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/29824/1/RSVPU_2019_464.pdf (дата обращения: 16.03.2026).

повышение прозрачности систем оплаты труда. На фоне продолжающегося роста минимального размера оплаты труда и требований по приведению зарплат в соответствие с изменяющимися экономическими условиями работодателям предстоит активизировать работу по обновлению внутренних документов и адаптации схем стимулирования к новым стандартам. Законодательная тенденция направлена на устранение «серых зон» в регулировании премий, что способствует снижению правовой неопределенности и минимизации конфликтных ситуаций.

Следует отметить, новое законодательство в сфере стимулирующих выплат способствует укреплению правовых гарантий работников, снижению произвольности в начислении премий и формированию прозрачной и справедливой системы оплаты труда. Рекомендуется работодателям уделять особое внимание своевременному обновлению локальных нормативных актов и обеспечивать активное участие социальных партнеров в разработке условий премирования, а работникам — внимательно изучать свои трудовые права и условия стимулирующих выплат для защиты своих интересов. Такая совместная работа будет способствовать созданию сбалансированной и устойчивой системы материального стимулирования, отвечающей современным требованиям трудового законодательства и социально-экономической ситуации.

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как средство преодоления пробелов в трудовом праве

Клименко Михаил Юрьевич,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В данной статье анализируется роль правовых позиций Конституционного Суда РФ в механизме восполнения пробелов в трудовом законодательстве. Исследование основано на анализе решений Суда, вынесенных в период с 2010 по 2025 год. Автор приходит к выводу, что конституционное правосудие выступает эффективным инструментом преодоления дефектов правового регулирования. Оно обеспечивает защиту трудовых прав работников в условиях неполноты отраслевого законодательства. Особое внимание уделяется трансформации правовых позиций Суда из оценочных средств в источники нормативного характера, восполняющие отсутствие законодательных предписаний.

***Ключевые слова*:** Конституционный Суд РФ, пробелы в трудовом праве, правовые позиции Конституционного Суда РФ, защита трудовых прав, работник, работодатель, источники трудового права, судебный прецедент.

Динамика развития социально-трудовых отношений довольно часто, а иногда и вовсе неизбежно приводит к ситуациям, когда законодатель не успевает своевременно отреагировать на возникновение новых общественных связей, которые вызывают необходимость урегулирования существующих, а также вновь возникших или претерпевших изменения отношений более детально. Трудовое право, как отрасль, наиболее подверженная влиянию экономических, технологических и социальных изменений, сталкивается с проблемой возникновения пробелов в правовом регулировании. Данная проблема усугубляется действием принципа: «недопустимость ухудшения положения работника по сравнению с трудовым законодательством», что требует особой осторожности при применении аналогии закона или аналогии

права. В этой связи особую значимость приобретает деятельность Конституционного Суда Российской Федерации, чьи правовые позиции, формируемые в процессе конституционного контроля и толкования норм, нередко выступают единственным эффективным средством преодоления законодательных дефектов, возникших на фоне развития и трансформации общественных отношений.

Вопрос о месте правовых позиций Конституционного Суда РФ в системе источников трудового права остается дискуссионным. Ряд авторов относят их к особой категории источников права, обладающих прецедентным характером[1]. Другие исследователи настаивают на их правокорректирующей, но не правообразующей функции[2]. Однако вне зависимости от теоретических споров, практическая значимость решений Конституционного Суда РФ для восполнения пробелов в трудовом праве не вызывает сомнений. Суд, интерпретируя конституционные нормы о свободе труда, запрете дискриминации, праве на защиту от безработицы и иных норм, фактически создает правила поведения для субъектов трудовых отношений и ориентиры для правоприменителя.

Формирование правового механизма преодоления пробелов в отраслевом законодательстве с помощью правовых позиций высшего судебного органа стало устойчивой тенденцией последних двух десятилетий. Это обусловлено самой природой конституционного правосудия, которое позволяет нивелировать недостающие правовые нормы, тем самым позволяет выстроить непротиворечивую систему отраслевого регулирования.

Специфика трудового права, характеризующаяся высокой степенью императивности в целях защиты экономически более слабой стороны: работника, делает пробелы особенно опасными. Неоднозначность вопроса о

---

[1] См.: Кряжков В.А. Как конституционная реформа 2020 года изменила Конституционный Суд Российской Федерации // Государство и право. 2020. № 9. С. 18–32; Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России 2-е изд., доп. – М.: Формула права, 2006. С. 124–131.

[2] См.: Богданова Н.А. Конституционный Суд Российской Федерации в системе конституционного права // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 3. С. 66–67.

судьбе трудового договора при смене собственника, отсутствие четких критериев определения простоя по вине работодателя, неопределенность в регулировании дистанционной работы на момент ее появления — все это примеры ситуаций, где отсутствие регламентирующей нормы могло привести к существенным нарушениям прав.

Конституционный Суд РФ, рассматривая конкретные дела граждан, вынужден решать задачу, аналогичную той, которую решает законодатель: поиск баланса между интересами работника и работодателя. Однако подход решения возникающих задач у Конституционного Суда РФ иной. Он не создает новую норму в классическом понимании как законодатель, а формулирует правовую позицию, становящуюся общеобязательной для всех правоприменителей.

Наиболее ярко роль правовых позиций Конституционного Суда РФ в преодолении пробелов проявилась в сфере регулирования оплаты труда, расторжения трудового договора и дисциплинарной ответственности. В силу того, что ТК РФ содержит множество оценочных понятий («злоупотребление правом», «иные уважительные причины», «неоднократность»), его нормы нередко требуют конституционного истолкования.

Показательным является Постановление Конституционного Суда РФ от 28 июня 2018 года № 1457-О, в котором рассматривался вопрос о правомерности увольнения работника за совершение хищения по месту работы[3]. Суд установил, что применение такого основания увольнения допустимо только при условии, когда вина работника установлена вступившим в законную силу приговором суда, в случае же вынесения судом решения о прекращении уголовного дела по не реабилитирующим основаниям, оно не подменяет собой приговор суда и, следовательно, не является актом, устанавливающим виновность. Данная правовая позиция восполнила пробел в части 1 пункта 6 подпункта «г» статьи 81 ТК РФ, которая не раскрывала

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2018 № 1457–О // URL https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71894484/ (дата обращения: 19.03.2026).

механизм подтверждения вины для целей прекращения трудового договора, и тем самым сформировала гарантийный механизм, защищающий работников от необоснованных увольнений по данному основанию.

Еще одним примером служит Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2020 года № 35-П, в котором рассматривался вопрос исчисления срока обращения в суд с иском о компенсации морального вреда, причинённого нарушением трудовых (служебных) прав[4]. Суд постановил, что часть 1 статьи 392 ТК РФ, которая служила основанием для исчисления такого срока, не соответствует Конституции РФ, так как не содержит указания на сроки обращения в суд в случаях, когда иск заявлен после вступления в законную силу решения суда по трудовому спору, которым были восстановлены трудовые (служебные) права истца. Суд указал, что требование о компенсации морального вреда может быть заявлено либо одновременно с требованием о восстановлении нарушенных трудовых прав, с соблюдением сроков, предусмотренных ч. 1 ст. 392 ТК РФ, либо в течение трёхмесячного срока с момента вступления в законную силу решения суда, которым эти права были восстановлены полностью или частично. В дальнейшем, в статью 392 Трудового кодекса РФ Федеральным законом от 5 апреля 2021 года № 74-ФЗ «О внесении изменений в статьи 391 и 392 ТК Российской Федерации» была включена часть 3, что закрепила положение о сроках по заявлению требований компенсации морального вреда, причиненного работнику вследствие нарушения его трудовых прав[5].

При изучении новых дел стоит выделить Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2023 года № 32-П, проведя проверку ст. 135 ТК РФ, суд постановил признать часть вторую ст. 135 ТК РФ не соответствующей Конституции Российской Федерации[6]. Поскольку она

---

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2020 № 35–П // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74278790 (дата обращения: 20.03.2026).

[5] О внесении изменений в статьи 391 и 392 Трудового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 05.04.2021 № 74-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document (дата обращения: 20.03.2026).

[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2023 № 32-П // URL:

порождает возможность произвольного установления на локальном уровне правил исчисления отдельных выплат, входящих в состав заработной платы, и тем самым - во взаимосвязи с соответствующими положениями коллективного договора, либо локальных нормативных актов - позволяет без учета количества и качества затраченного труда, а также иных объективных критериев уменьшать размер заработной платы работника, имеющего неснятое (непогашенное) дисциплинарное взыскание. Для защиты прав работника при расчете и получении заработной платы данная статья была изменена Федеральным законом от 7 июня 2025 года № 144–ФЗ «О внесении изменений в ТК РФ», введена новая часть 3, содержание которой устанавливает требования к системе премирования предусмотренной коллективными договорами, соглашениями, локальными актами во избежание нарушения прав работников[7].

Анализ решений Конституционного Суда РФ позволяет выявить в них определенные положения, которые составляют суть выработанных им правовых позиций, направленных на преодоление пробелов. К их числу относятся:

– Принцип недопустимости злоупотребления правом**.** Отсутствие прямого запрета в законе не означает свободы действий работодателя, если такие действия направлены на ухудшение положения работника. Эта позиция служит универсальным способом преодоления пробелов.

– Принцип стабильности трудовых отношений**.** Расторжение трудового договора является исключительной мерой. Если закон допускает множественность толкования, применяться должен тот вариант, который обеспечивает сохранение трудовых отношений. Данная позиция восполняет отсутствие в законе прямых указаний о приоритете сохранения занятости.

– Принцип определенности правового регулирования. Неопределенность нормы, порождающая возможность произвольного применения, сама по себе

---

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449849 (дата обращения:20.03.2026).

[7] О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 07.06.2025 № 144-ФЗ // URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/68457215 (дата обращения: 21.03.2026).

является нарушением конституционных прав. Формулируя правовую позицию, Конституционный Суд РФ фактически дает единственно возможное толкование, которое и становится обязательным для правоприменителей, устраняя пробелы.

Важно подчеркнуть, что Конституционный Суд РФ не подменяет законодателя. Его роль в преодолении пробелов заключается в создании правовых предпосылок для последующего законодательного регулирования, одной из форм, решения которой стали различные федеральные законы о внесении изменений.

Современный этап развития трудового права характеризуется цифровизацией и появлением новых форм занятости, которые зачастую не укладываются в традиционные конструкции ТК РФ. В этой ситуации именно правовые позиции Конституционного Суда РФ выступают стабилизирующим фактором, позволяющим адаптировать существующие нормы к новым реалиям до того момента, как законодатель примет соответствующие изменения.

Таким образом, можно утверждать, что Конституционный суд РФ выполняет уникальную функцию по преодолению пробелов в трудовом праве. Правовые позиции, сформулированные в его решениях, являются не просто толкованием действующих норм, а самостоятельным средством восполнения дефектов правового регулирования.

Трансформация механизма защиты трудовых прав работников в условиях налоговой реформы 2026 года: практико-правовой анализ

Комарова Дарья Владимировна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье анализируется влияние налоговой реформы 2026 года на сферу трудовых отношений и защиту прав работников. Рассматривается изменение налоговой нагрузки на субъекты малого и среднего предпринимательства. Проведён сравнительный анализ налоговых режимов с точки зрения стоимости труда. Установлено, что рост фискальной нагрузки снижает привлекательность трудовых договоров и стимулирует распространение альтернативных форм занятости. Сделан вывод об ослаблении механизма защиты трудовых прав работников в современных экономических условиях.

Ключевые слова: трудовые отношения, самозанятость, налоговая реформа, налоговые режимы, работодатель, работник, защита трудовых прав работников.

Налоговая реформа, реализованная Федеральным законом от 28 ноября 2025 года № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации»[1], предусматривающая внесение изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты, сопровождалась увеличением налоговой нагрузки на субъекты малого и среднего предпринимательства. Указанные изменения были восприняты бизнес-сообществом критически, что обусловлено их введением в условиях экономической нестабильности.

[1] Собрание законодательства РФ. 2025. № 48 (ч. 1). Ст. 7236.

Вместе с тем в рамках реформы фактически остался вне должного внимания вопрос влияния налоговых изменений на сферу трудовых отношений. Между тем именно субъекты малого и среднего предпринимательства традиционно характеризуются повышенным уровнем рисков нарушения трудовых прав работников, в том числе вследствие распространённости неформальной («серой») занятости. Усиление налоговой нагрузки объективно способствует дальнейшему росту данных рисков, создавая дополнительные экономические стимулы для ухода работодателей от оформления трудовых отношений в установленном законом порядке.

Для наглядного понимания изменения экономической модели для малого и среднего бизнеса, как для субъектов, которые наиболее остро ощутили на себе изменения в налоговом законодательстве, проведём сравнительный анализ налоговых режимов с точки зрения их влияния на стоимость труда и структуру занятости. Это обусловлено тем, что именно через механизм налогообложения формируются экономические стимулы работодателей, определяющие выбор между трудовыми отношениями и альтернативными формами привлечения труда.

Проведём сопоставление стоимости труда при применении различных налоговых режимов (ОСНО, УСН, ПСН, АУСН и налог на профессиональный доход) исходя из уровня оплаты труда, равного минимальному размеру оплаты труда в Оренбургской области - 31156,95 рублей в месяц.

Анализ показывает, что при использовании классических форм занятости (ОСНО, УСН, ПСН) сохраняется высокая фискальная нагрузка на труд. При начисленной заработной плате на уровне МРОТ совокупные расходы работодателя достигают около 40,5 тыс. рублей, тогда как работник фактически получает около 27,1 тыс. рублей[2]. Данная разница свидетельствует о значительном налоговом бремени, возлагаемом на фонд оплаты труда, и снижает экономическую привлекательность оформления трудовых отношений.

[2] См.: Дорошенко С.В. Неформальная занятость: влияет ли налоговый режим на профессиональный доход? // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024. №. 3. С. 11-22.

При этом выбор налогового режима в рамках указанных систем не оказывает существенного влияния на стоимость труда, поскольку обязанность по уплате страховых взносов в размере 30% сохраняется. В результате специальные налоговые режимы утрачивают стимулирующую функцию в части легализации занятости.

Иная ситуация наблюдается при применении автоматизированной упрощённой системы налогообложения, предусматривающей освобождение от страховых взносов. В данном случае стоимость работника для работодателя снижается более чем на 20%, что формирует экономический стимул к сокращению численности работников и ограничению использования классических трудовых договоров.

Наиболее выраженное влияние на трансформацию трудовых отношений оказывает режим налога на профессиональный доход. При сопоставимых затратах работодателя доход самозанятого существенно превышает доход наёмного работника, что делает данный формат занятости более привлекательным для обеих сторон. Вместе с тем такая модель предполагает отказ от применения трудового законодательства и, как следствие, лишает работников предусмотренных им гарантий.

В условиях увеличения налоговой нагрузки и доступности альтернативных режимов налогообложения, таких как автоматизированная упрощённая система (АУСН) и налог на профессиональный доход (НПД), формируются новые экономические стимулы для работодателей переводить работников на гражданско-правовые договоры или привлекать их в качестве самозанятых. При этом формально оформление трудовых отношений становится для предпринимателя менее выгодным, а работник оказывается в структурно уязвимом положении: его доходы, социальные гарантии и защита трудовых прав напрямую зависят от того, как именно оформлены взаимоотношения с работодателем.

Практика показывает, что в таких условиях именно судебные разбирательства становятся ключевым механизмом восстановления

нарушенных прав работников. На примере Постановления Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13 января 2025 года по делу № А53-23387/2023[3] можно выделить несколько практических уроков для работников, которые хотят доказать наличие трудовых отношений, несмотря на формальную регистрацию как ИП или заключение гражданско-правового договора:

1. Фактическое выполнение работы в интересах работодателя. Суд учитывает, выполняет ли работник конкретные функции, обеспечивающие основную деятельность организации, а не разовые задания. Регулярное и систематическое участие в производственном процессе является веским доказательством трудовых отношений.

2. Подчинение внутреннему распорядку и дисциплине. Даже если формально договором предусмотрена самостоятельность, наличие графика работы, правил посещения и иных внутренних норм, соблюдение которых ожидается от работника, укрепляет позицию о трудовом характере отношений.

3. Инфраструктурная зависимость. Использование помещения, оборудования и инвентаря работодателя, предоставление материалов и формы - признаки того, что работник фактически встроен в производственный процесс. Суд воспринимает это как свидетельство подчинённости, даже если формально договор носит гражданско-правовой характер.

4. Систематичность и регулярность выплат. Если вознаграждение выплачивается регулярно, по фиксированным датам, и его размер привязан к объёму выполненной работы, а не к единовременному заданию, это подтверждает элементы оплаты труда и трудового договора.

5. Отсутствие экономической самостоятельности. Суд учитывает, получает ли работник доход исключительно от одной организации, использует ли одни и те же контрагенты для бухгалтерских или юридических услуг, или же его деятельность формально «самостоятельна». Чем выше зависимость работника от работодателя, тем больше вероятность признания отношений трудовыми.

---

[3] СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.02.2026).

Таким образом, для работников, оказавшихся в ситуации, когда формально они оформлены как самозанятые или ИП, ключевым становится сбор и документирование доказательств фактической работы. Речь может идти о:

- графиках, расписаниях, внутренних инструкциях,
- отчётах и актах выполненных работ,
- свидетельских показаниях коллег и клиентов,
- переписке с работодателем, подтверждающей организацию и контроль работы.

В условиях реформированного налогового режима малый и средний бизнес сталкивается с экономическими стимуляторами ухода от трудовых договоров, а работники - с необходимостью активного использования судебного механизма для защиты своих прав. Следовательно, правовое просвещение и грамотная подготовка доказательной базы становятся важнейшими инструментами обеспечения баланса между интересами работодателя и правами работника.

Дополнительно подтверждает актуальность проблемы недекларированных трудовых отношений случай, выявленный Федеральной налоговой службой (ФНС) в 2024 году. Проверки крупных кадровых агентств выявили массовые нарушения при подборе персонала и уклонении от налогов. По данным пресс-службы ФНС, только за 2024 год уже вынесено 28 судебных решений, а общая сумма доначисленных налогов и штрафов превысила 3,3 млрд. рублей.

Например, после проверки агентства «Лидер Групп» в апреле 2024 года было доначислено более 159 млн. рублей налогов и 38,5 млн. рублей штрафа. Агентство предоставляло грузчиков, кассиров, уборщиц и иной персонал крупным ритейлерам - таким как «Детский Мир», «Тандер», «Агроторг», «Перекрёсток», «НестлеРоссия», «Лента», «Спортмастер». Аналогичные претензии предъявлены агентствам «Евро Про» и «Мастер-Стафф Групп», которым также доначислены значительные суммы налогов и штрафов.

Подобная практика свидетельствует о формировании явления «скрытых трудовых отношений», при котором происходит подмена трудового договора гражданско-правовыми конструкциями. По данным научных исследований, выявляются сотни тысяч случаев подобного рода трансформации занятости, что указывает на системный характер проблемы[4].

Вместе с тем правовой статус самозанятых остаётся неопределённым и носит межотраслевой характер. С одной стороны, данные субъекты рассматриваются как участники гражданского оборота, с другой - фактически включены в трудовые процессы, что порождает правовую коллизию и усложняет применение механизмов защиты[5].

Особую значимость приобретает вопрос о социальных гарантиях. В отличие от наёмных работников, самозанятые не обладают правом на оплачиваемый отпуск, временную нетрудоспособность, а также не участвуют в системе обязательного пенсионного страхования в полном объёме, что существенно снижает уровень их социальной защищённости.

Таким образом, расширение практики использования самозанятости в условиях роста фискальной нагрузки на фонд оплаты труда приводит к эрозии механизма защиты трудовых прав работников. Налоговая реформа, усиливая экономические стимулы для отказа от классических трудовых отношений, объективно способствует трансформации всей системы трудового права, смещая баланс в сторону гибких, но менее защищённых форм занятости.

---

[4] См.: Голенкова З.Т., Горина Т.И. Самозанятые в России: структура, динамика и нерешенные вопросы налогового эксперимента // Теория и практика общественного развития. 2025. №. 11. С. 24.

[5] См.: Полуян Д.А. О целях и результатах эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в контексте рекомендации Совета Федерации о его досрочном прекращении // Право и политика. 2025. №. 12. С. 1-14.

Легализация трудовой деятельности несовершеннолетних в целях противодействия теневой занятости: меры правового стимулирования и гарантии для работодателей и молодых работников

Кононенко София Андреевна,
студент Юридического института Луганского государственного университета имени Владимира Даля, г. Луганск

Аннотация: В статье рассматривается проблема теневой занятости несовершеннолетних в Российской Федерации, анализируются существующие правовые механизмы легализации труда подростков, а также предлагаются дополнительные стимулы и гарантии, направленные на защиту трудовых прав несовершеннолетних и снижение уровня неформальной занятости в данной сфере. Особое внимание уделяется соотношению федерального и регионального законодательства, а также практическим барьерам, препятствующим полноценной реализации подростками права на труд.

Ключевые слова: труд несовершеннолетних, теневая занятость, легализация труда, правовые гарантии, трудовое право, защита прав подростков, квотирование рабочих мест.

Трудовая деятельность несовершеннолетних традиционно рассматривается как один из наиболее сложных и одновременно перспективных сегментов рынка труда. С одной стороны, раннее вовлечение в трудовые отношения способствует социализации, развитию ответственности и профессиональной ориентации подростков. С другой — отсутствие эффективных правовых механизмов легализации труда несовершеннолетних приводит к распространению теневой занятости, нарушению трудовых прав и отсутствию социальных гарантий у данной категории работников.

В Российской Федерации правовое регулирование труда несовершеннолетних осуществляется Трудовым кодексом Российской Федерации (далее — ТК РФ), а также рядом подзаконных актов. Глава 42 ТК

РФ устанавливает особенности регулирования труда работников в возрасте до восемнадцати лет: сокращённую продолжительность рабочего времени, запрет на привлечение к сверхурочным и ночным работам, обязательность медицинских осмотров и дополнительные гарантии при расторжении трудового договора[1]. Однако, несмотря на наличие формальных гарантий, на практике подростки сталкиваются с многочисленными барьерами при трудоустройстве: сложность оформления, нежелание работодателей брать на себя дополнительную ответственность, отсутствие адаптированных рабочих мест. Всё это стимулирует развитие теневой занятости, при которой подростки получают оплату «в конверте» и лишаются социальных гарантий.

Как справедливо отмечает А.И. Крайнюченко, значительная часть законодательных актов, регулирующих труд несовершеннолетних, либо не отражают современные потребности, либо фактически имитируют правовое регулирование, не создавая реальных механизмов защиты. Особенно остро эта проблема проявляется в региональном законодательстве о квотировании рабочих мест[2]. Во многих субъектах РФ работодатель имеет право выбора между подростком и совершеннолетним специалистом, имеющим диплом. Реализуя своё право, работодатель может злоупотреблять им, ущемляя права несовершеннолетних, исходя из стереотипного мышления об их неопытности. При наличии альтернативы работодатель, руководствуясь экономической целесообразностью, изберёт кандидата с более высоким уровнем квалификации, что объективно ставит несовершеннолетних в положение, исключающее их реальную конкурентоспособность на рынке труда.

Легализация труда несовершеннолетних требует комплексного подхода, включающего как совершенствование федерального законодательства, так и развитие региональных программ поддержки занятости подростков. Важным стимулом может стать введение налоговых льгот для работодателей,

[1] Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 01.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 4). Гл. 42.

[2] См.: Крайнюченко А.И. Трудовое законодательство в отношении несовершеннолетних: особенности правового регулирования и проблемы правоприменения / А.И. Крайнюченко // Вестник науки. 2025. № 12 (93). Т. 3. С. 570–576.

трудоустраивающих несовершеннолетних, а также упрощение процедур оформления трудовых отношений для данной категории работников. Кроме того, необходима разработка механизмов контроля за соблюдением трудовых прав подростков и усиление ответственности за использование нелегального труда.

Теневая занятость подростков имеет не только экономические, но и серьёзные социальные последствия. В юридической литературе отмечается, что увеличение численности молодёжи, не вовлечённой в формальную занятость и образование (NEET-молодёжь), ведёт к маргинализации, росту социальной напряжённости и сокращению налоговых поступлений в бюджет, что подтверждается данными, приведёнными в исследовании А.А. Федченко и соавторов, доля экономически неактивной молодёжи в структуре NEET-группы достигает 56,4%, что требует дифференцированного подхода к разработке мер поддержки[3]. Отсюда следует, что основными причинами формирования теневой занятости среди несовершеннолетних выступают низкая оплата труда, занятость в неформальном секторе (в сфере услуг, розничной торговле, бытовом обслуживании без официального оформления), а также социальные проблемы (раннее материнство, необходимость ухода за больными членами семьи).

В контексте регламентации труда молодёжи трудовое право оперирует таким термином, как «лёгкий труд», который используется для описания допустимых условий труда для данной категории работников. Существенным пробелом современного трудового законодательства является отсутствие легального определения «лёгкого труда». Как указывает А.А. Хазиев, Трудовой кодекс РФ неоднократно оперирует данным понятием применительно к работникам 14–15 лет, однако не содержит его конкретизации[4]. Это создаёт

---

[3] См.: Федченко А.А., Дашкова Е.С., Дорохова Н.В., Азарнова Т.В. Ресурсы роста: молодые люди вне системы занятости и образования / А.А. Федченко, Е.С. Дашкова, Н.В. Дорохова, Т.В. Азарнова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2026. Т. 19. № 1. С. 238–255.

[4] См.: Хазиев А.А. Проблемы регулирования труда несовершеннолетних в РФ / А.А. Хазиев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 6–2 (93). С. 208–213.

неопределённость критериев отнесения работ к категории «лёгких» и порождает противоречия между санитарно-эпидемиологическими требованиями к условиям труда несовершеннолетних и трудовым законодательством. На практике это приводит к произвольному толкованию работодателями допустимых видов работ и сложностям в правоприменительной деятельности в условиях цифровизации.

В свою очередь развитие цифровой экономики ставит перед законодателем новые вызовы в сфере регулирования труда несовершеннолетних. Дистанционная занятость, работа через цифровые платформы, фриланс — все эти формы трудовых отношений практически не урегулированы применительно к лицам до 18 лет. Отсутствие специального регулирования создаёт риски обхода трудового законодательства через заключение гражданско-правовых договоров, невозможность обеспечения надлежащего контроля условий труда и трудности в применении норм о рабочем времени и времени отдыха. В этой связи необходимо дополнить главу 49.1 ТК РФ «Особенности регулирования труда дистанционных работников» специальными нормами, касающимися несовершеннолетних. Предлагается установить обязательность заключения трудовых договоров при систематическом выполнении работ через цифровые платформы, а также предусмотреть обязанность платформенного работодателя обеспечивать соблюдение ограничений по продолжительности рабочего времени и предоставлять время отдыха, предусмотренное для несовершеннолетних. Кроме того, целесообразно ввести требование о письменном информировании родителей (законных представителей) о характере выполняемой дистанционной работы и её условиях.

Особого внимания заслуживает региональный опыт квотирования рабочих мест для несовершеннолетних. В ряде субъектов РФ, например в Ярославской и Иркутской областях, действуют законодательные акты, предусматривающие выделение квот именно для подростков, что позволяет им получить первый трудовой опыт без конкуренции с более

квалифицированными специалистами. В Нижегородской области установлена административная ответственность за неисполнение обязанности по созданию квотируемых рабочих мест для лиц подросткового возраста[5]. Однако в большинстве регионов подростки не выделены в отдельную категорию и не имеют реальных гарантий трудоустройства. В связи с этим представляется необходимым внесение изменений в региональное законодательство, предусматривающих отнесение лиц от 14 до 18 лет к отдельной категории граждан, испытывающих трудности при поиске работы, и возложение на работодателей обязанности по созданию дополнительных квотируемых рабочих мест именно для данной категории. Такая мера позволит устранить существующую дискриминацию и создать для подростков реальные возможности для первого официального трудоустройства.

Таким образом, легализация труда подростков выступает не только способом защиты их прав, но и важным инструментом снижения уровня теневой занятости в целом.

Правовые стимулы и гарантии, направленные на вовлечение несовершеннолетних в формальный сектор экономики, должны учитывать как интересы самих подростков, так и потребности работодателей, создавая баланс между гибкостью трудовых отношений и защитой прав наиболее уязвимых участников рынка труда. Комплексный подход, включающий терминологическую конкретизацию понятия «лёгкий труд», специальное регулирование дистанционной работы, усиление контроля и развитие региональных программ занятости, позволит существенно сократить масштабы теневой занятости среди несовершеннолетних и обеспечить реальную защиту их трудовых прав.

---

[5] Нижегородская область. Закон Нижегородской области от 13.11.2024 № 134-З «О квотировании рабочих мест» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2024. 15 ноября. — URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/5200202411150005

Правовые риски внедрения искусственного интеллекта в трудовые отношения и механизмы защиты прав работников

Мальцева Елизавета Юрьевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Стремительное развитие и внедрение технологий искусственного интеллекта в различные сферы общественной жизни является одним из определяющих трендов современности. Рынок труда и трудовые отношения не стали исключением. Все больше работодателей используют алгоритмы и системы ИИ для автоматизации процессов управления персоналом: от рекрутинга и первичного отбора кандидатов до оценки эффективности, мониторинга деятельности сотрудников и принятия решений об увольнении. Подобная практика, с одной стороны, открывает новые возможности для оптимизации бизнес-процессов, с другой - порождает комплекс серьезных правовых рисков для работников, чьи права и законные интересы могут быть ущемлены в результате работы данных алгоритмов. Автором обосновывается вывод о необходимости обеспечения прозрачности алгоритмов и сохранения человеческого контроля за принятием юридически значимых решений для соблюдения баланса интересов сторон трудовых отношений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, трудовое право, правовые риски внедрения искусственного интеллекта в трудовые отношения, персональные данные, увольнение, превентивные меры.

В современной юридической литературе активно дискутируется вопрос о правовой природе искусственного интеллекта. Согласно первому подходу, ИИ следует рассматривать в качестве объекта правоотношений, что обосновывается принципом недопустимости полного замещения человека и необходимостью закрепления ответственности за разработчиками или владельцами соответствующих систем. Представители иной концепции

настаивают на возможности признания за ИИ статуса субъекта права, указывая на его функциональную аналогию с мыслительными процессами человека. Применительно к правовому регулированию использования технологий ИИ в трудовой сфере, в частности, при найме и увольнении сотрудников, прослеживается существенный разрыв между динамично развивающимися технологическими решениями и действующим законодательством.

Несмотря на отсутствие четко определенного правового статуса ИИ, его развитие в Российской Федерации регламентируется рядом нормативно-правовых актов, среди которых ключевое значение имеет Указ Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»[1]. Данный указ утвердил «Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», которая представляет собой комплексный документ, определяющий вектор развития технологий ИИ в стране.

Вопреки наличию стратегии и иных документов, задающих векторы развития технологий ИИ, степень проработанности нормативно-правовой базы в данной сфере остается низкой. Особенно остро этот дефицит ощущается в трудовом праве: образовавшийся правовой вакуум в части регламентации использования ИИ в управлении персоналом формирует зоны потенциальных угроз для рынка труда.

Отсутствие специализированных норм, регулирующих применение алгоритмов при найме и увольнении, способно спровоцировать комплекс негативных последствий, среди которых:

- дискриминация кандидатов, обусловленная алгоритмическими предубеждениями;
- непрозрачность процедур оценки персонала и принятия кадровых решений;

[1] Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

• уязвимость персональных данных работников и соискателей перед несанкционированным или некорректным использованием;

• риск необоснованного увольнения вследствие автоматизированной обработки данных без участия человека;

• отсутствие эффективных процедур оспаривания решений, вынесенных системами ИИ.

Совокупность указанных факторов способна усилить социальную напряженность и привести к росту безработицы, прежде всего в отраслях, наиболее подверженных автоматизации.

Исследуя данный вопрос, Р.А. Воробьева приходит к выводу о невозможности признания робота субъектом трудовых отношений, даже если его когнитивные способности достигнут сколь угодно высокого уровня развития. Обосновывая свою позицию, автор указывает на принципиальное отсутствие у искусственных систем такого неотъемлемого качества, как «воля», выступающего фундаментальной основой правосубъектности в трудовом праве[2].

Одним из наиболее серьезных правовых рисков внедрения ИИ в трудовые отношения является потенциальная дискриминация работников и соискателей. В российской правовой системе ключевым механизмом, препятствующим легитимации дискриминационных решений, вынесенных машиной, выступает императивный запрет на автоматизированное принятие решений, затрагивающих интересы работника. Данный запрет закреплен в п. 6 ч. 1 ст. 86 ТК РФ [3], согласно которому работодатель не вправе основываться на персональных данных работника, полученных исключительно в результате их автоматизированной обработки. Аналогичное положение содержится в ч. 1 ст.

---

[2] См.: Воробьева Р.А. К вопросу о корректности применения понятия «трудовая правосубъектность» по отношению к искусственному интеллекту // Проблемы трудового и социального права в условиях цифровой трансформации общества: Сборник научных статей. Минск, 2023. С. 10–14.

[3] Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

16 Федерального закона «О персональных данных»[4]: принятие решений, порождающих юридические последствия в отношении субъекта персональных данных, не допускается исключительно на основании автоматизированной обработки его данных, за исключением случаев, предусмотренных законом или письменным согласием субъекта. Хотя законодатель не раскрывает содержание термина «исключительно», его телеологическое толкование позволяет утверждать, что системы ИИ могут выполнять лишь вспомогательную, рекомендательную функцию. Принятие же окончательного решения и верификация его оснований должны оставаться прерогативой физического лица. Так, ИИ способен анализировать резюме или фиксировать факты нарушений, но отклонение кандидата или применение дисциплинарного взыскания (вплоть до увольнения) осуществляется только руководителем.

В контексте современных тенденций цифровизации трудовых отношений особую актуальность приобретает и проблематика применения ИИ в регулировании взаимодействия между работодателем и работником. Внедрение ИИ-технологий потенциально способно оказать существенное влияние на права и обязанности субъектов трудового права. При этом использование алгоритмов и систем ИИ не должно становиться прикрытием для одностороннего изменения существенных условий трудового договора в обход установленных ТК РФ процедур. Показательным примером выступает дело категорийного менеджера ООО «Алиса» (2024 г.). После внедрения нейросетей, способных выполнять функции сотрудницы, работодатель предложил ей перейти на двухчасовой рабочий день со снижением зарплаты либо уволиться. Получив отказ, компания расторгла договор по п. 7 ч. 1 ст. 77 ТК РФ (отказ от работы в связи с изменением условий труда). Суд установил, что фактически имело место сокращение штата, замаскированное под «цифровизацию». Работодатель нарушил процедуру: не уведомил сотрудницу за два месяца, не предложил вакансии. В результате суд восстановил истицу, взыскал зарплату за время

[4] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

вынужденного прогула и компенсацию морального вреда, подчеркнув, что внедрение ИИ не освобождает от соблюдения трудовых гарантий.

В современных условиях ИИ играет все более значимую роль в трудовых отношениях, замещая ряд профессиональных функций человека, что ставит новые вызовы в области защиты прав работников. Наиболее активно ИИ применяется в рекрутинге и первичном отборе кандидатов. Ярким примером позитивного опыта выступает «робот-рекрутер Вера» - программный комплекс, автоматизирующий телефонные интервью, анализ резюме и видео собеседования. Показательным кейсом является опыт компании «М.Видео», успешно применившей данную технологию для масштабного набора персонала в 2017 году. В условиях необходимости оперативного закрытия большого количества вакансий использование ИИ позволило обработать тысячи резюме и существенно сократить время подбора[5].

Проведенный анализ позволяет констатировать, что внедрение технологий искусственного интеллекта в трудовые отношения, демонстрируя несомненную эффективность в решении операционных задач, одновременно порождает комплекс серьезных правовых рисков. Отсутствие четкого правового статуса ИИ и недостаточная урегулированность его применения в трудовом законодательстве создают риски нарушения прав работников, особенно в процессах найма и управления персоналом. Существует реальная опасность возникновения дискриминации при использовании ИИ в HR-процессах, что противоречит фундаментальным принципам.

Минимизация правовых рисков, связанных с использованием искусственного интеллекта в трудовых отношениях, требует не только совершенствования законодательства на централизованном уровне, но и внедрения ответственными работодателями комплекса превентивных (предупредительных) мер на локальном уровне.

---

[5] См.: Салтыкова А.Э. Внедрение роботизированных технологий в практику подбора персонала: преимущества и возможности для компании // Экономическая политика России: новая реальность и перспективы: Материалы работы Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2022. С. 143–148.

В первую очередь, такой мерой может выступать разработка локальных актов. Работодателю необходимо принять внутренние документы, регламентирующие использование систем ИИ в управлении персоналом. В них должны быть четко определены цели использования, типы собираемых данных, логика принятия ключевых решений, насколько это возможно, и порядок взаимодействия человека и алгоритма.

Во-вторых, такой мерой может быть обеспечение прозрачности сбора и анализа данных. Работники должны быть информированы о том, что в отношении них используются системы ИИ, какие данные собираются и как они влияют на условия их труда.

Третьей мерой предлагается внедрение принципа «человек-человек». Особенно критически важные решения, такие как увольнение, дисциплинарное взыскание или существенное изменение условий труда, не должны приниматься автоматически. Окончательное решение должен принимать человек, который может оценить все обстоятельства и учесть нюансы, невидимые для алгоритма.

Особую важность представляет регулярный аудит алгоритмов. Необходимо проводить периодическую проверку используемых систем ИИ на предмет их точности, справедливости и отсутствия дискриминационного эффекта.

Хочется подчеркнуть, что только комплексный подход, сочетающий совершенствование законодательства, внедрение превентивных мер, способен обеспечить баланс интересов сторон трудовых отношений в условиях цифровой трансформации экономики и не допустить, чтобы технологический прогресс осуществлялся за счет умаления прав работников.

Искусственный интеллект как субъект трудового права в Российской Федерации: проблемы и перспективы правового признания

Мартиросян Мариам Ашотовна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Развитие высокотехнических алгоритмов искусственного интеллекта (далее, ИИ) сопутствует началу беспрепятственной трансформации социально-экономических отношений, которые непосредственно затронут сферу труда. Автоматизация некоторых рабочих процессов на сегодняшний день приведет к изменениям штатной численности рабочего коллектива, то есть к резкому всплеску безработицы, исчезновению должностей. Однако, с учетом модернизации технологий, в перспективе это может создать больше сфер трудовой деятельности в различных отраслях. Уровень влияния ИИ на «трудоспособность» населения зависит от конкретных механизмов внедрения, использования, что также должно быть урегулировано на законодательном уровне. Например, 18 марта 2026 года Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации опубликовало проект федерального закона о государственном регулировании искусственного интеллекта (ИИ) в России. Планируется, что закон вступит в силу с 1 сентября 2027 года[1]. Наука трудового права требует разработку современных методов для рационального, разумного регулирования применения ИИ.

Ключевые слова: цифровизация, трудовое право и трудовые отношения, искусственный интеллект, новые трудовые функции, исчезающие трудовые функции.

Правовая проблема развития искусственного интеллекта в РФ была озвучена Указом Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии

[1] Официальный портал Системы обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru. (дата обращения 19.03.2026).

искусственного интеллекта в Российской Федерации» и затем получила дальнейшее законодательное оформление в «Стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года»[2].

Анализ российских публикаций, посвященных социальным последствиям применения ИИ, показал, что существуют ряд вопросов, которые требуют дальнейшего изучения. Прежде всего, это понятие «искусственный интеллект» применительно к процессам на рынке труда. В указанных нормативных актах предпринята для России попытка законодательного определения ИИ.

Aartificial intelligence, AI, рассматривается к некое свойство технических систем, берущих на себя отдельные функции интеллекта человека, заключающиеся в способности выбирать и принимать оптимальные решения на основе ранее полученного опыта и рационального анализа внешних воздействий.

Согласно п.5. данного нормативного правового акта ИИ рассматривается как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. При этом отдельно отмечается, что комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений».

Глобальное распространение и совершенствование ИИ неуклонно набирают обороты. Появляются новаторские ИИ-решения, а сфера их практического применения постоянно расширяется. Современная экономика активно использует инструмент ИИ для создания инноваций, улучшения потребительских свойств технологических продуктов и услуг, а также для

[2] Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в ред. от 15.02.2024). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://pravo.gov.ru. (дата обращения 19.03.2026).

достижения существенного роста эффективности труда. Следует также отметить, что достаточно часто, рассуждая о влиянии ИИ на профессии, делается вывод о том, что «присутствие ИИ на рынке труда в большинстве своем влияет на профессии, в основном связанные с выполнением рутинных операций и низкой квалификацией работников»[3].

Проанализируем данный вопрос в рамках профессиональной деятельности юристов.

По прогнозам экспертов World Economic Forum, к 2030 г. до 35% текущих задач юристов будут автоматизированы. При этом возникнет около 25% новых профессий, связанных с управлением юридическими технологиями и интерпретацией их результатов. Об изменениях в юридической профессии под воздействием ИИ-систем, говорят и в Российской Федерации. Например, глава Сбербанка Г. Греф отметил, что студенты-юристы, которые не знают типы нейронных систем, не будут в дальнейшем трудоустроены[4].

Перспективы интеграции искусственного интеллекта в юридическую практику:

1. Анализ и составление договоров: ИИ-инструменты автоматизируют процесс проверки, сравнения и дополнения документации, выявляют неточности, ускоряя работу специалистов. Например, использование PravoAI позволило сократить время подготовки договора с двух дней до 10 минут.

2. Юридические исследования и поиск судебной практики: нейросети быстро обрабатывают огромные массивы правовой информации и находят релевантные решения по делам, которые ранее занимали у юристов часы или даже дни.

3. Резюмирование и структурирование документов**:** ИИ способен кратко излагать суть многостраничных документов, содействуя оперативному составлению отчетов, служебных записок и многое другое.

---

[3] Колмакова И.Д., Бурлаков М.Е., Колмакова Е.М., Бутаков Н.А. Влияние искусственного интеллекта на рынок труда российской федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 44–52.

[4] Греф уволил 450 юристов и раскритиковал выпускников // [Электронный ресурс]- Режим доступа: https://pravo.ru. (дата обращения 19.03.2026).

4. Извлечение данных из документов: автоматизированные системы распознают ключевые параметры текста, выделяют важные условия, даты и суммы, что ускоряет due diligence и снижает риск ошибок.

5. Автоматизация рутинных процессов: генерация типовых справок, налоговых деклараций, автоматическое составление шаблонов документации (например, отзывов на ходатайство) и уведомлений, контроль за исполнением нормативных требований[5].

Успешное внедрение находит свое отражение в достигнутых показателях российских компаний:

- В юридической фирме i-Legal после внедрения GenAI анализ документов стал занимать 2-3 минуты вместо 40-60 минут, а драфты готовятся за 1-3 минуты вместо 25-30- экономия времени составила более 90%. Компания использовала инструмент Jay Copilot от JustAI, под капотом которого работают большие языковые модели от OpenAI, Anthropic, «Яндекса» и «Сбера».

- В «Т-Страховании» использовали решение от PravoTech. Цифровизация внутренних процессов снизила число пропусков судебных заседаний на 99%, сократила время на оплату расходов с 3 дней до 1, а распределения дел -с 2 часов до 30 минут.

- IT-компания Fplus интегрировала конструктор документов на основе ИИ от Doczilla, который генерирует типовые договоры и проверяет существующие договоры на ошибки. В зависимости от вида документов, время, затраченное на их оформление, уменьшилось в 6 раз. Для стандартных договоров этот показатель сократился в среднем с 15 минут до 2,5 минут.

Применение ИИ, будучи передовой технологией, неизбежно несет в себе определенные недостатки и требует устранения недоработок в сфере регулирования трудовых отношений. Стоит отметить, достижение абсолютного результата невозможно, ровно так же, как и заменить труд человека полностью системой ИИ.

---

[5] См.: Ватьян А.С., Гусарова Н.Ф., Добренко Н.В. Системы искусственного интеллекта. - Санкт-Петербург: Университет ИТМО, 2022. С. 186.

Некоторые проблемы правового признания ИИ в сфере трудовых отношений:

1. Отсутствие определенного правового статуса ИИ. Есть разные точки зрения: одни ученые считают, что ИИ может быть объектом правоотношений, другие полагают, что его можно наделить статусом субъекта правоотношений.

Например, Ф.В. Ужов – специалист, который считает, что ИИ должен признаваться электронным лицом и в некоторой степени может привлекаться к ответственности. А.А. Васильев, Ю.В. Печатнова указывают, что наделение ИИ признаками правосубъектности преждевременно. По их мнению, под ИИ следует понимать «программно-вычислительный комплекс, функционирующий посредством заранее заданного алгоритма со встроенной способностью к самообучению, в связи с чем, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и автономно выполнять конкретные задачи или производить результаты, сопоставимые с интеллектуальной деятельностью человека»[6].

Н.Н. Апостолов в своих статьях указывает, что наличие у ИИ способности к самообучению, анализу и принятию решений не делает его автоматически субъектом права. В.А. Шестак и А.Г. Волеводз подтверждают правовую необоснованность признания ИИ субъектом права, так как ИИ не является носителем критически важных составляющих личности (души, свободного сознания, чувств, личных интересов)[7].

А.А. Пышкина считает, что ИИ не следует относить ни к объектам, ни к субъектам правоотношений, так как это лишь технология, наделенная определенными техническими возможностями, однако без управления человеком и без создания человеком она не сможет выполнять свои прямые функции[8].

---

[6] Болотаева О.С. Признаки правосубъектности электронного лица / О.С. Болотаева // Вестник северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2022. № 4 (28). С. 10-14.

[7]См.: Перькова В.В. Носители искусственного интеллекта и их правовые положения // Юридическая наука. 2023. № 3. С. 215-218.

[8] См., например: Черноусов Д.А. Искусственный интеллект: первые шаги к субъектности в праве / Д.А. Черноусов // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 41. № 2. С. 98-106.

2. Риск дискриминации при найме. Он связан с возможными предубеждениями, заложенными в алгоритмы ИИ.

3. Проблемы с защитой персональных данных работников и соискателей.

4. Неспособность автоматизированных систем оперировать нравственными категориями и этическими принципами, такими как справедливость, гуманизм и соразмерность.

Можно констатировать, что признание искусственного интеллекта субъектом трудового права в Российской Федерации является комплексной проблемой. Ограничения, существующие в действующем законодательстве, не позволяют однозначно отнести ИИ к субъектам трудовых отношений в традиционном понимании.

ИИ не следует относить ни к объектам, ни к субъектам правоотношений, так как это лишь технология, инструмент, наделенный техническими возможностями, однако без управления человеком и без создания человеком она не сможет выполнять свои прямые функции.

Социальная ответственность в системе трудовых отношений: правовой аспект

Подлинных Анастасия Сергеевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье исследуется понятие социальной ответственности работодателя в системе трудовых отношений с правовой точки зрения. Отмечается отсутствие легального определения и многообразие доктринальных подходов. Раскрывается разграничение на внутреннюю и внешнюю социальную ответственность, при этом акцент сделан на внутренней, непосредственно связанной с трудовыми отношениями. Обосновывается, что реализация такой ответственности требует закрепления в локальных актах и коллективном договоре, что связывает её с корпоративно-правовыми механизмами. Делается вывод о правовой природе социальной ответственности как явления, сочетающего добровольность и обязательность, трудовое и корпоративное право.

Ключевые слова: социальная ответственность, работодатель, трудовые отношения, внутренняя ответственность, корпоративное право, коллективный договор**.**

Значимость социальной ответственности обусловлена самой природой трудовых отношений, которые складываются между работодателем и работником, представляют собой один из видов социального взаимодействия. Одним из признаков трудовых отношений выступает неравенства работодателя и работника, как правило, работник является экономически более слабой стороной этот признак служит источником социальной напряженности и конфликтов. Одним из механизмов, направленных на урегулирование неравенство интересов сторон трудовых отношений, выступает социальная ответственность работодателя. В современной экономике работодатель чаще всего представляет собой не физическое лицо, а организацию (юридическое

лицо), деятельность которой регулируется не только трудовым законодательством, но и корпоративным правом, являющимся подотраслью гражданского права. В силу этого любые решения работодателя, направленные на реализацию социальной ответственности, например по вопросам улучшения условий труда, социальной поддержки, принимаются в рамках корпоративных процедур, определяющих компетенцию органов управления и порядок использования средств организации[1].

В доктрине трудового права и практике корпоративного управления сложилось разграничение социальной ответственности на два основных вида применительно к трудовым отношениям[2]. Внутренняя социальная это социальная ответственность бизнеса, реализуемая с помощью инвестиций, направленных внутрь компании. К примеру, ПАО «КАМАЗ» (автомобилестроение) заключен коллективный договор на 2025–2027 годы, регулирующий социально-трудовые отношения. В 2024 году затраты на социальную политику составили 2,3 млрд. рублей. Выплаты мобилизованным работникам и их семьям, обеспечение достойной оплаты труда, индексация зарплаты[3]. АО «КЭАЗ» (Курский электроаппаратный завод) входит в топ-30 лучших компаний России по деловой репутации (ЭКГ-рейтинг, уровень ААА). Реализует программу трудоустройства жителей приграничных районов Курской области (с августа 2024 года трудоустроен 41 человек). Предоставляет ежемесячную компенсацию аренды жилья (выплачено более 3,6 млн. рублей), выплаты на питание, обучение и адаптацию. Образовательная траектория «школа — вуз — предприятие»: инженерный класс в лицее № 1 г. Курска, ежегодно 150 студентов проходят практику, 30% трудоустраиваются. Система «3+2» (три дня работы, два дня учёбы) — трудоустроены 54 студента. Примеры

---

[1] См.: Купбаев С.И. Социальное партнерство и корпоративная социальная ответственность как институты регулирования трудовых отношений // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 6. С. 47–52.

[2] Корпоративная социальная ответственность — новое направление в развитии социального партнерства? // Трудовое право в России и за рубежом. 2024. № 1. С. 18–21.

[3] КЭАЗ в сборнике «Год ESG 2025»: системные решения для устойчивого развития // Официальный сайт АО «КЭАЗ». – 2026 // URL: keaz.ru (дата обращения: 05.02.2026).

внешней социальной ответственности (экологической и социальной). АО «ЕвроХим» (химическая промышленность). Ежегодные инвестиции в экологическую безопасность превышают 1,8 млрд. рублей. Получило комплексные экологические разрешения (КЭР) для всех предприятий группы, занимающихся производством удобрений (первым в отрасли). Реализует проекты: установка термического обезвреживания отходов (600 кг/час), модернизация газоочистного оборудования, оснащение источников выбросов автоматической системой контроля выбросов. Победитель конкурса «Флагманы бизнеса» в номинации «За экологическую ответственность», ЕвроХим стал победителем конкурса РСПП в номинации «За экологическую ответственность». Поскольку предметом исследования является социальная ответственность работодателя в контексте трудовых отношений значение имеет именно внутренняя социальная ответственность, она непосредственно связана с трудовыми отношениями и её реализация требует закрепления в локальных нормативных актах и коллективных договорах, что, в свою очередь, обусловливает необходимость обращения к корпоративно-правовым механизмам принятия решений[4].

С юридической точки зрения, социальная ответственность работодателя представляет собой особый правовой феномен, находящийся на пересечении императивного и диспозитивного регулирования. В отличие от обязанностей, прямо установленных трудовым законодательством и обеспеченных государственным принуждением, социальная ответственность носит добровольный характер, однако её добровольность не означает юридической необязательности. Закрепление социальной поддержки, гарантий принимаемых работодателем в рамках его социальной ответственности, в локальных нормативных актах или коллективном договоре придаёт им характер юридически обеспеченных гарантий, в результате чего у работника появляется право их требовать, а в случае неисполнения работодателем социальных

[2] Купбаев С.И. Указ. соч. С. 49-50

гарантий, закрепленных в коллективном договоре, и влечёт административную ответственность по ст. 5.31 КоАП РФ[5].

Социальная ответственность работодателя занимает важное место в системе регулирования трудовых отношений, позволяя выйти за пределы минимальных государственных гарантий, установленных законодательством. Будучи добровольной по своей природе, внутренняя социальная ответственность при закреплении в локальных нормативных актах или коллективном договоре приобретает юридическую обязательность, предоставляя работнику право требовать соответствующих благ, а работодателю – обязанность их предоставлять.

Реализация таких обязательств невозможна вне корпоративно-правовых механизмов, поскольку работодатель в современных условиях выступает преимущественно как юридическое лицо, а решения о выделении средств на социальные программы принимаются в рамках установленной компетенции органов управления. Тем самым социальная ответственность оказывается интегрированной в систему корпоративного управления, что придаёт ей легитимность и устойчивость.

Таким образом, социальная ответственность работодателя представляет собой правовое явление, объединяющее добровольность и императивность, трудовое и корпоративное право. В этом единстве – её практическая ценность как инструмента, дополняющего законодательные гарантии и повышающего уровень социальной защищённости работников.

---

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1. – 5.31.

Экономическо-правовые аспекты изменения порядка уплаты страховых взносов на ОМС для неработающих граждан: оценка перспектив.

Полтораднева Дарья Игоревна,
студент Сибирского юридического университета, г. Омск

Аннотация: В данной статье рассматривается предложение о введении обязательной уплаты страховых взносов для трудоспособных неработающих граждан, определены достоинства и недостатки такого предложения. Производится сравнение действующей системы оплаты медицинского страхования индивидуальными предпринимателями с указанной инициативой. Приводятся доводы относительно экономической выгоды возможного нововведения. Также анализируются противоречия коммерциализации обязательного медицинского страхования положениям Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: социальное страхование, ОМС, страховые взносы, неработающие граждане.

В современном мире граждане вправе выбирать, каким образом обеспечивать свою жизнедеятельность: работать по трудовому договору, создавать юридическое лицо и вести бизнес, быть самозанятым или индивидуальным предпринимателем (далее – ИП), либо получать средства из иных источников (пассивный доход, деньги родителей, супруга или детей).

Этот факт порождает следующую проблему: необходимость осуществлять социальное обеспечение граждан присутствует в больших объемах, однако финансирование данной отрасли производится в недостаточной для этого мере.

Недостаточность проявляется в том, что финансирование Фонда пенсионного и социального страхования происходит за счет: «страховых взносов, средств федерального бюджета, сумм пеней и иных финансовых санкций, доходов от размещения (инвестирования) временно свободных средств обязательного пенсионного страхования, добровольных взносов

физических лиц и организаций, уплачиваемых ими не в качестве страхователей или застрахованных лиц, средств выплатного резерва для осуществления выплаты накопительной пенсии, средств пенсионных накоплений застрахованных лиц, которым назначена срочная пенсионная выплата и др.»[1] И если страховые взносы, выплатной резерв и пенсионные накопления представляют собой относительно постоянную величину, то все остальные источники финансирования – нет. Ведь бюджет формируется на финансовый год, а статистика правонарушений, поступления добровольных взносов, взысканных пеней и штрафов изменяется, в зависимости от различных факторов и не может быть точно запланирована.

Несмотря на широкий список источников финансирования, та часть отчислений, которая производится работодателями или выплачивается индивидуальными предпринимателями в качестве страховых взносов недостаточна, чтобы должным образом покрыть расходы на пенсионное и социальное страхование граждан, даже с учетом того, что значительную часть финансирования данной отрасли осуществляет непосредственно государство.

Данная проблема вынуждает выдвигать идеи и концепции, направленные на ее решение.

Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В. Матвиенко предложила обязать трудоспособных неработающих граждан оплачивать услуги обязательного медицинского страхования (далее – ОМС): «У меня есть такая идея. Работодатели за работников в среднем по стране платят медстрах 45 тысяч рублей. Скажите, пожалуйста, 700 тысяч неработающих в г. Москве— они могут два месяца поработать, чтобы заработать хотя бы 45 тысяч и заплатить эту среднюю страховку?»[2]

На первый взгляд, данное высказывание выглядит обоснованным и

---

[1] Федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ (в ред. от 29.10.2024) «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) / [Электронный ресурс] // consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34447/9a4c03934e4616af4f6356ce4 (дата обращения: 14.03.2026).

[2] Леонид Цветаев «Возникает вопрос, на какие средства они живут». Матвиенко предложила безработным платить за ОМС / Леонид Цветаев [Электронный ресурс] // gazeta.ru: [сайт]. — URL: https://www.gazeta.ru/social/2025/10/07/21817454pdated (дата обращения: 26.10.2025).

логичным, поскольку уже существует практика оплаты страховых взносов гражданами.

Статья 430 Налогового кодекса Российской Федерации устанавливает: «1.2. Плательщики, указанные в подпункте 2 пункта 1 статьи 419 настоящего Кодекса, начиная с 2023 года уплачивают:

1) в случае, если величина дохода плательщика за расчетный период не превышает 300000 рублей, - страховые взносы на обязательное пенсионное страхование, на обязательное медицинское страхование в совокупном фиксированном размере 45842 рублей за расчетный период 2023 года»[3].

Таким образом, предложение об уплате страховых взносов имеет общее начало с уже существующими нормами законодательства, в том числе в аспекте размера данных выплат. Но не учтен нюанс – ИП осуществляют трудовую деятельность и получают доход, хоть и не являются работниками по трудовому договору, следовательно, отнести данную категорию граждан к понятию «неработающие» представляется некорректным.

Также нужно обратить внимание на следующий аспект: трудоспособные неработающие граждане находятся в таком статусе по разным причинам: ведут быт и следят за детьми (домохозяйки) или ищут себя (студенты, люди в возрасте до 30-35 лет). Поэтому обязать данные категории населения уплачивать ранее упомянутые взносы не всегда представится возможным, поскольку далеко не все граждане смогут позволить себе «поработать два месяца и накопить на страховку».

Также, можно разделить неработающих граждан на 2 категории: первая – не осуществляют трудовую деятельность по своей инициативе и не стремятся к поиску работы в данный момент, вторая – официально имеющие статус безработных. Безработные хоть и активно стремятся исправить свое положение путем регистрации в центре занятости населения, но также не способны

---

[3] НК РФ Статья 430. Размер страховых взносов, уплачиваемых плательщиками, не производящими выплат и иных вознаграждений физическим лицам / [Электронный ресурс] // consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/c03 (дата обращения: 26.10.2025).

накопить необходимую сумму, поскольку чаще всего их материальное положение крайне нестабильно и дохода как такового у них не имеется.

Более того, стоит обратиться к смыслу ОМС и лиц, застрахованных по данной мере обеспечения.

Статья 10 Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» в 5 пункте перечисляет категории неработающих граждан, являющихся застрахованными лицами, в том числе пункт «ж» устанавливает: «иные не работающие по трудовому договору и не указанные в подпунктах «а»-«е» настоящего пункта граждане, за исключением военнослужащих и приравненных к ним в организации оказания медицинской помощи лиц»[4].

То есть, помимо конкретных категорий, установленных в законе, данный перечень является открытым, вследствие чего можно сделать вывод, что застрахованными по ОМС являются все неработающие граждане, кроме тех, кто указываются в качестве исключения.

К теме коллизионности данного предложения стоит добавить положения 41 статьи Конституции Российской Федерации: «Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений»[5].

Таким образом, закрепление невозможности получения бесплатной медицинской помощи в случае неуплаты ОМС будет противоречить нормам действующего законодательства.

Также стоит обратить внимание на экономическую составляющую

---

[4] Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ (в ред. от 28.12.2024) «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» / [Электронный ресурс] // consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107289/ (дата обращения: 26.10.2025).

[5] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) / [Электронный ресурс] // consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (дата обращения: 26.10.2025).

данного вопроса – насколько будет выгодно выбирать оплату ОМС, вместо ныне существующего альтернативного варианта добровольного медицинского страхования (далее – ДМС)? Ведь помимо разработки данной идеи нужно продумать – а будут ли граждане выбирать данный вариант или предпочтут вне государственную альтернативу? Учитывая, что в Российской Федерации на данный момент действует смешанная экономическая система, которая включает в себя элемент рыночной экономики, этот вопрос крайне важен, поскольку в условиях конкуренции необходимо предоставлять услугу, которая точно будет пользоваться спросом.

Например, по информации из открытых источников на 2025 год: «Как правило, базовый полис — это аналог той помощи, которую получают россияне в городских и муниципальных медицинских учреждениях по ОМС. Стоит 20-30 тысяч рублей в год»[6]. То есть базовый полис ДМС, который по своей сути является аналогом ОМС оформить будет выгоднее, вследствие чего можно предположить, что предложение, выдвинутое Председателем Совета Федерации, будет проигрывать данному варианту чисто с экономической точки зрения.

Следует сказать, что данное предложение нуждается в большой доработке, поскольку на данный момент не только противоречит действующему законодательству, но и стратегически проигрывает в экономическом плане. Также стоит тщательно отнестись к определению понятия «неработающий» и выделить конкретно установленный, закрытый перечень лиц, которые бы относились к данной категории. Необходимо основательно подойти к расчёту и планированию размера страховых выплат различных категорий граждан и их возможностям, а также сделать вариант уплаты ОМС более выгодным, чем ДМС, чтобы способствовать привлечению новых средств в бюджет Фонда пенсионного и социального страхования.

[6] Полис ДМС для физических лиц в 2025 году / [Электронный ресурс] // brobank.ru: [сайт]. — URL: https://brobank.ru/polis-dms-dlya-fizicheskih-lits/ (дата обращения: 26.10.2025).

Распределение бремени доказывания при расторжении трудового договора по инициативе работодателя: теоретические и практические аспекты

Сурин Александр Дмитриевич,
студент Юридического факультета им. А.А Хмырова
Кубанского государственного университета, г. Краснодар

Аннотация: В статье исследуются особенности распределения бремени доказывания при расторжении трудового договора по инициативе работодателя. Анализируются законодательные и конституционные основы, принципы справедливости и соразмерности. Рассматриваются проблемные вопросы доказывания при различных основаниях увольнения, включая неоднократное неисполнение трудовых обязанностей, принуждение к увольнению и утрату доверия. Изучено влияние цифровизации на положение работника в контексте доказывания, необходимости большем обременения стороны работодателя при доказывании.

***Ключевые слова*:** бремя доказывания, трудовые споры, увольнение по инициативе работодателя, дисциплинарное взыскание, защита прав работников, цифровизация труда.

Согласно статье 56 ГПК РФ[1], каждая сторона должна доказать свои требования и возражения во время споров между друг другом. Однако в трудовых спорах о восстановлении на работе действует особое правило: работодатель обязан доказать законность увольнения и соблюдение процедуры, согласно абзацу первому пункта 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 года № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»[2]. Это императивное правило смещает бремя доказывания на работодателя и не может быть изменено. Если

[1] Гражданский процессуальный кодекс РФ: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ: в ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 07.03.2026).
[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2004. № 72.

работодатель не докажет правомерность увольнения, суд обязан восстановить работника. Установление правила распределения бремени доказывания в пользу работника вытекает из конституционных принципов защиты трудовых прав. Статья 37 Конституции Российской Федерации гарантирует право свободно распоряжаться трудовыми способностями, а статья 7 провозглашает Россию социальным государством. Работник, как правило, не имеет доступа к внутренней документации и не может самостоятельно собрать доказательства соблюдения процедуры увольнения. Работодатель же располагает всеми необходимыми документами[3]. Поэтому возложение бремени доказывания на работодателя обеспечивает реальную защиту прав работника. Работодатель должен доказать факт дисциплинарного проступка и учесть тяжесть проступка, обстоятельства его совершения, предшествующее поведение работника и отношение к труду при наложении дисциплинарного взыскания. Это требование установлено статьей 192 ТК РФ и Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 2. Однако, согласно действующему законодательству, работника могут уволить, в частности, после совершения однократного грубого нарушения дисциплины труда, что является негативным фактором для работника, поскольку он сам, даже при наличии смягчающих обстоятельств, которые тот в состоянии предъявить работодателю, последний может попросту проигнорировать их. И затем принять решение об увольнении работника на основании имеющегося факта нарушения дисциплины труда.

Увольнение по пункту 5 части 1 статьи 81 ТК РФ (неоднократное неисполнение трудовых обязанностей без уважительных причин при наличии дисциплинарного взыскания) — одно из распространенных оснований расторжения трудового договора по инициативе работодателя. Работодатель обязан соблюдать процедуру, установленную статьей 193 ТК РФ. Для законного увольнения необходимо доказать:

1. Наличие трудовых обязанностей, которые работник не исполнил. Эти

---

[3] См.: Гаркуша И.В. Проблемные вопросы осуществления процедуры увольнения // Вестник ТИУиЭ. 2022. №1(35). С. 54–58.

обязанности должны быть четко прописаны в трудовом договоре или иных документах, с которыми работник ознакомлен под подпись.

2. Неоднократность нарушений. Увольнение возможно при наличии ранее вынесенного дисциплинарного взыскания (замечание или выговор), которое не снято и не погашено.

3. Отсутствие уважительных причин неисполнения обязанностей. Работник может предоставить объяснения, но бремя доказывания уважительности лежит на нем.

4. Соблюдение процедуры применения взыскания. Работодатель обязан затребовать письменное объяснение, применить взыскание в течение месяца со дня обнаружения проступка и объявить приказ под подпись в течение трех дней.

5. Учет тяжести проступка и обстоятельств его совершения. Работодатель должен учитывать тяжесть нарушения, предшествующее поведение и отношение к труду.

Особую категорию трудовых споров составляют дела об оспаривании увольнения по собственному желанию или соглашению сторон, если работник утверждает, что заявление подано под давлением работодателя. В таких случаях бремя доказывания лежит на работнике. Основным доказательством добровольности является собственноручно написанное заявление или подписанное соглашение. Однако наличие этих документов не исключает доказательств принуждения.

Судебная практика выделяет следующие критерии принуждения:

- Показания свидетелей об угрозах увольнения по порочащим основаниям.
- Аудио- или видеозаписи переговоров с работодателем.
- Медицинские документы, подтверждающие ухудшение здоровья перед увольнением.
- Жалобы в инспекцию труда или прокуратуру.
- Попытки отозвать заявление.

- Действия после подачи заявления, указывающие на намерение продолжить работу[4].

Форма заявления также важна: оформление на бланке работодателя или отсутствие точной даты увольнения могут свидетельствовать о принуждении.

Увольнение в связи с утратой доверия (п. 7 ч. 1 ст. 81 ТК РФ) возможно для работников, обслуживающих денежные или товарные ценности и заключивших договор о полной материальной ответственности (п. 45 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 2). Работодатель должен доказать виновность работника, приведшую к утрате доверия, на основании объективных доказательств. Если вина не установлена, увольнение незаконно. Суд строго оценивает доказательства, требуя установить вину конкретного работника, исключая другие причины (ошибки, действия третьих лиц, форс-мажор). Также недопустимо увольнение в период временной нетрудоспособности.

Развитие информационных технологий и дистанционной занятости усложняет доказывание дисциплинарных проступков. Трудовой кодекс РФ (глава 49.1) регулирует труд дистанционных работников, но не устанавливает порядок фиксации их проступков. Работодатели составляют акты о невыходе на связь, служебные записки и скриншоты переписки, но их допустимость сомнительна, особенно при нарушении права на частную жизнь.

Использование средств контроля, таких как видеонаблюдение и контроль электронной почты, требует согласия работника. Судебная практика по этому вопросу противоречива: одни суды считают такие доказательства недопустимыми, другие — допустимыми при подтверждении проступка. Для баланса между правом на контроль и защитой данных нужно уведомлять работников о контроле и получать их согласие. В трудовых спорах важно соблюдать баланс между правами работодателя и работника. Чрезмерная формализация требований затрудняет увольнение недобросовестных

[4] Принуждение к увольнению: кто должен это доказать? // URL: https://sscclub.ru/article/prinuzhdenie-k-uvolneniju-rabotniku-neobhodimo-jeto-dokazat/ (дата обращения: 02.03.2026).

работников, а ослабление требований увеличивает риски злоупотреблений. Оптимальный баланс достигается четкими, но разумными процедурами, своевременным ознакомлением работников с локальными актами и строгим соблюдением дисциплинарных процедур. Работники должны добросовестно выполнять обязанности и не злоупотреблять гарантиями.

Распределение бремени доказывания в пользу работника при оспаривании увольнения по инициативе работодателя является проявлением конституционного принципа социальной защиты трудовых прав и отражает социальную направленность российского трудового законодательства[5]. Данный подход компенсирует фактическое неравенство сторон трудового правоотношения и обеспечивает работнику реальную возможность защиты своих прав в суде.

[5] По делу о проверке конституционности статьи 74 пункта 7 части первой статьи 77 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Пешкова: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2022 г. № 3-П // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 07.03.2026).

Трудовые отношения с иностранными работниками в условиях трансформации миграционного законодательства

Трошина Эвелина Николаевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В современном мире все более значимый характер приобретают миграционные процессы, которые влияют на социально-экономические и правовые сферы многих стран. В условиях глобализации и экономического развития трудовые отношения с иностранными работниками становятся важным аспектом национальной политики и законодательства. Нарастающие темпы экономической интеграции ускоряют процесс движения товаров, капиталов и рабочей силы, что ведет к углублению миграции населения, созданию международного рынка труда. Трансформация миграционного законодательства — это ответ на вызовы времени, направленный на регулирование миграционных потоков, защиту прав мигрантов и обеспечение интересов работодателей и государства. В данной работе рассматриваются особенности трудовых отношений с иностранными работниками в условиях изменений миграционного законодательства, а также анализируются правовые и социальные аспекты этих процессов.

Ключевые слова: Иностранный гражданин, трудовые отношения с иностранными работниками, глобализация, миграционная политика, модернизация законодательства.

В условиях современной глобализации, как процесса развития человеческой цивилизации, особое внимание уделяется развитию важных сфер общественной жизни. Одной из них является процесс трудовой миграции населения, который в современных тенденциях приобрел важное значение и вызвал серьезный диссонанс.

Ежегодно на территорию Российской Федерации прибывает большое количество иностранных граждан.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 115 - ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», иностранным гражданином является физическое лицо, не имеющее гражданства Российской Федерации, имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства[1].

Большой приток мигрантов связан с получением образования на территории РФ, а также наличием большого количества мест, представленных на рынке труда.

Согласно данным Министерства внутренних дел РФ, в 2024 году, на территорию РФ прибыло около 6,3 млн. мигрантов, половина из которых приехала с целью трудоустройства. 2025 год стал резонансным, поскольку только за первые 6 месяцев наступившего года было выдано около 114 тыс. разрешений на осуществление трудовой деятельности, что в полтора раза больше, чем за прошлый год.

При этом необходимо отметить, что, согласно Конституции РФ, наше государство провозглашает национальный режим пребывания иностранных граждан на территории РФ. Основу правового статуса иностранных граждан определяет ст. 62 Конституции РФ, согласно которой иностранные граждане приравниваются к гражданам РФ, имеют равные с ними права и свободы, а также несут равные обязанности[2].

Проблема правового регулирования работы иностранных сотрудников уже давно считается актуальной как за границей, так и в России. На сегодняшний день Россия рассматривается в качестве одной из самых привлекательных стран с точки зрения миграции. В то же время это побуждает исследователей изучать данное явление с разных точек зрения (социологической, правовой, политологической и других).

---

[1] Федеральный закон от 25.07.2002 г. №115 – ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в ред. от 04.11.2025). [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 19.03.2026).

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 19.03.2026).

Основная проблема регулирования труда иностранных граждан как субъектов трудовых отношений заключается в наличии выраженного противоречия в конституционном аспекте. Его сущность в том, что конституционно - правовой аспект статуса иностранного гражданина позволяет рассматривать их в качестве общего субъекта трудовых отношений. Необходимо учитывать, что иностранные граждане не могут работать на территории РФ без соблюдения определённых условий. Для привлечения к работе иностранного гражданина ему необходимо получить разрешение на осуществление трудовой деятельности. Основной целью получения разрешения на осуществление трудовой деятельности является обеспечение контроля за иностранной рабочей силой, соблюдение миграционных правил и защита интересов самого работника, а также получение гарантий для законного использования его рабочей силы.

В условиях значительного притока мигрантов и актуальных вопросов внешней политики РФ государство уделяет особое внимание вопросам трудоустройства иностранных граждан. В 2025 году Россия столкнулась с демографическими вызовами, в связи с чем Указом Президента РФ была введена концепция, направленная на увеличение числа иностранных граждан, привлекаемых к трудовой деятельности через целевой организованный набор, исходя из потребностей российской экономики в иностранной рабочей силе[3].

5 февраля 2025 года в действие был введен реестр контролируемых лиц, который в соответствии со ст. 31.2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан на территории Российской Федерации» ведет учет иностранных граждан, не имеющих законных оснований для пребывания на территории РФ[4]. При приёме на работу иностранных граждан работодатели обязаны самостоятельно проверять их данные в соответствующем реестре.

[3] Указ Президента РФ от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 - 2030 годы». [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 19.03.2026).

[4] Федеральный закон от 25.07.2002 № 115 – ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в ред. от 04.11.2025). [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 19.03.2026).

Чаще всего это необходимо для подтверждения законности пребывания мигранта на территории РФ и может служить основанием для увольнения трудоустроенного иностранца. Внесенные изменения в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее, КоАП РФ) усиливает ответственность работодателей, при выявлении нелегальных мигрантов. Так, ст. 18.15 КоАП РФ устанавливает штрафы за незаконное привлечение к трудовой деятельности иностранных граждан в РФ[5].

Законодательство было модернизировано и в налоговой сфере, в частности за счёт повышения стоимости патента. Так, при получении патента на осуществление трудовой деятельности иностранного гражданина необходимо оплатить его стоимость в размере НДФЛ в виде авансового платежа[6].

Таким образом, в рамках современной модернизации миграционной политики и вопросов трудоустройства иностранных граждан государство уделяет особое внимание развитию занятости на территории РФ, стимулированию трудоустройства иностранных специалистов для формирования устойчивого рынка труда, а также привлечению квалифицированной рабочей силы, способной способствовать укреплению позиции страны как на международной арене, так и во внутренней политике.

[5] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 08.03.2026). [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 19.03.2026).
[6] Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 №146 -ФЗ. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 19.03.2026).

Правовой статус молодого специалиста в условиях введения обязательной отработки: необходимость расширения государственных гарантий

Ляшенко Виктория Александровна
студент Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

Филатова Анастасия Алексеевна
студент Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

Аннотация: В статье рассматривается особенность правового статуса молодого специалиста в контексте введения обязательной отработки для выпускников медиков, обучающихся на бюджетной основе. Анализируется соответствующее законодательство. Исследуется проблема соотношения публичных и частных интересов при данном изменении законодательства, перечень доступных гарантий для молодых специалистов. Предложены варианты расширения государственных мер поддержки.

Ключевые слова: государственные гарантии для молодого специалиста, социальная поддержка, молодой специалист, образование, наставничество, молодой работник.

Положение молодого специалиста традиционно занимает особенное место в системе трудового права, выступая связующим звеном между сферой образования и рынком труда.

В последние годы в законодательстве ряда государств появилась тенденция к возвращению механизмов обязательного распределения выпускников, которые обучались за счет бюджетных средств.

Так, в Республике Беларусь в сентябре 2025 года вступили в силу изменения Кодекса об образовании, при которых получение свидетельства о направлении на работу стало обязательным условием трудоустройства для выпускников-бюджетников[1].

[1] Национальный правовой Интерент-портал Республики Беларусь: Практический и

В Российской Федерации примером таких изменений служит внесение поправок в Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». С 1 марта 2026 года для лиц, получивших медицинское образование, вводится институт наставничества в сфере здравоохранения на срок не более трех лет[2]. В период наставничества молодые специалисты будут работать в медицинских организациях, которые участвуют в системе ОМС, а медики, обучавшиеся по договору о целевом обучении – в организациях, в которых они трудоустроены в соответствии с такими договорами. По окончании данного периода врач обязан проходить периодическую аккредитацию специалиста.

При отказе от отработки выпускникам ординатуры придется возмещать государству затраты на обучение не менее чем за год. Штрафы установлены и для медицинских учреждений, если они откажутся после обучения трудоустроить своего целевика[3].

Следует отметить, что 22 апреля 2024 года вступили в силу изменения в Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Поправки скорректировали понятие «молодой специалист» – это гражданин не старше 35 лет, завершивший обучение, впервые устраивающийся на работу в соответствии с полученной квалификацией, в том числе имеющий трудовой стаж, полученный в период обучения. Также добавлен новый термин «молодой работник». Молодым работником является гражданин не старше 35 лет, имеющий трудовой стаж не более трех лет и не относящийся к категории «молодой специалист»[4].

оперативный характер. Какие положения Кодекса об образовании вступят в силу с 1 сентября. URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/june/88950/ (дата обращения: 11.03.2026).

[2] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

[3] Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ: Медики должны будут отрабатывать 3 года в госклиниках после окончания вуза. URL: https://www.garant.ru/news/1910895/ (дата обращения: 12.03.2026).

[4] Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (в ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (ч. 1). Ст. 28.

Данное разграничение в контексте введения отработок, актуализирует вопрос о содержании правового статуса именно молодого специалиста и объеме гарантий, необходимых для реализации права на труд. Следовательно выпускник, направленный на работу в порядке распределения, автоматически попадает под категорию молодого специалиста со всеми правовыми последствиями. Однако это означает, что механизм наставничества лишает молодого специалиста возможности выбора – главного элемента свободного труда.

Возвращение института обязательной отработки для медиков, воспринимается законодателем как инструмент кадрового обеспечения бюджетной сферы и возмещения государственных затрат на образование. Но при этом порождает проблему – сохраняется ли баланс между публичными интересами государства и частными интересами выпускника, и что немаловажно, достаточно ли существующих гарантий для того, чтобы наставничество не превратилось в ограничение конституционных прав.

Следует обратиться к мнению самих специалистов и студентов. В опросе, который проводился на платформе «Справочник врача» во время рассмотрения законопроекта о поправках приняли участие 1,8 тысяч человек. Среди них 1 тысяча практикующих врачей и 737 студентов. По данным опроса 63,5 % участников посчитали: такой закон не сможет восполнить дефицит кадров в здравоохранении. При этом треть опрошенных отметили, что такая отработка повлияла бы на их решение стать врачом. Отказались бы от обучения по медицинским направлениям 32% врачей и 42,6% студентов. Однако 43,7% врачей указали, что молодые врачи вряд ли поедут в села по своей инициативе, маленькие города и отдаленные регионы. Еще 34,6% участников поясняют, что видят в этом шанс наработать врачебный опыт[5].

Таким образом, введение данной меры может оттолкнуть молодых специалистов от завершения образования, а юных абитуриентов и вовсе от

[5] РосБизнесКонсалтинг (РБК): Врачи назвали риски идеи отработки после вуза. URL: https://www.rbc.ru/society/01/03/2025/67c074299a7947400d55d0fb (дата обращения: 12.03.2026).

выбора пути врача.

По мнению К. Хоманова, основателя платформы «Справочник врача», решение проблемы кадрового дефицита должно быть комплексным, и обязательная отработка может быть частью решения. «Нужно модернизировать программы обучения в вузах, поменять уголовное законодательство в отношении работы врачей, повышать престиж профессии», - отметил Хоманов[6].

Следующим необходимо затронуть существующие гарантии для молодых специалистов. Обновленный Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в статье 16 указывает, что в полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации входит создание условий для трудоустройства данных лиц, в том числе установление дополнительных мер социальной поддержки.

Действующее законодательство предусматривает перечень гарантий для молодых специалистов. К ним относятся:

- запрет на установление испытательного срока при приеме на работу;

- гарантии сохранения рабочего места при прохождении военных сборов, беременности и родах;

- квотирование рабочих мест для молодежи;

- в отдельных случаях предусматриваются единовременные денежные выплаты.

Анализ этих гарантий говорит о том, что они ориентированы на облегчение первичного трудоустройства. Вместе с тем следует выделить основные пробелы.

Во-первых, отсутствие жилищных гарантий. Перечень гарантий не включает обязательство работодателя предоставить молодому специалисту жилье либо компенсировать расходы на его аренду. Именно жилищный вопрос является наиболее острым при направлении на работу в другую местность.

---

[6] Московские новости: Закон об обязательной отработке для студентов-медиков: как он будет работать и что об этом думают начинающие врачи. URL: https://www.mn.ru/smart/zakon-ob-obyazatelnoj-otrabotke-dlya-studentov-medikov-kak-on-budet-rabotat-i-chto-ob-etom-dumayut-nachinayushhie-vrachi (дата обращения: 12.03.2026).

Во-вторых, количество указанных уважительных причин, позволяющих молодому специалисту досрочно прекратить отработку, является недостаточным. Не учитывается все многообразие жизненных ситуаций.

В-третьих, молодые специалисты, которые отправляются на работу в районы Крайнего Севера, сельскую местность и закрытые административно-территориальные образования, не имеют дополнительных гарантий по сравнению с работающими в областных центрах. На основании этого могут даже возникнуть коррупционные схемы по направлению специалистов в более «удобную» местность.

Здесь важно отметить, что субъекты Российской Федерации приняли меры по расширению гарантий для медицинских кадров. Так, существуют единовременные выплаты при переезде в сельскую местность максимальный размер которых составляет 3 млн. рублей в Республике Бурятия и Забайкальском крае. При этом в Ярославской области размер выплат составляет 1-1,5 млн. рублей, при тех же условиях. В ряде регионов используются альтернативные методы: компенсация первоначального ипотечного взноса, 1,5 млн рублей в Краснодарском крае, и возмещение 70% стоимости жилья в Чувашской Республике. Сравнивая меры поддержки, предоставляемые специалистам в Республике Беларусь и Российской Федерации, можно выделить следующие различия: белорусская модель характеризуется наличием универсальных обязательных гарантий для всех выпускников-бюджетников, а российское законодательство предлагает фрагментарную модель, где меры поддержки носят заявительный характер или отнесены к уровню регионального регулирования.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что гарантии должны быть твердо установлены законом и предлагать равные условия выпускникам по всей стране. Следует также предложить следующие улучшения государственных гарантий для молодых специалистов. Наиболее важным является предоставление жилья, при направлении на работу в другую местность. Жилье можно предоставить в форме служебного жилья, общежития,

отвечающего санитарным нормам и правилам. Указанная мера поддержки должна носить обязательный характер.

Также целесообразно будет расширить перечень уважительных причин, позволяющих молодому специалисту прекратить отработку. Можно включить такие причины, как уход за больным членом семьи (при наличии соответствующего медицинского заключения); необходимость переезда в связи с изменением семейного положения (вступление в брак); состояние здоровья молодого специалиста не позволяющее выполнять работу в данной местности.

Государственные гарантии не должны ограничиваться индивидуальными правами молодого специалиста. Необходимо развивать инфраструктуру в местах направления выпускников. Строить детские сады, школы, культурные объекты. Без этого даже предоставленное жилье не обеспечит достойного уровня жизни.

На основе вышесказанного, можно сделать вывод, что государство, вкладывая значительные средства в подготовку специалистов, стремится обеспечить возврат инвестиций через обязательное трудоустройство выпускников медиков. При этом Расширение государственных гарантий для молодых специалистов представляется необходимым условием сохранения баланса публичных и частных интересов. Без реализации указанных мер институт наставничества рискует превратиться в формальность и укоренит практику уклонения от исполнения обязанностей, либо ограничит права молодых специалистов. Только подход, учитывающий как интересы государства, так и права выпускника, способен обеспечить эффективность данного правового института.

Цифровые доказательства в трудовых спорах: проблемы допустимости и достоверности

Хаерова Кристина Юрьевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Махиня Александра Сергеевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В условиях активной цифровизации трудовых отношений и перехода коммуникаций в мессенджеры и корпоративные системы перед судебной практикой встает вопрос о юридической силе электронных переписок. Статья посвящена анализу правовой природы цифровых доказательств в трудовых спорах и критериям их допустимости. Исследуется специфика идентификации стороны в мессенджерах (MAX, ВКонтакте) в условиях «процессуального отрицания» со стороны работодателя, а также рассматриваются формальный и эмпирический подходы к установлению принадлежности аккаунта. Особое внимание уделяется проблеме достоверности «скриншотов» как основного способа фиксации цифрового взаимодействия. На основе анализа Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 года № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» и актуальной судебной практики рассматриваются такие способы верификации доказательств, как нотариальный осмотр и непосредственное исследование телефона в судебном заседании. В статье анализируются вопросы использования «скриншотов» и аудиозаписей для подтверждения фактов психологического давления «газлайтинга», принуждения к увольнению и привлечения к сверхурочной работе. Рассматривается трансформация бремени доказывания: в условиях, когда работодатель уклоняется от предоставления данных систем контроля доступа «СКУД» или корпоративных серверов, суды все чаще применяют динамический принцип распределения обязанностей по доказыванию.

Ключевые слова: цифровые доказательства; скриншоты в качестве средства доказывания; переписка в мессенджерах как средство доказывания; электронные документы, верификация доказательств, газлайтинг, принуждение к увольнению или сверхурочной работе.

Современный этап развития общества характеризуется практически полным переходом коммуникаций в цифровую среду. Трудовые отношения, традиционно считавшиеся одной из самых консервативных и «бумажных» сфер права, за последние годы претерпели существенную трансформацию. Внедрение электронного кадрового документооборота (ЭКДО) и массовое распространение дистанционной работы обусловили возникновение новых вызовов для судебной системы. Основным инструментом фиксации юридически значимых действий в трудовых отношениях стали не только официальные приказы, но и электронные письма, сообщения в мессенджерах (MAX, ВКонтакте), а также записи в корпоративных системах управления проектами.

Проблема заключается в том, что нормы Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ) не всегда поспевают за технологическим прогрессом. Отсутствие четких легальных определений «цифрового доказательства», «скриншота» и правил их верификации создает ситуацию правовой неопределенности, в которой суды вынуждены опираться на собственное «внутреннее убеждение», что не всегда способствует единообразию судебной практики[1].

Цифровые (электронные) доказательства принято рассматривать как сведения о фактах, зафиксированные на материальном носителе с помощью цифрового кода. Однако их специфика заключается в «нематериальном» характере: информация может быть легко скопирована, изменена или уничтожена без оставления видимых следов на носителе[2].

---

[1] См.: Головина С.Ю. Правовое регулирование дистанционного труда в условиях цифровизации // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 2. С. 44–52.

[2] См.: Боннер А.Т. Электронное правосудие: реальность или правовая фикция? // Закон. 2021. № 8. С. 98–110.

Важно различать «электронный документ», подписанный электронной подписью (ЭЦП), и «электронное сообщение» в мессенджере. Если первый обладает безусловной юридической силой в силу закона, то второе требует сложной процедуры доказывания его подлинности. В контексте трудовых споров цифровое доказательство — это не просто текст, это совокупность контента и метаданных (времени отправки, IP-адреса, идентификатора устройства), которые позволяют восстановить реальную картину взаимодействия сторон[3].

Главным препятствием для признания цифрового доказательства допустимым является проблема идентификации субъекта. В судебном заседании работодатель часто занимает позицию «процессуального отрицания», утверждая, что переписка велась неизвестным лицом или аккаунт руководителя был взломан.

Для решения этой проблемы в науке и практике выработано несколько подходов:

1. Формальный подход. Идентификация возможна только при наличии в трудовом договоре или ЛНА указания на конкретный номер телефона или адрес электронной почты как официальный канал связи.

2. Эмпирический подход. Суд оценивает содержание переписки. Если в ней содержатся сведения, доступные только узкому кругу лиц (пароли, детали внутренних отчетов, персональные данные коллег), это признается косвенным доказательством принадлежности аккаунта конкретному сотруднику[4].

Как отмечает И.В. Решетникова, «в трудовых спорах бремя доказывания факта принадлежности устройства или аккаунта должно распределяться с учетом фактического неравенства сторон: работодатель, как более сильная сторона, обладает большими ресурсами для проведения технических

---

[3] См.: Николюкин С.В. Электронные документы как доказательства в гражданском и арбитражном процессе. М.: Юстиция, 2023. С. 180.

[4] См.: Лушников А.М., Лушникова М.В. Трудовое право в цифровом обществе: новые вызовы // Вестник трудового права. 2022. № 10. С. 82.

проверок»[5].

Особую актуальность приобретает использование скриншотов для подтверждения фактов нарушения личных границ работника и психологического давления, которое в современной психологии и HR-практике часто именуется «газлайтингом». Речь идет о ситуациях, когда работодатель через цифровые каналы связи систематически обесценивает результаты труда работника, дает противоречивые указания или принуждает к увольнению по собственному желанию.

Цифровая переписка в данном случае становится единственным способом зафиксировать факт нарушения. Судебная практика начинает признавать, что «агрессивный» стиль общения в мессенджерах в нерабочее время (ночные звонки, требования немедленного ответа, угрозы штрафами в чате) может служить доказательством отсутствия добровольного волеизъявления при подписании соглашения об увольнении. Здесь цифровое доказательство выступает инструментом защиты достоинства личности в трудовых отношениях[6].

Техническая возможность редактирования сообщений в мессенджерах (функция «изменить» или «удалить для всех») ставит под сомнение достоверность предоставляемых скриншотов. В процессуальной науке активно обсуждается вопрос: является ли «простой» скриншот (распечатка экрана) надлежащим доказательством?

Традиционно считается, что наиболее надежным способом фиксации является нотариальный осмотр сайта или переписки. Однако высокая стоимость данного действия (в среднем от 10 до 30 тысяч рублей за протокол) делает его недоступным для многих работников, чьи права нарушены на меньшую сумму.

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 23 апреля 2019 года №

---

[5] Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2023. С. 380.

[6] См.: Шестерякова И.В. Проблемы защиты прав работников при использовании цифровых технологий // Современное право. 2022. № 4. С. 59–65.

10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» указал, что допустимыми являются любые способы фиксации, если они позволяют достоверно установить содержание информации. Это открыло путь для использования обычных скриншотов. В случае спора о подлинности суды могут прибегать к осмотру мобильного телефона непосредственно в судебном заседании, что фиксируется в протоколе судебного заседания[7].

Если работник предоставляет скриншоты, подтверждающие факт работы сверх нормы или в выходные дни, работодатель не может ограничиться простым отрицанием. Он обязан предоставить данные системы контроля управления доступом (СКУД), логины входа в рабочие программы или выписки с корпоративных серверов, которые бы опровергали позицию работника. Если работодатель отказывается предоставлять такие данные, суд вправе признать факты, содержащиеся в скриншотах работника, установленными[8].

Еще одним дискуссионным вопросом является допустимость аудио- и видеозаписей, сделанных работником скрытно (например, запись разговора об увольнении на диктофон телефона). Долгое время такая практика считалась недопустимой из-за нарушения права на тайну частной жизни. Однако Верховный Суд РФ уточнил, что, если запись касается исключительно рабочих вопросов и сделана одним из участников спора для защиты своих прав, она является допустимым доказательством[9]. Это крайне важно для защиты от злоупотреблений со стороны менеджмента, когда официальные документы противоречат реальным устным или цифровым указаниям.

---

[7] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного суда РФ. URL: http://www.vsrf.ru.

[8] См.: Ярков В.В. Электронное правосудие и электронные доказательства: опыт и перспективы // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 11. С. 198–205.

[9] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВС РФ. URL: http://www.vsrf.ru.

Самозанятость как «серая зона» трудового права

Хайранбаева Камилла Саматовна
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Плаксина Дарья Ивановна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В работе анализируется феномен «серой зоны» в российском трудовом праве, возникший в результате введения специального налогового режима для самозанятых. Рассматривается фундаментальное противоречие между формальным налоговым статусом плательщика профессионального дохода и фактическим содержанием правоотношений, выражающееся в массовой подмене трудовых отношений гражданско-правовыми. Особое внимание уделяется проблеме «зависимой самозанятости», когда внешне самостоятельный исполнитель находится в экономическом и организационном подчинении у единственного заказчика. Анализируются правовая неопределенность статуса самозанятого, отсутствие легального определения, а также пробелы в социальной защите. Исследуются новые индикаторы риска ФНС, эксперимент по добровольному социальному страхованию с 2026 года и положения вступающего в силу Федерального закона «О платформенной экономике». Формулируется вывод о необходимости баланса между гибкостью режима НПД и обеспечением базовых трудовых гарантий.

Ключевые слова: самозанятость, налог на профессиональный доход (НПД), «серая зона», зависимая самозанятость, подмена трудовых отношений, платформенная занятость, социальные гарантии, правовая неопределенность.

Самозанятость введена Федеральным законом от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ в рамках эксперимента до 31 декабря 2028 года[1]. На начало 2026 года

[1] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.04.2026).

зарегистрировано около 16 млн плательщиков налога на профессиональный доход (НПД), совокупный доход превысил 3,6 трлн рублей[2]. Одновременно растёт число неформально занятых – фактически более 30 млн. граждан (каждый третий-четвёртый работающий) находятся в самозанятом статусе[3]. Легализация доходов обернулась формированием новой «серой зоны»: граница между трудовыми (ст. 15 ТК РФ) и гражданско-правовыми отношениями (ст. 702, 779 ГК РФ) размыта. «Серой зоной» мы называем ситуацию, где форма соответствует закону, а сущность противоречит принципам трудового права.

Российское законодательство до сих пор не содержит легального определения самозанятости – регулирование ведётся преимущественно в рамках налогового законодательства. В доктрине сложились разные подходы. Н.В. Зыбуновская понимает самозанятость как форму трудовой деятельности, при которой человек сам находит работу, получает вознаграждение за конкретный результат и совмещает в себе работодателя и работника. Е.Г. Крылова относит самозанятых к предпринимателям с особым статусом, поскольку их деятельность связана с экономическими рисками и направлена на систематическое получение прибыли. Синтезируя эти подходы, можно предложить следующее определение: самозанятость – это законная экономическая активность физического лица без регистрации ИП, при которой лицо самостоятельно организует свой труд, несёт имущественные риски, получает доход от личного выполнения работ или оказания услуг, уплачивает НПД и не состоит в трудовых отношениях с заказчиком.

Центральная проблема – массовая подмена трудовых отношений. По данным Минтруда и ФНС, из 170 проверенных предприятий в 84% выявлены нарушения – перевод штатных сотрудников в самозанятые для экономии на налогах и взносах[4]. Глава Минтруда А. Котяков констатировал формирование

---

[2] Данные ФНС России «Сведения о постановке на учет физических лиц в качестве налогоплательщиков налога на профессиональный доход» // ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru (дата обращения: 10.04.2026).

[3] Оценка Росстата и Минтруда России «Численность занятых в неформальном секторе и самозанятых» // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 10.04.2026).

[4] Итоги проверок Минтруда и ФНС за 2025 год «Выявление подмены трудовых отношений с

«серой зоны» между заказчиками и исполнителями и указал на необходимость корректировки признаков трудовых отношений в ст. 15 ТК РФ[5].

Особый феномен – «зависимая самозанятость»: формально самостоятельный исполнитель фактически находится в экономическом и организационном подчинении у единственного заказчика. Он работает на одного заказчика, соблюдает его режим, использует его инструменты, получает регулярную плату. Это позволяет заказчику уходить от предоставления трудовых гарантий – оплачиваемых отпусков, больничных, ограничения рабочего времени, защиты от увольнения. На практике компания увольняет сотрудника, а затем нанимает его обратно как самозанятого или подрядчика. Бизнес получает выгоду, работник теряет защиту, а государство – страховые взносы. Такая маскировка подрывает основы социальной защиты и создаёт неравную конкуренцию с добросовестными работодателями.

Для выявления подмены ФНС России разработана скоринговая система, анализирующая данные по чекам самозанятых. В 2025–2026 годах введены чёткие количественные индикаторы риска: доход от одного заказчика более 35 тыс. рублей в месяц, срок сотрудничества с одним заказчиком более трёх месяцев, доля дохода от одного заказчика более 75% от всех поступлений[6]. При совпадении этих признаков информация передаётся в Роструд для проведения проверки. Если отношения признают трудовыми, заказчику доначисляют все налоги и взносы, а самозанятый может потерять заказы.

Платформенная занятость (агрегаторы услуг, маркетплейсы, приложения такси и доставки) стала «идеальной средой» для самозанятых: платформы предоставляют доступ к готовой базе клиентов, автоматически проверяют статус

использованием самозанятых» // Минтруд России. URL: https://mintrud.gov.ru (дата обращения: 10.04.2026).

[5] Выступление Министра труда и социальной защиты РФ А.О. Котякова на заседании Российской трехсторонней комиссии от 15.12.2025 // Стенограмма. URL: https://rosmintrud.ru (дата обращения: 10.04.2026).

[6] Приказ ФНС России от 20.01.2025 № ЕД-7-2/15@ «Об утверждении индикаторов риска для контроля за подменой трудовых отношений с участием самозанятых» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.04.2026).

самозанятого через ФНС, выступают гарантом сделки. Однако платформы могут создавать новую зависимость, если исполнитель вынужден работать исключительно через одну платформу на её условиях. Федеральный закон № 289-ФЗ «О платформенной экономике» (вступает в силу с 1 октября 2026 года) вносит прозрачные правила[7]: платформы обязаны идентифицировать исполнителей, проверять их статус (самозанятый или ИП), заключать с ними электронные договоры и создавать систему досудебного обжалования споров. Закон устанавливает предельный срок сотрудничества с одним заказчиком для самозанятого – не более 6 месяцев при загрузке свыше 160 часов в месяц, что напрямую борется с практикой вечной подмены штатного сотрудника. Регистрация в качестве самозанятого или ИП становится обязательной для получения заказов через платформы[7].

Социальная защита самозанятых – самая болезненная проблема. НПД не обязывает уплачивать страховые взносы на пенсионное и медицинское страхование. Самозанятые прямо не указаны в ч. 3 ст. 2 Закона № 255-ФЗ, поэтому они не имеют права на больничные и пособия по материнству[8]. ФСС (ныне СФР) подтверждал невозможность их добровольной регистрации. При этом в системе ОМС самозанятые признаются застрахованными и имеют право на бесплатную медпомощь (п. 2 ч. 1 ст. 10 Закона № 326-ФЗ)[9]. С 1 января 2026 года вступил в силу Федеральный закон № 456-ФЗ, запустивший эксперимент по добровольному социальному страхованию самозанятых на случай временной нетрудоспособности[10]. По разъяснению Минтруда (письмо № 21-1/ООГ-3848),

---

[7] Федеральный закон от 15.07.2025 № 289-ФЗ «О платформенной экономике и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.04.2026).

[8] Федеральный закон от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.04.2026).

[9] Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.04.2026).

[10] Федеральный закон от 15.12.2025 № 456-ФЗ «О проведении эксперимента по добровольному социальному страхованию самозанятых граждан на случай временной нетрудоспособности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL:

пенсионер-самозанятый, не уплачивающий добровольные взносы, не считается работающим и сохраняет индексацию пенсии[11].Таким образом, законодательство предоставляет самозанятым свободу от обязательных взносов, но это делает их уязвимыми: медицинская помощь гарантирована, а пенсия и больничные становятся личной ответственностью.

Государство постепенно «достраивает» институт. Помимо указанных законов, Социальный фонд России получил право проверять компании, использующих самозанятых, и доначислять взносы. Режим НПД продлён до конца 2028 года[12]. Однако статус самозанятого остаётся уязвимым: отсутствует оплачиваемый отпуск, больничный и пенсионные накопления остаются личной ответственностью, принцип равенства нарушен.

Таким образом, институт самозанятости действительно формирует «серую зону» в системе трудового права. Перед государством стоит задача найти баланс между сохранением гибкости НПД, привлекательной для миллионов граждан, и обеспечением базовых социальных гарантий. Принятие закона о платформенной экономике, запуск эксперимента по добровольному социальному страхованию, внедрение индикаторов риска ФНС – это системные шаги в правильном направлении. Вместо запретов и репрессий государство выбирает путь выстраивания прозрачных, понятных и социально ориентированных правил для новых форм занятости. Это позволяет с осторожным оптимизмом надеяться, что самозанятость в России постепенно превратится из зоны правового риска в полноценный, уважаемый и защищённый институт современного рынка труда.

---

http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.04.2026).

[11] Письмо Минтруда России от 26.04.2021 № 21-1/ООГ-3848 «О порядке индексации пенсий работающим пенсионерам, зарегистрированным в качестве самозанятых» // Справочная система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2026).

[12] Федеральный закон от 28.12.2025 № 501-ФЗ «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.04.2026).

Правовой статус работника цифровых платформ: поиск модели правового регулирования.

Чехова Екатерина Дмитриевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Автором рассматривается проблема выделения новой категории - платформенных работников. Сопоставление их с лицами, осуществляющими трудовую деятельность на основании трудового договора. Вопросы предоставления трудовых гарантий лицам, использующих цифровые платформы для заработка и официального закрепления таких гарантий в законодательстве. Предлагаемые пути решения указанной проблемы. Обращение взгляда на зарубежный опыт решения возникающей проблемы.

Ключевые слова: цифровая платформа, трудовые гарантии, платформенный работник, трудовое право, правовое регулирование цифровых платформ.

Внедрение цифровых технологий в сферу трудовых отношений обусловливает появление новых форм занятости, среди которых ключевое место занимает платформенная, а ее субъекты, платформенные работники, становятся неотъемлемым элементом современного рынка труда. В данной связи государства сталкиваются с проблемой правового регулирования возникающих отношений, поскольку действующее законодательство не закрепляет систему социально-трудовых гарантий для такой категории лиц. Разрешение указанной проблемы приобретает характер важной задачи как для государства, так и для населения. В этой связи особый интерес представляет анализ зарубежного опыта активного содействия развитию платформенной занятости и механизмов его правового сопровождения.

Цифровизация, проникая во все сферы жизнедеятельности, порождает феномены, требующие осмысления и адаптации сложившихся регуляторных механизмов. Правовое регулирование общественных отношений в данном

контексте не составляет исключения. Перед трудовым правом возникает комплекс проблем, среди которых одной из наиболее актуальных и требующих безотлагательного решения выступает правовое регулирование статуса новых категорий работников, в частности, платформенных занятых.

Согласно определению Европейского парламента и Совета Европейского Союза, «платформенная работа выполняется отдельными лицами с использованием цифровой инфраструктуры цифровых трудовых платформ, которые предоставляют услуги своим клиентам[1]. В последнее время работа на цифровых платформах получила широкое распространение, в том числе и в Российской Федерации. Как отметила в 2023 году на Международном юридическом форуме в г. Санкт-Петербурге О.В. Синявская, заместитель директора Института социальной политики НИУ ВШЭ, «порядка 1,7 млн человек в России называют выполнение заказов через цифровые платформы основной и единственной работой, еще примерно столько же используют платформенную занятость в качестве регулярных приработков. Еще для 12 млн человек платформенная занятость является эпизодической»[2].

Трудовой кодекс Российской Федерации, а также различные федеральные законы в сфере труда четко определяют и закрепляют правовое положение работников, заключивших трудовой договор, гарантируя реализацию их прав, свобод и обязанностей. Особое место в системе правового регулирования занимает глава 49.1 Трудового кодекса РФ, посвященная особенностям труда дистанционных работников. Однако анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии существенных различий между традиционными дистанционными работниками и иными категориями лиц, занятых с использованием цифровых платформ.

Для наглядности целесообразно обозначить круг субъектов, относимых к работникам цифровых платформ. К ним относятся - водители такси и курьеры

---

[1] Directive (EU) 2024/2831 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on improving working conditions in platform work (Text with EEA relevance) // Official Journal of the European Union. L, 2024/2831, 11.11.2024.

[2] Газета «РБК». URL: https://www.rbc.ru/economics/12/05/2023/645e071b9a79476eb000dfbb

сервисов доставки еды, продавцы, осуществляющие деятельность на маркетплейсах, репетиторы, взаимодействующие с клиентами через онлайн-сервисы, исполнители работ и услуг в сферах ремонта и IT (программисты), привлекаемые через цифровые платформы поиска клиентов, и т. д.

В исследовании «Влияние платформенной занятости на изменение представлений о работнике и работодателе» Т.Ю. Коршунова, обращаясь к работе британского социолога К. Крауча, посвященной гиг-экономике, акцентирует внимание на том, что главный тезис традиционной системы трудовых отношений - свобода от хозяйской власти работодателя оборачивается отказом от повышенной социальной защищенности работников - подвергся сомнению[3]. Следовательно, вопрос о социальной защищенности работников, включая предоставление трудовых гарантий, льгот, оплачиваемого отпуска, безопасных условий труда и оплаты больничных листов, остается нерешенным. Из самой специфики взаимодействия с использованием цифровых платформ следует, что закрепление подобных гарантий для данной категории работников в российском трудовом праве отсутствует. Если наемный работник в рамках традиционных трудовых отношений четко информирован о продолжительности рабочего дня, выходных пособиях при увольнении и периоде отпуска, то работники цифровых платформ зачастую сталкиваются с ненормированным графиком, отсутствием гарантированного отпуска, нестабильностью вознаграждения и вынуждены работать даже в период нетрудоспособности.

Что касается регулирования в России, с 1 октября 2026 года вступает в силу Федеральный закон от 31 июля 2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации». Он будет регулировать правовые основы платформенной экономики и отношения, возникающие между операторами и их партнерами[4]. Однако закон не находит

---

[3] Коршунова Т.Ю. Влияние платформенной занятости на изменение представлений о работнике и работодателе // Журнал Российского права. 2023. Т. 26. № 8.

[4] Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ.

закрепления положений, касаемо социально-трудовой защищенности работников цифровых платформ. Большинство из них оформлены как самозанятые, поэтому определение их правового статуса будет совпадать с данной категорией. Установление правового положения платформенных работников, как отдельной категории, в современном трудовом праве, не представляется возможным.

Несомненно, требуется поиск решений данной проблемы. Подобные изменения происходят по всему миру в разных странах, где государства находят пути регулирования новых категорий трудовых правоотношений. Например, в Испании, Пекине, Чэнду и Чжэцзяне законодательно закрепили презумпцию трудовых отношений для платформенных работников. А Испания в 2021 году приняла закон «Riders' Law», который признал курьеров доставки еды полноценными работниками. В странах, где судебный прецедент официально является источником права (например, в Великобритании), также успешно применяются подобные механизмы защиты прав работников. По делу против компании «Uber» суд признал занятых на данной платформе работниками, а саму компанию работодателем[5]. В отдельных странах вводят статус платформенного работника, например, в Канаде и Индии.

Возвращаясь к российскому законодательству, отметим, что официальные данные статистики, нормативно правовые акты игнорируют данную категорию работников. Необходимо разрабатывать и дополнять данные, посредством опросов и анкетирования занятого населения на цифровых платформах. Развитие и оптимизация статистики, а также добавление новой категории занятости помогут четко анализировать рынок труда и регулировать уровень безработицы.

Разработка трудовых гарантий для населения, занятого на цифровых платформах, посредством принятия новых законов, нормативно правовых

2025. № 31. Ст. 4643.

[5] Анализ тенденций правового регулирования занятости на онлайн-платформах в мире и в России: научная работа / А.Д. Левашенко, М.Г. Гирич. Москва., 2022. С. 78.

актов, отдельных положений в Трудовом кодексе Российской Федерации, является важной частью решения возникшей проблемы. Установления трудовых гарантий – это не просто «добрая воля» государства, а вынужденная мера.

Возложение на Министерство труда Российской Федерации обязанности по разработке рекомендаций для цифровых платформ, в соответствии с которыми платформы на добровольной основе обязуются предоставлять своим работникам трудовые гарантии, сходные с традиционными трудовыми правами, также может снизить риск возникновения определенного круга проблем, связанных с отсутствием регулирования платформенной занятости.

С активным развитием сферы труда возникают проблемы, требующие незамедлительного реагирования со стороны государства. Защита прав и свобод населения становится не просто обязанностью, а вынужденной мерой в условиях распространения цифровых платформ. Принятие активных правовых мер по социальной защищенности данной категории работников необходимо как для самого государства, так и для населения. Ведь данные неофициальной статистики свидетельствуют о значительном проценте людей, занятых на цифровых платформах и имеющих там единственный источник дохода.

Секция № 13. «Медицинское право: защита прав граждан и медицинских работников в сфере охраны здоровья и оказания медицинской помощи»

Защита репродуктивных прав женщин в условиях развития биомедицинских технологий

Алиева Надира Надировна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Высоцкая Ульяна Владиславовна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматриваются особенности защиты репродуктивных прав женщин в условиях стремительного развития биомедицинских технологий. Анализируется содержание репродуктивных прав как элемента системы прав человека, а также влияние современных медицинских достижений на их реализацию. Особое внимание уделяется таким технологиям, как вспомогательные репродуктивные методы, генетическое тестирование и криоконсервация. Выявляются основные правовые и этические проблемы, включая неопределенность правового статуса эмбриона, коммерциализацию репродуктивной сферы и неравный доступ к медицинским услугам. Рассматриваются особенности правового регулирования на международном и национальном уровнях. Делается вывод о необходимости совершенствования законодательства с учетом современных научных достижений. Подчеркивается важность обеспечения баланса между развитием технологий и защитой прав женщин.

Ключевые слова: репродуктивные права, биомедицинские технологии, экстракорпоральное оплодотворение, правовое регулирование, биоэтика, права женщин, генетические технологии.

Развитие биомедицинских технологий оказывает глубокое влияние на

правовую систему, трансформируя традиционные представления о правах человека и механизмах их реализации. Особенно значительные изменения происходят в сфере репродуктивных прав женщин, поскольку именно здесь достижения медицины непосредственно затрагивают вопросы телесной автономии, достоинства личности и свободы выбора. Расширение возможностей медицинского вмешательства в процессы зачатия, вынашивания и рождения ребенка обусловливает необходимость переосмысления существующих правовых подходов и формирования новых механизмов защиты прав женщин.

Репродуктивные права представляют собой комплекс правомочий, обеспечивающих возможность свободного и ответственного принятия решений в сфере деторождения. Они включают право на материнство, право на отказ от деторождения, доступ к медицинской помощи и информации, а также защиту репродуктивного здоровья[1]. Ключевым элементом данных прав выступает принцип телесной автономии, предполагающий, что женщина имеет право самостоятельно распоряжаться своим телом и принимать решения, касающиеся репродуктивной функции, без внешнего принуждения. В условиях развития биомедицинских технологий данный принцип приобретает особую значимость, поскольку расширяются формы медицинского вмешательства, а вместе с ними - и риски нарушения прав.

Современные биомедицинские технологии, включая вспомогательные репродуктивные технологии, генетическое тестирование, криоконсервацию и редактирование генома, существенно изменяют способы реализации репродуктивных прав. Они позволяют преодолевать бесплодие, откладывать материнство, снижать вероятность рождения детей с наследственными заболеваниями и тем самым расширяют возможности для осуществления репродуктивного выбора. Вместе с тем данные технологии трансформируют саму природу репродуктивных процессов, выводя их за пределы

[1] См.: Василевич Д.Г. Понятие репродуктивных прав // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 31.

исключительно естественной сферы и переводя в плоскость медицинского и правового регулирования. Это приводит к возникновению новых общественных отношений, требующих нормативного закрепления.

Одной из наиболее сложных проблем является определение правового статуса эмбриона[2]. В юридической науке отсутствует единый подход к его квалификации, что обусловлено как научными, так и этическими разногласиями. С одной стороны, эмбрион рассматривается как объект гражданских прав, поскольку он не обладает самостоятельной правосубъектностью. С другой стороны, признается необходимость его особой правовой охраны, обусловленной потенциальной возможностью развития человеческой жизни. Отсутствие четкой правовой позиции приводит к неопределенности в вопросах хранения, уничтожения и использования эмбрионов, а также в регулировании научных исследований. Это создает риски как для медицинской практики, так и для защиты прав женщин, участвующих в программах вспомогательных репродуктивных технологий.

Не менее значимой является проблема определения родительства в условиях использования донорского материала и суррогатного материнства. Традиционные правовые конструкции, основанные на биологическом и социальном родстве, оказываются недостаточными для регулирования новых форм семейных отношений. Возникают ситуации, в которых генетическая, биологическая и социальная материнские роли разделены между различными лицами. Это порождает вопросы о приоритете тех или иных критериев при установлении родительства и требует разработки четких правовых механизмов, обеспечивающих защиту интересов ребенка и всех участников соответствующих отношений.

Развитие биомедицинских технологий также сопровождается процессом коммерциализации репродуктивной сферы. Формирование рынка медицинских услуг, связанных с репродуктивными технологиями, приводит к

---

[2] См.: Черепанова А.Д., Похолкова А.А. Теоретические основы правового статуса эмбриона // Вопросы российской юстиции. 2025. № 38. С. 21.

возникновению экономических отношений, в которых репродуктивная функция женщины может рассматриваться как объект сделки. Особенно остро данная проблема проявляется в сфере суррогатного материнства, где существует риск эксплуатации женщин, находящихся в социально уязвимом положении. Отсутствие достаточных правовых гарантий может приводить к нарушению их прав, включая право на здоровье, достоинство и свободу принятия решений. В этих условиях государство должно обеспечивать баланс между свободой договора и необходимостью защиты слабой стороны.

Существенную угрозу для реализации репродуктивных прав представляет неравный доступ к биомедицинским технологиям. Высокая стоимость процедур, ограниченное количество специализированных медицинских учреждений и недостаточный уровень государственной поддержки приводят к тому, что значительная часть женщин не имеет возможности воспользоваться достижениями современной медицины[3]. Это создает социальное неравенство и ставит под сомнение принцип равенства прав и свобод. В связи с этим особое значение приобретает разработка механизмов, направленных на обеспечение доступности медицинских технологий, включая государственное финансирование и развитие системы обязательного медицинского страхования.

Развитие генетических технологий открывает новые возможности, но одновременно порождает серьезные риски. Применение методов генетического тестирования позволяет выявлять наследственные заболевания на ранних стадиях, однако также создает предпосылки для отбора эмбрионов по определенным характеристикам. Это может привести к формированию практик, направленных на «улучшение» человеческой природы, что вызывает обоснованные опасения с точки зрения этики и прав человека. Кроме того, использование генетической информации связано с риском дискриминации, поскольку такие данные могут использоваться работодателями, страховыми компаниями и другими субъектами для принятия решений, затрагивающих

[3] См.: Кондрашев А.А. Правовые и биоэтические проблемы реализации вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в России // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2025. № 12. С. 16.

права человека.

Важным аспектом является защита персональных и генетических данных[4]. Биомедицинские технологии предполагают обработку значительных объемов чувствительной информации, что требует установления строгих правовых режимов ее хранения, использования и передачи. Нарушение конфиденциальности таких данных может иметь серьезные последствия для личности, включая дискриминацию и нарушение права на частную жизнь. В связи с этим необходимо развитие правовых механизмов, обеспечивающих надежную защиту информации и ответственность за ее неправомерное использование.

Правовое регулирование репродуктивных технологий характеризуется значительным разнообразием подходов в различных государствах. В одних странах допускается широкий спектр технологий, включая суррогатное материнство и генетическое редактирование, в других - вводятся строгие ограничения или запреты. Данные различия обусловливают развитие так называемого репродуктивного туризма, когда граждане обращаются за медицинскими услугами в юрисдикции с более либеральным законодательством. Это создает дополнительные сложности, связанные с признанием правового статуса участников соответствующих отношений и защитой их прав.

В условиях стремительного развития биомедицинских технологий особое значение приобретает биоэтическое регулирование. Биоэтика выступает в качестве инструмента, позволяющего учитывать моральные аспекты использования технологий и формировать границы допустимого вмешательства в репродуктивную сферу. Ключевыми принципами являются уважение автономии личности, недопустимость причинения вреда, справедливость и информированное согласие. Их соблюдение является необходимым условием

[4] См.: Мещерякова О.В. Правовая защита генетической информации на фоне развития медицинских технологий в Российской Федерации // Актуальные проблемы права, экономики и управления: Сборник материалов студенческой научной конференции. В 2-х частях, Москва, 25 марта 2021 года / Отв. редактор Н.М. Ладнушкина. Часть 2. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2021. С. 278.

обеспечения защиты прав женщин и предотвращения злоупотреблений.

Основное содержание репродуктивных прав заключается в праве потенциальных родителей на рождение ребенка, планирование семьи, свободное определение количества рожденных детей[5]. Перспективы развития защиты репродуктивных прав женщин связаны с необходимостью совершенствования законодательства при попытке преодоления демографического кризиса в стране[6]. Требуется разработка комплексных нормативных актов, регулирующих использование биомедицинских технологий, установление четких правил определения родительства, правового статуса эмбриона и защиты генетической информации. Кроме того, необходимо обеспечить доступность медицинских услуг и создать эффективные механизмы контроля за их качеством.

Таким образом, развитие биомедицинских технологий оказывает двойственное влияние на сферу репродуктивных прав женщин. С одной стороны, оно расширяет возможности для реализации репродуктивного выбора, с другой - создает новые правовые, этические и социальные вызовы.

---

[5] См.: Яковенко Н.А. Правовое регулирование биомедицинских технологий в сфере планирования семьи // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. № 1 (63). 2025. С. 61.

[6] См., например: Воронцова М.А. Правовые аспекты сбережения репродуктивного здоровья женщин в России // Образование и право. 2024. № 8. С. 8.

Пределы действия законодательства о защите прав потребителей в сфере здравоохранения: понятийный аспект

Бичурина Элла Руслановна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Смирнова Полина Владимировна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматривается правовое регулирование сферы медицинских услуг, в частности применение Закона РФ «О защите прав потребителей» к платным медицинским услугам. Раскрываются права потребителей на получение качественной, безопасной и достоверно описанной медицинской помощи, а также права на возмещение вреда и компенсацию морального ущерба. В статье исследуется соотношение понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга» в контексте трансформации системы здравоохранения России после распада СССР. Анализируются три основные научные позиции относительно этих категорий и формулируются условия, при которых медицинская помощь может быть квалифицирована как медицинская услуга.

Ключевые слова: медицинская помощь, медицинская услуга, медицинское обслуживание, здравоохранение, защита прав потребителей, потребительский штраф.

Большое значения для регулирования сферы оказания медицинских услуг имеет Закон РФ от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее - Закон РФ № 2300-1)[1]. В Федеральном законе от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[2], говорится о том, что на платные медицинские услуги

[1] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (с изм. и доп. от 28.12.2025) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.
[2] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в

распространяется законодательство о защите прав потребителей. Права пациентов в данной сфере можно объединить в несколько групп[3]. Право потребителя на получение качественных медицинских услуг (ст. 4 Закона № 2300-1). Обратившись в медицинское учреждение за помощью, каждый гражданин рассчитывает получить услугу не только в установленные сроки, но и соответствующую по качеству. Гражданин имеет право претендовать на своевременное оказание медицинской помощи (получение помощи в момент обращения), использование современного оборудования, а также выбора правильного метода диагностики, лечения, реабилитации и профилактики, кроме того, на высокую степень получения положительного результата лечения и др.

Потребитель имеет право получить необходимую и достоверную информацию об исполнителе услуг – медицинской организации и об оказываемых услугах. (ст. 8 Закона РФ № 2300-1). Любой пациент вправе получить полную и достоверную информацию о медицинском учреждении и оказываемых им услугах в удобное время, в доступном месте и форме. Если на информационном стенде учреждения, вывеске не содержится данных о режиме работы заведения, перечне оказываемых услуг, квалификации специалистов, потребитель вправе потребовать предоставления такой информации.

Право потребителя требовать возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков услуги. (ст. 14 Закона РФ № 2300-1). Вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие конструктивных, производственных, рецептурных или иных недостатков услуг, подлежит возмещению в полном объеме. Право требовать возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков услуг, признается за любым потерпевшим независимо от того, состоял он в договорных отношениях с исполнителем или нет.

Российской Федерации» (с изм. и доп. от 17.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

[3] См.: Порох В.И., Катрунов В.А., Засыпкина Е.В. Основы концепции обеспечения прав пациента // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1 (27). С. 15.

Особое внимание следует уделить «потребительскому штрафу». Потребительский штраф — это мера гражданско-правовой ответственности, которая предусмотрена за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя. Данная мера установлена Законом РФ «О защите прав потребителей». Его ключевая цель: стимулировать продавцов или исполнителей добровольно и своевременно удовлетворять законные требования потребителей, а также компенсировать последнему затраты на судебную защиту.

В судебной практике на протяжении долгого времени суды удовлетворяли иски пациентов о «потребительском штрафе», которым были оказаны медицинские услуги по полису ОМС (документ, подтверждающий право гражданина на получение бесплатной помощи по системе ОМС)[4]. Однако в 2019 году был создан прецедент на уровне Верховного Суда РФ, который кардинально поменял устоявшуюся судебную практику по взысканию потребительского штрафа[5]. В очередном деле о взыскании потребительского штрафа был вынесен отказ. Верховный Суд РФ установил, что «потребительский штраф в размере 50% от суммы, присужденной судом в пользу потребителя за неудовлетворение в добровольном порядке его требований, может применяться к отношениям в сфере здравоохранения только при оказании гражданину платных медуслуг».

С учетом вышесказанного можно выделить условия, в соответствии с которыми «потребительский штраф» может быть установлен судом: 1) факт оказания некачественной медицинской услуги пациенту; 2) данная медицинская услуга должна быть оказана платно (на возмездной основе); 3) требования о возмещении причинения вреда здоровью пациента не были добровольно удовлетворены медицинской организацией (не вернули деньги, не

---

[4] Решение Октябрьского городского суда Республики Башкортостан № 2-2659/2017 2-64/2018 2-64/2018 (2-2659/2017); М-2831/2017 М-2831/2017 от 06.05.2018 по делу № 2-2659/2017 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/3Sq0SY6mJNlC/ (дата обращения: 05.03.2026).

[5] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.07.2019 № 44-КГ19-7 // URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi (дата обращения: 05.03.2026).

исправили недостатки до обращения в суд).

Поскольку услуги, реализуемые в системе здравоохранения, напрямую связаны с жизнью и здоровьем человека, здравоохранение изначально представляло собой такую сферу деятельности, которая наиболее жестко регулируется государством. До 1991 года в СССР здравоохранением руководило исключительно государство, финансирование осуществлялось за счет государственных доходов, в рамках государственных планов социального и экономического развития. Практически все медицинские работники находились на службе у государства, которое выплачивало заработную плату и обеспечивало снабжение медицинских учреждений.

После распада СССР одновременно с децентрализацией власти происходила и децентрализация системы здравоохранения. Традиционные институты разрушались, менялись источники финансирования, появилась система медицинского страхования, возникли основы товарно-денежных отношений. Соответственно, стали формироваться новые экономические отношения, в которых пациент выступает не как только больной, но и как потребитель медицинских услуг.

В публикациях конца 90-х часто отмечаются мнения такого характера: «К сожалению, в связи с охватившей общество рыночной эйфорией и бездумной имплантацией рыночных отношений в здравоохранение, разница между медицинской помощью и медицинской услугой в общественном сознании целенаправленно стирается. Врач ставится на одну доску с парикмахером и другими представителями коммунально-бытовых услуг, чем попирается святость врачевания, его гуманизированная жизнесохраняющая, общесоциальная функция»[6].

Следует обратить внимание на мнение Н. Мелянченко, который настаивает, что медицинской помощью можно считать только то воздействие, которое производится при наличии объективной потребности в коррекции

[6] Быкова М.Ю. Проблема соотношения медицинской помощи и медицинской услуги // Вестник магистратуры. Российский государственный университет правосудия. 2018. № 5-4 (80). С. 180.

физиологического состояния организма. В этом случае услуги, оказываемые без необходимости или только по желанию самого пациента, могут быть квалифицированы не как медицинская помощь, а, в зависимости от намерений врача или пациента, как несанкционированное медицинское вмешательство, либо как дополнительное обслуживание медицинского или немедицинского характера[7].

Аналогичного мнения придерживается и Ю. Комаров: по его мнению, медицинская помощь – действия, направленные не на обслуживание пациента, а на его оздоровление. Вместе с тем, как считает исследователь, все действия в отношении пациентов, не связанные с жизненно важными показаниями для них, могут быть отнесены к услугам. Иначе говоря, всё то, что обеспечивает условия для оказания необходимой медицинской помощи фактически и являются услугами, которые в здравоохранении могут иметь сервисный или парамедицинский характер[8].

Можно говорить о трех основных точках зрения на соотношение медицинской помощи и медицинской услуги: медицинская помощь тождественна медицинской услуге; медицинская помощь и медицинская услуга - разные виды деятельности; медицинская помощь и медицинская услуга отчасти совпадают.

При каких условиях медицинскую помощь в рамках медицинской деятельности можно считать медицинской услугой. Основных условий – три: 1) профессиональный характер медицинской услуги. Только действия квалифицированного специалиста, оказывающего медицинскую помощь, можно относить к услугам; 2) взаимное согласие продавца и покупателя услуги; 3) возмездность оказания услуги. Обратим внимание, что речь не идет о

---

[7] См.: Рожкова Е.В. Медицинские услуги: понятие и особенности // Russian Journal of Education and Psychology. 2011 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskie-ponyatie (дата обращения: 02.03.2026).

[8] См.: Поцелуев Е.Л., Горбунов А.Е. «Медицинская услуга» и «медицинская помощь» по законодательству Российской Федерации: тождественные или различные понятия? // Наука. Общество. Государство. 2016 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-usluga (дата обращения: 01.03.2026).

«платной» и «бесплатной» медицине. Как отмечалось ранее, любая профессиональная медицинская помощь оказывается на возмездной основе. Но в определенных случаях подобная помощь может оказываться безвозмездно, в силу наличия социальной ответственности медика.

Особо отметим, что следует различать медицинскую услугу и медицинское обслуживание. Как доказывалось нами ранее, сфера обслуживания – это та часть сферы услуг, которая характеризуется систематической деятельностью по изменению и поддержанию характеристик объекта услуг в заданном состоянии длительный период времени. Соответственно, медицинское обслуживание предполагает комплекс услуг как единиц деятельности (действий), имеющий относительно устойчивую форму организации[9].

Проведенный анализ позволяет констатировать, что разграничение понятий «медицинская помощь», «медицинская услуга» и «медицинское обслуживание» имеет не только теоретическое, но и существенное практическое значение. Медицинская помощь может быть квалифицирована как медицинская услуга только при одновременном соблюдении трех условий: профессионального характера деятельности, взаимного согласия сторон и возмездности ее оказания. Медицинское обслуживание, в свою очередь, представляет собой более широкое понятие, охватывающее комплекс систематически оказываемых услуг.

В сфере правового регулирования платные медицинские услуги подпадают под действие Закона РФ «О защите прав потребителей», что наделяет пациента широким спектром прав: на получение качественной, безопасной и достоверно описанной медицинской помощи, а также на возмещение имущественного и морального вреда.

---

[9] См.: Урумян О., Петросян К., Мнацаканян А. Исследование процессов медицинского обслуживания // Вестник Армянского государственного экономического университета. 2021 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-protsessov-meditsinskogo-obsluzhivaniya (дата обращения: 05.03.26).

Особенности правового регулирования рабочего времени медицинских работников

Визгалина Мария Алексеевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Пятунин Александр Александрович,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматриваются особенности правового регулирования рабочего времени медицинских работников как субъектов трудовых отношений. Анализируются нормативные положения Трудового кодекса РФ, приказов Министерства здравоохранения РФ и другие акты, устанавливающие сокращенную продолжительность рабочего времени. Особое внимание уделяется специфике суммированного учета, правовой природе специальных режимов и порядок их оплаты. На основании исследования сделан вывод о необходимости особого внимания к данной сфере ввиду высокой социальной значимости медицинской деятельности, а также обосновывается рациональность дальнейшей систематизации нормативной базы и повышения эффективности контроля за соблюдением трудовых прав медицинских работников.

***Ключевые слова*:** трудовое право, медицинские работники, рабочее время, сокращенная продолжительность рабочего времени, суммированный учет, дежурства на дому, сверхурочная работа.

Медицинская деятельность традиционно относится к профессиональной сфере с особыми условиями труда, так как существует постоянная потребность обеспечивать непрерывную медицинскую помощь, с наличием угрозы жизни и здоровью, а также повышенной ответственностью. Правовое регулирование учета рабочего времени медицинских работников представляет собой сложную систему, которая сочетает в себе общие нормы Трудового кодекса Российской

Федерации[1] и специальный порядок, содержащийся в подзаконных нормативных актах Правительства РФ, приказах Министерства здравоохранения РФ, Министерства труда и социальной защиты РФ, а также в отраслевых и региональных соглашениях, локальных актах. Сложность этой системы выражается в постоянной динамике законодательства, которая создает трудности в правоприменительной практике для работодателей и для работников.

Медицинская деятельность представляет собой профессиональную деятельность по оказанию медицинской помощи, проведению экспертиз, осмотров, медицинских освидетельствований, санитарно-противоэпидемических мероприятий, а также деятельность, связанную с пересадкой органов и тканей и обращением донорской крови.

В соответствии со ст. 69 Федерального закона РФ № 323-ФЗ право на осуществление медицинской деятельности в РФ имеют лица, получившие медицинское или иное образование в РФ в соответствии с ФГОС и имеющие свидетельство об аккредитации специалиста[2]. Согласно ст. 91 Трудового кодекса РФ, рабочее время — это время, в течение которого работник исполняет трудовые обязанности, его учет включает регистрацию отработанных часов, контроль соблюдения трудовой дисциплины, расчет заработной платы и анализ эффективности использования трудовых ресурсов. Нормальная продолжительность рабочего времени не может превышать 40 часов в неделю, однако для медицинских работников установлена сокращенная продолжительность - не более 39 часов в неделю.

Постановлением Правительства РФ от 14 февраля 2003 года № 101 введена дифференциация продолжительности рабочего времени в зависимости от должности и специальности[3]. Так, для отдельных категорий медицинских

---

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (с изм. и доп. от 29.12.2025) // Российская газета. 2001. № 256. 31 декабря.

[2] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 17.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

[3] Постановление Правительства РФ от 14.02.2003 № 101 «О продолжительности рабочего

работников устанавливаются следующие нормы: 36 часов в неделю для работников инфекционных, психиатрических, наркологических учреждений, в том числе для работников, осуществляющих диагностику и лечение ВИЧ-инфицированных; 30 часов для фтизиатров и работников противотуберкулезных учреждений; 24 часа для некоторых категорий медицинского персонала, работающего с источниками ионизирующего излучения.

Установление сокращенной продолжительности рабочего времени возлагает на работодателя обязанность вести точный учет фактически отработанного времени. Наряду с этим существует суммированный учет рабочего времени (ст. 104 ТК РФ). Он применяется в медицинских организациях, где по условиям работы не может быть соблюдена установленная для данной категории работников ежедневная или еженедельная продолжительность рабочего времени, то есть, данный режим распространяется на службы скорой и неотложной медицинской помощи; стационарные отделения с круглосуточными постами; дежурные службы, обеспечивающие непрерывность оказания медицинской помощи.

Для отдельных категорий медицинских работников может устанавливаться ненормированный рабочий день (ст. 101 ТК РФ), а компенсация за работу в таком режиме предоставляется в виде ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска продолжительностью не менее трех календарных дней. Проблемным аспектом является отсутствие четких критериев отнесения должностей к ненормированному режиму, что приводит к злоупотреблениям со стороны работодателя, а также к неоплате фактически выполняемой сверхурочной работы, которая при ненормированном режиме не квалифицируется как сверхурочная.

Существует также еще один специальный режим учета рабочего времени:

времени медицинских работников в зависимости от занимаемой ими должности и (или) специальности» (с изм. и доп. от 24.12.2014). // Собрание законодательства РФ. 2003. № 8. Ст. 757.

дежурство на дому - пребывание медицинского работника медицинской организации дома в ожидании вызова на работу с целью бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в экстренной или неотложной форме. Анализ ст. 350 ТК РФ и Приказа Минздрава России от 13 марта 2025 года № 115н «Об утверждении Порядка организации дежурств на дому медицинских работников»[4] позволяет сделать вывод: учет рабочего времени при дежурствах на дому осуществляется по специальным правилам: 1) каждый час дежурства на дому засчитывается как 0,5 часа рабочего времени; 2) время, фактически затраченное на оказание медицинской помощи при вызове (включая время проезда к месту вызова и обратно), засчитывается как один час рабочего времени за каждый час работы; 3) общая продолжительность рабочего времени (включая дежурства) не должна превышать установленную норму за соответствующий учетный период, превышение данной нормы квалифицируется как сверхурочная работа.

Для того, чтобы защитить медицинских работников, привлекаемых к дежурствам на дому, государство предоставляет гарантии, то есть права на письменное оформление дежурства (приказ, график) с их согласия; компенсацию за превышение нормы рабочего времени; обеспечение средствами связи и, при необходимости, транспортом при вызове; отдых после дежурства в соответствии с утвержденным графиком; включение времени дежурства в стаж для досрочного назначения страховой пенсии при условии, что должность входит в соответствующий перечень.

Немаловажно уделить внимание оплате сверхурочной работы. Согласно ст. 99 ТК РФ сверхурочная работа - работа, выполняемая работником по инициативе работодателя за пределами установленной для работника продолжительности рабочего времени: ежедневной работы (смены), а при суммированном учете рабочего времени - сверх нормального числа рабочих

---

[4] Приказ Минздрава России от 13.03.2025 №115н «Об утверждении особенностей режима рабочего времени и учёта рабочего времени при осуществлении медицинскими работниками медицинских организаций дежурств на дому» // Официальный портал правовой информации. http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 01.03.2026).

часов за учетный период.

В соответствии со ст. 152 ТК РФ устанавливаются минимальные размеры оплаты сверхурочной работы. Так, например, за первые два часа работы - не менее чем в полуторном размере; а за последующие часы - не менее чем в двойном размере.

По желанию работника вместо повышенной оплаты может предоставляться дополнительное время отдыха, но не менее времени, отработанного сверхурочно. В таком случае сверхурочные часы оплачиваются в одинарном размере, а время отдыха уменьшает норму рабочего времени.

Наряду со сверхурочной работой трудовое законодательство выделяет работу в ночное время, которая также предоставляет повышенные гарантии для работника. В ст. 96 ТК РФ ночным признается время с 22 часов до 6 часов, а минимальный размер повышения оплаты за работу в это время составляет 20% часовой тарифной ставки за каждый час работы, при том что доплата должна исчисляться от ставки с учетом стимулирующих и компенсационных выплат. Также для отдельных категорий медицинских работников могут устанавливаться повышенные размеры доплат:

- до 50% для работников федеральных учреждений МЧС России;

- до 100% для персонала скорой и экстренной медицинской помощи (на основании локальных актов учреждений).

Для обеспечения законности привлечения медицинских работников к сверхурочной работе, работе в ночное время и дежурствам на дому работодатель обязан вести табель учета рабочего времени, оформлять приказ о привлечении к сверхурочной работе и получать письменное согласие работника в случаях, когда это предусмотрено законом. Надлежащее документальное оформление является обязательным условием законности привлечения к работе в особых режимах и основанием для правильного начисления оплаты труда.

Несоблюдение установленных требований влечет для работодателя различные виды ответственности. Административная ответственность предусмотрена ст. 5.27 КоАП РФ (штраф или предупреждение). Материальная

ответственность наступает по ст. 236 ТК РФ в виде выплаты работнику денежной компенсации за задержку заработной платы, включая доплаты за сверхурочную работу, ночное время и дежурства на дому, в размере не ниже 1/150 ключевой ставки ЦБ РФ за каждый день просрочки. Дисциплинарная ответственность руководителя или иного ответственного лица применяется в соответствии со ст. 192 ТК РФ (замечание, выговор, увольнение). Дисциплинарная ответственность характеризуется императивно установленными границами применения, которые определяются, прежде всего, законодательно закрепленным понятием дисциплинарного проступка[5]. Уголовная ответственность по ст. 145.1 УК РФ возможна в случае невыплаты заработной платы свыше двух месяцев, совершенной из корыстной или иной личной заинтересованности руководителем, и может повлечь лишение свободы до трех лет. Данная норма распространяется в том числе на невыплату надбавок за особые режимы работы.

Таким образом, правовое регулирование учета рабочего времени медицинских работников представляет собой сложный, но внутренне согласованный комплекс норм, направленный на обеспечение баланса между интересами работодателя, потребностями общества в качественной и своевременной медицинской помощи, а также правом работника на справедливую оплату труда и профессиональную реализацию.

Вместе с тем сохраняющиеся проблемы правоприменения, в частности в части расчета специальных социальных выплат и включения периодов дежурств в специальный стаж, требуют дальнейшего внимания законодателя.

---

[5] См., например: Яковенко Н.А. Отмена дисциплинарных взысканий в отношении медицинского персонала: анализ правоприменительной практики. // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. № 1 (67). 2026. С. 60.

Использование генно-модифицированных организмов: национальный и зарубежный опыт защиты прав граждан в сфере охраны здоровья и окружающей среды

Денисов Степан Романович,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматриваются современные подходы к правовому регулированию использования генномодифицированных организмов в Российской Федерации и за рубежом. Проанализированы действующие нормативные акты РФ, а также международные практики контроля и сертификации ГМО. Особое внимание уделено принципу предосторожности и механизмам мониторинга экологических и аграрных рисков при внедрении ГМО. Рассмотрены зарубежные примеры регулирования ГМО, включая Китай и Европейский Союз, с целью выявления эффективных подходов к оценке безопасности и сертификации. Предложены практические рекомендации по внедрению региональных центров контроля и обязательного внесения данных исследований в государственный реестр. Подчеркивается необходимость комплексного подхода, объединяющего контроль, лицензирование, научное сопровождение и стимулирующие меры для производителей.

Ключевые слова: генномодифицированные организмы, охрана здоровья, российское законодательство, биотехнология, стандарты качества, биобезопасность, мониторинг ГМО.

Использование генномодифицированных организмов (ГМО) в сельском хозяйстве и биотехнологической промышленности является одной из ключевых тенденций современного развития агропромышленного комплекса и биоиндустрии. Применение ГМО позволяет повысить урожайность культур, устойчивость к вредителям и неблагоприятным климатическим условиям, а также расширить ассортимент продуктов питания и сырья для промышленной

переработки. Одновременно это создает необходимость строгого правового регулирования, направленного на защиту здоровья населения, окружающей среды и обеспечение биологической безопасности, что обусловливает разработку комплексной системы норм и процедур в рамках национального законодательства.

В Российской Федерации регулирование ГМО осуществляется на основе Федерального закона от 5 июля 1996 года № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»[1], который устанавливает правовые принципы лицензирования, регистрации, контроля и ответственности субъектов деятельности с использованием генетически модифицированных организмов. Закон определяет порядок обращения ГМО и продуктов с их использованием, включая разрешение на их производство, реализацию и ввоз, а также обязанности по маркировке и информированию потребителей. Важным элементом национального регулирования является Постановление Правительства РФ от 12 марта 2024 года № 291, определяющее категорию ГМО, не подлежащих государственной регистрации, и порядок их применения в производственных и сельскохозяйственных целях[2]. Данный нормативный акт конкретизирует правовой режим обращения таких организмов, что повышает прозрачность и предсказуемость правоприменения.

Ключевым принципом регулирования ГМО в России является принцип предосторожности, предполагающий оценку рисков и ограничение потенциального воздействия на здоровье человека и окружающую среду до минимально возможного уровня[3]. Научные исследования показывают, что

---

[1] Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ (с изм. и доп. от 02.07.2021) «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 28. Ст. 3348.

[2] Постановление Правительства РФ от 12.03.2024 № 291 «О генно-инженерно-модифицированных организмах, неподлежащих государственной регистрации, а также о продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 12. Ст. 1915.

[3] Алешкова И.А. Принцип предосторожности в производстве и использовании генетически модифицированных организмов: правовое регулирование и стратегирование в России // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. 2022. № 4. С. 59-70.

соблюдение этого принципа обеспечивает баланс между развитием биотехнологий и предотвращением неблагоприятных последствий для экосистем и продовольственной безопасности населения. Специалисты отмечают, что комплексная система лицензирования, регистрации, контроля и маркировки продуктов с ГМО является необходимым инструментом предотвращения правонарушений и обеспечивает эффективное управление рисками[4].

Зарубежный опыт демонстрирует разнообразие подходов к регулированию ГМО. Европейский союз применяет строгое разрешительное регулирование: каждая генетически модифицированная культура подлежит обязательной научной оценке, регистрации и периодическому пересмотру разрешений на основе заключений Европейского органа по безопасности пищевых продуктов. Примером служит продление разрешения на использование генномодифицированного хлопка T304-40[5], для которого была проведена независимая научная оценка воздействия на здоровье и окружающую среду[6]. Китайская Народная Республика также внедрила строгие правила контроля за ГМО: обязательное лицензирование, сертификация и мониторинг обращения продукции на всех этапах производства и реализации, включая импорт семян и готовой продукции[7]. Анализ этих систем позволяет выделить ключевые элементы эффективного регулирования: научная оценка рисков, периодический пересмотр разрешений, контроль за обращением и строгая сертификация.

---

[4] См.: Исакова Ю.И., Витвицкая С.С. Правовое регулирование и охрана оборота продукции, содержащей генно-модифицированные организмы, в Российской Федерации. // Правовой порядок и правовые ценности. 2025. Т. 3. № 3. С. 40-47.

[5] Assessment of genetically modified cotton T304-40 for renewal [Электронный ресурс] // EFSA Journal. 2025. URL: https://efsa.onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.2903/j.efsa.2025.9580 (дата обращения: 16.03.2026).

[6] Иванова А.П. Правовое регулирование генетически модифицированных культур в Европейском союзе и других государствах (США, Канада, Япония, КНР): основные принципы и положения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. 2022. № 4. С. 96-108.

[7] Положение об управлении безопасностью ГМО в сельском хозяйстве // Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор). URL: https:// fsvps.gov.ru/importexport/kitay/normativno-pravovye-dokumenty/ (дата обращения: 16.03.2026).

Важно отметить, что российская система правового регулирования ГМО может быть дополнена механизмом обязательного мониторинга побочных эффектов на локальном уровне. На мой взгляд, введение региональных центров биологического контроля позволит оперативно выявлять экологические и аграрные риски, связанные с внедрением новых генетически модифицированных культур. Такие центры могут осуществлять регулярные полевые проверки, сбор биологических проб и анализ их влияния на почву, воду и экосистему, обеспечивая реальную обратную связь между производителями и органами контроля.

На практике реализация данных мер в России осуществляется через многоуровневый контроль. Россельхознадзор устанавливает требования к безопасности ГМО в сельском хозяйстве, включая мониторинг полевых испытаний, проверку условий хранения и соблюдение санитарных норм. Кроме того, обязательная маркировка продуктов, содержащих ГМО, обеспечивает информированность потребителей и соблюдение прав граждан на выбор продукции. Соблюдение этих норм способствует не только защите здоровья населения, но и созданию прозрачной и предсказуемой среды для инвесторов и участников биотехнологического рынка.

Помимо этого, считаю необходимым формализовать процесс обязательного внесения результатов научных исследований в государственный реестр ГМО. Такой механизм позволит не только отслеживать эффективность и безопасность конкретных культур, но и создавать базу для прогнозирования долгосрочных последствий внедрения ГМО в сельское хозяйство. Практическая реализация может включать ежегодные отчеты производителей с проверкой данных независимыми научными институтами и публикацией агрегированных результатов на официальном портале Россельхознадзора.

Таким образом, правовое регулирование использования генномодифицированных организмов в Российской Федерации должно сочетать строгие меры контроля и разрешительные механизмы с научно обоснованной оценкой рисков. Эффективная модель регулирования включает

лицензирование, регистрацию, сертификацию, маркировку и мониторинг продукции на всех этапах обращения. Использование опыта Китая и Европейского союза позволяет повысить эффективность контроля и обеспечить соблюдение принципа предосторожности, что создает безопасные условия для научно-исследовательской и производственной деятельности. Применение комплексного механизма правового регулирования ГМО обеспечивает защиту здоровья населения, охрану окружающей среды и развитие биотехнологического сектора в Российской Федерации, формируя стабильную и предсказуемую правовую среду для агропромышленного комплекса.

Полагается, что российское законодательство должно предусматривать стимулы для производителей и исследовательских организаций, которые активно соблюдают требования безопасности и раскрывают полные данные о своих экспериментах. Механизмы могут включать снижение налогового бремени, приоритетное получение лицензий на новые разработки и доступ к государственным грантам на научные исследования. Такой подход одновременно стимулирует ответственное использование ГМО и снижает риск нарушений, обеспечивая соблюдение принципа предосторожности без чрезмерного административного давления на инновационные предприятия.

Охрана здоровья несовершеннолетних и особенности организации их труда

Ищанова Камилла Рустамовна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматриваются правовые и практические аспекты охраны здоровья несовершеннолетних в Российской Федерации во взаимосвязи с особенностями организации их труда. Анализируются положения Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», а также нормы главы 42 Трудового кодекса. Приводятся актуальные статистические данные о состоянии здоровья детского населения. Особое внимание уделено проблемам неофициального трудоустройства подростков и правовому вакууму в сфере цифровой занятости несовершеннолетних. Рассмотрены новеллы трудового законодательства 2025 года, направленные на расширение возможностей подросткового трудоустройства. Предложены пути совершенствования правового регулирования и практической защиты трудовых прав лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста.

Ключевые слова: организация труда несовершеннолетних, охрана здоровья несовершеннолетних в трудовых отношениях, трудовые права несовершеннолетних, трудоустройство, цифровая занятость, правовое регулирование труда несовершеннолетних.

Забота о здоровье детей в Российской Федерации закреплена в числе приоритетных направлений государственной социальной политики. Конституционные гарантии в этой области получили развёрнутую конкретизацию в Федеральном законе от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[1], ст. 7 которого прямо указывает на признание государством охраны здоровья детей важнейшим условием их физического и психического развития. Дети вне

[1] Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

зависимости от семейного и социального благополучия подлежат особой охране и обладают приоритетными правами при получении медицинской помощи. Совершенствование данной системы остаётся актуальной научной и практической задачей, сопряжённой с необходимостью постоянного обновления нормативной базы[2].

По данным Министерства здравоохранения Российской Федерации, в 2023 году профилактические осмотры прошли 26,7 миллиона детей в возрасте от 0 до 17 лет, что составило примерно 96 процентов всего детского населения страны. Распределение по группам здоровья показало, что к первой группе отнесены 29,1 процента осмотренных, ко второй 55,2 процента, к третьей 13,1 процента, к четвёртой 0,6 процента и к пятой 2 процента[3]. Подобная картина свидетельствует о том, что абсолютно здоровым можно назвать менее трети детского населения, тогда как подавляющее большинство имеет те или иные функциональные отклонения.

Наряду с положительной динамикой отдельных показателей, в частности снижением младенческой смертности до 4,2 случая на тысячу живорождённых, фиксируется нарастание тревожных тенденций. Структура детской инвалидности в 2023 году определялась прежде всего психическими расстройствами, на долю которых пришлось 32,5 процента, болезнями нервной системы с показателем 17,8 процента и врождёнными аномалиями развития с 12,2 процента. Число детей в возрасте до 14 лет, которым впервые был поставлен диагноз, связанный с нарушением психики, выросло с 16,4 тысячи в 2020 году до 21,2 тысячи в 2022 году[4]. Эти цифры требуют самого пристального внимания медицинского и научного сообщества.

Российское трудовое законодательство традиционно уделяет повышенное

---

[2] См.: Казанцева А.В. Развитие системы оказания медицинской помощи несовершеннолетним в России / А.В. Казанцева, Е.В. Ануфриева, В.С. Глушкова // ВСП. 2025. № 2. С. 62–68.

[3] Стали известны результаты медицинских осмотров российских детей // Труд. 2024. 4 мая. – URL: https://www.trud.ru/article/04-05-2024/1613421_stali_izvestny_meditsinskix (дата обращения: 01.03.2026).

[4] Там же.

внимание регулированию труда несовершеннолетних. Глава 42 Трудового кодекса Российской Федерации, включающая статьи с 265 по 272, закрепляет развёрнутый комплекс норм, определяющих порядок заключения и расторжения трудовых договоров с лицами, не достигшими восемнадцатилетнего возраста, допустимые виды работ и условия их выполнения. Указанные нормы направлены на сбалансированное решение двух задач, а именно обеспечение права подростка на труд и одновременную защиту его здоровья, нравственного развития и права на образование[5].

Возраст, с которого допускается заключение трудового договора, дифференцирован в зависимости от характера работы. По общему правилу трудовые отношения могут быть оформлены с шестнадцати лет. Четырнадцатилетний подросток, получивший общее образование, вправе трудиться при условии выполнения лёгкого труда в свободное от учёбы время и при наличии письменного согласия одного из родителей[6].

Перечень запрещённых для несовершеннолетних видов деятельности сформулирован широко. Не допускается привлечение к работам с вредными или опасными условиями, к подземным работам, к труду в ночное время, сверхурочно, в командировках. Запрещена работа в игорном бизнесе, ночных клубах, производство и торговля алкоголем и табаком. Существенным нововведением стал Федеральный закон от 7 апреля 2025 года № 63-ФЗ, разрешивший с 1 сентября 2025 года привлекать подростков от 14 до 18 лет к работе в выходные и праздничные дни в период летних каникул при трудоустройстве по направлению службы занятости или в составе студенческих отрядов. Законодатель расширяет возможности подростковой занятости, не размывая базовые защитные механизмы[7].

---

[5] См.: Васильев В.А. Труд несовершеннолетних работников: традиции и новации / В.А. Васильев, Е.В. Аббасова, П.Р. Аббасов // Управление в современных системах. 2023. № 3 (39). С. 54–59.

[6] См.: Хазиев А.А. Проблемы регулирования труда несовершеннолетних в РФ / А.А. Хазиев, Г.Н. Гильмеева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 6-2 (105). С. 209–214.

[7] См.: Кыдыралиева С.Ч. Ответственность работодателя за нарушение прав несовершеннолетних работников / С.Ч. Кыдыралиева, Г.С. Шейшекеева, С.Н. Стамалиев //

Центральной проблемой в области подросткового труда остаётся массовое уклонение работодателей от официального оформления трудовых отношений с несовершеннолетними. Сложность процедуры, включающей получение согласий, организацию медосмотров, соблюдение сокращённого рабочего времени и особого порядка увольнения через государственную инспекцию труда и комиссию по делам несовершеннолетних, выступает серьёзным демотивирующим фактором для бизнеса. Подростки в итоге работают без трудового договора, страхового стажа и каких-либо гарантий. Подобная практика лишает несовершеннолетних возможности обжаловать нарушения и создаёт зону абсолютной правовой незащищённости[8].

Ситуацию усугубляет низкий уровень правовой грамотности самих подростков. Незнание собственных трудовых прав, неспособность идентифицировать нарушения и отсутствие навыка обращения в контролирующие органы формируют благоприятную почву для злоупотреблений со стороны недобросовестных работодателей. Прокурорские проверки регулярно выявляют незаконное установление испытательных сроков, привлечение к ночному и сверхурочному труду, занижение оплаты ниже минимального размера, допуск к работе без инструктажа и медицинского осмотра. Характер данных нарушений признаётся типичным и системным, что указывает на недостаточную эффективность контрольно-надзорных механизмов[9].

Стремительная цифровизация экономики породила принципиально новые формы подростковой занятости, к регулированию которых действующее трудовое законодательство оказалось не вполне готово. Блогерство, фриланс, создание контента, участие в рекламных кампаниях в социальных сетях,

---

Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 273–276.

[8] См.: Хазиев А.А. Проблемы регулирования труда несовершеннолетних в РФ / А.А. Хазиев, Г.Н. Гильмеева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 6-2 (105). С. 209–214.

[9] См.: Кыдыралиева С.Ч. Ответственность работодателя за нарушение прав несовершеннолетних работников / С.Ч. Кыдыралиева, Г.С. Шейшекеева, С.Н. Стамалиев // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 273–276.

выполнение заказов на цифровых платформах стали массовой практикой среди молодёжи. Несовершеннолетние с четырнадцати лет могут зарегистрироваться в качестве самозанятых и уплачивать налог на профессиональный доход, при этом нормы Трудового кодекса об ограничении рабочего времени, обязательных медосмотрах и запрещённых видах работ к самозанятым формально неприменимы[10].

Правовой статус несовершеннолетнего, работающего в цифровой среде, содержит существенные пробелы. Закон о платформенной экономике, принятый в июле 2025 года, определил общие рамки взаимодействия исполнителей и операторов цифровых платформ, но вопрос участия лиц до восемнадцати лет в платформенной занятости в нём не раскрыт. Подросток-блогер или фрилансер может фактически работать полный день без контроля рабочего времени, охраны труда и социальных гарантий, что прямо противоречит духу трудового законодательства, ориентированного на защиту несовершеннолетних. Данный правовой вакуум нуждается в скорейшем заполнении через распространение базовых защитных механизмов на все формы экономической активности подростков.

Преодоление обозначенных проблем требует комплексного подхода, сочетающего нормотворческие, организационные и просветительские меры. Законодатель уже предпринял шаги в направлении упрощения процедуры трудоустройства подростков. С 2024 года для четырнадцатилетних работников отменено обязательное согласие органа опеки, достаточным стало согласие родителя. С 1 сентября 2025 года снят запрет на работу подростков в выходные дни на каникулах. С 4 ноября 2025 года предусмотрена возможность резервирования отдельных рабочих мест для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной защите. Параллельно целесообразно разработать специальный правовой режим цифровой занятости подростков, устанавливающий ограничения экранного рабочего времени и обязательные

[10] См.: Демидова Л.В. Работа подростков в цифровую эпоху: правовые аспекты удалённой занятости / Л.В. Демидова // Сфера науки. 2025. № 2. С. 121–129.

медосмотры для самозанятых несовершеннолетних.

Не менее значимым представляется формирование системы правового просвещения подростков в области трудовых прав. Интеграция соответствующих модулей в школьную программу, активное информирование через платформу «Работа России» и центры занятости населения способны снизить уровень правового нигилизма и повысить защищённость молодых работников. Усиление контрольно-надзорной деятельности в отношении работодателей, использующих труд подростков без оформления, включая функционирование реестра недобросовестных работодателей, запущенного с 1 января 2025 года, должно стать действенным инструментом противодействия теневой занятости. Реализация перечисленных мер позволит сблизить нормативные гарантии охраны здоровья и труда несовершеннолетних с реальной практикой, обеспечив подрастающему поколению безопасные условия для первого профессионального опыта.

Юридическая ответственность медицинских работников: теория и практика правоприменения

Красиков Михаил Евгеньевич,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье анализируются проблемы юридической ответственности медицинских работников в Российской Федерации. Рассматриваются основные виды ответственности: дисциплинарная, гражданско-правовая, административная и уголовная - с учётом специфики профессиональной деятельности в сфере здравоохранения. Особое внимание уделяется проблемам квалификации врачебных ошибок, определению критериев ненадлежащего оказания медицинской помощи и разграничению ответственности между медицинским работником и медицинской организацией. На основе анализа судебной практики и действующего законодательства выявляются ключевые сложности правоприменения, связанные с доказыванием вины, определением причинно-следственной связи между действиями (бездействием) медика и наступившими последствиями, а также с обеспечением баланса между защитой прав пациентов и защитой медицинских работников от необоснованных обвинений.

Ключевые слова: юридическая ответственность, медицинские работники, охрана здоровья, пациент, причинно-следственная связь между бездействием медицинского работника и наступившими последствиями.

Право на охрану здоровья и получение квалифицированной медицинской помощи относится к числу основных прав человека. В Российской Федерации данная гарантия закреплена на высшем уровне - в статье 41 Конституции РФ. Данная норма устанавливает, что охрана здоровья и медицинская помощь - неотъемлемое право каждого[1]. Исходя из этого, государство формирует

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 1993. № 237.

регламенты оказания помощи и контролирует их неукоснительное исполнение. В случаях, когда медицинские специалисты допускают нарушения этих регламентов, причиняя вред пациентам, возникает необходимость применения к ним мер юридической ответственности.

Нормативно - правовая база в данной сфере отличается высокой степенью сложности. Базовый отраслевой закон - Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[2] - лишь декларирует наличие ответственности для медработников, не раскрывая её содержательных аспектов. Конкретные составы наказаний и санкции рассредоточены по пяти отраслевым кодексам: Трудовому, Гражданскому, Административному и Уголовному. Такая структура создает сложности как для правоприменителей, так и для самих врачей, которые зачастую не могут в полной мере прогнозировать юридические последствия своих профессиональных действий.

Уголовная ответственность наступает в результате совершения деяний, посягающих на жизнь и здоровье, которые квалифицируются Уголовным кодексом РФ. Это наиболее строгий вид ответственности, сопряжённый с возможным ограничением или лишением свободы. Изучение норм Особенной части Уголовного кодекса РФ позволяет определить группы преступлений, субъектами которых выступают преимущественно медицинские работники либо в совершении которых они принимают непосредственное участие[3].

Гражданско-правовая ответственность ориентирована на возмещение имущественного ущерба и компенсацию морального вреда, понесенного пациентом. Правовое регулирование осуществляется на основе норм Гражданского кодекса, Закона «О защите прав потребителей». В здравоохранении данный вид ответственности возникает при причинении вреда жизни или здоровью в процессе оказания медицинской помощи, обязывая

---

[2] Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

[3] См.: Назмутдинова Л.М. Особенности уголовной ответственности медицинских работников -. М.: Вестник экономики, права и социологии, 2017. С. 94.

причинителя возместить ущерб в полном объеме. В структуру возмещения входят: материальный ущерб (расходы на восстановление здоровья, утраченный заработок) и компенсация морального вреда (физические и нравственные страдания). Специфика данной ответственности заключается в том, что согласно профильному закону о защите прав потребителей, медицинская организация несет ответственность перед пациентом вне зависимости от наличия собственной вины (за исключением форс-мажора). При этом сотрудник, непосредственно нанесший вред, может быть привлечен работодателем к материальной ответственности в порядке регресса - в пределах своего среднемесячного дохода[4].

Меры административного воздействия применяются к медицинским работникам и организациям за нарушения в сфере здравоохранения, предусмотренные КоАП РФ. Наиболее распространёнными составами правонарушений являются: несоблюдение лицензионных требований при ведении медицинской деятельности, нарушение санитарно-эпидемиологических норм, правил оборота лекарственных средств и медицинских изделий, а также несоблюдение порядка выдачи рецептов и листков нетрудоспособности. Данный вид ответственности реализуется контрольными органами (Росздравнадзор, Роспотребнадзор) и влечёт наложение штрафных санкций как на должностных лиц (врачей, руководителей), так и на юридические лица - сами медицинские учреждения. Важная особенность: по многим составам административных правонарушений ответственность возлагается именно на организацию, даже если нарушение было допущено конкретным сотрудником.

Дисциплинарная ответственность представляет собой вид юридической ответственности работника за неисполнение или ненадлежащее выполнение должностных функций, закреплённых в трудовом законодательстве и внутренних локальных актах работодателя. Трудовой кодекс РФ

---

[4] См.: Кузнецова Н.В. Особенности гражданско - правовой ответственности медицинских работников. -М.: Медицинская сестра, 2014. С. 50.

предусматривает три вида дисциплинарных взысканий: замечание, выговор и увольнение по соответствующим основаниям. Важно отметить, что федеральным законодательством для медицинских работников не введено каких-либо специальных (дополнительных) дисциплинарных взысканий - применяются общеустановленные нормы.

Тем не менее, специфика медицинской деятельности существенно корректирует понимание дисциплинарного проступка. Ключевая функция медработников - оказание помощи обратившимся пациентам согласно профилю, квалификации, должностным инструкциям и профессиональным стандартам. В связи с этим дисциплинарная ответственность для медицинских специалистов наступает как за нарушения трудового распорядка, так и за дефекты в работе, связанные с профессиональной деятельностью[5].

Основанием для применения дисциплинарного взыскания служит дисциплинарный проступок.

Особенность дисциплинарной ответственности в медицинской среде заключается в том, что круг трудовых обязанностей медработника не ограничивается формальным соблюдением распорядка. Он включает следование стандартам оказания помощи, клиническим рекомендациям, принципам медицинской этики и деонтологии.

При этом обязательным условием для привлечения к ответственности является чёткое определение круга обязанностей и доведение их до сведения работника. Если сотрудник не был осведомлен о содержании своих трудовых функций, требовать их исполнения, а тем более применять меры наказания - неправомерно. Это подчёркивает значимость качественно разработанных должностных инструкций и ознакомления с ними под подпись.

Дисциплинарная ответственность наступает только за виновные действия.

---

[5] Абесалашвили М.З., Хлебникова А.А., Удычак Д.А. Дисциплинарная ответственность медицинских работников в медицинских организациях. -М. Коллектив авторов. 2024. С. 505; Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 года № 197-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. №1 (ч. 1). Ст. 193.

Для привлечения медицинского работника к дисциплинарной ответственности законодательством установлена строгая процедура. Нарушение порядка и сроков, предусмотренных статьёй 193 ТК РФ, зачастую влечёт обжалование наказания и восстановление работника в должности в судебном порядке, поэтому работодателю необходимо неукоснительно соблюдать процедурные требования.

Если работник выигрывает спор с работодателем в суде и дисциплинарное наказание отменяется, для работодателя наступают последствия, предусмотренные Трудовым кодексом: работник подлежит восстановлению в должности, ему выплачивается средний заработок за время вынужденного прогула, а также компенсируется моральный вред.

Специфика отечественной системы здравоохранения, включая порядок лицензирования медицинской деятельности, приводит к тому, что дисциплинарная ответственность медработников на практике не получает широкого распространения. Вследствие этого даже незначительные проступки, которые можно было бы урегулировать в досудебном порядке, нередко становятся поводом для уголовного расследования. Данная проблема требует серьёзного осмысления.

Дисциплинарная ответственность медицинских работников в медицинских организациях обладает ярко выраженными специфическими чертами, обусловленными особым характером профессиональной деятельности. Она наступает как за нарушение трудового распорядка, так и за профессиональные упущения - ненадлежащее оказание помощи, нарушение этических норм, небрежное ведение документации.

Ключевыми условиями законного привлечения к дисциплинарной ответственности выступают: чёткое определение трудовых функций в локальных актах и ознакомление с ними работника, наличие вины, отсутствие обстоятельств непреодолимой силы или условий, объективно препятствовавших надлежащему выполнению обязанностей (например, отсутствие необходимого оборудования), а также строгое соблюдение

процедуры привлечения.

Только комплексный подход, учитывающий интересы работодателя в поддержании дисциплины и права медицинских работников на справедливую оценку их труда, способен превратить дисциплинарную ответственность в эффективный инструмент управления, а не в источник конфликтных ситуаций.

Стволовые клетки в системе объектов гражданского оборота: проблемы обеспечения качества медицинской помощи и прав пациентов

Матюнина Анастасия Сергеевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Овчинникова Карина Дмитриевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В данной статье рассматриваются правовые проблемы, связанные с оборотоспособностью стволовых клеток и их местом в системе объектов гражданских прав. Описывается классификация стволовых клеток в зависимости от их происхождения, характерные черты каждой разновидности. Анализируются правовой статус стволовых клеток каждого вида, особенности правового регулирования в РФ. Особое внимание уделяется нормативным правовым актам, закрепляющим требования к качеству сбора, хранения и применения данных клеточных технологий, а также проблемам обеспечения прав пациентов при их применении. Предложены пути снижения рисков при использовании стволовых клеток путем внесения изменений в действующее законодательство РФ.

Ключевые слова: клеточные технологии, стволовая клетка, правовой статус, гражданский оборот, гражданское право, качество медицинской помощи, пациент.

Современная биомедицина позволяет врачам не только препятствовать возникновению ряда заболеваний, а также применять клеточные технологии для эффективного и инновационного лечения. Клиническое применение стволовых клеток увеличивает возможности лечения аутоиммунных, нейродегенеративных заболеваний, сахарного диабета. Однако подобное стремительное развитие биомедицинских технологий порождает пробелы законодательства в сфере их правового регулирования. Использование стволовых клеток сопровождается правовыми и этическими проблемами,

включая вопросы их правового статуса, участия в гражданском обороте и обеспечения качества медицинской помощи. В связи с этим представляется необходимым проведение комплексного правового анализа использования стволовых клеток в системе гражданского оборота.

Стволовой клеткой является любая клетка, которая еще не созрела и может превратиться в любую из клеток организма[1]. Это уникальная категория биологического объекта, которая обладает способностью к самообновлению и потенциалом к превращению в специализированные клетки различных тканей. В отличие от других клеток организма, их особенность заключается в восстановлении поврежденных тканей и формировании новых структур клеток. В зависимости от происхождения стволовые клетки делят на три категории: эмбриональные, фетальные и взрослые стволовые клетки[2].

Эмбриональные выделяются из ранних эмбрионов, также к ним относят клетки внезародышевых оболочек (около 11 дней после оплодотворения). Фетальные стволовые клетки выделяют из абортированного материала внутриутробного развития плода на сроке 5-8 недель.

Стволовые клетки взрослого организма включает в себя:

гемопоэтические (клетки костного мозга, из которых в ходе дифференцировки образуются различные клетки крови), мезенхимальные (выделяемые из костного мозга, способные к формированию различных клеточных типов) и клетки других тканей (например, кожи).

Определение места стволовых клеток в системе объектов гражданских прав представляется затруднительным, поскольку в зависимости от их разновидности подход к правовому статусу может различаться. Это связано с тем, что действующее законодательство РФ, в частности, Гражданский кодекс РФ в статье 128 не предусматривает в качестве объектов гражданских прав ткани, органы и иные биологические объекты человека (к которым и относятся

---

[1] См.: Хамитова Г.М. Некоторые правовые аспекты использования стволовых клеток в медицинской практике. // Закон и право. 2024. № 2. С. 193.

[2] См., например: Акопян А.С., Белоусов Д.Ю., Рысулы М.Р. Некоторые актуальные проблемы клинических исследований стволовых клеток // Этическая экспертиза биомедицинских исследований. 2005. № 1. С. 4–11.

стволовые клетки).

Вопрос об отнесении эмбриональных стволовых клеток к объектам гражданских прав является одним из самых неоднозначных в современном праве, что обусловлено их неразрывной связью с эмбрионом человека. В современной научной литературе отсутствует единый поход к определению правовой природы эмбриона. По мнению некоторых учёных, эмбрион, созданный вне организма человека (in vitro), может рассматриваться в качестве объекта гражданских прав и соотноситься с категорией вещей, поскольку он обладает определёнными признаками обособленности и может участвовать в медицинских и научных процедурах[3]. Тем не менее данная позиция порождает ряд обоснованных сомнений, так как эмбрион представляет собой уникальный биологический объект, обладающий потенциалом развития в человека и содержащий индивидуальный генетический материал, что не позволяет в полной мере приравнивать его к объектам гражданских прав[4].

Ключевое значение при установлении правового статуса эмбриональных стволовых клеток имеют нормы действующего законодательства РФ. Так, пункт 4 статьи 3 Федерального закона № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» прямо запрещает создание эмбрионов человека в целях производства биомедицинских клеточных продуктов, а также использование биологического материала, полученного путем прерывания его развития. Указанная правовая норма фактически исключает возможность использования эмбриона в коммерческих целях. Аналогичная позиция закреплена в подп. 3 п. 4 ст. 1349 Гражданского кодекса РФ, где закреплен запрет использования человеческих эмбрионов в промышленных и коммерческих целях. Это положение подтверждает, что законодатель прямо исключает возможность извлечения имущественной выгоды из использования эмбрионов, что является одним из ключевых признаков участия объектов в гражданском обороте.

---

[3] См.: Пурге А.Р. Правовое положение эмбрионов в современном праве. // Молодой ученый. 2012. № 2 (37). С. 202.

[4] См.: Самойлова В.В. Российское и зарубежное семейное законодательство о применении вспомогательных репродуктивных технологий. // Семейное и жилищное право. 2010. № 3. С. 105.

Анализ указанных правовых норм свидетельствует о том, что в отношении эмбриона установлен особый правовой режим, и, следовательно, эмбриональных стволовых клеток, при котором вовлечение таких объектов в гражданских оборот существенно ограничивается или прямо исключается.

Вопрос о признании фетальных стволовых клеток объектами гражданских прав может быть решен посредством анализа их соответствия основным признакам объектов гражданских прав, выделяемых В.А. Лапачом, к таковым относятся: дискретность, юридическая привязка и системность[5]. Признак дискретности выражается в обособленности данных клеток от иных объектов материального мира. После их выделения они приобретают самостоятельное существование, обладают определенной материальной формой и могут храниться независимо от организма человека, например, в специализированных криохранилищах. Юридическая привязка проявляется в возможности закрепления указанных клеток за конкретным субъектом гражданского права, что подтверждается существованием договорных отношений, связанных с их хранением и использованием. Системность проявляется в интеграции в медицинское и правовое регулирование: они рассматриваются как часть имущественных отношений, могут быть закреплены за конкретными субъектами и использоваться в рамках установленных законодательством процедур. Таким образом, фетальные стволовые клетки обладают всеми признаками объектов гражданских прав, выделяемых в доктрине гражданского права. Однако некоторые ученые считают: несмотря на то, что отделенные от организма ткани и клетки отвечают признакам материальности, признание их вещью нецелесообразно, так как повлечет необоснованное вовлечение их в гражданско-правовой оборот.

Рассмотрение правовых норм и научных подходов, сформировавшихся в доктрине гражданского права, позволяет сделать вывод о том, что стволовые клетки не являются свободно обращающимися объектами гражданского права. Их оборотоспособность будет завесить от типа клеток и целей использования.

---

[5] См.: Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПБ., 2002. С. 140.

Наряду с этим, использование стволовых клеток характеризируется рядом особенностей, влияющих на качество медицинской помощи, требования к которым закреплены в действующем законодательстве и подзаконных актах. К числу ключевых нормативных актов в данной сфере относится Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»[6], который устанавливает требования к безопасности и качеству соответствующих технологий. Кроме того, важное значение имеют подзаконные акты Министерства здравоохранения Российской Федерации, регулирующие порядок применения клеточных материалов и вопросы контроля качества.

Наряду с этим необходимо выделить ключевые проблемы применения стволовых клеток в части обеспечении качества медицинской помощи и прав пациентов. Использование стволовых клеток характеризуется высокой научно-технической неопределённостью, поскольку механизмы функционирования доставляемых клеток разных типов исследованы недостаточно, что препятствует достоверному прогнозированию терапевтического воздействия. Применение стволовых клеток может вызвать генетические нарушения в процессе их культивирования, что ведет к непредсказуемым реакциям в организме и возможным осложнениям для пациентов.

Можно выделить следующие проблемы обеспечения прав пациентов при использовании стволовых клеток. Недостаточная информированность пациентов - значительное число пациентов не получает исчерпывающих сведений о характеристиках клеточного материала, потенциальных побочных эффектах и уровне доказательности терапии, что ограничивает возможность дать обоснованное согласие на лечение. Ограниченный доступ к терапии - высокие затраты и ограниченное количество лицензированных центров делают лечение недоступным для значительной части пациентов, создавая социально-экономическое неравенство в доступе к инновационным методам. Неопределенность правового статуса биоматериала - правовые нормы не дают

[6] Федеральный закон от 23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» (с изм. и доп. 14.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26. Ст. 3849.

чёткого ответа на вопросы о том, кому принадлежат клетки после их выделения, и кто несёт ответственность за их последующее хранение и применение. Особенно остро проблема проявляется в случаях, не подпадающих под действие Федерального закона № 180-ФЗ, например, при использовании клеток в научных исследованиях или вспомогательных репродуктивных технологиях.

В целях снижения рисков и защиты прав пациентов необходимо разработать единые стандарты применения стволовых клеток, путем внесения изменений в Приказ Минздрава РФ от 31 июля 2020 года № 785н «Об утверждении требований к организации и проведению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности»[7]. К единым стандартам могут относиться: требования к подготовке и хранению биоматериала, методы контроля качества клеток, процедуры информирования пациентов, а также единые протоколы применения клеточных препаратов в клинической практике.

Таким образом, стволовые клетки занимают особое место в системе объектов гражданского оборота. Их правовой статус зависит от типа клеток. Эмбриональные подвергаются строгим ограничениям или вовсе могут быть изъяты из оборота. Фетальные и клетки взрослого человека могут быть объектами гражданских прав в качестве биологического материала при соблюдении требований действующего законодательства. Эффективное и безопасное применение клеточных технологий требует строгого контроля качества, стандартизации процедур и защиты прав пациентов. Дальнейшее совершенствование норм правового регулирования и медицинских стандартов позволит снизить риски и повысить качество оказания медицинской помощи при использовании стволовых клеток.

[7] Приказ Минздрава РФ от 31.07.2020 №785н «Об утверждении требований к организации и проведению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/?oprd=1%5C (дата обращения: 05.03.2026).

Информированное добровольное согласие в системе гарантий автономии воли пациента

Никонова Мария Александровна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В данной статье рассматривается информированное добровольное согласие (ИДС), как реализация фундаментального права пациента на самоопределение в вопросах здоровья. В условиях усложнения медицинских технологий и расширения спектра терапевтических вмешательств этот институт приобретает особое значение как механизм балансировки интересов врача и пациента. Этические дилеммы, возникающие при выборе агрессивных методов лечения или экспериментальных процедур, делают ИДС не формальным юридическим актом, а инструментом защиты человеческого достоинства. Таким образом, подлинная реализация данного принципа становится индикатором зрелости системы здравоохранения.

Ключевые слова: информированное добровольное согласие, пациент, врач, медицинские технологии, автономия воли пациента, медицина.

Истоки этических принципов уважения автономии пациента прослеживаются в трудах античных медиков, где Гиппократ подчёркивал обязанность врача действовать во благо больного. Философское обоснование эти принципы получили в эпоху Просвещения, когда Иммануил Кант сформулировал концепцию человека как цели самой по себе. В XIX веке эти идеи нашли отражение в профессиональных врачебных кодексах, где постепенно закреплялось право пациента на участие в принятии медицинских решений. Однако в тот период эти положения носили скорее декларативный характер, не подкреплённый юридическими механизмами.

Юридическое оформление института информированного согласия началось в XX веке через серию судебных прецедентов, установивших обязанность медицинских работников раскрывать информацию о рисках

лечения. Знаковым стало дело Salgo v. Leland Stanford Jr. University Board of Trustees (1957), где впервые прозвучал термин «информированное согласие». После Нюрнбергского процесса 1947 года был принят Кодекс, прямо запрещавший медицинские эксперименты без добровольного согласия испытуемых. Эти события создали правовую основу для защиты автономии пациента в клинической практике. Дальнейшее развитие института связано с принятием международных биоэтических документов, таких как Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации (1964). В них закреплялось право пациента на получение полной информации о диагнозе, прогнозе и альтернативных методах лечения. Параллельно формировалась судебная практика, расширявшая трактовку информированного согласия от простого разрешения на вмешательство до комплексного процесса коммуникации между врачом и пациентом. Это создало предпосылки для современного понимания согласия как непрерывного диалога.

Конституционные положения заложили фундамент для развития института информированного согласия в российском законодательстве. «В настоящее время в России обязательное информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство находит свое отражение во многих нормативно-правовых актах, касающихся здравоохранения. На вершине иерархической структуры правовых источников данного института права стоит Конституция РФ, которая в ст. ст. 21, 22 говорит о праве на личную неприкосновенность и определяет, что «никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам»[1]. Эти нормы установили базовые гарантии автономии пациента, получившие дальнейшую конкретизацию в отраслевом законодательстве. Дальнейшая конкретизация процедурных аспектов осуществляется через отраслевые нормативные акты Министерства здравоохранения. Приказы ведомства устанавливают требования к содержанию и форме документации для

[1] Сударева Е.О. Добровольное согласие как условие медицинского вмешательства в праве РФ и США // Вестник РУДН, серия юридические науки. 2008. № 3. С. 71–74.

различных видов медицинских вмешательств, включая диагностические процедуры, хирургические операции и применение сложных методов лечения.

Этическая сущность автономии воли пациента заключается в признании его фундаментального права на самоопределение при принятии медицинских решений. Данный принцип восходит к концепции «уважения автономии личности», разработанной в рамках биоэтики Бочампом и Чайлдрессом. Автономия рассматривается как способность пациента к рациональному выбору на основе полной информации о состоянии здоровья и возможных вмешательствах. Этика современной медицины предполагает переход от патерналистской модели к партнерским отношениям между врачом и пациентом. Историческое развитие принципа автономии отражает эволюцию от медицинского патернализма к признанию приоритета волеизъявления пациента. Если в середине XX века решения преимущественно принимались врачами, то к концу столетия акцент сместился на права пациента. «Автономия личности стала краеугольным камнем медицинской этики, что нашло отражение в Хельсинкской декларации ВМА». Современные этические кодексы подчеркивают необходимость уважения выбора пациента даже в случаях расхождения с профессиональными рекомендациями.

Правовое закрепление принципа автономии воли пациента в Российской Федерации осуществляется через Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[2], где статья 20 устанавливает обязательность информированного добровольного согласия. Международно-правовые стандарты, такие как Конвенция о правах человека и биомедицине Совета Европы, дополнительно подчеркивают приоритет автономии пациента. Российское законодательство в целом соответствует международным нормам, гарантируя право на отказ от медицинского вмешательства и защиту от недобровольного лечения. Информированное добровольное согласие (ИДС) выступает центральным механизмом реализации автономии пациента в современной медицинской

[2] Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

практике. Данный институт обеспечивает переход от патерналистской модели взаимоотношений к партнерской, где пациент становится активным субъектом принятия решений. Через процедуру ИДС реализуется фундаментальное право личности на самоопределение в сфере охраны здоровья. Это соответствует этическому принципу уважения автономии, закрепленному в международных документах по биоэтике. Таким образом, ИДС выполняет двоякую функцию: защищает пациента от нежелательных вмешательств и медицинский персонал от юридических рисков.

Клинические примеры демонстрируют системные нарушения процедуры получения согласия. В кардиологических отделениях 34% пациентов подписывают документы после проведения диагностических процедур, что подтверждается случаями из практики ГВКГ им. Бурденко. В педиатрии распространена практика получения согласия только от одного родителя при плановых операциях. Как отмечено в отчете Росздравнадзора, «подписание документов после операции фиксируется в 12% проверенных медицинских организаций». Обеспечение добровольности информированного согласия требует целенаправленной подготовки медицинских работников в области коммуникативных компетенций и биоэтики. «Обязательное обучение медицинского персонала навыкам коммуникации и этическим аспектам получения согласия необходимо для преодоления формального подхода к информированию пациентов»[3]. Систематическое повышение квалификации в этой сфере способствует формированию осознанного подхода к процедуре информирования, минимизируя риски механического подписания документов. Внедрение образовательных программ позволит медицинским сотрудникам эффективнее разрешать этические дилеммы, возникающие при оценке дееспособности пациентов или работе с уязвимыми группами населения.

Целесообразно установить единые стандарты формы и объёма предоставляемой информации с учётом особенностей медицинского

---

[3] Берн И., Эзер Т., Коэн Дж. и др. Права человека в сфере охраны здоровья: практическое пособие. — Львов: Изд-во ЛОБФ «Медицина и право», 2012. С. 254.

вмешательства. Одновременно необходима унификация судебной практики посредством разработки руководящих разъяснений Верховного Суда РФ по делам о нарушении прав пациентов. Реализация этих мер позволит снизить правовую неопределённость и обеспечить единообразное применение законодательства в сфере медицинских услуг.

Информированное добровольное согласие выступает не техническим требованием, а фундаментальным механизмом реализации права на самоопределение в сфере медицинской помощи. Его эффективность непосредственно влияет на уровень доверия между пациентом и медицинской системой, определяя качество оказываемых услуг. Таким образом, укрепление данного института соответствует стратегическим задачам развития здравоохранения, ориентированного на приоритет автономии личности.

КАФЕДРА ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ НАУК

Секция 14. «Трансформация финансового и налогового права в условиях цифровой экономики»

Цифровизация бюджетного процесса: современные финансово-правовые тенденции

Завалённая Антонина Павловна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Проводится анализ цифровизации бюджетного процесса в Российской Федерации и. Рассматриваются ключевые направления внедрения информационных систем и цифровых платформ в управление государственными финансами, включая планирование бюджета, казначейское сопровождение и контроль исполнения государственных контрактов. Приводятся актуальные статистические данные по использованию цифровых платформ в 2025–2026 годах и анализируются последствия для прозрачности и эффективности бюджетных процедур. Особое внимание уделено правовым аспектам автоматизации финансового контроля и распределения ответственности за использование цифровых инструментов. На основании проведенного анализа предлагаются рекомендации о необходимости законодательного закрепления правового статуса информационных систем и разработки комплексного механизма цифрового бюджетного контроля.

Ключевые слова: цифровизация, финансовое право, бюджет, финансы, казначейское сопровождение, цифровой контроль, прозрачность бюджетного процесса.

Цифровая трансформация государственного управления становится одним из ключевых направлений модернизации публичных финансов. В условиях развития цифровой экономики особую значимость приобретает

цифровизация бюджетного процесса, направленная на повышение прозрачности, эффективности и оперативности управления государственными финансовыми ресурсами. По данным Министерства финансов Российской Федерации, по состоянию на 2025–2026 гг. более 90 % операций федерального бюджета осуществляется через электронные системы казначейского сопровождения и цифровые платформы управления государственными финансами[1].

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена не только технологическим развитием, но и объективной необходимостью повышения эффективности бюджетных расходов. В условиях роста объёма государственных финансовых операций традиционные механизмы контроля и управления бюджетом оказываются недостаточно оперативными. Цифровизация бюджетного процесса позволяет автоматизировать значительную часть финансовых процедур, включая планирование бюджетных ассигнований, контроль исполнения бюджета, мониторинг государственных контрактов и анализ эффективности бюджетных расходов. В результате формируется новая модель финансового управления, основанная на использовании информационных технологий, аналитических платформ и цифровых инструментов государственного контроля.

Нормативную основу цифровизации бюджетного процесса в Российской Федерации составляют положения Бюджетного кодекса Российской Федерации, федеральные законы и подзаконные акты Правительства Российской Федерации, регулирующие использование информационных систем в сфере публичных финансов. В частности, статья 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации закрепляет понятие бюджетного процесса, а статьи 165 и 242.1 предусматривают использование информационных систем

[1] Основные направления бюджетной политики на 2026 год и плановый период 2027–2028гг. URL:https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=515953&cacheid=FB6B568F64D34C5B32E68DC90D96A13C&mode=splus&rnd=bkTX0EVMNXss5p82#69YX0EVAo1m0mFsH (дата обращения: 03.03.2026).

при исполнении бюджетов и осуществлении казначейского сопровождения[2]. Существенное значение имеет внедрение государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет», обеспечивающей цифровое взаимодействие между участниками бюджетного процесса.

Цифровизация бюджетного процесса реализуется посредством внедрения комплексных информационных платформ, обеспечивающих автоматизацию ключевых стадий бюджетного процесса. К ним относятся: бюджетное планирование, распределение бюджетных средств, исполнение бюджета и последующий финансовый контроль. Использование системы «Электронный бюджет» позволяет осуществлять централизованный учет бюджетных обязательств, контролировать движение средств в режиме реального времени и формировать аналитические отчёты о результативности бюджетных расходов. Как отмечают исследователи, цифровизация бюджетных процедур способствует повышению прозрачности финансовой деятельности государства и снижению коррупционных рисков[3].

Вместе с тем, цифровизация бюджетного процесса порождает ряд правовых проблем. Одной из ключевых является обеспечение правовой определенности при использовании автоматизированных решений в сфере управления государственными финансами. В частности, возникает вопрос о распределении ответственности между государственными органами и операторами информационных систем в случае возникновения технических сбоев, ошибок алгоритмов или неправомерного доступа к финансовой информации. Кроме того, использование цифровых платформ требует дополнительной регламентации процедур обработки и защиты бюджетных данных.

Отдельное значение имеет вопрос цифрового финансового контроля. В

---

[2] Бюджетный кодекс РФ от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

[3] См.: Сорокин Н.А. Правовые аспекты финансового права в условиях цифровизации экономики // Право и государство: теория и практика. № 6. 2025. С. 311.

условиях автоматизации бюджетных процедур контрольные органы получают возможность осуществлять непрерывный мониторинг бюджетных операций. Например, Счётная палата Российской Федерации активно использует цифровые аналитические инструменты для анализа эффективности государственных расходов. По данным отчёта Счётной палаты РФ, использование цифровых систем анализа бюджетных операций позволило выявить финансовые нарушения на сумму более 300 млрд. рублей в 2024 году[4].

Судебная практика также демонстрирует возрастающее значение цифровых инструментов бюджетного контроля. Так, в постановлении Пятого арбитражного апелляционного суда от 2 декабря 2025 года № 05АП-3201/25 по делу № А59-3120/2024 суд рассматривал спор, связанный с нарушением условий казначейского сопровождения государственного контракта. Суд указал, что данные государственной информационной системы управления общественными финансами могут использоваться в качестве доказательств при рассмотрении финансовых споров, поскольку отражают фактическое движение бюджетных средств и исполнение бюджетных обязательств[5].

В научной доктрине также отмечается, что цифровизация бюджетного процесса способствует формированию новой модели финансового контроля, основанной на анализе больших данных и использовании цифровых аналитических систем. По мнению С.В. Запольского и Е.Л. Васяниной, применение цифровых технологий в бюджетной сфере позволяет перейти от последующего контроля к превентивному мониторингу бюджетных операций, что существенно повышает эффективность государственного финансового управления[6].

Решение выявленных проблем требует дальнейшего совершенствования

---

[4] Отчёт Счётной палаты Российской Федерации о результатах деятельности за 2024 год [Электронный ресурс]. — М., 2025. — URL: https://ach.gov.ru/reports/ (дата обращения: 17.03.2026).

[5] Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 02.12.2025 № 05АП-3201/25 по делу № А59-3120/2024 [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ: [офиц. сайт]. — URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 17.03.2026).

[6] См.: Запольский С.В., Васянина Е.Л. Цифровизация финансового контроля: правовое регулирование // Правовая информатика. 2022. № 3. С. 4.

финансового законодательства и разработки комплексного механизма регулирования цифровых бюджетных процедур. Представляется целесообразным закрепить на уровне Бюджетного кодекса Российской Федерации правовой статус государственных информационных систем управления общественными финансами, установить единые стандарты цифрового документооборота в бюджетной сфере и определить порядок юридической ответственности за нарушения, связанные с использованием цифровых финансовых платформ.

Практический механизм реализации цифровизации бюджетного процесса должен включать комплекс взаимосвязанных организационно-правовых и технологических элементов. Во-первых, требуется дальнейшее нормативное закрепление и расширение обязательного использования единой цифровой инфраструктуры управления государственными финансами, функционирующей на базе государственной интегрированной информационной системы «Электронный бюджет», обеспечивающей формирование, исполнение и мониторинг бюджетной системы Российской Федерации всеми участниками процесса.

Во-вторых, целесообразно развитие системы автоматизированного мониторинга бюджетных операций, основанной на использовании инструментов казначейского сопровождения, риск-ориентированного анализа и цифровой обработки данных Федерального казначейства, позволяющих в режиме, близком к реальному времени, выявлять отклонения от установленных параметров бюджетных обязательств и признаки возможных финансовых нарушений на ранних стадиях исполнения бюджета.

В-третьих, необходима институционализация нормативной модели цифрового финансового контроля, предусматривающей интеграцию информационных систем Министерства финансов Российской Федерации, Федерального казначейства и Счётной палаты Российской Федерации, а также обмен данными посредством государственных информационных систем и межведомственного электронного взаимодействия. Реализация указанных мер

позволит повысить прозрачность бюджетных процедур, обеспечить оперативность финансового контроля и повысить эффективность использования средств бюджетной системы.

Таким образом, цифровизация бюджетного процесса представляет собой важнейшее направление развития современного финансового права. Внедрение цифровых технологий в систему управления государственными финансами способствует повышению прозрачности бюджетных процедур, усилению финансового контроля и повышению эффективности использования бюджетных средств. В целом, «можно констатировать, что в условиях цифровизации методы финансового контроля изменяются в сторону преобладания дистанционного предварительного контроля, направленного на пресечение и предотвращение правонарушений»[7]. Вместе с тем, дальнейшее развитие цифрового бюджетного управления требует совершенствования нормативно-правовой базы, разработки механизмов защиты финансовой информации и формирования устойчивой правоприменительной практики.

[7] Колодина М.В., Рахматуллина О.В. Совершенствование методов финансового контроля в Российской Федерации с внедрением финановых технологий // Право и государство: теория и практика. № 7 (199). 2021. С. 106.

Блокчейн и цифровые государственные сервисы: повышение прозрачности социальных программ и снижение коррупции

Орлов Н.О.,
студент Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева - КАИ, г. Казань

Славиогло Е.А.,
студент Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева - КАИ, г. Казань

Аннотация: В статье раскрывается роль технологии блокчейн и цифровых государственных сервисов в обеспечении прозрачности социальных программ и снижении уровня коррупции. Особое внимание уделяется теоретическим механизмам действия распределённых реестров и смарт-контрактов, а также анализу успешного международного опыта Эстонии и Грузии. Особое внимание уделяется текущим российским пилотным проектам в сфере социальной защиты и предложения по их масштабированию, а также рассматривается прямая связь цифровой трансформации государственного управления с последующим достижением целей устойчивого развития, в первую очередь сокращением всех форм коррупции.

Ключевые слова: блокчейн, цифровые государственные сервисы, прозрачность, социальные программы, коррупция, электронное правительство, устойчивое развитие.

В современном мире цифровизация государственного управления играет ключевую роль в обеспечении устойчивого социально-экономического развития, особенно когда речь идет о распределении социальных пособий, пенсий и субсидий. Традиционные системы часто сталкиваются с рисками коррупции из-за человеческого фактора, бюрократии и отсутствия полного контроля, что приводит к ежегодным потерям значительной части бюджетных средств. По данным международных исследований, существует сильная

положительная корреляция между уровнем развития электронного правительства и индексом восприятия коррупции: страны с высоким уровнем цифровизации демонстрируют заметно меньшие проблемы в этой сфере. Технология блокчейн и современные цифровые платформы предлагают эффективное решение, благодаря чему все операции становятся неизменяемыми, автоматическими и доступными для проверки любым гражданином.

Основной принцип блокчейна заключается в создании распределенного реестра данных, где каждая запись защищена криптографией и не может быть изменена задним числом. Смарт-контракты автоматически проверяют соответствие получателя критериям (доход, возраст, состав семьи) и перечисляют средства без участия чиновника, что полностью исключает возможность «ручного» вмешательства. С позиции теории общественного выбора такие механизмы решают проблему асимметрии информации и оппортунистического поведения должностных лиц, повышая подотчетность институтов власти. В результате административные издержки сокращаются, а доверие граждан к государственным структурам растет, что особенно важно для социальных программ, направленных на поддержку уязвимых групп населения. Исследования подтверждают, что цифровая трансформация напрямую способствует достижению целей устойчивого развития, в частности задачи 16.5 по снижению коррупции во всех ее формах[1].

Ярким примером успешного применения этих технологий служит опыт Эстонии, где платформа X-Road в сочетании с системой KSI Blockchain обеспечивает целостность данных во всех государственных реестрах, включая социальные выплаты и здравоохранение. Граждане через личный кабинет в реальном времени видят историю операций и могут проверить, как используются их данные, что гарантирует полную прозрачность. Благодаря этому коррупционные риски в социальной сфере сведены практически к нулю,

[1] Организация Объединенных Наций. Исследование ООН: Электронное правительство 2024. Ускорение цифровой трансформации для устойчивого развития. 2024. С. 9.

а экономия бюджета составляет до 2 % ВВП ежегодно за счет автоматизации и сокращения бюрократии[2]. Аналогичный подход применяется в Грузии с 2016 года: блокчейн-реестр земельного кадастра и социальных пособий сократил время обработки заявок с дней до секунд и значительно снизил случаи подделок документов, повысив доверие населения к системе распределения льгот[3].

Эти кейсы показывают, как блокчейн не только борется с коррупцией, но и улучшает социальные программы, помогая им быть более адресными и эффективными. Для наглядности полезно сравнить результаты внедрения в разных странах.

В Эстонии основной проект KSI Blockchain + X-Road обеспечил автоматические выплаты и проверку данных гражданами, что привело к почти нулевой коррупции и экономии 2 % ВВП. В Грузии блокчейн-реестр пособий и кадастра позволил обрабатывать заявки за секунды и исключить подделки, обеспечив снижение коррупции на 40 % в реестрах. В России пилоты Минтруда и Росреестра реализуют автоматическую сверку льгот на Единой платформе, что приводит к сокращению утечек по данным 2023-2025 гг.

Международный опыт подтверждает теоретические выводы: цифровые платформы с элементами блокчейна снижают бюрократию и утечки средств при выплате пособий. В отчете ООН отмечается, что такие системы позволяют экономить миллиарды за счет прямых перечислений и минимизации посредников, как это произошло в аналогичных проектах в Азии[4].

Переходя к российскому контексту, можно увидеть, что цифровая трансформация социальных услуг уже активно развивается через Единую цифровую платформу социальной защиты Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации и портал Госуслуг. Пилотные проекты

---

[2] e-Estonia. e-Estonia guide. 2025. С. 12.
[3] U4 Anti-Corruption Resource Centre. Anti-corruption reforms have been successful in Georgia, but blockchain is stealing the limelight. 2022. С. 45.
[4] Организация Объединенных Наций. Исследование ООН: Электронное правительство 2024. Ускорение цифровой трансформации для устойчивого развития. 2024. С. 23.

Росреестра и Минцифры используют распределенные реестры для учета льгот и пособий, автоматически исключая двойные выплаты и ошибки. После цифровизации наблюдается положительная динамика по индексу восприятия коррупции, однако сохраняются вызовы цифровой разрыв в отдаленных регионах и необходимость усиления кибербезопасности[5].

Преимущества применения блокчейна в этой сфере очевидны и многогранны. Во-первых, прозрачность достигается за счет открытого доступа к истории всех транзакций, что позволяет гражданам самостоятельно контролировать процесс. Во-вторых, точное таргетирование пособий сокращает административные расходы на 30 - 50 %, а автоматизация через смарт-контракты исключает коррупционные схемы. Экономический эффект легко рассчитать: снижение утечек бюджетных средств минус затраты на внедрение дает чистую выгоду для государства. В то же время существуют и риски, которые необходимо учитывать: возможные кибератаки на сеть, вопросы защиты персональных данных и сопротивление изменениям со стороны отдельных чиновников. Для их минимизации требуется разработка федерального законодательства о блокчейн-реестрах, программы обучения специалистов и поэтапное расширение инфраструктуры в регионах.

Рассмотрим преимущества и риски блокчейна. По аспекту прозрачности преимуществом является полная видимость операций для граждан, риском - возможные атаки на сеть, а способом минимизации - многоуровневая криптозащита и аудиты. По аспекту эффективности преимуществом выступает автоматизация выплат и экономия бюджета, риском - цифровой разрыв в регионах, способом минимизации - развитие инфраструктуры и обучение граждан. По аспекту борьбы с коррупцией преимуществом является исключение ручного распределения, риском - сопротивление бюрократии, способом минимизации - федеральный закон и мотивация сотрудников.

Таким образом, блокчейн и цифровые государственные сервисы уже

---

[5] Организация Объединенных Наций. Исследование ООН: Электронное правительство 2024. Ускорение цифровой трансформации для устойчивого развития. 2024. С. 30.

доказали свою эффективность в мире и постепенно внедряются в России. Дальнейшее масштабирование пилотных проектов на все социальные программы к 2030 году позволит существенно повысить эффективность расходования бюджетных средств, укрепить доверие общества и внести вклад в достижение целей устойчивого развития. Рекомендуется принять федеральный закон о блокчейн-реестрах, интегрировать технологию с порталом Госуслуг и проводить регулярный мониторинг результатов в регионах. Перспективы развития этой сферы зависят от комплексного подхода, включающего как технологические инновации, так и меры по преодолению барьеров. Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на эмпирической оценке влияния таких систем на уровень жизни населения и бюджетную эффективность в российских условиях.

Применение искусственного интеллекта против уклонения от уплаты налогов и сборов в России

Широкова Анна Дмитриевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье анализируется современное состояние и перспективы применения технологий искусственного интеллекта в налоговом контроле России. Рассматривается трансформация подходов Федеральной налоговой службы, выражающаяся во внедрении тотального цифрового мониторинга на базе систем АИС «Налог-3» и АСК НДС-3. Особое внимание уделяется правовым аспектам использования автоматизированных систем, включая анализ судебной практики, которая формирует критерии оценки доказательств, полученных с их помощью. Автор исследует проблему баланса между эффективностью фискального контроля и соблюдением прав налогоплательщиков в условиях цифровизации. В работе также затрагиваются этические и нормативные вызовы, связанные с непрозрачностью алгоритмов и необходимостью совершенствования законодательства. Делается вывод о необратимости интеграции ИИ в налоговое администрирование и необходимости выработки сбалансированного подхода к его применению.

Ключевые слова: искусственный интеллект, налоговый контроль, ФНС России, АСК НДС-3, цифровизация, судебная практика, налоговое администрирование.

Цифровая трансформация налогового администрирования в Российской Федерации достигла качественно нового рубежа, где искусственный интеллект перестал быть экспериментальным инструментом и превратился в ключевой элемент повседневной контрольной деятельности. В 2026 году Федеральная налоговая служба демонстрирует принципиально иную философию налогового контроля, основанную на тотальном цифровом надзоре, предиктивной аналитике и автоматизированном выявлении рисков задолго до того, как они

материализуются в налоговые правонарушения. Как справедливо отмечается в современных исследованиях, внедрение искусственного интеллекта в налоговую сферу представляет собой необратимый процесс, повышающий эффективность контроля, но одновременно порождающий серьезные правовые и этические риски, требующие осмысления и нормативного регулирования.

Стратегический вектор развития налогового контроля был обозначен на совещании с Правительством 18 февраля 2026 года, где глава ФНС России Д. Егоров доложил Президенту РФ переход службы к тотальной цифровизации надзорных функций. Ключевым драйвером изменений выступает интеграция информационных систем налоговых органов с платформами маркетплейсов, банков и государственной системой маркировки «Честный ЗНАК».

Технологическая архитектура налогового контроля базируется на развитии автоматизированной информационной системы ФНС России АИС «Налог-3», которая выступает центральным звеном сбора, обработки и анализа массивов данных о налогоплательщиках. В судебной практике сформировался устойчивый подход, согласно которому информационные системы налоговых органов признаются внутренним информационным ресурсом, созданным для автоматизации и систематизации процессов сбора, накопления, хранения и обработки сведений об организациях, полученных законным путем в ходе выполнения функций налогового контроля.

Программный комплекс АСК НДС-3 представляет собой наиболее яркий пример практической реализации технологий искусственного интеллекта в налоговом контроле. Система автоматизирует перекрестные проверки налоговых деклараций по налогу на добавленную стоимость на основе сведений из книг покупок, книг продаж и журналов учета выставленных и полученных счетов-фактур. Использование этой программы позволяет автоматически распределять плательщиков НДС на три группы риска — высокий, средний и низкий, что учитывается налоговыми органами при планировании и проведении контрольных мероприятий. Как разъясняется в письме ФНС России от 3 июня 2016 года № ЕД-4-15/9933@, выявленная группа

риска определяет интенсивность и формы последующего контроля[1]. При этом важно понимать, что сведения из системы управления рисками представляют собой совокупность показателей налоговых деклараций, рассматриваемых во взаимосвязи с аналогичными показателями контрагентов налогоплательщика. Тип расхождения «разрыв» возникает, когда программа при проверке не обнаруживает сведений о конкретной операции у одного из контрагентов, то есть у одной стороны сделки операция отражена, а у другой — отсутствует.

Современная практика выявления схем уклонения от налогообложения демонстрирует усложнение методов недобросовестных налогоплательщиков, но одновременно и рост аналитических возможностей налоговых органов. В частности, получила распространение так называемая «схема посреднических операций», суть которой заключается в фиктивном включении в цепочку поставок действующей организации, осуществляющей реальную финансово-хозяйственную деятельность с минимальными налоговыми рисками. При этом такой «посредник» может даже не подозревать о своем участии в сделках, поскольку фактически не вступает в отношения ни с продавцом, ни с покупателем. Налогоплательщики, применяющие подобные схемы, ошибочно полагают, что использование реально действующей компании в качестве промежуточного звена не вызовет подозрений у налоговых органов. Однако программный комплекс АСК НДС позволяет с высокой точностью распознавать такие конструкции и выявлять расхождения, ведущие к доначислению налога на добавленную стоимость на основании статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации[2].

Показательным примером служит дело, рассмотренное Арбитражным судом Северо-Кавказского округа 30 января 2026 года по делу № А32-

---

[1] Письмо ФНС России от 03.06.2016 № ЕД-4-15/9933@ «Об оценке признаков риска СУР» // СПС КонсультантПлюс: сайт.– URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_199628 (дата обращения: 21.02.2026).

[2] Налоговый кодекс РФ (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ: ред. от 28.11.2025 // СПС КонсультантПлюс: сайт– URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc19671 (дата обращения: 24.02.2026).

44447/2024[3]. Налоговый орган провел камеральную проверку декларации по НДС за первый квартал 2023 года и установил цепочку контрагентов, в результате движения денежных средств, между которыми образовался источник для вычета по НДС: общество — ООО «ПО «Кедр» — ООО «ОСНОВА» — ООО «ТРЕСТ» — ООО «ВОСХОД». Материалами дела подтверждалось совпадение IP-адресов подачи отчетности у организаций по цепочке, что свидетельствовало о подконтрольности данных лиц. Суды трех инстанций отказали налогоплательщику в признании решения налогового органа незаконным, констатировав создание формального документооборота, направленного на минимизацию налоговых обязательств. При этом доводы общества о проявлении должной осмотрительности при выборе контрагента и наличии первичных документов были отклонены, поскольку совокупность доказательств указывала на нереальность хозяйственных операций.

Принципиально важным аспектом применения искусственного интеллекта в налоговом контроле выступает проблема правового и этического регулирования. Как отмечается в научной литературе, ключевые проблемы включают непрозрачность алгоритмов, сложность определения ответственности за ошибки искусственного интеллекта, риски дискриминации и нарушения конфиденциальности данных. Несмотря на то, что Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490, создала концептуальную основу для внедрения соответствующих технологий, многие конкретные вопросы остаются неурегулированными на законодательном уровне[4]. В частности, отсутствует детальная регламентация порядка использования технологий искусственного интеллекта при осуществлении

---

[3] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30.01.2026 № Ф08-8585/2025 по делу № А32-44447/2024 // Российский налоговый портал. 12.02.2026. – URL: http://taxpravo.ru/sudebnie_dela/statya-490018-postanovlenie_arbitrajnogo_suda_severo (дата обращения: 24.02.2026).

[4] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в ред. от 15.02.2024) // Официальный сайт Президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (дата обращения: 02.03.2026).

налогового контроля, что создает риски для баланса публичных и частных интересов. Представляется необходимым совершенствование законодательства о налогах и сборах в части внедрения новых гарантий и прав налогоплательщиков при использовании автоматизированных систем, принимающих решения.

Судебная практика последовательно формирует подходы к оценке доказательств, полученных с использованием информационных систем налоговых органов. В постановлении Арбитражного суда Московского округа от 31 мая 2021 года № Ф05-10916/2021 по делу № А40-62388/2020 указано, что налоговый орган не может вменять наиболее платежеспособному налогоплательщику любые «налоговые разрывы», выявленные в «дереве связей» программно-аппаратным комплексом по его контрагентам второго, третьего и последующих звеньев, без привязки к фактическим обстоятельствам сделок, периодам и объемам товарных потоков[5]. Суд отметил, что в решении налогового органа должен присутствовать анализ налоговых разрывов, указывающий на конкретные суммы, компании, на которых возникают такие разрывы, и связь с конкретными товарными потоками. В постановлении Арбитражного суда Московского округа от 19 июля 2022 года № Ф05-9037/2022 подчеркнуто, что сведения, выявленные при помощи программного комплекса «АСК НДС-2», сами по себе не могут являться доказательством неправомерного предъявления НДС к вычету, а лишь содержат источники получения доказательств, сбор, анализ и оценка которых в совокупности с иными обстоятельствами представляют самостоятельную интеллектуальную деятельность[6].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что использование технологий искусственного интеллекта в российской системе налогового

---

[5] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.05.2021 № Ф05-10916/2021 по делу № А40-62388/2020 // СудАкт: информационно-правовой портал. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/TShQ2bV2FHZQ/(дата обращения: 07.03.2026).

[6] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.07.2022 № Ф05-9037/2022 по делу № А41-14498/2021 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/69152596/ (дата обращения: 07.03.2026).

контроля перешло из стадии экспериментов в стадию планомерной и необратимой интеграции. Накопленный ФНС России опыт демонстрирует значительный позитивный эффект в области повышения собираемости налогов и эффективности администрирования, однако одновременно выявляет комплекс проблем, требующих решения. Дальнейший прогресс будет зависеть от способности государства и общества совместно обеспечить качество и безопасность данных, внедрить принципы «объяснимого искусственного интеллекта» для обеспечения прозрачности и доверия, а также реализовать программы повышения цифровой грамотности как для сотрудников налоговых органов, так и для налогоплательщиков. Только сбалансированный подход, учитывающий технологические, правовые и этические аспекты, позволит максимально раскрыть потенциал искусственного интеллекта для построения современной, справедливой и эффективной системы налогового администрирования, где нейросети выступают не инструментом тотального контроля, а помощниками в обеспечении добросовестной конкуренции и фискальной устойчивости.

Становление и развитие банковской системы Российской Федерации

Чернолих Дарья Владимировна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Научная статья посвящена исследованиям исторических аспектов становления и развития банковской системы Российской Федерации. Проанализированы основные этапы ее формирования, выявлены ключевые особенности каждого их них. Особое внимание уделено Центральному банку РФ. Статья позволяет рассмотреть логику изменений банковского сектора в условиях меняющейся среды. Сделан вывод о том, что современная банковская система достаточно эффективна, однако требует постоянного развития в условиях изменчивости экономики и законодательства.

Ключевые слова: банковская деятельность, Центральный банк России, эмиссия, кредитно-денежная политика, устойчивость банковской системы, монополия.

Сегодня банки – это необходимый финансово-кредитный инструмент, который осуществляет свою деятельность практически во всех государствах.

Исторический анализ свидетельствует о том, что в России первый банк государственного уровня появился в 1860 году. Александр II указом утвердил Государственный банк, а также его Устав[1].

Инициатива министра финансов привела к основанию Государственного банка Российской империи, что стало результатом изменения и трансформации в актуальное состояние предшествующих финансовых институтов, включая Государственный коммерческий банк и Заёмный банк, а также способствовало закрытию некоторых учреждений, подобных Сохранной казне, которые выполняли функции сберегательных касс. Это был своеобразный резервный фонд, который банк обязан был поддерживать в соответствии с

[1] См.: Гибадуллина Л.Р. История возникновения банковского дела в России // Качество в производственных и социально-экономических системах. 2021. № 1. С. 131.

законодательством, для обеспечения финансовой устойчивости банка.

По Уставу Государственный банк России был учрежден с миссией по стимулированию торговой активности и укреплению кредитно-финансовой системы. На эти цели из государственной казны был выделен стартовый капитал в 15 миллионов рублей, а также сформирован резервный фонд в 1 миллион рублей. В 1860 году банк претерпел реорганизацию: его Устав был изменён, и он вошел в структуру Министерства финансов. Это преобразование закрепило за банком статус государственного учреждения, а непосредственное руководство им стало осуществляться Министром финансов. В сферу деятельности Государственного банка России входили такие ключевые финансовые операции, как учет векселей, управление государственными ценными бумагами, а также проведение сделок с драгоценными металлами. В 1894 году был принят новый Устав, призванный улучшить денежное обращение путем предоставления кредитов торговым и промышленным организациям, а также сельскому хозяйству. Он установил обязательные резервы для банков, что помогло укреплению их финансовой устойчивости.

Во времена СССР произошли важные изменения в структуре Государственного банка, связанные с соответствующими историческими событиями. После Октябрьской революции 1917 года и принятия Декретов о национализации банков, включая Дворянский земельный банк и Крестьянский поземельный банк, все коммерческие банки были объединены с Государственным банком. Сначала в 1918 году он был переименован в Народный банк Российской Республики, а затем в Народный банк РСФСР. Новое название не просто символизировало изменения, но и отразило новую роль банка, который начал выдавать кредиты частным предприятиям для их развития. Однако в 1920 году Народный банк РСФСР перестал действовать, был ликвидирован, и все его активы и финансовые средства были переданы Центральному бюджетно-расчётному управлению Наркомата Финансов.

В годы Великой Отечественной войны ключевой функцией Государственного банка стала эмиссия денег. Это привело к значительному

росту денежной массы, что, в свою очередь, обусловило необходимость проведения денежной реформы[2]. Позднее, с началом индустриализации, государству потребовался институт, способный проводить единую кредитно-денежную и эмиссионную политику. Это привело к восстановлению Государственного банка, сначала как Госбанка РСФСР, а затем СССР. Важным этапом в его становлении стало выделение из структуры Министерства финансов СССР по Указу Президиума Верховного Совета СССР.

Третий исторический этап развития Центрального банка России – современный этап. Стремительный переход к рыночной экономике сопровождался правовой неопределённостью, которая выражалась в отсутствии конкретных правовых норм для новых финансовых инструментов, таких как потребительские и ипотечные кредиты, что в 1990-е годы привело к отсутствию единых стандартов, росту задолженности и дестабилизации банковской системы[3].

Закон «О Центральном банке РСФСР (Банке России)» был принят 2 декабря 1990 года. В соответствии с данным законом Банк России принимал статус главного банка страны. Государственный банк СССР пережил существенные изменения в связи с переходом страны к рыночной экономике в период перестройки. Закон устанавливал новый статус Центрального Банка как лица, способного управлять своими расходами на основе доходов. В рамках данного нормативного акта были конкретно определены функции банка, включая организацию денежного обращения, денежно-кредитное регулирование, управление внешнеэкономической деятельностью, регулирование деятельности банков, а также контрольно-надзорная деятельность в банковской системе.

С 1991 года два банка, Государственный банк СССР и Центральный банк РСФСР, начали действовать одновременно, поскольку был переходный период в истории государства. К декабрю 1991 года Государственный банк СССР был

[2] См.: Андреева С.Я. Эволюция законодательства в области расчетно-кредитных отношений // Актуальные вопросы права, экономики и управления. 2025. № 1. С. 397.
[3] Там же. С. 397.

ликвидирован, а все его полномочия, имущество и финансовые средства были переданы Центральному банку РСФСР.

В соответствии с положениями ст. 75 Конституции РФ, национальной денежной единицей нашего государства является рубль. Исключительное право на денежную эмиссию принадлежит Центральному банку Российской Федерации (далее – ЦБ РФ, Банк России), при этом введение и выпуск каких-либо других денежных средств на территории государства строго запрещены. Данная монополия носит исключительный характер, что означает прямой законодательный запрет на введение и выпуск каких бы то ни было других денежных единиц или суррогатов, выполняющих функции платёжного средства. Это позволяет ЦБ РФ эффективно осуществлять свою функцию по проведению единой государственной денежно-кредитной политики, направленной на защиту и обеспечение устойчивости рубля, а также предоставляет ему полный контроль над денежной массой, поскольку «...главной задачей ЦБ РФ является обеспечение стабильности финансовой системы и устойчивости национальной валюты...»[4].

Важнейшей и независимой от других органов государственной власти функцией банковской системы, осуществляемой ЦБ РФ, является защита и обеспечение устойчивости рубля. Это означает проведение самостоятельной и последовательной денежно-кредитной политики, направленной на сдерживание инфляции и поддержание стабильной покупательной способности национальной валюты.

В соответствии с п. 2 ст. 22 Федерального закона от 10 декабря 2003 года № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»[5], органами валютного контроля в Российской Федерации являются Центральный банк Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные Правительством Российской Федерации. Целью

[4] Нуриева Л.И. Эмиссия наличных денег и организация их оборота в Центральном Банке // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 99-4. С. 182.

[5] Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (в ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

Федерального закона является обеспечение реализации единой государственной валютной политики, а также устойчивости валюты Российской Федерации и стабильности внутреннего валютного рынка Российской Федерации как факторов прогрессивного развития национальной экономики и международного экономического сотрудничества. В рассматриваемых правоотношениях действует Федеральный закон от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее – Закон о национальной платежной системе)[6], который устанавливает правовые и организационные основы национальной платежной системы, регулирует порядок оказания платежных услуг, деятельность субъектов национальной платежной системы, а также определяет требования к организации и функционированию платежных систем, порядок осуществления надзора и наблюдения в национальной платежной системе.

Следующими по юридической силе являются подзаконные нормативные акты, в том числе акты, изданные Банком России. Они имеют обязательный характер для всех федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также для юридических и физических лиц в данной сфере деятельности. Положение Банка России представляет собой нормативный акт, в котором содержится система правил поведения по вопросам, отнесенным федеральными законами к компетенции ЦБ РФ. Например, в настоящее время действует Положение Банка России от 29 июня 2021 года № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств»[7]. Таковое включает общие положения, процедуры приема к исполнению, отзыва, возврата (аннулирования) распоряжений о переводе денежных средств и порядок их выполнения, особенности выполнения процедур приёма к исполнению распоряжений о переводе денежных средств участников платежной системы,

[6] Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (в ред. от 23.05.2025) // Российская газета. 2011. № 139.
[7] Положение Банка России от 29.06.2021 № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств» (в ред. от 03.08.2023) // Вестник Банка России. 2021. № 62.

процедуры исполнения распоряжений о переводе денежных средств и порядок их выполнения, расчеты платежными поручениями, расчёты по аккредитиву, расчеты инкассовыми поручениями, расчёты чеками и т. д.

Таким образом, формирование современной банковской системы России прошло три этапа. Первый, имперский этап (1860-1917 гг.), начался с создания в 1860 году по указу Александра II Государственного банка, что помогло появлению в России первого банка государственного уровня. Второй, советский этап (1917-1990 гг.), характеризовался полной национализацией банковского сектора после 1917 года и его трансформацией в монопольный инструмент плановой экономики. Третий, современный этап (с 1990 г. по настоящее время), был определён принятием Закона «О Центральном банке РСФСР (Банке России)», который закрепил за Банком России статус главного эмиссионного и надзорного органа. Пройдя путь от государственной монополии до либеральной модели 1990-х годов, сформировалась довольно эффективная современная банковская модель, проблемой которой, однако, остаётся обеспечение стабильности банковской системы в условиях цикличности экономики и правовых реформ.

Секция 15. «Конституционное право России: базовые концепты и практика»

Правовые механизмы защиты прав беженцев в системе национальной безопасности Кыргызской Республики

Адылова Айпери Омуркановна,
Международный университет
Кыргызской Республики, г. Бишкек

Аннотация: Статья посвящена анализу правовых механизмов защиты прав беженцев в системе национальной безопасности Кыргызской Республики в сравнительно-правовом аспекте. Исследуются международные обязательства государства, вытекающие из Конвенции 1951 года, и их реализация в национальном праве. Рассматривается Закон КР «О беженцах» 2002 года с учетом поправок 2023 года, проводится сравнительный анализ законодательства и практики России, Казахстана, Таджикистана и Узбекистана. Анализируется динамика численности беженцев в регионе и соотношение гуманитарной защиты и требований национальной безопасности. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: беженцы, национальная безопасность, Кыргызская Республика, правовые механизмы, принцип невысылки, сравнительное право, вынужденная миграция.

Проблема вынужденной миграции и правового регулирования статуса беженцев в Кыргызской Республике приобретает особую актуальность в условиях роста региональной нестабильности и увеличения миграционных потоков из кризисных государств. В этой связи особое значение имеет обеспечение баланса между соблюдением международных гуманитарных обязательств и защитой национальной безопасности, общественного порядка и интересов государства.

Представительство УВКБ ООН в Кыргызстане было открыто в 1995 году для оказания помощи более чем 20000 беженцев из Таджикистана, покинувших страну в период гражданской войны. Часть из них интегрировалась в местное сообщество, получив гражданство Кыргызской Республики, часть добровольно вернулась на родину.

По состоянию на июнь 2023 года в республике находились около 1030 беженцев и просителей убежища, а также 227 лиц без гражданства. В 2024 году зарегистрированы 1738 просителей убежища и 269 беженцев. На июнь 2025 года — 85 беженцев, 1901 проситель убежища и 945 лиц без гражданства[1]. Следует подчеркнуть, что разрыв между числом просителей убежища и официально признанных беженцев весьма значителен, что свидетельствует об ограниченных возможностях национальной системы рассмотрения ходатайств.

Правовую основу международной системы защиты беженцев образуют Конвенция о статусе беженцев 1951 года[2] и Протокол к ней 1967 года. Конвенция содержит определение понятия «беженец», устанавливает императивный принцип невысылки (non-refoulement) и закрепляет перечень прав, которыми беженцы должны пользоваться в стране пребывания.

Кыргызская Республика присоединилась к Конвенции 1951 года и Протоколу 1967 года в 1996 году[3]. Тем самым государство приняло на себя юридически обязательства, нарушение которых влечёт международную ответственность. Первостепенным национальным правовым актом в данной сфере является Закон Кыргызской Республики от 25 марта 2002 года № 44 «О беженцах»[4]. Закон установил: понятие беженца в соответствии с конвенционным определением; порядок подачи и рассмотрения ходатайств; права и обязанности ходатайствующих и признанных беженцев; основания

---

[1] УВКБ ООН. Статистика по операциям в Кыргызстане. URL: https://www.unhcr.org/kg (дата обращения: 01.04.2026).

[2] Конвенция о статусе беженцев от 28.07.1951 // United Nations Treaty Series. Vol. 189. P. 137.

[3] Закон Кыргызской Республики от 08.10.1996 № 52 «О присоединении Кыргызской Республики к Конвенции о статусе беженцев и Протоколу, касающемуся статуса беженцев» // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 1996. № 10.

[4] Закон Кыргызской Республики от 25.03.2002 № 44 «О беженцах» // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 2002. № 5. Ст. 203.

утраты и лишения статуса; правовые, экономические и социальные гарантии. В статье 12 Закона прямо воспроизводится принцип невысылки.

Важным этапом стало принятие поправок от 19 апреля 2023 года[5] и принятие Закона КР «О гарантированной государством юридической помощи», который создал систему СЮП и обеспечил право на бесплатную юридическую помощь, в том числе для беженцев, иностранных граждан и лиц без гражданства. Вместе с тем лица, ищущие убежище, не выделены в отдельную категорию бенефициариев получателей СЮП, что ограничивает их доступ к квалифицированной правовой помощи на стадии рассмотрения ходатайства. Исполнение Закона «О беженцах» возложено на Министерство труда, социального обеспечения и миграции.

Сравнение с подходами соседних государств позволяет определить направления возможного совершенствования:

Российская Федерация присоединилась к Конвенции 1951 года в 1992 году и уже в следующем году приняла Федеральный закон «О беженцах» от 19 февраля 1993 года № 4528-I[6]. Закон и предусматривает многоэтапную процедуру: предварительное рассмотрение ходатайства, рассмотрение по существу, выдачу свидетельства, а при положительном решении — удостоверения беженца. Законом закреплён широкий пакет социальных гарантий, включая центры временного размещения и фонд жилья для временного поселения. Вместе с тем С.Ю. Андрейцо указывает, что в практике применения российского законодательства наблюдается тенденция к сужению оснований признания статуса, особенно применительно к выходцам из государств СНГ[7].

Республика Казахстан ратифицировала Конвенцию 1951 года и приняла

---

[5] Закон Кыргызской Республики об изменениях в Закон КР О беженцах от 19.04.2023 № 91 // Нормативные акты Кыргызской Республики. 2023. № 18.

[6] Федеральный закон РФ от 19.02.1993 № 4528-I (с изм. на 23.07.2025) «О беженцах» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 12. Ст. 425.

[7] Андрейцо С.Ю. Проблемы защиты прав беженцев: к десятилетию принятия Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах // Образование. Наука. Научные кадры. 2026. № 1.

специальный Закон от 4 декабря 2009 года № 216-IV «О беженцах»[8]. Казахстанская модель отличается тем, что решения о присвоении статуса беженца принимаются местными исполнительными органами в трёхмесячный срок при обязательной дактилоскопической регистрации. Р.Г. Нурмаганбетов обращает внимание на относительно высокую степень интеграции закона о беженцах в систему миграционного законодательства Казахстана, что является несомненным достоинством казахстанской модели[9].

Республика Таджикистан стала первым государством Центральной Азии, присоединившимся к Конвенции 1951 года, - в 1993 году. Действующий Закон Республики Таджикистан «О беженцах» от 10 мая 2002 года № 50[10] (с изменениями 2014 г.) устанавливает процедуру определения статуса беженца, которую в настоящее время осуществляет само правительство. Таджикистан принимает наибольшее в Центральной Азии число беженцев - более 10 тыс. человек на конец 2023 года, - что в условиях ограниченности государственных ресурсов создаёт серьёзную нагрузку на систему приёма. Е.Г. Петренко, О.Н. Гладнева и В.В. Шестопалова констатируют, что при внешнем соответствии таджикского законодательства конвенционным стандартам его практическое применение существенно осложняется финансовой и институциональной ограниченностью[11].

Принципиально иная ситуация сложилась в Республике Узбекистан. Эта страна до настоящего времени не присоединилась к Конвенции 1951 года и не располагает национальной системой предоставления убежища. Постоянное представительство УВКБ ООН в Узбекистане отсутствует — деятельность осуществляется представительством по Центральной Азии, базирующимся в г.

---

[8] Закон Республики Казахстан от 04.12.2009 № 216-IV (с изм. на 28.05.2024) «О беженцах» // Казахстанская правда. 2009. № 237.

[9] См.: Нурмаганбетов Р.Г. Вопросы правового регулирования статуса беженцев в Республике Казахстан // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2019. № 3 (56). С. 71–79.

[10] Закон Республики Таджикистан от 10.05.2002 № 50 (с изм. на 26.07.2014) «О беженцах» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2002. № 4. Ст. 288.

[11] См.: Петренко Е.Г., Гладнева О.Н., Шестопалова В.В. Международно-правовая защита прав беженцев // Epomen.Global. 2025. № 58.

Алматы. По данным УВКБ ООН на начало 2025 года, в стране насчитывались лишь 5 мандатных беженцев и около 8,5 тыс. лиц, находящихся в ситуации, схожей с беженской, которые лишены доступа к легальному трудоустройству, медицинской помощи и защите от принудительного возвращения.

Противоречие между гуманитарными обязательствами государства и требованиями национальной безопасности образует системную коллизию, решение которой является ключевой задачей государств, принимающих вынужденных мигрантов. В Кыргызской Республике[12] она отражена в Концепции национальной безопасности, относящей неконтролируемую внешнюю миграцию к числу потенциальных угроз. Международное право предусматривает инструмент разрешения данной коллизии: статья 1F Конвенции 1951 года исключает из сферы защиты лиц, совершивших преступления против мира, военные преступления или тяжкие преступления неполитического характера. Статья 33(2) допускает отступление от принципа невысылки в отношении лиц, представляющих угрозу безопасности.

В законодательной плоскости Кыргызская Республика располагает базовой системой защиты беженцев, основанной на Конвенции 1951 года и Законе «О беженцах» 2002 года. В сравнении с соседними государствами кыргызская модель уступает российской и казахстанской по степени процедурной детализации и объему социальных гарантий, однако сохраняет более высокий уровень институционального признания статуса беженца по сравнению с Узбекистаном.

Сохраняются ключевые проблемы: недостаточная регламентация первичного приема ходатайств на границе, отсутствие лиц, ищущих убежище, в числе бенефициариев Службы юридической помощи (СЮП), а также отсутствие специального механизма альтернатив административному задержанию, соответствующего стандартам УВКБ ООН.

В правоприменительной практике сохраняется проблема непрозрачности

[12] Указ Президента Кыргызской Республики от 20.12.2021 № 570 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики» // Нормативные акты Кыргызской Республики. 2021. № 52.

применения оснований исключения из-под международной защиты по соображениям безопасности. Информация, используемая органами безопасности при проверке ходатайств, зачастую недоступна для эффективного судебного контроля, что ограничивает право на справедливое разбирательство. Дополнительно отмечается несоответствие сроков рассмотрения ходатайств растущему объему обращений, что приводит к затягиванию процедур.

На основании изложенного предлагается: закрепить в Законе «О беженцах» детальные процедурные гарантии применения статьи 1F Конвенции, включая право лица на ознакомление с доводами и их обжалование; включить лиц, ищущих убежище, в число бенефициариев СЮП; а также развивать региональные стандарты рассмотрения ходатайств в государствах Центральной Азии с учетом передового опыта Казахстана и России.

Конституционные и традиционные ценности в Российской Федерации

Гутин Кирилл Леонидович,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В данной статье рассмотрена проблема соотношения конституционных и традиционных ценностей в России. Автором предложена классификация указанных аксиологических систем по генетическому признаку. Рассмотрена эволюция конституционных ценностей, проведено их сопоставление с традиционными. Выявлен недостаток современной ценностно-ориентирующей политики, связанный с уходом на второй план либерально-демократических ценностей. Обоснована необходимость повышения внимания к данным ценностям.

Ключевые слова: ценности, конституционные ценности, конституционная аксиология, традиционные ценности, либеральная демократия, Конституция РФ.

В связи со сложившейся геополитической обстановкой и обусловленной ею политикой Российского государства по консолидации общества понятие «традиционные ценности» широко используется в общественном дискурсе. Правовую основу системы традиционных ценностей составляет Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ о традиционных ценностях). Определённый комплекс ценностей, составляющих основу гражданской нации, уже закреплён в Конституции Российской Федерации. В этой связи представляется целесообразным сопоставить указанные аксиологические системы и определить их соотношение.

Под аксиологией понимается определённая система ценностей[1].

[1] Аксиология // Толковый словарь Ефремовой. URL: https://gufo.me/dict/efremova/аксиология (дата обращения: 19.03.2026).

Следовательно, предметом конституционной аксиологии являются ценности конституционные. Генетически данная категория является идеальной, однако ошибочно считать, что конституционная аксиология имеет дело с чем-то эфемерным. Напротив, конституционные ценности, объективируясь в общественных отношениях, конституционализируют правовую систему[2] и, являясь социально детерминированными[3], позволяют проследить общественные идеалы и цели, причём в динамике. Именно в этом их практическая значимость.

В отечественной науке конституционного права аксиологический аспект получил глубокую разработку, рядом авторов созданы классификации конституционных ценностей[4]. В настоящей работе предложена авторская классификация – по признаку происхождения: так, предлагается разделить конституционные ценности на 4 группы: общечеловеческие, либерально-демократические, национально-патриотические и специальные (государственные).

Конституция 1993 г., ставшая первой либерально-демократической конституцией в российской истории, закономерно содержит большое количество соответствующих ценностей: ценности демократии, правового государства, республиканизма, парламентаризма, разделения властей, прав и свобод человека и гражданина и пр. К общечеловеческим могут быть отнесены жизнь, добро, справедливость, семья, материнство и детство. К национально-патриотическим – исторически сложившееся государственное единство, любовь и уважение к Отечеству, ответственность за Родину. Наконец, Конституция содержит ещё одну, специфическую, группу ценностей:

---

[2] Актуальные проблемы конституционного права: к 100-летию Е.И. Козловой: монография / отв. ред. В.В. Комарова. М., 2025. С. 47.

[3] Витрук Н.В. Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности: вопросы теории и практики / Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации. Материалы Международной научно-теоретической конференции 4-6 декабря 2008 г.: в 2-х т. Т. 1 /Под ред. Н.В. Витрука, Л.А. Нудненко. М., 2010. С. 11.

[4] Авторство одной из наиболее детальных классификаций принадлежит Д.Г. Шустрову.

суверенная государственность России, федерализм[5]. Не выражая политической, национальной, нравственной идеи, они играют важную роль при характеристике выбранного пути государственного развития. Назовём их специальными (государственными).

В результате конституционных поправок 2020 г. её аксиологическая система изменилась. В текст было включено много общечеловеческих ценностей: уважение к старшим, уважение человека труда, социальная солидарность – и национально-патриотических: уважение памяти защитников Отечества, защита исторической правды, патриотизм, гражданственность. Ценности взаимного доверия государства и общества, экономической и политической солидарности находятся на стыке либерально-демократических и национально-патриотических[6]: для обеспечения доверия и солидарности требуется, с одной стороны, позитивное отношение гражданина к государственным институтам, а с другой, активная социальная политика государства, оправдывающая такое отношение. Соотношение между группами ценностей современной Конституции можно изобразить с помощью кругов Эйлера (см. приложение, рис. 1). Проследив аналогичным образом эволюцию конституционных ценностей (см. приложение, рис. 2), можно увидеть, что объём общечеловеческих и национально-патриотических ценностей увеличился в сравнении с 1993 г., тогда как класс либерально-демократических ценностей едва ли претерпел изменения. Первый факт свидетельствует о переходе государственной политики по консолидации общества в нравственную и национально-патриотическую плоскость: ценности либеральной демократии воспринимаются некоторыми как навязанные Западом, а общечеловеческие представления и морали, соединённые с национальной идеей, – как

---

[5] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2022. 06 окт. № 0001202210060013.

[6] Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

эффективный объединяющий фактор. Второй же факт объясняется тем, что основной пласт либерально-демократических ценностей уже включён в первоначальную редакцию Конституции и дело остаётся лишь за претворением их в жизнь.

Деление традиционных ценностей на классы почти аналогично. К общечеловеческим могут быть отнесены жизнь, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, гуманизм и пр. Две другие ценности – приоритет духовного над материальным и коллективизм – выражают идеалы восточной цивилизации, в связи с чем предлагается выделить их в отдельную категорию «цивилизационных». Значительную часть составляют национально-патриотические ценности: патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, единство народов России. Либерально-демократические ценности пребывают в меньшинстве: к ним, в сущности, могут быть отнесены лишь права и свободы человека (и достоинство – личности? – как их составляющая)[7]. Систему традиционных ценностей можно для наглядности изобразить с помощью кругов Эйлера (см. приложение, рис. 3).

Определим, как соотносятся конституционные и традиционные ценности (см. приложение, рис. 4, 5). Общечеловеческие конституционные и традиционные ценности имеют общие элементы: жизнь, справедливость, семья. Некоторые ценности уникальны для Конституции (уважение к старшим, уважение человека труда, социальная солидарность) и для Указа о традиционных ценностях (гуманизм, милосердие, взаимопомощь и взаимопомощь). Очевидно, однако, что формально несовпадающие ценности этой категории отвечают духу и букве обоих нормативных правовых актов. Национально-патриотические ценности двух систем, в сущности, совпадают. Специальные (государственные) ценности уникальны для Конституции в силу их специфики, а цивилизационные – для Указа о традиционных ценностях, хотя

[7] Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

последние не противоречат конституционной аксиологической системе.

Отдельного внимания заслуживает резкое различие объёмов либерально-демократических ценностей в Конституции и Указе о традиционных ценностях. Последний не содержит упоминаний народовластия, парламентаризма, идеологического плюрализма, независимого правосудия. Традиционные ценности определяются как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению… нашедшие… проявление в… развитии многонационального народа России»[8]. Россия не имеет богатого опыта демократического развития, традиции парламентаризма, идеологический плюрализм также новы для нас. Кроме того, перечисленные ценности не имеют тесной связи с нравственностью, поэтому неотнесение их к традиционным оправдано. Однако то, что Россия находится лишь в начале пути развития в духе либеральной демократии, не означает, что ряд ценностей данного рода не заслуживает закрепления в программных документах – напротив, для стимулирования претворения этих ценностей в жизнь необходимо ориентировать на них общество. И общечеловеческие, и национально-патриотические, и либерально-демократические ценности уже отражены в Конституции, однако, будь это достаточным для утверждения их как фундамента развития российской гражданской нации, не потребовалось бы создания отдельного нормативного правового акта, где выделены первые две группы ценностей – и не удостоена должного внимания третья. На наш взгляд, следует наряду с традиционными ценностями продвигать на государственном уровне и дополнительно закреплять юридически ценности либеральной демократии: первые способствуют сохранению и приумножению духовного и национального наследия, а вторые могут поспособствовать формированию нового наследия, которое может в долгосрочной перспективе перейти в статус традиции. Обе системы ценностей имеют равный потенциал для консолидации российского общества и гармоничного его развития.

[8] Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

Приложение

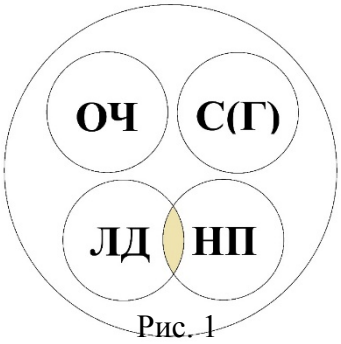

Рис. 1

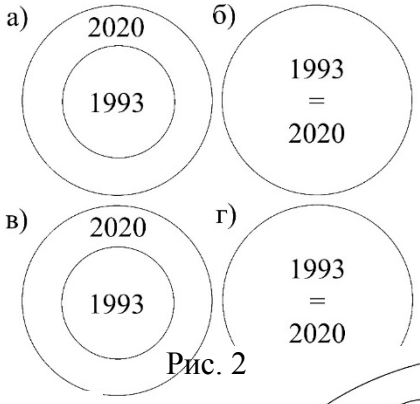

Рис. 2

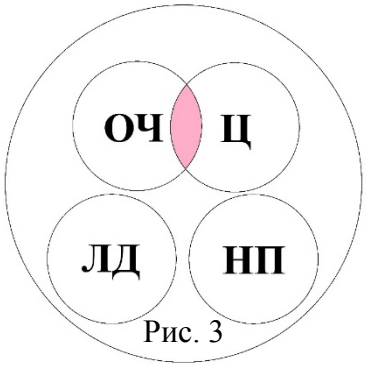

Рис. 3

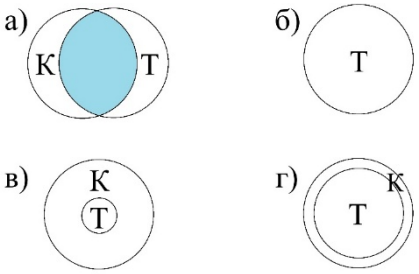

Рис. 4

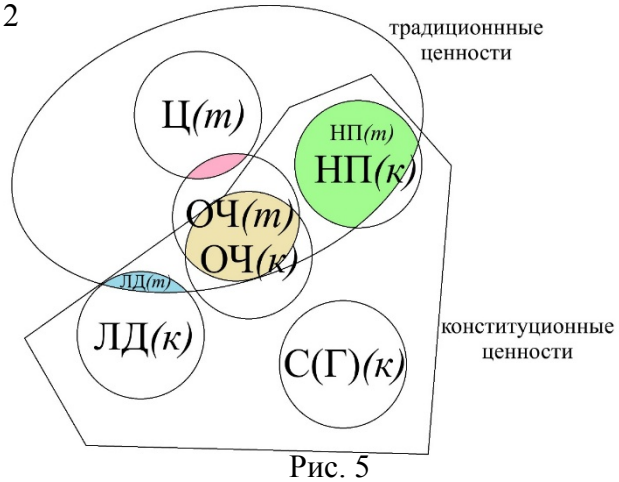

Рис. 5

Рис. 1. Конституционные ценности: ОЧ – общечеловеческие; ЛД – либерально-демократические; НП – национально-патриотические; С(Г) – специальные (государственные).

Рис. 2. Соотношение объёмов групп конституционных ценностей в первоначальной редакции Конституции Российской Федерации (1993 г.) и в последней действующей редакции (с поправками, одобренными в ходе общероссийского голосования 2020 г.): *а)* общечеловеческие; *б)* либерально-демократические; *в)* национально-патриотические; *г)* специальные (государственные).

Рис. 3. Традиционные ценности: Ц – цивилизационные; ост. сокращ. аналогичны рис. 1.

Рис. 4. Соотношение объёмов групп конституционных (К) и традиционных (Т) ценностей: *а)* общечеловеческие; *б)* цивилизационные; *в)* либерально-демократические; *г)* национально-патриотические; *д)* специальные (государственные).

Рис. 5. Общее соотношение конституционных и традиционных ценностей: *(к)* – конституционные; *(т)* – традиционные; ост. сокращ. аналогичны рис. 1, 3.

Воплощение принципа правового государства в современной Беларуси

Ивановский Кирилл Вячеславович,
студент Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь

Аннотация: В настоящей научной статье исследуется сущность правового государства, его ключевые принципы и особенности функционирования на различных этапах исторического развития. Особое внимание уделяется значению права как основного регулятора общественных отношений, обеспечивающего законность, защиту прав и свобод личности, а также устойчивости конституционного строя и общественного порядка. Актуальность темы обусловлена тем, что принцип правового государства выступает важнейшим условием стабильности, правопорядка и поступательного развития современного общества.

Ключевые слова: правовое государство, верховенство права, обеспеченность прав и свобод человека, принцип правового государства, принцип разделения властей.

Формирование идеи правового государства берет начало в эпоху Античности. Данная проблематика на протяжении веков привлекала внимание философов, историков, юристов. Целью работы является анализ сущности правового государства, исследование формирования идеи правовое государство и этапов ее воплощения в реальные общественные отношения.

В античный период существовало множество подходов к пониманию природы правового государства. Так, древнегреческий философ Платон подчеркивал, что «государство обречено на гибель в случае, если закон утрачивает свою силу и оказывается подчинённым чьей-либо власти»[1]. Схожей позиции придерживался Аристотель. Ученый утверждал, что «отсутствие верховенства закона неизбежно приводит к беспорядку и разрушению

[1] Питерская А.Л. Зарождение и развитие правовой государственности // Вестник Института мировых цивилизаций. 2018. № 3. С. 106.

государственного устройства»[2].

В Средние века развитие концепции правового государства получило дальнейшее продолжение. Фома Аквинский рассматривал закон как «выражение разума, направленного на достижение общего блага». В последующем Гегель пришел к выводу о том, что «правовое государство не может полноценно существовать без сформированного гражданского общества»[3]. Он же обосновал необходимость разделения государственной власти на отдельные ветви.

В современном понимании правовое государство – это такая форма (модель) организации общественной жизни, при которой право занимает центральное место в регулировании отношений между государством и гражданами, а также внутри общества. В условиях правового государства обеспечивается сохранение конституционного строя, эффективная деятельность государственных органов, защита конституционных ценностей.

Правовое государство обладает рядом отличительных признаков, позволяющих отграничить его от иных форм государства. К их числу относятся: верховенство права, устойчивый правопорядок, обеспечение основных прав и свобод человека и гражданина, высокий уровень доверия населения к праву и деятельности государственных институтов, разделение властей, а также наличие эффективных механизмов конституционного контроля.

Принцип верховенства права предполагает, что правовые нормы являются обязательными для всех субъектов правоотношений, включая государственные органы. Данный принцип выступает ключевым элементом правового государства. Его воплощение создает условия для защиты прав и свобод граждан, а также гарантирует стабильность общественных отношений. Верховенство права охватывает важнейшие элементы демократического устройства общества: свободу, равенство, приоритет прав человека,

[2] Питерская А.Л. Зарождение и развитие правовой государственности // Вестник Института мировых цивилизаций. 2018. № 3. С. 107.
[3] Там же. С. 109.

независимость судебной власти, защиту частной собственности[4].

Обеспечение прав и свобод человека представляет собой еще один признак (принцип) правового государства. Его сущность заключается в том, что государство не вправе произвольно лишать человека принадлежащих ему прав и свобод, за исключением случаев, прямо предусмотренных законодательством. Государство защищает личность от незаконного вмешательства в сферу ее жизни, обеспечивает сохранение человеческого достоинства, индивидуальности, создает условия для реализации права на жизнь, свободу, собственность, равенство перед законом, свободу совести и выражения мнения.

Принцип разделения властей – еще один признак правового государства. Он предполагает деление государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви, а также установление системы взаимных сдержек и противовесов. Реализация данного принципа позволяет обеспечить эффективный контроль за деятельностью органов власти и предотвращает злоупотребления со стороны должностных лиц и государственных органов.

На современном этапе развития государства идея конституционализма правовое государство в той или иной мере закреплена в правовых системах большинства государств, в том числе и в Республики Беларусь. Беларусь в соответствии с Конституцией Республики Беларусь провозглашается унитарным демократическим социальным правовым государством. В условиях белорусской правовой системы становление правового государства осуществляется, как верно указывается в научных источниках, «посредством утверждения и реализации базовых конституционных ценностей»[5].

Конституционные ценности, как и конституционные принципы, несмотря на разные формы выражения, выполняют одинаково значимую роль в функционировании правового государства. Конституционные ценности, при этом, носят более обобщенный и идеологический характер, определяя

---

[4] См.: Умнова-Конюхова И.А. Принцип верховенства права: эволюция доктрин правопонимания в национальном праве и международном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 4. С. 96.

[5] Там же. С. 96.

фундаментальные ориентиры развития общества и государства. Преамбула Конституции Республики Беларусь[6] указывает на такие ключевые конституционные ценности, как ответственность за будущее государства, приверженность общечеловеческим идеалам, обеспечение прав и свобод человека, народовластие, государственный суверенитет.

В 2023 году Указом Президента Республики Беларусь № 196 «О Концепции правовой политики Республики Беларусь»[7] были определены основные идеологические ориентиры правовой политики белорусского государства, среди которых обеспечение суверенитета, защита прав и свобод человека, социальная справедливость, патриотизм и народовластие.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что правовое государство в Республике Беларусь следует рассматривать одновременно как конституционный принцип и как важнейшую конституционную ценность, закрепленную в Основном Законе. Оно основывается на верховенстве права, гарантировании прав и свобод человека, разделении властей, а также взаимной ответственности государства и личности.

Конституционный принцип правового государства в современной Беларуси выступает в двойственной роли: с одной стороны, как принцип, определяющий организацию и функционирование государственной власти, а с другой – как конституционная ценность, отражающая идеалы и направления развития общества и государства.

---

[6] Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24.11.1996 г.,17.10.1996 года и 27.02.2022 – Мн.: Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. С. 112.

[7] О Концепции правовой политики Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 28.06.2023 № 196. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 11.01.2026).

Эволюция конституционно-правовых основ защиты конкуренции: от классических принципов к современным институтам регулирования

Коннова Мария Максимовна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматриваются основные этапы развития основ защиты конкуренции, современные правовые инструменты в ее регулировании. Развитие конкуренции как института рыночных отношений сопровождается трансформацией конституционно-правовых основ её защиты. От классических принципов современного капитализма, обеспечивавших свободу и функционирование предпринимательства, а также недопущение монополизации, к современным многоуровневым механизмам регулирования конкурентной среды, которые прошли значительное историческое и институциональное развитие.

Ключевые слова: конкуренция, институт конкуренции, конституционно-правовые основы, защита конкуренции, свобода предпринимательства, невмешательство государства, рыночные отношения.

В эпоху становления капиталистических отношений (XVII–XIX вв.) за основу была принята идея экономического либерализма (А. Смит, Д. Рикардо), базирующаяся на таких принципах как невмешательство государства в экономику, саморегулирование рынка через механизм «невидимой руки», свобода договоров и предпринимательской деятельности.

Акты конституционного характера того периода (например, Конституция США 1787 г., французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г.), в основном, закрепляли общие гарантии собственности и свободы договоров, специальные нормы о защите конкуренции предусмотрены не были.

В начале XX века преимущественным фундаментом оставалась свобода предпринимательства, обеспеченная конституционными нормами о частной собственности, свободе договора и ограничении вмешательства государства в

экономику[1]. В этот период правовые инструменты регулирования были слабо развиты, а контроль над монополиями проводился точечно, в основном через уголовное и гражданское право, чаще всего применялись такие рычаги как переговоры, запрет на картели. В качестве примера может служить Закон Шермана 1890 года в США. Он является первым антимонопольным законом в Соединенных Штатах, который дал начало антимонопольному законодательству, запретив антиконкурентные соглашения и одностороннее поведение, направленное на монополизацию рынка[2].

В послевоенное время и период «Великой депрессии» стало очевидным, что классических принципов недостаточно для защиты конкуренции, закрепилась концепция социального рыночного хозяйства. Согласно этой концепции, право собственности не является абсолютным и должно реализовываться в соответствии с социальными потребностями. Наиболее ярко эта идея выражена в ст. 14 Основного закона Федеративной Республики Германии (1949 г.), где прямо указано: «Собственность обязывает. Её использование должно служить общему благу»[3]. Данная норма ознаменовала отход от классического понимания собственности как неограниченного права владения и пользования, введя императивное требование о социально ориентированном характере её реализации.

В зарубежной практике появились специальные антимонопольные органы и комплексное регулирование рыночных отношений через создание правовых норм, детализирующих допустимые запрещённые действия хозяйствующих субъектов[4].

---

[1] См.: Марченко М.Н. Теория государства и права / М.Н. Марченко. М: Проспект. 2019. С. 640.

[2] См.: Козлов В.О. Формирование антимонопольного законодательства в США (по материалам личной переписки сенатора Дж. Шермана) / В.О. Козлов// Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2015. № 2. С. 93.

[3] Основной закон Федеративной Республики Германии от 23.05.1949 // Федеративная Республика Германия: Конституция и законодательные акты / пер. с нем.; под ред. Ю. П. Урьяса. М.: Прогресс, 1991. С. 38.

[4] См.: Пузыревский С.А. Антимонопольное регулирование в современных условиях: вызовы, задачи и перспективы развития/ С.А. Пузыревский // Российское конкурентное право и

Например, в Германии функционирует Федеральное Управление по борьбе с картелями, созданное в 1958 году. В Австралии этим вопросом занимается специальная Комиссия по вопросам конкуренции и защите потребителей.

В XXI веке антимонопольная политика оформилась в комплекс устойчивых институтов и механизмов защиты конкуренции. Основной тенденцией стало развитие наднационального регулирования, в частности, в Европейском союзе основополагающими нормами стали ст. 101 и ст. 102 Договора о функционировании ЕС, запрещающие антиконкурентные соглашения (картели) и злоупотребление доминирующим положением на рынке[5].

Параллельно укрепилась система национальных антимонопольных органов, наделенных широкими полномочиями по контролю рыночных отношений.

В России примером служит Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 года 135-ФЗ[6], закрепляющий конституционные принципы защиты конкуренции и особенности правового статуса Федеральной антимонопольной службы (ФАС России) как органа, наделённого полномочиями по контролю и надзору.

К тому же существенно расширился предмет антимонопольного регулирования, например на современном этапе к нему относятся и цифровые рынки, и экологические стандарты в рамках концепции «зеленой конкуренции».

Современные экономические реалии выдвигают новые требования к конституционно-правовым основам защиты конкуренции.

Одним из ключевых вызовов стало создание цифровых монополий:

экономика. 2023. № 2. С. 34.

[5] Договор о функционировании Европейского Союза (консолидированная версия) // Официальный журнал Европейского Союза. 2012. С. 326.

[6] Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3434.

глобальные технологические экосистемы, которые концентрируют рыночную власть, контролируя платформы. Для них необходимы специальные правовые механизмы, например, в ЕС приняты нормативные акты вроде Digital Markets Act, направленные на предотвращение злоупотреблений со стороны указанных субъектов[7].

В России также ведется активная работа по изменению законодательства в рамках цифровой сферы, например, регулирование платформенной занятости и алгоритмической конкуренции.

Согласно данным Росстата, в последние годы наблюдается положительная динамика в развитии конкурентной среды в РФ в секторе электронной торговли, где особенно актуальна проблема доминирования крупных платформ, объём рынка вырос с 2,7 трлн. руб. в 2020 году до 5,7 трлн. руб. в 2023 году (+111%), при этом доля трёх крупнейших маркетплейсов сократилась с 68% до 59% за счёт роста нишевых игроков.

Индекс концентрации рынка (HHI) в ключевых отраслях демонстрирует умеренные значения: в розничной торговле — 1350 пунктов (умеренная концентрация), в услугах связи — 1680 пунктов (близко к высокой концентрации), что требует особого внимания регуляторов[8].

Конституционно-правовые основы защиты конкуренции в своем развитии должны быстро реагировать на меняющуюся реальность.

Например, во время кризисов (COVID-19) антимонопольные органы многих стран усилили контроль за рынками в фармацевтической сфере, в сфере медицинских товаров. Так в Китае более 4500 компаний были оштрафованы за завышение цен на медицинские изделия и продукты питания. В Италии антимонопольный орган возбуждал дела против Amazon и eBay за необоснованное повышение цен на маски и дезинфицирующие средства.

---

[7] Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector (Digital Markets Act) // Official Journal of the European Union. L 265. 12.10.2022. P. 1–49.

[8] Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Официальная статистика: предпринимательство, цифровая экономика, индексы концентрации // URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 10.03.2026).

Стоит выделить следующие инструменты, развивающиеся на современной исторической ступени:

-комплексное антимонопольное законодательство, регламентирующее действия хозяйствующих субъектов (слияния, злоупотребления доминирующим положением, картельные соглашения);

-институционализация органов контроля и надзора (ФАС России, Европейская комиссия по конкуренции) с расширением полномочий и введением мониторинга цифровых рынков;

-механизмы стимулирования конкуренции, включая применение мобильных телефонов, электронных торгов, правовых стимулов инноваций;

-внедрение превентивных мер — обязательное согласование крупных сделок, мониторинг электронных платформ и косвенных форм ограничения конкуренции.

Необходимость адаптации законодательства о защите конкуренции к новым реалиям подтверждается и практикой, например в 2021 году ФАС России инициировала дело о злоупотреблении доминирующим положением на рынке такси, обвиняя крупные агрегаторы в сговоре с целью ограничения цен и вытеснения конкурентов. Решение суда подчеркнуло необходимость адаптации законодательства к цифровой экономике[9].

В 2017 году Европейская комиссия наложила на компанию Google рекордный штраф в размере 2,42 млрд. евро за злоупотребление доминирующим положением на рынке интернет-поиска в рамках дела Google Shopping. Регулятор установил, что корпорация искусственно продвигала собственный сервис сравнения товаров Google Shopping, занижая в поисковой выдаче позиции аналогичных сервисов конкурентов. Такие действия нарушали ст. 102 Договора о функционировании Европейского союза[10], запрещающую

---

[9] Решение ФАС России по делу № 05/01/18.1-123/2021 о нарушении антимонопольного законодательства на рынке услуг такси от 15.06.2021 // Официальный сайт ФАС России. URL: https://br.fas.gov.ru/to/leningradskoe-ufas-rossii/3dd66f5d-f1df-439c-8de0 (дата обращения: 10.03.2026).

[10] Договор о функционировании Европейского союза (г. Рим, 25.03.1957) (в ред.

злоупотребление доминирующим положением для ограничения конкуренции. Решение Еврокомиссии стало знаковым прецедентом: оно задало новые стандарты антимонопольного регулирования цифровых платформ и подчеркнуло необходимость защиты честной конкуренции в цифровой экономике[11].

Конституционно-правовые основы защиты конкуренции прошли путь от формальных принципов свободы предпринимательства к сложной системе регулирования, включающую функционирование специализированных органов и работу современных инструментов контроля. Такой эволюционный процесс отражает вызовы современного рынка, прежде всего цифровой трансформации, а также требования к эффективной защите прав субъектов экономических отношений.

Лиссабонского договора 2007 г.) (2016/C202/01) // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 11.02.2026).

[11] European Commission. Antitrust: Commission fines Google €2.42 billion for abusing dominance as search engine by giving illegal advantage to own comparison-shopping service. Press Release IP/17/1784, 27 June 2017. // URL: (дата обращения: 10.03.2026).

Прямой доступ к конституционному правосудию как критерий зрелости современного белорусского и российского конституционализма

Логин Валерия Сергеевна,
студент Гродненского государственного университета имения Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь

Аннотация: Конституционализм как особый правовой режим современного демократического государства располагает совокупностью национальных правовых механизмов, способствующих поддержанию конституционного правопорядка в обществе. Последний возможен только при наличии баланса частных и публичных интересов, их непосредственном взаимодействии. Обеспечение прав и свобод граждан является залогом развития демократизма, что, в свою очередь способствует конституционализации государственно-общественных отношений. Одной из наиболее действенных форм защиты основных прав и свобод субъектов выступает институт прямой конституционной жалобы. Стремительное развитие данного института позволяет утверждать о готовности государств обеспечивать гарантированные Конституцией права и свободы, в случае обращения граждан в специализированные органы за их защитой. Указанное, в свою очередь, определяет уровень развития демократизма в общества и, тем самым, способствует повышению уровня конституционной законности в обществе и государстве.

Ключевые слова: конституционализм, Конституционный суд, Конституция РФ, Конституция Республики Беларусь, конституционная жалоба, правосознание, зрелость правовой системы.

Конституционализм как правовая категория имеет фундаментальное значение для определения уровня демократичности в государстве. Именно установление его содержания и структуры позволяет утверждать о существовании упорядоченной взаимосвязи между личностью и государством. Основным критерием эффективности такой связи, на наш взгляд, является

баланс интересов общества и органов государственной власти.

Действенным инструментом обеспечения конституционализма, в первую очередь, выступает институт конституционных прав и свобод граждан. Именно данный институт ограничивает пределы государственного вмешательства в частную жизнь личности, что, в свою очередь, гарантирует реализацию частных и публичных интересов, находящих своё закрепление в нормах Конституций Республики Беларусь и Российской Федерации. В контексте влияния конституционализма на демократические устои общества и государства представляется целесообразным отметить, что такой баланс обусловлен не только степенью упорядоченности частных и публичных связей, но и наличием цивилизованного алгоритма разрешения правовых споров, возникающих между личностью и органами государственной власти.

Одним из наиболее эффективных инструментов, обеспечивающих надлежащую реализацию конституционных прав и свобод граждан в рассматриваемых государствах, выступает применение предусмотренных законодательством процедур урегулирования правовых споров и разрешения конфликтных ситуаций. В юридической науке и практике общепризнанной формой такой защиты является институт конституционной жалобы.

Данная конституционно-судебная процедура была воспринята подавляющим большинством демократических государств, в том числе Республикой Беларусь и Российской Федерацией. Её практическая реализация в обоих государствах относится к компетенции Конституционного Суда, как органа конституционной справедливости. В.А. Кряжков отмечает, что «наличие такой процедуры во многом определяет смысл существования Конституционного Суда, и, напротив, её отсутствие заметно бы обесценивало конституционное правосудие»[1].

Конституционная жалоба обеспечивает доступ к конституционному правосудию как высшей форме защиты прав в демократическом государстве.

---

[1] Кряжков В.А. Российская модель конституционной жалобы // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 5. С. 65-71.

Она представляет собой «действенный механизм защиты конституционных прав граждан как на уровне правоприменения, так и на уровне правового регулирования»[2].

Механизм её реализации позволяет судебным органам выявлять и устранять неконституционность нормативных положений, применённых в конкретных делах, обеспечивая тем самым неукоснительное соблюдение норм белорусской Конституции.

История становления и развития института конституционной жалобы в Республике Беларусь характеризуется постепенным переходом от опосредованного доступа к конституционному правосудию к прямому. Итоги последнего белорусского референдума, проведённого 27 февраля 2022 года, положили начало новому правовому институту в системе конституционного контроля. В Российской Федерации возможность прямого обращения в российский орган конституционного правосудия появилась ещё в 1992 году, одновременно с образованием Конституционного Суда РФ.

Как было отмечено ранее, конституционная жалоба имеет непосредственный характер. Указанное подразумевает, что субъект, чьи права и свободы, по его мнению, были нарушены применённым в конкретном деле правовым актом, имеет право «на обращение в Конституционный Суд за защитой нарушенных прав и свобод»[3].

Акцентируя внимание на институте прямой конституционной жалобы в Республике Беларусь, как достаточно новом институте в национальной правовой системе, справедливо подчеркнуть, что до установления порядка прямого обращения в Конституционный Суда, в белорусском государстве существовал механизм опосредованного (косвенного) доступа к

[2] Теплякова О.А. Право на конституционную жалобу в России и странах Восточной Европы // Конституционализация отраслевого законодательства Российской Федерации: мат. Всероссийской науч.-практич. конф. с иностр.участ., 22-23 октября 2021 года / отв. ред. Л.В. Зайцева, 2021. С. 96.

[3] Василевич Г.А. Институт конституционной жалобы в современном механизме защиты прав и свобод // Университет. прав. наука и юрид. образов.: к 100-летию юрид. факульт. БГУ: мат. Белорусского науч.-образов. конгресса, 20-23 октября 2025 г. / отв. ред. А.В. Шидловский, 2025. С. 140.

конституционному правосудию. В рамках косвенного конституционного обжалования граждане имели возможность обратиться в белорусский орган конституционной юстиции только через субъекты, наделённые правом инициирования конституционного судопроизводства. При таком подходе проявлялся недостаток опосредованного доступа к защите фундаментальных прав и свобод граждан. В Республике Беларусь «косвенность» предполагала посредничество, осложняющее обращение индивида в Конституционный Суд и препятствовавшее участию индивида в своей правовой защите. Подобная модель существовала вплоть до конституционной реформы, реализованной по итогам референдума 27 февраля 2022 года, в результате которой в государстве появился новый для нашего государства институт прямой конституционной жалобы.

Что касается Российской Федерации, то здесь и по сей день существует косвенный доступ к конституционному правосудию, однако он является лишь дополнением к праву субъекта на подачу прямой конституционной жалобы.

Практическая реализация конституционной жалобы в Республике Беларусь, несмотря на новизну данного института, позволяет говорить о её постепенном развитии в рамках белорусской судебной системы и оперативном реагировании Конституционного Суда Республики Беларусь на обращения граждан. Это подтверждается статистическими данными. В ежегодном послании Конституционного Суда Республики Беларусь от 12 марта 2026 года[4], белорусский орган конституционной юстиции отметил, что за предыдущий год в Конституционный Суд поступило 70 конституционных жалоб граждан. Такая статистика позволяет утверждать о востребованности в белорусском обществе такого механизма защиты конституционных прав и свобод граждан.

---

[4] Конституционный Суд Республики Беларусь. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь: послание Конституционного Суда Респ. Беларусь Президенту Респ. Беларусь, Палате представ. Нац. собр. Респ. Беларусь, Совету Республики Нац. собр. Респ. Беларусь, 12.03.2026 / Конституционный Суд Республики Беларусь // Pravo.by: информ.-поисковая система. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=K02600001 (дата обращения: 19.03.2026).

В этой связи необходимо указать на важнейший критерий зрелости белорусского и российского конституционализма - критерий процессуальной ясности обращения в орган конституционной законности.

Правовая природа указанного критерия определяется строго регламентированным порядком подачи, рассмотрения и принятия решения по конституционной жалобе. Необходимо отметить, что для граждан как Республики Беларусь, так и Российской Федерации, наиболее сложным является этап обращения в Конституционный Суд. Он сопровождается выполнением требований соблюдения законодательно установленных критериев допустимости, без которых жалоба не может быть принята к рассмотрению. Данные требования охватывают наличие признаков нарушения конституционных прав и свобод граждан, исчерпание иных средств судебной защиты, предмет, сроки, применение в конкретном деле закона, нарушившего права граждан.

Такие условия носят императивный характер, поскольку несоблюдение хотя бы одного из них влечёт отказ Конституционного Суда в принятии конституционной жалобы. С другой стороны, подобные требования характеризуются доступностью: любой субъект, соблюдая их, вправе непосредственно обратиться в национальный орган конституционной юстиции, не прибегая к помощи иных лиц, например, адвокатов. Тем не менее, основная трудность для субъектов заключается в отсутствии достаточных знаний в области конституционного процесса, способствующих всестороннему пониманию правовых аспектов института конституционной жалобы.

Можно констатировать, что зрелость государственной правовой системы проявляется в соблюдении баланса при разработке механизмов защиты прав и свобод, которые были бы максимально доступны для субъектов, но при этом не превращали бы Конституционный Суд в ещё одну судебную инстанцию, пересматривающую дела по существу. Говоря о зрелости системы, необходимо также подчеркнуть её зависимость от уровня правосознания самих граждан. Речь идёт о готовности индивидов пользоваться предоставленным им

инструментом для защиты конституционных прав и свобод, проявлять гражданскую позицию, обращая внимание государственных органов на соответствие правоприменительной деятельности Конституций Республики Беларусь и Российской Федерации. В системе современного конституционализма именно способность государства создать орган, осуществляющий контроль за соблюдением конституционных прав и свобод личности, ведёт к признанию и исправлению допущенных нормативных нарушений, а также к повышению качества правосудия. При таком подходе к функционированию судебной системы проявляется подлинная зрелость национального белорусского и российского конституционализма.

Таким образом, данная научная работа позволяет сделать следующие выводы:

Конституционализм представляет собой особый правовой режим функционирования общества и государства, основанный на верховенстве норм Основных Законов Республики Беларусь и Российской Федерации. Указанное требует контроля со стороны специализированного органа, основополагающей функцией которого является поддержание конституционного порядка в государстве и отправление конституционного правосудия.

Наиболее доступной формой обращения граждан в национальные органы конституционного правосудия в рассматриваемых государствах является институт индивидуальной конституционной жалобы. Реализация права субъекта на защиту основных прав и свобод позволяет ему самостоятельно инициировать защиту своих интересов, существенно повышая уровень конституционализации общества.

Прямой доступ граждан к конституционному правосудию укрепляет доверие народа к судебной власти, что свидетельствует о способности судебной системы к развитию, отражая, таким образом, высокий уровень зрелости современного белорусского и российского конституционализма.

О роли общественной экспертизы Общественных палат Российской Федерации

Орехова Юлия Евгеньевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматривается актуальная проблема реализации общественной экспертизы нормативных правовых актов в процессе правотворчества. Автор обращает внимание на недостаточный объём нормативных правовых актов, проходящих общественную экспертизу. Особое внимание уделяется проблеме рекомендательного характера экспертных заключений и вопросам их учёта в правотворческой деятельности. Рассматриваются различные научные подходы к совершенствованию механизма общественной экспертизы и повышению эффективности ее учёта.

Ключевые слова: общественная экспертиза, нормативный правовой акт, Общественная палата РФ, гражданское общество, законотворчество.

Одной из ведущих задач Российской Федерации является повышение качества законодательных актов. Законодательство, ориентированное на долгосрочное действие и его эффективное практическое применение, неразрывно связано с проведением различного рода экспертиз, которые позволяют исследовать нормативный акт на предмет соблюдения правил юридической техники, выявить возможные коллизии с ранее принятыми законами, а также установить степень его соответствия интересам государства и общества. Особое место в осуществлении последней задачи занимает Общественная палата Российской Федерации, которая призвана обеспечить взаимодействие граждан, общественных объединений и иных некоммерческих организаций с органами государственной власти всех уровней и органами местного самоуправления. В данном исследовании рассматривается деятельность Общественной палаты РФ на федеральном уровне, однако рекомендации, выработанные в настоящей статье, могут распространяться как

на региональные, так и на иные общественные палаты.

Одним из ключевых направлений деятельности Общественной палаты РФ является проведение общественной экспертизы нормативных актов. Понятие данной процедуры закреплено в пункте 1 статьи 22 Федерального закона от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Под общественной экспертизой понимается анализ и оценка, основанные на использовании специальных знаний, нормативных правовых актов и их проектов соответствия требованиям законодательства, а также проверка соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

В настоящее время потребность в привлечении общества к обсуждению нормативных актов растет. В связи с этим институт общественной экспертизы приобретает особую актуальность, так как он является неотъемлемым показателем степени развития гражданского общества и создает условия для становления правового государства. Кроме того, это один из наиболее эффективных методов выявления интересов и потребностей граждан и получения общественной оценки возможных социальных и экономических проблемам и способов их разрешения. Однако практика показывает, что деятельность Общественной палаты РФ по проведению общественной экспертизы в полной мере не реализуется, что является проблемой.

В докладе Общественной палаты РФ о состоянии гражданского общества отмечается, что в общей сложности на площадке Общественной палаты ежегодно проходят общественную экспертизу до 30 проектов нормативных правовых актов[1]. Для сравнения, по данным с официального сайта duma.gov.ru, за последние пять лет ежегодно в среднем принималось около шестисот законов. При этом следует учитывать, что указанные сведения охватывают исключительно федеральные законы и не включает многочисленные подзаконные акты, которые увеличивают общий объём правотворческой деятельности. Представленные данные свидетельствуют о том, что число

[1] Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2024 год. // Общественная палата Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://report2024.oprf.ru (дата обращения: 05.04.2026).

нормативных актов, проходящих общественную экспертизу, минимальное.

В связи с этим следует обратить внимание на обращение Президента РФ к парламенту с призывом к тому, чтобы все законопроекты, ключевые государственные решения, стратегические планы должны проходить гражданское, так называемое «нулевое», чтение с участием НКО, других институтов гражданского общества[2]. Данная позиция находит отражение в статье 22 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21 июля 2014 года, где сказано о том, что проведение общественной экспертизы является обязательным в случаях, установленных федеральными законами. Однако в настоящее время такие случаи законодательно не закреплены.

В связи с этим возникает потребность в разработке норм, устанавливающих случаи, при которых общественная экспертиза будет проводиться в обязательном порядке. Внедрение подобной практики позволит увеличить число нормативных актов, прошедших общественную экспертизу, что положительно скажется как на качестве законодательства, так и на степени вовлеченности граждан в процесс законотворчества. Кроме того, это позволит придать отдельным нормативным актам большую легитимность, что повысит уровень доверия общества к власти.

Показателем эффективности работы Общественной палаты РФ по проведению общественной экспертизы является не только количество нормативных актов, прошедших экспертизу, но и степень учета мнения экспертов в ходе вынесения обоснованного ответа. В связи с этим в научной литературе обсуждается проблема необязательности заключений, выносимых по результатам осуществления общественной экспертизы[3]. Согласно ст. 19 Федерального закона от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об общественной палате

---

[2] Послание Президента РФ В. Путина Федеральному Собранию от 12.12.2013 // Президент России: офиц. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/38057/page/2 (дата обращения: 05.04.2026).

[3] См.: Кожевников В.В, Колбина В.А. Общественная (социальная) экспертиза законопроектов в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 4. С. 12-18.

Российской Федерации», заключения Общественной палаты РФ по результатам экспертизы носят рекомендательный характер. Следовательно, решение об учете рекомендаций принимает соответствующий орган власти. Данный подход критикуется частью ученых, так как он снижает значимость заключений, выносимых Общественной палатой РФ. Так, В.И. Червонюк выражает мнение о степени обязательности общественной экспертизы, говоря о том, что закон должен содержать прямое указание относительно того, что заключение эксперта является основанием для внесения инициатором законопроекта в законопроект тех изменений, которые вытекают из содержания экспертного заключения[4]. По мнению А.А. Гончаровой, наоборот, изменение статуса заключения по результатам общественной экспертизы и придание ему императивного характера не может рассматриваться как способ обеспечения учета заключений общественных экспертов[5].

Действительно, говорить о том, чтобы заключения Общественной палаты РФ носили обязательный характер достаточно нецелесообразно. Субъектами общественной экспертизы являются представители различных профессиональных и общественных сфер, что логично, так как общественная экспертиза призвана отражать интересы разных социальных групп и давать всестороннюю оценку нормативных правовых актов. Соответственно, в действующем законодательстве не закреплены требования к субъекту общественной экспертизы, как к лицу, обладающему набором профессиональных навыков и знаний в области законодательной деятельности, а проведение экспертизы нормативных актов - достаточно сложное действие, которое объединяет целый комплекс вопросов[6]. Вследствие этого будет нецелесообразно предоставлять право Общественной палате РФ выносить

---

[4] См.: Червонюк В.И. Элементарные начала общей теории права: учебное пособие для вузов. М.: Издательство КолосС. 2003. С. 249.

[5] См.: Гончарова А.А. Значение заключения по результатам общественной экспертизы. // Legal Concept. 2019. Т. 18. № 3. С. 97-100.

[6] См., например: Дерен И.И, Лазарева Л.В. Исследование роли Общественной палаты Российской Федерации в Общественной экспертизе нормотворчества. // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 3 (34). С 31-36.

заключения, носящие императивный характер, поскольку отсутствие специальных знаний у отдельных лиц может негативно сказаться на качестве правовых актов.

Продолжая мысль о рекомендательном характере заключения, следует обратить внимание на статью 26 Федерального закона от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», в соответствии с которой уполномоченные органы обязаны рассматривать направленные им итоговые документы, подготовленные по результатам общественного контроля, и в установленный законодательством Российской Федерации срок направлять соответствующим субъектам общественного контроля обоснованные ответы[7]. В юридической литературе выражают мнение о том, что подобный процедурный акцент регулирования общественной экспертизы сделан на выявление и оглашение гражданской позиции, но не на ее учете[8]. В связи с этим возникает потребность в разработке механизма учета общественного мнения, который повысит значимость заключений.

Так, по мнению А.А. Гончаровой, предоставление уполномоченными органами обоснованного ответа об отказе в принятии заключения – недостаточно. Вследствие этого автор высказывает предложение о том, что после представления мотивированного ответа следует в случае необходимости провести согласительную процедуру[9]. Предполагается, что подобная практика позволит создать дополнительные гарантии учета общественных интересов, обеспечить диалог между обществом и государством и достигнуть баланса государственных и общественных интересов.

Для развития института общественной экспертизы необходимо устранить существующие пробелы в законодательстве и закрепить случаи, при которых

---

[7] Федеральный закон от 21.07.2014 №-212 «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (ч. 1). Ст. 4213.

[8] См.: Половникова Ю.С. Правовые проблемы становления института общественной экспертизы в Российской Федерации. // Юридический вестник Самарского университета. 2015. № 2. С. 43-48.

[9] См. по этому вопросу: Гончарова А.А. Значение заключения по результатам общественной экспертизы. С. 97-100.

общественная экспертиза будет проводиться в обязательном порядке. Кроме того, следует разработать механизм учета общественного мнения, способного обеспечить повышение значимости заключений Общественной палаты РФ. Реализация указанных мер не только увеличит число правовых актов, прошедших общественную экспертизу, но и будет способствовать более полному учету интересов граждан, что положительно отразится как на качестве российского законодательства, так и на развитии гражданского общества и, соответственно, становлении правового государства.

Роль Конституционного суда Кыргызской Республики в защите социально-экономических прав граждан

Разакова Айгыз Асылбековна,
студент Международного университета
Кыргызской Республики, г. Бишкек

Аннотация: В работе рассматривается роль Конституционного суда Кыргызской Республики при защите социально-экономических прав граждан. Анализируются конституционные нормы, закрепляющие данные права, а также практика их судебной защиты. Особое внимание уделяется решениям Конституционного суда, отмечаются существующие проблемы в их реализации. Обосновывается необходимость совершенствования механизмов конституционного контроля.

Ключевые слова: Конституционный суд Кыргызской Республики, социально-экономические права граждан, конституционный контроль, уровень правовой грамотности граждан, доклады Конституционного суда Кыргызской Республики.

На современном этапе развития Кыргызской Республики вопросы обеспечения прав и свобод человека приобретают особую значимость. Во втором разделе Конституции Кыргызской Республики закреплены права, свободы человека и гражданина и они признаны высшей ценностью государства. Они напрямую связаны с качеством жизни населения и устойчивостью общественных отношений. Социально-экономические права играют важную роль в обеспечении достойного уровня жизни граждан и социальной стабильности общества. Их реализация требует не только нормативного закрепления, но и эффективного механизма защиты. В этой связи особое значение приобретает деятельность Конституционного суда Кыргызской Республики, который посредством конституционного контроля способствует приведению законодательства в соответствие с Конституцией и формированию единых правовых стандартов в социальной сфере.

Конституционный суд Кыргызской Республики представляет собой высший орган судебной власти в сфере конституционного контроля. Он осуществляет свою деятельность в порядке конституционного судопроизводства, действует независимо от иных органов государственной власти и подчиняется исключительно Конституции Кыргызской Республики. Это закреплено в Конституционном законе от 15 ноября 2021 года «О Конституционном суде Кыргызской Республики».

К основным полномочиям Конституционного суда относятся:

- проверка нормативных правовых актов на соответствие Конституции;
- официальное толкование конституционных норм;
- рассмотрение обращений граждан, связанных с нарушением их конституционных прав.

Решения Конституционного суда носят окончательный характер, они не подлежат обжалованию и обязательны для всех государственных органов, органов местного самоуправления, юридических лиц, граждан и подлежат исполнению на всей территории государства.

Основной закон Кыргызской Республики закрепляет широкий перечень социально-экономических прав. Среди них можно выделить право на экономическую свободу, право на свободу труда, право на отдых, право на охрану здоровья, право на образование, а также право на социальное обеспечение. Такие права могут быть реализованы только при условии, что государство принимает активные меры для их обеспечения. Они носят программный характер и требуют создания соответствующих социально-экономических условий.

В то же время Конституция допускает возможность ограничения прав и свобод, но исключительно на основании закона и при соблюдении принципа необходимости.

Таким образом, важной задачей государства является достижение разумного баланса между общественными интересами и защитой прав

личности, что во многом обеспечивается посредством конституционного контроля.

Практика Конституционного суда Кыргызской Республики свидетельствует о его значительной роли в защите социально-экономических прав граждан. Суд неоднократно рассматривал дела, связанные с ограничением прав на социальное обеспечение, труд и иные гарантии.

Важное значение для развития практики защиты прав человека имеет решение № 13-Р от 27 сентября 2023 года, которым Конституционный суд признал неконституционными нормы, ограничивающие доступ граждан к судебной защите. Суд признал неконституционной норму, допускавшую оставление иска без рассмотрения при однократной неявке истца. Было указано, что такие положения нарушают право на судебную защиту и доступ к правосудию.

В аспекте социального государства является значимым решение КС КР № 03-Р от 27 января 2021 года по делу о проверке конституционности пункта 39 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может быть усыновителем. Указанная норма устанавливала запрет для лиц, живущих с ВИЧ-инфекцией, на усыновление детей. Конституционная палата признала её противоречащей Конституции, указав на нарушение принципа недискриминации. Суд отметил, что современные медицинские условия позволяют таким лицам не представлять угрозы для окружающих. Данная позиция направлена на обеспечение баланса между правами ребенка и правами потенциальных родителей.

В 2024 году Конституционным судом были рассмотрены гарантии справедливого судебного разбирательства: в решениях № 05-Р от 06 марта 2024 года и № 06-Р от 20 марта 2024 года — проблемы доступа к правосудию и пересмотра судебных актов. Это свидетельствует о расширении сферы конституционного контроля и усилении защиты прав граждан[1].

---

[1]Решения Конституционного суда Кыргызской Республики // URL: https://constsot.kg/ru/category/akty/resheniya (дата обращения: 10.02.2026).

Важным направлением деятельности Конституционного суда является толкование норм Конституции, позволяющее уточнять содержание социально-экономических прав. В 2023 году по обращению Правительства КР было дано толкование ч. 2 ст. 44 Конституции о социальных выплатах[2]. В решении № 05-Р от 19 апреля 2023 года суд разъяснил, что данная норма не устанавливает безусловную обязанность государства обеспечивать выплаты на уровне прожиточного минимума, а носит характер целевого ориентира и зависит от экономических возможностей государства.

Несмотря на значимость деятельности Конституционного суда, на практике возникают определенные трудности реализации решений Конституционного суда. Одной из ключевых проблем является недостаточная эффективность исполнения его решений. Анализ ежегодных докладов Конституционного суда Кыргызской Республики за 2020–2024 годы показывает, что проблемы исполнения решений затрагивают в том числе сферу социально-экономических прав граждан. В частности, отмечаются случаи несвоевременного исполнения решений, связанных с вопросами социального обеспечения, налогового регулирования и земельных правоотношений[3]. Указанные категории дел непосредственно связаны с реализацией права на социальную защиту, экономическую деятельность и частную собственность. Несмотря на обязательный характер решений Конституционного суда, соответствующие государственные органы не всегда оперативно приводят законодательство в соответствие с правовыми позициями суда, что негативно сказывается на уровне защиты социально-экономических прав граждан.

Следует отметить ограниченную доступность конституционного правосудия для граждан. Сложность процедур обращения и недостаточный уровень правовой осведомленности населения снижают возможности защиты нарушенных прав. Статистические данные свидетельствуют о стабильной

---

[2] Конституция Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: в редакции Закона Кырг. Респ. «О Конституции Кыргызской Республики» от 05.05.2021, № 59. // URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/ view/ru-ru/112215. – Загл. с экрана.

[3] Годовые доклады Конституционного суда Кыргызской Республики https://constsot.kg/ru/zhy-ldy-k-doklad/

активности обращений в органы конституционного контроля. В среднем ежегодно поступает от 110 до 170 обращений, из которых примерно половина принимается к рассмотрению. При этом значительная часть обращений не соответствует требованиям законодательства, либо не относится к компетенции суда. Так, в 2025 году из 38 обращений, рассмотренных коллегиями судей, только 18 были приняты к производству, а 56 обращений были отклонены на предварительной стадии. Данные показатели свидетельствуют о наличии проблем в доступе к конституционному правосудию и недостаточном уровне правовой информированности граждан.

Кроме того, реализация социально-экономических прав тесно связана с экономическими ресурсами государства. Ограниченность бюджета может препятствовать полному и своевременному исполнению решений суда.

Повышение эффективности деятельности Конституционного суда требует комплексного подхода. В числе приоритетных направлений можно выделить:

- совершенствование механизмов контроля за исполнением решений суда;

- упрощение процедур обращения граждан в Конституционный суд;

- повышение уровня правовой культуры населения;

- использование международного опыта и стандартов в области прав человека.

Особое значение имеет обеспечение независимости суда и укрепление его авторитета в системе государственной власти.

Таким образом, Конституционный суд Кыргызской Республики занимает важное место в системе защиты социально-экономических прав граждан. Его деятельность направлена на обеспечение верховенства Конституции и формирование единых правовых стандартов.

В то же время существующие проблемы свидетельствуют о необходимости дальнейшего развития института конституционного контроля. Повышение эффективности работы Конституционного суда является важным условием укрепления принципов правового и социального государства.

Правовое регулирование и практика реализации экспертного сопровождения в нормотворческой деятельности органов публичной власти

Шубин Иван Александрович,
студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

Аннотация: В настоящей статье автором исследуется экспертное сопровождение как элемент нормотворческого процесса. Анализируется правовая природа данного института, проявляющаяся в существовании обязательных экспертиз, установленных законом, и рекомендательной деятельности совещательных органов. Рассматривается нормативная основа взаимодействия экспертов с органами власти федерального, регионального и муниципального уровней.

Ключевые слова: экспертное сопровождение, нормотворческий процесс, правовая экспертиза, нормативный правовой акт, органы публичной власти, общественные советы, консультативно-совещательные органы.

Качество принимаемых нормативных правовых актов напрямую зависит от уровня их проработки на стадии подготовки. Важнейшим инструментом такой проработки выступает экспертная оценка, позволяющая спрогнозировать влияние будущего документа на общественные отношения и выявить неточности его формулировок до момента вступления в силу. Актуальность повышения качества нормотворчества признается законодателями и правоприменителями, поскольку неопределенность правовых норм создает предпосылки для коррупции. Конституционный Суд Российской Федерации в своих постановлениях от 25 апреля 1995 года № 3-П, от 15 июля 1999 года № 11-П, от 11 ноября 2003 года № 16-П и других неоднократно указывал, что неопределенность содержания правовой нормы допускает неограниченное усмотрение в процессе правоприменения и нарушает принципы равенства и верховенства закона. Обеспечению ясности и недвусмысленности правовых

предписаний способствует экспертное сопровождение[1].

Для понимания сущности экспертного сопровождения необходимо обратиться к понятию правотворчества в его широком значении. С.С. Алексеев определял правотворчество как исходящую от государства деятельность по закреплению норм права, приданию им общеобязательного значения[2]. И.Н. Сенякин рассматривает данный процесс в широком смысле, включая в него не только создание норм, но и весь путь от первоначального замысла до практической реализации, включая подготовку, обсуждение и официальное опубликование актов[3]. Рассматривая нормотворчество в таком контексте, можно определить экспертное сопровождение как носящий обязательный или рекомендательный характер вид деятельности профессиональных экспертов по выявлению сути, уточнению и оценке содержания и формы проектов нормативных актов, направленный на предотвращение установления положений, способных оказать негативное воздействие на общественные отношения.

В рамках законотворческого процесса проводится ряд обязательных экспертиз, каждая из которых имеет свой четко определенный предмет исследования. Предметом правовой экспертизы является выявление противоречий проекта Конституции Российской Федерации и правовым актам Российской Федерации, анализ наличия внутренних коллизий, а также оценка согласованности с иными документами. О.С. Ростова отмечает, что правовую экспертизу по объекту оценки можно разделить на два вида: экспертизу проектов нормативных правовых актов и экспертизу уже принятых актов, однако целью обоих видов является проверка соответствия требованиям федерального и регионального законодательства[4]. Лингвистическая экспертиза направлена на проверку соблюдения грамматических, орфографических и пунктуационных норм, а также на оценку понятности и доступности текста для

[1] СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.02.2026).
[2] См.: Алексеев С.С. Теория государства и права. М.: Норма, 2004. С. 150.
[3] См., например: Сенякин И.Н. Фундаментальное исследование вопросов юридической техники // Журнал российского права. 2012. № 1. С. 123.
[4] См.: Ростова О.С. Правовая экспертиза проектов нормативных правовых актов в региональном правотворчестве // Мониторинг правоприменения. 2016. № 3 (20). С. 10.

широкого круга лиц, включая как граждан, не обладающих юридическим знаниями, так и правоприменителей. Антикоррупционная экспертиза имеет своей основной целью выявление коррупциогенных факторов и последующее их устранение. По мнению специалистов, этот вид экспертизы является приоритетным в борьбе с коррупцией, поскольку предпосылки для злоупотреблений часто закладываются именно в несовершенных законодательных формулировках[5]. Финансово-экономическая экспертиза анализирует достаточность финансового обеспечения законопроекта, соответствие нормам финансового законодательства, а также соотношение планируемых расходов и ожидаемого экономического эффекта. Педагогическая экспертиза закреплена в статье 94 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»[6] и проводится в отношении правовых актов, регулирующих отношения в образовательной сфере, в порядке, установленном Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2014 года № 120[7].

Обязательность проведения перечисленных экспертиз устанавливается соответствующими правовыми актами. Согласно части 2 статьи 112 и части 8 статьи 119 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Государственная Дума), утвержденного Постановлением Государственной Думы от 22 января 1998 года № 2134-II ГД[8], правовая и лингвистическая экспертизы проводятся перед первым и вторым чтениями законопроекта. Антикоррупционная экспертиза, правовое

---

[5] Антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов: научно-практическое пособие / И.С. Власов, Т.О. Кошаева, В.Н. Найденко и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.И. Спектор. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Анкил, 2012. С. 25-26.

[6] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53. Ст. 7598.

[7] Постановление Правительства Российской Федерации от 17.02.2014 № 120 «О порядке проведения педагогической экспертизы проектов нормативных правовых актов и нормативных правовых актов, касающихся вопросов обучения и воспитания» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 8. Ст. 816.

[8] Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22.01.1998 года № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 801.

регулирование которой осуществляется Федеральным законом от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[9] и Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»[10], проводится совместно с правовой экспертизой на стадиях подготовки к первому и третьему чтению. Финансово-экономическая экспертиза законопроектов по бюджетным вопросам отнесена к компетенции Счетной палаты Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 года № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации»[11] и проводится при подготовке к первому чтению в определенных законом случаях. Экологическая экспертиза, основывающаяся на Федеральном законе от 23 ноября 1995 года № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе»[12], также в случае необходимости осуществляется на стадии подготовки законопроекта к первому чтению. Таким образом, в указанных случаях экспертное заключение является обязательным и оказывает непосредственное влияние на содержание принимаемого акта.

В российском правопорядке сложилась иная форма экспертного сопровождения, носящая исключительно рекомендательный характер для правотворческих органов и должностных лиц. Такая ситуация характерна для всех уровней публичной власти, включая федеральный, региональный и местный. Исследователи отмечают, что наблюдается недостаточность эффективности системы научного обеспечения территориального управления и определенная отдаленность экспертного сообщества от публичной власти[13].

---

[9] Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52. Ст. 6228.

[10] Постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 10. Ст. 1084.

[11] Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1649.

[12] Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4556.

[13] См.: Казакова Е.В. Экспертная безопасность и деятельность экспертных сообществ России: постановка проблемы // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2011. №1. С. 55-56.

Согласно социологическим исследованиям, проводившимся среди представителей научных структур, органов государственной власти, членов экспертных советов, подавляющее большинство экспертов (82%) считают свою деятельность важной для принятия государственных управленческих решений. Однако 61% из них указывают на неполный учет их рекомендаций, а 31% свидетельствуют о полном игнорировании экспертной деятельности[14].

На федеральном уровне действует Экспертный совет при Правительстве Российской Федерации, положение о котором утверждено Постановлением Правительства от 23 декабря 2021 года № 2399. Данный совет обеспечивает аналитическое сопровождение деятельности Правительства по широкому кругу вопросов. В соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»[15] при федеральных органах исполнительной власти создаются общественные советы. Согласно статьям 9 и 13 указанного закона, эти советы осуществляют консультативно-совещательные функции, однако их роль ограничена рамками рекомендаций. В Государственной Думе согласно части 6 статьи 11 Регламента создаются экспертные советы при Председателе, его заместителях и при профильных комитетах. Например, Экспертный совет Комитета Государственной Думы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений, положение о котором утверждено решением указанного Комитета от 17 марта 2025 года № 112, готовит экспертные заключения по законопроектам, однако может лишь рекомендовать их.

На региональном уровне статья 13 Федерального закона № 212-ФЗ распространяет возможность создания общественных советов на органы власти субъектов Российской Федерации. Общественный совет при Департаменте образования и науки города Москвы действует на основании приказа Департамента от 14 февраля 2020 года № 50, его заключения носят

[14] См.: Сатырь Т.С. Экспертное сопровождение деятельности органов власти в процессе принятия государственных управленческих решений // Вестник ПАГС. 2018. № 2. С. 23.
[15] Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30. Ст. 4213.

исключительно рекомендательный характер. Типовое положение об Общественном совете при республиканском органе исполнительной власти Республики Татарстан, утвержденное Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 18 ноября 2010 года № 906, в пункте 1.4 прямо устанавливает рекомендательный характер всех решений таких советов. Положение об общественном совете при департаменте имущественных и земельных отношений Магаданской области, утвержденное Постановлением Правительства Магаданской области от 11 марта 2016 года № 141-пп, в пункте 3 также закрепляет рекомендательную силу его решений.

На муниципальном уровне также формируются общественные советы. Общественный Совет при администрации Михайловского муниципального района, Положение о котором утверждено постановлением главы Михайловского муниципального округа Приморского края от 1 ноября 2024 года № 1417-па, в пункте 6 устанавливает рекомендательный характер всех решений совета. Его задачи согласно пункту 9 включают развитие гражданского правосознания, содействие разрешению социальных конфликтов, обеспечение прозрачности деятельности администрации. Его роль сводится к направлению необязательных предложений.

Практика, при которой экспертная деятельность обладает лишь рекомендательным статусом, приводит к тому, что профессиональные мнения экспертов учитываются не в полной мере. Целесообразно разграничение правового статуса экспертных заключений в зависимости от значимости нормотворческого решения. Для проектов, затрагивающих стратегические направления развития страны или регионов, возможным было бы введение независимой экспертизы с обязанностью органа мотивированно обосновывать отклонение рекомендаций. Совершенствование правовой регламентации видится в расширении сферы обязательного анализа для социально значимых правовых актов и профессионализации экспертного сообщества.

Секция № 16. «Административное право и процесс в системе публичной власти: традиции научной школы МГЮА и современные тенденции»

Цифровой административный акт: проблемы легитимности и судебного оспаривания

Бледнов Илья Алексеевич,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина, г. Оренбург

Кузнецова Алина Григорьевна,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы, связанные с формированием в российском публичном управлении феномена цифрового административного акта. На основе анализа доктринальных подходов, современного законодательства (КАС РФ, АПК РФ, законодательство о цифровых правах) и зарубежного опыта (на примере Франции) обосновывается необходимость трансформации административно-процессуальных институтов. Особое внимание уделяется критериям легитимности цифровых решений, проблемам идентификации участников, цифровым доказательствам и рискам «сервисного» подхода.

Ключевые слова: цифровой административный акт, легитимность, судебное оспаривание, цифровая трансформация публичного управления, административный процесс, цифровые права, государственные информационные системы,

Цифровая трансформация публичного управления, реализуемая в рамках программных документов стратегического планирования, предопределила существенную трансформацию правоприменительной деятельности органов исполнительной власти и иных субъектов публичной администрации. Внедрение государственных информационных систем и механизмов

межведомственного электронного взаимодействия привело к формированию нового феномена - цифрового административного акта.

В доктрине под цифровым административным актом понимается властное индивидуальное правоприменительное решение, принимаемое (в том числе автоматизированно) в рамках информационной системы и существующее исключительно в электронной форме. При этом цифровизация представляет собой не просто смену формы передачи информации, а создание интегрированной коммуникационной среды, управляющей действиями и мнениями людей. Цифровой административный акт — это не «скан документа», а элемент новой цифровой среды взаимодействия государства и граждан, требующий иных критериев легитимности.

Вместе с тем темпы цифровизации публично-служебных отношений существенно опережают процесс нормативного осмысления и закрепления соответствующих институтов. Позитивное законодательство, включая Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ) и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (АПК РФ), оперирует категориями «ненормативные правовые акты», «решения» и «действия», не дифференцируя традиционные «бумажные» формы властного волеизъявления от решений, генерируемых алгоритмами. Указанный понятийный разрыв порождает комплекс проблем, связанных с легитимностью цифровых административных актов, а также с эффективностью их судебного оспаривания.

Цифровизация практически всех сфер общественной жизни обусловила трансформацию соответствующих отношений, придав новую форму уже существующим и породив новые. Эта новая реальность, порождающая дополнительные риски, нуждается в системном и последовательном правовом регулировании, в силу чего вопрос о формировании цифрового права, определении его правовой природы и места в системе права становится исключительно актуальным.

Новый импульс дискуссиям придала статья 141.1 Гражданского кодекса

РФ (ГК РФ), закрепившая положения о цифровых правах. Как отмечает Е.А. Суханов, «цифровые права в действительности являются не новым видом имущественных прав, а только цифровой формой обязательственных и иных прав, причем не всех, а лишь прямо названных в таком качестве законом». Следовательно, «закрепление некоторых имущественных прав в цифровой форме не меняет их юридическую (гражданско-правовую) природу: цифровыми становятся не сами субъективные права, а только формы их закрепления (существования) и обусловленные этим обстоятельством способы осуществления названных прав, в том числе способы распоряжения ими»[1].

Различная правовая природа рассматриваемых отношений, обеспечивающая формирование представлений о цифровом праве как комплексной отрасли, обусловливает применение методов, свойственных не только частным, но и публичным отраслям права. Этого требуют защита персональных данных, обеспечение здоровой конкуренции на цифровых платформах и т. п. Выделение собственного метода регулирования вызывает некоторые трудности. Высказывается мнение о том, что нормы, регулирующие отношения, связанные с внедрением и использованием цифровых технологий, не объединены единым методом регулирования, а следовательно, относятся к различным отраслям права[2].

Содержательные характеристики любой отрасли, позволяющие говорить о ее специфике, демонстрируют принципы правового регулирования. Наиболее полно и системно они были изложены А.В. Даниленковым, который предложил выделять:

1) принципы организации и функционирования сети Интернет (сетевой нейтральности, открытой архитектуры);

2) принципы управления сетью Интернет (многостороннего партнерства, государственного суверенитета, субсидиарности национально-правового

---

[1] Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» / Е.А. Суханов // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 9.

[2] См.: Рожкова М.А. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса? // Хозяйственное право. 2020. № 4. С. 4.

регулирования, децентрализованного управления);

3) гуманитарные принципы (свободной реализации прав, приватности, культурного и языкового разнообразия);

4) принципы рассмотрения и разрешения судебных и административных споров в сети Интернет[3].

Административное право в цифровой сфере регулирует процессы обработки информации, доступа к системам и соблюдения правил, таких как регистрация майнеров и ответственность за оборот цифровых активов. Защита персональных данных (цифровая личность) проявляется в надзоре за хранением и защитой данных пользователями, а также в административной ответственности за утечки. Порядок функционирования государственных информационных систем (ГИС), через которые реализуются цифровые права (например, регистрация права собственности на недвижимость через портал «Госуслуги»), также относится к сфере административного права.

С 1 января 2020 г. вступил в силу Федеральный закон от 2 августа 2019 года № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[4]. Данный закон в качестве объекта правоотношений учреждает утилитарные цифровые права. Понятие криптовалюты вытекает из Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[5]. Согласно ч. 3 ст. 1 Закона № 259-ФЗ, цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), предлагаемых и (или) принимаемых в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей.

Статья 128 ГК РФ относит к объектам гражданских прав вещи, иное имущество, включая имущественные права (безналичные денежные средства, в

---

[3] См.: Зайцев О.В. Цифровое право в системе российского права / О.В. Зайцев // Lex russica. 2024. Т. 77. № 9. С. 120.

[4] Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

[5] Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч.1). Ст. 5018.

том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права)[6]. Эмитентом цифрового рубля выступает Банк России (ст. 75 Конституции РФ, ст. 2 Федерального закона № 161-ФЗ, п. 1.1 Положения Банка России от 3 августа 2023 г. № 820-П), что подкрепляет его реальную стоимость государственными резервами.

Введение в законодательство института усиленной квалифицированной электронной подписи (УКЭП) позволяет изготавливать заключения экспертов и процессуальные акты в виде электронного документа. Это снимает вопрос о подлинности воли должностного лица. Вводимая возможность использования веб-конференций при составлении протокола (ст. 28.2 КоАП РФ) является критическим моментом для легитимности: если личность участника не будет надежно подтверждена через ЕСИА или биометрию, сам протокол может быть признан незаконным.

Легитимность цифрового административного акта напрямую зависит от допустимости цифровых доказательств. В качестве доказательств выступают данные информационных систем, электронные документы и результаты технических экспертиз. Цифровая среда затрудняет установление конкретных нарушителей, и, если акт выносится автоматически (например, на основе данных блокчейн-реестра), возникает риск привлечения не того субъекта. Для оспаривания такого акта необходимо доказать отсутствие вреда или своей роли в его причинении, что требует более гибкой процедуры, учитывающей технологическую сложность.

Показательным является зарубежный опыт. Во Франции функционирует портал Télérecours Citoyens, который позволяет гражданам оспорить административный акт (например, акт мэрии) полностью онлайн и бесплатно, получая уведомления о ходе дела по электронной почте. Французский опыт демонстрирует, что цифровая трансформация — это не только перевод документов в PDF, но и создание гибких интерфейсов взаимодействия власти и

---

[6] См.: Ситник А.А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 107.

общества.

Необходимо пересмотреть нормы в области защиты частной жизни в свете цифровизации, учитывая наличие конфликта между требованиями защиты персональных данных и фактической невозможностью ее обеспечения после попадания сведений в интернет. Следует ввести строгий контроль за соблюдением государственными органами и частными компаниями целей обработки данных, фактов трансграничной передачи, а также описания организационно-технических мер безопасности.

Особую проблему представляет отсутствие возможности управления согласием: законодательство не всегда позволяет отозвать согласие на использование данных, уже попавших в систему. Если цифровой акт вынесен на основе данных, которыми гражданин больше не может управлять или достоверность которых не может проверить, то процедура оспаривания превращается в фикцию.

Для укрепления легитимности цифрового государственного управления необходима не просто техническая модернизация, а полноценная систематизация «цифрового» законодательства. Административно-процессуальные нормы должны эволюционировать от «сервисного» подхода к модели, где приоритет прав человека, и защита частной жизни остаются незыблемыми даже в условиях полной автоматизации правоприменения.

Таким образом, цифровой административный акт станет полноценным институтом права лишь тогда, когда механизмы его оспаривания будут столь же технологически совершенны и доступны, как и механизмы его вынесения. Для этого требуется формирование единой доктрины, признающей цифровую среду не просто техническим каналом, а особой сферой, требующей переосмысления фундаментальных принципов публичного права.

Процедура обжалования постановлений по делам об административных правонарушениях, вынесенных без участия лица (по данным автоматической фиксации)

Востриков Андрей Александрович,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Шарипов Нияз Нажипович,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Авторами рассматривается вопрос обжалования постановлений, вынесенных по делам об административных правонарушениях, где лицо, привлекаемое к ответственности, не было допущено к участию в процессе. Принятые решения обосновываются данными, полученными с использованием автоматизированных технических систем. Исследование включает в себя анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих привлечение к ответственности по подобным делам. Судебная практика и правоприменительная деятельность были изучены в ходе исследования. Особое внимание уделяется процессуальным гарантиям прав лиц, в отношении которых выносятся постановления без их участия, и механизмам их защиты. Работа предлагает конкретные пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики для устранения выявленных пробелов и противоречий.

Ключевые слова: цифровизация, ПДД РФ, административная ответственность, правонарушения, КоАП РФ, транспортное средство, обжалование постановлений по делам об административных правонарушениях.

Настоящий период времени характеризуется развитием технологий, цифровизацией множества сфер жизни, включая и сферу контроля за соблюдением правил дорожного движения (далее – ПДД РФ). Внедрение инноваций в правоприменительную практику направлено на обеспечение

большей точности и оптимизации процесса привлечении к ответственности.

Актуальность данной темы вызвана широким применением систем автоматической фиксации нарушений ПДД РФ. Несмотря на ряд преимуществ технологий, их использование становится источником сложных процессуальных вопросов, требующих глубокого и тщательного анализа.

Для исследования по выбранной теме, необходимо изучить нормативно-правовые акты (далее – НПА), регулирующие процесс привлечения к административной ответственности без участия лиц.

Федеральный закон от 8 ноября 2007 года № 257 «Об автомобильных дорогах, дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об автомобильных дорогах…»). В Федеральном законе от 8 ноября 2007 года № 257 «Об автомобильных дорогах…» в пункте 5 статьи 3 говорится, что «к числу элементов обустройства автомобильных дорог относят устройства для регулирования дорожного движения, работающие в автоматическом режиме стационарные специальные технические средства, имеющие функции фото- и киносъемки, видеозаписи для фиксации нарушений правил дорожного движения, работающие в автоматическом режиме стационарные специальные технические средства, имеющие функции фото- и киносъемки, видеозаписи (далее - технические средства, работающие в автоматическом режиме)»[1]. Устройства, функционирующие автономно, в соответствии со статьей 22.1 Федерального закона «Об автомобильных дорогах…» представляют собой специализированное оборудование. Они выполняют три ключевых условия. Во-первых, их назначение – контроль за соблюдением правил дорожного движения и автоматическая фиксация всех правонарушений, попадающих в установленную зону их действия, для которой они были спроектированы. Во-вторых, работа данных устройств не зависит от субъективных решений или

[1] Федеральный закон от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах, дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 46. Ст. 3

непосредственного участия человека. В-третьих, обязательным требованием является их официальное признание в качестве измерительных средств, что подтверждается наличием соответствующего сертификата и действующего свидетельства о метрологической поверке.

Основным нормативным актом, регулирующим привлечение к ответственности за нарушения ПДД без непосредственного участия нарушителя, является Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ). Именно данный документ, в частности часть 1 статьи 2.6.1, определяет процедуры документирования дорожно-транспортных происшествий и правонарушений в сфере благоустройства, совершенных с помощью автоматических технических средств и устройств, работающих в режиме фото- и киносъемки, видеозаписи.

Согласно с ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ, процедура наложения административного взыскания при таких обстоятельствах происходит путём вынесения постановления по делу о соответствующем правонарушении, при этом лицо, по отношению к которому ведётся производство, не привлекается. Копия такого постановления, оформленная на бумажном носителе или в электронном формате, подлежит направлению указанному лицу заказным почтовым отправлением. Срок направления не превышает трех дней с момента принятия постановления. В подобных ситуациях бремя ответственности будет лежать на собственниках (владельцах) транспортных средств.

Несмотря на это, автомобилист сохраняет законное право поставить под сомнение вынесенное решение. Эти моменты регулируются федеральным законодательством, а именно, главой 30 и частью 2 статьи 2.6.1 КоАП РФ. В соответствии с частью 2 статьи 2.6.1 КоАП РФ, собственник или пользователь транспортного средства освобождается от ответственности, если будет доказано, что во время фиксации дорожного нарушения автомобиль находился во владении или пользовании иного лица, либо к этому моменту он был выведен из его распоряжения вследствие противоправных действий третьих лиц. В течение десяти дней с момента получения копии постановления есть

возможность его оспорить. Жалоба может быть направлена в вышестоящий орган, к должностному лицу более высокого ранга или в районный суд по месту рассмотрения дела, согласно пункту 3 части 1 статьи 30.1 и части 1 статьи 30.3 КоАП РФ. Органы, имеющие право рассматривать такие жалобы, должны передать их вместе с материалами дела в течение трех дней с момента поступления в суд, вышестоящий орган или должностному лицу. Это требование закреплено в части 1 статьи 30.2 КоАП РФ. Согласно части 1 статьи 30.5 КоАП РФ, рассмотрение жалобы и приложенных к ней документов не должно превышать десяти дней. Исчисление этого срока начинается с момента, когда жалоба поступила в орган или к должностному лицу, уполномоченному рассматривать такие вопросы. Результатом рассмотрения жалобы, как указано в части 1 статьи 30.7 КоАП РФ, является итоговое решение. Данное решение может подтвердить первоначальное постановление, усилить назначенное наказание, прекратить производство по делу или направить его на повторное рассмотрение.

Согласно официальным данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, «в 2024 году общее число зафиксированных правонарушений составило 255,1 миллиона, что превышает показатель предыдущего года на 6,3%»[2]. «В 2025 году впервые за 15 лет наблюдается положительная динамика в виде сокращения количества зарегистрированных нарушений. По итогам 2025 года было выявлено свыше 232 млн нарушений - на 9% меньше, чем в 2024 году. Особо примечательным является снижение активности сотрудников Госавтоинспекции в первом полугодии 2025 года: было возбуждено 106,2 миллиона дел, что на 7,5% меньше, чем за аналогичный период 2024 года»[3].

Согласно обзору Научного центра безопасности дорожного движения

---

[2] Анализ правоприменительной практики Научного центра безопасности дорожного движения МВД РФ [Электронный ресурс] - URL: https://iz.ru/1914090/2025-07-02/v-proshlom-godu-v-rossii-bylo (дата обращения: 15.03.2026).

[3] Данные МВД РФ, размещенные в Единой межведомственной информационно-статистической системе [Электронный ресурс] - URL: https://www.kommersant.ru/doc/8398748 (дата обращения: 15.03.2026).

МВД, «в 2024 году зафиксирован существенный рост активности граждан: число обращений с жалобами на нарушения ПДД возросло почти на 30%. При этом 316 тыс. жалоб поступали с фото- и видеоматериалами, подтверждающими факты нарушений»[4].

При процессе обжалования постановлений об административных правонарушениях возникает множество проблем, требующих решений, одна из которых была нами рассмотрена, а также предложен путь её решения.

Проблема территориальной подсудности и удаленности органов, рассматривающих жалобы. В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 30.1 КоАП РФ, постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное должностным лицом, может быть обжаловано в районный суд по месту рассмотрения дела. В случаях, когда административные правонарушения были зафиксированы посредством использования специальных технических приспособлений, «местом рассмотрения дела считается место, где было совершено правонарушение, а именно - место дислокации фото- или видеокамеры»[5]. Этот принцип установлен в ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ и разъяснен в п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 года № 5. Указанное правило создает существенные затруднения для заявителей, потому что гражданин может проживать за пределами места фиксации правонарушения, личное участие в судебном заседании требует значительных временных и финансовых затрат, а направление представителя увеличивает расходы на защиту. Частичным решением проблемы выступает возможность подачи жалобы в электронной форме через портал. Это достаточно удобно так как на портале отображается вся информация о ходе административного дела, но электронная форма не решает проблему полностью, поскольку не обеспечивает участия заявителя в исследовании доказательств, затрудняет

[4] Обзор Научного центра безопасности дорожного движения МВД РФ [Электронный ресурс] - URL: https://www.gazeta.ru/auto/news/2025/07/03/26186300.shtml (дата обращения: 15.03.2026).

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. 2005. № 80.

представление оригиналов документов и требует технической грамотности.

Текущее исследование демонстрирует, что повсеместное внедрение систем автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения, являясь, безусловно, прогрессивным шагом в направлении оптимизации административных процессов, порождает ряд существенных процессуальных затруднений при оспаривании вынесенных решений. Изучение положений КоАП РФ и Федерального закона «Об автомобильных дорогах…» показало, что упрощенный порядок привлечения к ответственности перекладывает бремя доказывания отсутствия вины на владельца транспортного средства. Ключевым практическим затруднением является территориальная компетенция: разбирательство по жалобам по месту совершения правонарушения создает для лиц, проживающих в других субъектах федерации, серьезные препятствия, ограничивая возможность получения правовой защиты. Принимая во внимание частичное решение в виде дистанционной подачи жалоб, действующая система нуждается в усовершенствовании для достижения гармонии между эффективностью автоматизированного контроля и надежностью процессуальных гарантий прав граждан.

Административная ответственность за нарушения в сфере закупок: ключевые изменения в КоАП РФ

Гумарова Алена Дмитриевна,
студент ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)», г. Челябинск

Аннотация: В статье приведен обзор изменений, внесенных в КоАП РФ в части административной ответственности за нарушения в сфере государственных закупок. На примере ответственности за нарушения при обосновании НМЦК рассматривается проблема несоразмерности административных штрафов тяжести правонарушений. Предлагается исключить нижнюю границу штрафа за данный состав путем внесения изменений в 3 ст. 7.30.1 КоАП РФ. На примере ответственности за нарушение сроков размещения и неразмещение информации в реестрах рассматривается проблема идентичной меры ответственности за правонарушения разной степени тяжести. Предлагается разделить меры ответственности путем внесения изменений в ч. 9 ст. 7.30.1 КоАП РФ. Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций по внесению изменений в КоАП РФ в части административной ответственности за нарушения в сфере закупок.

Ключевые слова: административная ответственность в сфере госзакупок; государственные закупки; контрактная система.

С 1 марта 2025 года Федеральным законом от 28 декабря 2024 года № 500-ФЗ[1] в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) внесены изменения в части административной ответственности за нарушения в сфере закупок. По сути, произошла консолидация имеющихся составов: прежние статьи, регламентирующие ответственность за нарушения в сфере госзакупок

[1] Федеральный закон от 28.12.2024 № 500-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (в ред. от 28.12.2024) // Российская газета. 2025. № 1-2.

отменены, введены новые, за некоторые правонарушения теперь предусмотрены предупреждения и диапазонные значения штрафов, которые в целом чуть ниже прежних, появились и новые составы.

Один из новых составов правонарушения – неприменение мер ответственности к контрагенту, нарушившему условия контракта. Введение данного состава направлено на повышение ответственности заказчиков за надлежащее исполнение своих обязанностей по контролю за исполнением контрактов, по нашему мнению, это целесообразно, так как будет способствовать своевременному принятию мер по защите интересов государства. Необходимо отметить, что до 1 марта 2025 года контрольные органы квалифицировали неведение претензионной работы заказчиком как нарушение принципа эффективности использования бюджетных средств (ст. 34 Бюджетного кодекса РФ) и ч. 6 ст. 34 Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», но штрафы к заказчикам не применялись[2]. Между тем, неведение претензионной работы может быть как бездействием заказчика, так и действиями, направленными на сокрытие факта неисполнения условий контракта контрагентом, что нарушает публичные интересы. Так, Администрация муниципального образования Куркинский район и ООО СК «Максим» расторгли контракт по соглашению сторон в день его заключения по причине отсутствия у подрядчика исправной специальной техники для выполнения работ, прокуратура Тульской области оспорила сделку как нарушающую требования закона[3]. С целью соблюдения публичных интересов заказчик должен был применить меры ответственности к подрядчику вплоть до принятия решения об одностороннем отказе от исполнения контракта. Пени и штрафы по государственным контрактам являются неналоговыми доходами бюджета, поэтому государство контролирует ведение претензионной работы.

---

[2] Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

[3] Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 18.02.2026 № Ф10-4416/2025 по делу № А68-15660/2024 URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base (дата обращения 20.03.2026)

В новой редакции КоАП РФ санкции за нарушения при обосновании начальной максимальной цены контракта (далее – НМЦК) стали строже: теперь размер штрафа поставлен в зависимость от НМЦК и составляет 1% от начальной максимальной цены контракта, но не менее десяти тысяч и не более пятидесяти тысяч рублей, в прежней редакции штраф был десять тысяч рублей. Данная мера направлена на предотвращение неэффективного расходования бюджетных средств и делает штрафы для заказчика зависимыми от причиненного ущерба, однако, по нашему мнению, статья нуждается в доработке, о чем более подробно изложено далее.

В новой редакции введены меры ответственности для кредитных организаций и площадок за несоблюдение правил и сроков размещения информации в реестре независимых гарантий, за что предусмотрено предупреждение или штраф.

Изменения затрагивают множество аспектов, касающихся всех этапов закупки: начиная с планирования и заканчивая приемкой, в отдельную статью вынесены нарушения в сфере ГОЗ.

Данные изменения в целом направлены на смягчение мер ответственности, по нашему мнению, данный вектор актуален давно, так как штрафы в сфере закупок несоразмерны нарушениям. Необходимо отметить, что смягчение ответственности относительно прежней редакции усматривается за составы правонарушений, которые совершаются, в основном, по невнимательности и недостаточной компетенции должностных лиц, а за составы, где более вероятно злоупотребление должностным положением, коррупционная составляющая (например, завышение НМЦК или неведение претензионной работы) ответственность ужесточается.

Законодатель в новой редакции оптимизировал ответственность, однако, по нашему мнению, некоторые статьи необходимо доработать.

Так, в части 3 ст. 7.30.1 КоАП РФ за нарушение требований к определению и обоснованию НМЦК, цены контракта, начальной цены единицы товара, работы, услуги установлена санкция в виде наложения административного штрафа на должностных лиц в размере 1 процента НМЦК,

цены контракта, но не менее десяти тысяч и не более пятидесяти тысяч рублей.

По нашему мнению, безусловно, строгие меры необходимы там, где некорректные действия заказчика могут повлечь причинение значительного ущерба бюджету или есть вероятность целенаправленного завышения цены для получения личной выгоды, однако в случае ошибки при определении НМЦК даже небольшой закупки должностному лицу грозит внушительный штраф.

Обращаясь к работе Е.А. Тайгозиной, в которой представлен обзор основных нарушений заказчиков при расчете НМЦК[4], можно выделить нарушения, где возможна заинтересованность должностного лица (ценовая информация с несопоставимыми условиями поставки, завышение НМЦК, сознательное использование аффилированных источников) и нарушения по невнимательности и недостаточной компетентности должностных лиц (использование ценовой информации неисполненных контрактов или контрактов с применением неустойки). Что касается небольших закупок, очень маловероятно, что нарушение требований к расчету НМЦК имеет коррупционную составляющую. Конечно, малый размер ущерба государственным интересам или его отсутствие не оправдывает заказчика, однако, по нашему мнению, целесообразно исключить нижнюю границу штрафа за данный состав.

Часть 9 ст. 7.30.1 КоАП РФ предусматривает идентичную меру ответственности за правонарушения разной степени тяжести: так, за нарушение сроков размещения и неразмещение документов и информации в реестрах предусмотрено предупреждение или наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей; на юридических лиц, являющихся кредитными организациями, от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей.

По нашему мнению, необходимо разделить меры ответственности, так как нецелесообразно ставить в один ряд нарушение сроков размещения и

[4] Тайгозина Е.А. Нарушения и недостатки в части определения и обоснования начальной (максимальной) цены контракта при осуществлении государственных закупок товаров, работ, услуг / Е.А. Тайгозина // Вопросы современной науки и практики. 2024. № 1(10). С. 64-66.

неразмещение информации, данные правонарушения не наносят значительного ущерба общественным интересам, в связи с этим целесообразно будет снизить штраф для должностных лиц, а размер штрафа для кредитных организаций поставить в зависимость от размера независимой гарантии и того, были ли нарушены интересы участника закупки, так как несвоевременное размещение (неразмещение) в реестре данной информации может повлечь признание контрагента уклонившимся от заключения контракта.

Реализовать данное предложение можно внесением следующих изменений в ч. 9 ст. 7.30.1 КоАП РФ:

За несоблюдение заказчиком или оператором площадки правил или сроков размещения информации в реестрах установить предупреждение или наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей, а за неразмещение информации – предупреждение или штраф в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей;

За нарушение кредитной организацией правил или сроков размещения информации в реестре независимых гарантий установить штраф – 10% от суммы гарантии, но не более тридцати тысяч рублей, а за неразмещение – не более пятидесяти тысяч рублей.

В случае, если вышеуказанные нарушения повлекли отказ заказчика в принятии гарантии в соответствии с пунктом 1 части 6 статьи 45 Закона № 44-ФЗ и признание участника уклонившимся от заключения контракта – установить административный штраф в размере тридцати процентов от суммы независимой гарантии, но не более ста тысяч рублей.

Таким образом, предложенные нами рекомендации обеспечат эффективность правовой системы, реализуя принцип индивидуализации ответственности, что благоприятно скажется на работе должностных лиц заказчика, исключая чрезмерное наказание за формальные, не несущие ущерба публичным интересам составы и ужесточая наказание за правонарушения, последствия которых негативно сказываются на общественных интересах.

К вопросу об административной ответственности субъектов предпринимательской деятельности

Гурованова Яна Георгиевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В данной статье рассматривается административная ответственность субъектов предпринимательской деятельности. В работе перечисляются и исследуются основные виды ответственности. Проводится разграничение термина «ответственность» через позитивный социальный подход и понятие юридической ответственности. Анализируется принудительная ликвидация, административное приостановление деятельности, дисквалификация. Автором отмечается необходимость законодательного определения термина «административная ответственность» в КоАП РФ.

Ключевые слова: административная ответственность предпринимателей, предпринимательская деятельность, административное приостановление деятельности, принудительная ликвидация, позитивная социальная ответственность предпринимателей, аннулирование лицензии.

Административная ответственность субъектов предпринимательской деятельности представляет собой важный элемент правового регулирования, обеспечивающий соблюдение законодательства и защиту прав в сфере бизнес-отношений. Административная ответственность заключается в применении административных наказаний (санкций) к виновным индивидуальным и коллективным субъектам. Реализацию данной ответственности осуществляют органы исполнительной власти, их должностные лица, коллегиальные органы и судебные инстанции в соответствии с процессуальными нормами административного права.

Ответственность является необходимым элементом правового статуса субъекта предпринимательства. Кроме того, и в общей теории права, и в

отраслевых юридических науках юридическая ответственность – важная, но не единственная мера (форма) государственного принуждения, так как также существуют и меры предупреждения, и меры защиты, и восстановительные меры. Главная цель установления и применения мер ответственности предпринимателей заключается в защите нарушенных прав отдельных лиц (предпринимателей, потребителей, иных лиц), защите правопорядка в сферах предпринимательской деятельности, обеспечения публичных интересов (общества и государства).

Как указано в исследовании В.Ф. Попондопуло административная ответственность в сфере предпринимательства – это специальная мера ответственности[1]. Однако, законодатель не определяет данный термин и не конкретизирует его признаки, хоть глава 2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ)[2] имеет название «административное правонарушение и административная ответственность». Законодатель подробно останавливается на том, что понимается под должностными лицами, как субъектами административной ответственности в статье 2.4 КоАП РФ, а также раскрывает похожие вопросы для юридических лиц, но не называет сам термин, хоть он и имеет важное значение для применения института на практике.

Например, в настоящее время ответственность в сфере предпринимательства понимается в двух основных значениях:

позитивная социальная ответственность предпринимателей, то есть осознание самим субъектом предпринимательства своего долга, обязанностей по отношению к другим людям, обществу. Сюда относиться осуществление, лицом своих обязанностей, включая и те, которые получили юридическую регламентацию, и те, которые базируются на нравственных принципах (например, корпоративная социальная ответственность);

---

[1] Попондопуло В.Ф. Коммерческое право. М.: Гриф, 2025. С. 147.

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу 19.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

юридическая ответственность – форма государственно-принудительного воздействия на нарушителей норм права, заключающаяся в применении к ним предусмотренных законом санкций, мер ответственности, влекущих для них дополнительные неблагоприятные последствия. В данном случае юридическая ответственность субъектов предпринимательства также обозначается терминами «предпринимательская ответственность», «хозяйственная ответственность».

В КоАП РФ выделено несколько видов административной ответственности.

Выделяется принудительная ликвидация юридического лица (индивидуального предпринимателя), что представляет собой прекращение деятельности субъекта за неоднократные (включая так называемую простую повторность), грубые и виновные нарушения законодательства. Регулируется применение данной меры законодательством о защите конкуренции.

Например, статья 34 Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – ФЗ от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ) устанавливает основания для применения мер, направленных на предотвращение или устранение нарушений антимонопольного законодательства, включая принудительную ликвидацию или реорганизацию юридического лица, а статья 38 ФЗ от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ указывает на возможность применения таких мер в случае злоупотребления доминирующим положением[1]. В свою очередь положения гражданского законодательства, например, статьи 61 ГК РФ описывает процесс ликвидации юридического лица, включая порядок и основания ее осуществления.

Во-вторых, можно выделить административное приостановление деятельности в качестве административного наказания, и заключается во временном прекращении деятельности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица,

[1] Федеральный закон от 26.07.2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.

юридических лиц, их филиалов, представительств, структурных подразделений, производственных участков, а также эксплуатации агрегатов, объектов, зданий или сооружений, осуществления отдельных видов деятельности (работ), оказания услуг. Оно применяется, если существует угроза жизни или здоровью людей, вспышка эпидемии или эпизоотии, загрязнение карантинных объектов, радиационная авария, техногенная катастрофа, значительный ущерб окружающей среде, а также при совершении административных правонарушений, связанных с оборотом наркотических средств, психотропных веществ.

Административное приостановление деятельности назначается лишь в случаях, предусмотренных статьями Особенной части КоАП РФ, когда менее строгие меры наказания не могут достичь цели, а кроме того, выбор такого наказания должен быть обоснован в постановлении по делу.

В-третьих, можно выделить административное приостановление или аннулирование лицензии, что определено в рамках статьи 20 Федеральный закон от 4 мая 2011 года № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»[1]. Лицензирующий орган приостанавливает действие лицензии за неисполнение предписания об устранении грубых нарушений, назначение административного приостановления деятельности, отсутствие заявления о периодическом подтверждении соответствия, невыполнение требований по устранению нарушений, невозможность проведения проверок. Действие лицензии может быть приостановлено частично или полностью, в зависимости от места осуществления деятельности.

Приостановление действия лицензии на срок исполнения предписания или административного наказания, как правило, на срок от трех до пяти месяцев за отсутствие заявления о периодическом подтверждении соответствия. Приостановление на срок до шестидесяти дней за невыполнение

[1] Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (в ред. от 23.05.2025) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.

требований по устранению нарушений, с возможностью продления на шестьдесят дней.

Аннулирование лицензии возможно по решению суда или лицензирующего органа за грубые и систематические нарушения лицензионных требований. Аннулирование также возможно за предоставление ложных сведений при получении лицензии, за использование лицензии в целях, не предусмотренных законодательством, и за другие нарушения.

В-четвертых, дисквалификация является одной из мер административного воздействия и заключается в лишении физического лица права замещать должности на государственной и муниципальной службе, занимать должности в органах управления юридических лиц, осуществлять предпринимательскую деятельность и другие виды деятельности, предусмотренные законодательством. Административное наказание в виде дисквалификации назначается судьей и устанавливается на срок от шести месяцев до трех лет.

Таким образом, ответственность в сфере предпринимательства представляет собой комплекс мер государственного воздействия, предусмотренных правовыми нормами и приводящих к негативным последствиям для предпринимателя, таким как лишение прав. Эти меры применяются в случае нарушения предпринимателем правопорядка или законных прав и интересов других лиц в ходе его деятельности. Обычно ответственность наступает при наличии нескольких юридических фактов, без которых невозможно привлечь к ответственности.

Считаем, что необходимо законодательно определить термин «административная ответственность» и закрепить его в статье 2.4 КоАП РФ: «под административной ответственностью следует понимать разновидность юридической ответственности, выражающеюся в претерпевании лицами, признанными виновными в совершении административного правонарушения, негативных последствий путем применения к ним соответствующих мер, перечисленных в законодательстве».

Цифровизация административного процесса: эффективность и эволюция государственных и муниципальных услуг.

Двойнина Дарья Антоновна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Емельянов Роман Сергеевич,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Настоящая статья дает оценку текущего положения цифровых решений в отрасли административного права, выявления направлений их дальнейшего развития, анализа текущего этапа цифровизации. Изучается роль Единого портала государственных услуг по состоянию на 2026 год в Российской Федерации. В работе приводятся актуальные отчеты по мониторингу от Министерства экономического развития и Федеральной службы государственной статистики. Особое внимание уделяется проведению анализа по вышеперечисленным данным, выявлению проблем и предложению путей к их разрешению. Авторами изучена ответственность по цифровизации предоставляемых государством услуг в КоАП РФ.

Ключевые слова: цифровизация, государственное управление, государственные и муниципальные услуги, Единый портал государственных услуг, мониторинг, Росстат.

Актуальность темы связана с повышением эффективности Единого портала государственных услуг (ЕПГУ) путём перехода бюрократических процессов в онлайн режим, снижением затрат, а также с расширением их возможностей путём использования искусственного интеллекта. Федеральным законом от 31 июля 2025 года №304-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»[1] предусмотрены изменения, направленные на

[1] Федеральный закон от 31.07.2025 № 304-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 31. Ст. 4658.

ускорение предоставления государственных услуг, связанных с лицензированием и выдачей разрешений. Внедрена возможность электронного обращения за востребованными бизнесом государственными услугами через ЕПГУ, а также реализован реестровый подход к управлению услугами и обеспечена выдача результатов их предоставления в виде электронных документов. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 года № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» [1]подчеркивает критическую важность в «обеспечении свободного, устойчивого, безопасного информационного взаимодействия между органами государственной власти РФ, гражданами и бизнесом, а также технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры», что является целью стратегического направления. Это распоряжение служит стимулом для активизации научных изысканий, направленных на поиск инновационных решений и разработку практических рекомендаций. Тем не менее, интеграция современных цифровых решений предполагает необходимость тщательного анализа потенциальных рисков и оценки достигаемого эффекта.

В настоящей работе проведен анализ практики применения нормативно правовых актов, регулирующих процесс цифровизации административного процесса в экономическом и социально-культурном блоках управления в России за периоды 2024, 2025 годы, что заложило теоретико-правовую основу текущей исследуемой темы[2].

Таблица 1. Результаты мониторинга электронных государственных услуг за 2025 год.

Показатели	I	II	III	IV

[1] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.03.2024 № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» // Собрание законодательства РФ. 2024. №13. Ст. 1837.

[2] См.: Скипин Д.Л., Кольцова Т.А., Шарыгина А.В. Система электронных государственных услуг населению: состояние и развитие // Агропродовольственная политика России, 2025. № 1 (114). С. 11-13.

	квартал[1]	квартал[2]	квартал[3]	квартал[4]
Количество запросов, принятых уполномоченными органами	58,7%	54%	58,2%	62%
Количество зарегистрированных запросов	50%	46%	46,8%	51%
Оценка качества предоставляемых услуг	4,44б	4,49б	4,48б	4,4б

На основании регулярного мониторинга качества предоставления государственных и муниципальных услуг, проведённого Минэкономразвития России в 2025 году из Таблицы 1 следует, что по сравнению с I кварталом 2025 года, где количество принятых и зарегистрированных запросов равнялось соответственно 58,7% и 50%, в IV квартале того же года количество принятых и зарегистрированных запросов равнялось 62% и 51% соответственно. При этом качество предоставляемых услуг снизилось на 0,04 балла, до 4,4.

[1] Мониторинг качества предоставления государственных и муниципальных услуг за 1 квартал 2025 года // Министерство экономического развития Российской Федерации: сайт. - URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/acf323aac7f58d466a4e5bad56123 (дата обращения: 06.03.2025).

[2] Мониторинг качества предоставления государственных и муниципальных услуг за 2 квартал 2025 года // Министерство экономического развития Российской Федерации: сайт. - URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/811ca48b4259b04b23827195e42bd (дата обращения: 06.03.2025).

[3] Мониторинг качества предоставления государственных и муниципальных услуг за 3 квартал 2025 года // Министерство экономического развития Российской Федерации: сайт. - URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/e2c0ce759e92305b749c508e8 (дата обращения: 06.03.2025).

[4] Мониторинг качества предоставления государственных и муниципальных услуг за 4 квартал 2025 года // Министерство экономического развития Российской Федерации: сайт. - URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/f095d3eebc03040030ee40 (дата обращения: 06.03.2025).

Полагаем, чем выше качество услуг, тем меньше запросов принимается и регистрируется.

По данным Росстата, представленным в Таблице 2, доля населения, использовавшего Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, в общей численности населения в 2025 году увеличилась на 3,3% по сравнению с 2024 годом, а доля населения, использовавшего Интернет для получения государственных и муниципальных услуг в общей численности населения, получавшего государственные и муниципальные услуги увеличилась на 2,9% за тот же промежуток времени, что может быть связано с разработкой онлайн-платформ, внедрением мобильных приложений для получения услуг, возможностью получать услуги без посещения государственных органов и с уменьшением бюрократии и сокращением очередей[1].

Таблица 2. Доля населения, получающая государственные и муниципальные услуги в электронном формате в 2024-2025 гг.

№	Наименование показателя	Единица измерения	2024г.	2025г.
2.6.11	Доля населения, использовавшего Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, в общей численности населения	процент	77,3	80,6
2.6.12	Доля населения, использовавшего Интернет для получения	процент	89,6	92,5

[1] Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики: сайт. - URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity (дата обращения: 06.03.2025).

	государственных и муниципальных услуг в общей численности населения, получавшего государственные и муниципальные услуги			

Данные показатели свидетельствуют о широкой востребованности интернет-ресурсов среди граждан для оформления государственных и муниципальных услуг.

Однако возникает важный вопрос: как увеличить число принимаемых и регистрируемых обращений уполномоченными органами, не ущемляя при этом оценку качества предоставляемых услуг? Предлагаем следующие пути решения:

1) Для оптимизации процессов следует внедрить электронные системы управления очередностью и автоматизированные платформы для обработки обращений, функционирующие по принципам реестровой модели, работа которой заключается во внесении записи в реестр для передачи информации между ведомствами вместо выдачи справок в привычном виде, что можно назвать юридически значимым электронным документооборотом (ЭДО).

2) Использование «предзаполненных заявлений», то есть актуализация проактивного (беззаявительного) формата, о котором упоминается авторами в статье про экономическую сферу[1].

3) Исключение концепции «бумеранга», при которой запрос, направленный, к примеру, в районную прокуратуру, перенаправляется в администрацию города. Важнейшим шагом является изменение формулировок в административных регламентах и на платформах по типу «Надзор-Web». Вместо привычного «направить запрос в…» следует использовать выражение

[1] См.: Гулькова Е.Л, Карп М.В, Типалина М.В Развитие проактивного режима предоставления налоговых вычетов по налогу на доходы физических лиц // Вестник университета, 2024. № 3. С. 152.

«получить сведения из…», подразумевающее использование системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), что акцентирует внимание на получении необходимой информации, а не на инициации нового обращения, которое может быть перенаправлено.

Чтобы эти инициативы были реализованы на практике, необходимо создать соответствующие правовые стимулы и гарантии. Одним из ключевых инструментов здесь выступает Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), который устанавливает ответственность за нарушения в различных сферах, в том числе и за несоблюдение порядка предоставления государственных и муниципальных услуг, а также за ненадлежащее межведомственное взаимодействие.

Предлагаем внести в КоАП РФ изменения. Это может выражаться в следующих составах административных правонарушений:

Статья 5.63.1 КоАП РФ. Нарушение требований о предоставлении информации и документов в рамках межведомственного электронного взаимодействия.

Статья 19.8.2 КоАП РФ (дополнение). Непредставление сведений или представление недостоверных сведений в государственные информационные системы и реестры.

Статья 5.63 КоАП РФ (дополнение). Нарушение порядка предоставления государственной или муниципальной услуги.

Статья 5.59 КоАП РФ (дополнение). Нарушение порядка рассмотрения обращений граждан.

Предложенные изменения в КоАП РФ направлены на создание системы сдержек, которая сделает новые, более эффективные способы работы не просто возможными, а безальтернативно выгодными и безопасными для должностных лиц, увеличит число принимаемых и регистрируемых обращений уполномоченными органами, не ущемляя при этом оценку качества предоставляемых услуг.

Судебное представительство в административном судопроизводстве

Еремина Елизавета Павловна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Данная статья посвящена анализу практических проблем судебного представительства по административным делам в России. С принятием Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в 2015 году возникли новые требования и ограничения к судебным представителям, что привело к ряду правовых коллизий и затруднений в практическом применении. Основное внимание в статье уделено вопросам обязательного представительства, профессионализации адвокатов в роли представителей, а также финансовым и правовым барьерам, с которыми сталкиваются граждане в административных процессах. Проанализированы ключевые противоречия в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации, ограничивающие доступ к правосудию для социально незащищенных категорий граждан. Сделан вывод о необходимости сбалансированного подхода к регулированию судебного представительства, который обеспечит соблюдение конституционного права на судебную защиту.

Ключевые слова: административное судопроизводство, судебное представительство, административные дела, судебная защита, представитель, доступность правосудия.

С развитием административного судопроизводства в Российской Федерации значимость института судебного представительства в административных делах значительно возросла. Введение Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в 2015 году привело к новым требованиям и условиям для представителей в административном судопроизводстве, что обусловило появление как теоретических, так и практических проблем. Одна из главных особенностей — обязательное участие представителя в ряде административных дел, что не

редко ведет к неравенству между участниками процесса. Вопрос о доступности квалифицированного представительства для всех граждан является центральным в спорах об административном правосудии. Исследование данной проблемы становится еще более актуальным, учитывая, что основное бремя обеспечения представительства ложится на самих участников процесса, а не на государство, что создает сложности для социально незащищенных категорий населения.

Согласно Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации, представителями в административных делах могут быть адвокаты и иные лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности[1]. Это требование вызывает ряд споров среди специалистов, поскольку оно ограничивает круг лиц, имеющих право представлять интересы участников административного процесса, что, по мнению С.С. Казихановой, фактически ограничивает доступ граждан к правосудию[2]. Критика данного положения сводится к тому, что требование о наличии юридического образования у представителей может ограничивать возможность граждан реализовать свое право на судебную защиту, что противоречит конституционному принципу доступности правосудия, закрепленному в статье 46 Конституции РФ. На мой взгляд, высшее юридическое образование далеко не всегда служит гарантией квалифицированной помощи. В некоторых случаях для этих целей может оказаться более подходящим специалист. Проблема в том, что одних лишь формальных квалификаций недостаточно для гарантии наличия практических навыков и глубоких знаний, необходимых для успешного представительства в суде. Решение этой проблемы, направленное на повышение реальной доступности правосудия и усиление защиты прав граждан, заключается в

---

[1] Кодекс административного судопроизводства РФ от 08.03.2015 № 21-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

[2] См.: Казиханова С.С. Опасные новеллы института представительства по Кодексу административного судопроизводства РФ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 5. С. 22.

пересмотре текущих критериев допуска к представительству в административных делах. Приоритет должен быть отдан оценке профессиональных качеств и практического опыта, а не только формальным признакам[3].

В рамках Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации наблюдается нормативное противоречие, создающее сложности в реализации института представительства. Согласно части 2 статьи 54 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, защита прав недееспособных граждан возлагается на их законных представителей, к которым относятся родители, усыновители или опекуны. Однако часть 1 статьи 55 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации требует от всех представителей в административном процессе наличия высшего юридического образования. Данное расхождение порождает ситуацию, при которой законные представители, не обладающие соответствующей квалификацией, фактически лишены возможности представлять интересы недееспособных граждан в суде.

В контексте практических вопросов судебного представительства по административным делам, ключевым является вопрос профессионализма представителей. Адвокаты, благодаря своей подготовке и обязанности соблюдать стандарты адвокатской этики, обеспечивают более качественную защиту. Однако, несмотря на очевидные преимущества такого квалифицированного представительства, законодательные требования к участию адвокатов в административных процессах остаются ограниченными. Это приводит к тому, что выбор представителей часто осуществляется без учета их квалификации и опыта, снижая общую эффективность судебной защиты.

Тема повышения профессионализма в сфере представительства неоднократно затрагивалась в контексте дискуссий об «адвокатской

---

[3] См.: Туманова Л.В. Некоторые вопросы представительства в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 3. С. 31.

монополии», концепции, согласно которой исключительное право на осуществление представительства в суде принадлежит адвокатам. Несмотря на некоторые положительные стороны такого подхода, данная идея противоречит некоторым положениям Конституции РФ, например, ограничивает право гражданина самостоятельно определять способ защиты своих прав и выбирать представителя, исходя из наличия специальных знаний, стажа, опыта и иных критериев.

Отсутствие финансовой поддержки для профессионального представительства порождает еще одну значимую проблему. В ряде случаев, например, при оспаривании нормативных правовых актов, закон требует участия представителя. Однако, поскольку расходы на адвоката зачастую возлагаются на заявителя, это создает существенное препятствие для малообеспеченных граждан. А.Д. Мошонкин отмечает, что в России не сформирована эффективная система предоставления бесплатной юридической помощи по административным делам, и эта проблема особенно остро проявляется в удаленных регионах страны[4].

Для разрешения указанных проблем предлагаются различные подходы. Один из возможных вариантов — законодательное закрепление права на бесплатное представительство в случаях, когда участие представителя является обязательным. Такой подход позволил бы снизить финансовое бремя на заявителей и обеспечить равные условия для всех участников административного процесса. Также необходимо устранить противоречия между статьями 54 и 55 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Важно предусмотреть возможность участия законных представителей недееспособных граждан в административном процессе без требования наличия у них юридического образования, что позволит им эффективно защищать интересы своих подопечных.

Судебное представительство по административным делам в России

---

[4] См.: Мошонкин А.Д. Практические проблемы судебного представительства по административным делам // Научный журнал. 2018. № 4 (27). С. 94.

сталкивается с многочисленными практическими проблемами, связанными с ограничениями в выборе представителей, финансовыми барьерами и коллизиями в законодательстве. Введение обязательного представительства в административном судопроизводстве имеет двойственный характер. Оно повышает качество административного судопроизводства, но при этом создает финансовый барьер для заявителей, снижая тем самым доступность правосудия. Для исправления ситуации требуется комплексный подход, который объединит законодательные инициативы, программы финансовой и информационной поддержки граждан. Только так можно будет построить более справедливую и открытую систему административного судопроизводства, обеспечивающую равные возможности для защиты своих прав всем гражданам.

Административная ответственность за неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции (статья 19.3 КоАП РФ)

Зиятдинова Виктория Салаватовна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Насырова Виолетта Альбертовна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей работе представлен анализ административной ответственности за нарушение требований статьи 19.3 КоАП РФ, касающейся неповиновения законным распоряжениям сотрудников полиции. Исследуется правовая природа данного правонарушения, его связь с компетенцией полиции, а также круг лиц, на которых распространяется ответственность, и конкретные формы противоправного поведения (неподчинение и создание препятствий). Особое внимание уделяется проблемным аспектам квалификации, в частности, оценке законности требований полицейских. На основе изучения судебной практики выявляются нюансы назначения наказаний и особенности квалифицированного состава (ч. 6 ст. 19.3 КоАП РФ). Результаты исследования направлены на совершенствование правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: неповиновение законному требованию сотрудника полиции, воспрепятствование, законное распоряжение сотрудника полиции,

Согласно пунктам 3 и 4 статьи 30 Федерального закона от 7 февраля 2011 года «О полиции» № 3-ФЗ [1], касающегося деятельности полиции, законные требования представителей органов власти должны неукоснительно соблюдаться всеми лицами.

Положения статьи 30 (части 3 и 4) Закона «О полиции» гласят, что законные требования представителей правоохранительных органов

[1] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

обязательны для исполнения всеми. Отказ граждан или должностных лиц от выполнения указанных требований, если это нарушает права сотрудников полиции (определенные статьей 13 данного Закона) и не подпадает под иные специальные нормы Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, признается административным правонарушением, предусмотренным частью 1 статьи 19.3 КоАП РФ.

Правомерность такого требования со стороны сотрудника полиции обусловлена наличием у него законных оснований, закрепленных в статье 13 Федерального закона «О полиции». Эти основания могут включать, в частности, ситуации, когда необходимо проверить документы, доставить гражданина, либо оцеплять определенную территорию.

Невыполнение законных указаний сотрудников полиции подразумевает собой абсолютное или частичное пренебрежение служебными предписаниями или просьбами представителей правопорядка, совершение поступков, идущих вразрез с ними, или продолжение пассивного поведения[2].

В доктрине административного права принято различать два вида неповиновения:

- Активное неповиновение, выражающееся в совершении действий, направленных на воспрепятствование законной деятельности сотрудника полиции (например, физическое сопротивление, попытка скрыться).
- Пассивное неповиновение, которое заключается в отказе от совершения требуемых действий или в бездействии, несмотря на неоднократные законные требования (как в примере ниже).

Согласно части 1 статьи 19.3 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, к административной ответственности за невыполнение законных распоряжений сотрудника правоохранительных органов могут быть привлечены следующие категории

[2] См.: Гусев В.А. Привлечение к административной ответственности за неповиновение законному распоряжению или требованию оперативного сотрудника полиции при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. № 4 (91). С. 3.

лиц:

- Общий субъект — граждане. Любой человек, достигший шестнадцатилетнего возраста и находящийся в здравом уме, относится к этой категории.
- Специальные субъекты — должностные лица.
- Специальные субъекты — лица, проходящие военную службу, а также граждане, призванные на учебные сборы.

В теории административного права, а также в правоприменительной практике, различают две основные формы неподчинения:

- Пассивное неповиновение — выражается в уклонении от выполнения законного требования, когда лицо, осознавая его правомерность, намеренно воздерживается от каких-либо действий.
- Активное неповиновение — заключается в совершении действий, которые прямо противоречат законным распоряжениям или требованиям представителя власти.

Важно отличать воспрепятствование и неповиновение как отдельные правонарушения. Неповиновение выражается в явном отказе выполнить законное требование, в то время как воспрепятствование подразумевает любые действия, которые мешают должностному лицу в выполнении его служебных обязанностей, независимо от того, было ли выдвинуто конкретное требование или нет.

Отрицательное воздействие может проявляться в таких видах:

- Физическое воспрепятствование выражается в формировании искусственных преград, препятствующих беспрепятственному доступу сотрудников правоохранительных органов на объект, в помещение или к месту происшествия. Примерами таких действий являются блокирование входных групп или перекрытие транспортных путей.
- Информационное воспрепятствование – отказ в предоставлении документов или сведений, необходимых для выполнения служебных задач

- Психологическое воздействие – угрозы или запугивание сотрудника полиции

Для привлечения к административной ответственности по данной статье обязательным требованием является соответствие распоряжения должностного лица нормам права. Так как указанная статья не содержит определения термина «законное распоряжение», возникает потребность в обращении к другим правовым актам. Поэтому, для точной правовой квалификации следует опираться на положения Федерального закона «О полиции»[3], а также принимать во внимание устоявшуюся судебную практику, которая уточняет порядок применения этих положений.

Рассмотрим реальный пример практики судебных разбирательств. Проанализируем прецедент, исследованный Высшей судебной инстанцией России в январе 2026 года[4]. Гражданка М. была признана виновной в совершении административного проступка, предусмотренного первой частью статьи 19.3 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. Основанием послужило её категорическое нежелание предъявить личные документы и проследовать в полицейский участок для предоставления свидетельских показаний касательно административного дела, связанного с иным лицом. Суд первой инстанции и вышестоящий кассационный суд пришли к выводу о наличии в действиях М. состава административного правонарушения, применив санкцию в форме ареста на двое суток. Российский Верховный суд, подтверждая обоснованность предыдущих судебных актов, основывался на совокупности правовых положений, которые дали основание признать действия представителей правопорядка законными. В первую очередь, суд определил, что сотрудники полиции обладали всеми необходимыми полномочиями, которые регламентированы Федеральным законом «О полиции». К таким полномочиям относятся: обязанность полиции

[3] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

[4] Постановление Верховного Суда РФ от 12.01.2026 по делу № 4-АД25-36-К1 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 11.02.2026).

по выявлению и пресечению административных правонарушений, ведению соответствующих производств, а также обеспечению общественной безопасности. Во-вторых, суд подтвердил право сотрудников полиции требовать от граждан прекращения противоправных действий и вызывать их для уточнения обстоятельств, получения объяснений и истребования документов.

Среди признаков законных действий сотрудников полиции выделяются следующие: соответствие полномочий должностным обязанностям, определенным в статье 12 Федерального закона «О полиции», а также правомерное использование прав, установленных статьей 13 этого же закона. Важно, чтобы законные требования имели общеобязательный характер для граждан, а их исполнение осуществлялось в рамках установленных процессуальных норм. Кроме того, распоряжения полиции должны быть направлены на поддержание общественного порядка, и адресованы лицам, способным их выполнить.

Анализ действующего правового регулирования ответственности за неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции выявляет дисбаланс в подходе законодателя к установлению санкций за повторное совершение данного деяния. В соответствии с Кодексом об административных нарушениях РФ – повторное совершение административного правонарушения, связанного с неповиновением работнику полиции, если оно совершено организатором или участником публичного мероприятия в связи с проведением указанного мероприятия предусмотрены следующие меры: для граждан – штраф от 10000 до 20000 рублей, либо административный арест до 30 суток, либо обязательные работы от 100 до 200 часов; для должностных лиц – штраф от 20000 до 40000 рублей; для юридических лиц – штраф от 70000 до 200000 рублей. Из содержания приведённой нормы следует, что законодатель признает повышенную общественную опасность повторного неповиновения, устанавливая за него более строгие санкции, однако, ограничивает применение ответственности специальным субъектным составом. Это лишь способствует

формированию у отдельных лиц представления о вседозволенности, но систематическое пренебрежение законными требованиями полиции в иных ситуациях обладает не меньшей общественной опасностью и свидетельствует о сформировавшейся антиправовой установке личности.

Считаем, что для более эффективной реализации положений статьи 19.3 КоАП РФ целесообразно предусмотреть повышенную ответственность за повторное нарушение закона для всех без исключения лиц. Это позволит уравнять всех перед законом, исключив возможность избирательного применения, и распространить режим повышенной ответственности на тех, кто систематически демонстрирует пренебрежение к установленным правилам. Внедрение такой меры будет способствовать укреплению правопорядка и снижению числа рецидивных нарушений. Предлагаемая мера, безусловно, направлена на достижение справедливого и неотвратимого правосудия. Отмена дифференциации ответственности за повторные нарушения, основанной на субъективных факторах, устраняет лазейки для потенциальных злоупотреблений и укрепляет доверие граждан к правовой системе.

Антикоррупционные стандарты и механизмы их соблюдения на государственной службе: современное состояние и тенденции развития

Кубдашев Нурдаулет Мусагалиевич,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Статья рассматривает антикоррупционную политику России, ее правовые основы и меры противодействия коррупции. Особое внимание уделяется стандартам поведения госслужащих. Анализируется контроль доходов и расходов должностных лиц. Освещаются цифровые направления, цифровизация и усиление ответственности должностных лиц.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика, система Посейдон, конфликт интересов, антикоррупционные стандарты, цифровизация, меры противодействия коррупции.

Антикоррупционная политика государства является важнейшим направлением развития современной системы публичного управления в Российской Федерации. В условиях формирования правового государства и укрепления принципов законности особое значение приобретает создание эффективных антикоррупционных стандартов и механизмов их соблюдения на государственной службе.

Коррупция подрывает доверие общества к государственным институтам, снижает эффективность государственного управления и препятствует социально-экономическому развитию страны[1]. В связи с этим государственная политика направлена на формирование комплексной системы правовых, организационных и институциональных мер, обеспечивающих предупреждение, выявление и пресечение коррупционных правонарушений.

Основой правового регулирования данной сферы выступают Конституция Российской Федерации, федеральные законы, указы Президента

[1] См.: Гагарина М.В. Влияние коррупции на экономическую безопасность страны / М.В. Гагарина // Уголовно-правовые науки. 2024. № 2(2). Т. 1. С. 100.

Российской Федерации и иные нормативные правовые акты. Ключевым актом является Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[2], который закрепляет основные принципы государственной политики в данной сфере, определяет понятие коррупции, устанавливает систему мер профилактики.

Согласно данному закону, коррупция представляет собой злоупотребление должностным положением, получение взятки, дачу взятки, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды.

Противодействие коррупции рассматривается как деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и иных субъектов по предупреждению, выявлению и пресечению коррупционных правонарушений, а также устранению причин и условий, способствующих их совершению.

Стандарт антикоррупционного поведения – это совокупность, законодательно установленных правил, выраженных в виде запретов, требований, следование которым предполагает формирование у государственных служащих устойчивое антикоррупционное поведение[3].

Они формируют нормативную модель поведения государственных служащих, ориентированную на соблюдение принципов законности, добросовестности, открытости и ответственности при исполнении служебных обязанностей.

Правовое регулирование антикоррупционных стандартов на государственной службе осуществляется прежде всего Федеральным законом от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», который устанавливает требования к служебному

---

[2] Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1) Ст. 6228.

[3] Стандарты антикоррупционного поведения государственного служащего. URL: https://горнобалыклей34.рф/стандарты-антикоррупционного-поведе/ (дата обращения: 12.03.2026)

поведению государственных служащих, ограничения и запреты, связанные с прохождением службы, а также меры ответственности за их нарушение[4]. В частности, законодательством предусмотрены специальные дисциплинарные взыскания за несоблюдение ограничений, запретов и требований по предотвращению или урегулированию конфликта интересов.

Такие меры направлены на обеспечение неотвратимости ответственности и повышение эффективности контроля за деятельностью государственных служащих.

Одним из ключевых элементов антикоррупционных стандартов является система ограничений и запретов, установленных для государственных служащих. Эти ограничения направлены на исключение ситуаций, при которых личные интересы служащего могут повлиять на объективность и беспристрастность принимаемых решений.

Кроме того, законодательством предусмотрена обязанность государственных служащих предоставлять сведения о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, как собственных, так и членов их семьи.

Важное значение в системе антикоррупционных стандартов имеет институт конфликта интересов. Под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность государственного служащего может повлиять на объективное исполнение им должностных обязанностей.

Существенным элементом антикоррупционного регулирования является механизм декларирования доходов и расходов. В соответствии с законодательством государственные служащие обязаны ежегодно представлять сведения о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера.

Этот механизм направлен на обеспечение прозрачности имущественного положения должностных лиц и предотвращение незаконного обогащения. Одновременно законодательство предусматривает проведение проверок

[4] Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

достоверности представленных сведений.

С 1 января 2026 года в России введена государственная информационная система «Посейдон», которая заменила ежегодное декларирование доходов и имущества госслужащих на постоянный цифровой мониторинг. Основная цель системы – усиление контроля за финансовыми операциями чиновников и предотвращение коррупции за счёт автоматизированного анализа данных в реальном времени.

«Посейдон» работает на основе интеграции с ключевыми государственными базами данных, включая сведения Федеральной налоговой службы о доходах и налогах, данные Росреестра о недвижимости и сделках, информацию ГИБДД и Росавиации о транспортных средствах, а также данные Росфинмониторинга о подозрительных финансовых операциях и других ведомств. Благодаря этому система непрерывно отслеживает изменения в имущественном и финансовом положении госслужащего, его супруга и несовершеннолетних детей, сопоставляет крупные расходы с доходами за предыдущие три года и выявляет потенциальные коррупционные риски и связи. При обнаружении несоответствий, например при покупке актива, значительно превышающего легальные доходы, автоматически формируется сигнал для проверки контролирующими органами.

Несмотря на переход к цифровому контролю, обязанность подачи деклараций сохраняется в ряде случаев: при поступлении на государственную или муниципальную службу, назначении на определённые должности, переводе между органами, включении в кадровый резерв. Дополнительно это касается руководителей государственных и муниципальных учреждений при возникновении оснований, предусмотренных Федеральным законом от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»[5].

Нарушения, связанные с предоставлением неполных или недостоверных данных, могут повлечь дисциплинарные меры вплоть до увольнения. Если

[5] Российская газета. 2012. 5 декабря. № 280 (5953).

система выявляет несоответствие доходов и расходов, материалы передаются в правоохранительные органы, а при доказанном коррупционном происхождении средств применяется конфискация незаконно нажитого имущества.

Среди дополнительных изменений – отказ от публикации деклараций в открытом доступе: теперь данные обрабатываются конфиденциально внутри системы государственного контроля. Также расширен круг лиц, подпадающих под контроль, включая руководителей учреждений социальной сферы, а антикоррупционные подразделения обязаны регулярно анализировать поступающую информацию.

Важным направлением развития антикоррупционной политики в России является формирование системы стратегического планирования в данной сфере. Значительную роль играют национальные планы противодействия коррупции, утверждаемые указами Президента Российской Федерации. Например, Указ Президента РФ от 16 августа 2021 года № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 – 2024 годы»[6], Указ Президента Российской Федерации от 6 октября 2025 года № 709 «О дополнительных мерах по противодействию коррупции»[7].

Эти документы определяют приоритетные направления государственной политики, включая совершенствование правового регулирования, повышение прозрачности деятельности органов государственной власти, развитие механизмов общественного контроля и внедрение современных технологий в сфере государственного управления.

Современные тенденции развития антикоррупционных стандартов в Российской Федерации связаны с цифровизацией государственного управления, расширением механизмов общественного контроля и повышением прозрачности деятельности органов власти.

---

[6] Официальный интернет-портал правовой информации // URL: publication. pravo.gov.ru (дата обращения: 10.02.2026).

[7] Указ Президента Российской Федерации от 06.10.2025 года № 709 «О дополнительных мерах по противодействию коррупции» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.02.2026).

Значительное внимание уделяется формированию антикоррупционной культуры и развитию антикоррупционного образования. В образовательных учреждениях внедряются специальные программы и курсы, направленные на формирование у граждан негативного отношения к коррупционному поведению.

К числу таких программ можно отнести:

1. Программа учебного курса «Противодействие коррупции» для 10–11 классов[8], цель которой заключается в ознакомлении учащихся с особенностями коррупции как социального, экономического и политического явления, способа борьбы с ней.

2. Программа «Коррупция и основные элементы противодействия ей» для учащихся 8–9 классов[9]. Цель – повысить правовую грамотность учащихся в сфере антикоррупционного законодательства, сформировать антикоррупционный стандарт поведения.

Важную роль играет и информационно-просветительская деятельность государственных органов, направленная на повышение правовой грамотности населения и стимулирование участия граждан в борьбе с коррупцией.

Развитие института конфликта интересов предполагает комплексное совершенствование механизмов его выявления и предотвращения. В частности, целесообразно внедрить автоматизированные сценарии, позволяющие обнаруживать потенциальные конфликты интересов на основе анализа должностных обязанностей и сведений о близких родственниках.

Кроме того, необходимо расширить круг лиц, обязанных уведомлять о возникновении личной заинтересованности, включив в него руководителей государственных учреждений – таких как больницы, школы и ВУЗы, – на которых с 2026 года распространяется контроль за расходами.

---

[8] Рабочая программа к учебному курсу «Противодействие коррупции». URL: https://педпроект.рф/edu-10-2023-pb-130173/ (дата обращения: 13.03.2026).

[9] Министерство просвещения Российской Федерации. URL: https://gimn-imnadkina-sayansk-r138.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/33/44/8_9_klass_vneurochka_Korruptsiya_2023.pdf (дата обращения: 13.03.2026).

Предлагается усилить административную ответственность в сфере контроля за соблюдением антикоррупционных ограничений. Целесообразно дополнить статью 19.29 КоАП РФ (незаконное привлечение к трудовой деятельности бывшего государственного служащего) положением об автоматической фиксации таких нарушений посредством системы межведомственного электронного взаимодействия, что позволит выявлять их без необходимости проведения проверок.

Следует установить ответственность должностных лиц за несвоевременное внесение сведений в ГИС «Посейдон», обеспечив тем самым актуальность и достоверность данных, используемых для контроля.

Интеграция участников специальной военной операции в систему государственной службы: перспективы, проблемы и пути их решения

Кузнецова Анна Александровна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматривается процесс интеграции участников специальной военной операции в систему государственной службы. Анализируются личностные качества ветеранов боевых действий. Исследуются перспективы эффективного использования потенциала участников специальной военной операции на государственной службе. Выделяются ключевые вопросы адаптации при трудоустройстве данной категории населения. Предлагаются меры по преодолению трудностей при приёме на государственную службу.

Ключевые слова: участник специальной военной операции, государственная служба, вопросы адаптации ветеранов СВО, личностные качества, навыки и умения участников СВО.

Возвращение участников специальной военной операции к мирной социально-экономической реальности сопряжено с комплексом вызовов, ключевым из которых является сложность психологической и профессиональной адаптации после участия в боевых действиях. В то же время специфика военной службы в экстремальных условиях формирует у данной категории граждан уникальный набор компетенций, включающий высокую стрессоустойчивость, безусловную дисциплину и способность к оперативному принятию решений в условиях жесткого дефицита времени. Именно эти качества представляют собой значимый ресурс для системы государственной службы, где эффективность управления нередко определяется устойчивостью к внешним воздействиям и точностью исполнения поставленных задач.

Определяя перспективы интеграции участников специальной военной операции в систему государственной службы, целесообразно выделить те навыки, качества и умения, приобретаемые военнослужащими в период участия

в военных действиях. В их числе опыт принятия решений в экстремальных условиях – это способность оперативно реагировать на сложные ситуации, оценивать риски и принимать тактически важные решения. В условиях многозадачности государственного служащего данный навык приобретает особую значимость. Для военной службы характерен строгий уставной порядок и приоритет исполнительности, что формирует у военнослужащих чувство ответственности перед руководством и обществом[1]. При переходе в гражданские органы власти эта дисциплинированность может содействовать повышению исполнительской дисциплины, улучшению качества документооборота и соблюдению правовых норм.

Организаторские способности позволяют грамотно управлять коллективами, координировать совместные действия и четко исполнять поставленные задачи. Стоит отметить, что участник СВО обладает способностью работать в условиях нестабильности, находить эффективные решения для сложных ситуаций.

Патриотическая мотивация – преданность интересам государства, готовность к защите национальных интересов, самопожертвованию, укреплению государственности, действуя во благо России[2]. Критически важным качеством для государственных служащих, особенно работающих в высоконапряженных условиях, является стрессоустойчивость. Участники СВО, имеющие опыт боевых действий и службы в экстремальных условиях, в большинстве случаев демонстрируют высокий уровень самообладания и способность управлять собственным психологическим состоянием[3].

Однако важно заметить, трудоустройство на государственную службу

---

[1] См.: Чернышов А.А. Формирование управленческих компетенций ветеранов боевых действий при их интеграции в сферу госуправления // Управление персоналом в государственной службе. 2023. № 2. С. 39.

[2] См.: Иванов И.И. Политический потенциал ветеранов: опыт и перспективы // Политические исследования. 2023. № 4. С. 26.

[3] См., например: Сикорская Д.М. Кадровый потенциал участников специальной военной операции в системе государственного управления // Постсоветский материк. 2025. № 3(47) URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovyy-potentsial-uchastnikov-spetsialnoy (дата обращения: 22.03.2026).

участника военных действий предполагает некоторые трудности при его адаптации к новой работе.

Ключевой проблемой является несоответствие военных компетенций требованиям гражданских должностей. Военный опыт часто не включает навыки, необходимые для административной работы, что создаёт разрыв между квалификацией и реальными обязанностями. В результате ветераны боевых действий сталкиваются с трудностями при прохождении конкурсных процедур и оценке профессиональной пригодности[4].

Нельзя не отметить сравнительно невысокий уровень заработной платы государственного служащего по сравнению с тем денежным содержанием, которое бойцы получали в период участия в военных действиях.

Ещё одно серьёзное препятствие — это бюрократические проволочки, с которыми сталкиваются участники СВО, когда пытаются подтвердить свой льготный статус. Процедуры, связанные со сверкой документов для получения льгот при трудоустройстве на госслужбу, часто затягиваются и излишне усложнены. Всё это из-за того, что между ведомствами до сих пор не до конца отлажено взаимодействие, а чётких и единых правил попросту нет. Такие задержки серьёзно бьют по мотивации соискателей и в итоге сводят на нет эффективность тех самых льгот, которые для них же и предусмотрены законом.

Другим барьером выступает дефицит программ психологической адаптации. Ветераны специальной военной операции не всегда получают должной помощи в преодолении посттравматических стрессовых состояний, а также моральной поддержки, которая помогла бы им плавно перестроиться на мирную жизнь и работу.

Различие стилей управления и общения часто вызывает трудности в выстраивании личностных контактов. Жёсткая вертикаль и безоговорочная дисциплина в армии требует от ветерана выполнения чётких команд и

---

[4] См.: Ильин А.Ю., Мацаков А.В. Интеграция участников специальной военной операции в систему государственной гражданской службы // Правовой альманах. 2026. №1 (50). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-uchastnikov-spetsialnoy-voennoy-operatsii-v-sistemu-gosudarstvennoy-grazhdanskoy-sluzhby (дата обращения: 22.03.2026).

соблюдения специфичной субординации, в то время как в гражданских структурах царит более гибкая, неформальная атмосфера. В таких условиях нелегко найти свое место в коллективе, поэтому возникают напряжение, взаимное непонимание, открытые конфликты.

Создание специализированных кабинетов психологической разгрузки в государственных учреждениях представляется целесообразным. Регулярные тренинги по стрессоустойчивости и командообразованию помогут быстрее влиться в коллектив. Эти меры минимизируют риски профессионального выгорания и улучшат общий климат в организации[5].

Создание индивидуальных направлений профессионального роста для участников СВО должно учитывать характер их военной службы. Такие личностные навыки ветерана как умение вести за собой, сохранять самообладание в критических ситуациях и оперативно находить выход из трудных ситуаций, нуждаются в трансформации для использования на гражданской службе с помощью специализированных курсов. Персональные программы развития призваны способствовать адаптации военных компетенций к административной работе в государственных структурах.

Внедрение института наставничества и адаптационных программ способствует ускоренной интеграции участников СВО в гражданскую службу. Наставничество позволяет передавать опыт и знания от действующих государственных служащих новым сотрудникам из числа ветеранов. Адаптационные программы включают ознакомление со спецификой государственной службы, корпоративной культурой и служебными обязанностями[6].

В России реализуется несколько программ наставничества, направленных на поддержку участников и ветеранов СВО, их адаптацию к

---

[5] Организация работы с участниками специальной военной операции и членами их семей на базе учреждений социального обслуживания населения: методическое пособие для специалистов учреждений социального обслуживания населения. – Красноярск КГКУ «Ресурсно-методический центр системы социальной защиты населения», 2023. С. 67.

[6] См.: Кузнецов Б.Б. Кадровая политика в органах государственной власти: от теории к практике. М.: Наука. 2021.

гражданской жизни, профессиональное развитие и вовлечение в социальную деятельность.

Президентская программа «Время героев», учреждённая Владимиром Путиным, направлена на подготовку руководителей для органов государственной власти и госкорпораций из числа участников и ветеранов СВО. В рамках программы предусмотрено наставничество: за каждым участником закрепляется наставник из числа высокопоставленных лиц— представителей Администрации Президента, членов Правительства, глав регионов, генеральных директоров госкорпораций и других. Наставники делятся личным и управленческим опытом, помогают строить карьеру на госслужбе. Программа рассчитана на два-три года и более, включает стажировки в федеральных ведомствах и госкорпорациях.

В рамках её реализации в Оренбургской области реализуется кадровая программа «Герои Оренбуржья», показывающая как традиционное наставничество решает современные задачи, помогая героям найти себя в гражданской жизни и стать новыми лидерами для региона.

Программа «Хорошее дело», запущенная академией развития гражданского общества «Добрино» совместно с фондом «Защитники Отечества» при поддержке Совета Федерации. В ней участвуют бойцы СВО и члены их семей. На проекте наставники с опытом реализации социальных проектов рассказывают, как присоединиться к существующим или начать свои проекты.

В целях развития программ наставничества для участников СВО на всероссийском уровне целесообразно создать федеральную сеть центров наставничества, открыв региональные филиалы при поддержке фонда «Защитники Отечества»; внедрить наставничество в программы переподготовки и повышения квалификации; развивать корпоративное наставничество, стимулируя бизнес создавать программы наставничества через налоговые льготы; создать единую онлайн платформу для поиска наставников и подопечных, добавить функционал для онлайн консультаций, обмена опытом,

отслеживания прогресса.

Говоря об уровне субъектов РФ, региональные программы наставничества необходимо адаптировать федеральные инициативы под специфику региона, выделить квоты для участников СВО на ключевые должности с закреплением наставников; проводить ежегодные форумы наставников из разных регионов, а также размещать лучшие практики обучения через онлайн библиотеку кейсов.

Запуск межведомственных программ стажировок и ротации кадров создает новые возможности для профессионального развития участников СВО. Благодаря таким программам можно получить разносторонний опыт работы в разных государственных структурах. Применение временных переводов между ведомствами помогает формировать гибкость и адаптивность. Это также способствует укреплению связей между структурами и передаче эффективных наработок.

Построение системы контроля за эффективностью способов включения в мирную жизнь предусматривает плановую оценку используемых подходов. Создание единого информационного массива для наблюдения за карьерными траекториями участников СВО обеспечит объективность выводов. На основе накапливаемых данных можно будет вовремя корректировать программы поддержки. Постоянное улучшение способов работы позволит поднять результативность интеграционных процессов.

Таким образом, проведение специальной военной операции привело к появлению значительного числа ветеранов, обладающих уникальным опытом, ценностными ориентирами и выраженными лидерскими качествами. Интеграция участников СВО в систему государственного управления является важным процессом, способствующим укреплению государственности и повышению уровня гражданской активности.

Содержание административно-правового механизма обеспечения информационной безопасности органов государственной власти

Курзина Дарья Ильинична,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Национальная безопасность Российской Федерации существенным образом зависит от обеспечения информационной безопасности. В ходе технического прогресса с расширением использования современных информационных технологий эта зависимость усиливается. Следует отметить усиление внимания к информационной безопасности в государственном секторе. Государственный аппарат, ввиду важности возложенных на него общественных функций, объема концентрируемой там информации является одним из наиболее уязвимых сегментов с точки зрения обеспечения информационной безопасности. В данной статье рассматривается проблема содержания административно-правовых основ обеспечения информационной безопасности в государственных органах.

Ключевые слова: информационная безопасность, органы государственной власти, механизм обеспечения информационной безопасности, информационное поле, информационная культура.

Значимость информационной безопасности для государства обусловлена тем, что информационная сфера обеспечивает функционирование всех остальных сфер жизни общества и от правильного определения соответствующих угроз зависит адекватный выбор средств защиты от них.

Государственно-правовой механизм обеспечения информационной безопасности в органах государственной власти представляет собой систему правовых и организационных элементов, гарантирующих состояние защищенности информации, обрабатываемой органами государственной власти, в условиях обеспеченности гражданам Российской Федерации права на доступ к информации о деятельности органов государственной власти.

С учетом поставленных государством целей и задач в сфере информационного развития содержание административно-правового механизма обеспечения информационной безопасности органов государственной власти видится в следующем.

1. Выявление угроз информационной безопасности. На государственном уровне осуществляются мониторинг, анализ и оценка состояния информационной безопасности, применяются индикаторы оценки ее состояния. Именно систематическое изучение окружающего государственные структуры информационного пространства позволяет выделить границы их информационной безопасности.

2. Защита персональных данных и обеспечение конфиденциальности личной информации. Обязанность государства по обеспечению безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных закреплена в п. «м» ст. 72 Конституции России. Конституционное закрепление находят положения, которые определяют рамки для деятельности государства и организаций в сфере обработки личной информации, накладывая на них обязательства по соблюдению прав граждан (ст. 23, ст. 24, ст. 29 Конституции России).

Анализ нормативных положений позволяет выделить два направления: 1) обеспечение защиты персональных данных, тайны личной жизни должностных лиц государственных органов, осуществляющих в рамках своей профессиональной деятельности функционал по представлению интересов государства; 2) выделение исключительных ситуаций получения государственными органами в рамках их деятельности личных (конфиденциальных) данных граждан при строгом соблюдении баланса прав граждан и интересов национальной безопасности (в том числе информационной безопасности самого государственного элемента).

3. Контроль за обеспечением безопасности в сфере деятельности средств массовой информации и информационных ресурсов в сети Интернет. Неотрегулированность и бесконтрольность формирования информационных

потоков как со стороны государства, так и иных структур, например, тех же СМИ, может стать уязвимой точкой информационной безопасности для страны.

Запреты и ограничения, связанные с учреждением и владением средством массовой информации, призваны воспрепятствовать стратегическому влиянию и контролю над СМИ (вещательными организациями) со стороны лиц, имеющих иностранное гражданство. Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что информационная деятельность иностранных СМИ, как показывает практика, часто угрожает информационной безопасности государства, поэтому подобные ограничения являются конституционно допустимыми[1].

В связи с этим справедливо мнение А.Ю. Чурковой о том, что «в сфере современных медиа, где радио и телевидение все глубже интегрируются в мультимедийное пространство Интернета, необходимо предпринять усилия по совершенствованию технических и политических аспектов протоколов информационной безопасности. Такой подход обусловлен потребностью адаптации средств массовой информации к современным вызовам и рискам, с которыми они сталкиваются в информационном пространстве. Развивая и обновляя технические и политические меры в области информационной безопасности, средства массовой информации смогут более эффективно защищать и соблюдать национальные интересы в сфере информационной коммуникации»[2].

4. Привитие культуры безопасного пользования информационными ресурсами. Как отмечает И.Р Бегишев, «необходимо, чтобы все участники информационных процессов осознали необходимость и важность информационной безопасности для общества, учитывали факторы, которые создают угрозу безопасности, понимали свою ответственность и роль в

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 17.01.2019 № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 19.1 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» в связи с жалобой гражданина Е.Г. Финкельштейна» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 4. Ст. 359.

[2] Чурикова А.Ю. СМИ в контексте информационной безопасности. URL: https://sci-article.ru/stat.php?i=1723709082 (дата обращения: 12.02.2026).

обеспечении информационной безопасности и по необходимости принимали меры по повышению безопасности»[3]. Такой подход и составляет основу культуры информационной безопасности.

В Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации отражено понятие культуры информационной безопасности как совокупности сформированных знаний, умений и навыков по вопросам информационной безопасности, обеспечивающей безопасное пребывание гражданина в информационном пространстве[4].

Развитие культуры пользования информационными ресурсами, как профилактика нарушений в данной области, должно осуществляться как путем повышения уровня осведомленности самих работников государственных органов (в том числе технического персонала), так и путем проведения государственными структурами соответствующей разъяснительной работы среди населения.

5. Разработка технических условий информационной безопасности в государственных органах. В 2017 году был принят Федеральный закон от 26 июля 2017 года № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».

Обращение к ст. 1-2 данного нормативного правового акта позволяет сделать вывод, что его основные положения направлены на формирование правового механизма обеспечения безопасности функционирования информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей, автоматизированных системы управления, принадлежащих в том числе государственным органам, и функционирующих в различных сферах – промышленности, социальной, банковской, финансовой сферах, транспорта и т.

---

[3] Бегишев И.Р. Культура информационной безопасности: психолого-правовой аспект // Психология и право. 2021. Т. 11. № 4. С. 207–220.

[4] Распоряжение Правительства РФ от 22.12.2022 № 4088-р «Об утверждении Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 52. Ст. 9726.

д.[5]

Таким образом, государство в лице органов государственной власти всесторонне содействует защищенности национальных информационных систем.

6. Совершенствование кадровой политики в сфере информационных технологий. В Стратегии цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования, опубликованной в июле 2021 года, признается, что «в России доля сотрудников, чьи функции были непосредственно связаны с разработкой и применением цифровых технологий и инструментов... фактически в два раза меньше, чем в странах-лидерах: США – 3,8 %, ЕС – 3,7 %. Поэтому вопрос о необходимости подготовки и переобучения кадров под нужды нового технологического уклада стоит как никогда остро»[6].

На современном образовательном и технологичном уровне осуществляется специальная подготовка, переподготовка и повышение профессиональной квалификации лиц, обеспечивающих информационную безопасность, сотрудничество между государственными органами, учреждениями образования и отраслевыми предприятиями в подборе, подготовке и трудоустройстве таких кадров, интегрирование тематики информационной безопасности в образовательные программы всех уровней обучения[7]. Формируется государственный заказ на подготовку кадров. Таким образом, технологическому потенциалу государственных органов должен соответствовать надлежащий уровень подготовки работников указанных структур, как специализированных (технических), так и непосредственно, осуществляющих профильный функционал государственного органа.

---

[5] Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (в ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 4736.

[6] Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 06.01.2026).

[7] Постановление № 13-5.4 Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности «О проекте Концепции плана действий и инструментария в вопросах противодействия кибервызовам и угрозам» (Принято в г. Москве 30.11.2020) // Сайт Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности https://www.paodkb.ru/ (дата обращения: 09.02.2026).

7. Регламентация ответственности в сфере информационной безопасности. Деяния, причиняющие существенный вред правоохраняемым интересам в информационной сфере или создающие опасность его причинения, криминализируются в уголовном законе, а также в законодательстве об административных правонарушениях. Не меньшее значение для обеспечения безопасного функционирования государственных органов сегодня имеет регламентация дисциплинарной и гражданско-правовой ответственности в информационной сфере.

Таким образом, деятельность государственного аппарата, находящегося в эпицентре общественной жизни, нуждается в непрерывном обеспечении информационной безопасности в условиях цифровизации.

Административная ответственность как инструмент обеспечения законности в деятельности публичной власти: традиции научной школы МГЮА и современные тенденции правоприменения

Лошкарева Дарья Николаевна,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Заварза Виктория Юрьевна,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В настоящей статье рассматривается механизм достижения законности в деятельности публичной власти, который обеспечивается таким инструментом, как привлечение к административной ответственности должностных лиц и органов публичной власти. Подчёркивается основополагающая роль учёных МГЮА в становлении и развитии данного института. Представлены основные нормативные дефиниции, понимание которых позволяет раскрыть проблематику научной статьи. Указывается специфика составов правонарушений, совершаемых представителями власти. Описываются тенденции развития института административной ответственности.

Ключевые слова: административная ответственность, административное правонарушение, должностное лицо, орган публичной власти, либерализация, цифровизация, понимание административной ответственности в трудах научной школы МГЮА.

Законность в деятельности органов публичной власти является важнейшей составляющей функционирования демократического правового государства, что обуславливает существование целой системы гарантий её обеспечения. Одним из ключевых элементов этой системы является привлечение к административной ответственности должностных лиц и органов публичной власти за несоблюдение установленных законом норм

взаимодействия с различными субъектами в процессе реализации их должностных полномочий.

Изучение роли административной ответственности органов публичной власти невозможно без обращения к пониманию данной проблематики научной школой административного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Исследования основоположников заложили методологические основы понимания природы административных правонарушений в сфере государственного управления. Разработки научной школы МГЮА способствовали выделению административных правонарушений должностных лиц в отдельную категорию юридической ответственности. Кроме того, профессора МГЮА обосновали специфику правового статуса субъектов публичной власти при совершении служебных деликтов. Эволюция научных взглядов отразила динамику понимания признаков административных правонарушений в деятельности органов власти. Исследователи последовательно развивали критерии противоправности и виновности применительно к должностным лицам. Научные дискуссии способствовали уточнению объективной и субъективной сторон составов правонарушений. Современные подходы научной школы МГЮА к определению признаков правонарушений основываются на концепции специального субъекта ответственности. Б.В. Россинский — профессор кафедры административного права и процесса имени Л.Л. Попова Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) отмечает, что «к должностным лицам как субъектам административной ответственности относятся не только лица, занимающие государственные и муниципальные должности, и лица, выполняющие организационно распорядительные и административно хозяйственные функции в государственных и муниципальных учреждениях, но и руководители всех прочих организаций, а также другие работники, осуществляющие в них организационные или административно хозяйственные функции»[1].

[1] Россинский Б.В. Административная ответственность: учебное пособие – М.: Норма:

Современное правовое определение должностного лица как субъекта административной ответственности закреплено в статье 2.4 КоАП РФ. Согласно закону, «должностным лицом признается лицо, постоянно, временно или в соответствии со специальными полномочиями осуществляющее функции представителя власти». Ключевым признаком выступает выполнение организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных корпорациях. Важно отметить, что представленное легальное понятие по своей сущности является достаточно широким, что может вызывать проблемы при правоприменении. «Под должностным административным правоприменительным правонарушением, следует понимать противоправное, виновное действие (бездействие) должностного лица административно-публичного органа, совершенное им при осуществлении административной правоприменительной деятельности и состоящее в нарушении нормативно установленных требований к содержанию и порядку (процедурам) осуществления данной деятельности, за которое КоАП РФ или законом субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность»[2].

Закреплённые в законодательстве формальный статус должностного лица и данное определение его противоправного деяния, не в полной мере отражает сложность реализации административной ответственности на практике. Особый правовой статус государственных служащих предопределяет специфику механизмов привлечения их к административной ответственности. Законодательство устанавливает особый порядок подведомственности дел в отношении данной категории лиц, предполагающий рассмотрение административных правонарушений преимущественно судебными органами. Сложность доказывания вины обусловлена необходимостью установления

ИНФРА М, 2026. С.59.

[2] Ярковой С.В. Должностные административные правонарушения, совершаемые при осуществлении административной правоприменительной деятельности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 2. С. 40.

связи между противоправным деянием и осуществлением служебных полномочий. Помимо необходимости четкого определения субъекта в системе юридической ответственности органов публичной власти, важно учитывать его специфику. Она выражается в широком перечне иммунитетов, которыми обладают отдельные категории должностных лиц. Данная особенность существенно затрудняет привлечение их к ответственности на практике, что создает предпосылки для формирования у таких лиц ощущения безнаказанности в ходе осуществления профессиональной деятельности. Квалифицирующие признаки административных правонарушений должностных лиц зависят от их служебного статуса и полномочий. «Важным отличием является, то, что государственный служащий выступает должностным лицом только в тех случаях, когда он совершает деяние, за которое привлекается к административной ответственности вследствие исполнения служебных обязанностей»[3].

Особенность таких правонарушений заключается в связи между противоправным деянием и использованием властных полномочий, что непосредственно отражено в КоАП РФ. Правонарушения в публичном управлении представляют повышенную общественную опасность, подрывая законность и доверие граждан к власти. Это требует применения специальных мер административного воздействия для восстановления публичных интересов и совершенствования механизмов их пресечения и профилактики. Помимо этого, административная ответственность органов публичной власти имеет процессуальные особенности, связанные с их публично-правовым статусом и организационной структурой. Это проявляется в порядке привлечения к ответственности, учитывающем коллегиальность и распределение компетенций. В действительности, сложно привлечь к ответственности за «системные сбои» в работе органа власти, когда нет конкретного виновного лица. Процедурные механизмы требуют особого подхода к доказыванию

[3] Шевелев И.В. Особенности правонарушения, предусматривающего административную ответственность государственного служащего за ненадлежащие исполнение обязанностей // Вестник науки. 2022. № 9 С. 54.

противоправности действий, в связи с чем требуется разработка специальных критериев для установления виновности коллективного субъекта, отличных от традиционных для физических лиц. К таким критериям можно отнести возможность соблюдения норм, но отсутствие действий по предотвращению или устранению нарушения; связь между действиями органа и наступившими последствиями; наличие документального подтверждения нарушения; учёт особенностей коллективного принятия решений. Таким образом, уместно предложить дополнить статью 2.1 КоАП РФ примечанием, раскрывающим понятие «вины юридического лица публичного права» (органа власти). Вина может выражаться в непринятии всех зависящих мер по соблюдению норм, даже если конкретный служащий не установлен. Это стимулирует руководителей к наведению порядка в системе.

В современных реалиях институт административной ответственности подвергается развитию под влиянием такой тенденции, как цифровизация. Цифровизация административного процесса существенно трансформирует механизмы фиксации правонарушений, совершаемых должностными лицами. «В условиях стремительного развития технологий цифровизация стала одной из ключевых составляющих модернизации государственного управления»[4].

Внедрение электронных систем документооборота, средств автоматической видеофиксации и онлайн-платформ обеспечивает оперативность выявления противоправных действий. Объективность документирования повышается за счёт минимизации человеческого фактора при первичной регистрации правонарушений. На практике появляются проблемы: вопрос юридической значимости электронных документов, до сих пор существует «недоверие» к электронной подписи, отсутствие единых стандартов, нехватка квалифицированных кадров, а именно цифровая некомпетентность. Также актуальной является проблема межведомственного взаимодействия, поскольку возникает несогласованность действий, отсутствие

[4] Гонтарь Н.Н. Особенности и проблемы цифровизации муниципального управления в российской федерации на современном этапе развития государства // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: экономика и право, 2025. № 4. С.34.

единого информационного обмена, что тормозит работу должностных лиц и тем самым передавая друг другу информацию, органы пытаются уйти от ответственности. Для этого стоит ввести ответственность за нарушение межведомственного взаимодействия. А именно, дополнить статью 5.59 КоАП РФ (нарушение порядка рассмотрения обращений) частью, устанавливающей ответственность за необоснованное перенаправление обращения, если у органа была возможность получить сведения через СМЭВ. Ввести новую статью 5.63.1 КоАП РФ - «Нарушение требований о предоставлении информации в рамках межведомственного электронного взаимодействия». Это заставит должностных лиц оперативно и полно отвечать на запросы по СМЭВ, а не отписываться. Вместе с тем одной из проблем, связанных с цифровизацией, является то, что органы власти не спешат переходить к проактивному (беззаявительному) оказанию услуг, так как это требует дополнительных усилий. Для того, чтобы эту проблему исключить, необходимо дополнить статью 5.63 КоАП РФ (нарушение порядка предоставления госуслуг) положением о том, что непредоставление услуги в проактивном режиме при наличии для этого технической и правовой возможности (например, данные уже есть в реестре) является основанием для привлечения к ответственности должностного лица.

Таким образом, административная ответственность выступает действенным инструментом обеспечения законности в деятельности публичной власти, что подтверждается фундаментальными разработками научной школы МГЮА. Классические труды подчеркивают воспитательную природу административных санкций, направленных на предупреждение правонарушений со стороны должностных лиц. Данный подход сохраняет актуальность, формируя теоретическую основу для современных правовых механизмов контроля за законностью управленческих решений, которые всё чаще подвергаются изменениям под влиянием различных тенденций развития, из которых ведущей, безусловно, является цифровизация.

Защита прав граждан в условиях автоматизации принятия административных актов

Петрищева Дарья Александровна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Эта статья посвящена проблемам защиты прав граждан при автоматизации принятия административных актов. Проанализирована сущность автоматизированного административного акта, виды автоматизации, а также систематизированы основные риски для прав граждан. Рассмотрены административный и судебный порядки защиты, выявляются сложности определения субъекта ответственности и доказывания. Обоснована необходимость адаптации институтов административного права для баланса эффективности цифрового управления и гарантий прав личности.

Ключевые слова: автоматизированный административный акт, защита прав граждан, полная и частичная автоматизация принятия административных актов, ответственность публичной администрации, административный порядок обжалования, судебный контроль.

Автоматизация властных предписаний порождает фундаментальное противоречие. С одной стороны, она обещает повышение эффективности, скорости и беспристрастности управления. С другой стороны, она создает беспрецедентные риски для прав граждан. В этих условиях ключевое значение приобретает поиск механизмов защиты прав личности, нарушенных в результате работы автоматизированных систем. В связи с этим, актуальность приобретает тезис о том, что цифровые управленческие продукты подлежат соотнесению с классическими формами публичного управления, что позволит применять принцип ответственности и в условиях осуществления публичного управления с использованием цифровых технологий[1].

[1] См.: Васильева А.Ф. Принцип ответственности публичной администрации в условиях цифровизации // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. № 4. С. 61-84.

Понятие и сущность «автоматизированного административного акта». Согласно Постановлению Межпарламентской ассамблеи государств СНГ от 28 октября 2022 года № 54-28 «О модельном законе «Об административных процедурах», административный акт может приниматься в автоматическом режиме в случаях, когда для его принятия не требуется реализация административного усмотрения[2]. Простыми словами, можно объяснить сущность автоматизированного административного акта, как принимаемого и документируемого в электронной форме юридически значимого решения посредством использования алгоритмов, программно-аппаратных комплексов без непосредственного участия должностного лица в процессе оценки фактических обстоятельств и выбора правовых последствий.

Говоря о соотношении с актом принятым человеком, нужно отметить, что, с одной стороны, мы имеем дело с классической юридической фикцией, которая заключается в том, что мы «приписываем» результат работы алгоритма органу власти. С другой стороны, мы наблюдаем формирование новой правовой реальности, в которой автоматизированный акт меняет саму природу административного производства. Субъектом принятия решения становится результат работы программного кода, воля человека заменяется алгоритмом. Изменяется и процедура доказывания, ведь в классическом акте чиновник оценивает доказательства, по внутреннему убеждению, а в автоматизированном – доказательства сопоставляются с базой строго по заданной формуле.

Виды автоматизации. Наивысшим уровнем автоматизации является полностью автоматизированное принятие решений, представляющее собой действие, при которых анализ данных, формирование и принятие решения осуществляется без какого-либо содержательного человеческого участия. Показательным примером выступают камеры видео-фиксации правонарушений. Под частично автоматизированным принятием решений понимаются действия, в которых любая технология оказывает значительное

[2] СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.01.2026).

содействие человеку при принятии решений, при этом окончательное решение принимает только человек, либо оно осуществляется под его контролем.

Гарантия обеспечения прав граждан при автоматизированном принятии решений. Автоматизация принятия административных актов несет в себе не только очевидные преимущества, но и целый комплекс угроз для прав и законных интересов граждан:

1) Риски на этапе разработки программного обеспечения. Первый риск связан с феноменом «черного ящика» – парадоксальной ситуацией, при которой решение исходит от государственного органа или должностного лица, однако его содержательная основа формируются программным комплексом, внутренние механизмы которого могут оставаться неясными даже для его создателей[3]. Это делает невозможной проверку обоснованности административного акта, что вступает в противоречие с обязанностью административного органа мотивировать принятое решение. Второй риск – это заложенные в программный код ошибки. Алгоритмы обучаются на огромном количестве данных, которые могут содержать исторически сложившиеся предубеждения или необъективно отражать реальность, следственно, принятый такими алгоритмами административный акт, может дискриминировать граждан по признакам, не имеющим юридического значения. Третий риск – использование некачественных, неполных исходных данных. Даже если автоматизированная система технически совершенна, она может оперировать недостоверными сведениями и итоговое решение будет ошибочным.

2) Риски на этапе применения. Первыми можно выделить технические сбои, ведь любые очевидные события (отказы оборудования, ошибки передачи данных и т. д.) могут привести к недопустимости услуги, утрате данных либо вынесению ошибочных решений. Ключевым риском автоматизации можно

---

[3] См.: Саудаханов М.В. Конституционно-процессуальные гарантии в условиях алгоритмизации публичной власти: проблема «черного ящика» и механизмы его преодоления в российской правовой системе // КиберЛенинка: [сайт]. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-protsessualnye-garantii-v-usloviyah algoritmizatsii-publichnoy-vlasti-problema-chernogo-yaschika (дата обращения: 19.03.2026).

выделить невозможность учесть индивидуальные обстоятельства дела. Третьим риском будет усугубление проблемы «цифрового неравенства», так как реализация прав граждан в условиях автоматизации предполагает наличие у них равного доступа к цифровым технологиям, однако значительная часть населения могут не обладать такими возможностями.

3) Риски, нарушения фундаментальных прав. Если обобщать изложенные выше риски, необходимо выделить их проекцию на фундаментальные права и свободы человека. Так, например, отсутствие объяснимости алгоритма делает затруднительным, а иногда и невозможным, обжалование административного акта в суде, ведь гражданин не может представить суду убедительные доводы относительно ошибок решения, если логика принятия недоступна. Так же право на защиту персональных данных приобретает особое значение, ведь при обработке огромного массива данных создается риск несанкционированного доступа, утечек, а также использование в целях, не соответствующим первоначальным. Не менее важным является и риск нарушения «презумпции невиновности», ведь бремя доказывания невиновности фактически перекладывается на гражданина, при это алгоритм, как правило, наделяется «презумпцией достоверности».

Механизмы защиты прав граждан и пути совершенствования правового регулирования. Действующее законодательство предлагает два основных порядка обжалования – административный и судебный, однако специфика автоматизированных решений требует адаптации традиционных процедур и выработки правовых инструментов, способных обеспечить баланс между технологической эффективностью и гарантиями прав личности.

Административный порядок защиты, правовую основу которого составляет выступает первичным и наиболее оперативным способом восстановления нарушенных прав. Применительно к автоматизированным актам, хоть гражданин и может обжаловать сам факт вынесения решения, ссылаясь на его ошибочность и необоснованность, однако проблема состоит в том, что невозможно установить субъекта ответственности. Эта проблему

удастся решить только, прописав в законодательстве субъектов ответственности по данным ошибкам в системе.

Относительно защиты персональных граждан можно отметить, что из-за сложности и новизны проблем, требуется создание специализированного института защиты прав граждан. В мировой практике распространена концепция специализированных уполномоченных по цифровым правам граждан или расширения полномочий классический омбудсменов на цифровую среду. Уполномоченный по правам человека Российской Федерации Т.Н. Москалькова активно выступает за развитие механизмов защиты цифровых прав: «Сегодня во всем мире наблюдается рост хищений персональных данных, жертвами становятся миллионы людей. Мы просим органы государственной власти усилить меры для того, чтобы обеспечивались права человека на охрану личного пространства индивида, на защиту личной и семейной тайны, тайны о его состоянии здоровья, тайны о взаимосвязях[4]. Это можно расценивать как готовность работать в данном направлении.

При оспаривании автоматизированного акта в судебном порядке так же возникают сложности. Основная сложность заключается в непрозрачности алгоритмов, что существенным образом осложняет процесс оспаривания гражданами принятых на их основе решений[5]. В связи с этим в доктрине ставится вопрос о необходимости обеспечения права граждан на объяснение алгоритмических решений[6].

При рассмотрении таких дел суды должны учитывать, что отсутствие вины органов и лиц, наделенных публичными полномочиями, не является основанием для отказа в удовлетворении административного иска. Суды исходят из того, что хоть властный орган и передал часть полномочии

---

[4] Москалькова призвала усиливать меры по защите персональных данных / подгот. редакцией сайта ТАСС // ТАСС: информационное агентство России. — Москва, 2025. 23 октября. — URL: https://tass.ru/ekonomika/25431175 (дата обращения: 19.03.2026).

[5] См.: Пибаев И., Симонова С. Алгоритмы в механизме реализации конституционных прав и свобод: вызовы цифровой эпохи // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6 (139). С. 31 - 50, 35.

[6] Там же. С. 39.

информационной системе, это не освобождает его от ответственности за правомерность реализации возложенной на него публичной функции. Следовательно, бремя доказывания корректности работы алгоритма должно возлагаться на административный орган, который обязан обеспечить надлежащее функционирование используемых им информационных систем.

Автоматизация неизбежна, но требует пересмотра классических институтов административного права. Ключевым направление здесь будет – поиск баланса между скоростью, эффективностью и гарантиями прав личности.

Биометрическая идентификация и цифровой профиль иностранного гражданина: новые административные процедуры и ответственность за их нарушение

Русакова Ульяна Алексеевна,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В данной статье проанализированы основные правовые реформы миграционной сферы, изменения российского законодательства в области административной ответственности за нарушение миграционных норм. Раскрыто содержание понятий «биометрическая идентификация» и «цифровой профиль иностранного гражданина». Изучена роль органов исполнительной власти в реализации проекта. Приведены различные взгляды экспертов на цифровые инновации. На основании исследования сделан вывод о необходимости внедрения в Российской Федерации новых технологий, затрагивающих статус иностранных граждан.

Ключевые слова: административное право, иностранный гражданин, биометрические данные, цифровизация, цифровой профиль мигранта, административная ответственность, биометрическая идентификация.

В современном мире в эпоху цифровой модернизации нельзя не затронуть трансформацию административного права. Являясь одной из отраслей права, сопряженной с государственным управлением, оно должно соответствовать действительному состоянию государственной системы Российской Федерации, а также отвечать интересам различных субъектов правоотношений. К ним относятся и иностранные граждане. Несмотря на геополитическую ситуацию утверждать о неактуальности темы миграции неверно. Анализ официальных статистических данных Единой межведомственной информационно-статистической системы в 2025 году показал, что граждане иностранных государств совершили около 15,6 млн. поездок в РФ[1]. Однако посещение России и нахождение на ее территории не

[1] Газета «Коммерсантъ»: Въезд иностранцев в Россию в 2025 году: 15,6 млн. поездок,

должны причинять вред национальным интересам, в связи с этим становится важной регламентация административных процедур въезда и пребывания.

Одним из ключевых аспектов обеспечения безопасности служит метод биометрической идентификации иностранных граждан, то есть специальной системы распознавания с помощью биометрических данных. Согласно части 1 статьи 11 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» биометрические данные представляют собой сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность[2]. Порядок такого учета установлен для граждан стран с безвизовым режимом пребывания:

- с конца 2024 года во исполнении Постановления Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2024 года № 1510 «О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» проводятся экспериментальные этапы по принудительной сдаче биометрических данных (фото, дактилоскопия) у въезжающих иностранных граждан в аэропортах Шереметьево, Домодедово, Внуково и Жуковский, а также в автомобильном грузо-пассажирском пункте пропуска Маштаково в Оренбургской области. Обязательная биометрическая регистрация не предусмотрена: для граждан Беларуси, сотрудников иностранных дипломатических миссий и членов их семей, детей младше 6 лет и других закрепленных в правовом акте лиц;[3]

- после принятия Федерального закона 8 августа 2024 года «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты

ужесточение миграционной политики. URL: https://www.kommersant.ru/daily?from=burger (дата обращения: 07.03.2026).

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»// Российская газета. 2006. № 165.

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 07.11.2024 № 1510 «О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 47. Ст. 7114.

Российской Федерации» № 303 купить российскую сим-карту иностранный гражданин может только после регистрации в Единой биометрической системе[4], представляющей собой государственную информационную платформу, на которой хранятся биометрические данные граждан с их согласия[5].

Сбор биометрических данных иностранных граждан является неотъемлемой частью формирования цифрового профиля иностранного гражданина, базирующегося на положениях Указа Президента РФ от 9 июля 2025 № 467 «О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина». Согласно Указу цифровой профиль иностранного гражданина выступает в качестве государственного информационного ресурса, содержащим сведения об иностранных гражданах, въезжающих в Российскую Федерацию, выезжающих из Российской Федерации, пребывающих (проживающих) в Российской Федерации, с целью формирования полной, достоверной и актуальной информации для оценки миграционной ситуации в Российской Федерации, выработки и реализации мер, направленных на регулирование миграционных процессов на территории Российской Федерации[6]. Обеспечение создания такого информационного ресурса возложено на органы Министерства внутренних дел Российской Федерации. В реализации проекта также будут принимать участие Федеральная служба безопасности, Министерство иностранных дел, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, Федеральная налоговая служба и другие федеральные органы исполнительной власти. Вовлеченность множества

---

[4] Федеральный закон от 08.08.2024 № 303-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Парламентская газета. 2024. № 30.

[5] Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Российская газета. 2023. № 1.

[6] Указ Президента РФ от 09.07.2025 № 467 «О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина»»// Собрание законодательства РФ. 2025. № 28. Ст. 3955.

структур обусловлена широтой сведений, которые будут внесены в цифровой профиль: сведения о пересечении государственной границы РФ иностранными гражданами в пунктах пропуска; сведения о выделенных иностранным гражданам абонентских номерах; сведения о наличии (отсутствии) задолженности налогового счета и иные. С целью оперативной интеграции установлен предельный срок реформы, а именно до 30 июня 2026 года в России должна быть создана такая информационная платформа.

Вследствие адаптации миграционного законодательства к новациям в Кодекс об административных правонарушениях были внесены соответствующие изменения, затрагивающие предоставление биометрических данных. Так, статья 13.11.3 КоАП РФ закрепляет разнообразные составы административных правонарушений:

- нарушение установленных законодательством РФ требований о размещении и обновлении организациями биометрических персональных данных субъекта персональных данных в государственной информационной системе «ЕБС» (часть 1 статьи 13.11.3);

- нарушение порядка обработки биометрических персональных данных в единой биометрической системе (часть 2 статьи 13.11.3);

- непринятие организационных и технических мер по обеспечению безопасности биометрических персональных данных при их обработке в единой биометрической системе, ее взаимодействии с иными информационными системами (часть 3 статьи 13.11.3);

- обработка биометрических персональных данных для аутентификации физических лиц в информационных системах государственных органов, организаций без аккредитации либо если аккредитация приостановлена или прекращена (часть 4 статьи 13.11.3).

За совершение таких противоправных действий следует наложение административного штрафа, размер которого дифференцирован в зависимости от степени причиненного вреда и субъекта административной ответственности. Пределы варьируются от минимального (сто тысяч рублей) до максимального

(два миллиона рублей)[7].

Относительно введения обязательной процедуры биометрической идентификации и создания цифрового профиля иностранного гражданина сложились неоднозначные мнения.

Председатель Следственного Комитета РФ – А.И. Бастрыкин отмечает, что такая практика обязательного сбора биометрических данных поможет правоохранителям эффективнее выявлять и пресекать правонарушения и преступления мигрантов, поскольку по результатам проведенного эксперимента по сбору биометрических данных в аэропортах и автомобильном грузопассажирском пункте пропуска удалось выявить 11000 человек, которые находились в розыске, либо им был закрыт въезд[8].

Многие из экспертов считают, что «цифровой профиль» упростит процедуры въезда и пребывания иностранных граждан в отношении оформления различных документов. Так, руководитель Федерального агентства по делам национальностей России И.В. Баринов сказал, что цифровой профиль мигранта необходимо ввести, чтобы человек, решивший приехать на работу в Россию, еще в стране исхода начал заполнять этот профиль[9].

Однако политолог Н.Н. Севостьянов предположил, что внедрение цифрового профиля решит лишь часть проблем с нелегальной миграцией, потому что въезжающий может указать в профиле любую цель деятельности в РФ, но в действительности это не отслеживается.

Наиболее верным представляется утверждение адвоката Ш.Б. Бетрозова, который подчеркивает: цифровой профиль не заменит классический паспорт гражданина иностранного государства, а станет дополнительным механизмом, действующим в рамках российского правового поля[10].

---

[7] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256.

[8] Новостной портал «РБК»: национальная безопасность: нужно ли собирать биометрию у мигрантов. URL: https://nsk.rbc.ru/ (дата обращения: 09.03.2026).

[9] Информационное агенство Tass.ru: ФАДН считают необходимым ввести цифровой профиль мигранта. URL: https://tass.ru/obschestvo/21803879 (дата обращения: 09.03.2026).

[10] Новостной портал «Известия»: что такое цифровой профиль мигранта. URL: https://iz.ru/

Интересными видятся предложения, направленные на усовершенствование информационного ресурса. Ряд ученых предлагают предусмотреть «рейтинговый лист», который будет распределять соответствующие баллы, исходя из различной информации о мигранте (например, превышение определенного срока пребывания, совершение правонарушений и др.). Акцентируется внимание на том, что введение такой системы учета будет влиять на возможность приобретения или утраты права на проживание на территории Российской Федерации, принятие решения о выдворении указанного лица, размер штрафа, срок закрытия въезда[11].

Таким образом, инкорпорирование в сферу административной деятельности цифровых инструментов, среди которых особое место занимают биометрическая идентификация и цифровой профиль иностранного гражданина, неизбежно. Современный технологический прогресс открывает новые горизонты для людей, поэтому право и система законодательства, выступая структурными элементами любого цивилизованного общества, должны неуклонно следовать за веяниями цифровой революции, используя их для обеспечения безопасности и облегчения жизни каждого человека.

(дата обращения: 09.03.2026).

[11] См.: Ковалишина К.В., Евсикова Е.В. Цифровой профиль мигранта: особенности и перспективы развития // Аграрное и земельное право. 2024. № 8 (236). С. 110-112.

Искусственный интеллект как инструмент управления: изменение функционала и компетенций государственного служащего

Слинченко Полина Сергеевна,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: В статье рассматривается искусственный интеллект как инструмент трансформации системы государственного управления. Анализируются изменения функций государственных служащих в условиях цифровизации и внедрения интеллектуальных технологий. Особое внимание уделяется перераспределению задач между человеком и алгоритмическими системами, а также усилению роли аналитической и стратегической деятельности. Исследуются новые требования к профессиональным компетенциям государственных служащих, включая цифровую грамотность и навыки работы с данными. Анализируется значимость комплексного подхода к внедрению ИИ в государственном управлении.

Ключевые слова: искусственный интеллект, государственное управление, цифровизация, компетенции, государственный служащий, цифровая ответственность.

В условиях стремительного развития цифровых технологий искусственный интеллект (ИИ) становится одним из ключевых факторов трансформации системы государственного управления. Его внедрение в управленческие процессы открывает новые возможности для повышения эффективности принятия решений, оптимизации административных процедур и улучшения качества государственных услуг. Вместе с тем использование ИИ существенно меняет содержание профессиональной деятельности государственных служащих, предъявляя новые требования к их знаниям, навыкам и компетенциям.

Актуальность темы обусловлена тем, что успешная интеграция искусственного интеллекта в систему государственного управления требует не только технологической готовности, но и институциональной адаптации

кадрового состава. Недостаточный уровень цифровой грамотности, отсутствие навыков работы с данными и понимания принципов функционирования ИИ могут стать существенными барьерами на пути цифровой трансформации.

Внедрение ИИ приводит к существенным изменениям в функциональной структуре деятельности государственных служащих. Государство, обладая обширным объемом данных о различных аспектах социальной и экономической жизни, нацелено на использование этих данных для эффективного управления ресурсами и решения социально-экономических задач. В данном контексте ИИ выступает как инструмент, позволяющий автоматизировать сложные процессы и оптимизировать принятие решений в реальном времени[1].

Примером является внедрение Платформы обратной связи (ПОС) в Республике Алтай[2]. Ранее обращения граждан обрабатывались вручную: регистрировались на бумаге, распределялись между исполнителями и контролировались сотрудниками. После внедрения ПОС процесс стал цифровым: обращения подаются через портал «Госуслуги. Решаем вместе», мобильное приложение или сайты органов власти, автоматически регистрируются, направляются ответственным лицам и контролируются системой. Аналогичные функции реализует система «Обращения граждан» на платформе Docsvision, автоматизирующая приём и обработку обращений из разных каналов.

Более того, внедрение искусственного интеллекта в систему государственного управления способствует существенному снижению бюрократических издержек. Одним из наглядных примеров является использование чат-ботов и виртуальных помощников. На портале «Госуслуги» работает цифровой помощник «Макс» — ИИ-ассистент, который умеет понимать сложные запросы пользователей и давать понятные ответы.

---

[1] См.: Брычеев А.С. Государственное управление и искусственный интеллект: новые возможности для малого и среднего бизнеса // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № 5. — URL: https://esj.today/PDF/31FAVN524.pdf (дата обращения: 17.03.2026).

[2] Автоматизация обращений граждан в органах государственной власти // AcademicJournal. 2023. — URL: https://academicjournal.ru/images/PDF/2023/75/avtomatizatsiya-obrashchenij.pdf (дата обращения: 17.03.2026).

С ноября 2025 года в систему документооборота Аппарата Правительства РФ внедрен ИИ. Система автоматически распознает документы, в том числе и рукописные, формирует краткое содержание, а также предлагает проекты ответов на них на основе контекста. В свою очередь, и Федеральная налоговая служба (ФНС) с июля 2025 года внедряет в свою работу отечественную платформу Puzzle RPA с интегрированным ИИ-модулем.

Таким образом, использование искусственного интеллекта в государственном управлении не только оптимизирует административные процессы и снижает нагрузку на государственных служащих, но и существенно повышает скорость, качество и доступность государственных услуг: работа ведомств становится быстрее и точнее, а для граждан это означает более простое получение справок и документов и практически полное отсутствие ожидания ответа от государственных органов.

Однако наряду с очевидными преимуществами большинство исследователей отмечают, что использование ИИ в государственном управлении сопровождается и рядом новых вызовов[3]: его внедрение связано с появлением сложных технологических решений, увеличением объема должностных функций государственных служащих, расширением «цифровых» обязанностей, а также возникновением определённых цифровых рисков.

К числу новых обязанностей относятся: контроль корректности работы алгоритмов и результатов автоматизированной обработки данных; анализ и интерпретация информации, полученной с использованием ИИ; обеспечение защиты персональных данных и информационной безопасности; участие во внедрении и сопровождении цифровых платформ; а также принятие окончательных управленческих решений с учетом рекомендаций интеллектуальных систем. Важной задачей становится предотвращение ошибок и недопущение дискриминационных или некорректных решений, сформированных алгоритмами.

---

[3] См.: Катанандов С.Л., Ковалев А.А. Искусственный интеллект в государственном управлении: анализ состояния и перспективы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy (дата обращения: 17.03.2026).

Кроме того, государственные служащие обязаны обеспечивать законность применения ИИ. В частности, в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных»[4] они несут административную и гражданско-правовую ответственность за правомерную обработку персональных данных граждан, в том числе с использованием автоматизированных систем.

Искусственный интеллект существенно меняет содержание профессиональной деятельности государственных служащих, предъявляя новые требования к их знаниям, навыкам и компетенциям[5]. Важным аспектом становится необходимость соответствующей подготовки кадров. Эффективная работа с интеллектуальными системами требует не только базовой цифровой грамотности, но и специализированных знаний в области анализа данных, работы с алгоритмами и понимания принципов функционирования ИИ. В связи с этим недостаточный уровень подготовки государственных служащих выступает одной из ключевых проблем цифровой трансформации.

Вместе с тем данная проблема постепенно решается за счёт внедрения образовательных программ и повышения квалификации. Так, реализуется программа профессиональной переподготовки «Специалист по работе с системами искусственного интеллекта в органах государственной власти», направленная на формирование навыков использования нейросетей для обработки больших данных, автоматизации административных задач и оптимизации управленческих решений. Кроме того, предлагаются курсы повышения квалификации, например, «Искусственный интеллект для государственных служащих: тексты, документы, визуал», ориентированные на практическое применение ИИ для оптимизации повседневной работы.

---

[4] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 24.06.2025) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www. pravo. gov. ru (дата обращения: 17.03.2026).

[5] Развитие цифровых компетенций и цифровой грамотности государственных служащих в условиях цифровой модернизации // CyberLeninka. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-tsifrovyh-kompetentsiy-i-tsifrovoy-gramotnosti-gosudarstvennyh-sluzhaschih-v-usloviyah-tsifrovoy-modernizatsii/viewer (дата обращения 17.03.2026)

Представляется обоснованным дополнение законодательства новыми квалификационными требованиями. На мой взгляд, соответствующие изменения следует закрепить непосредственно Федеральном законе от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»[6], дополнив его нормой следующего содержания: «помимо требований к образованию и стажу, необходимо обязательное наличие цифровых компетенций, в том числе навыков работы с системами искусственного интеллекта, понимания принципов их функционирования, ограничений и рисков, а также способности проверять и критически оценивать получаемые результаты».

Таким образом, внедрение искусственного интеллекта существенно трансформирует функционал и компетенции государственного служащего. С одной стороны, использование ИИ облегчает выполнение многих задач, автоматизирует рутинные процессы, повышает скорость и удобство работы, а также позволяет сосредоточиться на более сложных аналитических и управленческих функциях. С другой стороны, на государственных служащих возлагается повышенная ответственность за результаты работы интеллектуальных систем, включая контроль их корректности, законности и безопасности. Кроме того, эффективная деятельность в условиях цифровизации требует от них новых компетенций — владения современными технологиями, навыков работы с данными и понимания принципов функционирования ИИ.

Современный государственный служащий выступает не только исполнителем, но и квалифицированным пользователем и контролёром интеллектуальных систем, что определяет необходимость постоянного профессионального развития в условиях цифровой трансформации управления.

---

[6] Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 28.12.2025) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www. pravo. gov. ru) (дата обращения: 17.03.2026).

Особенности доказывания по делам об оспаривании решений контрольно-надзорных органов, вынесенных на основе данных автоматизированных информационных систем

Фетисова А.А.
студент Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД РФ, г. Москва

Астахова С.В.
студент Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД РФ, г. Москва

Аннотация: В статье анализируются актуальные проблемы доказывания в административном судопроизводстве при оспаривании решений контрольно-надзорных органов, принятых с использованием автоматизированных информационных систем. Рассматриваются вопросы распределения бремени доказывания, правового статуса «машинных данных» как судебных доказательств, а также предлагаются пути совершенствования правового регулирования в данной сфере с учетом новейших разъяснений Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: административное судопроизводство, доказывание, контрольно-надзорные органы, автоматизированные информационные системы, цифровые доказательства, риск-ориентированный подход, публичная администрация.

Цифровая трансформация государственного управления, включая реформу контрольно-надзорной деятельности, привела к широкому внедрению автоматизированных информационных систем (АИС) в деятельность контрольных (надзорных) органов. В соответствии с Федеральным законом от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Закон № 248-ФЗ) значительная часть решений может приниматься с использованием таких систем[1]. Однако, когда такие решения становятся предметом судебного

[1] п. 3 ст. 16, ст. 21 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном

оспаривания, возникают серьезные правовые и технологические сложности, связанные с доказыванием их законности и обоснованности. Актуальность темы обусловлена необходимостью адаптации традиционных институтов административного процесса к реалиям цифровой экономики и формированию единой модели данных в сфере государственного контроля, что ставит перед правовой наукой и практикой новые вызовы[2].

Основная проблема доказывания по данной категории дел заключается в трансформации классической модели, закрепленной в ст. 62 Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ). Согласно ч. 2 ст. 62 КАС РФ, обязанность доказывания законности оспариваемого решения возлагается на орган или лицо, которые его приняли. В «цифровой» реальности контрольно-надзорный орган зачастую не может дать содержательного объяснения тому, каким образом АИС приняла решение, ограничиваясь констатацией факта: «решение вынесено автоматически на основании данных информационной системы». Это порождает конфликт между формальным подходом (автоматизированное решение считается законным) и реальной возможностью суда проверить все обстоятельства дела.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 28 июня 2022 года № 21 разъяснил, что решения, принятые, в том числе, в автоматическом режиме, могут быть оспорены в суде[3]. Однако разъяснения о порядке проверки таких решений, о том, какие доказательства должны представлять стороны, отсутствуют. Это создает правовую неопределенность.

Ключевой проблемой является определение правового статуса сведений, полученных из АИС, в качестве судебных доказательств. Согласно ст. 59 КАС

контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 5007.

[2] Липень А.В. Информатизация государственного контроля (надзора): в поисках вектора административно-правового регулирования // NB: Административное право и практика администрирования. 2024. № 3. С. 30-42.

[3] п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2022. 8 июля.

РФ, доказательствами являются полученные в установленном порядке сведения о фактах. Данные из АИС (логи (журналы) аудита, сведения из единых реестров, программный код алгоритма расчета риска и т. п.) не вписываются в традиционную классификацию, установленную ст. 59 КАС РФ (объяснения сторон, письменные, вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи). На практике они рассматриваются либо как письменные доказательства (если распечатаны), либо как «иные документы». Однако для их полноценной проверки суду необходимы специальные знания, что ставит вопрос о применении ст. 77.1 КАС РФ (участие специалиста) и ст. 77 КАС РФ (назначение экспертизы).

Второй важный аспект — это распределение бремени доказывания по делам об оспаривании «автоматизированных» решений. Закон № 248-ФЗ в ст. 23 вводит понятие «индикаторы риска нарушения обязательных требований», которые с высокой степенью вероятности свидетельствуют о наличии нарушений[4]. Формально индикатор риска не является нарушением, но служит основанием для проведения внепланового контрольного (надзорного) мероприятия. В судебном процессе контролируемый истец, оспаривая решение, вынесенное на основе сработавшего индикатора, часто не имеет доступа к исходным данным алгоритма, методологии его расчета, которые могут составлять охраняемую законом тайну. В таких случаях суд должен активно использовать свои полномочия по истребованию доказательств, предусмотренные ст. 63 КАС РФ. Однако на практике суды не всегда это делают, что нарушает принцип состязательности и равенства сторон.

Третья проблема связана с необходимостью привлечения специальных знаний для оценки достоверности и корректности работы АИС. Как отмечает А.В. Липень, в условиях цифровой трансформации «новые инструменты контроля, особенно дистанционного, должны получать нормативное

[4] ст. 23 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 5007.

закрепление и другой уровень правовых гарантий»[5]. Для проверки законности «автоматизированного» решения суду может потребоваться не только заключение эксперта в области информационных технологий, но и участие специалиста, который может дать пояснения о принципах работы АИС, добросовестности ее алгоритмов и корректности ввода исходных данных.

Преодоление указанных трудностей видится в реализации комплекса взаимосвязанных мер. Как обоснованно отмечает С.М. Зубарев, ключевой риск цифровизации государственного управления кроется в отсутствии единой нормативной базы применения цифровых технологий, что порождает противоречивую практику[6]. В контексте доказывания по делам об оспаривании «автоматизированных» решений это означает необходимость легализации в процессуальном законе особого вида доказательств — данных из автоматизированных информационных систем. Следуя логике Е.В. Трофимова, цифровая трансформация правосудия требует отказа от «производных» документов (распечаток) в пользу прямого обращения суда к авторизованным данным государственных информационных систем[7].

Целесообразно, чтобы Пленум Верховного Суда РФ дал разъяснения, согласно которым к числу доказательств по данной категории дел относятся: сведения о версии программного обеспечения, журналы (логи) аудита работы АИС, а также данные об алгоритме расчета и применяемых индикаторах риска. Формализация контрольно-надзорных процедур в цифровой среде не должна приводить к снижению уровня судебной проверки, в связи с этим важно закрепить обязанность контрольно-надзорных органов предоставлять в суд указанные «логи» работы системы, подтверждающие корректность ввода

---

[5] Липень А.В. Указ. соч.

[6] См.: Зубарев С.М., Иванов А.В. Социально-политические риски цифровизации и их влияние на государственное управление // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27. № 4. С. 84.

[7] См., например: Трофимов Е.В. Административное судопроизводство и экономика данных // NB: Административное право и практика администрирования. 2025. № 3. С. 24-37.

данных и отсутствие технических сбоев[8]. Такая обязанность может быть прямо закреплена в ч. 2 ст. 62 КАС РФ.

Кроме того, по делам об оспаривании «автоматизированных» решений участие специалиста в области информационных технологий (ст. 77.1 КАС РФ) должно становиться не правом, а обязанностью суда в тех случаях, когда для оценки представленных доказательств требуются специальные познания. Это позволит дать квалифицированную оценку «машинным данным» и обеспечить полноту судебного исследования, о необходимости чего пишут И.В. Понкин и другие исследователи концепции машиночитаемого права[9].

Таким образом, эффективное судебное оспаривание «автоматизированных» решений контрольно-надзорных органов возможно только при условии адаптации традиционных институтов доказывания к цифровым реалиям. Это требует как совершенствования процессуального законодательства (в том числе введения в КАС РФ понятия «электронные доказательства»), так и выработки единообразной судебной практики. Заданный Стратегией цифровой трансформации до 2030 года вектор на централизацию данных и внедрение единой модели контроля делает решение обозначенных проблем особенно актуальным[10].

---

[8]См.: Агамагомедова С.А. Государственный контроль и надзор в условиях цифровизации экономики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского 2020. № 3. С. 80.

[9] См.: Понкин И.В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в РегТехе, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Т. 8. № 9. С. 59-69.

[10] Распоряжение Правительства РФ от 16.03.2024 № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.01.2026).

Бланкетность норм права об административной ответственности

Хабурзания Иракли Леонидович,
студент Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

Аннотация: Данная работа посвящена изучению феномена бланкетности норм, устанавливающих административную ответственность в российском праве. Значительная часть диспозиций норм в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) имеет отсылочный (бланкетный) характер и предполагает обращение к иным нормативно-правовым актам для установления содержания и характеристики запрещенного деяния. В данной работе исследуется юридическая природа бланкетных норм, их функциональное значение в системе административно-правовой ответственности. Также изучению подвергаются причинно-следственные связи, возникающие при столь широком использовании бланкетной техники в регулировании административной ответственности. В представленной работе делается вывод о необходимости и способах законодательной техники и формулирования критериев, которые позволяют говорить о допустимой или чрезмерной степени бланкетности тех или иных норм об административной ответственности в целях обеспечения баланса между гибкостью регулирования и законностью таких норм.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, бланкетная норма, диспозиция, стратегия, административное правонарушение, Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации.

Современное правовое регулирование общественных отношений характеризуется высокой степенью динамизма, что сопровождается усложнением их регулирования. Законодательная власть стремится не только разрабатывать различные нормы, направленные на регулирование таких усложняющихся отношений, особенно в области административно-правовых нарушений, но и пытается привести их в единообразное и кодифицированное

состояние. Именно для достижения такой цели и использует бланкетный принцип построения нормативно-правовых актов. Забегая вперед, важно сделать оговорку о том, что в рамках данной работы понятия бланкетные и отсылочные нормы рассматриваются как синонимичные и обозначают те нормы, которые построены так, что для формулирования административно-правового предписания необходимо использование содержательных частей иных нормативно-правовых актов. И с одной стороны, использование такой техники очевидно: «Бланкетное изложение текста того или иного нормативного документа довольно широко используется и считается оправданным с позиции практического правоприменения» [1], однако, как отмечает Н.В. Макарейко: «Закрепление бланкетных норм законодательства об административных правонарушениях сопровождается определенными дефектами»[2]. Проблема того, что подавляющее большинство норм строится по принципу бланкетности вытекает из анализа самого Кодекса. Так, в Общей части КоАП РФ закреплена ст. 3.5, которая определяет административный штраф как «...денежное взыскание, выражается в рублях и взыскивается в размере, не превышающем пять тысяч рублей…»[3]. И далее следует перечень статей, которые «выпадают» из этого правила и являются исключениями. Однако перечень этих норм настолько огромен, что создается своего рода «ловушка неопределенности» как для правонарушителя, так и для самого правоприменителя.

Важно обратить внимание на ст. 3.14 КоАП РФ, которая устанавливает административный запрет на посещение спортивных мероприятий. Кодекс определяет такую меру как «...временный запрет гражданину на посещение таких мест в дни проведения официальных спортивных соревнований и

---

[1] Труфанов М.Е. Бланкетность норм административного права учебное пособие, [для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России] / М.Е. Труфанов; Краснодар. ун-т МВД России. — Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. С. 60.

[2] Макарейко Н.В. Бланкетные нормы законодательства об административных правонарушениях // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 2. С. 61.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.10.2025) // Парламентская газета. 2002. № 2-5.

устанавливается за нарушение правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований». И правила, упоминаемые в этой статье, определяются Постановлением Правительства РФ от 16 декабря 2013 года № 1156 «Об утверждении Правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований»[4]. То есть здесь можно увидеть, как законодатель «отдает на откуп» определение правил поведения на таких мероприятиях органу исполнительной власти. Подобная проблема также прослеживается и в области охраны окружающей среды. Почти вся глава 8 КоАП РФ строится на нормах, основанных на бланкетном принципе. Например, ст. 8.24 КоАП РФ устанавливает санкцию за нарушение порядка предоставления гражданам, юридическим лицам лесов для их использования. И для правильной квалификации деяния и назначения соответствующей санкции за совершение такового данная норма отсылает к главам 2 и 6 Лесного Кодекса РФ. Далее, ст. 8.3 Кодекса устанавливает санкцию за нарушение правил обращения с пестицидами и агрохимикатами. И вместе с тем регулирование этих самых правил осуществляется целым рядом нормативно-правовых актов, принимаемых различными органами государственной власти.

Из приведенных примеров следует, что современное законодательство об административных правонарушениях характеризуется усложнением правового регулирования и активным применением бланкетного принципа в построении норм. С одной стороны, такой метод позволяет обеспечивать системность правового регулирования, объединяя нормы различных отраслей в целях регулирования тех или иных отношений. Но, с другой стороны, такая техника имеет и существенные недостатки, к числу которых можно отнести снижение определенности правового регулирования.

Современная законодательная практика требует пересмотра степени допустимости использование такой бланкетной техники, чтобы сохранить баланс между гибкостью права и его предсказуемостью. Но какие критерии необходимо установить для того, чтобы установить такую допустимость?

[4] Российская газета. 2013. № 286.

Какие методы можно обеспечить в целях обеспечения такого «золотого баланса»? Для начала важно сказать о том, что для обеспечения соответствия фундаментальным принципам законности и справедливости, а также поддержания оптимального соотношения между гибкостью регулирования и правовой определенностью норм необходимо обеспечить идентификацию конкретизирующего источника, то есть закон, содержащий бланкетную норму или совокупность таких норм, должен не просто допускать оговорку «иные нормативно-правовые акты», а устанавливать конкретный вид этого акта, отмечать обязательность (приоритетность) этого акта при возникновении коллизии при квалификации административного деяния. Вместе с тем важно отметить, что с помощью бланкетной нормы, как отмечает Ф.Г. Кипарисов: «...выстраиваются важные коммуникационные каналы связи между нормативно-правовыми актами одинаковой и различной юридической силы»[5], то есть необходимо подчеркнуть критерий обеспеченности ясной связи между диспозицией нормы, в которой содержится часть, отсылающая к другим актам, и самими этими конкретизирующими актами. Акт, на который отсылает норма, должен быть прямо связан по смыслу с этой самой диспозицией, то есть отношение между, своего рода, «нормой-законодателем» и уточняющим актом должно быть логически выстроена. Если такая связь разорвана, то создается риск недопустимости и получается, что в данном случае отсылочная норма является «мертвой». В дополнение к этому необходимым критерием обеспечения разумного использования бланкетного механизма является критерий кодифицированности и обозримости содержания нормы. Идеей такого критерия является то, что все упомянутые акты должны быть доступны адресату без чрезмерного поиска, а также то, что отсылочные акты, на которые опирается бланкетная норма, не должны содержать в себе акты, отсылающие к иным документам, что порождает своего рода «каскадность» отсылок и «размывает» принцип правовой определенности.

---

[5] Кипарисов Ф.Г. Понятие бланкетных норм права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. №. 2. С. 166-169.

Но, если главной задачей ставим приведение к единообразию системы норм об административных правонарушениях, то важно придать такой системе обязательную силу. На данный момент решение такой проблемы носит доктринальный характер, в силу чего такие меры не реализуются, а проблема становится все более и более актуальной, поскольку общественные отношения, как отмечалось выше, являются достаточно динамичным элементом, что только «расширяет» такую проблему. В связи с этим такой комплекс мер должен носить обязательный, юридически оформленный характер. Однако здесь возникает вопрос: как можно придать такой системе юридически обязательный характер? Проведение такой масштабной работы требует большого количества времени, поэтому наиболее эффективным представляет разработка акта, которая содержит в себе стратегию развития законодательства, в частности, законодательства об административных правонарушениях. Более того, использование такого метода, во-первых, может носить межотраслевой характер, то есть решение вопросов не только административного права, но и иных отраслей, имеющих схожую проблему. Во-вторых, в такой стратегии возможно аккумулировать позиции различных исследователей, направленных на совершенствование законодательной системы. В-третьих, стратегия — это не просто «декларация», она носит долгосрочный и практический характер. Это способ, который имеет свои предмет, конкретные цели, а также сроки реализации и ответственных лиц за реализацию такого плана. Также необходимо отметить, что с точки зрения формально-юридической конструкции стратегия должна быть закреплена в виде нормативного акта федерального уровня, аналогично действующим стратегиям и концепциям в иных сферах правового регулирования (например, Указ Президента РФ от 9 мая 2017 года «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на период с 2017 - 2030 годы»[6]). Это позволит придать документу общеобязательный характер и включить его положения в систему государственного планирования нормотворческой деятельности. В структуре

[6] СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: consultant.ru (дата обращения: 12.02.2026).

стратегии по совершенствованию законодательства целесообразно предусмотреть специальный раздел, направленный на повышение качества нормотворчества, в котором должен быть закреплен ряд направлений. К их числу относится в первую очередь разработка критериев допустимости бланкетных норм, включая принципы конкретизации источника, одноступенчатости отсылки, обозримости и логической согласованности. Далее важной составляющей является создание методики правовой экспертизы проектов нормативных актов на предмет избыточной бланкетности. Также необходимо формирование системы мониторинга качества законодательства, в том числе проведение ежегодных докладов ответственным субъектом. Важна вместе с тем разработка типовых правил законодательной техники, закрепляющих пределы и формы допустимого использования отсылочных конструкций. Эти положения должны быть закреплены в виде государственного плана мероприятий по реализации стратегии, что обеспечит их обязательность для всех субъектов правотворчества.

Таким образом, описанная концепция совершенствования законодательства об административных правонарушениях представляет собой комплексный подход к реформированию правовой системы. Основная идея заключается в переходе от фрагментарного внесения изменений в нормативные акты к стратегическому, системно выстроенному планированию нормотворческой деятельности. Наличие чётко определённых целей, сроков и ответственных субъектов придаст стратегическому процессу совершенствования законодательства управляемый и контролируемый характер, что соответствует современным принципам государственного регулирования. Включение в стратегию специальных механизмов повышения качества правотворчества создает практические инструменты для устранения избыточной бланкетности и повышения прозрачности законодательства.

Трансформация института административной ответственности: от классической теории (И.А. Галаган) к риско-ориентированному подходу и «умному» контролю

Радченко Валерия Николаевна,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Шевченко Дарья Владимировна,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Статья анализирует трансформацию института административной ответственности от классической модели И.А. Галагана к современным риско-ориентированным практикам в условиях цифровизации. Исследуется внедрение концепции «умного» контроля, основанного на предиктивной аналитике и больших данных, что позволяет перейти от тотального надзора к адресной профилактике правонарушений. На примере деятельности Роспотребнадзора и Роструда демонстрируется рост эффективности выявления нарушений при сокращении плановых проверок благодаря нормативному закреплению риск-менеджмента. Вместе с тем выявляются проблемы методологии оценки рисков и необходимости баланса между оперативностью контроля и гарантиями прав субъектов.

Ключевые слова: административная ответственность, риско-ориентированный подход, «умный» контроль, цифровизация государственного управления, профилактика правонарушений, классическая модель административной ответственности.

Классическая модель И.А. Галагана, сформированная в середине XX века, базируется на принципах объективного вменения и строгой формализации составов правонарушений. Однако её методологический аппарат демонстрирует ограниченное применение в современных условиях, где преобладают нелинейные риски, требующие превентивного регулирования и ситуационной гибкости. Жёсткие рамки формальной определённости

затрудняют адекватную реакцию на новые формы административных деликтов в цифровой среде и креативных секторах экономики.

Эволюция института проявляется в переходе от статичной системы административного принуждения к динамичной модели, интегрирующей оценку вероятностных рисков с инструментами «умного» контроля. Эта трансформация выражается в дифференциации мер воздействия, внедрении превентивных chek-up систем, то есть регулярных профилактических проверок субъектов (компаний, организаций, индивидуальных предпринимателей) с акцентом не на наказание за нарушения, а на их предупреждение[1], и использовании больших данных[2] для прогнозирования правонарушений. Подобные новации повышают адаптивность правового регулирования, позволяя оптимизировать ресурсы контролирующих органов без снижения эффективности надзора.

Концепция административной ответственности И.А. Галагана основывается на системном понимании её роли в государственном управлении. Учёный рассматривал данный институт как механизм обеспечения публичного порядка через призму государственного принуждения. В его работах подчёркивается взаимосвязь административных санкций с задачами защиты общественных интересов. Такой подход позволил сформировать целостное видение административной ответственности в системе правового регулирования.

Классическая модель административной ответственности, разработанная И.А. Галаганом, базируется на принципе объективного вменения, где решающее значение приобретает сам факт совершения правонарушения[3]. Данный подход минимизирует значение субъективной стороны деяния, акцентируя внимание на формальном соответствии действий нормативным

---

[1] Стандарт комплексной профилактики нарушений обязательных требований (утв. протоколом заседания проектного комитета) от 12.09.2017 № 61(11). – Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282091/ (дата обращения: 22.03.2026).

[2] См.: Амбарцумов Р.А. Правовое регулирование технологии «БиГдата» в Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2019. № 4.

[3] См.: Базылев Б.Т. Сущность санкций в советском праве // Правоведение. 1976. № 5. С. 35.

предписаниям. Такой механизм обеспечивал унификацию правоприменительной практики, но одновременно ограничивал возможность учёта индивидуальных обстоятельств дела. Доминирование формальных критериев создавало предпосылки для автоматизированного привлечения к ответственности без глубокого анализа причинно-следственных связей.

Жесткий формализм классической модели административной ответственности И.А. Галагана ограничивает адаптацию к быстро меняющимся общественным отношениям. Принцип объективного вменения, сосредоточенный на формальных признаках правонарушения, затрудняет квалификацию новых деликтов в цифровой среде и не учитывает динамику экономических и технологических изменений. Это создает дисбаланс между традиционными административно-правовыми инструментами и потребностями правоприменительной практики.

Нормативная переориентация административной ответственности на принципы риск-менеджмента получила законодательное закрепление в Федеральном законе от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»[4]. Данный нормативный акт ввел дифференциацию проверочных мероприятий по категориям риска, что позволило оптимизировать распределение контрольных ресурсов. Ключевым нововведением стало установление критериев отнесения объектов контроля к определенным классам опасности. Такой подход создал правовые основания для применения профилактических мер вместо традиционных карательных санкций.

Еще одним важным нормативно-правовым актом является федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»[5]. Он устанавливает, государственная и муниципальная

---

[4] Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля(надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ. 2008. №52(ч.1). Ст. 6249.

[5] Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и

контрольная деятельность производится в соответствии с риск-ориентированным подходом. Следует также обратить внимание на подзаконные акты, ключевым из которых является Постановление Правительства РФ от 17 августа 2016 года № 806 «О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора)»[6]. В данном постановлении закреплен перечень видов федерального государственного контроля, в отношении которых применяется риск-ориентированный подход.

На основе доктринальных положений В.В. Летуновского[7], сущность «умного» контроля заключается в переходе от сплошного надзора к выборочному мониторингу объектов с повышенными рисками. Данный подход базируется на применении предиктивных аналитических моделей, позволяющих прогнозировать потенциальные нарушения. Такой метод существенно снижает административную нагрузку на контролирующие органы, концентрируя ресурсы на наиболее проблемных участках. Ключевым преимуществом становится повышение эффективности контрольной деятельности за счет рационального распределения усилий[8].

К основным принципам «умного» контроля относится, во-первых, риск-ориентированный подход, который означает, что частота проверок и используемые ресурсы должны быть пропорциональны уровню риска причинения вреда охраняемым законом ценностям; во-вторых, избирательность. Суть данного принципа состоит в том, что для обеспечения необходимого уровня безопасности охраняемых законом ценностей нужно использовать, если это допустимо, рыночные механизмы, опору на частный

муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. №31(ч.1). Ст. 5007.

[6] Постановление Правительства Российской Федерации от 17.08.2016 № 806 «О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля(надзора)» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 35. Ст. 5326.

[7] См.: Летуновский В.В. От сплошного надзора к умному контролю // Государственная служба. 2020. №3(125). С. 6.

[8] См.: Набиулина О.О. Актуальные проблемы совершенствования контрольно-надзорной деятельности органов публичной власти // Экономика и социум. 2025. № 4. С. 4.

сектор и гражданское общество; и, наконец, в-третьих, создание условий для достижения обоюдной выгоды государства и подконтрольных субъектов, стимулирующих их добровольно принимать на себя исполнение повышенных требований, способствующих минимизации риска причинения вреда охраняемым законом ценностям.

Инструментарий «умного» контроля включает автоматизированные системы риск-ранжирования, оценивающие субъекты контроля по совокупности параметров. Блокчейн-реестры нарушений обеспечивают прозрачность и неизменность данных о правонарушениях, формируя единую информационную базу. Онлайн-платформы превентивного информирования позволяют доводить до субъектов требования законодательства в режиме реального времени. Комплексное применение этих инструментов создает условия для профилактики нарушений и снижения административных рисков.

Анализ правоприменительной деятельности контрольно-надзорных органов Российской Федерации, в частности Роспотребнадзора и Роструда, свидетельствует о позитивной динамике в реализации риско-ориентированного подхода[9]. Статистические данные последних лет фиксируют сокращение общего количества плановых проверок субъектов предпринимательства на 25-30% при одновременном увеличении доли внеплановых мероприятий в высокорисковых сегментах экономики.

Этот явление отражает переход от тотального контроля к адресному регулированию, что соответствует принципам «умного» надзора.

Применение риск-ориентированных моделей позволило повысить эффективность выявления критических нарушений в сфере трудовых отношений и потребительского рынка на 15-20%[10] по сравнению с классическими методами контроля.

Внедрение современных подходов выявило системные проблемы, такие

[9] См.: Газиев Э.А., Азизова Е.А. Риск-ориентированный подход в контрольно-надзорной деятельности // Вестник евразийской науки. 2025. № 1. С. 6.

[10] Распоряжение Правительства от 05.06.2015 № 1028-Р «Концепция повышения эффективности обеспечения соблюдения трудового законодательства и иных нормативно-правовых актов, содержащих нормы трудового права» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 25. Ст. 3508.

как недостаточная методология оценки рисков и дисбалансы из-за избыточной цифровизации. Необходимо найти оптимальное соотношение между эффективностью «умного» контроля и правами субъектов административной ответственности. Это требует осмысления для минимизации правоприменительных коллизий.

Перспективы развития института связаны с улучшением риск-ориентированной метрики через интеграцию искусственного интеллекта для прогнозирования правонарушений и оптимизации контроля. Закрепление принципов пропорциональности и персонализации санкций повысит легитимность и эффективность «умного» контроля.

Предлагается внедрение персонализированных инспекционных чек-листов и использование цифровых двойников для моделирования последствий бездействия. Эти меры помогут создать сбалансированную систему административной ответственности, соответствующую требованиям правового государства.

Административно-правовая охрана окружающей среды в нефтегазодобывающих регионах (на примере Оренбургской области)

Яшина Юлия Викторовна,
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Аннотация: Настоящая статья посвящена исследованию вопросов административно-правовой охраны окружающей среды на примере деятельности нефтегазодобывающих предприятий Оренбургской области. В работе подробно описаны виды административных наказаний, предусмотренные за первичные и повторные нарушения в данной области. Анализируется соотношение федерального и регионального законодательства, касающегося административно-правовой охраны экологии. Приводятся актуальные примеры судебной практики, рассматривается компетенция государственных органов по контролю и надзору за соблюдением нормативных требований.

Ключевые слова: нефтегазовая отрасль, правонарушение, административный штраф, административное приостановление деятельности, административно-правовая охрана окружающей среды.

Оренбургская область богата энергетическими ресурсами и полезными ископаемыми, добыча, переработка и транспортировка которых порой оказывают неблагоприятное воздействие на окружающую среду. Нефтегазовая отрасль является ведущей и наиболее развитой, что подтверждается большой протяжённостью месторождений по области. Вместе с тем, производственный процесс полон значительных рисков, таких как загрязнение почвы, грунтовых вод, атмосферного воздуха, сопровождающиеся разливами нефти, вымиранием редких видов животных, выбросами вредных веществ вследствие сжигания попутного нефтяного газа. К числу самых известных и крупных предприятий в сфере энергетики, как правило, относятся АО «Оренбургнефть», ООО «Газпром добыча Оренбург», ПАО «Орскнефтеоргсинтез», ООО «Газпром

нефть Оренбург». Соответственно, именно вышеперечисленные промышленные организации непосредственно оказывают превалирующее влияние на экологическую обстановку регионов области.

В связи с этим огромное значение приобретает законодательное урегулирование вопросов охраны окружающей среды как на федеральном, так и на региональном уровнях и создание правовых механизмов для привлечения к ответственности правонарушителей. Административная ответственность признаётся эффективным средством предотвращения и пресечения нарушений, а также основным инструментом повышения правовой культуры субъектов хозяйственной деятельности. Краеугольным камнем правового регулирования, безусловно, являются федеральные законы: КоАП РФ (ст. 7.3, 8.21, 8.50 и др.); Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»[1]; Федеральный закон от 4 мая 1999 года № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха»[2]; Закон РФ от 21 февраля 1992 года № 2395-1 «О недрах»[3].

Однако несмотря на то, что федеральное законодательство имеет приоритетное значение перед региональным, субъекты РФ также правомочны принимать собственные нормативные правовые акты, конкретизирующие и детализирующие содержание федеральных законов, тем самым, формируя дополнительные гарантии экологической безопасности. В Оренбургской области действуют, к примеру, Постановление Правительства Оренбургской области от 25 декабря 2018 года № 892-пп «Об утверждении государственной программы «Охрана окружающей среды Оренбургской области» (на 2021–2030 гг.)[4], Закон от 25 октября 2019 года № 1822/476-VI-ОЗ «Об отдельных вопросах в области охраны окружающей среды, организации, охраны и использования особо охраняемых природных территорий областного и местного значения,

[1] Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
[2] Федеральный закон от 04.05.1999 № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2222.
[3] Российская газета. 1992. № 102.
[4] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru. — 29 декабря 2018 года. Номер опубликования: 5600201812290007.

находящихся на территории Оренбургской области»[5], Постановление Правительства Оренбургской области от 8 ноября 2016 года № 794-п «О региональном государственном экологическом надзоре»[6].

С 1 января 2022 года была введена в действие Федеральным законом «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 21.12.2021 № 419-ФЗ»[7] статья 8.50 КоАП РФ, предусматривающая ответственность за нарушение требований по предупреждению и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов.

Неутверждение плана предупреждения и ликвидации разливов нефти, нефтепродуктов, равно как и предоставление сведений, содержащих заведомо недостоверную информацию в нём, отсутствие собственных или полученных на основании договора средств готовности, аварийно-спасательных служб влечёт за собой наложение штрафа на должностных лиц в размере от 10 тыс. до 30 тыс. рублей; на индивидуальных предпринимателей - от 30 тыс. до 50 тыс. рублей; на юридических лиц - от 100 тыс. до 300 тыс. рублей[8].

В случае повторного нарушения части 1 настоящей статьи размер административного штрафа увеличивается и составляет для должностных лиц от 30 тыс. до 60 тыс. рублей; для индивидуальных предпринимателей - от 60 тыс. до 80 тыс. рублей либо административное приостановление деятельности на срок до 90 суток; для юридических лиц - от 300 тыс. до 500 тыс. рублей либо административное приостановление деятельности на срок до 90 суток.

Кроме этого, частью 3 ст. 8.50 закреплено, что несообщение факта разлива нефти, нефтепродуктов наказуемо административным штрафом: для должностных лиц в размере от 20 тыс. до 50 тыс. рублей; для индивидуальных предпринимателей - от 50 тыс. до 100 тыс. рублей; для юридических лиц - от 150 тыс. до 500 тыс. рублей. Если же подобное происходит не в первый раз, то

[5] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru. — 25 октября 2019 года. Номер опубликования: 5600201910250021.
[6] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru. — 10 ноября 2016 года. Номер опубликования: 5600201611100012.
[7] Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (ч. 1). Ст. 8978.
[8] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1, (ч. 1). Ст. 1.

ч.3 настоящей статьи предусматривает штраф в размере от 50 тыс. до 100 тыс. рублей для должностных лиц; от 100 тыс. до 200 тыс. рублей либо административное приостановление деятельности на срок до 90 суток для индивидуальных предпринимателей; от 500 тыс. до 1 миллиона рублей либо административное приостановление деятельности на срок до 90 суток для юридических лиц.

Так, например: в марте 2025 г. произошёл разлив нефти, в результате которого, было загрязнено свыше 16 тыс. кв. метров почвы. Сорочинская межрайонная прокуратура обратилась в суд с иском о взыскании штрафа. В конечном итоге, на основании постановления прокурора организация была привлечена к административной ответственности и стала обязанной провести рекультивацию земель[9].

Административная ответственность по ст. 8.21 КоАП РФ наступает за нарушение правил охраны атмосферного воздуха. Так, за выброс вредных веществ в атмосферный воздух, а также вредное воздействие на него без наличия специального разрешения взыскивается штраф с граждан в размере от 2000 до 2500 рублей; с должностных лиц — от 40 тыс. до 50 тыс. рублей; с юридических лиц — от 180 тыс. до 250 тыс. рублей или приостанавливается деятельность до 90 суток.

Также, в 2025 году в г. Бузулуке был превышен предельно допустимый уровень сероводорода, что стало основанием для привлечения к административной ответственности должностных лиц по ст. 6.3, 8.1, 8.45, 8.5 КоАП РФ.

Более того, нарушение обязанностей по использованию недр порождает административную ответственность в соответствии со ст.7.3 КоАП РФ. Отсутствие лицензии на пользование недрами влечёт штраф в размере от 3 тыс. до 5 тыс. рублей на граждан; на должностных лиц — от 30 тыс. до 50 тыс. рублей; на юридических лиц — от 800 тыс. до 1 миллиона рублей. Нарушение

[9] В Оренбуржье взыщут 64 млн. рублей с компании за разлив нефти. /ТАСС/. URL: https://tass.ru/obschestvo/25142311 (дата обращения: 24.09.2025).

условий и требований, предписанных лицензией, также наказуемо: предусмотрен штраф с граждан в размере от 2 тыс. до 3 тыс. рублей; с должностных лиц — от 20 тыс. до 40 тыс. рублей; с юридических лиц — от 300 тыс. до 500 тыс. рублей.

Нет сомнений, что без надлежащего контроля за исполнением законодательства невозможно достичь намеченных целей, именно поэтому отдельное внимание следует уделить рассмотрению компетенций государственных органов, занимающихся мониторингом деятельности нефтегазовых предприятий. Министерство природы и экологии Оренбургской области осуществляет общий надзор за состоянием окружающей среды, организует проверки по соблюдению нормативных требований. Подведомственные ему учреждения производят заборы проб воды, почвы, воздуха для исследования степени загрязнённости. Управление Росприроднадзора по Оренбургской области проводит государственный экологический контроль, проверяет организации на предмет следования техническим регламентам, а также уполномочено выносить предписания и привлекать к ответственности. Природоохранная прокуратура Оренбургской области инициирует расследования в связи с обнаружением экологических правонарушений и возбуждает по ним дела. Роспотребнадзор даёт оценку санитарии питьевой воды, воздуха населенных пунктов, расположенных рядом с месторождениями. Государственная инспекция по маломерным судам МЧС России отслеживает случаи выброса нефтепродуктов в реки, озера, контролирует плавание судов.

Административная ответственность играет ключевую роль в обеспечении благосостояния окружающей среды в регионах с нефтегазодобывающими промыслами. Повышение размеров штрафных взысканий, внедрение цифровых технологий надзора, закупка нового оборудования, развитие общественного контроля, наращивание регионального законодательства позволят минимизировать количество нарушений и создать безопасную среду.